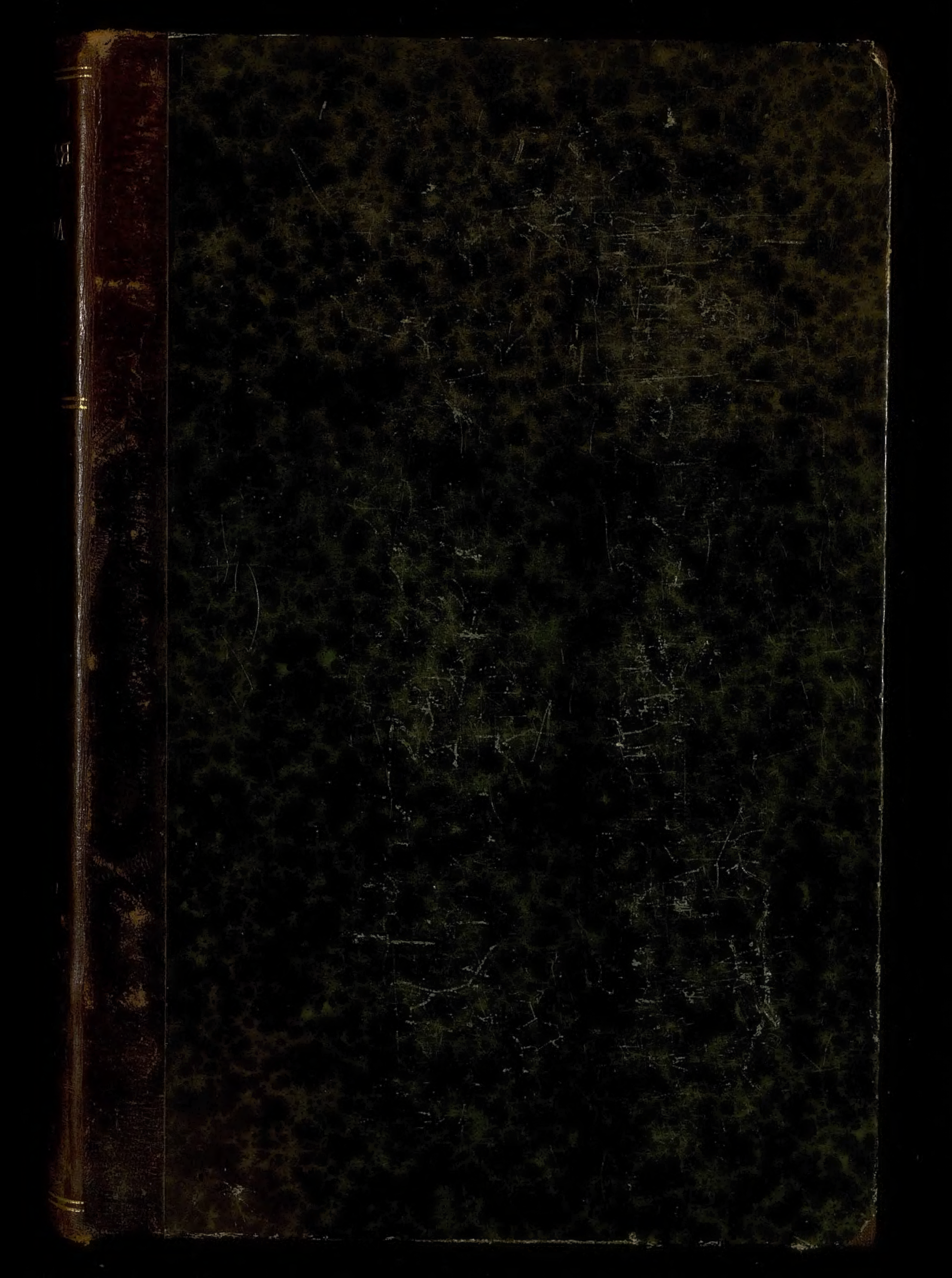
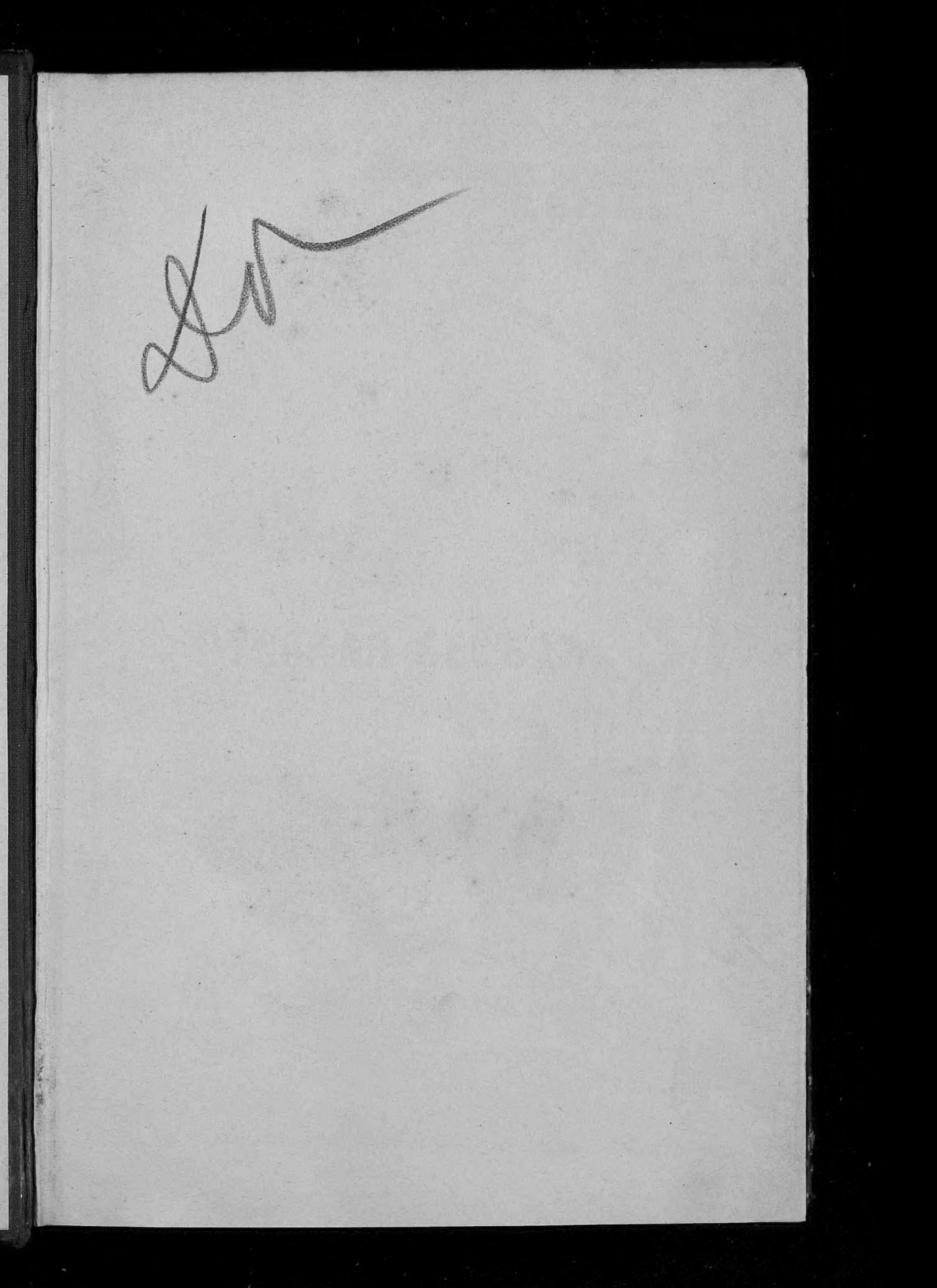




РУССКАЯ БЕСѢДА.

РУССКАЯ БЕСѢДА

МОСКВА.

Помяните одно: только кòренью основанье крѣпко, то и древо неподвижно; только кòренья не будетъ, къ чему прилѣпиться?
Окруж. Грам. Москвы. (Акты Арх. Экс. Т. II. стр. 298).

1856.

IV.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Декабря 20 дня 1856 года.

Цензоръ Н. Фонъ-Крузе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЖИЗНЕОПИСАНІЯ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ТЕАТРАЛЬНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

Благодаря трудамъ нашихъ библіографовъ и біографовъ, трудамъ, принимаемымъ читающею публикою съ видимымъ участіемъ, мы имѣемъ теперь довольно важныхъ свѣдѣній о писателяхъ второстепенныхъ, которые начинали приходить у насъ въ забвеніе потому, что они имѣли достоинства, относительныя къ своему времени. Кромѣ того, что всѣ такія біографическія свѣдѣнія и розысканія любопытны, полезны и даже необходимы, какъ матеріалъ для исторіи нашей литературы, — въ этомъ вниманіи, въ этихъ знакахъ уваженія къ памяти второстепенныхъ писателей, выражается чувство благодарности, чувство справедливости къ людямъ, болѣе или менѣе даровитымъ, но не отмѣченнымъ такимъ яркимъ талантомъ, который, оставя блестящій слѣдъ за собою, долго не приходитъ въ забвеніе между потомками. Писатели второстепенные приготовляютъ поприще для писателей первоклассныхъ, для великихъ писателей, которые не могли бы явиться, еслибъ предшествующіе имъ литературные дѣятели не приготовили имъ матеріала для выраженія творческихъ созданій,—среды, въ которой возможно уже проявленье великаго таланта. Всякой кладетъ свой камень при построеніи зданія народной литературы; велики или малы эти камни, скрываются ли внутри стѣнъ, погребены ли въ

подземныхъ сводахъ, красуются ли на гордомъ куполѣ — все равно, труды всѣхъ почтенны и достойны благодарныхъ воспоминаній.

Желая по возможности содѣйствовать успѣху важнаго, по моему убѣжденію, дѣла, я хочу присоединить къ нему и мою скудную долю. Я нисколько не беру на себя обязанности библіографа или біографа, я не собираю свѣдѣній изустныхъ и печатныхъ, разбросанныхъ по журналамъ и брошюркамъ: я стану разсказывать только то, что видѣлъ и слышалъ самъ, при моихъ встрѣчахъ съ разными литераторами. Моя цѣль — доставить матеріалъ для біографа. Я разскажу также о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя производили на общество тогдашнія литературныя явленія, именно въ томъ кругѣ, въ которомъ я жилъ, или, правильнѣе сказать, куда я заглядывалъ до 1826-го года. Съ этого времени разсказы мои будутъ подробнѣе, послѣдовательнѣе и точнѣе.

ВОСПОМИНАНІЯ.

1812-й ГОДЪ.

Въ началѣ 1812-го года, зимою, Яковъ Емельяновичъ Шушеринъ познакомилъ меня въ Москвѣ съ нѣкоторыми литераторами и, прежде всѣхъ, съ Сер. Ник. Глинкою, издававшимъ тогда «Русскій Вѣстникъ». Шушеринъ звалъ издателя «Русскимъ мужичкомъ». Его оригинальная личность, его патріотическое участіе въ Московскихъ событіяхъ 1812-го года гораздо замѣчательнѣе его многотомныхъ сочиненій; говорить о немъ съ полной свободою еще не время. Скажу только, что я нашелъ тогда въ Сергѣѣ Николаевичѣ Глинкѣ, не смотря на его странности въ пріемахъ, привычкахъ и сужденіяхъ, — самаго добраго, прямаго, открытаго и правдиваго человѣка. Русское направленіе было для него главнымъ дѣломъ въ жизни; проповѣдывать его онъ считалъ своимъ гражданскимъ долгомъ: ибо такое проповѣдываніе онъ находилъ полезнымъ для

государства, котораго былъ гражданиномъ. Это слово часто употреблялось Глинкой въ разговорахъ. Онъ никогда не принадлежалъ къ числу исключительныхъ, такъ называемыхъ и тогда, Славянофиловъ. Воспитанникъ Кадетскаго корпуса, товарищъ и пріятель Озерова, онъ былъ такой же горячій любитель Французскаго языка и Французской литературы, какъ Озеровъ, зналъ хорошо этотъ языкъ, помнилъ множество стиховъ и прозы лучшихъ Французскихъ писателей и любилъ читать ихъ наизустъ. Онъ былъ живаго, даже торопливаго нрава: весь состоялъ изъ порывовъ. Онъ думалъ, говорилъ и писалъ, такъ сказать, *на ходу*, сентенціями; а потому все, имъ написанное, не смотря на природную даровитость автора, не выдерживало и тогда моего юношескаго разбора и суда. Во всѣхъ его сочиненіяхъ, безъ исключенія, вездѣ вырывались горячія слова, живыя выраженія, даже строки, полныя внутренняго чувства; онѣ производили сначала впечатлѣніе, но, повторенныя сочинителемъ нѣсколько разъ, иногда не кстати, сдѣлавшись стереотипными, казенными фразами — онѣ начинали уже опошливаться и надоѣдать людямъ разборчивымъ и взыскательнымъ. Я не знаю, кто-то сказалъ, вѣроятно послѣ нашествія Французовъ, и сказалъ довольно вѣрно, что «Глинка былъ бы не дуренъ, еслибъ у него не было соуса изъ «вѣры, вѣрности и Донцевъ (*), который и хорошъ для винегрета, а онъ обливаетъ имъ всѣ блюда». Впрочемъ въ отдаленныхъ углахъ Россіи, особенно послѣ великаго двѣнадцатаго года, особенно на Дону, Глинка пользовался большимъ авторитетомъ. Успѣхъ его «Русскаго Вѣстника» и еще болѣе блистательный, хотя не продолжительный, успѣхъ его пансіона для Донцевъ, служатъ тому неоспоримымъ доказательствомъ. Доброта души С. Н. Глинки была извѣстна его знакомымъ: онъ не могъ видѣть бѣднаго человѣка, не подѣлившись всѣмъ, что̀ имѣлъ, забывая свое собственное положеніе и не думая о будущемъ,

(*) Въ 1813-мъ году С. Н. Глинка напечаталъ книжку или брошюрку: «Вѣра, вѣрность и слава Донцевъ»; она-то вѣроятно подала поводъ къ разсказанной мною шуткѣ.

отчего, не смотря на значительный иногда приливъ денегъ, всегда нуждался въ нихъ........ Но, повторяю, рано еще говорить обо всемъ на бѣло. Сер. Ник. Глинка очень меня полюбилъ, особенно за мое Русское направленіе. Онъ захотѣлъ познакомить меня съ Никол. Мих. Шатровымъ, который былъ тогда въ славѣ, и въ свѣтскомъ обществѣ и въ кругу Московскихъ литераторовъ, за стихотвореніе свое: «Мысли Россіянина при гробѣ Екатерины Великой» (*), въ которомъ точно очень много было сильныхъ стиховъ: они казались смѣлыми и удобоприлагались къ современной эпохѣ. Еще болѣе славился Шатровъ подражаніями или переложеніями псалмовъ Давида, которыя положительно имѣютъ большое достоинство. Шатровъ былъ сынъ плѣннаго Персіянина *Шатра*, вывезеннаго мальчикомъ въ Россію около 1727-го года. Шатръ воспитался въ домѣ Мих. Аѳан. Матюшкина, командовавшаго Русскими войсками въ Персидскомъ походѣ; у него же въ домѣ выросъ и воспитался Н. М. Шатровъ, котораго потомъ опредѣлили въ службу, въ Москвѣ, гдѣ онъ успѣлъ познакомиться и сблизиться со многими знатными людьми, и особенно съ другомъ Новикова и покровителемъ знаній и талантовъ, богатымъ бариномъ, П. А. Татищевымъ, у котораго въ домѣ и жилъ. Умомъ, дѣльностью по службѣ и талантомъ, а всего болѣе покровительствомъ Татищева, Шатровъ скоро проложилъ себѣ дорогу. Дослужившись до чина, который давалъ ему право на потомственное дворянство, онъ просилъ себѣ грамоты и герба. Императоръ Павелъ I-ый приказалъ ему составить гербъ, помѣстя въ немъ золотую лиру въ голубомъ полѣ (**). Шатровъ не имѣлъ научнаго образованія, но Русскую грамоту зналъ твердо и языкъ у него вездѣ правиленъ и благозвученъ. Онъ былъ не маловажнаго о себѣ мнѣнія, но впрочемъ

(*) Въ послѣдствіи оно называлось иначе, а именно: «Праху Екатерины Второй»; подъ симъ заглавіемъ напечатана оно въ третьей части «Стихотвореній Н. Шатрова», изданныхъ въ пользу его отъ Россійской Академіи.

(**) Все это я слышалъ тогда же отъ Шушерина нѣсколько въ превратномъ видѣ; но сказанное мною здѣсь сообщено мнѣ изъ достовѣрныхъ источниковъ С. А. М. и П. И. Б.

человѣкъ веселый и любезный по своему; въ молодости онъ вѣроятно былъ очень хорошъ собою; къ обществу высшаго или, вѣрнѣе сказать, лучшаго круга новыхъ литераторовъ онъ не принадлежалъ; по крайней мѣрѣ я никогда не видалъ его ни у Кокошкина, ни у другихъ. Шатровъ обласкалъ меня и между прочимъ спросилъ, знакомъ ли я съ знаменитымъ Русскимъ писателемъ, Николаемъ Петровичемъ Николевымъ? Должно признаться, что я не имѣлъ никакого понятія о знаменитости Николева; слыхалъ только отъ Шушерина объ его трагедіи: «Сорена и Замиръ», напечатанной въ «Россійскомъ Ѳеатрѣ» и не попавшей въ «Творенія Николева», которую обыкновенно называли просто «Сорена». Шушеринъ говаривалъ мнѣ, что въ ней есть славныя мѣста, но что послѣ Крюковскаго и Озерова её читать нельзя, потому что языкъ слишкомъ устарѣлъ. Хотя я очень помнилъ два стиха изъ одной рукописной сатиры Кн. Горчакова: (*)

« Гусситы, Попугай предпочтены Сорене
И Коцебятина одна у насъ на сценѣ, »

изъ которыхъ я долженъ былъ заключить, что Сорена имѣетъ высокое достоинство; но на ту пору я все это забылъ и откровенно отвѣчалъ, что не имѣю понятія о Николевѣ. Шатровъ удивился, посмотрѣлъ на меня съ улыбкою сожалѣнія и сказалъ: «это отъ того, что вы всегда жили въ Петербургѣ, а тамъ не умѣютъ и не хотятъ цѣнить Московскихъ талантовъ. Я познакомлю васъ съ Николевымъ и попрошу его прочесть что-нибудь изъ новой

(*) Рукописныя сатиры Кн. Горчакова пользовались въ восьмисотыхъ годахъ большою извѣстностью и особеннымъ уваженіемъ въ славянофильскомъ кругу Шишкова. Кажется, онѣ никогда не были напечатаны. Въ нихъ сильно и рѣзко выставлялись тогдашнія злоупотребленія. Описывая роскошные пиры чиновниковъ, наворовавшихъ себѣ богатство отъ продовольствія солдатъ, сочинитель говоритъ:

«Межъ тѣмъ какъ воинъ, къ нимъ пришедшій на клюкѣ,
И черезъ нихъ однихъ не въ лавровомъ вѣнкѣ,
Простря подъ оковью изстрѣленну десницу,
За счастье чтитъ достать отъ ихъ стола крупицу.»

его трагедіи «Малекъ-Адель», заимствованной изъ «Матильды» (*); эта трагедія лучше всѣхъ его прежнихъ сочиненій и написана съ такимъ огнемъ, какъ будто её писалъ молодой человѣкъ. Поѣдемте завтра же поклониться нашему славному слѣпцу.» Я очень былъ радъ такому предложенію. Шатровъ прочелъ намъ два новыхъ псалма и какое-то патріотическое стихотвореніе: псалмами я восхищался отъ искренняго сердца.

Тотъ же день Шушеринъ, чтобы приготовить мнѣ хорошій пріемъ, съѣздилъ къ Николеву, разумѣется, разхвалилъ меня и мое чтеніе и, къ сожалѣнію, наговорилъ лишняго о моемъ восхищеніи и благоговѣніи къ таланту хозяина. Шушеринъ однако успѣлъ меня предупредить о томъ и дать мнѣ болѣе подробное понятіе о Сорепѣ, даже прочелъ нѣкоторыя мѣста наизустъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что Николевъ любитъ похвалы и что мнѣ, какъ очень молодому (мнѣ было 20-ть лѣтъ) и неизвѣстному литератору, только что вступающему на это поприще (я переводилъ тогда «Филоктета»), необходимо высказать мое удивленіе къ великимъ твореніямъ Николева. Это меня порасхолодило, но дѣлать было нечего. Я пріѣхалъ на другой день по утру къ Шатрову, и мы вмѣстѣ отправились къ слѣпому поэту, который желалъ казаться зрячимъ и очень не любилъ, если кто-нибудь давалъ ему чувствовать, что знаетъ его слѣпоту. Объ этомъ предупредилъ меня Шатровъ. Николевъ принялъ насъ въ своемъ кабинетѣ; онъ былъ одѣтъ парадно и неопрятно, чего по слѣпотѣ своей не могъ видѣть, но чего терпѣть не могъ. Онъ даже хвалился всегда свѣжестью своего бѣлья и чистотою въ комнатахъ, тогда

Не менѣе знаменательны и слѣдующіе два стиха, которые говоритъ одинъ изъ общественныхъ грабителей:

«И шествуя путемъ воровъ безъ остановки,
На шеѣ съ лентою, избавлюсь отъ веревки.»

Да проститъ мнѣ тѣнь благороднаго сочинителя этихъ стиховъ, если память моя сколько-нибудь ихъ исказила!

(*) Матильда или Рыцари Крестовыхъ походовъ. Сочиненіе Г-жи Коттенъ. Въ брошюрѣ «Памятникъ друзей Н. П. Николеву» два раза упоминается о ненапечатанной трагедіи «Матильда»; вѣроятно, её слышалъ я подъ названіемъ «Малекъ-Адель.»

какъ, напротивъ, все было грязно и въ безпорядкѣ: разумѣется, никто не выводилъ его изъ пріятнаго заблужденія. Николевъ сидѣлъ въ креслахъ, у письменнаго стола; возлѣ него стоялъ мальчикъ. Отворяя намъ дверь, человѣкъ громко сказалъ: « Николай Михайловичь и господинъ Аксаковъ. » Николевъ всталъ, очень свободно пошелъ намъ на встрѣчу, протянулъ мнѣ руку, привѣтствовалъ очень ласково, запросто поздоровался съ Шатровымъ и, пригласивъ насъ сѣсть, воротился къ своимъ кресламъ и сѣлъ въ нихъ такъ ловко, что еслибъ я не былъ предупрежденъ, то не догадался бы, что онъ слѣпъ, тѣмъ болѣе, что глаза его были совершенно ясны. Хозяинъ былъ очень любезенъ; но въ этой любезности слышалось снисхожденіе знаменитаго писателя, который съ высоты своего величія, благодушно и привѣтливо обращается къ простымъ смертнымъ. Шатровъ, безъ всякихъ церемоній, называлъ его въ глаза « великимъ Николевымъ, » и онъ принималъ такія слова, какъ должную и привычную дань, все равно, какъ будто называли его Николаемъ Петровичемъ. Я кое-какъ подлаживался къ Шатрову, и еслибъ Николевъ не былъ слѣпъ, то могъ бы замѣтить, по моему смущенному лицу, что я говорилъ не искренно. Впрочемъ едва ли такъ. Тутъ самоувѣренность была такъ сильна, что и смущеніе и молчаніе было бы принято за выраженіе того благоговѣнія, съ которымъ незнакомый человѣкъ приближается въ первый разъ къ великому человѣку. Разговоръ вертѣлся на сочиненіяхъ хозяина; Шатровъ управлялъ разговоромъ и лгалъ на меня безсовѣстно, разумѣется, на счетъ моего благоговѣнья къ сочиненьямъ Николева. Когда рѣчь дошла до новой трагедіи хозяина, до « Малекъ-Аделя », то я сказалъ, что былъ бы очень счастливъ, еслибъ могъ ее прочесть или что-нибудь изъ нея услышать. Николевъ отвѣчалъ, что « кромѣ писца никто не имѣлъ его трагедіи въ своихъ рукахъ, но что онъ самъ, зная ее наизусть, *играетъ* нѣкоторыя сцены изъ нея друзьямъ своимъ, потому что драматическое сочиненіе надобно *играть*, а не читать ». Шатровъ началъ просить, чтобы *безсмертный* Николевъ сыгралъ какую-нибудь сцену. Я присоединилъ

мою убѣдительную просьбу, и Николевъ согласился. Онъ вышелъ на средину комнаты и продекламировалъ цѣлую, очень большую сцену, играя всѣ лица, разными голосами, предварительно называя ихъ по именамъ, переходя съ мѣста на мѣсто и принимая приличное ихъ характерамъ положеніе. Не смотря на такіе комическіе пріемы, не смотря на мимику и жесты, доводимые до крайняго излишества, мнѣ показалось тогда такъ много силы въ стихахъ и огня въ выраженныхъ чувствахъ, что я на первый разъ былъ увлеченъ и превозносилъ искренними похвалами игру и сочиненіе хозяина. Впослѣдствіи я слышалъ еще нѣсколько сценъ, которыя уже не производили на меня такого впечатлѣнія; но изъ всего слышаннаго я вывелъ заключеніе, что въ трагедіи много сильныхъ мѣстъ, а въ чувствахъ Малекъ-Аделя много пылкости. У меня врѣзались въ памяти четыре стиха, которые говоритъ, кажется, Матильда, можетъ-быть и кто-нибудь другой, описывая скачущаго на конѣ « Малекъ-Аделя »:

Блисталъ (*) конь бѣлъ подъ нимъ, какъ снѣгъ Атлантскихъ горъ,
Стрѣла летяща — бѣгъ, свѣща горяща — взоръ,
Дыханье — дымъ и огнь, грудь и копыта — камень,
На немъ—Малекъ-Адель или сраженій пламень. »

Что сдѣлалось съ этой трагедіей, равно какъ и со всѣми рукописными сочиненіями Николева, умершаго въ 1815-мъ году—ничего не знаю (**). Изъ приведенныхъ мною четырехъ сильныхъ стиховъ можно заключить, что вся трагедія написана въ такомъ же лирическомъ, восторженномъ духѣ.

(*) Не отвѣчаю за слово: « блисталъ. » Иногда мнѣ кажется, что вмѣсто него стояло: « сверкалъ. » — « Малекъ-Адель » значитъ пламень битвы: такъ говорилъ мнѣ Шатровъ.

(**) По свѣдѣніямъ, полученнымъ мною отъ почтеннаго С. А. М., находившагося въ близкихъ сношеніяхъ съ Н. П. Николевымъ, всѣ его бумаги перешли въ руки Н. М. Шатрова и вѣроятно были доставлены имъ ближайшему наслѣднику.

Продекламировавъ сцену, Николевъ, совершенно какъ зрячій, воротился къ своимъ кресламъ и сѣлъ на нихъ. Шатровъ не преминулъ назвать его неподражаемымъ актеромъ и писателемъ. Чтеніе или игра Николева была самая напыщенная, неестественная, пѣвучая декламація, не совсѣмъ однако похожая на обыкновенное тогда чтеніе на распѣвъ трагическихъ стиховъ; что же касается до огня, до пылу, то его было гораздо болѣе во внѣшнемъ выраженіи, чѣмъ во внутреннемъ чувствѣ. Тогда не многіе понимали это различіе; но сила, стремительность, поражающія и увлекающія сначала всякаго слушателя, — были въ его чтеніи. Николевъ былъ очень доволенъ собою и говорилъ, что давно такъ хорошо не игралъ; онъ сдѣлался веселѣе, разговорчивѣе и ласковѣе; заставилъ меня прочесть одинъ монологъ изъ переводимаго мною тогда «Филоктета », похвалилъ и переводъ и чтеніе, и, услышавъ отъ Шушерина, что я перевелъ стихами комедію Мольера: «Школа мужей», потребовалъ, чтобъ я непремѣнно прочелъ ему свой переводъ. Потомъ пригласилъ меня пріѣзжать, какъ можно, чаще къ нему, обѣщая прочесть мнѣ много кой-чего « важнаго и забавнаго »; потомъ, взявъ слово, что завтра мы пріѣдемъ къ нему обѣдать, отпустилъ насъ съ Шатровымъ, осыпавъ меня множествомъ любезностей на Русскомъ и даже на Французскомъ языкѣ.

Шатровъ не былъ доволенъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на меня Николевымъ: похвалы мои казались ему холодны, а замѣчанія, откровенно высказанныя мною Шатрову, — непозволительными. Ему было дико, что двадцатилѣтній юноша, ничего еще не сдѣлавшій въ литературѣ, смѣетъ судить и критиковать писателя, котораго онъ (Шатровъ) и весь кружокъ его считаетъ великимъ писателемъ. Онъ высказалъ мнѣ довольно прямо свои мысли и назвалъ мои сужденія « самонадѣянной дерзостью молодаго человѣка »; но въ послѣдствіи я убѣдился, что Шатровъ немножко прикидывался передо мною, какъ передъ новичкомъ, изъ какихъ причинъ — не знаю. Да и возможно ли, чтобы человѣкъ, писавшій тогда прекраснымъ языкомъ, даже и теперь сохраняющимъ свое достоинство, не чув-

ствовалъ устарѣлости, неестественности, пухлости, а иногда и уродливости языка Николева?... Шушеринъ понималъ это совершенно. Шатровъ однако сказалъ мнѣ, въ видѣ наставленія, что и великіе люди имѣютъ свои странности, иногда доходящія до смѣшнаго. «Такъ и Николевъ, продолжалъ онъ, имѣетъ странное желаніе казаться зрячимъ и любитъ говорить о чистотѣ своего платья и опрятности своихъ комнатъ, тогда какъ мошенники-слуги одѣваютъ его въ черное бѣлье, нечищенное платье и содержатъ его комнаты засоренными и грязными; вотъ завтра будемъ мы обѣдать у него, и я васъ предупреждаю, что кушанье будетъ приготовлено жирно и даже вкусно, но все будетъ подано неопрятно, особенно столовое бѣлье. Николевъ любитъ, чтобъ его гости кушали много и хвалили кушанья: отъ перваго можно себя уволить, а второе необходимо». Шатровъ простился со мною съ чувствомъ своего достоинства и превосходства. Я разсказалъ все Шушерину. Онъ смѣялся и увѣрялъ, что Николай Михайловичь «задаетъ мнѣ тоны,» что онъ самъ забавляется надъ смѣшными причудами Николева и даже надъ его слѣпотою, и что со временемъ все это я самъ увижу. Шушеринъ не предупредилъ меня, что Николевъ обѣдаетъ въ два часа съ половиной; я пріѣхалъ нарочно пораньше, то есть, въ три часа, и все таки заставилъ полчаса себя дожидаться. Это было мнѣ очень досадно и очень меня смутило. Я думалъ, что мы только двое съ Шатровымъ будемъ обѣдать у Николева; но я нашелъ тамъ и Шушерина, и С. Н. Глинку, и Н. И. Ильина, и еще нѣсколько человѣкъ, вовсе мнѣ незнакомыхъ. Предсказанія Шатрова совершенно оправдались: обѣдъ былъ жиренъ, вкусенъ и неопрятенъ; всѣ комнаты были въ безпорядкѣ. Хозяинъ посадилъ меня возлѣ себя, ласкалъ и подчивалъ радушно. Вина было довольно, и какъ Николевъ наливалъ мнѣ изъ своей бутылки, то вино оказалось отличное, а у другихъ гостей посредственное; даже подаваемыя вина особо были разнаго достоинства: хозяину подавали одно, а гостямъ другое. Въ послѣдствіи я слышалъ отъ Шатрова, что Николевъ до того вѣрилъ своей прислугѣ, особенно своему любимцу

камердинеру и дворецкому, что не было возможности самымъ близкимъ людямъ убѣдить его въ неряшествѣ его слугъ и плутняхъ его любимца. Николевъ, кромѣ поэзіи, имѣлъ претензію быть и гастрономомъ, и политикомъ, и свѣтскимъ человѣкомъ, чѣмъ безъ сомнѣнія онъ и былъ въ свое время. За обѣдомъ и помину не было объ литературѣ; говорили о Наполеонѣ, объ его тайныхъ замыслахъ, о городскихъ новостяхъ и преимущественно о скандалезныхъ исторіяхъ. Хозяинъ представлялъ любезнаго весельчака: смѣялся и заставлялъ смѣяться, разсказывая множество нескромныхъ анекдотовъ « веселаго прошедшаго времени», которые непріятно было слышать изъ устъ слѣпаго старика. Вообще можно было замѣтить, что Николевъ нѣкогда живалъ въ знатномъ кругу и былъ извѣстенъ при дворѣ. Н. И. Ильинъ сидѣлъ подлѣ меня и я возобновилъ съ нимъ Петербургское знакомство. Въ обращеніи Ильина была всегда какая-то важная чопорность, которая именно тогда особенно кинулась мнѣ въ глаза, равно какъ и его высокое о себѣ мнѣніе; со мною онъ былъ благосклонно ласковъ и звалъ меня къ себѣ. На другомъ концѣ стола предсѣдательствовалъ Шатровъ; по порученію хозяина онъ всѣхъ угощалъ и, зная наизустъ его нравъ, старался поддержать шумную веселость гостей; Шушеринъ усердно помогалъ ему. Когда встали изъ-за стола, Николевъ взялъ меня подъ руку и вмѣстѣ со мною отправился въ гостиную; мы шли впереди всѣхъ. Хозяинъ спросилъ меня : «не правда ли, что у меня довольно весело »? Я, разумѣется, отвѣчалъ утвердительно и горячо. « Нынче пропадаетъ умѣнье жить весело », сказалъ съ сожалѣніемъ весьма довольный собою хозяинъ. Я понялъ, что Николеву нуженъ вожакъ и довольно искусно исполнилъ это дѣло: то есть, велъ его такъ, какъ будто мы шли вмѣстѣ; онъ сѣлъ на диванъ, а гости разсѣлись около него; подали кофе, ромъ и ликеръ. Я замѣтилъ, что всѣ были довольно веселы. Разговоръ не замедлилъ склониться къ литературѣ или, лучше сказать, Шатровъ не замедлилъ круто своротить его на эту дорогу, обратившись съ просьбою отъ имени всѣхъ, чтобы великій Николевъ, безконечно разнообразный въ своихъ твореніяхъ,

прочелъ что-нибудь изъ своихъ эротическихъ и сатирическихъ сочиненій. Хозяинъ не замедлилъ согласиться, началъ читать и читалъ очень много, основываясь на томъ, что я, какъ новичекъ въ Москвѣ и въ литературѣ, ничего еще не слыхивалъ изъ его заповѣдныхъ мелочей и шалостей.

Ничего изъ слышаннаго мною не сохранилось въ моей памяти; помню только, что Николевъ прочелъ всѣмъ извѣстную тогда пародію на Тредьяковскаго, которую я зналъ наизусть еще въ Петербургѣ:

Азъ Тредьяковскій, строгій *піита*,
Краснаго слога борзый *писецъ*,
Сирѣчь чья стопно мысль грановита —
Что же бы въ рифму? Русскій пѣвецъ.
Брякну стихами пѣсни похвальны
Ратничкамъ Русскимъ, аки Руссакъ:
Прочь скоротечно мысли печальны!
Васъ не изволю слушать никакъ; и пр. (*).

Тутъ только я узналъ, что она принадлежала Николеву. Часа черезъ два Николевъ легъ спать и гости разъѣхались. Черезъ нѣсколько дней я былъ у Николева одинъ по утру, согласно его приглашенію и моему обѣщанію. Мальчикъ отъ него не отходилъ, часто исполняя разныя его приказанія. Вѣроятно, онъ давно служилъ при своемъ господинѣ; онъ былъ такъ наметанъ, что по одному знаку безъ словъ отгадывалъ, что̀ ему нужно, и всегда стоялъ противъ своего барина. Разговоръ не долго держался на постороннихъ предметахъ и скоро перешелъ къ сочиненіямъ хозяина. Читая какую-то пьесу наизусть, онъ запнулся; сдѣлалъ знакъ рукой мальчику, и тотъ сейчасъ бросился къ шкафу, досталъ изъ него и принесъ, кажется, пять большихъ книгъ, въ листъ, въ переплетѣ, но рукописныхъ: это были сочи-

(*) Эта пародія была напечатана въ 4-мъ томѣ «Твореній» Николева, (1797) подъ названьемъ: «Ода 1-я Россійскимъ солдатамъ на взятіе крѣпости Очакова сего 1796-го года, Декабря 6-го, сочиненная отъ лица нѣкоего древняго Россійскаго піиты; она начинается такъ: «Азъ чудопѣвецъ» и пр.

ненія Николева (*). Онъ попросилъ меня, чтобы я въ такомъ-то томѣ отыскалъ такую-то піэсу и началъ бы ее читать вслухъ. Едва я дошелъ до того мѣста, гдѣ поэтъ остановился, какъ онъ вспомнилъ забытый стихъ и продолжалъ уже декламировать самъ. Подобное обстоятельство, случившееся еще нѣсколько разъ, конечно изобличало слѣпоту Николева; но онъ и тутъ продолжалъ прежнюю комедію: заглядывалъ ко мнѣ въ книгу, какъ-будто справляясь, не ошибся ли я, потомъ бралъ ее въ руки и, какъ будто по книгѣ, продолжалъ чтеніе начатой мною піэсы. Были ошибки, пожалуй, смѣшныя, но скорѣе жалкія. Въ стихотвореніяхъ Николева было множество примѣчаній, разумѣется, писанныхъ прозою; ихъ всѣ читалъ уже я, и авторъ слушалъ съ наслажденіемъ. Онъ придавалъ великую важность своимъ примѣчаніямъ и весьма наивно говорилъ, что тутъ скрыта бездна знаній и учености, и что однѣ примѣчанія могли бы составить великую славу ихъ сочинителю. О новѣйшихъ писателяхъ по большей части онъ говорилъ съ насмѣшкою или презрѣніемъ. Мнѣ очень хотѣлось выслушать всего «Малекъ-Аделя», но авторъ не сталъ читать, откладывая это до другаго времени. Въ послѣдствіи, бывая довольно часто у Николева, я слышалъ нѣсколько сценъ изъ «Малекъ-Аделя», но всегда при другихъ посѣтителяхъ, наединѣ же онъ никогда не читалъ мнѣ своей трагедіи. Вѣроятно, Николеву одного меня или вообще одного слушателя, было мало, потому что въ присутствіи Шатрова и Глинки онъ охотно разыгрывалъ нѣкоторыя сцены; всей піэсы я никогда не слыхалъ, а потому и содержанія ея ясно не помню. Предсказанія Шушерина оправдались: Шатровъ мало по малу началъ при мнѣ подшучивать надъ Николевымъ и особенно надъ его стараніемъ скрывать свою слѣпоту. Конечно, эта странная слабость, казалось бы несвойственная умному человѣку, какъ то уменьшала то сожалѣніе, которое чувствуется

(*) Сочиненія Николева были давно напечатаны (1795 — 1797; отъ чего подали намъ рукописныя — не знаю. Вѣроятно, это были сочиненія, исправленныя и дополненныя самимъ авторомъ.

всѣми къ человѣку, лишенному зрѣнія. Обманъ являлся такъ явенъ, что иногда нельзя было не улыбнуться; но Шатровъ наводилъ Николева наглымъ образомъ на смѣшные промахи и ставилъ его въ каррикатурныя положенія, даже до неприличія. Это были совершенно школьничьи шутки, которыя меня никогда не забавляли, а также и С. Н. Глинку; но Шушеринъ очень ими потѣшался и даже подстрекалъ Шатрова къ разнымъ выдумкамъ. Что за мудреное созданіе человѣкъ! Шатровъ любилъ Николева, какъ близкаго роднаго, ухаживалъ за нимъ во время его болѣзни, развлекалъ во время скуки, видѣлъ въ немъ великаго писателя, прибавляя по секрету, что у него много и дряни, и тотъ же Шатровъ ругался надъ слѣпотой Николева и задыхался отъ сдержаннаго смѣха, когда слѣпецъ натыкался на подставленный ему стулъ и больно ушибался. (*)

Я вторично встрѣтился съ Н. И. Ильинымъ, кажется, на литературномъ вечерѣ у Ѳ. Ѳ. Кокошкина. Ильинъ съ благосклонною важностью опять пригласилъ меня къ себѣ, и я на другой день поѣхалъ къ нему; жилъ онъ ужасно далеко, гдѣ-то за Красными воротами, въ деревянномъ ветхомъ домишкѣ, помнится, своей сестры. Онъ помѣщался очень тѣсно, въ небольшомъ чуланѣ, который съ важностью называлъ своимъ «рабочимъ кабинетомъ». Все обличало большой недостатокъ состоянія и въ тоже время ярко и каррикатурно прикрывалось великолѣпіемъ обращенія. По важности пріемовъ и тона можно было принять Ильина за богатаго вельможу, а ветхость шлафрока и всей обстановки обличали въ немъ бѣдняка. Мнѣ сей часъ пришелъ въ голову Испанскій дворянинъ, Донъ Рапудо де Калибрадосъ, выведенный въ комедіи Коцебу, который, три дня не ѣвши, ковырялъ въ зубахъ. Вспоминая теперь объ этихъ людяхъ, я нахожу, что Ильинъ и Николевъ разыгрывали одну и туже комедію: слѣпой представлялъ зрячаго, а бѣднякъ знатнаго богача. Ильинъ принялъ меня однако съ большою вѣжливостью и даже ласкою, не теряя впрочемъ своего

(*) Черезъ восемь лѣтъ Шатровъ ослѣпъ и прожилъ еще слишкомъ двадцать лѣтъ.

высокаго достоинства. У этого господина было такое же огромное, какъ у Шатрова и Николева, самолюбіе, но онъ умѣлъ его скрывать въ Петербургѣ. Я видѣлъ его по крайней мѣрѣ двадцать разъ у Шушерина и не болѣе, какъ за годъ; тогда это былъ совсѣмъ другой человѣкъ. Ну, подумалъ я, какъ разбухаетъ авторское самолюбіе въ Москвѣ! Впрочемъ это было справедливо только въ отношеніи къ тремъ сочинителямъ, сей часъ мною названнымъ, принадлежавшимъ къ особому кругу людей съ отсталыми понятіями. Сценическіе успѣхи Ильина вскружили ему голову. Въ самомъ дѣлѣ, «Лиза или торжество благодарности» и «Рекрутскій наборъ», пьесы точно съ достоинствомъ, особенно послѣдняя,—производили при своемъ появленіи, и въ Москвѣ и въ Петербургѣ, такое сильное впечатлѣніе, даже восторгъ, какого не бывало до тѣхъ поръ, какъ мнѣ сказывали старожилы - театралы. Я видѣлъ много разъ эти піэсы на сценѣ, когда онѣ были уже не новость, и могу засвидѣтельствовать, что публика и плакала на взрыдъ, и хлопала до неистовства: въ Петербургѣ поменьше, въ Москвѣ побольше. Говорятъ, вызовъ на сцену авторовъ начался съ Ильина. (*) Въ послѣднее время онъ ничего уже замѣчательнаго не писалъ и отдыхалъ на лаврахъ. Самолюбіе Н. И. Ильина довольно выражается тѣмъ, что онъ въ послѣдствіи одну изъ своихъ ничтожныхъ театральныхъ пьесокъ, печатно посвятилъ «Великому своему учителю Фонъ-Визину.» Въ этотъ разъ я замѣтилъ въ Ильинѣ еще другую слабость, которая и тогда уже развивалась въ немъ наравнѣ съ авторскимъ самолюбіемъ и въ послѣдствіи выросла до нелѣпыхъ и гибельныхъ размѣровъ — слабость къ знати. Онъ безпрестанно упоминалъ о своемъ близкомъ знакомствѣ съ знатными людьми: графы, князья, генералы и дѣйствительные тайные совѣтники не сходили у него съ языка. У князя Юсупова онъ ужиналъ, у княгини N. N. завтракалъ, у

(*) Кажется, это несправедливо: Н. П. Николевъ былъ вызванъ за свою «Сорену» въ 1783-мъ году, три представленія сряду. «Памятникъ друзей Н. П. Николеву», стр. 21.

графа Шереметева обѣдалъ, у графини N. N. былъ на балѣ, съ его высокопревосходительствомъ ѣздилъ на охоту, со всѣми короткій другъ — только у него было и рѣчей. Мнѣ стало это гадко, и когда онъ предложилъ мнѣ свое покровительство, чтобъ познакомить меня въ нѣкоторыхъ знатныхъ домахъ, то я съ горячностью молодости выразительно ему отвѣчалъ, что ищу знакомства людей, отмѣченныхъ дарами Божьими, а не знатностью. Ильинъ осудилъ мою выходку и сказалъ что-то въ родѣ наставленія. Когда я собирался уѣхать, благосклонный хозяинъ спросилъ меня, куда я ѣду; я отвѣчалъ, что домой, то есть, въ домъ, нанимаемый моимъ семействомъ въ Старой Конюшенной. — « Въ чемъ вы пріѣхали ? » — « На извощикѣ, » отвѣчалъ я. — « Ну такъ я васъ довезу. Мнѣ самому надобно ѣхать въ Старую Конюшенную къ княгинѣ N. N.: я у ней обѣдаю; » сказалъ Ильинъ, свистнулъ, и видя, что никто не идетъ, принялся звонить въ колокольчикъ; наконецъ пришелъ старый слуга, очень бѣдно одѣтый, и хозяинъ величественно сказалъ : « прикажи кучеру Ѳедору заложить мнѣ возокъ или лучше сани, потому что дорога дурна (тутъ послѣдовало молчаніе): въ корень—оленя, на пристяжку — куницу. » Лакей отвѣчалъ, что лошади давно готовы. Хозяинъ попросилъ позволенія одѣться и вышелъ, одѣвался очень долго; я проклиналъ себя, что не отказался отъ его предложенія. Наконецъ пришелъ, одѣтый съ большой изысканностью и претензіей на щегольство, считавшій себя въ тоже время красавцемъ, ужасно надоѣвшій мнѣ Н. И. Ильинъ, и мы вышли на крыльцо. Увы! олень и куница оказались такими клячами, что мы едва дотащились до Старой Конюшенной, а баринъ безпрестанно приказывалъ сдерживать лошадей по причинѣ дурной дороги, которая въ самомъ дѣлѣ разрушалась отъ весенняго солнца. Въ другой разъ я уже не былъ у Ильина, не смотря на скорый его визитъ и учтивыя приглашенія.

Я поспѣшилъ разказать Шушерину мое свиданіе съ Ильинымъ и думалъ удивить его; но Шушеринъ, посмѣявшись, сказалъ мнѣ, что онъ давно знаетъ эти грѣшки за Н. И., и что въ Москвѣ они пошли въ гору. Вообще Шушеринъ

былъ очень уменъ и зналъ насквозь всѣхъ своихъ знакомыхъ; онъ любилъ посмѣяться надъ слабостями своего ближняго за глаза и даже въ глаза, но такъ искусно, что ни съ кѣмъ не ссорился; онъ умѣлъ держать себя прилично въ разныхъ слояхъ общества. Я бывалъ съ нимъ вмѣстѣ на литературныхъ вечерахъ у Ѳ. Ѳ. Кокошкина, у котораго обыкновенно собирались Каченовскій, Мерзляковъ и Ѳ. Ѳ. Ивановъ, сочинитель драматическихъ піесъ: «за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ» и «Не бывать фатѣ»,—піесъ, которыя въ свое время имѣли значительный успѣхъ. Ивановъ слылъ большимъ остякомъ, и въ самомъ дѣлѣ былъ остроумный и веселый собесѣдникъ. Пріѣзжали иногда гр. Салтыковъ, Вельяшевъ-Волынцевъ, Смирновъ—зять Мерзлякова, и другіе; Шушеринъ велъ себя съ большимъ тактомъ со всѣми. Кокошкинъ иногда читалъ на этихъ вечерахъ свой переводъ Мольерова Мизантропа и просилъ замѣчаній. Замѣчанія Каченовскаго всегда были очень дѣльны, но умѣренны, а Мерзляковъ, бывавшій по вечерамъ обыкновенно веселѣе, часто нападалъ безпощадно на переводчика. Одинъ разъ Кокошкинъ, выведенный изъ терпѣнья его безпрестанными придирками, положилъ рукопись на столъ, очень важно сложилъ руки и сказалъ: «Да помилуйте, Алексѣй Ѳедорычь, предоставьте же переводчику пользоваться иногда *стихотворной вольностью.*» — «Стихотворная вольность состоитъ въ томъ, чтобъ писать хорошо», возразилъ Мерзляковъ, произнося слова своимъ Пермскимъ выговоромъ на *о*. Всѣ громко засмѣялись и одобрили такой отвѣтъ. Но едва ли кто больше Мерзлякова пользовался такъ называемой стихотворной вольностью, въ которой онъ такъ рѣзко отказывалъ Кокошкину,—особенно въ своихъ переводахъ Тасса, изъ которыхъ отрывки онъ также иногда читывалъ у Кокошкина.. .и никто кромѣ Каченовскаго не дѣлалъ ему никакихъ замѣчаній, да и тѣ были весьма снисходительны. Я тутъ же сообщалъ потихоньку Шушерину на ухо мои критическія замѣтки и одинъ разъ попросилъ у него совѣта: «не сказать ли мнѣ моихъ замѣчаній самому Мерзлякову?» Но Шушеринъ удержалъ меня, сказавъ: «ну, полно,

любезный другъ, что тебѣ за охота? Вѣдь ты еще юноша, а это знаменитый мужъ, профессоръ словесности. Разумѣй про себя и не дѣлай самъ того, что критикуешь у Мерзлякова». Я послушался Шушерина и конечно сдѣлалъ хорошо. Нѣтъ однако никакого сомнѣнія, что переводъ Кокошкина много обязанъ своимъ достоинствомъ, правильностью и (по тогдашнему) чистотою языка, строгимъ замѣчаніямъ Мерзлякова.

Шушеринъ присутствовалъ также при чтеніи моего перевода Мольеровой комедіи « Школа мужей », которую я долженъ былъ наконецъ прочесть Николеву, по настоятельному его требованію. На чтеніе были приглашены Шатровъ и Глинка. Я пріѣхалъ вмѣстѣ съ Шушеринымъ, который обратился съ убѣдительнѣйшею просьбою ко всѣмъ присутствующимъ, чтобы они меня не щадили и прогнали *сквозь строй критическихъ розогъ*. «Это будетъ тебѣ полезно, сказалъ онъ мнѣ, отведя меня въ сторону; ты же любишь самъ критиковать, такъ попробуй на себѣ; я вѣдь нарочно подбилъ Николева, чтобъ онъ потребовалъ этого чтенія». Я былъ озадаченъ и смущенъ, и даже не совсѣмъ доволенъ; но Шушерина это забавляло и онъ трунилъ надо мной въ началѣ чтенія. Я читалъ первый актъ неудачно, такъ что Шушеринъ выходилъ изъ терпѣнья. «Что съ тобой сдѣлалось? говорилъ онъ мнѣ. Неужели ты струсилъ? Какъ тебѣ не стыдно, вѣдь это все шутка!» На второмъ актѣ я ободрился и дочиталъ хорошо свой переводъ. Замѣчаній дѣлали много, которыми я потомъ и воспользовался; но по окончаніи піесы очень хвалили и переводъ и чтеніе. Я успокоился и былъ очень благодаренъ Шушерину. Между тѣмъ кончилъ я свой переводъ « Филоктета ». Прочитавъ его сначала у Кокошкина, прочелъ, и Николеву, въ присутствіи Глинки и Шатрова. Тогда не скупы были на похвалы, и право смѣшно вспомнить, какъ они хвалили меня за этотъ переводъ! Даже замѣчаній дѣлали мало, отговариваясь тѣмъ, что нечего замѣчать.

Остальное время пребыванія моего въ Москвѣ, до 15-го Іюня, было исключительно поглощено двумя спектаклями, въ которыхъ игралъ Шушеринъ, о чемъ я довольно гово-

рилъ въ моихъ о немъ воспоминаніяхъ. Частыя свиданія съ Кокошкинымъ у директора театра А. А. Майкова, на репетиціяхъ въ самомъ театрѣ, которыя однако я слушалъ часто издали или стоя за другими, потому что Шушеринъ не пускалъ меня на аван-сцену; свиданія на предварительныхъ частыхъ пробахъ у Кокошкина въ домѣ, гдѣ я довольно наслушался, какъ хозяинъ ставилъ на роль «Энея» молодаго дебютанта Дубровскаго, вовсе не имѣвшаго таланта и физическихъ силъ для сцены,—сблизили меня съ Кокошкинымъ, не смотря на несходство нашихъ лѣтъ и свойствъ.

Во время представленія «Дидоны», я увидѣлъ Ильина въ креслахъ; онъ не садился на свое мѣсто, а картинно стоялъ у самаго оркестра, прислонясь къ бенуару, у всѣхъ на виду, безпрестанно кланяясь съ знакомою знатью и разговаривая во время антрактовъ съ проходившими мимо него московскими джентельменами изъ первыхъ рядовъ кресел. Изрѣдка онъ какъ-то величественно апплодировалъ Шушерину. Я сидѣлъ отъ него въ двухъ шагахъ и слышалъ, съ какимъ достоинствомъ и лаконизмомъ отвѣчалъ онъ одному молодому франту, разумѣется, не князю и не графу, который подскочилъ къ нему съ словами: «что это Шушеринъ все дрожитъ: это нынче не въ модѣ?» — «Хорошее всегда въ модѣ»,—и закричалъ браво Шушерину.

По окончаніи трагедіи, многочисленная публика, при громѣ общихъ рукоплесканій, вызвала Шушерина, но дальновидный и разсчетливый старикъ вышелъ, ведя съ собою Борисову и Дубровскаго........ Онъ хорошо зналъ, какъ это будетъ пріятно директору и особенно Кокошкину, благосклонностью котораго очень дорожилъ.

Этимъ ограничиваются мои литературныя и театральныя воспоминанія 1812-го года.

1815-й ГОДЪ.

Глубокой осенью, 1815-года, пріѣхали мы въ Москву. Я былъ въ ней проѣздомъ въ 1814-мъ году, всего на однѣ сутки, и у меня осталось въ памяти безконечное, печальное пожарище. Но теперь Москва представляла другое,

болѣе отрадное зрѣлище. Конечно, слѣды исполинскаго пожара еще не были изглажены: огромные обгорѣлые каменные дома, кое-какъ прикрытые старымъ желѣзомъ, окна, задѣланныя деревянными досками съ нарисованными на нихъ рамами и стеклами, съ красными и закоптѣлыми полосами и пятнами по стѣнамъ, печальными знаками пламени, за три года вылетавшаго изъ всѣхъ отверстій зданія, пустыри съ обгорѣлыми фундаментами и печами, заросшіе густою травою, искрещенные прямыми тропинками, проложенными и протоптанными разсчетливыми пѣшеходами, самая новизна, свѣжесть множества деревянныхъ прекрасной новѣйшей архитектуры домовъ, только что отстроенныхъ или строющихся,—все краснорѣчиво говорило о недавнемъ посѣщеніи Европы..... Но не грустно было смотрѣть на возникающую изъ пепла Москву. Она сгорѣла не даромъ: палъ великій завоеватель, освобождена явно благословлявшая насъ, а втайнѣ уже замышлявшая козни Европа, имя Русскаго народа стояло на высшей степени славы—и не грустно, а весело было осмотрѣть на шумно строющуюся, неприбранную, заваленную строительными припасами Москву.

Мы наняли также новенькій домъ, только что отдѣланный, купца Чернова на Молчановкѣ. Я поспѣшилъ возобновить свои литературныя знакомства. Шушерина и Николева уже не было на свѣтѣ: Николевъ умеръ въ этомъ же году, 24-го Января (*). Съ Ильинымъ я видался рѣдко, а съ Шатровымъ еще рѣже; съ Кокошкинымъ же и съ Сер. Ник. Глинкою, напротивъ, видался я очень часто. При первомъ взглядѣ, мнѣ кинулось въ глаза какое-то особенное выраженіе въ лицѣ Сер. Ник. Глинки, котораго я прежде не замѣчалъ: какъ бы слѣдъ прожитаго необычайнаго времени; это выраженіе сохранилось навсегда. Глинка, при первой встрѣчѣ со мною, напомнилъ мнѣ наше послѣднее свиданье и прощанье въ Іюнѣ 1812-го года. Я тогда былъ такъ еще молодъ, что всѣ справедли-

---

(*) Памятникъ друзей Николаю Петровичу Николеву. Москва, 1819-го года, стр. 10.

вые опасенія Глинки на счетъ возникающей военной грозы и страшныхъ силъ Наполеона казались мнѣ преувеличенными, а угрозы взять Москву и Петербургъ—намѣреніемъ запугать насъ и заставить заключить невыгодный для насъ миръ. Такъ думалъ не одинъ я; были люди постарше и поопытнѣе меня, разумѣвшіе, казалось, военныя и политическія дѣла, которые говорили, что у Наполеона закружилась голова, что онъ затѣялъ дѣло невозможное, что это мечта, гасконада. Конечно, дѣйствительность показала недальновидность этихъ людей; но давно ли мы всѣ считали высадку Англичанъ и Французовъ въ Крымъ, въ такихъ гигантскихъ размѣрахъ,— совершенно невозможною?.... И такъ должно отдать справедливость провидѣнію Глинки: онъ и въ Іюнѣ 1812-го года не надѣялся, чтобы мы могли отразить военную силу — военною же силою. Онъ надѣялся на народную войну, на твердость правительства, и не ошибся. Много наслушался я любопытнѣйшихъ разсказовъ отъ С. Н. Глинки, который самъ былъ дѣйствующимъ лицемъ въ этомъ великомъ событіи; долго, при каждомъ свиданіи, я упрашивалъ его разсказать еще что-нибудь (*); но все имѣетъ свой конецъ, и незамѣтно перешли мы съ нимъ отъ событій громадныхъ къ мелкимъ дѣламъ, житейскимъ и литературнымъ.

Въ 1812-мъ году, когда Императоръ Александръ пріѣзжалъ въ Москву, Сер. Ник. Глинка получилъ орденъ Св. Владиміра 4-ой степени «за любовь къ отечеству, доказанную сочиненіями и дѣяніями», какъ сказано было въ Высочайшемъ рескриптѣ. Я самъ читалъ этотъ рескриптъ: онъ особенно замѣчателенъ потому, что былъ написанъ на листочкѣ самой простой почтовой бумаги и написанъ рукою А. С. Шишкова. Это обстоятельство вполнѣ выражаетъ время: видно тогда было не до того, чтобы соблюдать обыкновенныя приличія и формы. Въ настоящее время Глинка имѣлъ довольно большой пансіонъ для дѣтей

(*) Въ 1812 же году С. Н. Глинка выдалъ книгу подъ названіемъ «Записки о 1812-мъ годѣ С. Г., *перваго ратника Московскаго ополченія*»; но въ этихъ запискахъ помѣщены далеко не всѣ его разсказы.

генераловъ и офицеровъ Донскаго Казачьяго войска и продолжалъ издавать «Русской Вѣстникъ» съ большимъ успѣхомъ.

У Н. И. Ильина, который сталъ еще важнѣе отъ какихъ-то своихъ успѣховъ по службѣ, я нашелъ совершенно неожиданно рукописный экземпляръ переведеннаго мною Филоктета, списанный рукою Шушерина собственно для себя. Передъ Французами онъ далъ этотъ экземпляръ прочесть Ильину, который не слыхалъ моего перевода. Въ суматохѣ бѣгства изъ Москвы, оба забыли объ этой рукописи. Шушеринъ вскорѣ умеръ, и она осталась у Ильина, который вспомнилъ о ней только тогда, когда я сказалъ, что у меня нѣтъ черноваго списка перевода Филоктета, а посланный экземпляръ въ цензуру, передъ нашествіемъ непріятеля, пропалъ безъ вѣсти. Я обрадовался моей находкѣ, и хотя Ильинъ не уступилъ мнѣ своего списка, но позволилъ снять копію. Я немедленно напечаталъ свой переводъ *въ пользу бѣдныхъ*... но увы, бѣднымъ пришлось бы не выручить своихъ денегъ, еслибъ трагедія была напечатана на ихъ счетъ: всего разошлось экземпляровъ семдесять, а остальные сгнили въ кладовыхъ у Ширяева (*), или проданы на вѣсъ для издѣлій изъ папье-маше.

Кокошкинъ мнѣ очень обрадовался, и я ему. Домъ его на Арбатѣ сгорѣлъ, и онъ купилъ себѣ огромный каменный домъ у Арбатскихъ воротъ, гдѣ Мерзляковъ читалъ свои публичныя лекціи о Русской литературѣ и гдѣ въ послѣдствіи было столько прекрасныхъ благородныхъ спектаклей. Въ Кокошкинѣ не замѣтно было, что онъ пережилъ такую великую историческую годину: объ ней и рѣчи не было. Онъ весело встрѣтилъ меня литературными и театральными новостями, точно какъ будто ничего не случилось важнаго съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались. «Милый, какъ я вамъ радъ! восклицалъ Кокошкинъ, обнимая меня при первомъ нашемъ свиданіи, какъ кстати вы пріѣхали: Алексѣй Ѳедоровичъ у меня въ залѣ читаетъ публичныя лекціи, и конечно ничего подобнаго Москва не слыхивала; я рѣшился

(*) Первый тогдашній книгопродавецъ.

поставить на сцену моего Мизантропа (онъ всегда называлъ его *мой*), я теперь весь погруженъ въ репетиціи—работы по горло. Ваши совѣты будутъ мнѣ полезны (разумѣется, это была учтивость). Кажется, я могу вамъ поручиться за два главныя персонажа: за Мочалова (*) въ Крутонѣ и за Львову-Синецкую въ Прелестинѣ. Ахъ, да вы и не знаете ея! Какой я нашелъ талантъ для Москвы, — и гдѣ же? — Въ Рязани, куда я уѣзжалъ отъ Французовъ. Синецкой 19-ть лѣтъ, собою прелесть, страстно любитъ театръ, умна и готова учиться съ утра до вечера. Поѣдемте же завтра на репетицію, и я вамъ ее представлю; впрочемъ она не служитъ еще при театрѣ, а играетъ въ первый разъ, какъ дилетантка. Безъ нея конечно я не далъ бы Мизантропа. Что касается до Мочалова, то я самъ не ожидалъ, чтобъ онъ былъ такъ хорошъ въ Крутонѣ. Вы оставили Мочалова въ 12-мъ году весьма плохимъ актеромъ, но у него вдругъ открылся талантъ, и онъ сдѣлался любимцемъ публики: талантъ у него точно есть, и большой, но искусства, искусства мало. Я боялся двухъ вещей: во-первыхъ, что онъ не выучитъ роли (это его большой порокъ) и станетъ перевирать стихи, и во-вторыхъ, что онъ будетъ дуренъ во Французскомъ кафтанѣ; но ему такъ хотѣлось дать Мизантропа себѣ въ бенефисъ, что онъ заранѣе выпросилъ у меня пьесу и выучилъ роль претвердо. Я заставляю его репетировать во Французскомъ кафтанѣ со шпагой и треугольной шляпой—и вы удивитесь, какъ онъ ловко себя держитъ; съ его прекрасной наружностью и талантомъ онъ произведетъ большой эффектъ.... но чего мнѣ это стоило и стоитъ: этого никто, кромѣ васъ, не оцѣнитъ! Ну, да завтра вы все увидите». Хотя я самъ очень любилъ театръ, но не могъ не улыбнуться, слушая Кокошкина, который все это говорилъ съ такимъ театральнымъ жаромъ, какъ будто онъ игралъ роль человѣка, помѣшаннаго на любви къ театру. Вообще въ словахъ Кокошкина слышна была напыщенность, декламація, и это отнимало искренность у его рѣчи, касающейся даже предмета, страстно имъ любимаго.

(*) Степанъ Ѳедоровичъ Мочаловъ, отецъ нашего незабвеннаго П. С. Мочалова.

Мнѣ удалось слышать только одну лекцію Мерзлякова, именно ту, въ которой онъ разбиралъ Дмитрія Донскаго, и разбиралъ очень строго и справедливо. Не смотря на убѣдительныя и ясныя доказательства профессора, почти всѣ слушатели нашли такой разборъ любимой трагедіи пристрастнымъ и недоброжелательнымъ, даже осердились за него. Стихи Озерова, послѣ Сумарокова и Княжнина, такъ обрадовали публику, что она, восхитившись сначала, продолжала семь лѣтъ безотчетно ими восхищаться, съ благодарностью вспоминая первое впечатлѣніе,—и вдругъ, публично съ каѳедры, ученый педантъ — чѣмъ былъ въ глазахъ публики всякій профессоръ — смѣетъ называть стихи по большей части дрянными, а всю трагедію — нелѣпостью.... волненіе было сильное. Едва ли кто нибудь изъ слушателей былъ такъ доволенъ, даже обрадованъ этой лекціей, какъ я, потому что лекція очень совпадала съ жестокимъ разборомъ Дмитрія Донскаго, написаннымъ А. С. Шишковымъ; разборъ этотъ я считалъ почти во всемъ справедливымъ. Послѣ чтенія былъ завтракъ у Кокошкина, и онъ, по моей просьбѣ, познакомилъ меня съ Мерзляковымъ; я съ горячностью высказалъ ему мое сочувствіе и уваженіе и сообщилъ о критикѣ Шишкова. Въ этотъ же день я видѣлъ въ первый и послѣдній разъ Батюшкова.

На репетицію Мизантропа я не попалъ, по какимъ-то особеннымъ обстоятельствамъ; но первое представленіе въ бенефисъ Мочалову, бывшее 15-го Декабря, я видѣлъ и не могъ забыть этого спектакля. Онъ произвелъ на меня самое пріятное и глубокое впечатлѣніе: Мочаловъ и Синецкая доставили мнѣ истинное наслажденіе, особенно Мочаловъ, потому что Синецкая была еще слишкомъ неопытна, а роль требовала искусной и опытной актрисы. Впрочемъ ея молодость, прекрасная наружность, благородство во всѣхъ движеніяхъ, необыкновенная чистота произношенія, обѣщали въ ней со временемъ замѣчательную артистку (что и оправдалось), и публика приняла ее съ громкимъ и общимъ одобреніемъ. Мочаловъ же былъ такъ хорошъ во всей піесѣ, что я лучше его не видѣлъ актера

въ роли Мизантропа. Тогда же, по окончаніи піесы, я поспѣшилъ съ нимъ познакомиться: я нашелъ въ немъ очень добраго человѣка, любящаго свое дѣло, но понимающаго его только по инстинкту. Въ душѣ у него было много чувства и огня.

Черезъ нѣсколько дней я уѣхалъ въ Петербургъ.

1816-й ГОДЪ.

Въ этомъ году, во время трехмѣсячнаго моего пребыванья въ Петербургѣ, когда я имѣлъ счастіе такъ близко узнать Державина, познакомился я самымъ оригинальнымъ образомъ съ М. Н. Загоскинымъ, о которомъ до тѣхъ поръ не имѣлъ никакого понятія. Живя вмѣстѣ съ полковникомъ П. П. М-мъ, въ Гарновскомъ домѣ, я находился постоянно въ кругу Измайловскихъ офицеровъ; съ нѣкоторыми изъ нихъ я былъ знакомъ очень дружески, откровенно разсказывалъ имъ все, о чемъ говорилъ съ Гавриломъ Романовичемъ Державинымъ и, кстати, о всѣхъ моихъ литературныхъ убѣжденіяхъ. Тогда еще пользовалась успѣхомъ на театрѣ комедія кн. Шаховскаго: «Липецкія воды.» Я пріѣхалъ изъ Москвы, сильно возстановленный противъ этой комедіи; ея успѣхъ на сценѣ, котораго она конечно вполнѣ не стоила, еще болѣе раздражилъ меня. Въ откровенныхъ разговорахъ съ Державинымъ я жестоко критиковалъ «Липецкія воды». Старикъ соглашался иногда съ моими замѣчаніями и сказалъ мнѣ, чтобъ я написалъ обстоятельный разборъ комедіи кн. Шаховскаго. Я написалъ и прочелъ Гаврилѣ Романовичу, въ присутствіи его домашнихъ и нѣкоторыхъ обыкновенныхъ его посѣтителей; хозяинъ во многомъ былъ одного мнѣнія со мной; но двое изъ гостей горячо заступились за кн. Шаховскаго и въ опроверженіе моихъ критическихъ замѣчаній ссылались на комедію Загоскина: «Комедія противъ комедіи или урокъ волокитамъ», которой я еще не зналъ. Разумѣется, я прочелъ мою критику и въ Гарновскомъ домѣ, не пропустивъ случая побранить Загоскина, котораго въ глаза не видывалъ и комедіи котораго не читалъ. Хозяинъ мой,

М-въ, очень забавлялся моими выходками противъ Загоскина, близкаго ему родственника, и чтобъ позабавиться моей горячностью, отыскалъ, завалившуюся гдѣ-то у него «Комедію противъ комедіи», подаренную ему отъ сочинителя съ родственной надписью, и далъ мнѣ прочесть. Все общество было противъ меня и я, по моей вспыльчивости, очень разсердился за офицерскую антикритику и даже насмѣшки. Я сталъ читать въ слухъ пьесу Загоскина съ предубѣжденіемъ, даже съ положительнымъ намѣреніемъ найдти ее дурною. Безсовѣстно придирался къ каждому слову и, взбѣшенный моими антагонистами, наконецъ бросилъ подъ столъ комедію и сказалъ, что сочинитель глупъ, М-въ хохоталъ до упаду.—Черезъ нѣсколько дней, будучи нездоровъ, я сидѣлъ одинъ дома; вдругъ съ шумомъ растворилась дверь, хозяинъ мой, М-въ, почти вбѣжалъ въ комнату, ведя за руку плотнаго молодаго человѣка, бѣлаго, румянаго, съ прекрасными вьющимися каштановыми волосами и съ золотыми очками на носу. Съ неудержимой веселостью и смѣхомъ М-въ подвелъ ко мнѣ неизвѣстнаго мнѣ господина и, сказалъ: «это моя роденька, Михайла Николаичь Загоскинъ», и, обратясь къ Загоскину, продолжалъ: «а это мой Оренбургской землякъ, С. Т. Аксаковъ, который на дняхъ, читая намъ твою комедію, плюнулъ на неё, бросилъ подъ столъ и сказалъ, что авторъ глупъ.» М-въ, очень довольный такой остроумной шуткой, принялся хохотать; но мы съ сочинителемъ комедіи стояли, какъ окаменѣлые, другъ противъ друга, каждый съ протянутою рукою—и, конечно, были смѣшны. Загоскинъ, очень конфузливый и вспыльчивый отъ природы, покраснѣлъ, какъ вареный ракъ, я также; но я опомнился первый и, кое-какъ собравшись съ духомъ, сказалъ: «ваша родня, а мой пріятель, Павелъ Петровичь, заранѣе придумалъ эту неприличную шутку, чтобы поссорить насъ при первомъ свиданіи и чтобы позабавиться нашей литературной схваткой». Загоскинъ что-то проборматалъ, и мы кое-какъ пожали другъ другу руки; но неугомонный М-въ началъ увѣрять, что все это правда. Я разсердился и весьма серьозно сказалъ ему нѣсколько жесткихъ словъ, которыя уняли и образумили его; онъ въ

свою очередь сталъ извиняться и увѣрять, что онъ только хотѣлъ пошутить и что онъ очень желаетъ, чтобы мы были пріятелями. Черезъ нѣсколько минутъ, послѣ нѣсколькихъ пустыхъ фразъ, Загоскинъ, ѣхавшій куда-то на вечеръ, ушелъ. Я крѣпко поссорился съ М-мъ, даже хотѣлъ переѣхать отъ него на другую квартиру, и онъ едва упросилъ меня остаться. Надобно сказать, что М-въ, встрѣтившись нечаянно съ Загоскинымъ на улицѣ, близъ Гарновскаго дома, вспомнивъ недавно происходившее чтеніе его комедіи, захотѣлъ потѣшиться и затащилъ къ себѣ своего родственника почти насильно, увѣривъ, что имѣетъ сообщить ему что-то нужное. Можно судить, каковъ былъ сюрпризъ бѣднаго Загоскина, который не слыхивалъ даже моего имени! Я не имѣлъ духу сдѣлать визитъ ему и уѣхалъ изъ Петербурга, болѣе съ нимъ не видавшись.

Въ эти же три мѣсяца 1816-го года, столь счастливые для меня на знакомства съ замѣчательными людьми, увидѣлся я въ первый разъ съ кн. А. А. Шаховскимъ, и увидѣлся весьма непріятно. Я упомянулъ объ этомъ мимоходомъ, говоря о знакомствѣ съ Державинымъ, а теперь долженъ коснуться подробнѣе и отчасти повторить уже сказанное мною. Дѣло состояло въ томъ, что князь Шаховской, не смотря на свое дѣтское добродушіе, любилъ выказывать себя ѣдкимъ острякомъ и вообще былъ способенъ къ крайнему предубѣжденію. Онъ не благоволилъ къ Ѳ. Ѳ. Кокошкину, не благоволилъ къ его переводу Мольерова Мизантропа; поморщился, что М. И. Вальбергъ выпросила себѣ эту пьесу въ бенефисъ, и сдѣлалъ прекислую гримасу, когда я пріѣхалъ къ нему съ рукописью и письмомъ, въ которомъ Кокошкинъ предоставлялъ мнѣ свое право—поставить Мизантропа на Петербургской сценѣ. Мнѣ разсказывалъ покойный Я. Г. Брянскій, находившійся свидѣтелемъ перваго моего свиданія съ кн. Шаховскимъ и бывшій со мною въ послѣдствіи въ пріязненныхъ отношеніяхъ, что Шаховской, принявшій меня весьма сухо и отдѣлавшійся отъ меня въ нѣсколько минутъ, послѣ моего ухода, разразился цѣлымъ потокомъ насмѣшекъ и брани на мою невинную личность.

Шаховскаго трудно передразнить (*), еще труднѣе передать на бумагѣ его смѣшное бормотанье, какое-то особенное пришепетыванье, его горячность и скороговорку, которая иногда доходила до такаго глотанья словъ, что нельзя было понять, что̀ онъ говоритъ; а потому я буду приводить его разговоры обыкновеннымъ образомъ, кромѣ нѣкоторыхъ словъ, что̀ конечно моимъ читателямъ, не знавшимъ лично кн. Шаховскаго, не передастъ его рѣчи. Только что я вышелъ за дверь (сказывалъ Брянскій), кн. Шаховской вскочилъ съ креселъ, схватилъ себя ладонью по лысинѣ (это былъ его обыкновенный пріемъ, выраженіе вспышки), забормоталъ, затрещалъ и запищалъ своимъ въ высшей степени фальшивымъ голосомъ: «Это что еще? дулякъ Кокошкинъ переложилъ глупѣйшимъ образомъ на Лусскіе нравы несчастнаго Мольера и прислалъ къ намъ изъ Москвы какого-то дуляка ставить свой переводъ, какъ будто бы я безъ него не умѣлъ этого сдѣлать! Этотъ Кокошкинъ, этотъ накрахмаленный галстукъ, который не умѣетъ разинуть рта по человѣчески, хочетъ учить меня и всѣхъ Петербургскихъ артистовъ, черезъ своего длуга, какъ надобно разыграть Мольерову піесу! Да изъ этого надобно сдѣлать водевиль въ слѣдующій бенефисъ Марьи Ивановны. Хорошо! мы позовемъ его повѣреннаго на лепетицію. Разумѣется, его никто не будетъ слушать; за то онъ насъ посмѣшитъ (**)». Вмѣсто того, чтобъ пригласить меня, какъ

(*) Одинъ только Сосницкій, въ роли Фальстафа, по совѣту самаго же кн. Шаховскаго, умѣлъ мастерски передразнить его на сценѣ; но и тутъ произношеніе было передано не совсѣмъ вѣрно; за то весь комизмъ его фигуры, походка, движенье рукъ, всѣ пріемы и манеры, и даже вся мимика лица, были переданы въ совершенствѣ. Мнѣ разсказывали, что самъ же Шаховской, восхищавшійся на репетиціяхъ искусствомъ Сосницкаго, на настоящемъ представленіи разсердился на своего любимца и ученика и нашелъ его игру каррикатурною. Копія была такъ похожа на оригиналъ, что въ креслахъ поднялся хохотъ, послышались восклицанія: «это Шаховской, это князь Шаховской!!», и послѣдовало такое продолжительное хлопанье, что актеры принуждены были на время остановиться въ представленіи пьесы. Повторяю, что я говорю слышанное мною: перваго представленія піесы я не видалъ.

(**) Передать рѣчь кн. Шаховскаго потому невозможно, что онъ иногда

это водится, прочесть піэсу артистамъ, въ ней играющимъ, кн. Шаховской самъ читалъ имъ переводъ Мизантропа, и тотъ же Брянскій сказывалъ мнѣ, что они не могли удержаться отъ смѣху, слушая Шаховскаго, который, браня Кокошкина почти послѣ каждаго стиха, до того горячился и до того былъ смѣшенъ, что никто не понималъ ни одного слова изъ піесы, и что наконецъ Шаховской самъ расхохотался.... такъ и кончилась считка на 1-мъ актѣ. Меня пригласили на первую репетицію. Актеры читали скоро и довольно твердо, но заглядывали иногда въ роли. Мнѣ показалось, что многое понято не такъ и не такъ выражается, какъ слѣдуетъ; а потому, по выслушаніи пьесы, я весьма скромно сказалъ о томъ кн. Шаховскому, прибавя, что Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, мастерское чтеніе и сценическій талантъ котораго, а также знаніе театральнаго искусства, признаны всѣми, не одинъ разъ читалъ мнѣ свой переводъ, именно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ я могъ прочесть его Петербургскимъ артистамъ и чтобъ они изъ моего чтенія поняли, чего желаетъ въ ихъ игрѣ переводчикъ Мизантропа. Я заключилъ свою рѣчь просьбою: позволить мнѣ прочесть піесу гг. участвующимъ актерамъ и актрисамъ. Кн. Шаховской, саркастически прищуря свои маленькіе глаза и нюхая табакъ своимъ огромнымъ носомъ или, лучше сказать, нюхая кончики своихъ пальцевъ, вымаранныхъ когда-то въ табакѣ, отвѣчалъ мнѣ, что трудъ мой былъ бы напрасенъ, что Петербургскіе артисты не станутъ играть по Московски, да и времени свободнаго не имѣютъ выслушать мою декламацію; что теперь они еще не знаютъ ролей; что меня пригласятъ на настоящую репетицію и что мнѣ предоставляется право остановить артиста и сдѣлать ему замѣчаніе, если я не буду доволенъ его игрой. Все это было говорено такимъ тономъ и съ такимъ выраженіемъ, что мнѣ не трудно было понять, какую смѣшную и глупую роль играю я самъ въ этомъ спектаклѣ. Но горячая любовь къ театру и желаніе оправ-

---

не выговаривалъ буквы *р*, иногда *с*, иногда *ш*; а въ иныхъ случаяхъ эти же самыя буквы произносилъ хорошо, а коверкалъ совсѣмъ другія.

дать довѣренность Кокошкина заставили меня еще разъ пріѣхать на репетицію. Это была предпослѣдняя репетиція, разумѣется, безъ ролей. Кн. Шаховской сказалъ актерамъ, чтобъ играли во весь голосъ, какъ на настоящемъ представленіи. Я былъ точно также недоволенъ выполненіемъ пьесы. Я заранѣе рѣшился никого не останавливать, да это и неудобно на главной репетиціи и совершенно нарушило бы ходъ и ладъ комедіи, но послѣ третьяго акта, я рѣшительно сказалъ кн. Шаховскому, что пьеса совсѣмъ идетъ не такъ, какъ желаетъ переводчикъ, что главныя лица: « Крутонъ (Альсестъ) » и « Прелестина (Солимена) » чрезвычайно холодны и не одушевляютъ своихъ ролей; что Брянскій грубъ, а не горячъ, и что въ немъ не слышно пламенной и чувствительной души Альсеста; что Валберхова также холодна; что Сосницкій отвратительно каррикатуренъ.... Кн. Шаховской какъ будто почувствовалъ правду моихъ словъ, какъ будто вдругъ проснулись въ немъ добросовѣстность и любовь къ искусству, и онъ вдругъ заговорилъ совершенно другимъ, уже добродушнымъ тономъ. « Послушайте, сказалъ онъ, говоля по истинѣ и по плавдѣ, пьеса идетъ не холошо, да ей и нельзя идти холошо. Другъ мой Ѳ. Ѳ. (*другъ* въ подобныхъ случаяхъ значилъ у Шаховскаго бранное слово) самъ объ этомъ посталался. Я его очень люблю и уважаю, но вѣдь онъ немножко нелѣпъ; вѣдь онъ самъ испакостилъ Мизантропа. Передѣлать совсѣмъ, какъ говорится, на Лусскіе нравы, храбрости у него не хватило, а все таки Альсеста перекрестилъ въ Крутоны, и Палату какую-то приплелъ и Лусскую пѣсню, и вышелъ — Господи, прости ему его соглѣшеніе — совершенный сумбуръ. Теперь эту пьесу нельзя иглать по Французскимъ традиціямъ, а вѣдь я знаю, что другу моему Ѳедору Ѳедоровичу хочется, чтобъ ее иглали по Французски; а по Лусски ее тоже нельзя иглать: развѣ это Лусскіе люди? Это не люди, это Богъ знаетъ кто такіе; съ луны попадали.... Ну, развѣ такъ кто-нибудь говоритъ:

« И, словомъ, тотъ, кто другъ всего земнаго круга,
« Того я не могу считать себѣ за друга!... »

Вѣдь Мольеръ-то просто говоритъ: « другъ всего свѣта не можетъ быть моимъ другомъ ». Я тоже въ свою очередь почувствовалъ правду словъ кн. Шаховскаго и согласился съ нимъ, что переводчикъ сдѣлалъ ошибку. Но я старался доказать Шаховскому, что актеры, играющіе главныя лица въ комедіи, весь интересъ которой заключается въ яркомъ, выпукломъ, живомъ изображеніи людей, потому что эта пьеса характеровъ, а не интриги, — такой безжизненной игрой наскучатъ зрителямъ. Шаховской со мной не согласился и увѣрялъ, что пьеса пойдетъ отлично, забывъ уже, что сей часъ говорилъ о невозможности идти ей хорошо, и что онъ придастъ огня Брянскому и Вальберховой на вечерней репетиціи, которая будетъ у него на квартирѣ,—куда и пригласилъ меня; но я, разумѣется, не повѣрилъ его словамъ и не поѣхалъ на его домашнюю репетицію. Съ тѣхъ поръ я не видался съ кн. Шаховскимъ до 1826-го года, когда мы сдѣлались уже большими пріятелями.

Въ исходѣ Марта я воротился изъ Петербурга въ Москву. Я разсказалъ Кокошкину всѣ продѣлки кн. Шаховскаго; разсказалъ, съ какимъ успѣхомъ я читалъ его переводъ въ домѣ Державина, какъ былъ доволенъ Гаврила Романовичь и какъ велѣлъ его благодарить; разсказалъ даже и то, что послѣ перваго представленія « Мизантропа », во время антракта, передъ какой-то другой пьесой, я пошелъ въ ложу къ Державину, который при другихъ сказалъ мнѣ, что онъ « больше оцѣнилъ достоинство перевода, когда я читалъ Мизантропа у него въ гостиной, и что послѣ моего чтенія онъ остался не доволенъ игрою актеровъ ». Кокошкинъ обнималъ и благодарилъ меня. « Ахъ, милый С. Т., какъ мнѣ больно, говорилъ онъ, что этотъ сумасшедшій Шаховской такъ непріятно васъ встрѣтилъ. Вѣдь онъ сумасшедшій и не любитъ меня, считая, что я поклонникъ Карамзина и врагъ Шишкова, а я, какъ вы сами знаете, мой милый, ни чей не поклонникъ и не врагъ. Я вотъ не люблю двоедушія: когда я читалъ 1-й актъ моего Мизантропа въ Бесѣдѣ Русскаго Слова, Шаховской первый меня хвалилъ. Ну, да я его усмирю при

свиданьи». — Мнѣ показались странными и невѣроятными послѣднія хвастливыя слова; но через десять лѣтъ, когда кн. Шаховской, Кокошкинъ и я жили въ Москвѣ, я нѣсколько разъ имѣлъ случай видѣть, какъ равнодушная важность Кокошкина укрощала вспыльчивость кн. Шаховскаго, впрочемъ весьма податливаго на уступки.

Послѣдніе мѣсяцы жизни моей въ Москвѣ я былъ полонъ совсѣмъ другими интересами, а потому литературныя и театральныя мои знакомства не поддерживались съ прежнею живостью. Я видѣлъ однако Мочалова въ двухъ самыхъ лучшихъ его роляхъ, въ комедіяхъ «Гваделупскій житель» и «Тонъ моднаго свѣта». Обѣ эти пьесы, теперь давно забытыя, даже и тогда уже сходили съ репертуара и давались очень рѣдко; едва ли не въ послѣдній разъ видѣла ихъ тогда на сценѣ Московская публика, и вмѣстѣ съ нею я—въ первый и послѣдній разъ. Кокошкинъ, пользуясь сильнымъ авторитетомъ при театрѣ, устроилъ нарочно для меня оба спектакля: ему хотѣлось, чтобъ я видѣлъ Мочалова въ тѣхъ роляхъ, въ которыхъ онъ хорошъ безукоризненно, и въ самомъ дѣлѣ Мочаловъ привелъ меня въ изумленіе и восхищеніе. Это было совершенство, котораго я и вообразить не могъ! Это было какое-то чудо, превращеніе! Мочалова въ другихъ піесахъ, особенно въ трагедіяхъ, и Мочалова въ «Гваделупскомъ жителѣ» и преимущественно въ «Тонѣ моднаго свѣта» — нельзя было признать однимъ и тѣмъ же человѣкомъ. Еслибъ кто-нибудь видѣлъ Мочалова только въ этихъ двухъ піесахъ, онъ счелъ бы его за одного изъ первоклассныхъ, великихъ артистовъ; между тѣмъ какъ этотъ же самый актеръ являлся во всѣхъ трагедіяхъ безъ исключенія, а въ драмахъ и комедіяхъ съ исключеніемъ — весьма плохимъ актеромъ; у него бывали одушевленныя мѣста, но по большей части одушевленіе приходило не кстати, не къ мѣсту, однимъ словомъ: талантъ былъ замѣтенъ, но отсутствіе всякаго искусства, непониманіе представляемаго лица убивали его талантъ. У него былъ одинъ пріемъ, всегда блистательно удававшійся ему на Московской сценѣ: въ какомъ-нибудь патетическомъ мѣстѣ своей роли бросал-

ся онъ на аван-сцену и съ неподдѣльнымъ чувствомъ, съ огнемъ, вылетавшимъ прямо изъ души, скорымъ полушепотомъ произносилъ онъ нѣсколько стиховъ или нѣсколько строкъ прозы — и обыкновенно увлекалъ публику. Въ первый разъ это точно былъ сценическій порывъ, избытокъ вскипѣвшаго чувства, пришедшійся кстати и, по справедливости, восхитившій публику. Мочаловъ, замѣтивъ успѣхъ, сталъ употреблять этотъ пріемъ чаще; сначала тогда только, когда чувствовалъ приливъ одушевленія, а потомъ уже безъ всякаго прилива и совершенно не въ попадъ; но благосклонная и благодарная публика всегда награждала его громкими рукоплесканіями. Это его избаловало; онъ началъ плохо учить новыя роли, забывалъ старыя, излѣнился, загулялъ и началъ постепенно падать въ мнѣніи публики. Въ самое это время его подняла и отрезвила роль «Мизантропа», а потомъ роли въ «Гваделупскомъ жителѣ» и «Тонѣ моднаго свѣта». Я съ удовольствіемъ вспоминаю тогдашнее мое знакомство съ этимъ добрымъ и талантливымъ человѣкомъ; онъ какъ-то очень полюбилъ меня, и когда, уѣзжая изъ Москвы въ Августѣ, я заѣхалъ проститься, мѣсяца два передъ этимъ не видавшись съ нимъ, онъ очень непріятно былъ изумленъ и очень сожалѣлъ о моемъ отъѣздѣ, и сказалъ мнѣ: «ну, С. Т., если это уже такъ рѣшено, то я вамъ открою секретъ: я готовлю Московской публикѣ сюрпризъ; хочу взять себѣ въ бенефисъ «Эдипа въ Аѳинахъ», самъ сыграю Эдипа, сынъ— Полиника, а дочь — Антигону. Вы послѣ завтра ѣдете, а мнѣ хочется, чтобъ вы насъ видѣли. Паша, Маша, закричалъ онъ, ступайте сюда». Паша и Маша явились и вмѣстѣ съ отцомъ разыграли передо мною нѣсколько сценъ изъ Эдипа въ Аѳинахъ. Старикъ Мочаловъ могъ бы очень хорошо сыграть Эдипа, еслибъ понималъ лучше роль и не молодился. Мочаловъ-сынъ тогда уже показывалъ необыкновенный талантъ и бездну огня и чувства; дочь ничего не обѣщала, не смотря на прекрасные глаза, хотя и была въ послѣдствіи нѣсколько лѣтъ любимицей Москвы и даже знаменитостью, особенно когда выучилась съ голосу подражать нѣкоторымъ блестящимъ мѣстамъ въ игрѣ Семе-

новой, пріѣзжавшей отъ времени до времени восхищать Москву. Старикъ Мочаловъ просилъ меня никому объ этомъ не сказывать, даже Ѳ. Ѳ. Кокошкину, что мнѣ было легко исполнить, потому что я до отъѣзда съ Кокошкинымъ не видался. Черезъ два дня я уѣхалъ въ Оренбургскую губернію, съ намѣреніемъ прожить тамъ десять лѣтъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, меня увѣдомили, что старикъ Мочаловъ исполнилъ свое намѣреніе и далъ себѣ въ бенефисъ «Эдипа въ Аѳинахъ»; что самъ онъ большаго успѣха не имѣлъ, а сынъ и дочь были приняты публикой съ восторгомъ. Роль Полиника осталась одною изъ самыхъ блестящихъ ролей молодаго Мочалова.

1820 и 1821-й ГОДА.

Въ 1820-мъ году, въ исходѣ Августа, пріѣхалъ я по особеннымъ обстоятельствамъ, вопреки моему намѣренію прожить 10-ть лѣтъ безвыѣздно въ деревнѣ, на годъ въ Москву, уже съ семействомъ. Я возобновилъ свое знакомство съ Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ, начавшееся въ 1812-мъ году, передъ нашествіемъ Французовъ, и сдѣлавшееся очень близкимъ въ 1815 и 1816-хъ годахъ. Отъ него я узналъ, что М. Н. Загоскинъ, также уже женатый человѣкъ, отецъ двухъ сыновей, переѣхалъ на житье въ Москву за два мѣсяца до моего пріѣзда, что онъ предобрѣйшій человѣкъ и очень часто у него бываетъ. Я разсказалъ Кокошкину про оригинальную встрѣчу съ Загоскинымъ и сказалъ, что я хочу съѣздить къ нему, что мнѣ совѣстно передъ нимъ, и что я постараюсь истребить непріятное впечатлѣніе, которое вѣроятно у него осталось отъ перваго нашего свиданія. Кокошкинъ разсмѣялся и сказалъ мнѣ, что я не имѣю понятія о добродушіи Загоскина. Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько дней я встрѣтился съ нимъ у того же Кокошкина, и Загоскинъ, предупрежденный обо мнѣ въ хорошую сторону, равно и о томъ, что я хочу къ нему пріѣхать, что мнѣ совѣстно на него взглянуть—бросился ко мнѣ нашею, разцѣловалъ меня въ пухъ и чуть не задушилъ въ своихъ объятіяхъ, потому что былъ очень силенъ. «Ну, какъ

вамъ не стыдно помнить о такомъ вздорѣ! сказалъ онъ; какъ я радъ, что мы съ вами встрѣтились и будемъ жить вмѣстѣ въ Москвѣ. Ну, давайте же руку и подружимтесь.» Все это было сказано такъ искренно, такъ просто и добродушно, что я полюбилъ Загоскина съ перваго разу. Онъ пользовался въ это время уже авторской извѣстностью и написалъ нѣсколько комедій въ прозѣ, которыя имѣли большой успѣхъ на театрѣ, и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ. На другой день поутру, Загоскинъ предупредилъ меня, ранехонько пріѣхалъ ко мнѣ и просидѣлъ у меня нѣсколько часовъ. Мы окончательно подружились и стали говорить другъ другу «ты.»

Загоскинъ былъ самый добродушный, простодушный, неизмѣнно-веселый, до излишества откровенный и прямо честный человѣкъ. Узнать его было не трудно: съ первыхъ словъ онъ являлся весь, какъ на ладонкѣ, съ перваго свиданья въ немъ никто уже не сомнѣвался и не ошибался. Соединяя съ такими качествами крайнюю довѣрчивость, даже легковѣріе и убѣжденіе, что всѣ люди—прекрасные люди, онъ, можно сказать, приглашалъ всякаго недобраго человѣка обмануть Загоскина, и конечно приглашеніе принималось часто, охотно, и едва ли какой нибудь смертный бывалъ надуваемъ во всю свою жизнь, какъ Загоскинъ. Онъ имѣлъ прямой, здравый Русскій умъ и толкъ; вся православная Русь знаетъ это изъ его сочиненій; но въ свѣтскомъ обществѣ самые ограниченные свѣтскіе люди считали Загоскина простякомъ: мошенники, вѣроятно, выражались объ немъ еще безцеремоннѣе. Даровитость его признавалась уже всѣми, но въ то время еще никто не подозрѣвалъ, чтобъ Загоскинъ могъ написать «Благородный театръ» и еще менѣе — «Юрія Милославскаго».

При первомъ свиданіи Загоскинъ разсказалъ мнѣ всю жизнь и свое настоящее положеніе, при чемъ однако не трудно было замѣтить, что у него лежало что-то на душѣ, что онъ чего-то непріятнаго и тяжелаго не договариваетъ. Онъ убѣдительно просилъ меня, чтобъ я не отдавалъ ему визита; но я, разумѣется, его не послушалъ и на другой же день къ нему поѣхалъ. Загоскинъ жилъ въ домѣ своего

тестя, въ мезонинѣ, съ женой и дѣтьми, и помѣщался очень тѣсно. Я видѣлъ, что мое посѣщеніе его смутило. Комнатка, въ которой онъ меня принялъ, была проходная; всѣ наши разговоры могли слышать посторонніе люди изъ сосѣднихъ комнатъ, а равно и мы слышали все, что около насъ говорилось, особенно потому, что кругомъ насъ разговаривали громко, ни мало не стѣсняясь присутствіемъ хозяина, принимающаго у себя гостя. Загоскинъ, очень вспыльчивый, безпрестанно краснѣлъ, выбѣгалъ даже, пробовалъ унять неприличный шумъ; но я слышалъ, что ему отвѣчали смѣхомъ. Я понялъ положеніе бѣднаго Загоскина посреди избалованнаго, наглаго лакейства, въ домѣ господина, представлявшаго въ себѣ отраженіе стариннаго Русскаго капризнаго барина Екатерининскихъ временъ, по видимому не слишкомъ уважавшаго своего зятя. Я понялъ, чего не договорилъ Загоскинъ, и поспѣшилъ уѣхать, давъ себѣ слово никогда не смущать своими посѣщеніями новаго моего пріятеля. Онъ былъ такъ внутренно благодаренъ мнѣ за то, что уѣзжаю, что нѣсколько разъ принимался меня цѣловать, обѣщая всякій день навѣщать меня; даже въ тотъ же день хотѣлъ пріѣхать вечеромъ, но я сказалъ ему, что долженъ провести этотъ вечеръ у своей хозяйки, княгини Несвицкой. Загоскинъ сдержалъ свое обѣщаніе и бывалъ у меня всякій день, даже и въ тѣ дни, когда мы вмѣстѣ съ нимъ обѣдали или проводили вечера у общихъ нашихъ знакомыхъ. Правду сказать, я самъ жилъ довольно тѣсненько, и особеннаго кабинета у меня не было, но за то сидѣли мы въ маленькой угловой гостиной, гдѣ никто намъ не мѣшалъ и гдѣ могли мы говорить свободно и громко, потому что оба были большіе и горячіе крикуны.

Всего чаще мы бывали съ Загоскинымъ у Ѳ. Ѳ. Кокошкина, который жилъ постоянно въ Москвѣ, въ своемъ прекрасномъ и большомъ домѣ у Арбатскихъ воротъ, на углу Воздвиженки. Онъ пользовался тогда общимъ уваженіемъ, какъ литераторъ (за переводъ Мизантропа), какъ знаменитый декламаторъ, любитель и покровитель театральнаго искусства, какъ благородный артистъ и какъ гостепріимный

хозяинъ; у него не рѣдко бывали всѣ Московскіе литераторы, и даже Петербургскіе, когда пріѣзжали въ Москву. Кокошкинъ, страстный охотникъ играть на театрѣ, подкрѣпленный моимъ горячимъ сочувствіемъ, не замедлилъ завести у себя въ домѣ благородные спектакли, въ которыхъ впослѣдствіи принималъ участіе и Загоскинъ, хотя онъ вовсе не имѣлъ сценическихъ дарованій и притомъ былъ забывчивъ, разсѣянъ и очень способенъ приходить въ крайнее смущеніе. Для перваго спектакля была выбрана комедія «Два Фигаро», піеса огромная, очень трудная для исполненія. Главную роль стараго Фигаро игралъ Кокошкинъ мастерски, по общему признанію тогдашнихъ знатоковъ; молодой Фигаро, кажется г-нъ Ф-ръ, былъ недуренъ. Я также съ успѣхомъ занималъ роль гр. Альмавивы, обыкновенно пропадавшую на публичной сценѣ, и въ Москвѣ и въ Петербургѣ, потому что ея никогда не игралъ хорошій актеръ, а роль требовала пониманія и труда. Долго работали мы общими силами надъ постановкой этой піесы, и я безпристрастно скажу, что не видалъ во всю мою жизнь такаго непубличнаго, такъ называемаго, благороднаго спектакля. Самое большое затрудненіе представляли женскія роли; но тогда и это затрудненіе было счастливо побѣждено: наши благородныя артистки любили искусство, слушались совѣтовъ и не скучали репетиціями; роль же Сусанны съ блистательнымъ успѣхомъ игралась извѣстнымъ тогда въ Москвѣ талантомъ благородной сцены, Е. А. В-ю. Два раза смотрѣло лучшее Московское общество эту піесу, осыпая её громкими рукоплесканіями, и долго шумѣла молва объ этомъ великолѣпномъ и по истинѣ прекрасномъ спектаклѣ. Сами актеры были очарованы имъ. Сойдя со сцены, мы были еще такъ полны своими и чужими впечатлѣніями, что посреди шумнаго бала, смѣнившаго спектакль, не смѣшались съ обществомъ, которое привѣтствовало насъ восторженными, искренними похвалами; мы невольно искали другъ друга и, отобравшись особымъ кружкомъ, разумѣется, кромѣ хозяина, говорили о своемъ чудномъ спектаклѣ; тѣмъ же особымъ кружкомъ сѣли мы за великолѣпный ужинъ—и, Боже мой, какъ

были счастливы! Я обращаюсь ко всѣмъ вамъ, моимъ сотоварищамъ и собесѣдникамъ въ этотъ вечеръ, уцѣлѣвшимъ на жизненномъ пути, вамъ, пощаженнымъ еще временемъ! Вы вѣрно не забыли этого спектакля и этого ужина, не забыли этого чистаго, упоительнаго веселья, которому предавались мы съ увлеченіемъ молодости и любви къ искусству; не правда ли, что это было что-то необыкновенное, никогда уже не повторившееся?...

Кокошкинъ приходилъ къ намъ, на минуту оторвавшись отъ своихъ почетныхъ гостей; онъ завидовалъ намъ и выпилъ въ честь нашего спектакля «актерскій бокалъ».

Загоскинъ не участвовалъ въ спектаклѣ, но присутствовалъ на каждой репетиціи, ужиналъ вмѣстѣ съ нами и раздѣлялъ наше увлеченіе. Ему уже хотѣлось играть самому, но онъ еще боролся съ своей робостью. На другой день мы всѣ собрались обѣдать къ Кокошкину. Странное дѣло! Многіе изъ насъ чувствовали какое-то грустное настроеніе духа; разумѣется, каждый приписывалъ это личному расположенію и каждый былъ удивленъ, замѣтивъ тоже самое въ другихъ. Одинъ изъ самыхъ страстныхъ актеровъ написалъ стихи.... но къ чему таиться, — это былъ я. Стихи плоховаты, но въ нихъ именно высказывалась грусть, что кончились наши заботы и тревоги, что уже не существуетъ предмета и цѣли нашихъ стремленій, что нѣтъ впереди такаго спектакля, котораго мы ждали, къ которому готовились, какъ будто къ важному событію. Стихи пришлись очень кстати: они каждому объясняли его чувство и потому были приняты съ восторгомъ, отъ нѣкоторыхъ дамъ — даже со слезами. Вотъ уцѣлѣвшія въ памяти моей строки:

. . . .
«Гдѣ вы, тревожныя заботы, суеты,
Сердецъ пріятное волненье,
Боязни и надеждъ премѣнно ощущенье
И самолюбія мечты?
Гдѣ зрителей восторгъ и удивленье,
Талантамъ истиннымъ нельстивыя хвалы,
Рукоплесканій громъ, благодаренье,

Весельемъ искреннимъ шумящіе столы?
Изчезло все.:....... и пустота, смущенье,
Уныніе на сердцѣ налегло!
Зачѣмъ же цѣли достиженье,
Свершившись,—намъ отрадъ не принесло?

Здѣсь многихъ стиховъ не помню, но вотъ заключеніе:

«Прочь, души хладныя хулители суровы,
Дерзающіе насъ съ презрѣньемъ порицать (*)!
Влачите рабскія приличія оковы,
Не вамъ божественный огонь въ себѣ питать.
Веселье чистое утѣхи благородной,
Любовь къ искусству—ты питай меня всегда,
Отъ предразсудковъ всѣхъ души моей свободной
Не покидай въ сей жизни никогда!

Сколько дѣтскаго и, пожалуй, смѣшнаго было въ этомъ увлеченіи! Какъ оно живо выражаетъ отсутствіе серьезныхъ интересовъ, или, пожалуй, серьезность интереса и взгляда на искусство, можетъ-быть у многихъ безсознательнаго. Но пріятно вспомнить объ этомъ времени. Въ тридцать шесть лѣтъ постарѣли не мы одни, не наши только личности,—постарѣло или, правильнѣе сказать, возмужало общество, и подобное увлеченіе теперь невозможно между самыми молодыми людьми. Въ Москвѣ же тогда много находилось, даже пожилыхъ людей и стариковъ, для которыхъ спектакль «Два Фигаро»—былъ важнымъ событіемъ въ лѣтописяхъ благородной сцены театральнаго искусства. Но, конечно, никто такъ не оцѣнилъ и никто не принялъ такъ близко къ сердцу нашего спектакля, какъ Кн. Ив. М. Долгорукой, который былъ не только самъ *въ душѣ* страстный и отличный, по тогдашнему, актеръ, но не менѣе того любилъ щеголять постановкою благородныхъ спектаклей въ своемъ домѣ.

Князь И. М. Долгорукой былъ по истинѣ достолюбезное лице, также невозможное въ настоящее время. Онъ

(*) Этотъ стихъ относился къ двумъ значительнымъ дамамъ, родственницамъ Кокошкина, по покойной его женѣ.

прекрасно изображенъ, какъ писатель и человѣкъ, въ біографіи, написанной М. А. Дмитріевымъ и напечатанной въ 1851-мъ году, подъ названіемъ: «Князь Иванъ Михайлычь Долгорукой и его сочиненія.» Онъ считался въ Москвѣ однимъ изъ остроумнѣйшихъ людей своего времени и первымъ мастеромъ говорить въ обществѣ, особенно на Французскомъ языкѣ. Я помню, что на большихъ обѣдахъ или ужинахъ обыкновенно сажали подлѣ него съ обѣихъ сторонъ по самой бойкой говорупьѣ, извѣстной по уму и дару слова, потому что у одной не достало бы силъ на поддержаніе одушевленнаго съ нимъ разговора. Я самъ слыхалъ, какъ эти дамы и дѣвицы жаловались послѣ на усталость головы и языка, какъ все общество искренно имъ сочувствовало, признавая, что «проговорить съ Княземъ Иваномъ Михайловичемъ два часа и не ослабить живости разговора—большой подвигъ.» Это было дѣйствительно справедливо, только я думаю, что этотъ подвигъ больше требовалъ бойкости и быстроты рѣчи, любезной болтовни, чѣмъ настоящаго остроумія. При всей своей свѣтскости, Кн. И. М. бывалъ иногда простодушенъ и веселъ, какъ дитя, и, говоря по Русски въ короткомъ обществѣ мущинъ, очень любилъ выражаться не только по просту, но даже по простонародному; онъ любилъ употреблять слишкомъ рѣзкія и точныя слова, любилъ озадачивать ими своихъ слушателей. Кокошкинъ давно уже познакомилъ меня съ нимъ, но Князь мало обращалъ на меня вниманія: онъ любилъ свѣтскость и бойкость въ молодыхъ людяхъ, а именно этихъ качествъ я не имѣлъ никогда, я былъ даже немножко дикъ съ людьми, не коротко знакомыми; впрочемъ Князь пригласилъ меня на свой спектакль, который шелъ недѣли за двѣ до «Двухъ Фигаро». Спектакль состоялъ изъ двухъ небольшихъ пьесъ: комедіи «Холостый зарядъ», не знаю кѣмъ написанной, и пословицы (proverbe): «У семи нянекъ дитя безъ глазу» (кажется, такъ), сочиненной самимъ хозяиномъ. Послѣдняя пьеса была очень жива и забавна. Содержаніе ея состояло въ слѣдующемъ: одинъ Русской помѣщикъ-агрономъ, для лучшаго устройства своего хозяйства на иностранный манеръ, раздѣляетъ сель-

ское управленіе на нѣсколько частей и каждую ввѣряетъ особому наемному управителю или директору, въ числѣ которыхъ находится ученый Нѣмецъ и еще кажется одинъ семинаристъ; всѣ директоры должны сноситься между собою письменно или словесно въ конторѣ, не выходя изъ назначенной имъ колеи, не преступая предѣловъ ихъ власти. Разумѣется, изъ этого выходитъ страшная кутерьма, такъ что и деревня совсѣмъ было сгорѣла отъ того, что завѣдывавшій пожарною частью не получилъ во время надлежащаго увѣдомленія. По счастью близкій сосѣдъ, не нововводитель, не агрономъ, а умный Русской помѣщикъ, увидя пожаръ, прискакываетъ съ своими людьми и пожарными инструментами и спасаетъ отъ конечной погибели село и домъ своего сосѣда. Онъ дѣлаетъ еще болѣе — онъ образумливаетъ помѣщика - агронома, который былъ не что иное, какъ своего рода и времени Кочкаревъ, выведенный Гоголемъ во 2-мъ томѣ «Мертвыхъ душъ». Я помню, что было очень много презабавныхъ сценъ, что зрители очень много смѣялись и что А. Д. Курбатовъ игралъ ученаго Нѣмца съ удивительнымъ совершенствомъ; вообще спектакль былъ слаженъ очень хорошо, и публика осыпала его громкими рукоплесканіями и единодушными горячими похвалами. Хозяинъ былъ въ восторгѣ и, какъ я слышалъ, выражался нѣсколько иронически на счетъ будущаго спектакля у Кокошкина, о которомъ мы уже два мѣсяца хлопотали. Въ свою очередь и Кокошкинъ, великолѣпно и напыщенно хваля спектакль Кн. Долгорукова, прибавлялъ, по довѣренности, короткимъ людямъ, что «не велика премудрость поставить хорошо двѣ пьески, и что постановка серьозной, классической комедіи (ужъ какъ попали «Два Фигаро» въ классическую комедію — рѣшительно не знаю) требуетъ побольше трудовъ и знаній.» До Кн. И. М. дошли эти слова, и онъ, задѣтый за живое въ самомъ чувствительномъ мѣстѣ: въ искусствѣ составлять благородные спектакли, пріѣхалъ съ сильнымъ предубѣжденіемъ и расположеніемъ найти наше представленіе невыносимо скучнымъ. Но, какъ истинный артистъ, онъ скоро забылъ мелочные расчеты оскорбленнаго тще-

славія, пришелъ въ восхищеніе и въ продолженіи всего спектакля безпрестанно повторялъ: «C'est magnifique, c'est sublime». Когда опустился занавѣсъ, онъ, съ живостью молодаго человѣка, прибѣжалъ къ намъ на сцену, всѣхъ насъ обнималъ, особенно меня, тутъ же признаваясь, что виноватъ передо мной, прося пріѣхать къ нему непремѣнно на другой день и обѣщая во всемъ мнѣ покаяться. Я пріѣхалъ на другой день по утру. Восхищеніе Кн. Ивана Михайлыча прошло или, лучше сказать, было уже подавлено досадой на блистательный успѣхъ нашего спектакля. Съ откровенностью, доходившею до излишества, онъ сказалъ мнѣ между прочимъ, что считалъ меня Оренбургскимъ медвѣдемъ, способнымъ сыграть развѣ степнаго помѣщика, а не графа Альмавиву......... Тутъ осыпалъ онъ меня похвалами, которыя мнѣ совѣстно повторять и которыя конечно были черезъ чуръ преувеличены; онъ кончилъ тѣмъ, что будто до сихъ поръ, не только зрители, но и сами актеры, не вѣдали, что такое «графъ Альмавива», и что теперь только познакомилась съ нимъ и поняла его публика. Потомъ вновь овладѣла имъ досада, и старикъ, ходя по комнатѣ, съ комическимъ жаромъ и дѣтскою наивностью говорилъ, какъ будто самъ съ собою: «какой счастливецъ этотъ Өедоръ Өедорычь! Точно съ неба сваливаются ему таланты! И радъ бы былъ сыграть большую комедію, да гдѣ же взять актеровъ? Гдѣ найти такую Сусанну, какая у него? Мало этого: ему вдругъ нежданно, негаданно, падаетъ охотникъ съ Рифейскихъ горъ, который цѣлый вѣкъ гонялся за оленями и ловилъ сурковъ, и въ этомъ охотникѣ открывается капитальный талантъ! Да и самъ Ө. Ө. съ роду ни въ чемъ не былъ такъ хорошъ, какъ въ старомъ Фигаро: эта роль выкроена по немъ.........» Не знаю, откуда пришли въ голову Кн. Долгорукову Рифейскія горы, олени и сурки, только они такъ прочно засѣли у него въ головѣ, что я никогда не могъ разувѣрить его, что не бывалъ на Рифейскихъ горахъ, не гонялся за оленями, не ловилъ сурковъ, и что я давнишній актеръ. Съ этихъ поръ князь меня очень полюбилъ. Я много читывалъ ему изъ его ненапечатанныхъ

сочиненій, и въ томъ числѣ огромную трагедію, въ три тысячи варварскихъ стиховъ, которая происходила въ невѣдомомъ мѣстѣ, у неизвѣстнаго народа. Впрочемъ сочинитель самъ подсмѣивался надъ своимъ твореніемъ. Когда въ послѣдствіи, уѣзжая изъ Москвы, я пріѣхалъ съ нимъ проститься, онъ съ истинной грустью вскричалъ: «опять на свой Рифей, опять гоняться за оленями, опять ловить сурковъ! Ну тамъ ли ваше мѣсто?......» Разумѣется, я ему уже не противорѣчилъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ «Двухъ Фигаро», составился опять спектакль у князя Ив. Мих. Долгорукова. Я самъ напросился сыграть какую нибудь роль, и хозяинъ съ благодарностью принялъ мое предложеніе; кажется, спектакль состоялъ изъ небольшой комедіи Н. И. Хмельницкаго: «Нерѣшительный или семь пятницъ на недѣлѣ», и также маленькой комедіи Коцебу: «Новый вѣкъ»; въ послѣдней я игралъ стараго купца или банкира «Верлова». Спектакль былъ миленькой, но должно признаться, что Кокошкинъ говорилъ правду: это были *пьески!*

Въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ 1820-го и 1821-го годовъ мы составили еще нѣсколько спектаклей въ домѣ Кокошкина. Всѣ они были болѣе или менѣе замѣчательны по своей постановкѣ и по отличному исполненію нѣкоторыхъ ролей; но спектакль «Двухъ Фигаро» остался несравненнымъ и незабвеннымъ. Загоскинъ также рѣшился выдти на сцену; онъ выбралъ для этого маленькую пьеску въ стихахъ, кажется: «Говорунъ», въ которой только одно и есть дѣйствующее лице, говорящее безпрестанно; она шла передъ большой комедіей Княжнина «Хвастунъ». Выборъ весьма неудачный, какъ и самая мысль сочинить такую болтовню; имени сочинителя не помню. Вѣроятно она была написана для извѣстнаго лица въ обществѣ, для извѣстнаго таланта, для мастера говорить живо, весело, разнообразно и увлекательно. Ничего этого въ Загоскинѣ не было, и я право не знаю, для чего мы допустили его играть эту роль. Правда, зрители безпрестанно хлопали и безъ умолку хохотали; но было смѣшно не представляемое лице, а Загоскинъ: съ первыхъ словъ онъ началъ уже

конфузиться, перепутывать стихи, забывать роль и не слушать суфлера. Чѣмъ больше хохотала и чѣмъ больше хлопала публика, тѣмъ больше смущался бѣдный Загоскинъ— и нѣсколько разъ хотѣлъ уйти со сцены, не доигравъ пьесы. Кокошкинъ и всѣ мы, стоя за кулисами, знаками, жестами и поклонами едва могли упросить его, чтобъ онъ продожалъ. По истинѣ сказать, явленіе было вполнѣ комическое. Загоскинъ бѣсился на себя, зачѣмъ онъ вздумалъ играть; кровь бросалась ему въ лице, онъ краснѣлъ, какъ буракъ, а по пьесѣ ему слѣдовало быть веселымъ, шутить и любезно болтать; эта борьба была такъ забавна въ Загоскинѣ, что людямъ, знавшимъ его коротко, трудно было удержаться отъ смѣха. Но Кокошкинъ и я, принимавшіе горячее участіе въ спектаклѣ, — не смѣялись, а испугались. Когда опустился занавѣсъ, Загоскинъ долженъ былъ, по пьесѣ, продолжать нѣсколько времени свою болтовню, но на сценѣ поднялся такой шумъ, крикъ и хохотъ, что зрители принялись аплодировать: Загоскинъ шумѣлъ и бранился, а мы всѣ неудержимо хохотали. Загоскинъ тутъ же наложилъ на себя заклятіе — никогда болѣе не играть; но « гдѣ клятва, тамъ и преступленіе », не знаю, кѣмъ-то было сказано, и сказано справедливо: Загоскинъ игралъ еще раза два и каждый разъ съ такою же неудачею.

Самымъ интереснымъ спектаклемъ, послѣ «Двухъ Фигаро», была небольшая комедія: «Два Криспина», сыгранная вмѣстѣ съ какой-то другой піесой. Двухъ Криспиновъ играли знаменитые благородные актеры-соперники: Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ и А. М. Пушкинъ, который, также какъ и Кокошкинъ, перевелъ одну изъ Мольеровыхъ комедій: «Тартюфъ», и также съ передѣлкою на Русскіе нравы. Этотъ спектакль— была дуэль на смерть между двумя признанными талантами. Любители театральнаго искусства долго вспоминали этотъ «бой артистовъ». Слѣдовало бы кому-нибудь одержать побѣду и кому-нибудь быть побѣждену; но публика раздѣлилась на двѣ половины, и каждая своего героя считала и провозглашала побѣдителемъ. Почитатели Пушкина говорили, что Пушкинъ былъ гораздо лучше Кокошкина,

потому что былъ ловокъ, живъ, любезенъ, простъ и естественъ въ высшей степени. Все это правда, и въ этомъ отношеніи Кокошкинъ не выдерживалъ никакого сравненія съ Пушкинымъ. Но почитатели Кокошкина говорили, что онъ, худо ли, хорошо ли, но игралъ Криспина, а Пушкинъ сыгралъ—Пушкина, чтó также была совершенная правда; изъ чего и слѣдуетъ заключить, что оба актера въ Криспинахъ были неудовлетворительны. Криспинъ—извѣстное лице на Французской сценѣ; оно игралось и теперь играется (если играется) по *традиціямъ*; такъ игралъ его и Кокошкинъ, но по моему игралъ неудачно, именно по недостатку естественности и жизни: ибо въ исполненіи самихъ традицій должна быть своего рода естественность и одушевленіе. Пушкинъ рѣшительно игралъ себя или, по крайней мѣрѣ, — современнаго, ловкаго плута; даже не надѣвалъ на себя извѣстнаго костюма, въ которомъ всегда является на сцену Криспинъ: однимъ словомъ, тутъ и тѣни не было Криспина.

Изрѣдка продолжалъ я видаться съ Н. И. Ильинымъ, который дѣлался какъ-то часъ отъ часу страннѣе и начиналъ какъ будто заговариваться. Люди, которые видались съ нимъ часто, замѣчали это уже давно, а теперь стали замѣчать всѣ. Онъ былъ прежде коротко знакомъ съ Кокошкинымъ; они даже нѣкогда игрывали вмѣстѣ на театрѣ, въ домѣ у кн. Юрья Владиміровича Долгорукаго, который все еще продолжалъ жить на Большой Никитской, въ своихъ безобразныхъ барскихъ палатахъ, одна половина которыхъ все еще оставалась не оштукатуренною. Я сказалъ: *продолжалъ жить*, во первыхъ потому, что кн. Юрью Владиміровичу было, какъ говорили, за восемьдесять лѣтъ, а во вторыхъ потому, что тридцать лѣтъ тому назадъ онъ уже умиралъ, лежалъ въ гробу, едва не былъ похороненъ, ожилъ какимъ-то чудомъ, и продолжалъ жить и давать спектакли. Такъ по крайней мѣрѣ говорила общая молва: мнѣ помнится даже, что гдѣ-то было напечатано объ этомъ.—Во всѣхъ кругахъ общества говорили, что Ильинъ влюбленъ въ одну знатную графиню и что онъ дожидается чина дѣйствительнаго статскаго совѣт-

ника, чтобы сдѣлать формальное предложеніе; но кажется и чина статскаго совѣтника было довольно, чтобы вскружить бѣдную его голову. Я помню, что Кокошкинъ предлагалъ ему черезъ меня принять участіе въ нашихъ спектакляхъ, а именно: сыграть роль «Верхолета» въ «Хвастунѣ» Княжнина, роль, которую онъ нѣкогда игрывалъ съ успѣхомъ; Ильинъ отвѣчалъ мнѣ, что *Россійскому* статскому совѣтнику, по его мнѣнію, неприлично выходить на сцену; но что онъ благодаритъ за приглашеніе и очень будетъ радъ посмотрѣть нашъ спектакль. Кокошкинъ и кн. Ив. Мих. Долгорукой всегда его приглашали. Роль «Верхолета» я принужденъ былъ взять на себя. Это была съ моей стороны жертва; роль вовсе не шла ко мнѣ, и я былъ въ ней положительно дуренъ. Ник. Ив. Ильинъ уже не занимался литературой и даже говорилъ о ней съ пренебреженіемъ; авторская слава уже не плѣняла его: государственная служба, чины, ордена, высокія мѣста въ правительствѣ — вотъ что составляло предметъ его разговоровъ и желаній. Въ послѣдствіи несчастный Ильинъ, не дождавшись чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, сдѣлалъ предложеніе, получилъ отказъ, помѣшался окончательно и, кажется, скоро умеръ. Я получилъ объ этомъ извѣстіе уже въ деревнѣ. Любовь или честолюбіе были первоначальною причиною сумасшествія бѣднаго Ильина — это былъ вопросъ и спорный пунктъ въ Московскихъ гостиныхъ. Любопытно, что во время совершеннаго помѣшательства, Ильинъ опять обратился къ литературѣ и къ стихотворству, которымъ прежде никогда не занимался. Онъ душилъ стихами всякаго, кто только ему попадался.

Въ эту же зиму узналъ я, и очень горячо полюбилъ Александра Иваныча Писарева, который находился еще въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ; впрочемъ это было только за пол-года передъ выпускомъ воспитанниковъ. Онъ участвовалъ въ нашихъ спектакляхъ, хотя сценическихъ способностей у него было также мало, какъ у Загоскина. Не смотря на восемнадцатилѣтнюю молодость, блестящій острый умъ Писарева былъ уже серьозенъ и глубокъ. Вся пансіонская молодежь признавала его пре-

восходство и всѣ, кто его зналъ, смотрѣли на Писарева, какъ на будущаго славнаго писателя; его и проза и стихи превозносились, не только товарищами и начальствомъ пансіона, но и всѣми; театръ, литература, были его призваньемъ, страстью, жизнью. Съ перваго свиданья Писаревъ почувствовалъ искренность моего участія и полюбилъ меня, какъ брата; все время, свободное отъ класснаго ученья, онъ проводилъ у меня въ домѣ. Писаревъ имѣлъ раздражительный, но сосредоточенный характеръ; внѣшнее выраженіе у него было тихо, спокойно и холодно, даже и тогда, когда онъ задыхался отъ внутренняго волненія. Онъ не краснѣлъ ни отъ гнѣва, ни отъ радости, а блѣднѣлъ. Это гораздо тяжеле, и вредно дѣйствовало на его всегда слабое здоровье. Писаревъ вышелъ первымъ воспитанникомъ изъ университетскаго пансіона; онъ былъ очень друженъ только съ однимъ товарищемъ своимъ, Юшневскимъ; они оба получили при выпускѣ десятый классъ; но имя Писарева, написанное золотыми буквами на мраморной доскѣ, осталось навсегда между именами Жуковскаго и другихъ отличныхъ воспитанниковъ. Въ ту же минуту, послѣ пансіонскаго акта, и за нѣсколько часовъ до личнаго со мной свиданья, Писаревъ написалъ ко мнѣ молодое, горячее письмо, которое къ сожалѣнію потеряно. Писаревъ немедленно уѣхалъ къ отцу и матери въ Орловскую деревню; не дождавшись его возвращенія въ Москву, я также отправился въ свой путь; но съ этого времени началась между нами живая, искренняя переписка, продолжавшаяся постоянно всѣ пять лѣтъ моего пребыванія въ Оренбургской губерніи. Загоскинъ и Кокошкинъ также были знакомы съ Писаревымъ и очень его любили, а равно и весь литературный кружокъ, собиравшійся въ домѣ Кокошкина. Я не называю всѣхъ членовъ, его составлявшихъ, я вспоминаю только о тѣхъ, кого уже нѣтъ на свѣтѣ.— Воспоминаніямъ о Писаревѣ надобно будетъ посвятить особую статью.

Лѣтомъ у насъ, то есть во домѣ Кокошкина, былъ еще спектакль, который можно назвать прощальнымъ; онъ былъ приготовленъ секретно для сестры Кокошкина, Аграфены

Θедоровны, въ день ея имянинъ, женщины рѣдкой по своей добротѣ и добродѣтельной жизни; мы сыграли маленькую комедію Коцебу: «Береговое право» и комедію Хмельницкаго: «Воздушные замки».

Загоскинъ, по своему доброму и уживчивому нраву, примирился съ своимъ стѣснительнымъ положеніемъ, и литературная дѣятельность его проснулась. Въ этомъ же году онъ въ первый разъ началъ писать стихами, чего никакъ невозможно было предположить: онъ не имѣлъ уха и не чувствовалъ мѣры и паденія стиха. Своимъ посланіемъ къ Н. И. Гнѣдичу онъ удивилъ всѣхъ Московскихъ и Петербургскихъ литераторовъ. Обо всемъ этомъ написано мною подробно въ біографіи Загоскина.

Въ этотъ годъ, то есть съ Августа 1820 по Августъ 1821-го, собственно моя литературная дѣятельность ограничивалась немногимъ: я напечаталъ свой переводъ X сатиры Буало. Увы, я также подчинился нелѣпому направленію большой части литераторовъ того времени — и переложилъ Буало на Русскіе нравы! Казалось, такъ лучше, понятнѣе, сильнѣе произведетъ впечатлѣніе на читателей, а притомъ — всѣ такъ дѣлали. Этотъ переводъ, читанный Кокошкинымъ и самимъ мною въ разныхъ общественныхъ кругахъ, имѣлъ успѣхъ и подкрѣпилъ мою небольшую литературную извѣстность, доставленную мнѣ переводомъ «Филоктета» и Мольеровой комедіи: «Школа мужей», которая игралась на Петербургскомъ театрѣ, тоже не безъ успѣха. Тогда же я написалъ и напечаталъ въ Вѣстникѣ Европы стихи «Уральскій козакъ» (истинное произшествіе)— слабое и блѣдное подражаніе «Черной шали» Пушкина— и «Элегію въ новомъ вкусѣ» — протестъ противъ туманно-мечтательныхъ стихотвореній, порожденныхъ подражаніемъ Жуковскому,—и наконецъ» Посланіе къ кн. В., въ отвѣтъ

на его посланіе къ Каченовскому, не помню гдѣ напечатанное, которое начиналось такъ:

Передъ судомъ ума сколь, Каченовскій, жалокъ
Талантовъ низкій врагъ, завистливый зоилъ!
Какъ оный вѣчный огнь предъ алтаремъ Весталокъ,
Такъ втайнѣ вѣчный ядъ, даръ лютыхъ адскихъ силъ,
Въ груди нещастнаго неугасимо тлѣетъ.

Я вовсе не былъ пристрастенъ къ скептическому Каченовскому, но мнѣ жаль стало старика, имѣвшаго нѣкоторыя почтенныя качества, и я написалъ начало посланія, чтобъ показать, какъ можно отразить тѣмъ же оружіемъ кн. В. (*); но Загоскинъ, особенно Писаревъ, а всѣхъ болѣе М. А. Д., упросили меня дописать посланіе и даже напечатать. Они сами отвозили стихи Каченовскому, который чрезвычайно былъ ими доволенъ и съ радостью ихъ напечаталъ. Но я до сихъ поръ не знаю, по какой причинѣ, вмѣсто «Посланіе къ кн. В.» онъ напечаталъ: къ Птелинскому Ульминскому», и вмѣсто подписи: С. А. — поставилъ цыфры 200—1. Съ этого времени, Каченовскій всегда мнѣ очень привѣтливо улыбался и кланялся, чего удостоивалъ весьма немногихъ.

Въ продолженіи Великаго поста (1821-й годъ), кн. И. М. Долгорукій, котораго живая природа требовала дѣятельности современной, общественной, какъ бы ни было мелко ея содержаніе, составилъ у себя въ домѣ пріятельское литературное общество, надъ которымъ и тогда подсмѣивались иные члены и посѣтители. Нѣкоторые изъ насъ, конечно изъ одного желанія утѣшить любезнаго хозяина, согласились принять участіе въ его дѣтской или стариковской забавѣ. Засѣданій было пять, и въ каждое я,

(*) Посланіе мое начиналось такъ:

Передъ судомъ ума сколь, В., смѣшонъ,
Кто самолюбіемъ, пристрастьемъ увлеченъ,
Вѣкъ раболѣпствуя, съ слѣпымъ благоговѣньемъ,—
Твореній критику считаетъ преступленьемъ,
И хочетъ, всѣмъ на зло, чтобъ весь подлунный міръ
За Бога признавалъ имъ славимый кумиръ и проч....

какъ и другіе, представлялъ по одному и по два стихотворенія. Всѣ члены желали, чтобъ я читалъ ихъ сочиненія, а какъ это было невозможно, то, по предложенію хозяина, было постановлено правиломъ: чтобъ каждый сочинитель *самъ* читалъ свою пьесу. Все это очень живо разсказано въ брошюрѣ М. А. Дмитріева, и я добавлю только, что общество существовало, даже въ обширнѣйшихъ размѣрахъ, и на слѣдующій годъ. А. Писаревъ, въ послѣдствіи также бывшій членомъ, писалъ ко мнѣ въ 1822-мъ году, что выбрано нѣсколько новыхъ членовъ и что на предпослѣднемъ засѣданіи, въ числѣ другихъ посѣтителей, находился *Главнокомандующій*, кн. Д. В. Голицынъ, который охотно принималъ участіе во всякой просвѣщенной забавѣ: слѣдовательно нѣтъ сомнѣнія, что собраніе было многочисленно, блистательно, и что хозяинъ былъ совершенно счастливъ.

Въ этомъ же году былъ я выбранъ въ дѣйствительные члены Общества любителей Россійской Словесности, при Московскомъ Университетѣ, и выбранъ единогласно. Я сознаюсь, что это было мнѣ очень пріятно и лестно. Я не представлялъ никакого сочиненія: и такъ меня удостоили этой чести за переводы. Кажется, при мнѣ, въ эту зиму были два публичныя засѣданія; посѣтителей было довольно, и мы съ Кокошкинымъ попеременно декламировали почти всѣ пьесы, разумѣется, по желанію самихъ сочинителей. Это общество имѣло значеніе и вліяніе. Московская публика приняла живое участіе въ его засѣданіяхъ и начала очень охотно посѣщать ихъ, потому что онѣ получили менѣе сухой, ученый характеръ, а болѣе чисто литературный, болѣе понятный, доступный людямъ свѣтскимъ, и особенно пріятный любителямъ изящной словесности. Собранія становились многочисленны и блистательны: образованныя женщины лучшаго круга оживляли ихъ своимъ присутствіемъ. Года, съ 1821-го по 1829-й включительно, можно назвать самымъ цвѣтущимъ періодомъ Московскаго общества любителей Россійской Словесности, которое съ 1834-го года, безъ всякой видимой причины, перестало собираться и не собирается до сихъ поръ. Тоже случилось, въ раз-

ные сроки, со всѣми литературными обществами въ Россіи.— А. А. Прокоповичь-Антонскій былъ постояннымъ предсѣдателемъ Общества, въ его блистательное время. Едва ли не ему одному обязано оно своимъ процвѣтаньемъ. Не могу сказать, изъ какихъ причинъ, только Антонскій заботился и хлопоталъ о составленіи публичныхъ чтеній съ неутомимою ревностью: Мерзляковъ и Каченовской были главными его помощниками.

Въ Августѣ я уѣхалъ въ Оренбургскую губернію, напутствуемый искреннимъ сожалѣніемъ и дружбою моихъ пріятелей, особенно Кокошкина и Загоскина. Писарева не было въ Москвѣ, и онъ горевалъ о моемъ отъѣздѣ заочно, выражая свое огорченіе въ письмахъ ко мнѣ.

Я уѣхалъ изъ Москвы съ особеннымъ, грустнымъ чувствомъ, никогда еще мною не испытаннымъ. Никогда еще не сживался я такъ съ Москвою, какъ въ этотъ годъ! Публичный театръ, частные спектакли, литературныя собранія, дружескій кругъ добрыхъ пріятелей, болѣе или менѣе сходныхъ со мною въ своихъ наклонностяхъ и увлеченіяхъ, а главное Москва, со всѣмъ своимъ историческимъ и народнымъ значеніемъ, яснѣе прежняго понятымъ и глубже почувствованнымъ мною, все вмѣстѣ наполняло мою душу, въ минуту разлуки, смущеніемъ и уныніемъ. Мнѣ самому было ново и странно такое чувство. Мнѣ ли, страстному поклоннику вѣчныхъ красотъ природы и моего чуднаго, родимаго края, свободы его полей и лѣсовъ, его роскошнаго простора и приволья, мнѣ ли, безумному охотнику, — грустить, разставаясь съ неволей и шумомъ городской жизни, съ пыльной и душной Москвой? Всегда весело разставался я съ обѣими столицами, всегда съ радостнымъ волненіемъ спѣшилъ въ благословенную деревню.... и мнѣ больно было, что я не испытывалъ прежняго чувства. Конечно, были и другія причины: я уѣзжалъ не въ милое свое Аксаково, не на берега Бугуруслана, а въ другое имѣніе, находящееся въ глухомъ Белебеевскомъ уѣздѣ. Кромѣ того, что мѣстоположеніе его было ровно и скучно, безъ освѣжающей тѣни деревъ, безъ рѣки, слѣдовательно не привлекало охотника; кромѣ того, что я не любилъ этой де-

ревни, меня ждало другое горе: я долженъ былъ заняться хозяйствомъ, котораго терпѣть не могъ!... Я смутно предчувствовалъ, что только тамъ ляжетъ на меня вся тяжесть ложныхъ и печальныхъ отношеній.... Но не въ моей природѣ было надолго предаваться унынію! Благодаря живости моего воображенія и мечтательному легкомыслію, я разкрашивалъ радужными цвѣтами будущую мою сельскую дѣятельность, уже виднѣлась мнѣ въ отдаленіи Москва, и я съ горячею бодростью готовился къ новой для меня жизни хозяина, какъ единственному средству жить потомъ въ Москвѣ.

С. Аксаковъ.

КАРТИНЫ
ИЗЪ РУССКАГО БЫТА.

I.

ОСКОЛОКЪ ЛЬДУ.

Четырнадцатилѣтняя козачка Марья Чернушкина, Красногорской крѣпости на Оренбургской линіи, выгоняла въ поле телятъ. Еще солнце не взошло, но пожелклая трава была суха, какъ пыль, на нее не пало за ночь ни росинки. Помахивая хворостинкой, Маша напѣвала пѣсенку и спускалась подъ гору къ мостику, какъ съ боку, изъ оврага, внезапно на нее наскакали верхами два человѣка дикаго вида, съ длинными копьями въ рукахъ, въ лохмотьяхъ, въ мохнатыхъ шапкахъ. Они кинулись на нее украдкой, безъ всякаго шума и почти не говоря ни слова, а только свирѣпо приграживая, схватили ее, приподняли поспѣшно съ земли, перевалили черезъ лошадь, поперекъ сѣдла, и поскакали въ сторону. Бывало одно слово: *Киргизцы!* пугало ребенка Машу такъ, что она забивалась въ самый задній уголъ на печи, особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ станицу привезли трупъ старшаго брата ея, козака, убитаго въ стычкѣ съ Киргизами; тогда все женское населеніе станицы выбѣжало съ воплемъ на встрѣчу покойнику и Маша отъ испуга дрожала нѣсколько дней и не могла спать по ночамъ;—а теперь она сама была у нихъ въ рукахъ! Она обезпамятѣла, но вскорѣ опять пришла въ себя, закричала и забилась на лошади изо всѣхъ силъ, когда ей, какъ спро-

сонья, показалось, будто ее кинули въ воду: въ самомъ дѣлѣ, вокругъ нея шумѣла вода и передъ собою она видѣла только бурную пѣну; вода неслась быстрымъ потокомъ подъ ногами лошади и будто уносила ее съ собою: у Маши закружилась голова и сердце обмерло, она рѣзко взвизгнула и, сама не зная, что дѣлаетъ, хотѣла вырваться: это была переправа въ бродъ черезъ Уралъ. Киргизъ ударилъ ее раза два, чтобы угомонить и удержать на лошади, но она такъ сильно рванулась, что упала въ быстрый потокъ. Невольно стала она грести руками и выплыла на ближайшій Азіатскій берегъ. Но и тутъ ей не было никакого спасенія; слѣдя за нею, воры уже успѣли выѣхать на берегъ, соскочили съ лошадей и спокойно ожидали добычи своей, которая не могла ихъ миновать: имъ стоило только протянуть руки къ идущей на встрѣчу добычѣ. Въ изнеможеніи Маша отдалась имъ опять; они посадили ее на заводную лошадь, связали ей ноги подъ брюхомъ лошади и потащили крупною рысью за собой.

Солнце уже взошло и вскорѣ обсушило Машу. Верстъ 70 проѣхали воры въ глубь степи почти въ одинъ духъ и она до того утомилась и измучилась, что чувства и понятія ея притупѣли и она почти обезпамятѣла отъ скорби, боли, жажды и усталости. Въ крутомъ оврагѣ воры остановились, дали плѣнницѣ своей испить воды, убѣдившись сперва, по сродной имъ предосторожности, что она нѣсколько отдохнула, и дали ей немного круту (сыру). Она съ жадностію пила, но ѣсть не стала, уснула и съ воплемъ пробудилась, когда, послѣ недолгаго отдыха и забытья, пришла опять въ себя и постигла отчаянное положеніе свое.

Такъ, или почти такъ, прошла цѣлая недѣля, въ большихъ и малыхъ переѣздахъ и роздыхахъ. Наконецъ разбойники прибыли въ свой аулъ, кочевавшій на песчаномъ кара-кумѣ, по близости рѣки Сыра, гдѣ все населеніе осматривало бѣдную Машу кругомъ и со всѣхъ сторонъ, любуясь *марджой*, то есть плѣнной Русской женщиной, и оцѣняя на глазъ, чего она стоитъ и сколько можно будетъ за нее получить. Здѣсь продержали ее нѣсколько недѣль, заставляя пахтать кумызъ или прясть верблюжью шерсть и

обращаясь впрочемъ съ плѣнницей довольно ласково. Особенно полюбила ее молодая, бойкая дѣвка, въ кованыхъ остроносыхъ сапогахъ и остроконечной шапкѣ съ перьями; дѣвка эта приходила по нѣскольку разъ на день присматривать за Машей, заговаривала съ нею, старалась ее развеселить и даже отстаивала ее противъ выходокъ злой старухи, хотѣвшей заставить плѣнницу, молоденькую дѣвчонку, вымипать въ рукахъ сыромятную кожу.

Подошли Чушмекейцы съ караваномъ, который шелъ въ Бохару; нѣкоторые изъ старшихъ возчиковъ прибыли въ аулъ, гдѣ находилась плѣнница, для смѣны заболѣвшихъ или ослабѣвшихъ верблюдовъ, и услышавъ, что тутъ есть свѣжая Русская плѣнница, стали объ ней освѣдомляться; хозяевамъ представлялся случай выгодно сбыть ее. *Марджа! Марджа!* раздалось по всему аулу—и Маша, зная уже новое названіе свое, переиначенное впрочемъ изъ имени ея и многихъ землячекъ ея,—Маша вышла изъ кибитки и оглянулась: къ ней шелъ хозяинъ ея съ тремя посторонними, въ числѣ коихъ былъ одинъ изъ прибывшихъ съ караваномъ Бухарцевъ, въ пестромъ халатѣ и чалмѣ. Купецъ осмотрѣлъ Машу, пошутилъ даже съ нею, зная нѣсколько словъ по Русски, уговаривалъ ее не горевать, а просить хозяина, чтобъ онъ продалъ ее въ Бохару, гдѣ ей будетъ жить хорошо, привольно и весело, не такъ, какъ у этихъ степныхъ, необразованныхъ мужиковъ; за тѣмъ онъ старался приласкать ее, потрепалъ по щекѣ и сталъ бить съ хозяиномъ ея по рукамъ. Это длилось нѣсколько времени, а Маша стояла молча и смотрѣла: хозяинъ ея, назначивъ цѣну, скидывалъ по временамъ что-нибудь, или повторялъ одно и тоже, а купецъ набавлялъ, или также кричалъ свое, и каждый разъ били они рукой объ руку, перетаскивая притомъ Машу, въ горячности своей, какъ продажнаго барана то на ту, то на другую сторону. Этимъ каждый изъ нихъ выражалъ окончательную волю или намѣреніе покончить дѣло на своемъ словѣ. Наконецъ дѣло сладилось, купецъ развязалъ поясъ, расплатился и, кивнувъ рукой, позвалъ Машу за собой. Какъ неживая, она послѣдовала за нимъ; молодая Киргизка побѣжала за нею слѣдомъ, обняла ее и

подарила ей, за большую рѣдкость, простую, большую булавку, которою чрезвычайно дорожила. Лучшаго подарка у нея не было и не скоро, можетъ быть, она опять достала подобную рѣдкость.

Недѣли двѣ качалась Маша на верблюдѣ, плакала и тосковала и опять по временамъ прояснялась, не зная, чего-то ей ждать, что сулитъ ей будущность; быть захваченной въ плѣнъ Киргизами, очутиться на Сырѣ, потомъ перепроданною Бохарцу и на пути въ басурманскую столицу—обо всемъ этомъ она слышала, конечно, въ разсказахъ о другихъ, но къ себѣ разсказовъ этихъ не примѣняла, себѣ судьбы такой не ждала. А ей всего только былъ 15-й годокъ—а отца и мать покинула она, вѣроятно, навсегда и не простившись даже съ ними, погнавъ спокойно буренушку свою въ поле и полагая свидѣться съ ними черезъ полчаса... Теперь голая, однообразная и сухая степь разстилалась передъ нею во всѣ стороны до безконечности, все наводило тоску,—а съ родиной простилась она на вѣкъ! Около недѣли спустя послѣ переправы черезъ большую рѣку, за которою слѣдовала вовсе безводная степь на четыре дня ходу, мѣста становились болѣе жилыми, начали попадаться обработанныя поля, сады, окруженные битыми глиняными стѣнами, землянки, или земляныя лачуги. Издали появилось что-то въ родѣ стѣнъ или земляной насыпи, съ острокопечной башней, которая, среди гладкой и пустынной мѣстности, казалась довольно высокою. Всѣ пали на землю и стали молиться—это была Бохара-и-Шерифъ.

Въ тотъ же день вечеромъ, Маша была представлена Эмиру или Хану Бохарскому, которому купецъ поднесъ ее *изъ чести*, какъ пешкешъ, подарокъ или приношеніе изъ дальней стороны. Ханъ, сидя на коврѣ съ четками въ рукахъ, окинулъ ее глазомъ и приказалъ передать въ вѣдѣніе стряпухи, также Русской плѣнницы. Эта старуха, управляя уполовникомъ вмѣсто атаманской булавы или шестопера, не смотря на униженное положеніе свое, умѣла держать всю дворню ханскую въ безусловной подчиненности; *сарты* и *таджики* смѣялись выходкамъ ея и повелительнымъ пріемамъ, но слушались ея; она готовила пловъ и барани-

ну на самого Эмира и потому не только смѣняла часовыхъ подъ воротами Ханскаго замка по своему произволу, но распоряжалась не рѣдко и на Ханскомъ пушечномъ дворѣ, и ясаулы, хотя и перебранивались съ нею по временамъ, но никогда не рѣшались отмѣнять ея распоряженій.

Мало по малу Маша стала привыкать къ своему, довольно сносному впрочемъ, положенію; умная, ловкая и проворная, она пріобрѣла напередъ благоволеніе этой непосредственной начальницы своей и поступила подъ особенное ея покровительство; вскорѣ, и не искавъ того, вошла въ довѣренность къ младшимъ женамъ Ханскимъ и носила отъ нихъ продавать на базаръ *тюбетейки* и другія бездѣлушки ихъ рукодѣлья, выручая за это нѣсколько *танегъ* на шелкъ, лоскутья и иглы, которыми жены ханскія коротали въ заперти прескучное время. Состоя во дворцѣ на побѣгушкахъ, Марья ознакомилась со всѣми жильцами его, а равно съ обычаями и всѣмъ мѣстнымъ бытомъ. Глядя на женъ ханскихъ, сидѣвшихъ десятками въ самомъ строгомъ заключеніи, Маша Чернушкина, по Русскимъ понятіямъ своимъ, смотрѣла на нихъ съ сожалѣніемъ и не промѣняла бы на ихъ судьбу даже и свою. Эмиръ самъ зналъ ее, потому что она иногда ему прислуживала, былъ къ ней довольно ласковъ и, захворавъ однажды, заставилъ ее сидѣть при себѣ всю ночь; онъ былъ человѣкъ хилый, изможденный, и у него вообще былъ обычай—держать вокругъ себя, во время частой болѣзни, одну только женскую прислугу. Марья, какъ смѣтливая и услужливая хожалка, ему полюбилась и съ тѣхъ поръ онъ не отпускалъ ее отъ себя ни на шагъ, когда бывалъ нездоровъ; а это случалось съ нимъ сплошь и рядомъ. Онъ къ ней привыкъ и никто не могъ услужить на больнаго, брюзгливаго Эмира, лучше Маши.

Время шло однообразно, Машѣ исполнилось уже 17 лѣтъ, а старый и хилый Ханъ былъ, такъ сказать, ея оберегателемъ; какъ ханская невольница, была она для всѣхъ недотрогой, ея боялись и уважали; но многіе ждали, не пожалуетъ ли имъ Ханъ Марью въ невольницы же, за какую-нибудь услугу. Старостиха или стряпуха съ своей

стороны просила ее за какого-то любимца своего, пушкаря, также изъ Русскихъ, который очень старался Машѣ во всемъ угождать. Вслѣдствіе этого, стряпуха приняла бѣдную Машу еще ближе подъ свой надзоръ и покровительство, оберегая ее отъ всякихъ обидъ и искательствъ; и грозный уполовникъ ея не разъ обрушался всею тяжестію своею на задорныя головы покорныхъ рабовъ и храбрыхъ ратниковъ ханскихъ, при малѣйшемъ посягательствѣ ихъ на добрую славу хорошенькой, живой и умной дѣвушки. Ханъ не отказывалъ стряпухѣ своей въ сватовствѣ ея, но и не давалъ положительнаго согласія; старуха подучала Машу воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ и замолвить объ этомъ самой словечко; Маша на это не рѣшалась, ей стыдно было просить себѣ жениха; такъ дѣло это и тянулось, оставаясь до времени нерѣшенымъ.

Однажды Эмиръ опять захворалъ и впалъ въ жестокую горячку. Это было среди знойнаго лѣта. Маша высидѣла при немъ безсмѣнно нѣсколько сутокъ, то держала голову его на своихъ колѣняхъ, то отгоняла мухъ, то подавала пить или обмывала лице его, то опахивала отъ жара, вертя быстро въ рукѣ своей четвероугольное, плетеное опахало, на деревянной оси или стержнѣ; она устала до изнеможенія, но не смѣла покинуть больнаго властелина своего, который стоналъ, метался, забывался, опять приходилъ въ себя и все просилъ Машу, чтобъ она его уберегла и выходила: умирать ему не хотѣлось. Разметавшись въ жару, онъ вдругъ отчаянно застоналъ: «Горитъ, горитъ во мнѣ! Марджа, достань льду, достань мнѣ сей часъ же осколокъ льду, и я тебя озолочу!» Маша вскочила и побѣжала, сама не зная, куда и за чѣмъ, потому что ледъ въ это время года въ Бохарѣ принадлежалъ къ необычайнымъ рѣдкостямъ; у кого онъ былъ, тотъ хранилъ и таилъ его, а у Хана, жившаго изо дня въ день и притомъ всегда на чужой счетъ, вообще никакихъ запасовъ не водилось. Но Маша бѣжала безъ памяти и слышала только въ сѣняхъ, какъ Эмиръ кричалъ еще ей вслѣдъ: «Марджа, льду! Если принесешь, отпущу на волю и выдамъ, за кого пожелаешь!»

Выбѣжавъ изъ воротъ Ханскаго замка, Маша кинулась, какъ бѣшеная кошка, на какого-то прохожаго таджика, съ визгомъ и крикомъ вцѣпилась въ него и барахталась изо всѣхъ силъ, между тѣмъ какъ онъ толкалъ ее и старался отъ нея освободиться и уйти. На крикъ сбѣжались люди съ ханскаго двора и старостиха явилась съ уполовникомъ. Маша кричала только: «для Хана, для Эмира, Эмиръ приказалъ!» и силилась вырвать что-то изъ рукъ таджика. Старостиха тотчасъ же отпустила ему по головѣ уполовникомъ полновѣсную нахлобучку и принялась кричать повелительно: «отдай, отдай, для Эмира»! Прочіе помогли ей, схватили строптиваго таджика и хотѣли его тащить къ Хану на расправу, за ослушаніе; вольно ему дураку было проходить такъ оплошно мимо ханскаго дворца, какъ называютъ тамъ эту кучу огороженныхъ землянокъ, притонъ или логовище безсмысленнаго и кровожаднаго звѣря. А Марья, сдѣлавъ свое, давно уже въ это время стояла передъ Ханомъ, съ деревянной чашкой, въ которой лежалъ осколокъ льду. Эмиръ жадно лизалъ его высокостепеннымъ языкомъ своимъ и въ удовольствіи и нѣгѣ повторялъ по временамъ обѣтъ свой отпустить Машу на волю и пристроить ее, если онъ только выздоровѣетъ.

Подивитесь же Машину счастью: выбѣжавъ безъ ума на улицу, она встрѣтилась носомъ къ носу съ таджикомъ, и этотъ первый, встрѣчный ей человѣкъ, несъ въ чашкѣ осколокъ льду!.... Чудесъ конечно нѣтъ въ наше время, а дивныя вещи бываютъ; и случай, который я разсказываю, не выдуманъ, а былъ на дѣлѣ.

Эмиръ выздоровѣлъ скоро; черезъ недѣлю онъ уже сидѣлъ на своемъ коврѣ, еще желтѣе и блѣднѣе обыкновеннаго, со впалыми щеками, со ввалившимися, безмысленными глазами, съ отупѣвшимъ умомъ, но онъ уже сидѣлъ и почиталъ Машу своею избавительницей. Въ Пятницу поѣхалъ онъ верхомъ въ мечеть. У Маши сердце сильно билось; она ни съ кѣмъ не смѣла говорить о томъ, что обѣщалъ ей Ханъ; но прислуга, стоявшая за войлочными пологами дверей, слышала слова его и въ цѣломъ глиняномъ замкѣ было всякому извѣстно, что Эмиръ обѣщалъ

Русской плѣнницѣ волю. Явились женихи; ее сватали зажиточные Бохарцы, съ условіемъ, чтобы она приняла мусульманство.—Маша, въ отвѣтъ на это, бранилась, затыкала себѣ уши и проклинала ихъ въ глаза; они смѣялись и отходили въ сторону; а старостиха, по данной ей повадкѣ, грозилась на нихъ страшнымъ орудіемъ своимъ; сваталъ Машу и Русскій пушкарь, но и его она не слушала, и тогда старостиха подымала уполовникъ свой на нее; видно пушкарь съумѣлъ задобрить стряпуху и склонить на свою сторону.

Прошла еще недѣля, насталъ мусульманскій постъ, и Эмиръ позвалъ къ себѣ Машу. « Я тебѣ обѣщалъ волю, если ты меня выходишь: ты свободна. Выбирай мужа. Вотъ тебѣ десять *тилла* на хозяйство ».

Маша рухнулась ему въ ноги и взвыла. Въ четыре года она выучилась свободно говорить по Татарски, а Эмиръ понималъ языкъ, какъ свой: «пресвѣтлый Ханъ, говорила она, не губи меня, когда хочешь сдѣлать добро; вольный идетъ на всѣ четыре стороны: отпусти же меня домой!..»

Ханъ насупилъ брови. « Этому не бывать, сказалъ онъ; этого не позволяетъ вѣра наша. Отпускаю тебя на волю, но живи здѣсь.»

« Эмиръ, завопила Маша, у васъ своя вѣра, у насъ своя: передъ Богомъ всякая вѣра хороша, коли она добро творитъ; я молилась за тебя по своему, ты умиралъ, Богъ меня услышалъ, ты теперь здоровъ; не бывать бы этому, еслибъ я молилась по вашему: тогда бы Богъ меня не услышалъ; тогда бы ты погибъ.... воля Его есть на то, чтобы всякій держалъ вѣру своихъ отцевъ! Солнце Востока! что тебѣ въ одной, бѣдной плѣнницѣ? Не найдешь ты развѣ работницъ?—Эмиръ, я не встану — я буду лежать, покуда не прикажешь ясауламъ своимъ убить меня на мѣстѣ за то, что я за тебя молилась, но я не встану; отпусти меня домой! »

Ханъ подумалъ, пожалъ плечами, развелъ руками—ясаулы подскочили было, чтобъ вытащить Машу за дверь, но онъ взглянулъ на нихъ, и они остолбенѣли. Ханъ приказалъ ей удалиться, а къ ночи созвалъ совѣтъ свой, козы-

евъ и улемовъ, и предложилъ имъ на разрѣшеніе вопросъ: можетъ ли онъ отпустить домой плѣнницу эту, давъ, во время болѣзни своей, въ томъ самому себѣ передъ Богомъ святой обѣтъ, потому что былъ въ горячкѣ, сильно страдалъ и не помнилъ, что дѣлаетъ? — Онъ просилъ книжниковъ не упустить изъ виду, что плѣнница эта спасла его отъ смерти, что онъ точно внутри сердца своего далъ такой обѣтъ, и наконецъ, что рѣчь идетъ не о человѣкѣ, а о дѣвкѣ. Улемы хотѣли было заняться предварительно рѣшеніемъ вопроса, точно ли Эмиръ обязанъ былъ ей своимъ выздоровленіемъ? — Но какъ Ханъ подтвердилъ самымъ положительнымъ образомъ, завѣривъ Ханскимъ словомъ своимъ, что безъ нея онъ бы умеръ непремѣнно, то Совѣтъ и не могъ болѣе въ томъ сомнѣваться, а потому не только рѣшилъ, что коли Аллаху угодно было послѣ такого обѣта продлить жизнь Эмира и даже употребить для сего недостойнымъ орудіемъ своимъ эту кулъ, рабыню, то и обѣтъ исполнить должно и отпустить Марью можно; но сверхъ того пріискалъ къ сему случаю, какъ водится, для успокоенія высокостепенной совѣсти, приличный стихъ изъ корана, въ которомъ впрочемъ рѣчь шла вовсе объ иномъ. Ханъ повторилъ стихъ этотъ съ благоговѣніемъ нѣсколько разъ, въ тупомъ раздумьи своемъ, и успокоился.

Съ послѣднимъ осеннимъ караваномъ веселая и рѣзвая Маша стала собираться въ путь; Эмиръ самъ призывалъ къ себѣ караванъ-баша и передалъ плѣнницу на его отвѣтъ. Старостиха была оборотомъ этимъ очень недовольна, она бранилась и грозилась, но на прощанье вспомнила полузабытую родину свою, стала вздыхать и задумываться и вдругъ сдѣлалась, вопреки обычая своего, мягкою и плаксивою. Пушкарь сильно тосковалъ, напослѣдокъ даже плакалъ, какъ ребенокъ, и отдалъ Машѣ на дорогу образокъ своей работы, наказывая ей строго, чтобы она не забыла его дома освятить.

Одна Маша была весела и шаловлива и не помнила себя отъ радости; всѣ трудности пути переносила она шутя. Недѣль черезъ шесть прибыли въ Орскую; тутъ нашла она роднаго брата на линѣйной службѣ. Его отпустили

домой и на третій день прибылъ онъ съ сестрой въ Красногорье. Трудно было узнать, съ перваго взгляда, въ этой рослой, статной и бойкой дѣвкѣ, четырнадцатилѣтнюю Машу, которая три года пасла на Красногорскихъ жителей телятъ. — Вся станица сбѣжалась; восклицанія, рыданія и смѣхъ прерывались только по временамъ звонкимъ чмоканьемъ привѣтственныхъ поцѣлуевъ; пропавшая безъ вѣсти Маша благополучно возвратилась подъ родительскую кровлю! Она хвалилась впослѣдствіи, пересказывая любопытныя свои похожденія, что въ плѣну быть ни чуть не страшно, но итти туда вторично не соглашалась.—Между Красногорскими козаками вскорѣ нашелся женихъ, къ которому она была не такъ строга, какъ къ бѣдному пушкарю Бохарскаго Хана; а хозяйки расторопнѣе и работящѣе Маши, конечно, по всѣмъ станицамъ, отъ Нѣженки до Орска, трудно было бы отыскать; мало того, хотя Каменная, какъ всѣмъ вамъ извѣстно, славится на пространствѣ этомъ красотою козачекъ своихъ, но знатоки этого дѣла увѣряютъ, что такой статной и видной женщины, какая вышла изъ Маши, не было даже и въ Каменной.

II.

РАЗСКАЗЪ ВЕРХОЛОНЦОВА О ПУГАЧЕВѢ.

Билимбаевскій заводскій служитель Верхолонцевъ, будучи 85-ти лѣтъ, разсказывалъ въ 1831 году похожденія свои съ шайкой Пугачева; передаемъ ихъ, какъ разсказъ очевидца. Верхолонцевъ изъ походныхъ сотниковъ Пугачевскихъ дослужился, волей и неволей, до полковника 3-го Яицкаго полка и радъ былъ, по окончаніи этого поприща своего, что могъ попасть опять, по добру по здорову, въ рядовые служители. 1774-й годъ о сю пору въ Восточной Россіи слыветъ пугачевскимъ и служитъ въ народѣ исходной точкой для лѣтосчисленія.

18-го Января 1774 года—говоритъ Верхолонцевъ — мы впервые услышали о приближеніи Пугачева; я былъ горнымъ писчикомъ и у меня было подъ рукой рабочаго на-

рода до 500 человѣкъ, которые работали на рудникахъ. Молва о распорядкахъ Пугачева, ненависти его къ помѣщикамъ и боярамъ, всюду подпимала народъ, который, по глупости, радъ былъ такому безначалію; и въ моей командѣ нашлись бойкіе выскочки, за которыми потянули и другіе: всѣ отбились отъ рукъ и грозили мнѣ смертію, коль скоро прибудетъ сюда Великій Государь, какъ народъ звалъ, въ невѣжествѣ и будучи обманутъ, самозванца. Одинъ изъ работниковъ сверзилъ (столкнулъ) меня въ рудную яму, а другіе подняли на меня такой гаркъ, что я радъ былъ, утекши отъ нихъ. Заводскіе прикащики, которыхъ народъ не любилъ, бѣжали въ лѣсъ, не смѣя приклонить головы у буйныхъ крестьянъ; послѣ они добрались до Екатеринбурга; а нѣсколько добрыхъ служителей, не строгихъ до народа, оставались и пировали съ ними за одно, будучи за одно съ ними обмануты, потому что въ началѣ никто на заводахъ не считалъ Пугача самозванцемъ. Я ушелъ въ деревню *Крылосово*, къ шурину своему; около полуночи наскокали разъѣздные изъ шайки; между ними былъ и зять мой изъ деревни *Черемши*: онъ меня отыскалъ, ударилъ нагайкой соннаго, а когда я вскочилъ, испугавшись, то меня связали, припутали къ стремени и повели на Черемшу въ Билимбаевскій заводъ. Туда прибылъ 18 Января пугачевскій полковникъ Иванъ Наумовичь Бѣлобородовъ, бывшій командиръ Кунгурскаго уѣзда Богородскаго села, знавшій, какъ сказывали, истиннаго царя Петра Ѳедоровича и убѣждавшій всѣхъ пристать къ самозванцу, называя его царемъ. Мнѣ велѣли явиться къ нему, въ жильѣ у прикащика Антона Ширкалина; я упалъ передъ нимъ на колѣни и просилъ пощады. «Богъ и Великій Государь тебя прощаютъ,» сказалъ суесловъ Бѣлобородовъ. На немъ былъ нагольный тулупъ и сабля на поясѣ. Узнавъ, что подо мной было до 500 рабочихъ, онъ приказалъ мнѣ завтра, чѣмъ свѣтъ, выстроить ихъ и сдѣлать имъ перекличку по горнымъ спискамъ. При Бѣлобородовѣ находился кунгурскій татаринъ *Алзафоръ*, ревностный слуга Пугачева: онъ вездѣ первый кричалъ на сборищахъ: *Осударъ Питеръ Педоровичъ*, а кто чуть только не поддавался ему,

того онъ жестоко билъ и истязалъ; этого Татарина всѣ боялись. Званіе *походныхъ сотниковъ и старшинъ* несли на себѣ служители Осокинскаго Юговскаго завода, первые послѣдователи Бѣлобородова; всѣ они одѣты и вооружены были по козачьи. Какъ Бѣлобородовъ, такъ и самъ Пугачевъ, старались получить довѣріе народа лестію, притворною трезвостію и кротостію, будучи на самомъ дѣлѣ приверженцами раскольниковъ, съ которыми и были у нихъ тайныя стачки и переговоры, почему они въ душѣ были люты и ненавидѣли всѣхъ Православныхъ.

Ночью я выстроилъ своихъ 500 человѣкъ въ одну шеренгу противъ жилья полковника и ждалъ разсвѣта. Бѣлобородовъ всталъ рано и меня тотчасъ позвали. «Что, любезный другъ, исполнилъ ли ты приказъ мой?» спросилъ онъ меня.—Исполнилъ, ваше высокоблагородіе. «Хорошо». Онъ всталъ со стула, надѣлъ лисій малахай (шапку) напередъ ушами и вышелъ. Всѣ умолкли; онъ осмотрѣлъ мою рать, выбралъ изъ нея человѣкъ 300, а остальныхъ не принялъ, за старостію, калечествомъ и малолѣтствомъ; потомъ скомандовалъ *фрунтъ*, выхватилъ саблю, оборотился къ старшинамъ и сотникамъ, которые также вынули сабли изъ ноженъ. «Поздравляю тебя», сказалъ онъ мнѣ, «походнымъ сотникомъ, а васъ, ребята, съ товарищемъ.» Я поклонился; радъ не радъ милости, а надо было кланяться; меня тотчасъ остригли по козачьи, подъ айдаръ, и дали саблю.

Въ этотъ день было много шуму, тревоги и буйства между народомъ; крестьяне и работники перепились, гуляли пьяные по улицамъ, кричали и бушевали; коли кто кричалъ: за здравіе Государя Петра Ѳедоровича, то этимъ покрывалъ всѣ грѣхи, всякое буйство, и могъ дѣлать, что хотѣлъ. Конторскія бумаги и весь архивъ вынесли на площадь и съ пѣснями и бранью сожгли. Кромѣ рудныхъ рабочихъ, многіе иные люди, кто по волѣ, а больше изъ страха, приставали къ шайкѣ Бѣлобородова; между ними были и заводскіе служители; такъ Герасимъ Стражевъ былъ секретаремъ, Порхачевъ сотникомъ.

Изъ Билимбаевскаго пошли мы въ Васильевской или Шайтанской заводъ, гдѣ насъ встрѣтили хлѣбомъ и солью;

Бѣлобородовъ занялъ домъ заводчика Шраева, а я тутъ училъ его писать его имя: Иванъ Бѣлобородовъ, водя руку его своей рукой по бумагѣ. Здѣсь же была у насъ первая стычка: изъ Екатеринбурга пришла команда, подъ начальствомъ капитана Ярапольцева; мы взяли въ плѣнъ 60 человѣкъ, и Бѣлобородовъ двоихъ изъ нихъ повѣсилъ, двоихъ казнилъ на плахѣ, четырехъ застегалъ плетьми, а остальныхъ постригъ въ козаки. При этой первой баталіи Бѣлобородовъ удивилъ всѣхъ насъ искусствомъ своимъ стрѣлять изъ пушекъ. На другой день Поркачевъ посланъ былъ на Утку-Демидову, но былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ; самъ Бѣлобородовъ двинулся туда на помощь, но воротился безъ успѣха.

По отбытіи Бѣлобородова, Шайтанцы образумились, возстали и, подкрѣпленные Екатеринбургскою командой, которая вразумляла, что это-де самозванецъ, сожгли жилье полковника. Онъ пошелъ съ нами на Серги (Серганскіе заводы, послѣ Губиныхъ), оттуда на Каслинскій, направляясь къ Оренбургу. Въ Каслинскомъ Бѣлобородовъ вздумалъ привести жителей къ присягѣ; тамъ пошли въ Богородскую слободу, гдѣ стоялъ другой Пугачевскій полковникъ, тоже безграмотный, Самсонъ. Насъ однакоже здѣсь разбили, и вся команда наша разбѣжалась; Бѣлобородова Каслинскій мужикъ увезъ на Саткинскій заводъ, гдѣ мы по немногу стали собираться. Здѣсь мы взяли Пасху, сожгли заводъ и отправили донесенія къ самозванцу въ Берды, подъ Оренбургомъ. Вскорѣ мы услыхали, что Пугачевъ разбитъ Княземъ Голицынымъ. Поспѣшивъ изъ Саткии къ нему, мы встрѣтили его подъ Магнитною; здѣсь явились къ нему три полковника, два нашихъ, а третій изъ Сибири. Мы увидали издали, какъ Пугачъ разъѣзжалъ съ наѣздниками около крѣпости; онъ счелъ насъ за непріятелей, потому что мы шли стройно, чего самъ онъ никогда не дѣлывалъ; но когда узналъ, что это его полковники, то подъѣхалъ къ палаткамъ своимъ, поднялъ знамя и ждалъ дружины: мы преклонили передъ нимъ свои самодѣлковыя знамена.

При первомъ взглядѣ на мнимаго царя, я усомнился.

Сравнивая его съ портретами, я не находилъ никакого сходства; вскорѣ я, какъ и многіе другіе, узнали въ немъ несомнѣннаго обманщика, но страхъ преграждалъ уста наши. Пугачевъ былъ средняго роста, плотный, въ плечахъ широкъ, борода окладистая, глаза черные, большіе; на немъ была парчевая бекешъ, родъ козачьяго троеклина; сапоги красные, шапка изъ покрововъ церковныхъ, ограбленныхъ раскольниками; самозванецъ былъ рѣчистъ, голосъ его сиповатый, самъ онъ распорядителенъ, но впрочемъ мужикъ мужикомъ. Когда взяли Магнитную крѣпость, Пугачевъ поѣхалъ по улицамъ, то какая-то женщина выстрѣлила въ него изъ окна, и ранила его въ правую руку. Ее изрубили на мѣстѣ.

Раненный самозванецъ не могъ ѣздить верхомъ и потому разъѣзжалъ въ коляскѣ. Мы пошли съ нимъ въ Троицкую, взяли ее, но вскорѣ оставили: за нами шелъ отъ Царицы генералъ Декалонгъ. Передовые его настигли насъ, окружили меня и сбили съ лошади; но я успѣлъ поправиться и ускакалъ. Пугачевъ пошелъ на Красноуфимскъ, гдѣ насъ встрѣтилъ капитанъ Поповъ: была жаркая баталія, но она кончилась ничѣмъ, кромѣ того, что меня ранили, и мы взяли на лѣво, въ Осу, гдѣ командовалъ майоръ *Скрипицынъ*, укрѣпивъ городъ деревяннымъ заплотомъ и навѣсомъ; въ насъ жарили картечью, а во время приступа кидали съ навѣсу каменья и лили кипятокъ и смолу. Отъ насъ привезли много возовъ соломы, поставили въ нѣсколько рядовъ и стали изъ-за нихъ стрѣлять и надвигать ихъ; жители испугались, видя, что мы хотимъ сжечь ихъ, зазвонили въ колокола отбой, растворили ворота и вывели обезоруженныхъ солдатъ, которые, распустивъ волосы по плечамъ, въ уныніи ждали своей участи. Съ нихъ тутъ же сняли мундиры, остригли и одѣли по козачьи. Майоръ Скрипицынъ съ поручикомъ Минѣевымъ шли, до пристани Рожественскаго Демидовскаго завода, плѣнными; это было въ Іюнѣ; Скрипицынъ разъѣзжалъ и разговаривалъ съ самозванцемъ, который тутъ переправился за Каму; Скрыпицынъ, съ повѣреннымъ князей Голицыныхъ, ночью отправилъ письмо по Камѣ въ Воткинскій заводъ,

къ исправнику Алымову, уговаривая его вооружиться противъ самозванца и обѣщая ему помощь. Поручикъ Минѣевъ открылъ это Пугачеву; посланныхъ догнали на Камѣ, а Скрипицына и Ключникова повѣсили. За это поручикъ сдѣлался любимцемъ самозванца, который пошелъ внизъ по Камѣ, на Воткинскій. Здѣсь не встрѣтили мы сопротивленія; начальники уѣхали, управляющій скрылся, полковникъ Грязной засѣлъ въ прудъ, выставивъ одну голову; того сожгли въ избѣ, обложивъ ее соломой, а этого повѣсили.

Въ Ижевскомъ встрѣтили насъ мирно, хлѣбомъ и солью; и мы тутъ не бушевали; силы нашей прибывало, и самозванецъ рѣшился итти на Казань. Пришли и стали на Арскомъ полѣ; Пугачевъ написалъ вызовы, чтобъ сдавались; Казанцы насмѣхались надъ нами; на другой день двинулись на городъ, куда подулъ и сильный вѣтеръ. Завязался бой, густой дымъ гнало въ городъ; скоро сбили мы Казанцевъ съ валу, вошли въ городъ, зажгли его и уже до 15 т. нашихъ ворвались въ крѣпость, но ихъ тамъ заперли. Пугачевъ хотѣлъ задушить головнями засѣвшихъ тамъ; жгли, рѣзали и грабили; разграбили и монастырь, а игуменью съ монахинями вывели на Арское поле; разбили острогъ и выпустили колодниковъ, въ томъ числѣ жену и сына Пугачева. Въ числѣ добычи на пиршество побѣды вывезли на Арское поле 15 бочекъ вина: самозванецъ угощалъ дружину свою послѣ каждой удачи.

Настала ночь, развели огни, расположились по полкамъ и начали попойку; Пугачевъ самъ разъѣзжалъ по стану; говоръ, крикъ и пѣсни длились далеко за полночь, хотя всѣ очень утомились. Только что призатихло немного, да сонные туда-сюда повалились съ похмѣлья, какъ вдругъ сталась тревога: подполковникъ Михельсонъ, занимавшій Царицыно (село), напалъ на насъ, на хмѣльныхъ и сонныхъ. Кто куда могъ — давай Богъ ноги; много тысячъ нашихъ было побито и легло тутъ, много взято въ плѣнъ и весь обозъ и артиллерія пропали.

На другой день собрались мы кое-какъ, хотѣли устоять; опять на насъ насѣли, и вѣтеръ погналъ дымъ на насъ. Это, сказали многіе, дурная примѣта. Насъ сбили съ поля;

5 т. человѣкъ съ Бѣлобородовымъ отрѣзали, полонили, вмѣстѣ съ полковникомъ; а самозванецъ съ остальною шайкою бѣжалъ вверхъ по Волгѣ, въ Сундырь.

Обезоруженныхъ плѣнниковъ подполковникъ Михельсонъ сталъ отпускать по домамъ, приказавъ находящемуся при немъ служителю Серганскаго завода, Гаврилѣ Владимірову, осматривать плѣнниковъ, не будетъ ли между ними самаго Пугачева, или кого изъ главныхъ его приверженцевъ. Владиміровъ сначала служилъ Бѣлобородову въ Саткинскомъ заводѣ, съѣздилъ оттуда съ донесеніями къ Пугачеву, въ Берду; оттуда, догадавшись, что Пугачъ обманщикъ, перешелъ къ Голицыну, а отъ него поступилъ къ Михельсону. Онъ всѣхъ зачинщиковъ зналъ въ лице. Онъ узналъ тотчасъ же Бѣлобородова, и его задержали вмѣстѣ съ бывшими при немъ дочерьми. Слышно было послѣ, что онъ казненъ въ Москвѣ.

Сундырь наши разграбили и сожгли за то, что жители потопили суда, чѣмъ много затруднили переправу нашу черезъ Волгу. Отъ Сундыря пошли мы Мордвой и Черемисой; народы эти, по склонности къ идолопоклонству, ненавидѣли поповъ своихъ; а какъ христонаступникъ Пугачевъ не щадилъ ихъ, задобривая народъ, то этотъ и самъ сталъ съ ними безчеловѣчно управляться. Въ Курмышѣ, на Сурѣ, близъ Алатыря, человѣкъ 200 бояръ разнаго рода съ людьми своими и пожитками думали спастись на одномъ небольшомъ островѣ; они даже вооружились, кто чѣмъ могъ, и роздали людямъ своимъ оружіе, надѣясь отстоять островъ въ случаѣ нападенія; но когда Пугачевъ приблизился, то прислуга сдѣлалась непокорною, перевязала господъ своихъ и выдала ему. Всѣхъ ихъ, не исключая и женщинъ и младенцевъ, безчеловѣчно перегубили. Взяли Алатырь, пошли на Саранскъ; архимандритъ Саранской пустыни встрѣтилъ самозванца съ крестомъ, за что его впослѣдствіи кн. Голицынъ повѣсилъ. Между тѣмъ Пугачевъ ѣздилъ обѣдать въ монастырь, гдѣ, по незнанію истины или отъ страху, приняли его съ почетомъ. Въ станъ Пугачева привели тутъ генерала Цыплятева съ женою, двумя дочерьми и малолѣтнымъ сыномъ: всѣхъ ихъ безбожно казнили позор-

ною смертію, жену и дѣтей повѣсили, а Цыплятева истязали мученически до смерти.

Оттуда пришли мы, чрезъ Пензу, въ г. Петровскъ, гдѣ насъ встрѣтили безъ бою; но, боясь Суворова, о которомъ слухи ходили для Пугача нехорошіе, онъ поворотилъ на Саратовъ. Здѣсь шло жестокое сраженіе съ городомъ и гарнизономъ; наконецъ принуждены были сдаться Пугачеву, но все начальство ушло въ Царицынъ. Преслѣдуемые Суворовымъ, пошли мы въ Дубовку, гдѣ на перепутьи явились къ самозванцу Донцы, человѣкъ до 500, въ полномъ вооруженіи, въ самомъ исправномъ видѣ. Пугачевъ очень радъ былъ этому подкрѣпленію и принялъ ихъ съ великою честію, не подозрѣвая того, что ему бы лучше было потерять еще 1000 человѣкъ своихъ, чѣмъ принять эти 500.

Мы пришли въ Камышинъ, распустили тамъ тюрьму и разбили винный подвалъ: до 600 бочекъ, по приказанію Пугачева, выпустили въ подвалъ, не давая никому пить; однако арестанты и чернь пили съ земли припадкою и черпая вино шляпами и рукавицами; городъ вскорѣ наполнился пьяными и буйными шатунами; пошелъ грабежъ; Пугачевъ, не посмѣвъ долѣе тутъ оставаться, изъ опасенія погони, пошелъ на Царицынъ, далъ тамъ одинъ только выстрѣлъ въ Московскія ворота и, безъ роздыху почти, пошли далѣе, на Астрахань. Сколько ни бѣжать, говорится, а гдѣ-нибудь да постоять; остановились мы на ночевку, не доходя Черноярска. Михельсонъ шелъ за нами по пятамъ и, ночью подошедъ, также остановился версты за 2 или за 3; у насъ объ эту пору было до 60-т. такъ называемаго войска, т. е. разнаго сброду въ нестройныхъ толпахъ, и до 60-ти орудій, вновь забранныхъ въ разныхъ мѣстахъ, послѣ пораженія нашего подъ Казанью. Но всѣ крѣпко упали духомъ, и одинъ только страхъ удерживалъ огромную шайку около Пугачева; помню, что и я думалъ было уйти нѣсколько разъ; но боялся, не ожидая доброй участи, если даже и попадусь въ руки войскъ Царицы.

Утромъ, на солнцевосходѣ, Михельсонъ напалъ на насъ. Нельзя было болѣе избѣжать встрѣчи, и началось жаркое сраженіе: при этомъ случаѣ оказалось, что вновь пристав-

шіе къ намъ Донцы загвоздили пушки наши или подрубили оси и колеса у лафетовъ. Пугачевъ былъ разбитъ на голову и бѣжалъ въ Черный Яръ съ шестью только человѣками; тамъ, переплывъ Волгу, бѣжали они въ камыши на рѣчкахъ Узеняхъ, между Волгой и Яикомъ. Но здѣсь товарищи его, видя, что уже все кончено и пора неминучая настала, рѣшились искупить свои головы его головой, почему, схвативъ его внезапно, связали и привезли сначала въ Яицкую крѣпость (Уральскъ), а потомъ въ Симбирскъ, гдѣ были тогда Суворовъ и Панинъ.

Про себя Верхолонцевъ прибавилъ: я уже сказывалъ, что въ Билимбаевскомъ заводѣ Бѣлобородовъ произвелъ меня въ походные сотники: въ этомъ чинѣ служилъ я до 7-го Августа и былъ почти во всѣхъ сраженіяхъ, сперва съ Бѣлобородовымъ, а потомъ съ самимъ Пугачевымъ. У Красноуфимска былъ я раненъ и, находясь близь своей родины, думалъ бѣжать, но сробѣлъ и остался, тѣмъ болѣе, что за мной, по приказанію Пугача, присматривали и ранепнаго возили въ телѣгѣ. Съ другой стороны и не знаешь, куда бѣжать и на кого Богъ приведетъ наткнуться; у Красноуфимска стоялъ капитанъ Поповъ, съ солдатами и вооруженными крестьянами, и, какъ слышно было, не давалъ никому изъ шайки Пугачева никакой пощады. Такимъ образомъ я оставался прикованнымъ къ судьбѣ самозванца, до самаго конца ея, хотя и зналъ уже положительно, что онъ обманщикъ и разбойникъ, и вовсе не желалъ быть товарищемъ его, какъ я и поступилъ въ шайку его противъ воли, по милости моего зятя. Я былъ освобожденъ, въ числѣ другихъ плѣнныхъ, и по милости Царицы скоро послѣдовало всепрощеніе.

III.

ЦЫГАНЪ.

(*Пустобайка*).

Цыгану, который отбился отъ табора для промысла, пошла такая неудача, что онъ со всей семьей цѣлый мѣ-

сяцъ прожилъ безъ хлѣба, и еслибъ спросить его, чѣмъ они жили, что ѣли, то онъ бы и самъ этого не могъ сказать. Наконецъ пришло такъ круто, что онъ рѣшился уйти на время отъ семьи и бросить ее: авось я на сторонѣ что-нибудь скорѣе промыслю, а они—да какъ себѣ знаютъ; сироткамъ безъ меня еще скорѣе кто-нибудь подастъ милостыню, чѣмъ при мнѣ; а работы кузнечной здѣсь нѣтъ, въ цѣлый мѣсяцъ и гвоздя не выковалъ, да къ тому еще и голодъ: вишь въ какіе края зашли; мужики сами безъ хлѣба.....

Заложилъ онъ кобылку свою и поѣхалъ тайкомъ, не сказавъ женѣ, куда и зачѣмъ. Ѣдетъ черезъ плотинку, сломалась ось. Онъ взялъ топоришко свой, чтобы вырубить жердь и подвести подъ ось, влѣзъ на вербу, сталъ на сукъ и рубитъ его. Мужикъ идетъ мимо, посмотрѣлъ и говоритъ: Цыганъ, что ты дѣлаешь! сидишь на суку, а самъ его рубишь; гляди, скоро въ водѣ будешь!—Цыганъ поглядѣлъ на мужика, сказалъ: поди, приведи сюда своего батька, такъ я и того еще научу! И продолжалъ рубить, а мужикъ пошелъ своей дорогой. Скоро затѣмъ сукъ обломился и Цыганъ торчмя головой полетѣлъ въ воду. Русскій человѣкъ отвѣтилъ бы на оберегъ прохожаго: ничего, онъ сперва затрещитъ; а Цыгана вишь и на это не достало. Ну, за то онъ искупался.

Выскочивъ изъ воды, онъ побѣжалъ въ догонку за мужикомъ и присталъ къ нему: почему ты зналъ, что я буду въ водѣ? Развѣ ты все знаешь?—Все.—Отчего же ты все знаешь? — Оттого, что я цыганскій богъ.— Такъ можетъ быть ты знаешь, когда я умру? — Знаю. — Скажи, сдѣлай милость, скажи!— Вы же сами знахари и ворожеи, такъ и это должны знать.—Да, мы ворожеи для васъ, а не для себя; а ты скажи мнѣ правду, когда я умру?—А вотъ какъ подвяжешь жердь, да поѣдешь въ гору, то коли лошадь твоя чихнетъ да фыркнетъ три раза, такъ ты за третьимъ разомъ и помрешь; только твоего и вѣку.

Цыганъ воротился бѣгомъ, будто самъ торопился исполнить судьбу свою, умереть, починилъ кое-какъ повозку и сталъ подыматься на гору: тощая кобылка его насилу

везла порожнюю телѣженку, а самъ онъ шелъ пѣши и понукалъ; фыркнула кляча разъ, потомъ вполугорѣ другой— и Цыганъ готовъ къ смерти: фыркнула третій—онъ бросилъ поводье и упалъ, какъ шелъ по дорогѣ, и лежитъ; лошадь отошла въ сторону и начала пастись.

Долго ли лежалъ мертвый Цыганъ на дорогѣ, нѣтъ-ли, какъ ѣдетъ помѣщикъ: Цыганъ хотѣлъ посмотрѣть, кто ѣдетъ, и вдругъ приподнялъ голову, а лошади его испугались и понесли. Остановивъ ихъ подъ горой, баринъ послалъ кучера посмотрѣть, кто лежитъ тамъ и зачѣмъ. Кучеръ приходитъ и допрашиваетъ Цыгана,—а Цыганъ говоритъ только: не *рушь* меня, добрый человѣкъ, бо я уже *вмеръ*.—Иди, говорю, къ пану, панъ кличетъ!—А какъ же я пойду, когда я уже померъ?—Баринъ услышалъ это и, разсердившись, закричалъ: бей дурака кнутомъ!—Кучеръ стегнулъ его порядкомъ, а онъ вскочилъ на ноги и побѣжалъ, закричавъ: ой, да какже больно и на томъ свѣтѣ дерутся! Баринъ однако сжалился надъ нимъ, приказалъ дать ему грошъ и уѣхалъ.

Цыганъ подумалъ, ощупалъ себя по рукамъ и по ногамъ, взялся за голову, оглянулся кругомъ, попробовалъ кашлянуть и убѣдился, что онъ живъ. Видно, то былъ не настоящій цыганскій богъ, сказалъ онъ, а вотъ это настоящій, который меня оживилъ. Что же теперь мнѣ дѣлать? Поѣду купить на грошъ товару: сѣлъ, поѣхалъ, и всю дорогу чистилъ грошъ свой, чтобъ онъ былъ свѣтлый. Пріѣхалъ онъ на рынокъ, и какъ у него тутъ съ голодухи глаза разбѣжались, глядя на съѣстное, то онъ и положилъ: купить на грошъ, чего больше дадутъ. Приходитъ онъ въ лавку и спрашиваетъ: сколько на грошъ вотъ этого меду?—А только одинъ разъ лизнуть съ лопаточки, сказалъ купецъ.—Цыганъ отвернулся и увидѣлъ бабу, которая несла цѣлую охапку хрѣну.—Что дала за хрѣнъ?—Да такъ, грошъ за беремя.—Обрадовавшись, что этого добра много даютъ на грошъ, онъ пошелъ и купилъ цѣлое беремя хрѣну: хоть печь топи!—Тотчасъ онъ принялся его ѣсть, и слезы потекли у него ручьями изъ глазъ. Плачьте очи, сказалъ онъ, сами видѣли, что покупали.... Но когда

ему не въ мочь стало, то онъ выпустилъ изъ-подъ мышки беремя, а поплакавъ и подумавъ, сталъ потчивать имъ свою отощалую кобылу; когда же и та стала отворачиваться отъ такого добра, то съ отчаянья и голодухи рѣшился продать ее съ повозкой, и промышлять пѣшкомъ. Издохнетъ лошадь, кричалъ онъ, ставъ на треколую тележку свою, сей часъ издохнетъ, покупайте поскорѣе, да покормите, тогда увидите, какого звѣря купили: семеры сутки била-посила, семеры сутки не ѣвши стояла, семеры сутки не поена! А, какова лошадка? А? Поглядите, у кого глаза во лбу есть, сами увидите, сами скажете, сами благодарить будете, придете Цыгану руки цѣловать: вотъ какова лошадка!

Возгласы эти, позабавивъ и насмѣшивъ людей, привлекли однакоже и таковскихъ покупателей; хоть за три алтына, да продана лошадь, съ цыганской сбруей и тележкой, и Цыганъ мой наѣлся досыта, въ первый разъ послѣ долгаго времени. По Цыгану въ городѣ и на торгу тѣсно; онъ продалъ, что надо было, купилъ, что можно было, а ѣсть выбрался въ чистое поле; тутъ онъ и насытился, и отдохнулъ спокойно и роскошно, не опасаясь докуки Цыганки своей и цѣлаго гурта нагихъ ребятъ, брошенныхъ на произволъ судьбы. Полежавъ, увидѣлъ онъ издали человѣка съ ружьемъ и, подошедъ къ нему, поздоровался и спросилъ: ты кто таковъ?—Я охотникъ, иду дичь стрѣлять.—Ну, и я охотникъ, сказалъ Цыганъ, такъ пойдемъ вмѣстѣ.—Пожалуй, пойдемъ; да чѣмъ же ты стрѣляешь? —А вотъ увидишь; покажи ты мнѣ прежде, чѣмъ ты стрѣляешь, тогда и я покажу. Пошли; выскочилъ заяцъ, охотникъ его убилъ: вотъ, говоритъ, я свое сдѣлалъ!—Стали подходить къ деревнѣ; ходитъ свинья съ поросятами: Цыганъ погнался за ними, поймалъ поросенка, посадилъ его въ мѣшокъ, и говоритъ: а теперь и я свое сдѣлалъ; вотъ какъ я стрѣляю!

Остановились на ночлегъ и положили испечь на угляхъ поросенка. Охотникъ взялся стряпать, а Цыганъ уснулъ. Проснувшись на самой зорькѣ и увидавъ, что охотникъ возится подлѣ него, а огонекъ еще дымится, Цыганъ ду-

малъ, что все еще вечеръ, тогда какъ товарищъ его ужъ собирался въ походъ: — ну, братъ, сказалъ Цыганъ, давай же ужинать! Я было заснулъ немного, да во снѣ видѣлъ, будто я былъ у царя въ гостяхъ; я ѣлъ такія сласти, что жаль было разстаться!—То-то, отвѣчалъ охотникъ, напрасно ты тамъ и не остался, у царя въ гостяхъ; а я ждалъ, ждалъ тебя, да не дождавшись и съѣлъ поросенка!—Какъ такъ? Да вѣдь я это все во снѣ видѣлъ!—А я почему зналъ, что во снѣ, ты не сказалъ мнѣ напередъ!—Брошу я тебя, сказалъ обиженный Цыганъ охотнику, ты недружный человѣкъ, съ тобой нельзя водиться. Пойду искать счастья!

И приходитъ онъ въ лѣсу къ землянкѣ, гдѣ жилъ извѣстный силачъ, разбойникъ, со своею матерью. Сила у этого разбойника была не людская, а львиная, и никто не могъ съ нимъ совладать. Удивившись, что смѣлый человѣкъ къ нему зашелъ, онъ спросилъ Цыгана: какой ты человѣкъ? что надо? — А я, отвѣчаетъ тотъ, такой человѣкъ, что за поживой хожу; за тѣмъ и пришелъ. — Такъ что жъ ты помѣряться, что ли, силами хочешь?—А, пожалуй, мѣряй, коли достанешь. — Матушка, сказалъ тотъ, разсуди насъ: вотъ пришелъ человѣкъ, говоритъ, что онъ сильнѣе меня! —Подите жъ вы вмѣстѣ изъ колодца воду таскать; кто больше подыметъ ея и унесетъ на себѣ, тотъ и сильнѣе.—Приходятъ къ колодцу, разбойникъ вытащилъ огромную бадьищу воды, приподнялъ, поставилъ опять и говоритъ: на, неси, коли сможешь!—Зачѣмъ? спрашиваетъ Цыганъ.— Я такъ не ношу воды, и самъ принялся вить претолстую веревку.—Это что будетъ? — А вотъ погоди, такъ увидишь: я весь колодязь притащу къ твоей матери!— Постой, сказалъ тотъ, не надо; пойдемъ такъ: и разсказалъ все матери. Ну, сказала она, такъ подите жъ теперь камни давить, кто сильнѣе надавитъ!

Пошли; разбойникъ положилъ камень на камень, налегъ и подавилъ — искры посыпались и камень въ песокъ разсыпался; а Цыганъ, который успѣлъ уже въ землянкѣ разбойника украсть пирогъ, положилъ его, накрылъ камнемъ, подавилъ и сказалъ: нешто такъ камни давятъ, по твоему? У насъ вотъ какъ: гляди, бахвалъ, видишь ли, сокъ

пошелъ! — Вижу, сказалъ тотъ, и пошелъ; доложилъ объ этомъ матери. Ну, такъ идите жъ на послѣдній споръ: кто больше дровъ наберетъ въ охапку и принесетъ сюда, тотъ будетъ сильнѣе. Пошли на буреломное мѣсто и разбойникъ сталъ собирать въ кучу валежникъ; Цыганъ смотрѣлъ, смотрѣлъ на него, покачалъ головою и сказалъ: ахъ, ты дурень, сердечный! да нешто такъ дрова носятъ?—А какъ же?—Да по нашему вотъ какъ: поди-ко, принеси мнѣ веревку, что я началъ вить у колодца!—Ну, а тамъ что?— А тамъ совью я ее всю, да обнесу вокругъ всего лѣсу стоячаго, свяжу его въ одну охапку и принесу вамъ.—Нѣтъ, постой, надо матери сказать; куда жъ намъ дѣвать послѣ столько дровъ? Это со стороны примѣтно будетъ, и люди насъ найдутъ; погоди. — Матушка, вотъ такъ и такъ; не лучше ль намъ съ этимъ гостемъ помириться, чтобъ онъ съ Богомъ отъ насъ ушелъ?—Ну, мирись, сынокъ.—Что возмешь, богатырь почтенный, чтобы уйти отсюда и насъ больше не знать?—Давайте мѣдныхъ денегъ, сколько унесу!—Сколько есть, бери, сказалъ разбойникъ, подумавъ про себя: пропали мы теперь! Онъ все унесетъ, и серебромъ и золотомъ ему не доплатишься! — Но Цыганъ нагребъ въ мѣшокъ, сколько подъ силу поднять человѣку, а денегъ открыли ему цѣлую яму, — и, взваливъ ношу на плеча, онъ простился и пошелъ. Разбойникъ поглядѣлъ ему вслѣдъ и сказалъ: ну, матушка, либо это человѣкъ больно стыдливый, либо онъ насъ съ тобой одурачилъ.—А что?— Да денегъ-то онъ унесъ мѣшокъ, что мнѣ однимъ пальцемъ нечего подымать!—Ну, сказала мать, въ другой разъ придетъ, такъ мы его проучимъ!

Цыганъ пришелъ къ женѣ и дѣтямъ, заставилъ всѣхъ ихъ перечистить пятаки, закопалъ ихъ подъ свою наковальню въ землю, доставалъ оттуда по горсточкѣ и сталъ жить да поживать.

Покуда велись у него деньги эти, Цыганъ по неволѣ стоялъ съ шатромъ своимъ на одномъ мѣстѣ, потому что оберегалъ кладъ, да и подняться было ему не на чемъ, лошаденки нѣтъ. Прискучилось ему, правда, жить на одномъ мѣстѣ, какъ живетъ дубъ или чертополохъ, который при-

росъ корнями къ землѣ,—да какъ быть?—Покуда велись у Цыгана мелкія деньги, онъ жалѣлъ ихъ, доставалъ по пятакамъ да по гривнамъ, а отсчитать въ одинъ разъ мелочью рублей тридцать за лошаденку, на это онъ не рѣшался; а когда кладъ сталъ приходить къ концу, то было ужъ поздно. Молчи, сказалъ онъ женѣ, я видѣлъ сонъ, что раздобуду коня; не тужи, будетъ такъ: сонъ никогда меня не обманывалъ!

Невдалекѣ отъ цыганскаго кочевья жилъ баринъ, большой шутникъ и проказникъ, который особенно тѣшился всегда тѣмъ, когда могъ разсердить или одурачить кого нибудь. Вотъ онъ и придумалъ штуку: объявилъ, что хочетъ постричься и все наживное добро свое раздарить бѣднякамъ и вообще добрымъ людямъ. Разумѣется, за этими добрыми людьми, охотниками до подарковъ, дѣло не стало. Приходитъ мужикъ, кланяется униженно, жалуется на бѣдность свою и проситъ барской милости.—Чтожъ тебѣ надо? спрашиваетъ баринъ.—Да что пожалуете, батюшка, что милость ваша будетъ, всѣмъ останемся премного довольны.—Ну, чтожъ, подарить тебѣ добрую соху?—Благодаримъ покорно—а самъ стоитъ и чешетъ затылокъ.—Ну, и еще что нибудь? Не коровку ли?—Благодарны много милости вашей..... А самъ все еще стоитъ, не будетъ ли еще чего.—Чтожъ, мужичекъ, можетъ статься тебѣ этого мало, не поправишься съ этого?—Да коли милость ваша будетъ, такъ пожалуйте еще что-нибудь.... Какъ, закричалъ баринъ, ахъ, ты ненасыть, видно глазъ твоихъ ничѣмъ не накормишь? Люди добрые, подите сюда, разсудите насъ вотъ съ этимъ человѣкомъ: мужичекъ пришелъ попросить у меня что-нибудь на бѣдность; я подарилъ ему соху—говоритъ: мало; подарилъ я ему еще корову—говоритъ: мало; чтожъ, развѣ такъ благодарятъ за подарки? Развѣ ты пришелъ ко мнѣ подати съ меня собирать, что ли?—Кирюшка, дай ему добраго подзатыльника, да вытолкайте его мошенника со двора!....

Приходитъ другой въ крѣпко изорванномъ, худомъ армякѣ; баринъ подозвалъ его, пожалѣлъ объ немъ и кричитъ: эй, принесите сюда хорошіе кучерскіе кафтаны!—

Принесли, стали перебирать и разсматривать, который отдать бѣдняку: кучеръ выбралъ было одинъ, но баринъ велѣлъ откинуть его вовсе, сказавъ, что этотъ не годится: хорошему-де человѣку надо подарить и хорошую вещь. Вотъ этотъ отдай, — сказалъ онъ, указавъ на одинъ изъ самыхъ плохихъ; на-ко, мужичекъ, накинь на себя да погляди, ладно ли будетъ?—А у нашего мужичка, глядя на щегольскіе кафтаны, что передъ нимъ разложили, глаза разбѣжались. Власть ваша, батюшка, отвѣчалъ онъ, а самъ косился на лучшую одежу.... Однако, спросилъ баринъ, говори! — Да коли ужъ милость ваша будетъ, такъ хоть бы вонъ этотъ кафтанишко пожаловали, указывая на лучшій и самый новый.... Хорошо, мужичекъ, возьми: отдайте ему этотъ!—Ну, что, хорошъ?—Какъ не хорошъ, батюшка, дай Богъ вамъ здоровья.... А между тѣмъ, надѣвъ щегольской кафтанъ, мужикъ, охорашиваясь, похлопывалъ себя руками по поламъ и все еще косился въ бокъ, туда, гдѣ лежала одежа.—Ну, чтожъ, мужичекъ? сказалъ баринъ ласково, договаривай!—Да, ужъ колибъ такая милость ваша была, такъ не пожалуете ли на бѣдность вотъ и кушачка, да шапочку....—Ахъ, ты воръ, безстыжіе глаза! Слышите, люди добрые? Далъ ему кафтанъ—не хорошъ, дай другой, что ни есть лучшій; отдалъ ему и этотъ—такъ и того мало, говоритъ: подай мнѣ кушакъ и шапку! Въ зашей его, ребята, да хорошенько, бей въ шею со двора!

Опять другому приказалъ онъ пріѣхать на своей лошаденкѣ, обѣщавъ дать деньженокъ. Тотъ пріѣхалъ, баринъ и велѣлъ пустить его въ кладовую, заваленную мѣшками съ мѣдными деньгами, сказавъ: вотъ, любезный, навадивай смѣло, бери сколько надо!

Какъ глянулъ гость въ кладовую, такъ у него руки задрожали и ножки подкосились.... принялся онъ таскать, да валить на телѣгу: не глядитъ онъ, сколько на возу навалено, а все у него глаза разбѣгаются на кучи мѣшковъ въ кладовой: таскалъ, таскалъ, наконецъ остановился, почесалъ затылокъ, видитъ, что навалилъ возъ большой. Погоди, думаетъ, хоть попробую, свезетъ ли проклятая лошаденка моя...: взялъ возжи въ руки, сталъ нукать—ни

съ мѣста; подперъ мужичекъ грядку плечомъ, дергаетъ лошаденку, хлещетъ подъ брюхо кнутикомъ — та бѣдная только вертится да топчется, да фыркаетъ, да крутитъ хвостомъ и головой, а сама ни съ мѣста....—Стой, стой, закричалъ баринъ, что ты это дѣлаешь? Ахъ, ты подлецъ! Я тебѣ велѣлъ забрать денегъ въ волю, а ты навалилъ, что и лошадь не везетъ!—Сваливайте долой, возмите-ка у него кнутъ, да, настегавши ему хорошенько спину, гоните со двора!

Вотъ объ этомъ-то баринѣ услыхалъ нашъ Цыганъ въ то самое время, когда у него пятаки всѣ вышли, сидѣть на мѣстѣ соскучилось, а лошаденки не было. Пришелъ онъ къ нему на дворъ, ходитъ, поглядываетъ, то опять постоитъ у воротъ, держа шляпу въ рукахъ, и дождался наконецъ , что люди разспросили его и доложили барину, что-де Цыганъ какой-то пришелъ, по наслышкѣ, просить лошади. Вотъ погоди жъ, думаетъ тотъ, я надъ нимъ потѣшусь: и вышелъ.—Что, братъ, лошаденку, что ль, тебѣ подарить? Цыганъ кланяется, молчитъ. Выведите-ка вотъ такихъ-то, такъ мы ихъ тутъ попробуемъ, да выберемъ, которая получше будетъ: хорошему человѣку надо и хорошую скотину держать. Вывели тройку: одна дорогая лошадь, другая—подъ стать ей, третья поплоше, однако не мужицкой подъ стать.—Сядь-ка на эту, сказалъ баринъ Цыгану, указывая на плохую, да попробуй ее, полюбится ли она тебѣ! Цыганъ поклонился въ поясъ, взвалился на лошадь, да безъ оглядки и поѣхалъ со двора.—Куда жъ ты, закричалъ баринъ, ты погляди прежде, годится ли?—Даровому коню въ зубы не глядятъ, баринъ, отвѣчалъ тотъ, поклонился низенько и поѣхалъ.—Ну, передъ тобой, сказалъ баринъ, молодецъ: не поддался! поѣзжай, лошадь твоя!

Съ этихъ-то поръ Цыганъ зажилъ опять по настоящему обычаю своему и по охоткѣ: съ денегъ Цыгану никогда талану нѣтъ, богатство ему не далось, на одномъ мѣстѣ сидѣть также не рука; а коли добрая лошадь попалась, такъ съ нея онъ всего скорѣе разживется: такъ съ нимъ и сталось!

IV.

ПОДТОПЪ.

Кто живалъ небольшимъ помѣщикомъ въ деревнѣ, тотъ и плакался временемъ на лихоту людскую: на недобраго сосѣда, да на недобрыхъ заступниковъ нашихъ, блюстителей порядка. Однако не все плакать, надо и посмѣяться; а ловкому мошенничеству иногда по неволѣ улыбнешься.

Вы знаете, что у насъ есть рѣчки, на которыхъ мельницы-мутовки выросли подъ каждымъ кустомъ, какъ грибы, и знаете, что владѣльцы сосѣднихъ мельницъ всегда бываютъ между собою въ ссорѣ, за воду: сосѣдъ, пониже меня, въ упалую воду жалуется, что я держу запасъ, не спускаю столько воды, сколько ему нужно; я сваливаю вину на своего сосѣда, выше по рѣкѣ; а въ половодье, каждый изъ насъ обвиняетъ того, кто подъ нимъ, въ подпрудѣ и подтопѣ; каждый, кто успѣетъ и съумѣетъ захватить и удержать воду, старается сохранить ее въ запасъ, на то время, какъ пойдетъ ниже межени; а этимъ-то онъ и подтапливаетъ верхòвые луга, или и самую мельницу. Законы наши на это довольно строги и справедливы, охраняя правà каждаго; желательно только, чтобы и исполнители закона были правы и безстрастны, какъ самый законъ.

Помѣщикъ, у котораго мельница молола слабо, вздумалъ исправить бѣду довольно просто: прибавивъ вершковъ на шесть поперечника подливнаго колесà. Первымъ слѣдствіемъ этого было, разумѣется, что колесо сѣло ниже и что, какъ говорится, *оказался подтопъ*. Стали обсылаться на словахъ, а тамъ и письменно, съ нижнимъ сосѣдомъ, требуя, чтобы онъ спустилъ воду. Почитая себя въ своемъ правѣ, сосѣдъ не хотѣлъ этого и слышать, отвѣчая, что если-де по произволу увеличивать размѣръ колесà, да по немъ и воду держать, то можно заставить спустить всю, и что на такое безразсудное требованіе согласиться нельзя.

Вода стоитъ, какъ стояла прежде, и потому подтопу нѣтъ.

Верхнему уступить не хочется; поговорилъ онъ съ земскими, которые отъ такой ссоры себѣ худа не чаяли, и подалъ просьбу. Загорѣлось дѣльце. Подоили того и другаго, протянули на полгода; опять подоили—такъ прошелъ и годъ. Собирали и понятыхъ и допрашивали; собирали ихъ и держали по недѣлѣ безъ допросу, писали, отписывались, наводили справки — прошло еще полгода. Одинъ сидитъ съ подтопомъ и съ богатырскимъ колесомъ своимъ и ждетъ спуска воды, не разчитывая проторей разнаго рода и убытковъ отъ стоянки мельницы; — другой стоитъ за правое дѣло свое, пожимается, но не уступаетъ. Наконецъ дошло дѣло и до суда; и тутъ, разумѣется, безъ хлопотъ и раструски не обошлись; обратили дѣло для дослѣдованія, тамъ еще разъ для переслѣдованія, — но какъ всему на свѣтѣ долженъ быть и есть конецъ, то и тутъ наконецъ судъ рѣшилъ, что слѣдуетъ окончательно дополнить слѣдствіе, приведя въ точную извѣстность, какая была межень воды до спора и какова она теперь, и поставить клейменый столбъ, съ чертою межени. Присланъ для этого и землемѣръ, гроза сельскихъ обывателей и главарь поземельныхъ и другихъ подобныхъ тяжебныхъ дѣлъ.

Въ это время, на бѣду, нижній сосѣдъ отлучился въ губернскій городъ и оставилъ своего бурмистра. Временный земскій судъ, условившись, въ чемъ слѣдовало, съ верхнимъ владѣльцемъ, назначилъ день выѣзда, въ который-де при понятыхъ повѣряться будетъ уровень воды *въ натурѣ*. Тотъ изъ этихъ господъ, кто улаживалъ дѣло, подослалъ напередъ прикормленнаго человѣка къ бурмистру отсутствующаго помѣщика: вотъ-де, такъ и такъ, въ Воскресенье будетъ судъ; исправникъ, самъ ты знаешь, много доволенъ твоимъ бариномъ и держитъ его руку; такъ видишь ли однако, чтобы тутъ чего не вышло; оно все таки дѣло спорное и будетъ придираться сосѣдъ—а сдѣлайте вы вотъ что: спуститетка вы въ ночь на Воскресенье вершковъ шесть воды; мы пріѣдемъ, опросимъ, выйдемъ на мѣсто, всѣ покажутъ, что подтопа нѣтъ, что вода у васъ въ ме-

жени, либо еще и ниже — тѣмъ мы дѣло и повершимъ; а вы послѣ, пожалуй себѣ, опять поудержите воду, такъ и накопите въ трои сутки; теперь воды много.

Бурмистръ раскланивался и благодарилъ за барина своего, угостилъ лазутчика, чѣмъ могъ, и обѣщалъ ему еще благодарность. Бурмистру совѣтъ этотъ былъ по сердцу, какъ нельзя больше; онъ привыкъ съ издѣтства къ такимъ невиннымъ хитростямъ, безъ которыхъ и въ правомъ дѣлѣ иногда правды добиться трудно, и видѣлъ въ этой уловкѣ несомнѣнный успѣхъ.

Пришло Воскресенье, а съ нимъ наѣхалъ и судъ съ землемѣромъ, напередъ на верхнюю мельницу, гдѣ прежде была подпруда, потому что было опущено колесо, а теперь, когда нижній сосѣдъ временно спустилъ воду, мельница молола въ порядкѣ. Послѣ веселаго завтрака, выѣхали они на мельницу, гдѣ все оказалось въ порядкѣ. Ну что, ребята, подтопу нѣтъ? — Нѣтъ. — А вы, спросили у понятыхъ со стороны нижняго помѣщика, вы теперь довольны, не жалуетесь, вода въ межени?—Довольны, и баринъ нашъ останется доволенъ — Ну вотъ, и ладно. Такъ чего же баринъ вашъ спорилъ, изъ-за чего-жъ онъ дѣло заводилъ и насъ тормошилъ, и сосѣда безпокоилъ, а? А сосѣдъ-то вѣдь человѣкъ почтенный!

Повѣренные и понятые молчали на эту выходку, почесываясь, а исправникъ обратился опять къ дѣлу. Отобрали сказки и заручныя; а между тѣмъ у землемѣра оказался на готовѣ столбикъ, который былъ гдѣ-то заложенъ на подводѣ; принесли столбъ, поставили его тутъ же, при свидѣтеляхъ, въ воду, пониже плотины, разожгли клеймо, заклеймили, и провели черту межени, по уровню воды. Тотъ часъ же сѣли и поскакали на нижнюю мельницу; тутъ и спрашивать было нечего, понятые были уже опрошены и остались позади; и другой готовый столбикъ нашелся; его поставили въ воду повыше плотины, и такъ же положили на него неприкосновенное казенное клеймо и провели черту межени по уровню воды. «Вотъ вамъ и всѣмъ спорамъ конецъ, сказалъ исправникъ; и вамъ и намъ спокойнѣе будетъ; теперь обѣ стороны довольны, и никому чу-

жаго не надо. Держите жъ вы воду по чертѣ, такъ и привязки не будетъ; а вы скажите вашему барину, чтобы онъ не жаловался по пустякамъ, не тревожилъ бы насъ и добрыхъ сосѣдей.»

Бурмистръ разинулъ ротъ и растопырилъ пальцы; теперь только спохватился онъ, что его объѣхали на кривой. Но какъ стать спорить? О чемъ? Самъ онъ объявилъ и далъ сказку, что вода теперь въ межени и что выше этого они воды не держатъ; какъ признаться, что она была спущена, по злоумышленному совѣту? Помѣщикъ нижней мельницы воротился и его поздравили съ благополучнымъ окончанiемъ тяжбы. Помѣщикъ верхней мельницы, одержавшiй такую славную побѣду, свелъ счеты и плюнулъ: три года, говоритъ, надо молоть моей мельницѣ на этихъ господъ; три года будетъ она замалывать протори и поборы. Въ барышахъ, стало быть, кто?

В. Даль.

БОГАТЫРИ
ВРЕМЕНЪ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМІРА
ПО РУССКИМЪ ПѢСНЯМЪ (*)

.... «Се же пакы творяше людямъ своимъ по вся недѣли; устави на дворѣ въ гридницѣ пиръ творити и приходити болярамъ и гридемъ и съцьскимъ и десяцькымъ и нарочитымъ мужемъ, при Князѣ и безъ Князя : бываше множество отъ мясъ и отъ скота и отъ зверины, бяше по изобилію отъ всего (**).»

Такъ говоритъ лѣтопись о Великомъ Князѣ Владимірѣ. Эта привѣтливая, пиршественная сторона его жизни пе-

---

(*) Послѣ того, какъ была написана эта статья о богатыряхъ Великаго Князя Владиміра, появилось въ печати много пѣсенъ, относящихся къ этой же эпохѣ и къ тѣмъ же лицамъ, пѣсенъ, помѣщенныхъ большею частію въ Извѣстіяхъ Академіи. Пѣсни эти въ высшей степени важны и занимательны; онѣ содержатъ много новыхъ подробностей о богатыряхъ, извѣстныхъ уже, и даютъ свѣдѣніе о нѣкоторыхъ новыхъ. Съ удовольствіемъ можемъ мы сказать, что очерки богатырей, сдѣланные нами въ нашей статьѣ, подтверждаются и дополняются вновь напечатанными пѣснями. Но количество этихъ пѣсенъ и самая важность ихъ содержанія не позволяютъ намъ дѣлать краткія на нихъ указанія. Вмѣсто того, мы надѣемся, выждавъ, пока появится еще больше пѣсенъ, написать объ нихъ цѣлую особую дополнительную статью, гдѣ постараемся отдать полный отчетъ о ихъ достоинствѣ и содержаніи.

Цѣль этой статьи не есть изслѣдованіе или разсужденіе о богатыряхъ, а только изложеніе, возможно полное и стройное, богатырскихъ пѣсенъ, и характеристика богатырей.

(**) Лѣтопись Нестора.

решла въ народныя пѣсни. Владимiръ удержался въ памяти народной, какъ радушный, ласковый хозяинъ, къ которому все собиралось на пиръ, не только изо всего Кiева, но и со всѣхъ сторонъ Русской земли. Владимiръ созывалъ «старѣйшины по всѣмъ градомъ и люди многы», говорится въ другомъ мѣстѣ лѣтописи. И отовсюду ѣхали къ нему гости. — Нераздѣльно съ его пирами соединено сказанiе о славныхъ богатыряхъ, о могучихъ гостяхъ Владимiра, сказанiе, удержанное народомъ и сохраненное имъ въ полнѣйшемъ и подробнѣйшемъ видѣ, чѣмъ въ лѣтописи; лѣтопись упоминаетъ только объ Александрѣ Поповичѣ, Рахдаѣ, о разбойникѣ Могутѣ, объ Янѣ Усмошвецѣ. Но пѣсни говорятъ о многихъ другихъ. —И такъ Великiй Князь Владимiръ, добрый и ласковый, гостепрiимный и пирующiй, постоянно окруженный гостями и богатырями, пришедшими со всѣхъ сторонъ Русской земли, соединяющiй всѣхъ ихъ около себя и всѣхъ радующiй привѣтомъ и празднествомъ, — живо остался въ памяти и пѣсняхъ народныхъ съ постояннымъ эпитетомъ своимъ: «красное солнце», эпитетомъ, въ которомъ выражается благотворное и вмѣстѣ всерусское значенiе Великаго Князя Владимiра. Въ самомъ дѣлѣ, съ мыслiю о немъ соединена мысль о все собирающемъ вокругъ себя и во всѣ стороны простирающемся жизненномъ началѣ, о томъ истинномъ началѣ жизни, которое даруется православною Христiанскою вѣрою.

Обратимся теперь къ самымъ пѣснямъ; скажемъ напередъ, что здѣсь дѣло будетъ идти не объ историческомъ, а о сказочномъ и пѣсенномъ, Владимiрѣ и вообще о цѣломъ сказочномъ мiрѣ той эпохи. Но этотъ сказочный мiръ также очень важенъ и состоитъ въ непремѣнной связи съ историческимъ; онъ показываетъ, какъ взглянулъ на человѣка или дѣло народъ, что поразило народную память и воображенiе.

Преданiе о богатыряхъ и времени Владимiровомъ находятся въ пѣсняхъ и сказкахъ, отчасти изданныхъ, отчасти записанныхъ, а отчасти живущихъ только въ устахъ народа. Изъ всѣхъ изданныхъ сборниковъ Русскихъ пѣсенъ самый замѣчательный, это сборникъ, означенный именемъ

Кирши Данилова, которое мы за нимъ и удержимъ. Онъ служитъ главнымъ источникомъ всѣхъ свѣдѣній нашихъ по части пѣсенъ о богатыряхъ и времени Владиміровомъ.

Общая поэтическая словесная форма этихъ сказаній о богатыряхъ есть пѣсня. Но Русская наша пѣсня—такая стихотворная форма, которую сами мы еще недовольно себѣ объяснили. Наша Русская пѣсня (т. е. народная) не есть опредѣленное стихотвореніе и не имѣетъ опредѣленнаго метра, отдѣляющаго ее отъ прозы. Между Русскою прозою и Русскимъ стихомъ нѣтъ ярко проведеннаго рубежа, какъ то встрѣчается у другихъ народовъ. Отдѣльной, заранѣе готовой стихотворной формы, въ которую можно было бы отливать слова—нѣтъ у насъ. — Слово само должно отдѣляться отъ обыденной рѣчи не-поэтической, называемой прозою, и давать себѣ прямую гармоническую форму, доходить до стиха; такъ что процессъ образованія поэтической рѣчи или стиха совершается тутъ же, и стихъ возникаетъ изъ прозы, какъ скоро поэтическая сила вдохновенія подымаетъ слово. Заранѣе готовой, условной формы стихотворенія мы не имѣемъ: но за то мы имѣемъ живое стихотворное слово. Поэтому нельзя найдти ровныхъ рамокъ для Русской пѣсни, поэтому нельзя писать Русскими стихами (хотя это выраженіе употребляется писателями): ибо заранѣе извѣстныхъ формъ этихъ стиховъ не существуетъ. Надо въ самомъ дѣлѣ одушевиться гармоніей мысли и слова, въ самомъ дѣлѣ стать поэтомъ на ту минуту, и слово приметъ гармоническій изящный стихотворный видъ; безъ того поэтическое слово человѣку не дастся, какъ дастся оно при опредѣленныхъ размѣрахъ, наводнившихъ изъ чужихъ странъ нашу литературу и расплодившихъ такое множество стихотворцевъ. Въ примѣръ сказаннаго нами о вдохновенности живаго Русскаго слова можемъ привести грамоту Гермогена, гдѣ, говоря о томъ, какъ свели Царя Василья съ престола, онъ выражается:

Солгалось про старыхъ то слово,
Что красота граду старые мужи.

Въ этихъ строкахъ уже слышенъ размѣръ—слышна гармонія самаго слова, и мы нарочно написали ихъ стихами. Подобныхъ примѣровъ довольно въ нашихъ грамотахъ.

Богатырскія пѣсни очевидно принадлежатъ къ древнему періоду нашей исторіи; вѣроятно были онѣ пѣты, если не при самомъ Владимірѣ, то вскорѣ послѣ него. Языкъ и строй этихъ пѣсенъ различается во многомъ отъ пѣсенъ Новогородскихъ, или отъ пѣсенъ Іоаннова времени; при сравненіи ихъ, живо чувствуешь, что пѣсни Владиміровы древнѣе и по содержанію, и по изложенію. Время конечно имѣло на нихъ свое дѣйствіе, оно нанесло многое на нихъ, и многое прилипло къ нимъ; встрѣчается много анахронизмовъ, но объяснить ихъ нетрудно. Народъ, продолжая пѣть старыя пѣсни о битвахъ богатырскихъ съ врагами, былъ тревожимъ новыми врагами, вызывавшими его на новыя битвы. Образы этихъ новыхъ враговъ замѣняли въ его воображеніи образы враговъ древнихъ. Такъ Татары заступили въ пѣсняхъ мѣсто Печенѣговъ и Казаръ; такъ вольное и радостное положеніе Великаго Князя Кіевскаго Владиміра, сохраняющееся въ пѣсняхъ, смущается послѣдующими отношеніями Князей Русскихъ къ Ордѣ. Орда, въ пѣсняхъ, какимъ-то чудомъ зашла въ міръ и эпоху Владиміра; но за то видимъ и понимаемъ ясно несообразность ея присутствія здѣсь; какъ странно противорѣчитъ ясному свѣтлому небу того Владимірова міра, эта черная неизвѣстно откуда взявшаяся и пугающая туча. Объ Ордѣ впрочемъ говорится не вездѣ; но любопытны такія слѣды дальнѣйшаго хода исторіи на древнихъ пѣсняхъ.—Одни стихи особенно живо передаютъ весь ужасъ Татарскаго нашествія; вотъ они:

Да изъ Орды, Золотой земли,
Изъ тоя Могозеи богатыя,
Когда подымался злой Калинъ Царь,
Злой Калинъ Царь Калиновичь,
Ко стольному городу ко Кіеву,
Со своею силою съ поганою;—
Не дошедъ онъ до Кіева за семь верстъ,

Становился Калинъ у быстра Днѣпра;
Сбиралося съ нимъ силы на сто верстъ
Во всѣ тѣ четыре стороны!
Зачѣмъ мать сыра земля не погнется,
Зачѣмъ не разступится?
А отъ пару было отъ коннаго,
А и мѣсяцъ, солнце померкнуло,
Не видитъ луча свѣта бѣлаго.
А отъ духу Татарскаго
Не можно крещеннымъ намъ живымъ быть.

Кромѣ слѣдовъ общихъ историческихъ событій, отдѣльныя понятія и свѣдѣнія, пріобрѣтаемыя съ теченіемъ времени, примыкаютъ къ этому самородку народной поэзіи. Такъ сюда входятъ названія Черкесъ Пятигорскихъ, Долгополой Сорочины, Чюкчей, Алюторъ (не Лютеранъ, какъ думали; но такъ называется и теперь Сибирскій народъ). Такъ послѣ копья Мурзамецкаго, послѣ Аравитскаго золота, являются желѣза Нѣмецкія, и наконецъ говорится о Нѣмецкихъ трубкахъ, объ игрѣ въ шахматы, которая впрочемъ можетъ быть и давно была извѣстна въ Россіи; Ильѣ Муромцу часто придается названіе козака: очевидно наростъ отъ козацкой эпохи. Что касается до собственныхъ именъ, то многія, безъ сомнѣнія, замѣнены именами позднѣйшими. Настасья, Афросинья Королевишны, Король Золотой Орды Этмануйлъ (вѣроятно Эммануилъ (*)) Этмануйловичь и проч: и проч:—все это, вѣроятно, называлось иначе; но самыя эти несообразности скорѣе доказываютъ древность и подлинность произведенія, тѣмъ болѣе, что онѣ имѣютъ характеръ историческій; испытующее созерцаніе отдѣляетъ все, неловко приставшее къ древнимъ пѣснямъ; эти позднѣйшіе наросты доказываютъ только, что пѣсни продолжали пѣться и въ позднѣйшее время.

При невѣрностяхъ, которыя могутъ назваться историческими, богатырскія пѣсни во многихъ случаяхъ удивляютъ своею историческою вѣрностію, показывающею также древ-

(*) Впрочемъ имя Эммануилъ, кажется, указываетъ на наши сношенія и столкновенія съ Цареградомъ.

ную ихъ подлинность. Не говоримъ уже о томъ, что пиры и богатыри Владиміровы имѣютъ за себя ясное историческое свидѣтельство; есть и другія, болѣе частныя сходства съ исторіей. Такъ, въ пѣсняхъ говорится о Чюрилѣ, какъ объ изнѣженномъ волокитѣ, живущемъ недалеко отъ Кіева, пониже малаго Кіевца; мѣсто близъ Кіева, и въ позднѣйшія времена называлось Чюриловщиною, и если принять, что малый Кіевецъ значило Подолъ, то мѣстоположеніе является вѣрно опредѣленнымъ. Говорится на пр: о Ставрѣ Бояринѣ изъ дальней земли, который былъ заключенъ Владиміромъ въ темницу въ Кіевѣ; жена его зовется Василисою Микулишною; послѣднее слово ясно указываетъ на Новгородъ, гдѣ вмѣсто Никола говорилось Микула. Въ лѣтописи Новгородской мы находимъ, что Ставръ, сотской Новогородской, былъ заключенъ въ темницу въ 1118 г., въ Кіевѣ, Владиміромъ же, только не Великимъ, а Мономахомъ. Въ хронологической перспективѣ временъ, народъ принялъ двухъ Владиміровъ въ этомъ случаѣ за одного, но историческое основаніе здѣсь ясно видимо.

Этотъ сказочный міръ дней Владиміровыхъ является въ отдѣльныхъ пѣсняхъ о томъ или другомъ богатырѣ или знаменитомъ мужѣ, о томъ или другомъ подвигѣ или событіи; утвердительно можно сказать, что эти пѣсни не дошли до насъ во всей полнотѣ; иная пѣсня очевидно представляетъ отрывокъ, иная намекаетъ на событія, неизвѣстныя намъ, и даетъ чувствовать, что была можетъ-быть цѣлая эпопея, теперь утраченная въ своей цѣлости. Но во всякомъ случаѣ, видно и теперь, что всѣ эти разсказы составляютъ одно живое цѣлое; они соединены между собою не однимъ какимъ-нибудь великимъ событіемъ, собравшимъ людей около себя, — а жизнію, единствомъ жизни; это цѣлый міръ, движущійся и играющій одною жизнію, весь ею проникнутый. Такимъ образомъ передъ нами эпопея особаго рода, согласная съ самимъ существомъ Русской земли. Мы не видимъ въ ней могущественно движущагося впередъ событія, не видимъ увлекающаго хода времени; нѣтъ,—передъ нами другой образъ, образъ жизни, волнующейся сама въ себѣ и не стремящей-

ся въ какую-нибудь одну сторону; это хороводъ, движущійся согласно и стройно,—праздничный, полный веселія, образъ Русской Общины.—Этимъ духомъ проникнуто, этимъ образомъ запечатлѣно все, что идетъ отъ Русской земли; такова сама наша пѣсня, таковъ напѣвъ ея, таковъ строй земли нашей. Если говорить о сравненіяхъ, то не рѣка, текущая куда-нибудь въ своихъ берегахъ, можетъ служить намъ эмблемою, а волнующійся со всѣхъ сторонъ открытый, безбрежный океанъ-море. Таковъ въ особенности міръ Владиміровыхъ пѣсенъ; въ этомъ мірѣ играетъ и тѣшитъ себя молодая, еще никуда событіями не направленная сила. Пиры Владиміровы давно прошли; грознымъ испытаніямъ подверглась богатырская Русская сила, но она не сокрушилась; она просторно раздвинула себѣ границы и пугаетъ не хотя своихъ сосѣдей. Широко раздолье по всей землѣ, нѣкогда сказала она, и недаромъ, — по тремъ частямъ свѣта раскинулась Россія. Но далеко еще не кончились подвиги Русской силы; не только матеріальные, но и нравственные подвиги предлежатъ ей.

Теперь обратимся къ народной нашей эпопеѣ..... и вотъ, властію народнаго долговѣчнаго слова, передъ нами возникаютъ во всей своей жизни: Кіевъ, пиры безконечные и могучіе витязи, собравшіеся вокругъ Великаго Князя Владиміра.

Много ихъ сидитъ на богатырской скамьѣ; не по аристократическому праву породы занимаютъ они это почетное мѣсто. Аристократическое понятіе, образовавшееся на Западѣ рыцарствомъ, не существовало въ древней Руси. На богатырской скамьѣ сидитъ и Ставръ, богатый бояринъ, и Алеша, сынъ попа, и Иванъ сынъ гостя (купца), и наконецъ Илья Муромецъ крестьянинъ. Всѣмъ имъ ровный почетъ. Дворъ Князя Владиміра всегда открытъ: на дворѣ его Княженецкомъ врыты дубовые столбы, въ столбы ввернуты булатныя кольца. Пріѣзжаетъ богатырь, привязываетъ ретиваго коня къ булатному кольцу, потомъ идетъ въ свѣтлую гридню, молится Спасову образу, кланяется Князю со Княгинею, и на всѣ четыре стороны.—Этотъ послѣдній, общественный, всѣмъ равный, поклонъ, невольно

рисующій множество народное, удержался и донынѣ. Великій Князь спрашиваетъ богатыря о родѣ и племени, велитъ поднести или самъ подноситъ турій рогъ меду сладкаго. Богатырь выпиваетъ, садится на богатырскую скамью, и пируетъ. Середи пированья, въ тотъ часъ, какъ будетъ день въ половину дня, будетъ пиръ въ полупирѣ, Владиміръ Князь распотѣшится, ходитъ по своей гридиѣ, разчесываетъ черныя кудри и предлагаетъ подвиги богатырямъ. Одинъ изъ нихъ вызывается, выпиваетъ подносимую чашу, и тогда:

Разгоралася утроба богатырская,
И могучія плечи расходилися.

Богатырь ѣдетъ въ дальній путь, на трудный подвигъ и прославляетъ вновь свою богатырскую силу.

Вотъ общій очеркъ событій, конечно различныхъ между собою, нашей народной эпопеи; но содержаніе ея, какъ мы сказали, лежитъ не въ событіи, а въ жизни самой. Теперь постараемся опредѣлить общій характеръ нашей эпопеи.

Праздникъ, пиръ—составляетъ колоритъ Владиміровыхъ пѣсенъ; но этотъ пиръ, какъ и вся жизнь, имѣетъ Христіанскую основу. Христіанство есть главная основа всего Владимірова міра. На этой-то Христіанской основѣ является богатырская сила и удаль молодаго, могучаго народа.— Эти пиры, эта жизнь имѣетъ и Всерусское значеніе; видимъ здѣсь собранную всю Русскую землю, собранную въ единое цѣлое Христіанскою Вѣрою, около Великаго Князя Владиміра, просвѣтителя земли Русской. Радость, проникнувшая жизнь, послѣ возрожденія Христовымъ ученіемъ, является, какъ праздникъ, какъ постоянный братскій пиръ (это особенно ясно изъ словъ лѣтописи). Богатыри, бояре, купцы, крестьяне и всякіе гости съѣхались въ Кіевъ со всѣхъ сторонъ. Изъ Ростова Великаго—Алеша Поповичь и Екимъ Ивановичь; изъ Галича—Казаринъ Петровичь и Дюкъ Степановичь; съ Юга Россіи—Дунай сынъ Ивановичь; Добрыня Никитичь—родомъ изъ Рязани (по пѣснямъ); изъ Великаго Новогорода—Ставръ Бояринъ; Чюрила—изъ-подъ

Кіева; наконецъ изъ Мурома—Илья Муромецъ Ивановичъ; о родинѣ другихъ говорится неясно. Могучій, пирующій хоръ богатырей въ тоже время хранитъ землю Русскую отъ враговъ и хищниковъ.

Женщины принимаютъ дѣятельное участіе въ этой громкой жизни подвиговъ. Онѣ часто также носятъ куяки, панцыри, кольчуги, также выѣзжаютъ въ поле искать бранныхъ опасностей. Сила ихъ иногда не уступаетъ мужской. Такова Настасья Королевишна, на которой женился Дунай, сестра Афросиньи Королевишны, супруги Великаго Князя Владиміра, отличавшейся влюбчивымъ сердцемъ. Такова жена Ставра Боярина Василиса Микулишна (Николаевна). Прибавимъ, въ дополненіе къ этой мужественности женщинъ, образъ, совершенно Русскій, Царь-Дѣвицы; вспомнимъ преданія объ Амазонкахъ, о Чешской Власкѣ, и все это вмѣстѣ, утверждая за Славянскою женщиною независимость и равныя права съ мужчиной даже въ ратномъ дѣлѣ, совершенно уничтожаетъ тѣмъ самымъ всякую мысль о рабствѣ или угнетеніи женщинъ у Славянъ.

Отношенія богатырей къ Великому Князю почтительны, но неподобострастны; они вольно собрались вокругъ него, зовутъ его краснымъ солнцемъ, солнцемъ Кіевскимъ, охотно служатъ ему службы; но ни въ чемъ не выражается униженное ихъ отношеніе къ Великому Князю.

Битвы и подвиги, свадьбы и пиры, составляютъ внѣшній строй этой жизни, въ которой слышится воля и приволье. Но весь этотъ шумный міръ, еще много хранящій, въ себѣ слѣдовъ недавняго язычества, проникнутъ уже, какъ сказали мы выше, лучами Христовой Вѣры. Такимъ образомъ первое и главное, что выдается изъ этого міра Владиміровыхъ пѣсенъ, — это Христіанская Вѣра; она постоянно и всюду основа жизни; особенно слышится это въ пѣсни о Калинѣ Царѣ, особенно видится, даже и въ сказочномъ образѣ Ильи Муромца, причтеннаго въ дѣйствительной жизни нашею Церковью къ лику Святыхъ. Всѣ богатыри — православные, и постоянно повторяется богатырское присловье,

когда прі̀ѣзжаетъ православный витязь къ неправославному Государю:

Нѣту у тя Спасова образа,
Некому у тя помолитися, —
А и не за что тебѣ поклонитися.

Вмѣстѣ, и согласно съ началомъ Христіанской Вѣры, выдается начало семейное, основа всего добраго на землѣ. Богатыри почтительны къ отцу и матери. Такъ Добрыня, отправляясь на трудный подвигъ, проситъ благословленія у матери; такъ заступается за мать Горденъ, такъ съ родительскимъ благословеніемъ ѣдетъ на подвиги Илья Муромецъ. Но особенно ярко проявляется тоже начало въ позднѣйшей пѣсни Новогородской объ удаломъ Васильѣ Буслаевѣ: Василій съ своей дружиною перебилъ почти весь Новгородъ въ заранѣе условленной съ нимъ схваткѣ; тогда мужики (мужи) Новогородскіе идутъ къ его матери просить защиты; она посылаетъ за сыномъ дѣвушку Чернавушку; та идетъ, схватываетъ Василья за руки и тащитъ къ матери, которая сажаетъ его за замки и затворы. — Какъ бы ни старались въ словѣ тащить найти другой смыслъ, отношенія сыновнія Василья къ матери очевидны.

И такъ сила богатырская является у насъ, осѣненная чувствомъ Православія и чувствомъ семьи: безъ чего не можетъ быть истинной силы.

Теперь поговоримъ о самыхъ богатыряхъ въ отдѣльности.

Каждый изъ богатырей имѣетъ свою особенность, свой опредѣленный, живой, вполнѣ художественный образъ, проведенный вѣрно сквозь всѣ пѣсни, гдѣ только объ немъ говорится. Взаимныя ихъ отношенія очерчены довольно ясно, даже и въ томъ видѣ нашей эпопеи, въ какомъ дошла она до нашихъ временъ, но нѣкоторые намеки даютъ право думать, что эти отношенія должны быть еще живѣе и опредѣленнѣе.

Люди, о которыхъ упоминаютъ Владиміровы пѣсни, суть слѣдующіе: Великій Князь Владиміръ, Добрыня Никитичь, Чюрила Пленковичь, Алеша Поповичь, Иванъ гостинный

сынъ, Иванъ Годиновичь, Горденъ Блудовичь, Дунай сынъ Ивановичь, Потокъ Михайло Ивановичь, Дюкъ Степановичь, Соловей Будиміровичь, Михайло Казаринъ, Ставръ бояринъ, Бермята Васильевичь старый бояринъ, Данило Ловчанинъ, Данило Игнатьевичь и сынъ его Иванъ Даниловичь, Илья Муромецъ, Дмитрій богатый гость, Гришка долгополый боярскій сынъ, Путятинъ Путятовичь; наконецъ сорокъ Каликъ со каликою. Упоминаются однажды: Самсонъ Колывановичь, Суханъ сынъ Домантьевичь, Святогоръ, Полканъ, семь братовъ Сбродовичей, мужики Залешане (Заолешане), два брата Хапиловы. Изъ враждебныхъ лицъ: Король золотой орды, Этмануилъ Этмануйловичь, король Задонскій, Калинъ Царь, Змѣй Горынычь, Тугаринъ Змѣевичь, Збутъ Борисъ Королевичь. Женщины: княгиня Афросинья и сестра ея Настасья Королевишны, Марина Игнатьевна Блудова жена, Чесова жена, жена Добрыни Настасья Дмитріевна, Грозная Настасья Никулишна, Василиса Микулишна, и другія.

Поговоримъ прежде всѣхъ о томъ, около котораго собрались всѣ эти славные богатыри и гости, о Великомъ Князѣ Владимірѣ; повторяемъ, что мы говоримъ не объ историческомъ, а о сказочномъ и пѣсенномъ, Владимірѣ.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ.

Святое крещеніе, принятое Великимъ Княземъ Владиміромъ, Христіанское значеніе, которое пріобрѣлъ онъ для Руси и Православія, вытѣснило изъ памяти народной прежнюю языческую жизнь его; народъ удержалъ въ своей памяти лишь обновленнаго Христіанскимъ ученіемъ Князя; и хотя въ пѣсняхъ не имѣетъ онъ ни величаваго, ни строгаго вида, но за то въ немъ не встрѣчается и слѣдовъ языческой жизни. Въ пѣсняхъ ни слова не говорится о томъ женолюбіи, которое обладало Владиміромъ до принятія Св. крещенія. Въ началѣ пѣсенъ Владиміръ является холостымъ и женится на Афросиньѣ Королевишнѣ, дочери Этмануйла Этмануйловича, Короля въ золотой Ордѣ, какъ говорится въ пѣснѣ. Вѣроятно, здѣсь рѣчь идетъ о Визан-

тійскомъ Императорѣ; но Орда, какъ туча, облегшая Русскую землю, заслонила отъ нея всѣ окрестныя страны, такъ что всякой иностранецъ, тѣмъ болѣе всякой врагъ, становился въ нашихъ пѣсняхъ Ордынцемъ, послѣ нашествія Татаръ.

Владиміръ въ пѣсняхъ не одаренъ богатырскою силою, не имѣетъ даже храбрости, часто смущается и пугается предъ бѣдою; въ особенности страшенъ ему грозенъ посолъ изъ Орды;—однимъ словомъ, образъ его въ пѣсняхъ вовсе не величавъ. Но за то образъ этотъ вполнѣ добродушенъ, но за то привѣтъ и ласка — его неотъемлемыя качества. Добрая душа грѣетъ людей, и страшно-могучіе богатыри Владиміра, отъ подвиговъ которыхъ онъ иногда не знаетъ самъ, куда дѣваться, любятъ его, служатъ ему охотно и зовутъ: «красное солнышко, ласковый Владиміръ Князь!»—Постоянно радушный и ласковый хозяинъ, Владиміръ является, въ пѣсняхъ, почти всегда на веселомъ пиру съ своими гостями.—Большая часть пѣсенъ начинается такъ:

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У славнаго Князя Владиміра,
Было пированье, почестный пиръ,
Было столованье, почестный столъ,
На многи Князи, бояра,
И на Русскіе могучіе богатыри,
И гости богатые.
Будетъ день въ половину дня;
Будетъ пиръ во полупирѣ;
Владиміръ Князь распотѣшился,
По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
Таковы слова поговариваетъ.

Таковъ Владиміръ; но не такова его супруга. Она влюбчива и сластолюбива: лице совершенно вымышленное. Въ разсказахъ о богатыряхъ мы увидимъ ближе Владиміра и супругу его.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧЪ.

Самое названіе: Добрыня, уже обрисовываетъ нравъ этого богатыря;—и точно, доброта и прямодушіе его отличительныя свойства. Добрыня—дядя Владиміра по лѣтописямъ и племянникъ его по пѣснямъ. Въ дѣтствѣ Добрыня пошелъ купаться на Израй рѣку; тамъ унесъ его Змѣй Горынчище и хотѣлъ сожрать; но Добрыня убилъ змѣя, зашелъ въ его пещеру, перервалъ по поламъ его дѣтенышей и освободилъ тетку свою Марью Дивовну, сестру Князя Владиміра. Позднѣе, Добрыня постоянно служитъ Великому Князю Владиміру, какъ одинъ изъ самыхъ могучихъ и надежныхъ богатырей. Пѣсня говоритъ, что

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ
У ласкова, осударь, Князя Владиміра,
Три года Добрынюшка столничалъ,
Три года Никитичь приворотничалъ.
Онъ стольничалъ чашничалъ девять лѣтъ,
На десятый годъ погулять захотѣлъ.

Гуляя по улицамъ Кіевскимъ, Добрыня выстрѣлилъ изъ лука по голубямъ, сидѣвшимъ подъ косящатымъ окномъ на теремѣ Марины Игнатьевны.

А вспѣла вѣдь тетивка у туга лука,
Взвыла да пошла калена стрѣла.

Но поскользнулась его лѣвая нога, дрогнула правая рука, не попалъ онъ въ голубей, а попалъ въ окошко, разшибъ зеркало стекольчатое, пошатнулись бѣлодубовые столы, плеснулись питья медвяныя. Марина умывалась въ это время, сильно разгнѣвалась и, чтобы наказать Добрыню, взяла его слѣды молодецкіе, положила на огонь вмѣстѣ съ дровами и приговаривала, чтобы такъ же разгоралось сердце у Добрыни Никитича. Приговоръ подѣйствовалъ: хлѣба не ѣстъ и не спитъ Добрыня. Рано по утру пошелъ онъ къ заутренѣ и оттуда пошелъ на широкій дворъ къ Маринѣ; тамъ увидѣлъ онъ Змѣя Горынчища (слѣдова-

тельно змѣй ожилъ, какъ туже способность имѣетъ и Тугаринъ Змѣевичь) и

Тутъ ему за бѣду (обиду) стало.

Добрыня взбѣжалъ на красное крыльцо, ухватилъ бревно въ охватъ толщины, взбѣжалъ на сѣни косящатыя. Марина и Змѣй подняли брань и угрозы на Добрыню, но Добрыня выхватилъ свою саблю (*), и Змѣй побѣжалъ, поджавши хвостъ, не слушая словъ Марины, его удерживавшей. Но Марина въ гнѣвѣ обратила Добрыню въ гнѣдаго тура и пустила его далече во чисто поле къ девяти другимъ турамъ, тоже превращеннымъ богатырямъ:

Что Добрыня имъ будетъ десятый туръ,
Всѣмъ атаманъ—золотые рога.

Пропалъ безъ вѣсти Добрыня Никитичь; но на пиру у Князя Владиміра расхвасталась Марина своей мудростью и разболтала, что обратила девять богатырей и десятаго Добрыню въ гнѣдыхъ туровъ. Слышали эти рѣчи *похваленыя* и мать Добрыни Афимья Александровна, и крестная мать его Анна Ивановна. Видя горесть матери и сама раздраженная похвальбою Марины, Анна Ивановна кинулась на Марину, сбила съ ногъ и била, приговаривая, что она мудренѣе ея, что она обернетъ ее сукою.

Женское дѣло прелестивое,
Перелестивое, перепадчивое:

Марина обернулась касаточкой, полетѣла въ чистое поле, сѣла къ Добрынѣ на правой рогъ и говоритъ ему:

Нагулялся ты Добрыня во чистомъ полѣ,
Тебѣ чистое поле наскучило

(*) Въ пѣсняхъ вездѣ употребляется сабля, а не мечь; эта замѣна, вѣроятно, слѣдствіе козацкаго вліянія или вообще временъ позднѣйшихъ. Оружіе древнихъ Славянъ былъ мечь. Когда Козаре пришли войною на Полянъ и потребовали дани, то Поляне дали отъ дыма мечь. Не добра эта дань, Князь, сказали своему Князю Козаре, мы деремся оружіемъ острымъ съ одной стороны, т. е. саблями, а ихъ оружіе обоюду остро, то есть, мечь. П. С. Р. Л. Т. 1. стр. 7.

И зыбучія болота напрокучили.
Хочешь ли жениться, возмешь ли меня?

А право возьму, ей богу, возьму, отвѣчаетъ Добрыня, да еще дамъ тебѣ поученьице. Обернула Марина Добрыню опять добрымъ молодцомъ, сама обернулась дѣвицею; вѣнчались они вокругъ ракитова куста,—указаніе на языческій обычай, за которымъ слѣдовало (какъ видно изъ пѣсенъ) и настоящее Христіанское вѣнчаніе. Добрыня, можетъ-быть съ намѣреніемъ, или остается только при одномъ языческомъ обычаѣ, или не спѣшитъ Христіанскимъ вѣнчаніемъ.—Пришелъ Добрыня вмѣстѣ съ Мариной въ ея теремъ и говоритъ: Гой еси, моя молодая жена, у тебя въ теремѣ нѣтъ Спасова образа,

Не кому у тя помолитися,
Не за что стѣнамъ поклонитися.
Чай моя острая сабля заржавѣла.

Сказавъ это, началъ Добрыня учить свою жену. Первое ученье—отрубилъ ей руку, приговаривая: не надобна мнѣ эта рука, трепала она Змѣя Горынчища; потомъ, также приговаривая, отрубилъ ей ногу, наконецъ и голову съ языкомъ, сказавши:

А и эта голова мнѣ ненадобна,
И этотъ языкъ мнѣ ненадобенъ:
Зналъ онъ дѣла еретическія.

Такая строгая казнь, совершенная съ полнымъ спокойствіемъ Добрынею, не можетъ служить опредѣленіемъ его нравственнаго образа и кидать на него тѣнь обвиненія въ жестокости. Это обычай всѣхъ богатырей того времени; будучи не личнымъ дѣломъ, а обычаемъ, подобный поступокъ лишенъ злобы и свирѣпости, вытекающихъ уже изъ личнаго ощущенія. Гдѣ постоянно играютъ палицы, копья и стрѣлы, тамъ главное дѣло подвигъ, а жизнь становится дѣломъ второстепеннымъ, и большаго уваженія къ ней не оказывается. Надобенъ уже личный подвигъ духа, чтобы возвыситься надъ воззрѣніемъ, зависимымъ отъ своего времени,—къ истинѣ воззрѣнія, независимаго ни отъ какого времени.

Добрые и прямые, но часто суровые, богатыри всѣ подчинены своему времени, въ немъ ходятъ и дѣйствуютъ. Одинъ изъ нихъ стоитъ выше всѣхъ ихъ, и по силѣ руки, и по силѣ духа, одинъ возвышается надъ удалымъ временемъ разгула силы физической, одинъ, какъ можно, рѣже прибѣгаетъ къ ней, одинъ вполнѣ щадитъ жизнь человѣка и вполнѣ благодушенъ и кротокъ — это крестьянинъ, богатырь Илья.

Что поступокъ Добрыни съ Мариною и другіе въ подобномъ родѣ не мѣшаютъ ему быть добрымъ—въ доказательство тому служитъ пѣсня объ немъ и Васильѣ Казимировичѣ, помѣщенная въ 1 томѣ Московскаго Сборника. Въ этой пѣснѣ Великій Князь Владиміръ посылаетъ Василья Казимировича отвести дани и пошлины къ Батыю Царю (позднѣйшая вставка). Батый Царь, не обращая вниманія на принесенныя дани и пошлины, спрашиваетъ у Василья Казимировича: нѣтъ ли съ ними умильна (умѣльна отъ слова: умѣть) игрока поиграть въ тавлеи вальящатыя. Добрыня садится играть съ Царемъ и скоро выигралъ игру. Тогда Царь Батый предлагаетъ бороться съ его Татарами; Добрыня опять выходитъ; противъ Добрыни три бойца Татарина. «Батый Царь, говоритъ Добрыня, какъ прикажешь ты мнѣ бороться: со всѣми ли вдругъ, или по одиночкѣ?»—Какъ хочешь, такъ и борись, отвѣчаетъ Царь. Добрыня всѣхъ трехъ бросилъ о землю. Тогда Батый предлагаетъ стрѣлять изъ лука. Добрыня опять выходитъ; Батый велитъ принести лукъ, Добрыня натягиваетъ, лукъ ломается, Добрыня требуетъ свой дорожный лукъ. Натянувъ его, онъ спрашиваетъ: Царь Батый, куда стрѣлять, по Татарамъ или въ чистое поле? Куда хочешь, отвѣчаетъ Царь. Но если Царю Батыю все равно, то Добрынѣ не все равно; ему жалко стало стрѣлять по Татарамъ, и онъ выстрѣлилъ въ чистое поле по дубу. Стрѣла разшибла дубъ;

Еще стрѣла не уходилася,
Залетѣла въ пещеру бѣлокаменную,
Убила змія трöглаваго.
Скочили ребята на добрыхъ коней,

Не дали ребята ни дани, ни пошлины;
Уѣзжали ребята въ стольный Кіевъ градъ (*).

Мы видимъ здѣсь, что Добрыня щадитъ жизнь невѣрныхъ враговъ, хотя самъ ихъ царь даетъ ему позволеніе стрѣлять по нимъ.

Однажды на пиру, во полупирѣ, распотѣшился Владиміръ и сказалъ: не можетъ ли кто изъ богатырей очистить дорогу прямоѣзжую до его любимаго тестя, грозна короля Этмануйла Этмануйловича?—Для этого надобно вырубить Чудь бѣлоглазую, прекротить (укротить или уничтожить) Сорочину долгополую, Черкесъ Пятигорскихъ, Калмыковъ съ Татарами, всѣхъ Чюкчей и Алюторъ.

Втапоры большой за меньшего хоронится,
А отъ меньшаго ему Князю отвѣта нѣтъ.

Изъ скамьи богатырской выступаетъ Добрыня Никитичь.

Гой еси сударь ты мой дядюшка,
Ласково солнце, Владиміръ Князь!
Я сослужу службу дальную,
Службу дальную, заочную.

Добрыня берется все исполнить, выпиваетъ поднесенную ему чару зелена вина въ полтора ведра и турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра и идетъ къ матушкѣ просить благословенія великаго. Благослови меня, матушка! говоритъ онъ ей:

Дай мнѣ благословеніе на шесть лѣтъ,
Еще въ запасъ на двѣнадцать лѣтъ.

Мать говоритъ ему,—какъ хороши ея простыя слова:

На кого покидаешь ты молоду жену,
Молоду Настасью Никулишну?
За чѣмъ же ты, дитятко, и бралъ за себя?
Что не прошли твои дни свадебные,

(*) Московскій Сборникъ т. 1. стр. 336 — 341. Слово *робята* не употребляется о богатыряхъ у Кирши Данилова; тамъ оно значитъ *дѣти*, сыновья.—Слѣдующая пѣсня о Добрынѣ—изъ Сборника *К. Д.*

Не успѣлъ ты отпраздновать радости своей,—
Да передъ княземъ расхвастался въ походъ идтить.

Что же мнѣ дѣлать, и какъ же быть, сударыня матушка, отвѣчаетъ Добрыня; изъ чего же насъ богатырей Князю и жаловать?—Мать даетъ ему свое благословеніе великое. Добрыня идетъ прощаться съ молодой женой:

Жди меня, Настасья! шесть лѣтъ,

говоритъ онъ ей; не дождешься, — жди двѣнадцать, потомъ иди, хоть за князя, хоть за боярина,—

Не ходи только за брата названнаго,
За молодаго Алешу Поповича.

И поѣхалъ Добрыня. Ѣздитъ недѣлю, ѣздитъ другую, и дѣлаетъ свое дѣло: рубитъ Чудь бѣлоглазую, Сорочину долгополую и прочихъ:

Всякимъ языкамъ спуску нѣтъ.

Совершилъ Добрыня свой подвигъ. Между тѣмъ прошло шесть, потомъ и двѣнадцать лѣтъ; никто на Настасьѣ не сватается. Посватался Великій Князь Владиміръ, за Алешу Поповича. Настасья согласилась, и свадьба поѣхала къ вѣнцу. Въѣзжаетъ въ это время Добрыня въ Кіевъ и ѣдетъ по улицамъ; старые люди переговариваютъ между собою:

Знать де полетка соколиная,
Видѣть и поѣздка молодецкая:
Что быть Добрынѣ Никитичу.

Пріѣхалъ Добрыня на свой дворъ, соскочилъ съ коня, привязалъ его къ дубовому столбу, къ кольцу булатному. Некому встрѣтить Добрыню; стара уже его матушка. Идетъ Добрыня въ свѣтлую гридню, молится Спасову образу, кланяется своей матушкѣ. Здравствуй, сударыня матушка, говоритъ онъ ей,

Въ домѣ ли женушка моя?

На этотъ вопросъ сына заплакала мать и сказала: чадо мое милое, твоя жена за мужъ пошла за Алешу Поповича.

Они теперь у вѣнца стоятъ. Ни слова Добрыня; идетъ показаться Великому Князю. Въ то время воротился Владиміръ отъ вѣнца со свадьбою и сѣли пировать за убраные столы. — Добрыня приходитъ на пиръ, молится Спасову образу, клапяется князю и княгинѣ и на всѣ четыре стороны. Здравствуй, Владиміръ Князь, говоритъ онъ, и съ душей Княгиней Апраксѣевной:

Сослужилъ я, Добрыня, тебѣ Князю службу заочную,
Съѣздилъ въ дальны Орды немирныя
И сдѣлалъ дорогу прямоѣзжую
До твоего тестя любимаго.

Я вырубилъ Чудь бѣлоглазую, прекротилъ Сорочину долгополую, Черкесъ, Калмыковъ, Татаръ, Чюкчей всѣхъ и Алюторъ.—Исполать тебѣ, добрый молодецъ! сказалъ Владиміръ, что служишь Князю вѣрою и правдою. Тогда Добрыня сказалъ:

Гой еси, сударь, мой дядюшка,
Ласково солнце Владиміръ Князь!
Не диво Алешѣ Поповичу—
Диво Князю Владиміру:
Хочетъ у жива мужа жену отнять.

Тогда засуетилась Настасья, хочетъ прямо прыгнуть къ Добрынѣ и обезчестить столы.—Душка Настасья Никулишна! говоритъ ей Добрыня:

Прямо не скачи, не безчести столы;
Будетъ пора—кругомъ обойдешь.

Взялъ тогда Добрыня за руку жену и вывелъ изъ-за убраныхъ столовъ; извинился передъ Княземъ Владиміромъ, да и Алешѣ Поповичу сказалъ такое слово:

Гой еси, мой названный братъ,
Алеша Поповичь младъ!
Здраствуй, женимшись, да не съ кѣмъ спать.

Намъ извѣстенъ весьма замѣчательный варіантъ этой прекрасной пѣсни. — Въ варіантѣ многое измѣнено, иное

2*

добавлено. Первоначальною основною пѣснію мы считаемъ помѣщенную въ сборникѣ Кирши Данилова, но вѣроятно и она дошла до насъ не въ настоящемъ своемъ видѣ; по крайней мѣрѣ думаемъ, что въ ней должны были находиться тѣ добавленія, которыя встрѣчаются въ той же пѣснѣ, въ варіантѣ намъ извѣстномъ: измѣненія, въ ней находящіяся, сами по себѣ прекрасны, но излагать подробно варіанта этой пѣсни мы не намѣрены, ибо недавно была она предложена читателямъ (Р. Б. Т. 1.) и безъ сомнѣнія прочтена ими съ заслуженнымъ ею полнымъ вниманіемъ; укажемъ только на добавленія и главныя измѣненія.

Когда Добрыня прощается съ женой и позволяетъ ей выдти хоть за князя, хоть за боярина, только не за Алешу Поповича, въ варіантѣ прибавлено такъ:

> . . . . хоть за мужъ иди
> Хоть ты за Князя, иль за боярина,
> Иль за гостя за торговаго,
> Иль за мурзынку за татарина;—
> Не ходи за Алешу за Поповича,
> За бабьяго пересмѣшничка,
> За судейскаго перелестничка.

Эти слова, дополняя характеръ Алеши Поповича, объясняютъ, почему такъ онъ противенъ Добрынѣ. Сильному мужу, да и всякому мужчинѣ въ полномъ смыслѣ этого слова, презрителенъ бабій пересмѣшникъ, забавляющій ихъ своими пересмѣхами, или бабій шутъ. Судейской *перелестникъ* то же, что прелестникъ; слово: прелесть, употреблялось въ смыслѣ соблазна, въ древнемъ нашемъ языкѣ; слово же *лесть* почти тоже, что *ложь*. Здѣсь перелестникъ употреблено въ древнемъ значеніи: перелестникъ судейской тотъ, кто *перельщаетъ* (прельщаетъ) судей, т. е. кто соблазняетъ ихъ чѣмъ бы то ни было или обманываетъ: еще низкая черта Алеши, возмущающая чистую душу Добрыни. Какъ въ одномъ этомъ отзывѣ Добрыни объ Алешѣ оба богатыря живо и характерно обрисованы!

Къ числу добавленій можно отнести слова Добрыни, кото-

рыми заключается пѣсня, помѣщенная въ Русской Бесѣдѣ. Въ пѣснѣ (сб. К. Д.) сказано только: извинился Князю Владиміру и сказалъ Алешѣ Поповичу и т. д.; здѣсь нѣтъ словъ, сказанныхъ Алешѣ Поповичу, но есть слова, сказанныя Владиміру, которыя могли быть и въ пѣснѣ древняго сборника: въ нихъ слышна насмѣшливая шутка, очень здѣсь умѣстная; вотъ эти слова Добрыни:

Кланяюсь я къ себѣ на почестный пиръ:
У меня дѣло не насеное,
Зелено вино не куреное
И пойлицо не вареное.

Пѣсня во многомъ измѣнена. Добрыня ѣдетъ не службу служить Князю Владиміру, а погулять и поискать себѣ сопротивника; уѣзжаетъ на двѣнадцать лѣтъ; жена идетъ замужъ за Алешу, не дождавшись назначеннаго срока. Добрыню извѣщаетъ объ этомъ конь его. Добрыня падаетъ коню въ ноги и проситъ *переставить домой* (какъ хорошо это выраженіе!) черезъ три часа съ минутою. Конь исполняетъ его просьбу. Узнавъ отъ матери, что жена пошла за мужъ за Алешу, Добрыня идетъ на пиръ къ Алешѣ, *по тихохоньку по смирнехоньку,* переодѣвшись вѣроятно, ибо его тамъ не узнаютъ, идетъ съ гуслями, играетъ два наигрыша; послѣ втораго наигрыша, въ которомъ заключается намекъ на настоящее обстоятельство, жена догадывается и подноситъ ему чару зелена вина, которую Добрыня опоражниваетъ, беретъ жену за руку и говоритъ слова, выше нами приведенныя. У Алеши на свадьбѣ Владиміръ тысяцкимъ, а дружкой Илья Муромецъ.

Пѣсня Сборника К. Д. древнѣе и гораздо болѣе совпадаетъ съ тономъ и ходомъ остальныхъ богатырскихъ пѣсенъ; въ ней болѣе древнихъ пріемовъ рѣчи и оборотовъ языка, и мы, какъ сказали, считаемъ ее подлинною и основною. Впрочемъ пѣсня, признаваемая нами за варіантъ, также несомнѣнной далекой древности и сложена была вѣроятно вскорѣ за первой пѣсней. Удивительно и отрадно, что пѣсня эта поётся и что весь древній видъ слова и поэзіи живетъ неизмѣнно въ устахъ народа.

АЛЕША ПОПОВИЧЬ И ЕКИМЪ ИВАНОВИЧЬ.

Алеша Поповичь родомъ изъ Ростова. Лице совершенно иного права. Этотъ богатырь—хитрый плутъ, беретъ обманомъ и скоро готовъ на худое дѣло. Въ пѣсняхъ, не вошедшихъ сюда, онъ упоминается, какъ безсовѣстный соблазнитель. Но съ Алешей Поповичемъ есть другой богатырь, Екимъ Ивановичь. Екимъ Ивановичь — это страшная, но смирная и безотвѣтная сила, всегда находящаяся въ услугахъ у другихъ богатырей. Онъ гораздо сильнѣе Алеши Поповича, но какъ будто самъ этого не знаетъ; въ дѣло самъ собой онъ безъ крайности не пускается, а спрашиваетъ у Алеши, какъ онъ велитъ. Самъ Дунай беретъ его съ собою, предпочитая цѣлой дружинѣ. Алешѣ Поповичу онъ очень выгоденъ; онъ пользуется Екимомъ, какъ вѣрнымъ мечемъ, который никогда не подумаетъ присвоивать себѣ своихъ подвиговъ; Екимъ—его работникъ не только въ дѣлѣ военномъ: онъ заботится и о коняхъ, пускаетъ ихъ въ лугъ, поитъ. Екимъ полезенъ Алешѣ, когда нужно прочитать что-нибудь: Алеша не знаетъ грамотѣ, Екимъ, напротивъ, грамотѣ ученъ. Не имѣетъ ли какого-нибудь соотношенія съ этимъ богатыремъ поговорка: *Екимъ простота*?—Алеша Поповичь упоминается часто въ пѣсняхъ; но одна посвящена собственно ему:

Изъ славнаго Ростова, красна города,
Какъ два ясны соколы вылетывали,
Выѣзжали два могучіе богатыря:
Что по имени Алешинька Поповичь младъ,
А со молодымъ Екимомъ Ивановичемъ.
Они ѣздятъ богатыри плечо о плечо,
Стремяно въ стремяно богатырское.

Ничего не наѣхали въ чистомъ полѣ богатыри, не видали ни птицы перелетной, ни звѣря прыскучаго; они наѣхали въ чистомъ полѣ только на три широкія дороги; между трехъ дорогъ лежитъ горючъ камень, а на камнѣ подпись. Братецъ Екимъ Ивановичь, говоритъ Алеша, ты

въ грамотѣ поученый человѣкъ; посмотри, что на камнѣ подписано.—Екимъ соскочилъ съ коня и прочелъ. Три дороги были расписаны на камнѣ: одна въ Муромъ, другая въ Черниговъ, третья въ Кіевъ, ко ласкову Князю Владиміру.—Которой дорогой изволишь ѣхать, братецъ Алеша Поповичъ? спрашиваетъ Екимъ. — Лучше намъ ѣхать къ Кіеву, ко ласкову Князю Владиміру, отвѣчаетъ Алеша. Богатыри поворотили добрыхъ коней и поѣхали къ Кіеву. Не доѣхавъ до Сафатъ рѣки, они остановились покормить коней на зеленыхъ лугахъ и разставили два бѣлые шатра. Алеша легъ *опочивъ держать.* Спустя немного времени, стреноживъ коней и пустивъ ихъ на зеленый лугъ, лёгъ и Екимъ въ свой шатеръ отдыхать. Прошла осенняя ночь. Рано встаетъ Алеша, умывается утренней зарей (росой на зарѣ), утирается бѣлой ширинкой, на Востокъ молится Богу. Скоро сходилъ за конями Екимъ Ивановичъ, сводилъ ихъ напоить на Сафатъ рѣку, и Алеша приказалъ ему скорѣе сѣдлать коней. Богатыри собираются продолжать путь свой къ Кіеву, тутъ приходитъ къ нимъ калика перехожій (странникъ, какъ говоритъ теперь народъ). Удалые молодцы, говоритъ онъ имъ, я видѣлъ Тугарина Змѣевича; въ вышину онъ трехъ саженъ, промежу плечъ косая сажень, промежу глазъ калена стрѣла;

Конь подъ нимъ — какъ лютый звѣрь;
Изъ хайлища пламень пышетъ,
Изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ.

Братецъ, калика перехожій, присталъ къ нему Алеша,

Дай мнѣ платье каличье,
Возми мое богатырское;

дай мнѣ твою подорожную шелепугу.—Калика не отказываетъ. Они мѣняются платьемъ. Алеша беретъ шелепугу въ пятьдесятъ пудъ (другая была въ тридцать), и идетъ на Сафатъ рѣку. Тугаринъ завидѣлъ его, заревѣлъ зычнымъ голосомъ; дрогнула зеленая дуброва. Алеша Поповичъ едва живъ идетъ; Тугаринъ спрашиваетъ Алешу: Калика перехожій! гдѣ видѣлъ, гдѣ слышалъ ты про молодаго Алешу? Я бы

его копьемъ закололъ и огнемъ спалилъ.—Тугаринъ Змѣевичь, отвѣчаетъ Алеша, прикинувшись каликою, подъѣзжай поближе ко мнѣ; я не слышу, что ты говоришь.—Тугаринъ подъѣхалъ; Алеша поровнялся съ нимъ, ударилъ его шелепугою по головѣ и разшибъ ему голову. Упалъ Тугаринъ; Алеша вскочилъ ему на черную грудь, и Тугаринъ взмолился: Калика перехожій! не ты ли Алеша Поповичь? Если ты, то побратаемся!—Алеша не повѣрилъ врагу, отрѣзалъ ему голову, снялъ съ него цвѣтное платье, надѣлъ на себя, сѣлъ на его коня и поѣхалъ къ своимъ бѣлымъ шатрамъ. Екимъ Ивановичь и калика перехожій увидали ѣдущаго Алешу, не узнали, въ испугѣ вскочили на коней и поскакали къ Ростову. Нагоняетъ ихъ Алеша. Тогда Екимъ обернулся и думая, что за ними скачетъ Тугаринъ, выхватилъ боевую палицу въ тридцать пудъ и кинулъ въ Алешу позадь себя; палица угодила въ грудь, вышибла Алешу изъ сѣдла, и упалъ онъ на землю. Екимъ соскочилъ съ коня, кинулся къ врагу, чтобъ разпороть ему грудь (обыкновенный пріемъ у всѣхъ богатырей), и увидалъ на груди его золотой крестъ. Тогда догадался Екимъ, заплакалъ и сказалъ каликѣ: по грѣхамъ случилось надо мною; я убилъ своего брата названаго.—Сталъ Екимъ съ каликой трясти и качать Алешу, дали ему заморскаго питья, — и Алеша всталъ здоровымъ. Онъ обмѣнялся опять съ каликой платьемъ. Уложили въ чемоданъ платье Тугариново, сѣли на коней и всѣ поѣхали къ Кіеву, къ ласкову Князю Владиміру. Пріѣхали въ Кіевъ на Княжескій дворъ, соскочили съ коней, привязали ихъ къ дубовымъ столбамъ и пошли въ свѣтлыя гридни.

Молятся Спасову образу,
И бьютъ челомъ, поклоняются,
Князю Владиміру и княгинѣ Апраксѣевнѣ,
И на всѣ четыре стороны.

Князь Владиміръ говоритъ имъ: добрые молодцы! скажите, какъ васъ по имени зовутъ: по имени можно вамъ дать мѣсто, по отечеству можно пожаловать. — Меня, Государь, отвѣчаетъ Алеша, зовутъ Алешею Поповичемъ; я

изъ Ростова, сынъ стараго попа соборнаго.—Алеша Поповичь, говоритъ ему Владиміръ, обрадовавшись, садись по отечеству въ большое мѣсто, въ передній уголокъ; въ другое мѣсто богатырское, въ дубовую скамью противъ меня; въ третье — куда самъ захочешь. И такъ Владиміръ даетъ ему у себя три мѣста, изъ которыхъ первое по отечеству, по отцевской чести, а второе по личнымъ заслугамъ, и наконецъ въ третьихъ—право сѣсть, гдѣ угодно; Алеша воспользовался этимъ правомъ, не сѣлъ въ первыя два мѣста, а сѣлъ съ своими товарищами на полатный брусъ. — Спустя немного времени, двѣнадцать богатырей несутъ на доскѣ изъ краснаго золота Тугарина Змѣевича и посадили его въ большое мѣсто. Подлѣ Тугарина сидѣла Княгиня Апраксѣевна. — И такъ Тугаринъ ожилъ; это ничего, это въ пѣсняхъ сплошь да рядомъ; но какъ онъ явился на пиру у Князя Владиміра? Это появленіе нѣсколько странно; но во 1-хъ, оно, вѣроятно, объясняется въ самыхъ пѣсняхъ; мы не имѣемъ ихъ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, во всей полнотѣ; можетъ быть, Тугаринъ былъ прежде знакомъ Владиміру. Во 2-хъ, въ открытыя палаты Князя Владиміра, на пиръ его, всѣмъ открытый, могъ явиться всякой, тѣмъ болѣе богатырь: слѣдовательно и Тугаринъ. Продолжаемъ разсказъ.—Догадливые повара понесли яства сахарныя и питья медвяныя заморскія, Гости стали пировать. Тугаринъ нечестно (не почтительно, не съ уваженіемъ) хлѣба ѣстъ: мечетъ за щеку по цѣлой ковригѣ, а ковриги монастырскія; нечестно онъ и пьетъ: охлестываетъ по цѣлой чашѣ въ полтретья ведра; смотритъ Алеша съ своего полатнаго бруса и говоритъ: Ласковый Владиміръ Князь!

Что у тебя за болванъ пришелъ?
Что за дуракъ неотесаный?
Нечестно у Князя за столомъ сидитъ,

насмѣхается тебѣ Князю. А у моего сударя батюшки была собачища старая, на силу таскалась по подстолью и подавилась костью та собака; я схватилъ ее за хвостъ да бросилъ подъ гору: Тугарину тоже отъ меня будетъ. Почернѣлъ Тугаринъ при этихъ словахъ, какъ осенняя ночь;

сталъ свѣтелъ Алеша, какъ свѣтлый мѣсяцъ. Опять понесли кушанья повара и принесли бѣлую лебедь. — Княгиня стала рѣзать бѣлую лебедь, обрѣзала лѣвую руку, завернула рукавчикомъ, опустила подъ столъ и сказала: Княгини, боярыни! или мнѣ рѣзать лебедь, или смотрѣть на милую жизнь мою, на молодаго Тугарина Змѣевича.—А Тугаринъ взялъ бѣлую лебедь и всю вдругъ проглотилъ, да еще тутъ же ковригу монастырскую. Заговорилъ опять Алеша на полатномъ брусу: Ласковый Владиміръ Князь!

Что у тебя за болванъ сидитъ?
Что за дуракъ неотесаный?
Нечестно за столомъ сидитъ,
Нечестно хлѣба съ солью ѣстъ:
По цѣлой ковригѣ за щеку мечетъ,
И цѣлу лебедушку вдругъ проглотилъ;
У моего сударя батюшки,
У Ѳедора попа Ростовскаго,
Была коровища старая,
На силу по двору таскалася;

Забилась она на поварню къ поварамъ, выпила чанъ прѣсной браги, да съ него и лопнула; я взялъ ее за хвостъ да бросилъ подъ гору: Тугарину тоже отъ меня будетъ. Потемнѣлъ опять Тугаринъ, какъ ночь осенняя, выхватилъ булатное чингалище и бросилъ въ Алешу. Алеша былъ вертокъ и увернулся отъ удара, чингалище подхватилъ Екимъ Ивановичь и сказалъ Алешѣ: самъ въ него бросаешь или мнѣ велишь? Самъ не бросаю и тебѣ не велю, говоритъ Алеша; завтра я съ нимъ перевѣдаюсь. Я бьюсь съ нимъ о великой закладъ: не о стѣ, не о тысячѣ рублей, а объ своей буйной головѣ. Вскочили на ноги, услыхавъ эти слова, Князья и Бояре, всѣ спѣшатъ принять участіе въ закладѣ, всѣ увѣрены въ побѣдѣ Тугарина, всѣ за него держатъ большія деньги. Одинъ владыка Черниговскій держитъ за Алешу. Тугаринъ вышелъ вонъ, сѣлъ на коня и поднялся на крыльяхъ *бумажныхъ* летать подъ небесами. Вскочила Княгиня и стала пенять Алешѣ, что не далъ посидѣть милому другу. Не сталъ ее слушать Алеша, поднялся съ

товарищами и вышелъ вонъ. Они сѣли на коней, пріѣхали на Сафатъ рѣку и, пустивши коней въ зеленые луга, легли спать. Алеша не спалъ всю ночь и со слезами молился Богу: создай, Боже, тучу грозную, тучу съ градомъ и дождемъ.

Алешины молитвы доходны ко Христу:

Даетъ Господь Богъ тучу съ градомъ и дождемъ, замочило у Тугарина бумажныя крылья, и упалъ онъ, какъ собака, на землю. Екимъ пришелъ къ Алешѣ и сказалъ, что видѣлъ Тугарина на землѣ.—Алеша скоро снарядился, сѣлъ на коня, взялъ одну острую саблю и поѣхалъ къ Тугарину. Увидалъ Тугаринъ Алешу и заревѣлъ зычнымъ голосомъ: молодой Алеша Поповичъ! хочешь ли, я спалю тебя огнемъ? хочешь, конемъ стопчу, или копьемъ заколю?—Молодой Тугаринъ Змѣевичъ! отвѣчаетъ Алеша, ты бился со мной о великій закладъ, драться одинъ на одинъ, а за тобой теперь силы и смѣты нѣтъ на меня, на Алешу.—Тугаринъ оглянулся назадъ; въ то время Алеша подскочилъ и срубилъ ему голову: упала голова на землю, какъ пивной котелъ. Алеша соскочилъ съ коня, отвязалъ чембуръ, прокололъ уши у головы Тугарина, привязалъ къ коню и привезъ въ Кіевъ на Княженецкій дворъ; среди двора бросилъ онъ голову. Князь Владиміръ увидалъ Алешу, повелъ его въ свѣтлыя гридни, посадилъ за убраные столы, и пошелъ пиръ для Алеши Поповича. Середи пира сказалъ Владиміръ своему гостю: молодой Алеша Поповичъ! ты далъ мнѣ свѣтъ въ одинъ часъ. Живи въ Кіевѣ, служи мнѣ Князю Владиміру, я стану тебя вдоволь жаловать.— Алеша не ослушался и сталъ служить Князю вѣрою и правдою. Но Княгиня бранила Алешу, что онъ разлучилъ ее съ ея милымъ другомъ, съ молодымъ Тугариномъ Змѣевичемъ.

Вотъ единственный славный подвигъ, совершенный богатыремъ Алешою Поповичемъ, единственный, о которомъ упоминаютъ наши пѣсни; въ этой пѣснѣ какъ будто воздается возможная честь Алешѣ, но и здѣсь правдивое народное слово выставляетъ Алешу въ настоящемъ свѣтѣ, такимъ, каковъ онъ есть: оба раза, какъ видимъ, побѣда досталась ему по милости обмана, конечно дерзкаго. Въ оба

раза не рѣшился онъ выступить на открытый честный бой. Добрый и всегда послушный Екимъ, который сшибъ по ошибкѣ Алешу съ коня, очевидно его сильнѣе. Впрочемъ въ дерзости у Алеши нѣтъ недостатка. Хотя въ пѣсняхъ не сохранилось объ Алешѣ еще какого-нибудь разсказа, но пѣсни во многихъ мѣстахъ дополняютъ его характеръ. Такъ Добрыня (см. выше), уѣзжая, позволяетъ женѣ своей выдти, послѣ извѣстнаго срока, за кого ей угодно, хоть за Татарина, только не за Алешу, за бабьяго пересмѣшника — выраженіе, очень мѣткое и выказывающее все презрѣніе истиннаго мужчины къ такого рода людямъ. Кромѣ того, тутъ же называется онъ судейскимъ перелестникомъ, соблазнителемъ, подкупающимъ судей, слѣдовательно человѣкомъ безнравственнымъ. Такъ въ прекрасной пѣснѣ: Сорокъ Каликъ со Каликою, напоминающей отчасти Іосифа Прекраснаго и Пентефрію, Алеша выступаетъ съ очень невыгодной стороны.—Сорокъ Каликъ со Каликою изъ Боголюбова монастыря идутъ на богомолье въ Іерусалимъ; близь Кіева встрѣчаютъ они Князя Владиміра, который охотится за звѣрьми и птицами; съ Княземъ Добрыня. Калики просятъ у Князя святую милостыню. Мнѣ нечего вамъ дать, отвѣчаетъ Владиміръ, я здѣсь потѣшаюсь охотою, а ступайте вы въ Кіевъ къ Княгинѣ. Калики приходятъ и просятъ у Княгини милостыни. Княгиня ихъ угощаетъ. Калики собираются въ путь и просятъ надѣлить ихъ въ дорогу золотомъ. Но у княгини не то на разумѣ. Атаманъ каликъ ей очень понравился и она посылаетъ Алешу Поповича (какъ видно онъ ужъ въ ладахъ съ Княгинею) уговорить атамана придти къ ней посидѣть въ долгой вечеръ, поговорить забавныя рѣчи. Алеша сталъ уговаривать; но не уговорилъ Алеша благочестиваго атамана и получилъ отказъ. Княгиня осердилась и послала Алешу прорѣзать суму у атамана и положить туда серебряную чарочку, которою Князь пьетъ на пріѣздѣ. Алеша исполнилъ порученіе и зашилъ гладко суму; какъ только пошли калики, не простившись съ Княгиней, она послала Алешу въ погоню за ними. Онъ нагналъ ихъ.

У Алеши вѣжство не рожденное (не природное),

говоритъ пѣсня. Онъ до того дошелъ въ своей наглости, что, зная все дѣло, завелъ ссору съ каликами, началъ ругать ихъ ворами и разбойниками: вы-то, калики, бродите по крещеному міру; что украдете, своимъ зовете; обокрали вы Княгиню. — Калики не дали ему себя обыскивать, и Алеша поворчавъ поѣхалъ къ Кіеву. Въ то время какъ пріѣхалъ Алеша, пріѣхалъ съ охоты и Владиміръ, и съ нимъ Добрыня. Княгиня посылаетъ Добрыню за каликами. Добрыня, не знающій ничего объ этомъ дѣлѣ, не ослушался на сей разъ Княгини, поѣхалъ и настигъ каликъ въ чистомъ полѣ,

у Добрыни вѣжство рожденное (природное) и ученое.

Онъ соскочилъ съ коня, самъ бьетъ челомъ и проситъ атамана, чтобъ онъ не навелъ на гнѣвъ Князя Владиміра.

Прикажи обыскать калики перехожіе,
Нѣтъ ли промежу васъ глупаго?

Калики исполняютъ его просьбу.

Мы не разсказываемъ всей этой прекрасной пѣсни, ибо она не относится къ нашей задачѣ, т. е. къ пѣснямъ собственно богатырскимъ. Мы взяли изъ нея, что нужно было намъ для опредѣленія характера Алеши. Здѣсь ярко обрисованъ Алеша, грубый и безчестный, и тѣмъ ярче, что рядомъ съ нимъ честный и вѣжливый Добрыня. — Вспомнимъ также, что Илья Муромецъ (см. въ I. т. М. С.) не хочетъ, чтобы Алеша шелъ драться съ Козарскимъ богатыремъ, ибо Алеша корыстолюбивъ, заглядится на золото и серебро и будетъ побитъ.—Наконецъ въ двухъ неизданныхъ пѣсняхъ, находящихся въ знаменитомъ драгоцѣнномъ собраніи Русскихъ пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго, Алеша является, какъ безсовѣстный соблазнитель. Илья Муромецъ, встрѣтивъ дѣвицу, обманутую Алешей, говоритъ: я не зналъ прежде того, а то бы я съ Алешей перевѣдался и снесъ бы я Алешѣ буйну голову.

И такъ лице Алеши Поповича очерчено очень явственно, очень живо и полно; очень вѣрно сохранена характеристика дерзкаго и ловкаго обманщика, но вовсе не храбраго воина, бабьяго пересмѣшника и вмѣстѣ готоваго на всякое худое дѣло.

ДУНАЙ.

Не похожъ Дунай на другихъ богатырей: очевидно пришлецъ изъ чужихъ странъ, буйный духомъ, онъ отличается какою-то особою горделивою осанкою. Объ немъ извѣстна одна только пѣсня, въ которой разсказывается о женитьбѣ Великаго Князя Владиміра. Въ этой пѣсни очевидно являются намеки на какую-то прежнюю жизнь Дуная, намеки, неясные для насъ, но безъ сомнѣнія ясные для тѣхъ, кѣмъ и кому пѣлись пѣсни, ибо эти намеки—какъ бы что-то извѣстное. Въ одномъ мѣстѣ Дунай говоритъ самъ о себѣ, что онъ служилъ въ семи ордахъ, семи королямъ. Удалой дружинникъ, Дунай наконецъ остался въ службѣ православнаго Князя Владиміра, и самъ является уже православнымъ Витяземъ. Такъ разсказываетъ пѣсня о женитьбѣ Князя Владиміра и о подвигахъ Дуная.

Въ стольномъ городѣ Кіевѣ, у ласкова Князя Владиміра было пированье почестный пиръ, было столованье почестный столъ. Много на пиру было князей и бояръ и Русскихъ могучихъ богатырей.

А и будетъ день въ половину дня,
Княженецкій столъ во полустолѣ;
Владиміръ Князь распотѣшился,
По свѣтлой гридне похаживаетъ,
Черныя кудри расчесываетъ

И говоритъ такое слово: Князи, бояре, могучіе богатыри!

Всѣ вы въ Кіевѣ пережены,
Только я Владиміръ Князь холостъ хожу,
А и холостъ я хожу, не женатъ гуляю;

А кто знаетъ мнѣ *сопротивницу?* (слово замѣчательное: т. е. ту, которая была бы *сопротивъ* меня, мнѣ равная, какъ говорится, на примѣръ: *онъ супротивъ его не будетъ*; т. е. онъ ему не равенъ, онъ ему не пара; здѣсь удержанъ въ словѣ еще особенный оттѣнокъ противуположности). Кто знаетъ мнѣ сопротивницу? говоритъ Владиміръ, сопро-

тивницу знаетъ, красную дѣвицу, статную станомъ, совершенную умомъ, бѣлое лицо у ней, какъ бѣлый снѣгъ, щеки, какъ маковъ цвѣтъ, черныя брови, какъ соболи, ясныя очи, какъ у сокола? — На вопросъ Князя большой прячется за меньшего, отъ меньшего нѣтъ отвѣта Князю. Тогда изъ стола Княженецкаго, изъ скамьи богатырской выступилъ Иванъ, гостиной сынъ, вскочилъ на богатырское мѣсто и сказалъ зычнымъ голосомъ: Ласковый Владиміръ Князь! благослови предъ тобою слово молвить. Я Иванъ бывалъ въ Золотой Ордѣ, у грознаго Короля Этмануйла Этмануйловича; видѣлъ я въ дому у него двухъ дочерей; первая дочь—Настасья, вторая Афросинья;

Сидитъ Афросинья въ высокомъ терему
За тридесять замками булатными;
А и буйные вихри—не вихнутъ на ее,
А красное солнце—не печетъ лице.

Иванъ описываетъ ея красоту словами самаго Владиміра и прибавляетъ: посылай, Государь, Дуная свататься. — Владиміръ велѣлъ налить чару зелена вина въ полтора ведра и поднести Ивану за хорошія слова. Призываетъ Владиміръ въ спальню къ себѣ Дуная и говоритъ ему: Дунай сынъ Ивановичь! Сослужи мнѣ службу заочную: съѣзди въ золотую Орду къ грозному Королю, Этмануйлу Этмануйловичу, для добраго дѣла, для сватанья, на его любимой дочери, на Афросиньѣ Королевишнѣ; бери моей золотой казны, бери триста жеребцовъ и могучихъ богатырей. Сказавъ это, Владиміръ подноситъ Дунаю въ полтора ведра чару зелена вина и въ полтретья ведра турій рогъ сладкаго меду; Дунай выпилъ и чару зелена вина, и турій рогъ меду сладкаго. Разгорѣлась утроба богатырская и разходились могучія плечи у Дуная, и Дунай говоритъ: Ласковое солнце, Владиміръ Князь! Не надо мнѣ твоей золотой казны, не надо трехъ сотъ жеребцовъ, не надо могучихъ богатырей. Дай одного мнѣ молодца, Екима Ивановича, который служитъ Алешкѣ Поповичу.—Владиміръ Князь тотчасъ самъ руками привелъ Екима къ Дунаю.—Поѣхали богатыри; ѣдутъ недѣлю, другую, и прiѣ-

хали въ Золотую Орду. Соскочили они середь королевскаго двора, привязали коней къ дубовому столбу и пошли въ бѣлокаменную палату. — Король въ Золотой Ордѣ! говоритъ Дунай:

У тебя ли во палатахъ бѣлокаменныхъ
Нѣту Спасова образа:
Не кому у тя помолитися,
А и не за что тебѣ поклонитися.

Король говоритъ на это Дунаю, а самъ усмѣхается: Дунай сынъ Ивановичь!

Али ты ко мнѣ пріѣхалъ по старому служить и по прежнему?

Король въ Золотой Ордѣ! отвѣчаетъ Дунай, пріѣхалъ я къ тебѣ не по старому служить и не по прежнему. Я пріѣхалъ къ тебѣ для добраго дѣла, для сватанья. На твоей дочери Афросиньѣ хочетъ жениться Князь Владиміръ. — Оскорбился (почему-то) этимъ Король, рветъ на головѣ черныя кудри, бросаетъ ихъ о *кирпищетъ* полъ и говоритъ: Дунай сынъ Ивановичь! Если бы ты не служилъ у меня вѣрою и правдою, я бы велѣлъ посадить тебя въ погреба глубокіе и уморилъ бы голодною смертью за твои бездѣльныя слова. Оскорбился Дунай, разгорѣлось богатырское сердце; онъ обнажилъ саблю и сказалъ: Король Золотой Орды! Еслибъ я у тебя въ дому не бывалъ, хлѣба-соли не ѣдалъ, ссѣкъ бы по плечи тебѣ буйную голову.—Король заревѣлъ зычнымъ голосомъ; борзые псы заходили на цѣпяхъ. Псами затравить Дуная хочетъ Король. Екимъ Ивановичь! кричитъ Дунай,

Что ты сталъ, да чего глядишь?
Псы борзые заходили на цѣпяхъ.

Екимъ бросился опрометью на широкій дворъ; *мурзы, улановья* не допускаютъ Екима до добраго коня, до тяжкой палицы мѣдной. Не попала Екиму палица желѣзная, попала ему ось телѣжная; зачалъ ею помахивать Екимъ, со всѣхъ сторонъ валятся враги; перебилъ Екимъ множество людей, и избилъ пять сотъ кобелей меделянскихъ. — Видя

это, Король закричалъ зычнымъ голосомъ: Дунай Ивановичь!

Уйми ты своего слугу вѣрнаго;
Оставь мнѣ силы хоть на сѣмена,

Бери мою любимую дочь Афросинью. — Дунай оставилъ Екима и пошелъ къ высокому терему, гдѣ сидитъ Афросинья за тридцатью замками булатными, гдѣ

Буйные вѣтры не вихнутъ на неё,
Красное солнце лица не печетъ.

У этихъ палатъ были желѣзныя двери; крюки и пробои были по булату злачены. Дунай сталъ передъ замкнутыми дверями и сказалъ: хоть ногу изломить, а двери выставить! Онъ пнулъ въ желѣзныя двери, сломались булатные крюки, и всѣ палаты зашатались. Изъ дверей бросилась испуганная дѣвица, какъ угорѣлая, и хочетъ цѣловать Дуная въ уста. Дунай сказалъ: Афросинья Королевишна! какъ

Ряженой кусъ—да не суженому ѣсть!
Не цѣлую я тебя въ сахарныя уста.
А и Богъ тебя красную дѣвицу милуетъ:
Достанешься ты Князю Владиміру.

Дунай взялъ её за правую руку и повелъ изъ палатъ на широкой дворъ. Богатыри и красная дѣвица хотѣли уже садиться на коней, какъ спохватился тутъ Король Золотой Орды и проситъ Дуная, чтобъ онъ подождалъ его мурзъ и улановъ. Дунай исполняетъ его просьбу, и Король отправляетъ своихъ мурзъ и улановъ везти за Дунаемъ богатое приданое: золото, серебро, жемчугъ и драгоцѣнные камни. Скоро собравшись, всѣ поѣхали къ городу Кіеву; ѣдутъ недѣлю, ѣдутъ другую; тутъ же везутъ и золотую казну.— Не доѣхавъ ста верстъ до Кіева, наѣхалъ Дунай бродучій слѣдъ; взманилъ его этотъ слѣдъ, и Дунай сталъ наказывать Екиму:

Гой еси Екимъ сынъ Ивановичь!
Вези ты Афросинью Королевишну

Ко стольному городу ко Кіеву,
Ко ласковому Князю Владиміру,—
Честно, хвально и радостно.
Было бы намъ чѣмъ похвалитися
Великому Князю во Кіевѣ.

Сказавъ это, самъ Дунай поѣхалъ по свѣжему бродучему слѣду; ѣдетъ онъ трое сутокъ,

Въ четвертыя сутки слѣдъ дошелъ.

На потѣшныхъ лугахъ, куда всегда ѣздитъ Владиміръ Князь охотиться, стоитъ бѣлый шатеръ; въ шатрѣ держитъ опочивъ красная дѣвица. Эта красная дѣвица — Настасья Королевишна, сестра Афросиньи; другую жизнь вела она, и сильнымъ витяземъ ѣздила вольно по полямъ.—Дунай вынулъ изъ налучна тугой лукъ, изъ колчана калену стрѣлу, вытянулъ за ухо калену стрѣлу съ тетивою и хлеснулъ по сыру дубу; вспѣла тетива, дрогнула земля отъ богатырскаго удара; стрѣла угодила въ дубъ,

Изломала его въ черепья ножевые.

Какъ угорѣлая, бросилась дѣвица изъ шатра; Дунай ударилъ её, сшибъ съ ногъ и выдернулъ булатное чингалище, чтобы разрѣзать ей грудь; дѣвица взмолилась ему: удалой доброй молодецъ! Не коли ты меня дѣвицу до смерти. Я отпросилась у батюшки съ тѣмъ, что кто побьетъ меня въ чистомъ полѣ, за того мнѣ и замужъ идти. Обрадовался Дунай ея слову и думаетъ своимъ разумомъ:

Служилъ я Дунай во семи ордахъ,
Во семи ордахъ, семи Королямъ,
А не могъ себѣ выжить красныя дѣвицы;
Нонѣ я нашелъ во чистомъ полѣ
Обручницу, сопротивницу.

Обручились Дунай съ Настасьей и обвѣнчались вокругъ ракитова куста. Дунай отобралъ у дѣвицы бранное вооруженіе, кольчугу и панцырь и куякъ, приказалъ ей надѣть простую бѣлую епанчу и поѣхалъ съ ней къ Кіеву. Въ

это время ѣхалъ Князь Владиміръ отъ вѣнца, и у новобрачнаго Князя пошелъ свадебный пиръ. Дунай пріѣхалъ къ соборной церкви и проситъ у Архіерея позволенія обвѣнчать его съ Настасьей. Дуная обвѣнчали (*), и новые молодые поѣхали къ Князю Владиміру, соскочили съ коней на его широкомъ дворѣ, и Дунай послалъ сказать Князю:

Доложитесь Князю Владиміру:
Не о томъ, что идти во свѣтлы гридни,—
О томъ, что не въ чемъ идти Княгинѣ молодой:
Платья женскаго только и есть одна епанечка бѣлая.

Князь Владиміръ догадался; знаетъ онъ, кого послать: послалъ онъ Чурилу Пленковича, выдать цвѣтное женское платье. — Здѣсь прямо намекъ на особенность Чурилы, которая полнѣе раскрывается въ другой пѣснѣ, собственно о немъ. Выдали платье, богато снарядили Княгиню новобрачную, повели молодыхъ въ свѣтлыя гридни и посадили за столъ. Теперь уже двѣ сестры сѣли за однимъ столомъ. Молодой Дунай Ивановичь

Женилъ онъ Князя Владиміра,
Да и самъ тутъ же женился,
Въ томъ же столѣ столовати сталъ.

Прошло много времени. У Князя Владиміра, у солнышка Святославича, была веселая пирушка. На пирушкѣ пьяный Дунай разхвастался, что въ Кіевѣ нѣтъ ему равнаго стрѣльца стрѣлять изъ лука въ цѣль. Княгиня (жена Владиміра) сказала на это: Любимый мой зять, Дунай Ивановичь! Нѣтъ въ Кіевѣ такого стрѣльца, какъ сестра моя Настасья Королевишна. — Обидно стало Дунаю; сей часъ захотѣлъ онъ испытать, кто лучше стрѣляетъ. Мечутъ жеребій; достается стрѣлять женѣ Дуная (она вѣроятно была тутъ же на пиру), а Дунаю держать на головѣ золотое кольцо. Отмѣрили мѣсто на версту. Держитъ Дунай на головѣ золотое кольцо; Настасья натянула лукъ, вытя-

(*) Здѣсь послѣ языческаго обряда вѣнчанія слѣдуетъ Христіанскій.

нула калену стрѣлу; запѣла тетива у тугаго лука; каленая стрѣла сшибла золотое кольцо. Бросились искать и князья и бояре, увидали каленую стрѣлу, и на ея перьяхъ золотое кольцо. Тогда Дунай становилъ молодую жену на свое мѣсто. Княгиня принялась его уговаривать: Зять мой любимый, Дунай Ивановичь! Это была шуточка пошучена.— Жена его тоже говорила ему: оставимъ стрѣлять до другаго дня; въ моей утробѣ могучій богатырь. Первой стрѣлой ты не дострѣлишь, второй стрѣлой перестрѣлишь, третьей стрѣлой въ меня угодишь.—Князья, бояре и сильные могучіе богатыри уговаривали Дуная, но Дунай озадорился, и опять ставилъ на мѣсто свою жену. Она стала его упрашивать и кланяться ему. Любезный мой *Ладушка*, говорила она Дунаю, оставь шутку на три дня, хоть не для меня, но для своего сына не рожденнаго; завтра рожу тебѣ богатыря: ему не будетъ сопротивника. Не повѣрилъ Дунай и поставилъ жену свою на мѣсто цѣли. Стала жена держать золотое кольцо на головѣ. Первой стрѣлой не дострѣлилъ Дунай, второй перестрѣлилъ, третьей въ неё угодилъ. Прибѣжалъ Дунай къ женѣ, выхватилъ булатное чингалище, разпоролъ ей грудь; изъ утробы выскочилъ удалой молодецъ и сказалъ: Сударь мой батюшка! Если бъ далъ ты мнѣ сроку на три часа, я бы на свѣтѣ былъ въ семь семерицъ получше и поудалѣе тебя. Опечалился молодой Дунай Ивановичь, ткнулъ себя чингалищемъ въ грудь и кинулся въ быструю рѣку.

Потому быстра рѣка Дунай слыветъ;
Своимъ устьемъ впала въ сине море.

ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧЪ.

Этотъ богатырь также имѣетъ свой, совершенно особенный обликъ. — Это изнѣженный щеголь и волокита; объ силѣ его нигдѣ не говорится, онъ знаменитъ своею дружиною; но онъ находится въ числѣ богатырей, и нѣтъ повода считать Чурилу не заслуживающимъ этого званія. За то много говоритъ пѣсня о пышности и щегольствѣ

Чурилы. Вспомнимъ, что ему поручаетъ Владиміръ и платье выбрать для новобрачной, жены Дуная.—У Чурилы, какъ видно изъ пѣсни, своя сильная дружина, и онъ сперва живетъ отдѣльно и независимо. Это богатырь-начальникъ дружины, роскошный, щеголеватый, изнѣженный и волокита. О Чурилѣ, въ Сборникѣ Кирши Данилова, говоритъ только одна пѣсня.

Пѣсня начинается, какъ большею частію начинаются пѣсни о богатыряхъ и пирахъ Владиміра: т. е. въ Кіевѣ у Князя Владиміра, идетъ пированье-почестный пиръ на Князей, бояръ и богатырей, и Владиміръ Князь на пиру разпотѣшился. — Въ это время, когда весело стало Князю Владиміру, подошли къ нему незнакомые люди; ихъ всѣхъ человѣкъ за триста, всѣ они избиты и изранены. Они творятъ жалобу Владиміру. — Свѣтъ Владиміръ Князь! говорятъ они, мы ѣздили по чистому полю, вверху рѣки Череги, въ твоемъ Государевомъ займищѣ. Ничего мы не наѣхали въ полѣ, и не видали ни звѣря прыскучаго, ни птицы перелетной. Мы наѣхали въ чистомъ полѣ на толпу молодцевъ, человѣкъ за пятьсотъ; они повыловили и повыгнали звѣрей, и насъ избили, изранили. Нѣтъ тебѣ, Государю, добычи, а отъ тебя, Государь, намъ жалованья нѣтъ; дѣти и жены пошли по міру.—

Владиміръ Князь, стольной Кіевской,
Пьетъ, ѣстъ, прохлаждается,
Ихъ челобитья не слушаетъ.

Не ушла еще эта толпа со двора, пришла другая толпа, человѣкъ за пятьсотъ; это были все охотники рыболовы, и тоже всѣ избиты, изранены, и тоже творятъ жалобу: Свѣтъ Владиміръ Князь! ѣздили мы по рѣкамъ, по озерамъ, на твое Княженецкое счастье, ничего не поймали. Встрѣтили мы людей, человѣкъ за пятьсотъ; повыловили они бѣлую рыбицу, щукъ, карасей и мелкую рыбешку. Намъ нѣтъ добычи, Государь, а тебѣ приносу, а отъ тебя, Государь, нѣтъ жалованья; дѣти и жены пошли по міру.—

Владиміръ Князь, стольной Кіевской,
Пьетъ, ѣстъ, прохлаждается,
Ихъ челобитья не слушаетъ.

Не сошли эти толпы со двора, пришли вдругъ двѣ другія толпы; первая толпа—сокольники, вторая толпа—кречетники; и всѣ они избиты, изранены, и также творятъ жалобу: Свѣтъ Владиміръ Князь! Ѣздили мы по полю чистому, вверху Череги, по твоему Государеву займищу, на потѣшныхъ островахъ, на твое Княженецкое счастье. Ничего мы не видали; не видали сокола и кречета перелетнаго. Наѣхали мы только на молодцевъ за тысячу человѣкъ. Они повыхватали всѣхъ ясныхъ соколовъ и повыловили бѣлыхъ кречетовъ, а насъ избили, изранили; називаются дружиною Чуриловою (*). — Кто это Чурила? спросилъ Владиміръ, схватившись за это слово. — Выступилъ старый Бермята Васильевичь и сказалъ: я давно, Государь, знаю про Чурилу; онъ живетъ не въ Кіевѣ, а пониже малаго Кіевца.

Дворъ у него на семи верстахъ;
Около двора желѣзный тынъ;
На всякой тынинкѣ по маковкѣ,
А и есть по жемчужинкѣ;
Середи двора свѣтлицы стоятъ,
Гридни бѣлодубовыя,
Покрыты сѣдымъ бобромъ;
Потолокъ черныхъ соболей;
Матицы-то валженыя;
Полъ—середа (**) одного серебра;

(*) Свидѣтельство о Чуриловой дружинѣ, по нашему мнѣнію, очень важно и служитъ въ тоже время доказательствомъ древности самой пѣсни. Изъ этого свидѣтельства видно, что, во время древнихъ первыхъ Князей, были какъ бы независимые отдѣльные начальники дружинъ, и цѣлыя дружины, довольно самостоятельныя и самовольныя. Мы знаемъ, что была своя дружина у Свѣнельда; вѣроятно, что мужи, имена которыхъ встрѣчаемъ въ договорахъ Олега и Игоря, имѣли такія же дружины.—Это не значитъ впрочемъ, чтобъ эти дружины могли дѣлать съ народомъ, что хотѣли. Сильный и самобытный, конечно ставилъ онъ предѣлы ихъ своеволію.

(**) *Середа* — сплошная цѣльная масса (среда) — здѣсь плоская.

Крюки да пробои по булату злачены.
Первые у него ворота вальящатые,
Другіе ворота — хрустальные,
Третьи ворота — оловянные.

Услышавъ это, Владиміръ захотѣлъ видѣть дворъ Чурилы Пленковича, скоро собрался вмѣстѣ съ Княгинею, взялъ съ собою князей, бояръ и могучихъ богатырей, взялъ Добрыню Никитича и стараго Бермяту Васильевича. Собралось ихъ всѣхъ пятьсотъ человѣкъ.

И поѣхали къ Чурилѣ Пленковичу.

Пріѣхали къ его двору; ихъ встрѣчаетъ старый Пленъ (отецъ Чурилы).

Для Князя и Княгини
Отворяетъ ворота вальящатые,
А Князьямъ и боярамъ — хрустальные,
Простымъ людямъ — ворота оловянные.

Наѣхало полонъ дворъ гостей. Пленко Сароженинъ повелъ Князя и Княгиню въ свѣтлыя гридни, посадилъ ихъ въ почетное мѣсто; посадилъ князей, бояръ и могучихъ Русскихъ богатырей,—и начался пиръ; понесли и яства и питья заморскія, чтобы развеселить Князя.

Веселая бесѣда, на радости день;
Князь со Княгинею веселъ сидитъ.

Посмотрѣлъ Владиміръ въ косящетое окно и увидалъ въ полѣ толпу людей.—По грѣхамъ не случилось меня дома, сказалъ Владиміръ,

Ко мнѣ ѣдетъ Король изъ Орды,
Или какой грозенъ посолъ.

Старый Пленко лишь только усмѣхается, а самъ подчуетъ: «Изволь ты, Государь Князь, со Княгинею и со всѣми своими князьями и боярами, кушать. Не Король ѣдетъ изъ Орды и не грозенъ посолъ, а ѣдетъ храбрая дружина сына моего, молодаго Чурилы Пленковича; когда онъ будетъ передъ тобою, Государь, тогда пиръ будетъ во полупирѣ, будетъ столъ во полустолѣ».—Опять пьютъ,

ѣдятъ, потѣшаются; день вечерѣетъ, закатывается красное солнышко, въ полѣ сгущается толпа, человѣкъ за пятьсотъ и до тысячи.

Ѣдетъ Чурила ко двору своему;
Передъ нимъ несутъ *подсолнечникъ*, (*)
Чтобъ не запекло солнце бѣла его лица.

Пріѣхалъ Чурила къ своему двору; прежде его прибѣжалъ скороходъ, заглянулъ на дворъ и увидалъ, что не куда ѣхать Чурилѣ съ дружиною и съ добычею. Тогда поѣхалъ Чурила съ товарищами на свой окольный дворъ, тамъ они остановились и принарядились. Догадался Чурила, что дѣлать; онъ взялъ золотые ключи, пошелъ въ подвалы глубокіе, взялъ оттуда золота, сорокъ сороковъ черныхъ соболей, другой сорокъ лисицъ *Печерскихъ* и камку бѣлохрущатую; пришелъ Чурила къ Князю Владиміру и положилъ передъ нимъ на убранный столъ подарки. Рады были Князь и Княгиня, и Князь сказалъ: Чурило Пленковичь!

Не подобаетъ тебѣ въ деревнѣ жить,
Подобаетъ тебѣ Чурилѣ въ Кіевѣ жить, Князю служить.

Чурила не ослушался Князя Владиміра, сей часъ велѣлъ осѣдлать коня, и всѣ поѣхали въ Кіевъ градъ, къ ласковому Князю Владиміру.

Въ добромъ здоровьѣ ихъ Богъ перенесъ.

Пріѣхали, соскочили съ коней, пошли въ свѣтлыя гридни и сѣли за убранные столы. Снова пиръ. Владиміръ посылаетъ Чурилу Пленковича звать къ себѣ въ гости князей и бояръ;

А зватого приказалъ брать со всякаго по десяти рублевъ. (**)

Чурила всѣхъ обошелъ, всѣхъ позвалъ, зашелъ къ Бермятѣ Васильевичу, къ его молодой женѣ, къ Катеринѣ

(*) *Зонтикъ*; у Стефана Яворскаго: *сончечникъ*.

(**) Весьма замѣчательное указаніе. И такъ этотъ Княжескій пиръ — складчина. Пиръ складчиною — явленіе совершенно Русское и древнее;

прекрасной, и позамѣшкался тамъ. Владиміръ Князь ждетъ его, что долго замѣшкался; наконецъ, спустя немного, пришелъ Чурила Пленковичъ.

Втапоры Владиміръ Князь ни во что положилъ;
Чурила пришелъ, и столъ пошелъ.

Пили, ѣли, прохлаждались на веселомъ пиру, и наконецъ разъѣхались по домамъ.

Поутру, рано ранешенько,
Рано зазвонили къ заутренѣ.

Князья и бояре пошли къ заутренѣ; въ то утро выпала пороша снѣгу, — и нашли они свѣжій слѣдъ; удивляются князья и бояре: или заяцъ скакалъ, или бѣлъ горностай.— А другіе усмѣхаются и говорятъ: это не заяцъ скакалъ и не бѣлъ горностай —

Это шелъ Чурила Пленковичъ
Къ старому Бермятѣ Васильевичу,
Къ его молодой женѣ, Катеринѣ прекрасной.

Характеристика этого богатыря очень полно и вѣрно обрисована уже въ одной этой пѣснѣ. — Его щегольство доходитъ до того, что передъ нимъ несутъ зонтикъ отъ солнца. Отношенія его къ женѣ Бермяты, о которыхъ упоминается мимоходомъ, достаточно дополняютъ его характеръ.—Мы уже говорили, что Чурилѣ поручаетъ Владиміръ выбирать женское платье. Чурила еще является мелькомъ, но и тутъ вѣрный своему характеру, въ одной пѣснѣ, именно о Дюкѣ Степановичѣ. Богатый Дюкъ на пиру Владиміра сталъ отламывать у калача верхнюю корочку, а нижнюю откладывать прочь;

А во Кіевѣ былъ счастливъ добрѣ
Какъ бы молодой Чурила сынъ Пленковичъ

вспомнимъ *братчины;* на пр. братчину Никольщину, гдѣ складочный пиръ и вмѣстѣ союзъ, въ которомъ выбирается и пировой староста. — Это также чисто общинное явленіе; это—вольное видоизмѣненіе самой самородной общины, ея отпрыскъ, если такъ можно выразиться. Къ такимъ же общиннымъ явленіямъ, возникшимъ изъ самой коренной общины, причисляемъ мы артель (не ротель ли?) и также козацкое устройство.

Оговорилъ онъ Дюка Степановича:
Что ты, Дюкъ, чѣмъ чванишься?—
Верхнію корочку отламываешь,
А нижнюю прочь откладываешь.

Пѣсня очень тонко выражаетъ здѣсь тотъ же характеръ Чурилы; кто самъ склоненъ къ чванству, тотъ замѣтитъ чванство другаго и обидится имъ; кто щеголь, тотъ прежде всѣхъ замѣтитъ щегольство другаго и, какъ скоро оно въ бо́льшихъ размѣрахъ, также обидится имъ. – Надо прибавить, что Дюкъ молодъ, богатъ, одѣтъ великолѣпно и красавецъ собой, — такъ что всѣ засмотрѣлись на него, когда онъ вошелъ въ гридню, на пиръ Владиміра.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

Среди молодыхъ сильныхъ могучихъ богатырей, одинъ только старъ: богатырь Илья Муромецъ, далеко превосходящій силою всѣхъ остальныхъ.—Пѣсня не придаетъ ему обыкновеннаго присловья: *удалый*; и точно—въ немъ нѣтъ удальства. Всѣ подвиги его степенны, и все въ немъ степенно: это тихая, непобѣдимая сила. Онъ не кровожаденъ, не любитъ убивать и, гдѣ можно, уклоняется даже отъ нанесенія удара. Спокойствіе нигдѣ его не оставляетъ; внутренняя тишина духа выражается и во внѣшнемъ образѣ, во всѣхъ его рѣчахъ и движеніяхъ. — Въ богатырѣ этомъ, не смотря на его страшную, внѣ всякаго соперничества, силу, слышится еще болѣе сила духа. — Этотъ неодолимо могучій и кроткій богатырь — крестьянинъ.

Въ собраніи пѣсенъ Кирши Данилова, три пѣсни говорятъ объ Ильѣ Муромцѣ. Кромѣ нихъ извѣстны еще другія; изъ нихъ одна напечатана въ Москвитянинѣ (1843 № 11), другая въ Московскомъ Сборникѣ (т. 1.). Есть также печатная объ немъ сказка съ лубочными картинками, и наконецъ объ немъ много въ народѣ разсказовъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ. Возпользуемся всѣмъ, что напечатано и что сохранилось въ народѣ (сколько мы

знаемъ) о богатырѣ Ильѣ Муромцѣ. Илья Муромецъ пользуется общеизвѣстностью больше всѣхъ другихъ богатырей. Полный неодолимой силы и непобѣдимой благости, онъ, по нашему мнѣнію, представитель, живой образъ Русскаго народа.

Въ селѣ Карачаровѣ, близь Мурома (оно и теперь еще находится тамъ), жилъ крестьянинъ Иванъ Тимоѳеевичь; у него былъ сынъ Илья (Муромецъ). Илья съ малыхъ лѣтъ не владѣлъ ногами и сидѣлъ сиднемъ тридцать лѣтъ.— Однажды отецъ и мать его и вся семья были на работѣ. Илья оставался одинъ дома. — Приходятъ въ домъ два старца, подходятъ къ нему и говорятъ, чтобъ онъ принесъ имъ напиться. — Я безъ ногъ, отвѣчаетъ Илья, и сижу сиднемъ тридцать лѣтъ. Поди и принеси намъ напиться, говорятъ ему старцы. Желая исполнить ихъ требованіе и напоить прохожихъ старцевъ, Илья Муромецъ подымается на ноги, и.... встаетъ; онъ идетъ и приноситъ старцамъ цѣлое ведро. Выпей самъ, говорятъ ему они; Илья выпиваетъ.—Что ты въ себѣ слышишь? спрашиваютъ старцы.—Слышу въ себѣ силу, говоритъ Илья, дерево съ корнемъ вырву изъ земли. — Принеси еще ведро.—Илья идетъ за другимъ ведромъ и приноситъ. Выпей и это ведро, говорятъ ему старцы. Илья выпиваетъ. — Что ты въ себѣ слышишь теперь?—Если бы кольцо ввернуть въ землю, отвѣчаетъ Илья, я бы повернулъ землю. — (По другимъ разсказамъ: если бы утвердить столбъ между землею и небомъ, я повернулъ бы столбъ). — Это много, говорятъ ему; принеси третье ведро. — Илья приноситъ третье ведро. Выпей, говорятъ старцы, Илья выпилъ, и силы въ немъ поубавилось противъ втораго раза. — Будетъ съ тебя и этого, говорятъ старцы, и уходятъ. — Замѣчательно это преданіе. Доброе дѣло возвращаетъ Ильѣ употребленіе ногъ и даритъ страшную силу; добрымъ дѣломъ начинаются его подвиги, его богатырская жизнь. — Илья, оставшись одинъ, идетъ къ своимъ на работу. Они (по разсказамъ, сколько я помню) рубили лѣсъ. Смотрите-ка, Илья идетъ, заговорили всѣ, увидавъ его. Илья тутъ же началъ помогать имъ и принялся съ корнемъ рвать деревья. Ясно стало всѣмъ, что Илья богатырь.

Богатырь Илья Муромецъ собрался на богатырскіе подвиги, добрымъ на радость, злымъ на страхъ. Онъ проситъ великаго благословенія у отца и у матери, и падаетъ имъ въ ноги. Отецъ и мать даютъ ему благословеніе великое, и Илья ѣдетъ въ Кіевъ дорогою прямоѣзжею, по которой ужъ давно никто не ѣздитъ, которая ужъ давно залегла; на этой дорогѣ въ лѣсу свилъ себѣ гнѣздо на семи дубахъ Соловей разбойникъ. Этою-то прямою дорогою поѣхалъ Илья. Во время пути, идучи пѣшкомъ по берегу Оки, въ узкомъ мѣстѣ (быть можетъ коня онъ велъ за поводъ), встрѣтился Илья съ богатыремъ, Зюзей, который шелъ и одинъ тянулъ разшиву бичевой. Мѣсто было узкое; разойтись трудно. Съ дороги! кричалъ спѣсиво Зюзя. Не понравилась эта хвастливость Ильѣ. Самъ съ дороги, отвѣчаетъ онъ Зюзѣ.—Зюзя, кинувъ бичеву, пошелъ къ Ильѣ, чтобъ дать ему отвѣдать своей богатырской силы (изъ разсказа видно впрочемъ, что они знали другъ друга, или тутъ сказали свои имена). Не вступаетъ съ нимъ въ бой Илья, не хочетъ драться. Илья хватаетъ Зюзю на руки и кидаетъ вверхъ. Летитъ Зюзя вверхъ и потомъ летитъ внизъ; сто разъ успѣлъ онъ сказать на полетѣ: виноватъ, Илья Муромецъ, впередъ не буду!—Илья подхватилъ его на руки, поставилъ на землю и продолжалъ свой путь.

До сихъ поръ все, сказанное нами, взято изъ устныхъ разсказовъ народа, изъ сказки съ лубочными картинками и частію изъ пѣсни, напечатанной въ Москвитянинѣ; теперь къ этому присоединяются пѣсни изъ собранія Кирши Данилова.

Въ темныхъ лѣсахъ Брынскихъ наѣхалъ Илья на девять дубовъ; на этихъ девяти дубахъ жилъ Соловей разбойникъ. Заслышалъ Соловей разбойникъ конскій топоть и поѣздку богатырскую, засвисталъ по соловьиному, зашипѣлъ по змѣиному, заревѣлъ по звѣриному; конь палъ на корачки подъ Ильею. Говоритъ коню Илья Муромецъ:

А ты волчья сыть, травяной мѣшокъ!
Не бывалъ ты, конь, во темныхъ лѣсахъ,

Не слыхалъ ты свисту соловьинаго,
Не слыхалъ ты шипу змѣинаго,
А того ли ты крику (реву?) звѣринаго,
А звѣринаго крику, туринаго!

Илья вынулъ каленую стрѣлу и пустилъ въ Соловья разбойника, попалъ ему въ правой глазъ, и

Полетѣлъ Соловей съ сыра дуба
Комомъ ко сырой землѣ.

Илья Муромецъ подхватилъ Соловья на руки и привязалъ къ сѣдельной лукѣ. Проѣхалъ Илья крѣпкую воровскую заставу, подъѣзжаетъ къ Соловьеву подворью; на семи верстахъ дворъ у Соловья, около двора желѣзный тынъ; на всякой тынинкѣ по маковкѣ и по богатырской головѣ. Жена Соловья увидала издали Илью Муромца, бросилась съ чердака, стала будить своихъ девять сыновей:

А встаньте, обудитесь, добры молодцы,
А девять сыновъ, ясны соколы!

Ступайте въ подвалы, берите ключи, отмыкайте ларцы, берите золотую казну, выносите на широкій дворъ и встрѣчайте удалаго добра молодца. Чужой человѣкъ ѣдетъ сюда и везетъ въ торокахъ отца вашего.—Но девять сыновъ Соловья разбойника не то думаютъ; они думаютъ обернуться черными воронами съ желѣзными носами, и разклевать на части Илью Муромца. — Подъѣзжаетъ богатырь ко двору разбойника. Бросилась къ нему жена Соловья и молитъ его: бери, удалой доброй молодецъ, золотой казны, сколько надобно; отпусти Соловья разбойника, не вези его въ Кіевъ. Грубо поговариваютъ девять сыновъ Соловья. — Не обращаетъ вниманія Илья на ихъ рѣчи, ударилъ онъ своего добраго коня, и только его и видѣли,

Что стоялъ у двора дворянскаго.

Какъ соколъ, летитъ Илья и пріѣзжаетъ въ Кіевъ на дворъ княженецкій, соскакиваетъ съ коня, привязываетъ къ дубовому столбу и идетъ въ свѣтлую гридню, молится

Спасу со Пречистою, кланяется Князю и Княгинѣ, и на всѣ четыре стороны. У Великаго Князя Владиміра былъ въ то время почестный пиръ, и много было на пиру князей и бояръ, много сильныхъ-могучихъ богатырей. Ильѣ подносятъ чару зелена вина въ полтора ведра; Илья беретъ одной рукой и выпиваетъ однимъ духомъ. Ты скажись, молодецъ, говоритъ ему ласковый Князь Владиміръ, какъ тебя по имени зовутъ: по имени можно тебѣ мѣсто дать, по отечеству можно пожаловать.—Ласковый стольный Владиміръ Князь! отвѣчаетъ Илья, меня зовутъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь; я проѣхалъ дорогу прямоѣзжую изъ стольнаго города Мурома, изъ села Карачарова.—Могучіе богатыри говорятъ на это: Ласковое солнце, Владиміръ Князь!

Въ очахъ дѣтина завирается.
А гдѣ ему проѣхать дорогою прямоѣзжею?—
Залегла та дорога тридцать лѣтъ
Отъ того Соловья разбойника.

Говоритъ на это Илья Муромецъ: Владиміръ Князь!

Посмотри мою удачу богатырскую:
Вонъ я привезъ Соловья разбойника на дворъ къ тебѣ.

Князь Владиміръ пошелъ вмѣстѣ съ Ильею на широкой дворъ посмотрѣть его богатырской удачи. Вышли тутъ и князья, и бояре, и богатыри: Самсонъ Колывановичь, Суханъ, сынъ Домантьевичь, Свѣтогоръ, Полканъ, семь братьевъ Сбродовичей, мужики Залешане (Заолешане) и два брата Хапиловы (такъ именуетъ пѣсня); всего ихъ было тридцать молодцевъ. Илья сталъ уговаривать Соловья: послушай меня, Соловей разбойникъ,

Посвисти, Соловей, по соловьиному,
Пошипи, змѣй, по змѣиному,
Зрявкай—(зареви), звѣрь, по туриному,
И потѣшь Князя Владиміра.

Соловей засвисталъ по соловьиному, оглушилъ князей и бояръ, зашипѣлъ по змѣиному, заревѣлъ по туриному.—

Князья и бояре испугались, наползались по двору на корачкахъ, тутъ же и сильные могучіе богатыри. Со двора разбѣжались кони, и самъ Владиміръ Князь съ дорогой Княгиней едва живъ стоитъ и говоритъ Ильѣ: Илья Муромецъ сынъ Ивановичь, уйми ты Соловья разбойника: эта шутка намъ не надобна.

Очевидно, что Илья остался въ Кіевѣ и сѣлъ богатыремъ за княжой столъ. Изъ другихъ пѣсенъ видно, что онъ оберегаетъ Русскіе предѣлы; въ лубочной сказкѣ говорится, что онъ разбилъ идолище. — Въ Сборникѣ Кирши Данилова нѣсколько разъ говорится объ Ильѣ въ отдѣльныхъ пѣсняхъ, которыя болѣе и болѣе опредѣляютъ его могучій, спокойный, важный и тихій образъ.

На Кіевъ подымался злой Калинъ царь. — Калинъ царь имѣетъ весь видъ Татарскаго Хана: его нашествіе дышетъ, въ пѣснѣ, ужасомъ нашествія Татарскаго,—анахронизмъ очевиденъ: явленіе позднѣйшее перенесено въ древнѣйшую эпоху. Впрочемъ сама пѣсня тѣмъ не менѣе древняя. — Вмѣстѣ съ Калиномъ собиралось силы на сто верстъ во всѣ четыре стороны. Не дошедъ до Кіева за семь верстъ, Калинъ сталъ у Днѣпра, написалъ ярлыки скорописчатые, выбралъ огромнаго Татарина выше всѣхъ ростомъ, и послалъ съ ними въ Кіевъ. Въ ярлыкахъ написано,

Что возметъ Калинъ Царь стольный Кіевъ градъ,
А Владиміра Князя въ полонъ полонитъ,
Божьи церкви на дымъ пуститъ.

Татаринъ сѣлъ на коня и пріѣхалъ въ Кіевъ на Княженецкій дворъ; соскочилъ Татаринъ съ коня; онъ не вяжетъ коня, не приказываетъ, бѣжитъ въ свѣтлыя гридни,

А Спасову образу не молится,
Владиміру Князю не кланяется,
И въ Кіевѣ людей ничѣмъ зоветъ.

Татаринъ бросилъ ярлыки на круглый столъ передъ Великимъ Княземъ Владиміромъ и, уходя, выговорилъ слово:

Владиміръ Князь, стольный Кіевскій!
А наскорѣ сдай ты намъ Кіевъ градъ,

Безъ бою, безъ драки великія
И безъ того кроволитія напраснаго.

Опечалился Владиміръ; на скоро разпечаталъ и прочелъ ярлыки.

По грѣхамъ надъ Княземъ учинилося—
Богатырей въ Кіевѣ не случилося,

а Калинъ Царь подъ стѣною, и съ Калиномъ страшная сила.

Не окончено было еще это дѣло, еще не выѣхалъ изъ Кіева Татаринъ, а Василій пьяница взбѣжалъ на стрѣльную башню, взялъ свой лукъ разрывчатый и перяную стрѣлу и выстрѣлилъ въ Калина Царя; въ него не попалъ, попалъ въ зятя его, Сартака, прямо въ правый глазъ, и ушибъ его до смерти. Оскорбился Калинъ: Какъ! еще первую бѣду враги его не свалили съ плечъ, а ужъ другую затѣяли: убили его любимаго зятя. Калинъ послалъ другаго Татарина къ Князю Владиміру, чтобы выдали виноватаго.

Но вотъ, спустя немного времени, съ полуденной стороны,

Что ясный соколъ въ перелетъ летитъ,
Какъ бѣлый кречетъ перепархиваетъ,

мчится на конѣ старый богатырь, Илья Муромецъ. Пріѣхалъ на Княженецкій дворъ,

Не вяжетъ коня, не приказываетъ,
Идетъ во гридню, во свѣтлую;
Онъ молится Спасу со Пречистою,
Бьетъ челомъ Князю со Княгинею,
И на всѣ четыре стороны,
А самъ Илья усмѣхается:
Гой еси, сударь Владиміръ Князь!
Что у тебя за болванъ пришелъ,
Что за дуракъ неотесанный!

Въ отвѣтъ, Князь Владиміръ подалъ Ильѣ ханскіе ярлыки. Илья прочелъ. Пособи мнѣ, Илья Муромецъ, сказалъ Влади-

міръ, думушку думать: сдать ли мнѣ, не сдать ли Кіевъ, безъ бою, безъ драки, безъ кровопролитія напраснаго?—Ни о чемъ не печалься, Владиміръ, Князь Кіевскій, отвѣчаетъ Илья, Богъ нашъ Спасъ оборонитъ насъ, Пречистой и всѣхъ сохранитъ. Насыпай мису чистаго серебра, другую краснаго золота, третью скатнаго жемчуга, и поѣдемъ со мной къ Калину Царю со своими честными подарками. Этотъ Татаринъ дуракъ прямо насъ доведетъ.—Князь нарядился поваромъ, замарался котельною сажею и поѣхалъ съ Ильею въ станъ Татарскій. Пріѣхавъ, Илья соскочилъ съ коня, кланяется Царю и говоритъ: Калинъ Царь, злодѣй Калиновичь! Прими дорогіе подарки отъ Великаго Князя Владиміра,

А дай ты намъ сроку на три дня,
Въ Кіевѣ намъ пріуправиться,
Отслужить обѣдню съ панихидами,
Какъ де служатъ по усопшимъ душамъ,
Другъ съ дружкой проститися.

Вотъ чего требуетъ Илья; понятенъ смыслъ этого требованія. Царь отвѣчаетъ: Илья Муромецъ! Выдайте намъ виноватаго, который застрѣлилъ моего любимаго зятя.—А ты слушай, Калинъ Царь, что велятъ, говоритъ Илья, прими подарки отъ Великаго Князя Владиміра; гдѣ намъ искать этого человѣка и вамъ отдавать?—Калинъ принялъ подарки съ бранью и срока не далъ. Обидно стало Ильѣ, что не далъ Калинъ Царь сроку ни на три дня, ни на три часа, и сказалъ онъ ему:

Собака, проклятый ты Калинъ Царь!
Отойди съ Татарами отъ Кіева!
Охота ли вамъ, собака, живымъ быть?

Обидно стало и Царю такое слово; онъ велѣлъ Татарамъ схватить Илью. Схватили Илью,

Связали ему руки бѣлыя
Во крѣпки чембуры шелковые.

Вновь оскорбился Илья, но еще терпитъ и повторяетъ только Царю слова свои:

Собака, проклятый ты Калинъ Царь!
Отойди съ Татарами отъ Кіева!
Охота ли вамъ, собака, живымъ быть?

Вновь разсерженный, Калинъ Царь плюетъ Ильѣ въ ясны очи, говоря: Всегда хвастливы Русскіе люди. Весь опутанъ стоитъ передо мною, да еще хвастаетъ.—Сильно оскорбился Илья; за великую досаду показалось ему, что плюетъ ему Царь въ ясныя очи;

Вскочилъ въ полдрева стоячего,
Изорвалъ чембуры на могучихъ плечахъ....

Не допускаютъ Илью до добраго коня и до его тяжелой палицы, до мѣдной, литой въ три тысячи пудъ. Схватилъ Илья Татарина за ноги, того самаго, который ѣздилъ въ Кіевъ, и началъ Татариномъ помахивать;

Куда ли махнетъ—тутъ и улицы лежатъ,
Куды отвернетъ—съ переулками;
А самъ Татарину приговариваетъ:
А и крѣнокъ Татаринъ не ломится,
А и жиловатъ, собака, не изорвется.

Видно, не тому дивится Илья, что вокругъ него валятся Татары, а тому, что Татаринъ, который ему служитъ вмѣсто палицы, не ломается и не рвется; это шутка силы, все вокругъ себя превосходящей. Какое нужно спокойствіе силы, чтобы замѣтить крѣпость Татарина въ такую минуту и чтобы пошутить такъ. Но только сказалъ Илья свои слова, какъ оторвалась Татарская голова,

Угодила та голова по силѣ вдоль

и на полетѣ бьетъ и ломитъ Татаръ. Побѣжали Татары, потонули въ болотахъ и рѣкахъ. Воротился Илья къ Калину Царю, схватилъ его въ бѣлыя руки,

Согнетъ его корчагою,
Воздымалъ выше буйной головы своей,

Ударилъ его о горючъ камень,
Разшибъ его въ крохи пирожныя. (*)

Бѣгутъ остальные Татары и заклинаются:

Не дай Богъ намъ бывать ко Кіеву,
Не дай Богъ намъ видать Русскихъ людей.
Не ужъ-то въ Кіевѣ всѣ таковы?
Одинъ человѣкъ всѣхъ Татаръ прибилъ.

А Илья Муромецъ пошелъ искать товарища своего, Василья Игнатьева пьяницу: онъ одинъ въ Кіевѣ поднялъ руку на Татаръ, и Илья идетъ искать его; скоро нашелъ онъ его на Петровскомъ кружалѣ и привелъ къ Князю Владиміру.

А пьетъ Илья довольно зелена вина
Съ тѣмъ Васильемъ со пьяницей,
И называетъ Илья того пьяницу
Василья братомъ названымъ.

Въ этомъ разсказѣ также является нравъ и обычай Ильи. Какъ онъ спокоенъ, какъ медлитъ онъ идти на бой, какъ онъ долготерпѣливъ, и только въ крайнемъ случаѣ, когда лопнуло наконецъ его терпѣніе и вооружается онъ всею грозною своею силой, — какъ онъ необоримо могучъ и великъ. — Въ этомъ образѣ любимаго Русскаго богатыря какъ не узнать образа самаго Русскаго народа.

Другой разсказъ объ Ильѣ, находящійся въ Сборникѣ Кирши Данилова, полонъ такихъ намековъ, которыхъ нѣтъ возможности разрѣшить безъ новыхъ данныхъ. Здѣсь является новое лице: Збутъ Борисъ Королевичь, сынъ или внукъ Задонскаго Короля. Перескажемъ и этотъ разсказъ.

Изъ славнаго города Кіева выѣзжали два могучіе богатыря: Илья Муромецъ и братъ его названный, Добрыня Никитичь; они выѣхали на чистое поле, вверху рѣки Череги, и подъѣхали къ Сафатъ-рѣкѣ. Тогда Илья сказалъ:

(*) Вмѣсто: пирожныя, въ изданіи Сборника К. Д. поставлены точки; это замѣненіе сдѣлано нами, ибо къ крохамъ придается и этотъ эпитетъ.

молодой Добрынюшка Никитичъ! поѣзжай ты за горы высокія, а я поѣду подлѣ Сафатъ-рѣки. — Добрыня поѣхалъ на высокія горы, наѣхалъ на бѣлый шатеръ, и подумалось ему, что въ шатрѣ сильный могучій богатырь. Изъ бѣлаго полотнянаго шатра вышла баба Горынинка и завела ссору съ Добрынею. Добрыня соскочилъ съ коня и кинулся на бабу Горынинку; начался бой; бились они палицами тяжкими,

У нихъ тяжкія палицы разгоралися,
И бросили они палицы тяжкія;
Они стали уже драться рукопашнымъ боемъ.

Между тѣмъ Илья Муромецъ ѣздилъ подлѣ Сафатъ-рѣки, наѣхалъ на бродучій слѣдъ и поѣхалъ по слѣду; увидалъ онъ богатыря въ чистомъ полѣ, Збута Бориса Королевича. — Въ это время молодой Збутъ Королевичь отвязывалъ отъ стремени выжлока и спускалъ съ руки яснаго сокола; онъ выжлоку наказываетъ:

А тепере мнѣ не до тебя пришло.
А и ты бѣгай, выжлокъ, по темнымъ лѣсамъ
И корми свою буйну голову.—
И ясну соколу онъ наказываетъ:
Полети ты, соколъ, на сине море
И корми свою буйну голову;
А мнѣ молодцу не до тебя пришло.

Замѣчательна минута, въ которую является Збутъ Королевичь; почему отпускаетъ онъ и выжлока и сокола, почему молодому богатырю не до нихъ пришло—неизвѣстно; но минута эта не обыкновенная, не незначительная въ его жизни.—Илья подъѣзжаетъ къ нему. Молодой Збутъ Королевичь пустился на стараго богатыря Илью Муромца и выстрѣлилъ ему въ грудь изъ тугого лука; онъ попалъ ему въ грудь, но видно, это ничего Ильѣ Муромцу. Онъ (Илья Муромецъ)

Не бьетъ его палицей тяжкою,
Не вымаетъ изъ налушна тугой лукъ,

Изъ колчана калену стрѣлу,
Не стрѣляетъ онъ Збута Королевича;

онъ только схватилъ его въ бѣлыя руки и бросилъ выше дерева; не взвидѣлъ свѣту кинутый на воздухъ Королевичъ, и назадъ летитъ къ землѣ. Илья подхватилъ его на богатырскія руки, положилъ на землю и сталъ спрашивать его дядину (дѣдину?), отчину.—Еслибъ я сидѣлъ у тебя на груди, отвѣчаетъ Збутъ Королевичь, я споролъ бы тебѣ бѣлую грудь.—Илья далъ ему почувствовать силу своей богатырской руки, и Збутъ сказалъ, что онъ—того Короля Задонскаго. Заплакалъ тогда Илья Муромецъ,

Глядючи на свое чадо милое.

Поѣзжай, говоритъ онъ Збуту, поѣзжай, Збутъ Борисъ Королевичь, къ своей матушкѣ. Еслибъ ты попалъ на нашихъ Русскихъ богатырей, не отпустили бы они тебя живаго отъ Кіева.—Збутъ поѣхалъ и пріѣхалъ къ Царю Задонскому, къ своей матушкѣ, и сталъ ей разсказывать: я ѣздилъ, матушка, на потѣшные луга Князя Владиміра; въ полѣ наѣхалъ я на стараго богатыря и выстрѣлилъ ему въ грудь; схватилъ меня въ руки старый богатырь среди чистаго поля, чуть не забросилъ меня за облако, и опять подхватилъ на руки. — Тогда мать Збута ударилась о землю и едва говоритъ въ слезахъ: О, Збутъ Борисъ Королевичь! За чѣмъ наѣзжалъ ты на стараго богатыря? Не надо бы тебѣ съ нимъ драться; надо бы съѣхаться въ чистомъ полѣ и надо бы тебѣ ему поклониться о праву руку до сырой земли; по роду онъ тебѣ батюшка, старый богатырь Илья Муромецъ сынъ Ивановичь.

Въ это время Илья поѣхалъ на высокія горы искать названнаго брата Добрыню Никитича. Онъ нашелъ его, все бьющагося съ бабой Горынинкой; чуть душа его въ тѣлѣ *полудныетъ*.—Ты не умѣешь драться съ бабой, Добрыня Никитичь, сказалъ ему Илья Муромецъ, надо драться иначе.—Услыхавъ слова Ильи, покорилась баба Горынинка и сказала: не ты меня побилъ, Добрыня Никитичь, а побилъ меня старый богатырь Илья единымъ словомъ.— Добрыня вскочилъ на грудь бабѣ Горынинкѣ, выхватилъ

чингалище и хотѣлъ спороть ей грудь; но она взмолилась Ильѣ Муромцу: Илья Муромецъ, не прикажи мнѣ рѣзать грудь; у меня много въ землѣ и злата и серебра. — Илья схватилъ Добрыню за руки, и баба Горынинка повела ихъ къ своему глубокому погребцу. Стали Илья съ Добрыней у глубокаго погребца и удивляются богатыри, что много золота и серебра, и цвѣтнаго, все Русскаго, платья. Оглянулся Илья Муромецъ въ широкое поле; въ это время Добрыня Никитичь срубилъ бабѣ голову.

Эта пѣсня замѣчательна въ отношеніи художественномъ, въ отношеніи характеристики богатырей и наконецъ своми намеками. Какъ художественна въ пѣснѣ минута, когда отвязываетъ Збутъ выжлока отъ стремени и спускаетъ сокола съ руки; это многозначительная минута въ его жизни; но почему? но какъ? — неизвѣстно; объ этомъ можно только догадываться. Сама эта неизвѣстность составляетъ художественную прелесть. Это минута, выхваченная изъ жизни; она сама ярко освѣщена, но ее окружаетъ туманъ неизвѣстности прошедшихъ и настоящихъ обстоятельствъ. Это особенный, чисто художественный взглядъ на жизнь, когда вырванное изъ нея явленіе, поставленное ярко передъ нами, даетъ предчувствовать много другихъ явленій, его окружающихъ и съ нимъ связанныхъ, теряющихся въ безконечномъ пространствѣ жизни, когда при этомъ, чисто частномъ явленіи, человѣкъ чувствуетъ все многообразіе и безконечность жизни, его окружающей. Здѣсь частное явленіе выходитъ передъ вами какъ будто съ обрывками, которые и сообщаютъ ему такой характеръ. Далѣе: какъ хорошо, и художественно хорошо, это простое движеніе Ильи, когда наглядѣлся онъ на золото и серебро, и вдругъ захотѣлось ему оглянуться въ поле, движеніе, которымъ воспользовался Добрыня на бѣду бабѣ Горынинкѣ. — Относительно характеристики богатырей, эта пѣсня тоже очень важна. Какъ благодушенъ Илья, который богатыря, пустившаго ему въ груль стрѣлу, только хватаетъ на руки, кидаетъ на воздухъ, опять подхватываетъ и кладетъ невредимаго на землю, давъ ему почувствовать свою силу. Много также выска-

зываютъ его собственныя слова, отличающія его отъ другихъ витязей: если бы ты попался нашимъ Русскимъ богатырямъ, они бы не отпустили тебя живаго отъ Кіева.— Наконецъ, онъ хватаетъ за руку Добрыню, не давая ему рѣзать грудь у бабы Горынцики; только пользуясь тѣмъ, что Илья заглядѣлся въ поле, Добрыня срубаетъ голову бабѣ. — Какъ всюду здѣсь явственно выступаетъ Илья, этотъ могучій выше сравненія, благодушный богатырь!—Въ этой пѣснѣ есть замѣчательный намекъ, необъяснимый при томъ видѣ и количествѣ пѣсенъ, въ какомъ они намъ извѣстны. Збутъ Королевичь — сынъ Ильи. Въ своемъ отвѣтѣ Ильѣ, онъ не называетъ себя сыномъ Короля Задонскаго, а просто говоритъ: *я того Короля Задонскаго;* по этому отвѣту, онъ могъ принадлежать къ его семьѣ или роду, быть его внукомъ, происходить отъ него. Не говорится, чтобы его мать была женою Короля Задонскаго. Когда Збутъ разсказалъ своей матери о встрѣчѣ съ Ильею, въ пѣснѣ говорится:

Еще втапоры его (королевича) матушка,
Того Короля Задонскаго.

Здѣсь этотъ оборотъ вовсе не значитъ, чтобы она была матерью Короля Задонскаго; она — мать Королевича. Выраженіе: *того Короля Задонскаго*, имѣтъ свой отдѣльный смыслъ. Мы не имѣемъ причины заключить изъ этого выраженія, чтобъ мать Збута была женою Короля Задонскаго; она могла быть его дочерью, принадлежать къ его семьѣ. По всему мы, кажется, должны скорѣе предположить, что она дочь Задонскаго Короля; намъ кажется, что и неоконченный оборотъ самый съ родительнымъ падежемъ можетъ скорѣе означать это, какъ и вообще нисходящую линію. Припомнимъ, что въ этомъ смыслѣ говорилось: *Храбраго Долгорукаго*; и пр. что такимъ образомъ явились прозвища: *Живаго, Бѣлаго* и пр.—Алеша Поповичь также говоритъ про себя: меня зовутъ Алешею Поповичемъ, изъ города Ростова,—стараго попа соборнаго. — Но если справедливо наше предположеніе, и мать Збута—дочь или родственница Задонскаго Короля, то тѣмъ не менѣе требуетъ объясне-

нія самое обстоятельство. Илья Муромецъ, не такъ же ли, какъ Рустемъ, былъ нѣкогда въ гостяхъ у Короля Задонскаго, женился на его дочери или родственницѣ, и уѣхалъ, уступая требованіямъ своей богатырской жизни или даже обязанности? Будемъ ждать, чтобы какая нибудь вновь узнанная пѣсня объяснила намъ эту загадку; во всякомъ случаѣ, мы несомнѣнно увѣрены, что объясненіе можетъ быть только такое, которое вполнѣ согласуется съ чистымъ, благимъ и великимъ образомъ перваго Русскаго богатыря.

Есть еще пѣсня, очень важная для характеристики Ильи Муромца, вотъ она:

Далече, далече, въ чистомъ полѣ, что ковыль трава въ чистомъ полѣ шатается, ѣздитъ въ полѣ старъ матеръ человѣкъ, старый богатырь, Илья Муромецъ; конь подъ нимъ, какъ лютый звѣрь; онъ самъ на конѣ, какъ ясенъ соколъ. На этотъ разъ было съ Ильею много денегъ. На богатыря нападаютъ станишники или разбойники; окружили его со всѣхъ сторонъ,

Хотятъ его стараго ограбити,
Съ душой, съ животомъ разлучить хотятъ.

Братцы станишники, говоритъ имъ Илья Муромецъ,

Убить меня стараго вамъ не за что,
А взяти у стараго нечего.

Илья вынулъ изъ налушна крѣпкій лукъ, вынулъ каленую стрѣлу;

Онъ стрѣляетъ не по станишникамъ,
Стрѣляетъ онъ старый по сыру дубу.

Вспѣла тетива у тугого лука, угодила стрѣла въ крѣпкой дубъ, изломала дубъ въ черенья ножевые. Станишники попадали съ коней, лежатъ безъ памяти на землѣ. Опомнившись, они бьютъ челомъ Ильѣ Муромцу и просятъ взять ихъ въ вѣчное холопство (службу), обѣщая дать рукописанье служить ему до вѣку. На это Илья отвѣчаетъ имъ только:

А и гой есть (есте) вы братцы станишники!
Поѣзжайте отъ меня во чисто поле,

Скажите вы Чурилѣ сыну Пленковичу
Про стараго козака Илью Муромца.

Въ этой краткой пѣснѣ является Илья со всѣмъ своимъ характеромъ. На него нападаютъ разбойники: онъ можетъ ихъ всѣхъ перебить, но онъ не хочетъ кровопролитія; онъ показываетъ имъ свою силу, разбиваетъ стрѣлою въ дребезги дубъ и тѣмъ удерживаетъ ихъ нападеніе. Величавое благодушіе Ильи здѣсь все на виду. Пѣсня оканчивается намекомъ на какія-то отношенія къ Чурилѣ Пленковичу, намекомъ, необъяснимымъ покуда.

Въ Московскомъ Сборникѣ (т. 1.) помѣщена пѣсня объ Ильѣ Муромцѣ и о другихъ богатыряхъ; она сохранилась въ очень древнемъ видѣ (хотя конечно есть и позднѣйшіе наросты) и чрезвычайно замѣчательна. Въ ней разсказанъ бой богатырей съ богатыремъ изъ земли Козарской. Тамъ сказано: земли Жидовской, но мы принимаемъ объясненіе А. С. Хомякова, который такъ разумѣетъ землю Жидовскую. — Названіе земли Козарской землею Жидовскою показываетъ, по нашему мнѣнію, чрезвычайную древность самой пѣсни; ибо, слѣдовательно, въ эту эпоху было въ свѣжей памяти, что Козаре исповѣдуютъ вѣру Жидовскую.—Разскажемъ, хотя вкратцѣ, эту замѣчательную пѣсню.

Подъ Кіевомъ стоитъ богатырская застава; на заставѣ атаманъ — Илья Муромецъ; податаманье — Добрыня Никитичь, есаулъ—Алеша Поповичь. Кромѣ того были у нихъ Гришка боярскій сынъ и Васька долгополый. — Всѣ богатыри были въ разъѣздѣ: Гришка жилъ кравчимъ; Алеша Поповичь ѣздилъ въ Кіевъ; Илья Муромецъ былъ въ чистомъ полѣ; Добрыня ѣздилъ за охотою къ синему морю. Возвращаясь съ охоты, увидалъ Добрыня *ископыть великую*. А. С. Хомяковъ говоритъ, что это означаетъ глыбу, вырванную копытомъ изъ земли: мы, можетъ быть, только опредѣлимъ его мысль, если скажемъ, что это не глыба, вырванная изъ земли, а изъ самаго копыта выпавшая земля, прежде туда набившаяся.—Увидавъ эту ископыть, а ископыть была величиною съ пол-печи, догадался Добрыня, что тутъ проѣхалъ сильный богатырь. Пріѣхавъ

на богатырскую заставу, онъ собралъ братію приборную (т. е. гдѣ всѣ одинъ къ другому прибраны и составляютъ братской союзъ, гдѣ есть и общая казна) и говоритъ: что устояли мы на заставѣ, братцы, что углядѣли? Мимо заставы нашей проѣхалъ богатырь.—Стали думать, кого послать за дерзкимъ богатыремъ. Хотѣли послать Ваську долгополаго.—Это не ладно, говоритъ Илья Муромецъ, запутается Васька въ длинныхъ полахъ и пропадетъ по напрасну.—Рѣшили послать Гришку, боярскаго сына.—Не ладно, говоритъ опять Илья Муромецъ,

Гришка рода боярскаго—
Боярскіе роды хвастливые;

призахвастается онъ на бою и пропадетъ по напрасну.—Рѣшились на Алешу Поповича.—Не ладно, говоритъ опять Илья, Алеша увидитъ на богатырѣ много золота и серебра, засмотрится, и пропадетъ по напрасну.—Какъ вѣрно опять выставляется здѣсь характеръ Алеши, онъ же и завѣдываетъ общею казною: какъ видно, деньги по его части, и можно положиться на него, что онъ копѣйки не пропуститъ. Рѣшили послать Добрыню, и Добрыня поѣхалъ и нагналъ богатыря, но когда помчался на него огромный Козарской богатырь, когда задрожала земля и вода въ озерахъ изъ береговъ выступила—Добрыня радъ былъ только, что могъ ускакать отъ страшнаго противника. Пріѣхалъ Добрыня на заставу и разсказалъ все, какъ было.—Больше замѣниться не кѣмъ, говоритъ Илья, видно ѣхать самому атаману.—Поѣхалъ Илья и нагналъ Козарина; онъ также помчался на Илью, также задрожала земля и выступила вода изъ озера, но не испугался Илья, и начался страшный бой. Палицы, сабли и копья изломались и были брошены; идетъ рукопашный бой; они бьются до вечера, до полуночи, до бѣла свѣта. Поскользнулась нога у Ильи и упалъ онъ на землю. Казаринъ сѣлъ ему на грудь, вынулъ чингалище, чтобъ пороть бѣлую грудь и смѣется надъ Ильею. Лежитъ Илья подъ богатыремъ, но помнитъ онъ, что

Написано было у Святыхъ Отцовъ,

Удумано было у Апостоловъ,
Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ побитому.

На землѣ, втрое силы прибыло у Ильи, онъ ударилъ въ грудь Казарина и вскинулъ его на воздухъ. Вскочилъ Илья, отрубилъ ему голову и ѣдетъ на богатырскую заставу. Встрѣчаетъ его Добрыня со всей братьею. Илья сбрасываетъ голову съ копья и говоритъ только:

Ѣздилъ во полѣ тридцать лѣтъ,
Экова чуда не наѣзживалъ.

Въ этой прекрасной и многозначительной пѣсни, въ которой Илья Муромецъ такъ выпукло и ясно выдается, образъ его все тотъ же: та же неодолимая сила и то же спокойствіе; отсутствіе всякаго раздраженія этой силы въ бою, и отсутствіе всякаго тщеславія и похвальбы въ побѣдѣ; пріѣхавши, Илья не хвастаетъ и не удивляется своей побѣдѣ,—онъ говоритъ только, что тридцать лѣтъ не наѣзживалъ такого чуда. Постоянно и вездѣ представляетъ Илья полное и великое сочетаніе силы духовной и тѣлесной; духовная умѣряетъ грубость и матеріальность тѣлесной силы, которая безъ нея была бы безправна и оскорбительна.

Но, создавъ богатыря страшной силы, народная фантазія не остановилась на этомъ. Она создаетъ еще богатыря: необъятную громаду и необъятную силу; его не держитъ земля; на всей землѣ нашелъ онъ одну только гору, которая можетъ выносить его страшную тяжесть и лежитъ на ней, неподвижный. Прослышалъ о богатырѣ Илья Муромецъ, и идетъ съ нимъ помѣрить силы; онъ отыскиваетъ его и видитъ, что на горѣ лежитъ другая гора: это богатырь. Илья Муромецъ, не робѣя, выступаетъ на бой, вынимаетъ мечь и вонзаетъ въ ногу богатырю.—Никакъ я зацѣпился за камушекъ, говоритъ богатырь. Илья Муромецъ наноситъ второй ударъ, сильнѣе перваго.—Видно я задѣлъ за прутикъ, говоритъ богатырь, и обернувшись прибавляетъ: это ты, Илья Муромецъ: слышалъ я о тебѣ; ты всѣхъ сильнѣе между людьми, ступай и будь тамъ силенъ. А со мною нечего тебѣ мѣрять силы; видишь, ка-

кой я уродъ; меня и земля не держитъ; я и самъ своей силѣ не радъ.

Какъ бы въ дополненіе и объясненіе къ образу Ильи Муромца, какъ бы въ отвѣтъ на сокровенный вопросъ: почему не могло быть силы, еще болѣе громадной, чѣмъ у Ильи,—народная фантазія становитъ предѣлы силѣ богатырской, и создаетъ образъ силы необъятной, чисто внѣшней, матеріальной, не нужной и безполезной даже тому, кто ею обладаетъ. Это сила уже безъ воли. Здѣсь сила приближается уже къ стихіи, какъ сила воды, вѣтра, и не возбуждаетъ ни зависти, ни соревнованія. Грустенъ образъ этого одинокаго богатыря, лежащаго на единственной подымающей его горѣ, о которомъ и не упоминается больше въ разсказахъ,—и еще болѣе выигрываетъ богатырь Илья Муромецъ, величайшая *человѣческая сила*, соединенная и съ силою духа.

Въ разсказѣ о громадномъ богатырѣ, Илья Муромецъ какъ бы на сей разъ отступаетъ отъ своего обычая и права. Въ самомъ дѣлѣ нигдѣ и никогда Илья не испытываетъ силы, не выказываетъ ее, не тѣшится ею, какъ другіе богатыри; она всегда у него полезное орудіе для добраго дѣла только; не любитъ крови его мирная, вовсе не воинственная душа. Здѣсь же напротивъ онъ идетъ мѣрять силу.—Но нужно было народной фантазіи такое соперничество, чтобы высказать мысль народную;—къ тому же чисто внѣшняя и громадная сила вызвала и въ Ильѣ эту сторону силы внѣшней, и на сей разъ онъ является только, какъ богатырь; но онъ мѣряетъ силу съ богатыремъ-стихіей, съ воплощеннымъ чудомъ, и здѣсь понятно и возможно такое желаніе въ богатырѣ Ильѣ Муромцѣ.

Мы старались, сколько возможно яснѣе, очертить образъ Ильи Муромца, перваго Русскаго богатыря,—и крестьянина, образъ, вѣрно сохраненный во всѣхъ разсказахъ и пѣсняхъ, какъ это можно было видѣть изъ всѣхъ свидѣтельствъ, приведенныхъ нами. Сила и кротость, внѣшнія битвы, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, и миръ внутренній, вслѣдствіе высокаго православнаго строя его души, непобѣдимость богатыря и смиреніе Христіанина, однимъ

словомъ, соединеніе силы тѣлесной и силы духовной—таковъ нашъ Русскій богатырь Илья Муромецъ.

Мы должны сказать еще объ одной весьма замѣчательной пѣснѣ, о которой мы уже упоминали мелькомъ въ нашей статьѣ. Это пѣсня объ Ильѣ Муромцѣ: она помѣщена въ Москвитянинѣ (1843. N 11). Образъ Ильи Муромца въ ней не тотъ, каковъ во всѣхъ остальныхъ пѣсняхъ и разсказахъ; но пѣсня составляетъ совершенный особнякъ и очевидно, по самому сочиненію, древности позднѣйшей. Это можно видѣть уже и потому, что она представляетъ цѣлое, съ началомъ и концемъ, тогда какъ древнія пѣсни дошли до насъ только въ отрывкахъ одной великой эпопеи; къ тому же въ пѣснѣ этой не говорится о многихъ обстоятельствахъ, извѣстныхъ намъ изъ другихъ пѣсенъ и преданій. Кромѣ того, отношенія Владиміра и богатырей между собою, какъ видно, не тѣ; встрѣчаются слова эпохи позднѣйшей, на пр. *ваша милость*, какъ эпитетъ Владиміра, *слуги, вси Государевы вотчины*,—слова, не встрѣчаемыя (что очень замѣчательно) въ пѣсняхъ древнихъ. Владиміръ называется даже однажды Царемъ. Тѣмъ не менѣе, пѣсня эта—произведеніе чисто народное и древнее, но только эпохи позднѣйшей; сверхъ всего этого, многія выраженія, обстановка и вообще складъ всей пѣсни показываютъ, что это не древняя Владиміровская пѣсня съ позднѣйшими наростами, но что она *сочинена* была въ позднѣйшее время, и въ свою очередь имѣетъ наросты послѣдующаго времени; языкъ чисто сохраняетъ свой древній складъ и силу. Илья Муромецъ послужилъ здѣсь канвою, конечно по какимъ нибудь отношеніямъ, для новаго народнаго созданія. И понятно, что какую-нибудь особую, небывалую прежде мысль, народъ воплотилъ въ образѣ своего народнаго богатыря. И такъ, признавая эту пѣсню все за произведеніе народное, мы признаемъ за нею важное и великое значеніе. Но ея не надобно смѣшивать съ древними пѣснями объ Ильѣ Муромцѣ, какъ не надобно смѣшивать древняго и живущаго до сихъ поръ въ общемъ народномъ преданіи Ильи Муромца съ Ильею этой исключительной, но все же чисто народной и не даромъ сложившейся пѣсни. Пѣсня

эта разсказываетъ всю повѣсть объ Ильѣ Муромцѣ, и по этому говоритъ и о многихъ извѣстныхъ уже обстоятельствахъ; встрѣчаются и выраженія цѣликомъ изъ древнѣйшихъ пѣсенъ; но всему приданъ особый, только здѣсь встрѣчающійся отпечатокъ; разскажемъ эту замѣчательную пѣсню.

Въ этой пѣснѣ также Илья Муромецъ проситъ благословенія у отца на дальнюю дорогу; ѣдучи въ Кіевъ дорогою, которая залегла тридцать лѣтъ, онъ также сшибаетъ стрѣлою Соловья съ гнѣзда и везетъ его съ собою.

Илья Муромецъ пріѣзжаетъ къ городу Кидашу и избиваетъ облегшую городъ Литовскую силу. Это прибавка. Въ пѣснѣ измѣнена нѣсколько встрѣча Ильи Муромца съ сыновьями Соловья, которымъ Соловей не велитъ драться съ Ильей, а поднести ему золота и серебра, но Илья не прельщается на это. Есть разсказъ о дочери Соловья, которая была на Дунаѣ перевощицей и не хотѣла перевезти Илью Муромца. Сошедши съ лошади и взявъ поводъ въ лѣвую руку, Илья нарвалъ правою рукою дубовъ съ кореньями, сдѣлалъ мостъ, перешелъ и убилъ дочь Соловья. Этотъ разсказъ тоже прибавленіе. Но далѣе, опять, также какъ въ древнихъ пѣсняхъ, пріѣзжаетъ Илья Муромецъ на дворъ Княженецкій съ Соловьемъ разбойникомъ, также входитъ на пиръ Князя Владиміра, также кланяется ему и на всѣ четыре стороны.... но не тотъ же пріемъ встрѣчаетъ крестьянинъ Илья. Владиміръ говоритъ ему:

Еще здравствуй ты дѣтина шельшина (сельщина),
Ты дѣтина шельшина, да деревенщина!
Ты откуль ѣдешь, да откуль идешь?
Ты какихъ родовъ, да какихъ городовъ?

Илья Муромецъ отвѣчаетъ: я—города Мурома, села Карачарова, Илья Муромецъ сынъ Ивановичь;

Я пріѣхалъ ко вашею (й) ко милости
Прочистилъ я дороженьку да прямохожую,
Прямохожую да прямоѣзжую,
А изъ Мурома да до Кидаша,
А изъ Кидаша да до Кіева
Все до вашею (й) да до милости

Я убилъ (ушибъ) Соловья вора-разбойничка,
Воръ-разбойничка да воръ Ахматова,
Да привезъ его къ вамъ на показанье.

Врешь ты дѣтина—шельшина, полыгаешься, отвѣчаетъ ему Владиміръ, издѣваешься надо мною Княземъ.—Иди на свой широкой дворъ, говоритъ Князю Илья, изволь смотрѣть Соловья разбойника.—Князь надѣлъ богатую шубу, зарукавья и ожерелья, и повели его слуги подъ руки на его широкій дворъ. Тамъ,

У Ильи конь стоитъ, какъ гора лежитъ;

у стремени привязанъ Соловей--разбойникъ. Князь проситъ его посвистать по соловьиному. Соловей отказывается:

Тогда Князь проситъ Илью, чтобъ онъ заставилъ Соловья посвистать по соловьиному. Илья исполняетъ просьбу Князя; Соловей слушается Ильи, засвисталъ, забилъ въ ладони, зашипѣлъ и заревѣлъ, тогда:

Темны лѣсы къ землѣ преклонилися,
Мать рѣка Смородина со пескомъ сомутилася.
Потряслись всѣ палаты бѣлокаменны,
Полетѣло изъ дымолокъ (трубъ) кирпичье заморское,
Полетѣли изъ окопницъ стекла аглицкія,
Еще Князь-отъ стоитъ да въ худой душѣ (чуть живъ).

Князь проситъ Илью унять Соловья разбойника. Илья сталъ унимать его по своему, схватилъ за черныя кудри, ударилъ о землю, кинулъ вверхъ выше наугольной башни и хлопнулъ его напослѣдокъ о сырой камень. Такъ погибъ Соловей разбойникъ. Илью повели слуги подъ руки, посадили его *съ краю стола, и съ краю скамьи* (а не въ большое мѣсто). Тогда самъ Илья говоритъ: Славный Князь Кіевской и Владимірской! дай мнѣ обѣручную чашу зелена вина въ полтора ведра.—Несутъ чашу Ильѣ: онъ беретъ одной рукой и выпиваетъ однимъ духомъ. Ему кажется еще мало. Дай, говоритъ Илья, еще чашу обѣручную зелена вина въ два ведра.—Илья взялъ одной ру-

кою чашу и выпилъ однимъ духомъ. Тутъ Илью *маленько ошабурило*, онъ хотѣлъ поладиться, поправиться и поломалъ дубовыя скамьи и погнулъ желѣзныя сваи; а у Князя было много гостей, бояре, купцы, богатыри. Илья Муромецъ поприжалъ ихъ всѣхъ въ большой уголъ. Князь говоритъ Ильѣ: Илья Муромецъ сынъ Ивановичь!

Помѣшалъ ты всѣ мѣста да ученыя
Погнулъ ты у насъ сваи да всѣ желѣзныя.
У меня промежъ каждымъ богатыремъ
Были сваи желѣзныя,
Чтобъ они въ пиру да напивалися,
Напивалися да не столкалися.

Князь сверхъ того проситъ Илью: изволь у насъ попить, поѣсть, изволь у нашей милости воеводой жить. Но Илья отвѣчаетъ:

Не хочу я у васъ ни пить, ни ѣсть,
Не хочу я у васъ воеводой жить.

Онъ всталъ на ноги, онъ вынулъ шелковую плетку о семи хвостахъ съ проволокой, онъ сталъ гостей поколачивать, да поворачивать, бьетъ и самъ приговариваетъ:

На пріѣздѣ гостя не употчивали,
А на поѣздинахъ да не учествовали,—
Эта ваша мнѣ честь не въ честь.

Всѣхъ до единаго избилъ Илья, не оставилъ никого на сѣмена.

Еще Царь-то въ ту пору, да въ то времечко
Собольей шубкой закинулся.—
Илья-то тутъ—и былъ, и нѣтъ.—
Нѣтъ ни вѣсти, ни повѣсти,
Нынѣ и до вѣку.

Изъ послѣднихъ словъ видно, что Илья скрылся куда-то, и тѣмъ оканчивается о немъ пѣсня, напоминающая своимъ окончаніемъ сказаніе о Маркѣ Кралевичѣ и Фридрихѣ Барбаруссѣ.

Кромѣ богатырей, о которыхъ мы такъ подробно говорили, есть и другіе богатыри того же Владимірова времени; о нихъ говорится въ Сборникѣ Кирши Данилова. Скажемъ и о нихъ; но отдавать такой же подробный отчетъ объ этихъ богатыряхъ мы не считаемъ нужнымъ, ибо особенности ихъ не выдаются въ тѣхъ по крайней мѣрѣ пѣсняхъ, которыя дошли до насъ; вѣроятно, все это нашли бы мы въ тѣхъ пѣсняхъ, которыя намъ неизвѣстны; намеки на другія пѣсни или разсказы о богатыряхъ встрѣчаются и здѣсь. Изъ всѣхъ другихъ пѣсенъ Сборника К. Д. видно, какъ всѣ витязи, всѣ удалые молодцы съѣзжались со всѣхъ сторонъ «къ городу Кіеву, ко ласковому Князю Владиміру», и не только витязи, но и бояре и купцы богатые, да и всѣ, кого только манилъ Кіевъ и Князь его, Владиміръ-красное солнышко.

Къ Владиміру ѣдетъ богатый Дюкъ Степановичъ, въ своемъ серебряномъ куякѣ и панцырѣ, въ золотой кольчугѣ, съ своими стрѣлами драгоцѣнными, изъ которыхъ тремъ стрѣламъ цѣны нѣтъ.

Потому тѣмъ стрѣламъ цѣны не было:
Колоты онѣ были изъ трость-дерева,
Строганы тѣ стрѣлы во Новѣгородѣ,
Клеены онѣ клеемъ осетра рыбы,
Перены они перьецомъ сиза орла
А сиза орла, орла орловича,
А того орла, птицы Камскія.

Въ ушахъ у каждой стрѣлы вставлено по драгоцѣнному камню: подлѣ ушей перевито Аравійскимъ золотомъ. Самъ Дюкъ молодъ и красавецъ; всѣ гости Владиміра дивились, глядя на него, когда явился онъ среди нихъ на пиру княженецкомъ. Въ разсказѣ о Дюкѣ Степановичѣ виденъ также намекъ: ибо Владиміръ, оскорбленный тѣмъ, что Дюкъ осудилъ его пировое угощенье, и пріѣхавъ въ его богатый домъ съ намѣреніемъ (какъ можно догадываться) непріязненнымъ, говоритъ Дюку:

Каково про тебя сказывали—
Таковъ ты и есть.

Ко Владиміру ѣдетъ и Михайло Казариинъ, почти такъ же, какъ и Дюкъ, богато вооруженный:

А и ѣдетъ ко городу Кіеву,
Что ко ласкову Князю Владиміру,
Чудотворцамъ въ Кіевѣ молитися
И Владиміру Князю поклонитися.

У Владиміра на пиру сидитъ и Потокъ Михайло Ивановичъ. Послалъ Потока Владиміръ настрѣлять ему гусей, бѣлыхъ лебедей, перелетныхъ малыхъ уточекъ. Потокъ не пьетъ ни пива, ни вина, молится Богу и идетъ вонъ изъ гридни. Скоро садится Потокъ на добраго коня; только его и видѣли, какъ онъ за ворота выѣхалъ, а тамъ

Въ чистомъ полѣ лишь дымъ столбомъ.

Исполнилъ Потокъ просьбу Владиміра, настрѣлялъ птицъ, и хочетъ уже ѣхать отъ синяго моря,—вдругъ видитъ бѣлую лебедь; она была черезъ перо вся золотая, головка увита краснымъ золотомъ и усажена скатнымъ жемчугомъ. Взялъ Потокъ лукъ и стрѣлу, натянулъ лукъ,

Заскрипѣли полосы булатныя,
И завыли рога у туга лука;—

И только что спустить было ему калену стрѣлу, какъ заговорила бѣлая лебедь: не стрѣляй меня, Потокъ Михайло Ивановичъ; я можетъ-быть пригожусь тебѣ.—Лебедь вышла на берегъ и вдругъ обернулась красной дѣвицей. Потокъ воткнулъ въ землю копье, взялъ за бѣлыя руки дѣвицу, цѣлуетъ ее въ уста. Красная дѣвица согласилась выдти за него за мужъ, опять обернулась лебедью и полетѣла къ Кіеву. Потокъ, не мѣшкая, поскакалъ туда же. Окончаніе этой пѣсни напоминаетъ извѣстный разсказъ изъ «Тысячи и одной ночи».

На богатырской скамьѣ, въ свѣтлой гридиѣ Владиміра, сидитъ и Иванъ, гостиный сынъ, хотя онъ, кажется, и не богатырь; онъ добрый и простой малой. На пиру княженецкомъ и Иванъ Годиновичъ, также не называемый богатыремъ; его сватаетъ Владиміръ на дочери Дмитрія, богатаго гостя въ Черниговѣ. На пиру у Князя и Ставръ боя-

рииъ. На пиру же сидятъ и Авдотья, жена Блудова (Блуда), и Авдотья, жена Чесова (Чеса). Сынъ первой Горденъ Блудовичь тоже не въ числѣ богатырей, но можетъ-быть это только по ранней молодости, потому что Горденъ—могучій юноша. Онъ заступается за мать, оскорбленную на пиру Авдотьей, Чесовой женой, перебиваетъ всѣхъ ея девять сыновей, и потомъ женится на ея дочери, Авдотьѣ Чесовичнѣ. Въ Кіевъ приходятъ и богомольцы, сорокъ каликъ со каликою, на пути въ Ерусалимъ; это пѣсня высокаго достоинства и весьма замѣчательна.—Наконецъ къ Владиміру пріѣзжаетъ богатый гость, Соловей Будиміровичь. Мы не говоримъ о немъ, какъ и о другихъ лицахъ Владимірова времени, подробно; задача нашей статьи: богатыри Князя Владиміра, но не весь міръ его. Со временемъ, можетъ быть, мы скажемъ о всей этой праздничной эпохѣ, также и о послѣдующихъ, какъ представляются онѣ въ нашихъ пѣсняхъ. Пѣсня о Соловьѣ Будиміровичѣ прекрасна; она начинается этими многозначущими словами, которыя могутъ быть эпиграфомъ къ Русской народной поэзіи:

Высота ли высота, поднебесная,
Глубота, глубота—океанъ море,
Широко раздолье по всей земли!

Въ этихъ стихахъ становитъ себѣ размѣры Русскій человѣкъ,—и какіе размѣры!

Константинъ Аксаковъ.

РАЗСКАЗЪ СОВРЕМЕННИКА-ПОЛЯКА

О ПОХОДАХЪ ПРОТИВЪ ГАЙДАМАКЪ.

(статья изъ втораго тома «Записокъ о Южной Руси»).

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ «ЗАПИСОКЪ О ЮЖНОЙ РУСИ».

Изъ преданій, помѣщенныхъ въ первомъ томѣ «Записокъ о Южной Руси», мы видѣли, какъ нашъ Украинскій народъ смотритъ на гайдамакъ. Сочувствія къ нимъ не обнаружилъ ни одинъ разскащикъ. Гайдамаки были ужасомъ всѣхъ мирныхъ жителей; ихъ не боялись только дѣти и бѣдняки, которымъ нечего было терять. Но когда вспомнимъ, что первыя войны козаковъ съ Польскимъ дворянствомъ были не что иное, какъ гайдамачество, что войны Хмѣльницкаго были только его продолженіемъ въ огромныхъ размѣрахъ, и что оно не прекращалось въ Западной Украйнѣ, на Волыни и на Подольи до послѣднихъ временъ существованія Запорожья: то непремѣнно придемъ къ заключенію, что это зло, при всей своей великости, должно было явиться не иначе, какъ по закону противодѣйствія какому-то другому, гораздо нестерпимѣйшему для гражданскаго общества злу, а можетъ-быть и многимъ203 зламъ, которыя его породили и постоянно поддерживали. Еслибъ оно происходило только отъ дикаго побужденія извѣстнаго класса людей завладѣть чужимъ достаткомъ, то никогда

не достигло бы такого страшнаго развитія, не образовало бы цѣлой націи хищниковъ и убійцъ, какою является козачество, и не родило бы въ ней поэтическаго взгляда на свои кровавые подвиги. Какъ бы ни велика была наглость сборища злодѣевъ; но если они не будутъ имѣть искренняго убѣжденія въ законности своихъ подвиговъ, то не станутъ ими хвалиться всенародно въ героическихъ пѣсняхъ, да и самъ народъ не будетъ помнить ихъ пѣсенъ въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній. Что̀ касается до мирныхъ жителей, то они, вѣроятно, терпѣли столько же, если не больше, и отъ козаковъ Наливайка, которые, какъ по необходимости, такъ и по недостатку правильнаго военнаго устройства, безъ сомнѣнія, захватывали на пути своемъ, что̀ могли, у зажиточныхъ людей; они не сочувствовали и козакамъ Хмѣльницкаго, какъ это мы знаемъ изъ «Лѣтописи Самовидца»; они всегда страдали такъ или иначе не только отъ охочекомонныхъ, но и отъ реестровыхъ козаковъ, которые, въ массѣ своей, не отличались ни благородствомъ убѣжденій, ни рыцарскимъ великодушіемъ. Что́ же мудренаго, если ватаги Зализняка, Швачки и другихъ героевъ Колінвщины памятны народу только по нападеніямъ на дворы богатыхъ людей и по жестокостямъ? Это ближе касалось народа, нежели неясная и для самыхъ гайдамакъ цѣль, къ которой они стремились. Теперь, когда наши матеріальные и нравственные интересы такъ непохожи на тогдашніе и когда старыя симпатіи и антипатіи уступили мѣсто новымъ, мы смотримъ съ равнымъ участіемъ, какъ на тѣхъ, которые терпѣли безъ вины отъ неистовствъ разнузданной толпы *затяжцевъ*, такъ и на тѣхъ, которые, будучи дикими грабителями своихъ братій, въ тоже самое время рисковали своею жизнью ради мечтательной независимости своего племени; и по этому для насъ равно интересны разсказы сѣдовласыхъ свидѣтелей гайдамацкаго варварства и героическія пѣсни самихъ гайдамакъ, въ которыхъ они хвалятся своими подвигами передъ цѣлымъ свѣтомъ. Да и самъ народъ, проклиная ихъ неистовства, въ тоже время усвоиваетъ себѣ ихъ пѣсни и передаетъ будущимъ поколѣніямъ ихъ кровавую славу. На примѣръ, се-

го́дня я записываю отъ него преданіе о низкомъ тиранствѣ надъ какимъ-нибудь Дригою (¹), а завтра въ томъ же самомъ кружкѣ поютъ мнѣ:

Максимъ, коза́къ Залізнякъ зъ сла́вного Запорожжа,
Процвітае на Вкраіні, якъ въ городі ро̀жа.
Роспутивъ військо коза́цьке въ сла́внімъ місті Жаботині—
Гей разлилась козацька сла́ва по всій Украіні!
. . . .
И гово́рить Максимъ коза́къ, сидючи въ неволі:
«Не будуть мать вра́жі Ляхи на Вкраіні во́лі!
Течуть річки зъ всёго́ світу до Чо̀рного моря —
Минулася на Вкраіні Жидівськая воля!»

Впрочемъ, каковы бъ ни были предубѣжденія противъ или въ пользу гайдамакъ у ихъ современниковъ, или ближайшаго къ нимъ поколѣнія, но если только съ этими предубѣжденіями до насъ доходятъ какія-нибудь черты, взятыя съ натуры, то наше дѣло — сперва все принять къ свѣдѣнію, а потомъ уже подвергать преданія критической разработкѣ. До сихъ поръ я представлялъ записанное мною отъ Малороссіянъ и говорилъ отъ себя о гайдамакахъ, какъ Малороссіянинъ. На сколько чистой истины въ собранныхъ мною народныхъ преданіяхъ и до какой степени былъ я безпристрастенъ въ своихъ замѣткахъ, это рѣшатъ будущія открытія и изысканія. Теперь посмотримъ, что̀ помнятъ о гайдамакахъ ихъ враги, Польскіе дворяне. Я не буду говорить о запискахъ Липпомана, Кребсовой и другихъ, извѣстныхъ намъ печатно. У меня въ рукахъ находится неизданная рукопись, составленная по разсказамъ стараго Польскаго пана, Симона Закревска́го (Zakrzewski), который въ молодости не одинъ разъ имѣлъ самъ дѣло съ гайдамаками. За доставленіе ея мнѣ я обязанъ благодарностью знаменитому Польскому писателю М. А. Грабовскому, неутомимому изыскателю Польско-Украинской старины. Я переведу ее здѣсь не всю, оставляя въ сторонѣ то, что̀ ис-

(1) Зап. о Южной Руси. т. I. стр. 246—249.

тересно собственно для Поляковъ; но въ своихъ извлеченіяхъ не опущу ни одной черты, характеризующей Поляка по отношенію къ гайдамакамъ. Воспоминанія пана Закревскаго имѣютъ въ моихъ глазахъ тотъ особенный интересъ, что изображаютъ гайдамачество на Волыни и на Подольи, тогда какъ почти всѣ до сихъ поръ изданные памятники заключали его въ тѣсную рамку Западной Украйны. Они даютъ намъ новое понятіе объ обширности поприща, на которомъ подвизались предпріимчивые Запорожскіе витязи грабежа и убійства въ провинціяхъ Польскаго королевства, и о непрерывности ихъ набѣговъ. Съ другой стороны, здѣсь представлена картина домашняго и общественнаго быта Польскихъ пановъ въ пограничныхъ городахъ. Ихъ безконечныя увеселенія и попойки были отъ времени до времени прерываемы появленіемъ гайдамакъ, то въ видѣ осторожныхъ хищниковъ, то въ видѣ грозныхъ убійцъ и грабителей. Вѣчно праздное и безпечное Польское общество сталкивалось съ предпріимчивыми Запорожскими «молодцами» и едва находило у себя столько средствъ, чтобы прогнать, или истребить небольшую ватагу гайдамакъ... Но читатель увидитъ это изъ разсказа самаго Закревскаго.

.... Находился я при дворѣ князей Любомирскихъ болѣе десяти лѣтъ, но не въ качествѣ дворянина, а въ качествѣ пріятеля дома. Шумно и весело жили тогда въ Ровномъ. Домашнихъ толпа, гостей каждый день биткомъ набито; пиры, музыка, танцы, открытые столы, кубки за кубками, осушаемые при громѣ мортиръ и ручнаго оружія; горящіе вензеля и фейерверки. Княгиня, урожденная Поцѣева (Pociejówna), принесла мужу богатое приданое. Чудная была пани: и прелестная, и чрезвычайная охотница до увеселеній. Помню, какъ она бывало отброситъ въ сторону Нѣмецкіе реброны да помпадуры и явится въ старо-Польскомъ нарядѣ: въ бархатномъ кунтушѣ, въ *станикѣ* (*) изъ золо-

---

(1) Родъ наружной шнуровки.

той парчи, въ собольей шапочкѣ, на которой сверкаетъ алмазное перо, и въ красныхъ сапожкахъ, унизанныхъ жемчугомъ и подкованныхъ золотомъ. Пустится бывало въ первой парѣ, въ польскомъ, или въ мазуркѣ, по огромной дворцовой залѣ,—ну, просто, лань; заглядѣнье, да и только. А какъ на поворотѣ въ танцахъ звякнетъ подковками, сердце такъ бывало разыграется, что танцуешь—чуть изъ кожи не выскочишь.

Князь, коронный подстолій, съ своей стороны любилъ заохочивать собственнымъ примѣромъ къ частымъ кубкамъ (въ тѣ времена всѣ пили въ Польшѣ). Былъ онъ горячій охотникъ и часто устраивалъ охоту для своихъ гостей въ огромныхъ размѣрахъ. Въ Тучинѣ у него обыкновенно содержалась безчисленная псарня, на которую онъ опредѣлилъ всѣ доходы съ этого *ключа* (*). Обширные лѣса были полны крупныхъ звѣрей, на которыхъ мы охотились съ сѣтями и заборами, при помощи безчисленнаго множества мужиковъ. Настрѣлявши бездну сернъ, волковъ, дикихъ кабановъ, часто такъ же убивши нѣсколько лосей, а иногда и медвѣдей, садились мы за охотничій обѣдъ. Сколько тамъ было разсказовъ объ охотничьихъ приключеніяхъ! Сколько лжи, сколько самохвальства! Рога и волторны гремѣли между тѣмъ въ знакъ торжества, а мы трубили въ кубки, и я не помню, чтобъ когда-нибудь возвратились домой трезвыми.

Однажды случилось князю пожаловаться, что у него нѣтъ подъ Ровнымъ рощи, въ которой онъ могъ бы иногда охотиться хоть за зайцами. Что же? Сосѣди и пріятели сговорились сдѣлать ему сюрпризъ въ день его именинъ. Князь выѣхалъ, кстати, на нѣсколько дней въ Дубно, къ князю ординату Сангушко и долженъ былъ воротиться только въ день святаго Станислава. Наканунѣ этого дня «согнали» тысячу подводъ съ молодыми деревцами да тысячу рабочихъ изъ ближнихъ и дальнихъ околицъ, насадили самымъ старательнымъ образомъ довольно обширный звѣринецъ, не-

(1) Ключемъ называется у Поляковъ извѣстное число селъ, принадлежащихъ къ одной экономіи. И. К.

рестеченный правильными просеками, и пустили въ него множество разныхъ звѣрей. Какъ изумился и обрадовался князь, когда, воротясь ночью въ Ровно и проснувшись утромъ, увидѣлъ передъ городомъ гору, покрытую лѣсомъ! Этотъ лѣсъ потомъ старательно поддерживали, и до сихъ поръ онъ существуетъ. Въ день святаго Станислава мы, правда, не охотились, такъ какъ это былъ праздникъ патрона Польской короны; но всѣ мы, сколько насъ было гостей и домашнихъ, двинулись, подъ предводительствомъ князя и княгини, къ лѣсу, который какъ-будто какимъ волшебствомъ выросъ изъ земли. Дивное было явленіе — видѣть стада зайцевъ и серпъ, испуганныхъ пріѣздомъ экипажей и шумомъ всадниковъ. Они метались въ разныя стороны, но не могли никуда уйти, потому что лѣсъ былъ окруженъ сѣтьми. Только на третій день вечеромъ начали мы охотиться, при свѣтѣ фонарей и плошекъ. А въ день самыхъ именинъ было шумное пиршество.

Помню, какъ послѣ обѣда показывали на замковомъ дворѣ коня изъ княжескихъ конюшенъ. Всѣ дамы вышли съ княгиней Гоноратой на огромную дворцовую галерею, которая идетъ вдоль залы, на второмъ этажѣ. Я приказалъ подвесть мнѣ моего сѣраго въ яблокахъ и давай выдѣлывать на немъ разныя штуки. Дамы хлопали мнѣ, а иногда приходили въ ужасъ. А князь, стоя на галереѣ съ полнымъ бокаломъ, закричалъ мнѣ сверху: « Пане Симоне! пью за ваше здоровье *въ ваши руки* (1); но только возьмите бокалъ, не слѣзая съ коня!»

Не нужно было повторять мнѣ этого вызова; я пришпорилъ своего сѣраго и въ нѣсколько прыжковъ поднялся по ступенькамъ въ переднія сѣни, потомъ далѣе во внутреннія, а оттуда въѣхалъ по лѣстницѣ въ залу и явился на галереѣ, приведя дамъ въ немалый страхъ. Князь подалъ мнѣ большой бокалъ; я опорожнилъ залпомъ за его здоровье, повернулъ коня и той же самой дорогой, хоть ужъ нѣсколько осторожнѣе, воротился на замковой дворъ. Такъ-

---

(1) Т. е. такъ, чтобы бокалъ перешелъ къ тому, чье здоровье пьютъ. *П. К.*

то въ тѣ годы подвизались мы въ этомъ Ровномъ, которое теперь такъ отрезвилось! А въ Дубнѣ, въ замкѣ князя ордината, надворнаго маршала Литовскаго, текло вино рѣкою, потому что крутоусаго Сангушка не легко было побѣдить на попойкѣ. Пилъ онъ, какъ въ бочку, и любилъ видѣть вокругъ себя питковъ. Въ замковой залѣ зачастую подпимались пары надъ головами собесѣдниковъ, а на дворѣ клубился дымъ отъ стрѣльбы драгуновъ, которые гремѣли изъ ружей за каждымъ тостомъ.

Пировали мы беззаботно, и жилось намъ хорошо въ тѣ времена, по пословицѣ: Za króla Sobka nie bulo w polu snopka, a za króla Sasa człowiek jadł, pił i popuszczał pasa (1). Пить было тогда у всѣхъ въ обычаѣ: у пановъ и у мелкаго дворянства (исключая молодыхъ людей, которымъ запрещалось прикасаться къ бутылкѣ), у духовныхъ и свѣтскихъ, у судей и адвокатовъ, у военныхъ и штатскихъ; а кто отказывался, того умѣли и припудить. Паны не нуждались въ средствахъ къ жизни, а мелкая шляхта живилась отъ пановъ...... Внѣшней войны мы не вели тогда, но что касается до безопасности внутренней, особенно на пограничьи со стороны Запорожья, то трудно было имъ похвалиться. Даже и на Волыни не разъ смущали насъ, посреди нашихъ увеселеній въ панскихъ домахъ, преувеличенные слухи о гайдамацкихъ наѣздахъ. Мнѣ самому случилось два раза участвовать въ походѣ противъ этихъ бродягъ.

Гайдамацкія шайки, человѣкъ въ пятьдесятъ, во сто, а иногда и въ нѣсколько сотъ, выходили почти каждую весну изъ Запорожской Сѣчи (2) и только осенью возвращались въ свои логовища. Это скопище состояло изъ однихъ отъявленныхъ негодяевъ. Оно пополнялось разными бѣгле-

---

(1) При королѣ Собкѣ (Собѣскомъ) не было въ полѣ ни снопа, а при королѣ Сасѣ каждый ѣлъ, пилъ и распускалъ поясъ.

(2) Въ одномъ варіантѣ стиховъ подъ изображеніемъ Запорожца-кобзаря говорится:

Отже жъ весна наступае, що на умі, треба окончати:
Якъ день, такъ нічъ, все на думці Ляха обідрати,
Або въ Жида мішокъ грошей узять на рострати.

П. К.

цами изъ сосѣднихъ земель, но всего больше Украинскими мужиками, между которыми гайдамаки имѣли много доброжелателей и которые указывали имъ, куда безопаснѣе и вѣрнѣе пройти за добычею. Украинныя воеводства Кіевское и Брацлавское всего больше терпѣли отъ этихъ хищниковъ; но иногда они проникали на Подолье, на Волынь и даже къ Мозырю, потому что пограничнаго войска было очень мало, магнаты держали надворныя хоругви при себѣ, а городовые козаки были въ тайнѣ расположены къ гайдамакамъ. Гайдамаки эти совершали свои походы иногда пѣшіе, но большею частью верхомъ, и увозили добычу на вьючныхъ лошадяхъ, что у нихъ называлось *батовнёю*. Каждая шайка имѣла своего предводителя, котораго они называли *ватажкóмъ*. Ватажка выбирали обыкновенно изъ самыхъ опытныхъ, которые сдѣлали уже нѣсколько разбойничьихъ походовъ и знали всѣ переходы и дорожки. Чтобы внушить своимъ къ нему увѣренность, а суевѣрному народу страхъ, разсказывали о немъ, что онъ *характёрникъ*, то есть чародѣй, что онъ умѣетъ заговоривать пули, такъ что его можно убить только серебряною пулею (1), а въ случаѣ надобности—можетъ сдѣлаться и невидимымъ. Сколько они увозили изъ края богатой добычи и сколько проливали невинной крови, когда ими управляло мщеніе! Ужасъ, овладѣвавшій жителями при извѣстіи, что идутъ гайдамаки, превосходитъ всякое описаніе: каждый прятался, съ чѣмъ только могъ, куда ни попало. Но очень часто вѣсть объ ихъ вторженіи приходила слишкомъ поздо, потому что они пробирались, какъ волки, и дѣлали свои отдыхи по уединеннымъ хуторамъ и пасикамъ.

Однажды гостили мы съ княземъ въ Полонномъ у его дяди, князя Антонія Любомирскаго, старосты Казимірскаго. Сидимъ мы за столомъ, какъ прискакалъ гонецъ отъ генеральнаго региментаря *Украинской и Подольской партіи*, Яна Тарлы, воеводы Любельскаго, съ приказомъ, чтобы гетманскій региментъ *иноземнаго автораментa*, въ которомъ начальствовалъ князь Антоній, поспѣшилъ къ Ялтушкову,

---

(1) Зап. о Южной Русп. т. I. стр. 284. « Месть за имя Жида ».

на Подолье. Вмѣстѣ съ тѣмъ Тарло просилъ его въ особомъ письмѣ выслать часть собственнаго гарнизона изъ Полонской крѣпости съ десятью пушками,—и все это для того, чтобы переловить нѣсколько десятковъ гайдамакъ, которые скрылись съ своей добычей въ Ялтушовскихъ лѣсахъ, когда имъ преградили путь къ границѣ, и обрубились тамъ засѣками.

Князь отвѣчалъ, что завтра же выступитъ съ войскомъ лично. Я попросилъ у него позволенія идти съ нимъ въ качествѣ волонтера, на что онъ съ удовольствіемъ согласился. И вотъ на третьи сутки около полудня подошли мы на четверть мили къ лѣсу, въ которомъ укрѣпились гайдамаки; ибо для большей поспѣшности пѣхоту и пушкарей привезли на подводахъ. Войско наше построилось въ боевомъ порядкѣ, поставивъ пушки по крыльямъ. Региментарь сдѣлалъ намъ смотры; потомъ сломали шеренги, и отданъ былъ приказъ, чтобы *жолнѣры* (воины) подкрѣпились и выспались, потому что всю ночь будутъ бодрствовать.

Отдохнувъ немного, просилъ я у князя Антонія Любомирскаго позволенія объѣхать и осмотрѣть позиціи. Онъ далъ мнѣ для безопасности одного офицера и нѣсколько человѣкъ собственныхъ рейтаръ, и я пустился съ ними вокругъ лѣса. Мы ѣхали доброю рысью, а иногда и въ скачь, однакожъ проѣздили нѣсколько часовъ. Лѣсъ былъ огромный. Кругомъ него, подъ самой опушкой, разставили въ разныхъ мѣстахъ мужиковъ, которыхъ согнали сюда тысячи три. Нѣкоторые изъ нихъ были вооружены ружьями, но большая часть копьями, косами, или просто цѣпами. Имъ было приказано крѣпко стеречь, а ночью жечь огни и часто кричать: Wer da? Позади мужиковъ, шагахъ во стѣ пятидесяти, стояло войско, какъ то, которое прибыло изъ Полоннаго, такъ и то, которое региментарь привелъ еще прежде съ собою, всего тысячи двѣ человѣкъ, между которыми были компутовые гусары и *панцырные* въ полномъ вооруженіи, въ леопардовыхъ и волчьихъ шкурахъ, а такъ же и пѣхота. Сверхъ того собрано было здѣсь безъ числа городовыхъ козаковъ. Все это разставлено было ка-

кимъ-то Нѣмцемъ-полковникомъ, который служилъ у региментаря адъютантомъ.

Увидѣвъ почтенные панцырные знаки, я присоединился къ нимъ, во-первыхъ, какъ старый товарищъ, а во-вторыхъ потому, что мнѣ эта Нѣмецкая команда въ Польскомъ войскѣ иностраннаго авторамента терзала нестерпимо уши. Какъ будто у насъ нѣтъ своего языка! Къ чему намъ кричать: Halt! Raus! Wer da? Feuer! когда мы такъ же хорошо могли бы говорить по своему: *Стой! Выходи! Кто идетъ? Пали?*... Ужъ истинно справедлива пословица: что Нѣмецъ выдумаетъ, то Полякъ купитъ. Какъ бы то ни было, но я на эту ночь примкнулъ къ панцырнымъ. Начальствовалъ ими намѣстникъ князя подстолія Литовскаго, титуловавшійся чесникомъ Нурскимъ. Мы тотъ часъ съ нимъ познакомились, потому что оба принадлежали къ партіи Любомирскихъ, и какъ онъ былъ человѣкъ откровенный и общительный, то я легко къ нему привязался. Приказано было наблюдать осторожность и тишину, и потому мы, усѣвшись съ нимъ въ сторонѣ на разостланной буркѣ, прошептали цѣлую ночь, изрѣдка только, въ противодѣйствіе ночной росѣ, подкрѣпляясь умѣренно напиткомъ изъ дорожной фляжки. Недостатка въ предметахъ для бесѣды у насъ не было. Когда я выразилъ ему удивленіе, что столько войска соединилось противъ какихъ-нибудь полторы сотни бродягъ, онъ отвѣчалъ, что для поимки гайдамакъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть слишкомъ много рукъ, потому что эти злодѣи защищаются отчаянно и гибнутъ до послѣдняго, зная, что имъ пощады не будетъ. «Ихъ ожидаетъ (продолжалъ онъ) собачья смерть на вѣтви дерева, или страшное сидѣнье на колу, и потому они бросаются, какъ бѣшенные, одинъ на десятерыхъ, и часто пробиваются сквозь засаду не только сами, но и съ добычею. Вотъ увидите завтра, въ какихъ они богатыхъ нарядахъ. Это они у насъ такъ пріодѣлись, потому что изъ Сѣчи выходятъ только въ напоенныхъ саломъ рубашкахъ и *кажанкахъ* изъ телячьей кожи» (*).

(*) Зап. о Южной Руси. т. I. стр. 132—133. «Похожденія Гайдамакъ въ Смилой.»

Тутъ онъ мнѣ разсказалъ, что ватажко, котораго мы теперь окружили, былъ знаменитый между гайдамаками Запорожецъ, Иванъ Чуприна, который уже пятьнадцать разъ вторгался въ Польшу и возвращался съ богатою добычею безнаказанно, потому что всегда удачно раздѣлывался съ высыланными противъ него отрядами войска. Три года тому назадъ, онъ напалъ съ шестьюдесятью «молодцами» на Шаргородъ, замучилъ отца чесника Нурскаго, ограбилъ домъ и захватилъ въ немъ 40,000 злотыхъ наличныхъ денегъ. Когда же проникнулъ въ самую Волынь и его съ навьюченною *батовнею* окружило въ этомъ самомъ мѣстѣ триста драгунъ изъ регимента королевы, Чуприна ударилъ на нихъ ночью, убилъ полковника, увелъ нѣсколько драгунскихъ лошадей и ушелъ безъ всякой потери. И потому панъ чесникъ Нурскій жаждалъ отмстить ему теперь за пролитую имъ кровь отца.

«Грѣшно (говорилъ онъ) роптать на опредѣленія Всевышняго: да будетъ Его святая воля! но человѣческія погрѣшности осуждать надобно. До чего дошелъ теперь прекрасный край нашъ, имѣя столько источниковъ могущества! Нѣтъ намъ ни уваженія у сосѣдей, ни безопасности внутри государства. И всему этому причиною гордость нашихъ магнатовъ. Они не хотѣли повиноваться королямъ своимъ и всячески старались ослабить въ народѣ уваженіе къ престолу. Отравили жизнь Вѣнскаго героя; Августу Второму поднесли горькую чашу, хотя, можетъ быть, и по заслугамъ; а что всего хуже—на сеймѣ, который прозванъ нѣмымъ, отняли у отечества послѣднія силы, распустивъ народное войско и уменьшивъ его до нѣсколькихъ тысячъ. Самъ нынѣшній король нашъ не былъ бы такъ намъ постылъ, еслибъ они не связали ему рукъ. Пожалуй, у нихъ довольно на жалованьи надворнаго войска, но они его держатъ только для собственныхъ надобностей. Жалкую жизнь ведутъ наши пограничные обыватели, находясь въ безпрестанной тревогѣ и опасеніяхъ. Года три назадъ гайдамаки замучили моего отца, въ прошломъ году ограбили мой домъ и едва не захватили жены и дѣтей. Я владѣю за долгъ селомъ Забоклицкихъ, Сельницею, но по службѣ долженъ

находиться при хоругви, потому что безъ меня не кому ею командовать. Мой ротмистръ, князь подстолій Литовскій, живетъ въ своихъ имѣніяхъ, или въ столицѣ; мой поручикъ, Вороничъ, хозяйничаетъ въ своихъ селахъ, въ Кіевскомъ воеводсвѣ; мой хорунжій, Бѣлинскій, уже старикъ преклонныхъ лѣтъ, живетъ, ради спасенія души, во Львовѣ въ Бернардинскомъ монастырѣ. Вотъ почему все и обрушилось на голову бѣднаго намѣстника. Такъ вотъ, бродяги напали, какъ я сказалъ, на мой домъ въ Сельницѣ и забрали все, что̀ могли. Къ счастью, жена моя предчувствовала ихъ посѣщеніе, а предчувствовала потому, что одинъ изъ нашихъ парубковъ, негодяй и пьяница, ушелъ было къ гайдамакамъ. Она нѣсколько недѣль не ночевала съ дѣтьми подъ собственнымъ кровомъ, а ночевала въ оврагахъ, въ конолѣ и въ лозѣ, перемѣняя мѣсто ночлега каждую ночь, и только на день возвращаясь домой. Эта осторожность спасла ее. Разбойники, вломясь въ мой домъ, застали только при мамкѣ самую меньшую дочь мою и хотѣли разбить ее о стѣну; но мамка пала имъ къ ногамъ и слезами своими и просьбами обезоружила злодѣевъ. Вскорѣ потомъ шайка разбойниковъ напала на мѣстечко Красное, гдѣ мой семилѣтній сынокъ воспитывался въ парафіяльной школѣ у *директора*. Школьники спрятались въ небольшомъ острожкѣ, но наставникъ ихъ попалъ въ руки гайдамакъ. Разграбивъ мѣстечко, они приступили къ острожку и требовали сдачи. Но управляющій имѣніемъ (gubernator kluczowy) не отворилъ имъ воротъ своего Гибралтара. Тогда они рѣшились поджечь дубовый частоколъ, который составлялъ главную защиту этого жалкаго укрѣпленія, и начали подкладывать подъ него солому; а чтобы не изнурять перевозкой лошадей своихъ, запрягали въ возъ школьнаго директора вмѣстѣ съ Жидомъ. Этимъ способомъ подвезено было уже нѣсколько возовъ соломы, за что̀ досталось обоимъ не мало жестокихъ ударовъ. Но вдругъ раздался выстрѣлъ изъ пистолета за мѣстечкомъ, гдѣ разбойники поставили свою сторожу. Узнавъ по этому сигналу, что приближаются драгуны, они собрали торопливо свой багажъ и поскакали во весь духъ къ Кичманю (такъ назы-

вается большой лѣсъ въ окрестностяхъ Краснаго). Драгуны, правда, перерѣзали имъ дорогу, но разбойники ударили на проломъ, застрѣлили изъ ружей двухъ драгунъ и одного коня и ушли съ добычею. Этотъ наѣздъ доставилъ большое удовольствіе моему маленькому Марцисю тѣмъ, что гайдамаки возвратили сторицею бѣдному Шишкѣ (такъ назывался директоръ) удары, которые онъ имѣлъ обычай разсыпать своимъ школьникамъ.»

Въ такихъ и тому подобныхъ бесѣдахъ провели мы цѣлую ночь. Начинало ужъ свѣтать. Вдругъ по ту сторону лѣса, гдѣ стояла наша пѣхота, раздались выстрѣлы изъ ружей, сперва рѣдкіе, потомъ чаще, чаще, наконецъ загремѣли и пушки. Гулъ, крикъ, громъ стрѣльбы и трескъ валящихся деревьевъ широко разлегались по лѣсу въ утреннемъ росистомъ воздухѣ. Мы ужъ были на лошадяхъ. Испуганные мужики начали бѣжать; панцырные бросились ихъ останавливать. Въ это время сорокъ человѣкъ гайдамакъ, съ двумя десятками вьючныхъ лошадей, выскочили неожиданно изъ лѣсу и дружно ударили на три Волошскія хоругви, стоявшія напереди. Волохи не устояли противъ удара и, не сдѣлавъ даже выстрѣла, опрокинулись въ безпорядкѣ на *компутовыхъ* и, вмѣстѣ съ бѣгущею чернью, произвели такое замѣшательство въ нашихъ рядахъ, что мы не могли придти въ себя и построиться. Пользуясь этимъ, разбойники выстрѣлили изъ ружей и, убивши нѣсколько рядовыхъ, повернули вскачь къ селу. Намѣстникъ и я настигали ихъ близко; онъ положилъ даже одного негодяя изъ пистолета; но, оглянувшись и видя, что мы гонимся за ними только вдвоемъ, мы остановились. Гайдамаки между тѣмъ, пройдя черезъ село и зажегши его за собой, достигли сосѣдняго лѣса. Правда, за ними послана была погоня, которою региментарь, занятый въ другомъ пунктѣ, едва черезъ часъ могъ нарядить, но безъ всякаго успѣха; ибо эти бродяги, сидя на быстрыхъ лошадяхъ, не дали себя настигнуть и ушли въ Сѣчь, оставляя вездѣ за собой пожары.

Не такъ удачно подвизались тѣ гайдамаки, на которыхъ наступила въ лѣсу наша пѣхота. Защищались, правда, от-

чаянно эти разбойники, убили нашего подполковника, двухъ или трехъ офицеровъ и около пятидесяти рядовыхъ; нѣсколькихъ такъ же ранили, и въ томъ числѣ маіора; но трудно было имъ стоять противъ нашихъ ружей и пушекъ, которыя ломали деревья и пришибали ихъ стволами и сучьями; къ тому жъ они лишились своего ватажка и, смущенные этимъ событіемъ, почти всѣ были перебиты; остальные недобитки и раненные захвачены въ плѣнъ. Погибло ихъ около восьмидесяти, а изувѣченныхъ и здоровыхъ схвачено около сорока. Ватажко ихъ, Иванъ Чуприна, палъ отъ руки молодаго князя Мартина Любомирскаго, который, при самомъ вступленіи въ лѣсъ, въ челѣ своихъ гренадеровъ, замѣтилъ его и убилъ его изъ ружья въ ту самую минуту, когда онъ, стоя на колѣнахъ подъ дубомъ, прицѣливался въ него. Найдено было при Чупринѣ богатое Турецкое вооруженіе въ серебрѣ, нѣсколько брильянтовыхъ перстней на пальцахъ, пять золотыхъ часовъ и полторы тысячи червонцевъ въ поясѣ. У другихъ гайдамакъ такъ же нашли множество денегъ въ поясахъ и сѣдельныхъ подушкахъ, часовъ и дорогаго оружія, а въ батовнѣ ихъ—безчисленное количество серебра, дорогихъ матерій, золотыхъ поясовъ, женскихъ нарядовъ и мѣховъ, церковныхъ *орнатъ, капъ*, рясъ, чашъ и другихъ принадлежностей богослуженія (католическаго), а такъ же и Жидовскихъ одеждъ, жемчугу, серегъ и тому подобныхъ вещей. Все это было награблено ими въ этомъ несчастномъ пограничномъ краю. Взято такъ же нѣсколько десятковъ лошадей, между которыми много было отличной породы. Прочія валялись въ лѣсу убитыя, или тяжело раненныя.

Послѣ этого мы расположились обозомъ на возвышеніи и отдыхали трое сутокъ. Въ теченіе этого времени составлена опись добычѣ и сдѣланъ дѣлежъ между офицерами и рядовыми. Не забыли и вдовъ, оставшихся послѣ павшихъ въ бою. Каждому капитану досталось, кажется, по 50, поручику по 30, унтеръ-офицеру по 10, а рядовому по 4 дуката. Церковныя же вещи и украшенія потомъ разосланы по костеламъ и церквамъ (уніятскимъ).

Въ это время прибылъ такъ же изъ Каменца-Подоль-

скаго войсковой судья съ инстигаторомъ и палачъ съ своими прислужниками. Начался допросъ пойманныхъ гайдамакъ; ихъ пытали, и изъ ихъ показаній оказалось, что ихъ было 160 «молодцовъ» и что ватажко ихъ Иванъ Чуприна остановился и обрубился въ этомъ лѣсу, поджидая своего отряда изъ пятнадцати «молодцовъ», который онъ выслалъ на грабежъ въ другую сторону, съ своимъ братомъ; что при батовнѣ ихъ находилось двѣнадцать городовыхъ козаковъ, которыхъ они поименовали, но объявили, что они невинны, ибо служили у нихъ по принужденію; и что въ эту ночь ватажко ихъ, который былъ большой характерникъ, усомнился въ своемъ счастьи, замѣтивши зловѣщій признакъ, а именно: когда онъ грѣлся у огня, вся *пужа* сползлась у него къ воротнику. Тогда онъ и сказалъ: *Оттепéръ намъ буде лихо зъ врáжими Ляхáми!* Раздѣлившись на четыре отряда, гайдамаки намѣрены были ударить на разсвѣтѣ всѣ вдругъ, по данному знаку, на проломъ въ разныя стороны. Знакомъ этимъ долженъ былъ служить выстрѣлъ ватажка изъ пистолета, на который каждый отрядъ отвѣтилъ бы двумя ружейными выстрѣлами. Но этотъ планъ былъ разстроенъ непредвидѣннымъ случаемъ. Когда начало разсвѣтать, ватажко поползъ на четвереренькахъ къ опушкѣ лѣса, чтобъ высмотрѣть, что дѣлаютъ Ляхи. За нимъ поползло нѣсколько «молодцовъ», и вдругъ у одного изъ нихъ ружье, зацѣпясь за вѣтку, выстрѣлило. На этотъ фальшивый сигналъ отвѣтили другіе выстрѣлы, и прежде нежели гайдамаки сѣли на коней и построились въ боевой порядокъ, Польская пѣхота двинулась въ лѣсъ и произвела между ними замѣшательство, тѣмъ болѣе, что ватажко ихъ палъ отъ первой пули. Судья записалъ всѣ эти показанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ составилъ длинный списокъ убитыхъ и живыхъ гайдамакъ, и произнесъ послѣднимъ приговоръ. Однихъ осудилъ онъ на висѣлицу, другихъ на колъ, третьихъ на четвертованье. Живыхъ отослали подъ сильной стражей въ Каменецъ-Подольскую крѣпость для исполненія этого приговора; а мертвыхъ четвертовали на мѣстѣ и разослали головы, руки и ноги по городамъ и мѣстечкамъ для всенародной выставки на кольяхъ. Остальныхъ зарыли

въ Ялтушовскомъ лѣсу надъ большой дорогой и насыпали надъ ними, для вѣчной памяти, курганъ.

Что касается до пятнадцати разбойниковъ, которыхъ поджидала здѣсь главная шайка, то они тоже не ушли отъ бѣды. Двое изъ нихъ, высланные *на чаты* (на развѣдыванье), были схвачены. Старый гайдамака не высказалъ ничего и вытерпѣлъ до конца всѣ муки, которыми пытали; но молодой, вовсе не разбойничьей наружности парень, допрошенный особо, объявилъ, что товарищи его засѣли, уже нѣсколько дней тому назадъ, въ оврагѣ посреди степей, между скирдъ, миляхъ въ десяти отъ того мѣста по направленію къ Константинову. Его поколебали увѣренія, что ему не только будетъ дарована жизнь, но что будетъ онъ даже принятъ въ особенную панскую милость и поступитъ въ число надворныхъ козаковъ, потому что онъ понравился молодому князю Любомирскому. Онъ объявилъ такъ же, что число хищниковъ увеличилось до тридцати новобранцами изъ поселянъ; что они высылаютъ на *Черный шляхъ* сторожу для поимки прохожихъ, которыхъ она уводитъ въ свой притонъ, и что у нихъ ужъ множество лошадей, добычи и плѣнныхъ. Въ заключеніе онъ обѣщалъ проводить къ тому мѣсту Поляковъ.

Рейментарь тотъ часъ выслалъ противъ нихъ триста человѣкъ пѣхоты, посадивъ ихъ на коней, взятыхъ въ Волошскихъ хоругвяхъ, и столько же городовыхъ козаковъ, съ двумя пушками, подъ начальствомъ молодого князя Мартина Любомирскаго, который за успѣшное дѣло въ лѣсу произведенъ былъ въ полковники. При немъ находился еще гувернеръ Французъ, какой-то баронъ, старый, какъ видно, служака, который по тихоньку давалъ ему совѣты. Старый маіоръ такъ же отправился въ этомъ отрядѣ. Они двинулись быстрымъ маршемъ, а предводители съ остальнымъ войскомъ выступили въ слѣдъ за ними. Молодой Любомирскій и здѣсь извернулся молодцемъ. Онъ такъ искусно подступилъ къ гайдамакамъ и такъ хорошо воспользовался указаніями помилованнаго разбойника, что окружилъ ихъ со всѣхъ сторонъ, а высланныхъ на Черный шляхъ козаки нашли спящими за курганомъ. Но тѣ, что

сидѣли въ оврагѣ, не хотѣли сдаться, хотя, для устрашенія, по нимъ выстрѣлили изъ пушекъ; напротивъ, принялись рѣзать своихъ плѣнниковъ, запертыхъ въ одной хаткѣ (потому что потомъ нашли тамъ зарѣзанныхъ восемнадцать Жидовъ, нѣсколькихъ Жидовокъ, одного уніята и одного ксенза; остальные были спасены приспѣвшею пѣхотою). Гренадеры приняли гайдамакъ въ штыки и кололи, какъ дикихъ кабановъ. Трое были убиты, остальные перевязаны; но всѣ были такъ изранены, что большая часть ихъ перемерли до трехъ дней. Съ нашей стороны убитъ былъ только одинъ барабанщикъ и ранено ножами нѣсколько рядовыхъ. Выручено было изъ плѣна шестеро уніятовъ съ женами, пятеро ксензовъ, два іезуита, болѣе двадцати женщинъ и дѣвицъ шляхтянокъ и болѣе дюжины шляхтичей. Всѣ они были набиты, какъ сельди, въ этой лачужкѣ и раздѣты почти до нага. Но потомъ было открыто еще въ сосѣднихъ оврагахъ человѣкъ пятнадцать замученныхъ шляхтичей. Найдено около полутораста лошадей, какъ въ батовнѣ, такъ подъ сѣдлами и безъ сѣделъ. Между скирдъ нагромождено было великое множество колясокъ, брикъ, повозокъ, дорожныхъ возковъ, разнаго рода сундуковъ, чемодановъ, шкатулокъ и погребцевъ, награбленныхъ на большой дорогѣ. Региментарь и князь Антоній Любомирскій только на третій день прибыли съ войскомъ на то мѣсто. Освобожденные изъ разбойничьихъ рукъ плѣнники вышли имъ навстрѣчу съ непритворною радостью и благодарностью. Добыча, найденная при самихъ гайдамакахъ и въ повозкахъ, была очень значительна. Всему сдѣлана обстоятельная опись, и оставшіеся въ живыхъ владѣльцы показывали, что у нихъ заграблено, обозначая разныя вещи, платья и мѣшки; потомъ ихъ отвели подъ особенный навѣсъ, гдѣ разложено было все это имущество, и каждый получилъ то, что было признано ему принадлежащимъ.

И здѣсь войско отдыхало трое сутокъ. По распоряженію начальствующихъ, отслужена была печальная панихида въ долинѣ смерти, и тѣла замученныхъ Христіанъ погребены были приличнымъ образомъ на кладбищѣ сосѣдняго села, а Жидамъ позволено было забрать трупы своихъ едино-

вѣрцевъ для погребенія ихъ по своимъ обрядамъ. Остальная добыча опять была раздѣлена между войскомъ, а молодой князь Мартинъ Любомирскій наименованъ генераломъ и тотъ часъ отправленъ былъ гонецъ къ королю съ просьбою объ утвержденіи его въ этомъ чинѣ. Для войсковаго судьи и палача открылось новое поприще допросовъ и пытокъ. Нѣсколькихъ оставшихся въ живыхъ гайдамакъ четверовали они на мѣстѣ, или посадили на колъ, а одному переломали руки и голени и потомъ повѣсили, зацѣпивъ желѣзнымъ крюкомъ за ребро, такъ какъ онъ признался въ самыхъ ужасныхъ преступленіяхъ. То былъ какой-то плутъ поповичъ изъ Волыни; приглянулся онъ какой-то уже немолодой госпожѣ, отравилъ ея мужа и на ней женился. Она записала ему свое имѣніе, и онъ началъ было уже называться дворяниномъ и даже паномъ мечникомъ. Потомъ, когда баба ему надоѣла, онъ такъ же отравилъ и ее, а имущество ея присвоилъ себѣ. Наконецъ началъ дѣлать сосѣдямъ насилія, наѣзжая на ихъ дома. Его судили и приговорили къ смерти; но онъ ушелъ изъ Волыни и присталъ къ гайдамакамъ, которыхъ изумилъ изысканною жестокостью, съ какою онъ забавлялся муками несчастныхъ жертвъ, допрашивая ихъ, гдѣ у нихъ спрятаны деньги, и заслужилъ отъ разбойниковъ имя *Исповѣдника*. Трупы павшихъ злодѣевъ погребены тѣмъ же самымъ порядкомъ, что̀ и первыхъ; руки и ноги казненныхъ развезены по городамъ и большимъ дорогамъ. Войско разошлось по старымъ становищамъ, а рейментарь и воевода Тарло отправился съ княземъ Антоніемъ Любомирскимъ въ Полонное. Въѣздъ нашъ въ этотъ городъ былъ тріумфальный. Насъ встрѣтили пушечною и ружейною пальбою съ крѣпостныхъ валовъ; а у самаго въѣзда въ Полонное комендантъ крѣпости, старый Французъ Шамбонъ, поднесъ князю на бархатной подушкѣ ключи отъ воротъ, а тотъ передалъ ихъ генеральному региментарю. Мѣщанскіе цѣхи и Жидовскіе кагалы ожидали насъ у Кривыхъ воротъ, а у замковыхъ ректоръ іезуитовъ въ челѣ своего духовенства встрѣтилъ вождей и привѣтствовалъ ихъ рѣчью, въ которой сравнивалъ ихъ съ какимъ-то Рим-

скимъ великимъ Помпеемъ, который такъ же нѣкогда воевалъ съ разбойниками; а молодого князя Мартина Любомирскаго, за его смѣлое вступленіе въ лѣсъ, уподобилъ какому-то рыцарю Курцію, который бросился въ открытую бездну. Во дворцѣ княгиня Любомирская, окруженная многочисленными гостьми, привѣтствовала на крыльцѣ побѣдителей. Между пріѣзжими находилась супруга коронназо подстолія, княгиня Гонората, и семейство князя Яблоновскаго, воеводы Познанскаго. Великолѣпный обѣдъ, частые бокалы, пальба съ валовъ, а вечеромъ фейерверкъ и танцы завершили этотъ веселый день. И надо сказать, что никто не былъ лѣнивъ въ этой работѣ и не заставлялъ себя упрашивать къ очереднымъ бокаламъ, или тянуть за ухо къ танцамъ. Молодой князь Любомирскій и его дядя, князь Францискъ Любомирскій, только что прибывшій изъ-за границы, и нѣсколько другихъ, одѣтыхъ въ короткіе Французскіе кафтаны, танцовали менуэтъ, экоссесъ, страсбургскій и штрайеръ; мы, въ кунтушахъ, отплясывали съ почетными паннами княгини (1) мазурку, краковякъ и польскій; а всѣ вмѣстѣ окончили балъ быстрымъ драбантомъ.

Но этимъ днемъ не кончились пиршества и танцы въ Полонскомъ замкѣ; ибо въ старину съѣзжались рѣдко, но за то надолго. На третьи сутки устроенъ былъ для дамъ спектакль, представляющій пораженіе гайдамакъ въ долинѣ скирдъ. Не вдалекѣ отъ одного изъ предмѣстій прінскана была мѣстность, напоминающая отъ части тотъ оврагъ. Были тамъ и скирды, сложили и хатку въ оврагѣ. Нѣсколько рядовыхъ было одѣто въ гайдамацкіе костюмы; другіе переодѣлись схвачеными на дорогѣ проѣзжими; не было недостатка и въ переодѣтыхъ женщинахъ. Навели туда множество лошадей, навезли повозокъ, сундуковъ, словомъ — всего, что было нужно для подражанія дѣйствительному происшествію. Все общество двинулось изъ замка къ этому мѣсту—дамы и пожилые мужчины въ многочисленныхъ и блестящихъ экипажахъ, а молодежь вся

---

(1) Respectowe panny—родъ горничныхъ изъ шляхетскихъ фамилій. *П. К.*

верхами. Когда зрители усѣлись на приготовленныхъ для того лавкахъ, расположенныхъ уступами и покрытыхъ коврами, раздался сигнальный пушечный выстрѣлъ, и спектакль начался тѣмъ самымъ порядкомъ, въ какомъ происходилъ онъ на самомъ дѣлѣ. Пѣхота и городовые козаки, разставленные въ отдаленіи, начали приближаться и окружать разбойничій притонъ. Молодой Любомирскій взобрался на стогъ сѣна и наблюдалъ все въ зрительную трубу, а Французъ-гувернеръ, какъ свидѣтель происшествія, объяснялъ княгинѣ и другимъ дамамъ разныя обстоятельства этой стычки съ гайдамаками. Молодой Любомирскій выслалъ одного изъ пойманныхъ шпіоновъ къ разбойникамъ, требуя сдачи, потому что они уже окружены со всѣхъ сторонъ. Вмѣсто отвѣта, двѣнадцать разбойниковъ выѣхали верхомъ на возвышенность и принялись ругать и раззадоривать Ляховъ. Выстрѣлили по нимъ изъ двухъ пушекъ; двое повалилось съ лошадей; остальные поскакали къ хаткѣ и бросились терзать плѣнниковъ. Тутъ гренадеры прибѣжали и выломали дверь, съ крикомъ: «Бей ихъ! руби ихъ! въ штыки!» Началась схватка на штыкахъ и ножахъ; начали таскать раненныхъ и убитыхъ гайдамакъ и плѣнныхъ. Искусственная кровь лилась потоками, обагряя побѣдителей и побѣжденныхъ. Княгиня мать и присутствовавшія дамы осыпали ласками молодаго Любомирскаго, который былъ героемъ дня. Жаль только, что полдень и закатъ его жизни не оправдали надеждъ, которыя подавало утро....

На другой день играли на театрѣ, недавно устроенномъ въ замкѣ, Французскую комедію. Мнѣ кой-какъ объясняли ее; но я всего только и помню, что въ ней много шуму дѣлала какая-то Турчанка, любовница султана, очень похожая названіемъ на нашу попадью изъ Рогатина, на эту Роксолану, которая, говорятъ, тоже была женой какого-то Турецкаго султана (1). Я сидѣлъ, какъ на Нѣмецкой проповѣди. Роли мужчинъ играли молодой Любомирскій, его гувенеръ и полковой лѣкарь, также Французъ; а

(1) Это, какъ видно, была трагедія Расина «Bajazet». *П. К.*

женскія—сестра княгини Любомирской, Француженка, гувернантка маленькой княжны, и дочь старика коменданта, Шамбона; и такъ какъ между паннами-прислужницами не было ни одной, которая бы умѣла parler français (въ тѣ времена не всѣ, такъ какъ теперь, говорили на этомъ *бонжурномъ* языкѣ), то танцору Итальянцу дана была четвертая женская роль, и молодой, тщедушный Итальянчикъ довольно искусно представлялъ бусурманку. Должно быть было въ той комедіи что-нибудь очень трогательное, потому что супруга пана старосты и другія дамы часто отирали глаза платками и кричали: Bravo! charmant! sublime! А меня такъ больше всего забавляло то, что Турки говорили по Французски и что актеры въ чалмахъ подъѣзжали къ женщинамъ съ такими ужимками, какъ наши пряничные франты, воротившіеся изъ Парижа.

За два часа скуки, которые провелъ я, глазѣя на сцену и ничего не понимая, я вознаградилъ себя на другой день на большой охотѣ, которою угостилъ насъ князь: убилъ я двухъ козловъ и одного вепря. Но какимъ образомъ воротился я съ охоты—не помню, потому что за охотничьимъ обѣдомъ, который данъ былъ подъ навѣсомъ въ лѣсу, князь всѣхъ насъ такъ употчивалъ, а особливо, когда къ концу обѣда начали пить, вмѣсто кубковъ, изъ охотничьихъ роговъ, что всѣ мы повалились тамъ же безъ памяти, и ужъ потомъ гайдуки уложили насъ въ экипажи и перевезли въ зáмокъ.

Такъ проводили мы въ Полонномъ нѣсколько дней въ пирахъ и танцахъ, а потомъ князь Яблоновскій пригласилъ все общество къ себѣ въ Лабунъ. Остался въ Полонномъ только молодой Любомирскій, которому отецъ поручилъ охраненіе крѣпости въ его отсутствіе......

Разскажу теперь о другомъ походѣ противъ гайдамакъ, въ которомъ я тоже участвовалъ. Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ Ялтушовскаго дѣла, какъ начали ходить по нашей сторонѣ слухи, что сильная гайдамацкая шайка вышла изъ-за рѣки Синюхи, ограбила разныя помѣстья панскія въ Кіевскомъ воеводствѣ, углубилась далеко въ Полѣсье и будетъ возвращаться черезъ Волынь; но гдѣ она появится

изъ лѣсовъ и зарослей на поляхъ и какимъ именно путемъ будетъ идти, никто не зналъ. Всеобщій ужасъ распространился между жителями отъ этихъ слуховъ; съ каждой милей они становились страшнѣе и страшнѣе. Только и рѣчей было всюду, что о гайдамакахъ. Тамъ видѣли какихъ-то подозрительныхъ людей, то нищихъ, то бродягъ, вѣроятно, шпіоновъ гайдамацкихъ; въ другомъ мѣстѣ разсказывали, какъ разбойники сожгли домъ съ хозяиномъ и всѣмъ его семействомъ. Въ Овручскомъ повѣтѣ они, по словамъ разсказщиковъ, обратили въ пепелъ цѣлое мѣстечко, а Жидовъ вырѣзали до одного; въ Мозырскомъ якобы ограбили костёлъ и нѣсколько (уніятскихъ) церквей; а еще гдѣ-то вторгнулись въ монастырь, жгли монаховъ на огнѣ и пороли имъ жилы; и съ каждымъ днемъ силы гайдамакъ, въ этихъ разсказахъ, увеличивались, такъ что ужъ ихъ насчитали, можетъ быть, въ десять разъ больше, нежели сколько ихъ было въ самомъ дѣлѣ. На дорогахъ безпрестанно встрѣчались шляхта и Жиды, перевозившіе женъ, дѣтей и лучшее изъ движимости въ города и небольшія укрѣпленія въ магнатскихъ имѣніяхъ, гдѣ они надѣялись найти какую-нибудь защиту.

Княгиня Любомирская въ то время была беременна. Въ Ровномъ довольно было надворнаго войска; но какъ этотъ городъ не былъ укрѣпленъ, то мужъ, для большей безопасности и спокойствія, рѣшился перевезть ее въ Полонскій замокъ, гдѣ бы она разрѣшилась отъ бремени. Антоній Любомирскій находился въ то время съ женой въ своихъ Сандомирскихъ имѣніяхъ, откуда намѣренъ былъ переѣхать, по судебнымъ дѣламъ, въ Люблинъ, и сынъ ихъ, мололой князь Мартинъ, остававшійся для охраненія крѣпости, предложилъ къ услугамъ своего дяди весь свой дворецъ. И такъ мы двинулись изъ Ровнаго, въ сопровожденіи многочисленнаго конвоя рейтаръ и козаковъ, а пѣхота послана была впередъ. Въ Славутскихъ лѣсахъ встрѣтилъ князя и княгиню молодой Любомирскій, съ сильнымъ отрядомъ войска и четырмя пушками, изъ которыхъ, во время отдыха въ лѣсу, приказалъ, для забавы княгини, раздробить нѣсколько сосенъ. Достигши благополучно По-

лошнаго, застали мы всѣ постоялые и мѣщанскіе дома наполненными шляхтою, которая собралась сюда изъ близкихъ и далекихъ окрестностей, ища убѣжища подъ защитой крѣпости. До сихъ поръ не было навѣрное извѣстно, куда повернули гайдамаки. Посылали развѣдывать Жидовъ, но они воротились ни съ чѣмъ, потому что, хоть ихъ и соблазняла богатая награда, которую имъ обѣщали, но опасеніе попасться въ руки гайдамакъ подавляло въ нихъ и самую жадность къ деньгамъ.

Наконецъ князь Мартинъ Любомирскій выслалъ восемь вѣрныхъ и расторопныхъ козаковъ, давши каждому по десяти червонцевъ на дорогу и обѣщавъ дать въ десять разъ больше тому изъ нихъ, кто привезетъ вѣрныя вѣсти о направленіи пути и силѣ гайдамакъ. Козаки отправились каждый въ свою сторону, и долго не было о нихъ никакого слуху; наконецъ четверо воротились ни съ чѣмъ. Собравшаяся въ Полонномъ шляхта, будучи принуждена дорогою цѣною платить за неудобное помѣщеніе и негодные съѣстные припасы, начала ужъ роптать, что ихъ обманываютъ баснями, что если гайдамаки и были гдѣ-нибудь, то ужъ должны воротиться въ свои притоны, и стала разъѣзжаться по домамъ. Въ это время двое изъ высланныхъ козаковъ, Гладкій и Лобода́ (я помню очень хорошо имена каждаго изъ нихъ) воротились изъ соглядатайства. Тотъ часъ представили ихъ князю Мартину. Оба они пришли пѣшкомъ, въ мужичьей одеждѣ, и принесли такое донесеніе:

«Милостивый князь и батько! долго мы съ трудомъ пробирались въ одиночку по лѣсамъ и непроходимымъ мѣстамъ; наконецъ случайно встрѣтились у одного хутора въ глухомъ бору надъ ручьемъ и только тамъ получили вѣрныя извѣстія о гайдамацкомъ становищѣ отъ стараго пасичника. Бородачъ этотъ знается съ ними, а мы прикинулись, что тоже хотимъ пристать къ «молодцамъ». Онъ и наставилъ насъ, какъ къ нимъ пробраться; и какъ онъ намъ сказалъ, что они покупаютъ лошадей, то мы воротились въ мѣстечко Звяхло и, промѣнявъ тамъ свою козацкую одежду на мужичью, купили за деньги, пожалованныя

намъ отъ васъ, милостивый князь, по другой еще лошади, и уже знакомыми *мановцами* (дорогами напрямикъ) пустились къ гайдамацкому притону, подъ видомъ парубковъ, которые привели лошадей на продажу. Они стоятъ отсюда въ добрыхъ десяти миляхъ, посреди дремучихъ лѣсовъ, въ урочищѣ *Обозовище*. Мы ужъ застали тамъ двоихъ нашихъ товарищей-козаковъ, Кирила Ласуна и Ивана Ворону. Тѣ прикинулись, какъ будто пристали къ гайдамакамъ и показываютъ видъ, что другъ съ другомъ незнакомы. Особенно Ласунъ имъ полюбился и живетъ съ старшиною за панибрата. Теперь онъ ходитъ въ золотѣ и серебрѣ, точно какой вельможа. Да и всѣ они носятъ золотые пояса, красные суконные кунтуши, шелковые жупаны и собольи шапки, а оружіе у нихъ такое дорогое, что и Турецкій паша не постыдился бы носить при боку. Продали мы имъ своихъ купленныхъ лошадей съ сѣдлами; заплатили они намъ щедро, и вотъ мы принесли вамъ, милостивый князь, въ калиткахъ червонцы. Ворона старался держаться отъ насъ подальше, чтобъ не дать подозрѣнія, посматривалъ только сбоку, поглаживая усъ и изрѣдка подмигивалъ намъ, нахмуривши брови. Но Ласунъ былъ при продажѣ лошадей, помогалъ торговаться, *могоричъ* пилъ и просилъ насъ привести еще лошадей съ сѣдлами, а между тѣмъ украдкою шепнулъ намъ, что ватажко, Семенъ Чортоусъ, до сихъ поръ не собралъ еще всѣхъ молодцевъ, разосланныхъ за добычею, которыхъ всего у него человѣкъ триста слишкомъ; что до сихъ поръ соединилось только два отряда, а другихъ двухъ поджидаютъ; что они послѣ завтра выступятъ оттуда, двѣ мили далѣе, въ урочище *Мазепина Могила*, гдѣ назначенъ сборъ всѣмъ шайкамъ; а оттуда пустятся дальше искать счастья. Онъ велѣлъ намъ летѣть птицею и увѣдомить васъ, милостивый князь, по секрету, чтобы вы были готовы и держали ногу въ стремени, а съ другими не пускаться въ раздобары, потому что у гайдамакъ вездѣ есть свои шпіоны. Когда же перейдутъ къ Мазепиной Могилѣ, то онъ останется, чтобъ ихъ морочить, а Ворона дастъ драла и приведетъ васъ, милостивый князь, прямехонько къ гайдамакамъ.»

Князь далъ этимъ козакамъ по пятидесяти рублей, обѣщавъ выдать остальные, когда донесеніе ихъ оправдается, и велѣлъ имъ до времени гдѣ-нибудь скрыться. Начали готовиться къ походу, никому не объявляя цѣли своихъ приготовленій и дожидаясь прибытія Вороны. Какъ вотъ на третьи сутки въ полночь явился у воротъ, называвшихся Кіевскими, гонецъ, на усталомъ и задыхающемся конѣ, и требовалъ, чтобъ его тотъ часъ впустили въ зáмокъ. То былъ Ворона. Но его никто бы не узналъ: онъ былъ въ богатомъ кунтушѣ съ рубиновыми пуговицами и въ гайдамацкомъ вооруженіи. Сторожевой офицеръ, по сдѣланному напередъ распоряженію, тотъ часъ отвелъ его въ караульню, куда вскорѣ пришелъ и князь Мартинъ Любомирскій. Поклонившись князю въ колѣни, Ворона началъ разсказывать, что когда, на другой день по прибытіи къ Мазепиной Могилѣ, пришла въ таборъ другая шайка, онъ, воспользовавшись общимъ говоромъ и суматохою, ушелъ отъ гайдамакъ, не будучи никѣмъ замѣченъ и преслѣдуемъ. «Надобно намъ спѣшить, милостивый князь», продолжалъ онъ, «потому что завтра и остальные гайдамаки соединятся съ ватажкою, а черезъ нѣсколько дней они выступятъ въ степи, къ Константинову, на который намѣрены напасть среди бѣла дня, разграбить и зажечь, потому что чувствуютъ себя довольно для того сильными. Теперешнее ихъ становище заросло молодымъ боромъ и довольно просторное; но окружить ихъ можно, потому что оно расположено на острову, окруженномъ рѣкою и топкимъ болотомъ, черезъ которое не пройдетъ ни человѣкъ, ни конь, ни собака. Только три плотины ведутъ на островъ. Надобно намъ взять съ собой хлѣба и кушаньевъ дня на четыре, потому что я васъ, милостивый князь, буду вести лѣсами и зарослями и только одно село будемъ переходить, чтобъ переправиться тамъ черезъ Случъ; а пѣхоту и пушкарей надобно бы везти на подводахъ. Гайдамаки ободрились своею удачею и не очень осторожливы, потому что до сихъ поръ никто и въ глаза имъ не заглянулъ; а шпіоны ихъ, которые были здѣсь въ Полонномъ, донесли имъ, что укрѣпляютъ зáмокъ, что ихъ боятся, и потому имъ не при-

ходитъ и въ голову, чтобы кто вздумалъ искать ихъ. Безпечныхъ легко можно застать въ расплохъ, лишь бы не терять времени.»

Встрепенулся молодой полководецъ. Уже пришли къ нему, два дня тому назадъ, изъ Бара одинъ козацкій и одинъ пѣшій полкъ, которые вмѣстѣ заключали въ себѣ до шести сотъ человѣкъ. Прибавивъ сюда первый регименть старосты Казимірскаго, Антонія Любомирскаго, отрядъ пѣхоты изъ Ровнаго, часть гарнизона, надворныхъ рейтаръ, да козаковъ Полонскихъ и Ровенскихъ, насчитали 600 человѣкъ копницы, 750 пѣхоты и 18 пушекъ. Надобно замѣтить, что въ Полонномъ уменьшилось войска по случаю отъѣзда въ Польшу князя Антонія, котораго сопровождали 24 рейтара и 50 козаковъ; да сверхъ того 50 человѣкъ пѣхоты съ тремя офицерами отправлено въ Варшаву при обозѣ съ поташемъ, саломъ и масломъ для продажи.

Я просилъ позволенія участвовать и въ этомъ походѣ, потому что княгиня Гонората и князь подстолій коронный поручили мнѣ ѣхать и беречь жизнь князя Мартина. Въ полдень мы выступили изъ Кіевскихъ воротъ. За городомъ, около Дертки, стояло на готовѣ нѣсколько сотъ подводъ. На каждой изъ нихъ помѣстилось по три пѣхотинца, и войско двинулось въ путь; а впереди козакъ Ворона указывалъ дорогу. Это была охота на крупнаго звѣря, у котораго и зрѣніе, и слухъ, и обоняніе очень остры, а когти еще острѣе, и потому, подъ строжайшею карою, запрещено было не только разговаривать, кашлять, но даже высѣкать огонь и курить табакъ. Ворона повернулъ съ большой дороги на тропинку вправо. Мы ѣхали лѣсомъ, молча, тихо, такъ что только развѣ изрѣдка пушечное колесо стучало, наскочивъ на древесный корень, или трещали сухіе сучья на дорогѣ. Останавливались на самое короткое время для отдыха, а потомъ опять шли день и ночь. До Случи переправы были еще сносны, но потомъ забрались мы въ такія трущобы, заросли, вертепы и выбои, что съ трудомъ вытаскивали возы и пушки изъ этого истинно Полѣсскаго колтуна. Къ счастью нашему, эту часть пути случилось намъ проходить при дневномъ свѣтѣ. Ког-

да мы выбрались изъ этой пущи и достигли болѣе жидкаго бора, Ворона соскочилъ съ коня и отъ радости поцѣловалъ землю, благодаря Бога, что помогъ намъ выдти безъ всякаго несчастья изъ этой трущобы: ночью намъ удалось бы это развѣ какимъ-нибудь чудомъ. Рѣдкіе люди, эти козаки Русины! что̀ за смѣтливость! а проводниковъ не найдете вы нигдѣ подобныхъ; въ бѣдѣ всегда придумаютъ, какъ извернуться, и если который изъ нихъ привяжется душею къ пану, то и Швейцарца не нужно.

Невдалекѣ отъ этихъ зарослей находился хуторъ того пасичника, о которомъ говорили первые вѣстники. Мы тотъ часъ его окружили и схватили стараго негодяя. Нѣсколько рядовыхъ было оставлено въ его хатѣ для стражи, чтобы кто-нибудь изъ его семьи не увѣдомилъ о насъ гайдамакъ, а самаго его взяли мы съ собой и велѣли ему вести себя къ притону разбойниковъ. Ворона предупредилъ насъ, что версты черезъ двѣ по нашей дорогѣ стоитъ небольшая лѣсная деревушка, состоящая изъ нѣсколькихъ хижинъ, и совѣтовалъ такъ же окружить ее неожиданно, чтобы и оттуда гайдамакамъ не передалъ никто вѣсти, а между тѣмъ можетъ быть удастся — говорилъ онъ — схватить кого-нибудь изъ ихъ шайки. Для этого отправленъ впередъ полковникъ Мурзенко съ его козаками и Вороною, а мы слѣдовали за ними поодаль, по указаніямъ пасичника и Лободы. Мурзенку посчастливилось не только окружить деревушку, но поймать и двоихъ гайдамакъ, которые пріѣхали туда покупать сала и хлѣба. И здѣсь красивый и ловкій молодецъ оказался менѣе закоренѣлымъ злодѣемъ, нежели его пожилой товарищъ. На особомъ допросѣ, онъ признался князю Мартину со слезами, что его гайдамаки похитили еще ребенкомъ на Подольи изъ шляхетскаго дома, что онъ взросъ на Сѣчи, какъ воспитанникъ и слуга реестроваго козака, что теперь вышелъ впервые въ походъ подъ надзоромъ этого старшаго гайдамаки, котораго приказано ему называть *дядькомъ*, и что на него еще не полагаются и ни на шагъ отъ себя не отпускаютъ. Когда же князь обѣщалъ не только простить его, но еще принять въ число надворныхъ козаковъ, если искренно во

всемъ сознается и проводитъ къ табору ватажка, тогда онъ обѣщалъ и поклялся не только провести, но указать мѣста, по которымъ всего удобнѣе обложить кругомъ находящійся среди болотъ островъ и заградить выходъ изъ него на трехъ плотинахъ. Онъ сообщилъ, что уже всѣ шайки соединились вчера у Мазепиной Могилы, а послѣ завтра намѣрены двинуться въ степи, къ Константинову. Что касается до описанья мѣстности гайдамацкаго притона, то показанья его согласовались съ разсказомъ Вороны. Но старый разбойникъ не сознался ни въ чемъ. Ни обѣщанія и увѣщанія войсковаго судьи, ни пытка, въ которой палачъ работалъ отъ всего сердца, не въ силахъ были прервать упорнаго молчанія закаленнаго въ терпѣливости разбойника. Мы провели ночь въ этой деревушкѣ, а между тѣмъ пришли толпы мужиковъ, согнанныхъ изъ ближайшихъ селъ, съ заступами и топорами, — всего человѣкъ тысяча. Рано утромъ пустились мы въ дальнѣйшій путь. Мурзенко съ козаками служилъ намъ авангардомъ. Послѣ дневнаго похода, достигли мы одного урочища, гдѣ въ старину должно было существовать какое-то поселеніе, потому что въ лѣсу замѣтны были на большомъ пространствѣ слѣды садовъ и загоновъ; остатки хатъ и колодязи такъ же указывали на пребываніе жителей въ этомъ мѣстѣ. Здѣсь новообращенный гайдамака сказалъ намъ, что до Мазепиной Могилы остается только полъ мили, совѣтовалъ обождать здѣсь до двухъ часовъ по полуночи, или, какъ выразился онъ, указавъ на искрящееся звѣздами небо, *поки не зайдуть Козаре*. А когда молодой князь Любомирскій высказалъ опасеніе, чтобы гайдамаки не примѣтили насъ въ этихъ мѣстахъ, онъ отвѣчалъ: «не бойтесь, ни одинъ изъ нихъ ночью не осмѣлится заглянуть сюда, потому что урочище считается заклятымъ, то есть такимъ, на которомъ упыри и вѣдьмы дѣлаютъ разныя пакости и пугаютъ прохожихъ: по этому-то и называютъ его *Куцого Чорта Слобода*. Но видно, та ночь была не по вкусу чертямъ, потому что ни одно страшилище не пришло пригласить на танецъ вѣдьму, которую мы привезли съ собой въ особѣ обозной маркитантки, жены одного капрала, очень способной летать на кочергѣ.

По мѣрѣ того, какъ потухали звѣзды, на небѣ становилось замѣтнѣе зарево отъ разбойничьихъ огней. Основываясь на показаніяхъ Вороны и молодаго гайдамаки, составленъ былъ планъ обложенья разбойниковъ. При началѣ каждой изъ трехъ плотинъ рѣшено было поставить по шести пушекъ, обезопасивъ ихъ отрядами пѣхоты и рвомъ; мужиковъ же разставить вокругъ острова, въ пятнадцати шагахъ одинъ отъ другаго, съ тѣмъ, чтобы они, лишь только начнется пушечная пальба, рубили деревья и кустарники для устройства засѣки; Мурзенко и Борнславскій съ козаками и рейтарами должны были присматривать за древосѣками и понуждать ихъ къ работѣ; остальную пѣхоту предположено было разставить, въ качествѣ стрѣльцевъ, надъ болотомъ вокругъ острова.

Послѣ этого, въ порядкѣ и молчаніи, двинулись мы изъ Куцаго Чорта Слободы, въ два часа по полуночи, оставивъ тамъ брики, подводы и мужичьихъ лошадей. Все пошло у насъ, какъ по маслу. Слабый свѣтъ только что начинающагося утра позволялъ намъ расположить, какъ слѣдовало, пушки, войско и мужиковъ надъ болотомъ, и спящимъ послѣ попойки гайдамакамъ даже и не грезилось, что ужъ попали въ западню, тѣмъ болѣе, что они полагались на недоступность зарослей и топей и не считали даже нужнымъ поставить на плотинахъ сторожу.

Князь Мартинъ, объѣхавши всѣ пункты и удостовѣрившись, что уже всѣ на своихъ мѣстахъ, подалъ условный знакъ. Первыя шесть пушекъ, поставленныхъ противъ самой большей плотины, грянули, раздробляя въ щепья деревья. Имъ отвѣчали другія двѣ батареи, и тысяча сѣкиръ вдругъ застучали объ сосны. Не весело было проснуться разбойникамъ среди подобнаго гула и треска. Сдѣлавъ по два выстрѣла, пушки умолкнули, остановились и топоры, и Ворона закричалъ разбойникамъ въ жестяную корабельную трубу, чтобъ сдались, потому что окружены со всѣхъ сторонъ. Нѣсколько минутъ не было слышно никакого отвѣта. Вдругъ на главной плотинѣ раздался топотъ десяти или пятнадцати лошадей и крики: *Гони! лови! Постой, Кирило!* и прежде нежели пѣхота выстрѣлила изъ ружей,

прискакалъ на распущенномъ, какъ вихрь, конѣ ѣздокъ и бросился между пушекъ. Тогда только узнали въ немъ Кирила Ласуна. Преслѣдовавшіе его гайдамаки отбиты были густой пальбой изъ карабиновъ, и нѣсколько человѣкъ повалилось съ лошадей. Между тѣмъ разсвѣло. На троекратно повторенное воззваніе сдаться, гайдамаки наконецъ отвѣчали грубіянскимъ и оскорбительнымъ крикомъ, въ которомъ они не щадили ни насъ, ни нашихъ матерей; и потому опять загремѣли пушки и застучали по лѣсу топоры. Въ нѣсколько часовъ крѣпкая засѣка окружила притонъ разбойниковъ, а пушечныя ядра наваляли на острову множество сосенъ, которыя давили людей и лошадей. Гайдамаки пробовали отстрѣливаться изъ ружей, взобравшись на деревья, и наша пѣхота по нимъ стрѣляла; но болото было слишкомъ широко для ручной перестрѣлки. Съ нашей стороны было убито только нѣсколько человѣкъ, да человѣкъ пятнадцать ранено.

Такъ прошелъ цѣлый день. Кирило Ласунъ присовѣтовалъ подѣлать на плотинахъ высокіе завалы изъ вѣтвей, пней, стволовъ древесныхъ и хворосту, на которыхъ бы лошади спотыкались и падали, потому что ватажко непремѣнно рѣшится идти на проломъ. Хорошо мы сдѣлали, что его послушались, ибо, какъ потомъ оказалось, Чортоусъ, раздѣливъ своихъ молодцевъ на три отряда, предпринялъ въ эту ночь ударить разомъ въ три стороны на пушки и проложить себѣ дорогу. Мы сторожили его въ полномъ вооруженіи, прислушиваясь къ малѣйшему шуму. На плотины наведены были пушки, заряженныя картечью. И вотъ въ глубокую ночь вдругъ послышался тихій лошадиный топотъ, который, по мѣрѣ приближенія къ плотинамъ, становился яснѣе; наконецъ загудѣли плотины отъ стуку копытъ; гайдамаки громко закричали: *Путе, бра́ття, або́ добу́ти, або́ до̀ма не бути!* и поскакали во весь духъ. Мы дали имъ приблизиться, чтобъ они всѣ взъѣхали на плотину, такъ какъ мы разсчитывали, что они увязнутъ на переднихъ завалахъ. Наконецъ грянули пушки. Наступилъ Страшный судъ! Черезъ каждыя двѣ-три минуты баттареи отвѣчали одна другой; стоны умирающихъ и раненыхъ,

топотъ лошадей, трескъ раздробленныхъ картечью деревъ раздавались по лѣсу; и все это происходило въ ночной темнотѣ, которая только отъ времени до времени озарялась пушечными выстрѣлами и увеличивала еще болѣе ужасъ этой сцены. До самаго разсвѣта продолжался громъ пушекъ. Это былъ новый родъ игры въ кровавыя жмурки, въ которой пушкари, съ завязанными черным платкомъ ночи глазами, поражали всякаго, кто подвернется подъ выстрѣлъ. Только при утреннемъ свѣтѣ увидѣли мы, какое бѣдствіе постигло гайдамакъ. На каждой изъ трехъ плотинъ лежало по нѣскольку десятковъ убитыхъ людей и лошадей, а въ болотѣ видно было нѣсколько утопшихъ. На большой плотинѣ, посреди вѣтвей и кольевъ, которыми она была загромождена, лежалъ завязнувшій и уже мертвый ватажко Семенъ Чортоусъ; подлѣ него издыхалъ конь чудной красоты. Узнали ватажка Ворона и Ласунъ. Богатая сбруя и рѣдкаго достоинства сабля, которую нашли при немъ, сдѣлались добычею князя Мартина Любомирскаго. Должно быть, опасно носить оружіе, добытое отъ чародѣя! (а Чортоуса называли *характерникомъ.*) Можетъ быть, въ этой саблѣ заключена была тайная сила, тянувшая владѣтеля къ насиліямъ и грабежу, которыми, къ несчастью, запятналъ себя въ послѣдствіи побѣдитель гайдамакъ у Мазепиной Могилы!

По приказанію князя, Ласунъ закричалъ въ жестяную трубу, чтобы оставшіеся въ живыхъ сдались, если не хотятъ погибнуть. Черезъ нѣсколько времени показалось на плотинѣ 36 разбойниковъ здоровыхъ и 8 раненныхъ; только всего и уцѣлѣло ихъ изъ трехъ сотъ отборныхъ « молодцовъ », да еще вытащено нѣсколько человѣкъ изъ болотныхъ зарослей. Къ нимъ приставили караулъ и велѣли ихъ переодѣть въ мужичье платье, а изъ каждаго ихъ жупана выпороли по нѣскольку сотъ червонцевъ. Потомъ приступлено къ вытаскиванью изъ болота труповъ и перебитыхъ лошадей; съ однихъ снимали одежду и вооруженіе, а съ другихъ сѣдла и чепраки, потому что у гайдамакъ вездѣ были зашиты золото, серебро и драгоцѣнности, награбленныя въ нѣсколькихъ десяткахъ домовъ, (ка-

толическихъ и уніятскихъ) церквей и мѣстечекъ. Наконецъ гренадеры вступили въ гайдамацкій станъ, чтобъ разорить его. Тамъ нашли въ батовнѣ 80 лошадей живыхъ и около 15 убитыхъ; вытащили изъ лѣсу трупы; оружіе и сбрую снесли къ мѣсту дѣлежа, и тотъ часъ приступлено къ описи добычи. Между тѣмъ прибылъ войсковой судья съ слѣдователями и палачъ съ своими прислужниками,—одни для изреченія приговора трупамъ, другія для глумленія надъ ними; ибо живыхъ плѣнниковъ, для подробнѣйшаго допроса, тотъ часъ отправили, въ оковахъ и подъ сильною стражею, въ подземелья Полонскаго замка, которыя назывались *Индіями*. Войско оставалось здѣсь до слѣдующаго дня, и въ это время раздѣлена добыча между офицерами и рядовыми; даже и мужикамъ дали по нѣскольку мѣдныхъ монетъ. Не забыли такъ же ни блюстителя правосудія, ни исполнителей его приговора. Послѣдніе увеличили свою награду, найдя въ желудкѣ одного четвертованнаго гайдамаки сто червонцевъ, которые онъ проглотилъ, свернувши въ трубочки. Наконецъ наступила обычная въ такихъ случаяхъ разсылка по мѣстечкамъ и большимъ дорогамъ головъ, рукъ и ногъ разбойничьихъ, что̀, правду сказать, производило больше отвращенія въ прохожихъ, нежели спасительнаго страха въ продавшихъ себя черту злодѣяхъ.

Войско выступило въ обратный путь, пробираясь мѣстами, ближайшими къ большой дорогѣ. Жолнѣры шли весело, бесѣдуя о недавнихъ приключеніяхъ и радуясь добычѣ, которую получили, не окровавивши рукъ, ибо все сдѣлали однѣ пушки. Проѣзжая мимо пѣхоты, я услышалъ пѣсню, которой одинъ куплетъ до сихъ поръ помню:

Cóż będziemy robili,
Gdyśmy wartę odbyli?
Weźmiem flintę, patrontas,
Pójdziem na wieś kury kraść (*).

«О-го!» подумалъ я, «не даромъ зовутъ васъ ку-

(*) Что же вамъ дѣлать, отбывъ свою службу? Возьмемъ ружье и патронташъ и пойдемъ на деревню красть куръ.

рохватами! А отъ лычка и до ремешка. При удобномъ для грабежа случаѣ, вы бывали не лучше этихъ гайдамакъ» (*).

ЭПИЛОГЪ ИЗДАТЕЛЯ ЗАПИСОКЪ О ЮЖНОЙ РУСИ.

Послѣднія слова престарѣлаго Польскаго пана приводятъ насъ къ причинѣ происхожденія и развитія гайдамачества въ Польскомъ королевствѣ. Первоначальными гайдамаками были въ немъ его собственные *жолнѣры* (военные люди), отъ которыхъ страдали всѣ провинціи и которые, состоя почти изъ одной шляхты, вкоренили въ ея духѣ всеподавляющій деспотизмъ личнаго произвола. Общественный порядокъ въ этомъ несчастномъ государствѣ основанъ былъ на правѣ сильнаго, которое отъ Радзивилловъ, Потоцкихъ и имъ подобныхъ магнатовъ нисходило до послѣдняго человѣка въ республикѣ, носившаго оружіе, и чѣмъ ниже спускалось, тѣмъ было нестерпимѣе для народа, который рѣзко былъ отличенъ въ «правахъ и вольностяхъ» отъ шляхетства. Поляки не шутя вѣрили, что мужики произошли отъ Хама и созданы именно для того, чтобъ работать на пановъ (**), и ни одному государственному человѣку не приходило у нихъ въ голову позаботиться объ улучшеніи участи этой отверженной касты, которая составляетъ плодотворную почву каждаго государства. Во внутреннихъ областяхъ все молчало и творило панскую волю отъ поколѣнія къ поколѣнію; но на пограничьи духъ личной независимости былъ развитъ въ высшей степени, и неистовства шляхетныхъ деспотовъ не могли быть долго терпимы

(*) Слѣдуетъ замѣтить, что оба похода на гайдамакъ, описанные паномъ Закревскимъ, происходили за нѣсколько лѣтъ до 1768 года, то есть, до Коліивщины. Онъ говоритъ въ своихъ запискахъ, или лучше—воспоминаніяхъ, что, еще до этихъ походовъ, онъ видѣлъ однажды Гонту, «который натворилъ столько бѣдъ въ послѣдствіи.» Далѣе, онъ разсказываетъ, въ числѣ воспоминаній о позднѣйшемъ періодѣ своей жизни, интересныя подробности о казни Гонты, которыя будутъ приведены мною въ другомъ мѣстѣ. *П. К.*

(**) Зап. о Южной Руси. т. I. стр. 101. «Базиліане».

Украинскимъ простонародіемъ. Сосѣдство съ хищными Татарами создало здѣсь въ народѣ потребность противодѣйствія ихъ набѣгамъ. Человѣкъ на Украйнѣ зависѣлъ отъ личной храбрости болѣе, нежели гдѣ-либо, и только смѣлый, только рѣшившійся на все могъ пользоваться правомъ займа пастьбищъ и рыбныхъ ловель въ виду степей, по которымъ рыскали, какъ голодные волки, Татары. Не земляной валъ, которымъ окружала себя въ тѣ времена самая ничтожная усадьба въ Украйнѣ, защищалъ здѣсь человѣка, а такой же лукъ, такое же ружье и сабля, какими вооружены были хищники; и если Украинцы умѣли отсиживаться отъ Орды въ своихъ редутахъ, то мало по малу должны были научиться и нападать на нее. Можетъ быть, они начали учиться этому искусству съ такихъ естественныхъ попытокъ, какую, послѣ *руйны* и *сгону*, сдѣлалъ одинъ изъ ея поселянъ, Кузубъ съ товарищами (*), но мало по малу выдвинулись въ степи смѣлѣе и начали мѣряться съ Татарами наѣздничествомъ не на шутку; наконецъ составили изъ своихъ смѣльчаковъ безженное общество среди недоступныхъ камышей, въ низовьяхъ Днѣпра, и въ свою очередь сдѣлались ужасомъ Крыма и Турціи. Сами Поляки способствовали устройству этого полурыцарскаго, полуразбойничьяго братства; но какъ оно составлялось большею частію изъ Украинцевъ, недовольныхъ притѣсненіями жолнѣровъ, пановъ и Жидовъ-арендаторей, то, постепенно развивая въ себѣ къ нимъ ненависть, проникнулось наконецъ такою же враждою ко всему католическому и жидовскому, какъ и ко всему мусульманскому. Отсюда-то пошли войны Косинскаго, Наливайка и т. д. до Чортоуса и Зализняка. Запорожцы выступали изъ Сѣчи на Украйну, дѣлали воззванія къ народу, собирали, въ большемъ или меньшемъ объемѣ, ватаги, подобныя ватагамъ Чуприны, Чортоуса и Зализняка, и истребляли все не-Русское и не-«благочестивое», сопровождая, разумѣется, свою рѣзню грабежемъ и пожарами.

П. Кулишъ.

(*) Тамъ же, стр. 102—103. «Преслѣдованіе Татаръ послѣ набѣга».

О ВЛІЯНІИ

РАЗВИТІЯ ФАБРИЧНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

НА ЗЕМЛЕДѢЛІЕ.

Si les droits prohibitifs ou protecteurs, considérés abstractivement peuvent prêter à des objections, la politique qui consiste à les maintenir peut cependant être défendue, mais alors il faut mettre en avant des considérations spéciales.

(R. Peel. Discours à la chambre des communes, séance du 28. Janvier, 1846).

Нѣкоторые изъ приверженцевъ системы свободной торговли стараются возстановить общественное мнѣніе противъ нашей мануфактурной промышленности, увѣряя, что пошлины, взимаемыя съ привозныхъ товаровъ, обращаются въ пользу однихъ нашихъ фабрикантовъ, не принося никакой пользы ни другимъ сословіямъ, ни государству. Г. Д. Скуратовъ замѣтилъ уже въ статьѣ, напечатанной въ № 126 Сѣверной Пчелы, что фабрикантъ не долго пользуется необыкновенными барышами, ибо, говоритъ онъ, «внутреннее «совмѣстничество скоро понижаетъ цѣну товаровъ до той «точки, ниже которой предпріятіе, по общему уровню обы«кновенныхъ въ странѣ барышей, сдѣлалось бы невыгод«нымъ.»

Перечитывая всѣ статьи, написанныя у насъ противъ поддержанія покровительственной торговой политики, мы не находимъ ни одного слова о томъ, почему ея противники считаютъ внутреннее совмѣстничество недостаточнымъ для удешевленія цѣнъ товаровъ до той степени, ниже которой наши фабрики не могли бы существовать. По нашему мнѣнію, выгоды какой-либо промышленности никогда не остаются тайными и вызываютъ многочисленныхъ внутреннихъ совмѣстниковъ, которые понижаютъ цѣну на товаръ по мѣрѣ того, какъ производство его совершенствуется и становится дешевле. Но хотя фабриканты и не такъ наживаются, какъ нѣкоторые думаютъ, однако нельзя не признать, что потребители долгое время платятъ за туземные мануфактурные товары дороже того, за сколько могли бы покупать иностранные, еслибъ только дозволено было привозить ихъ безпошлинно изъ странъ, упредившихъ насъ въ развитіи или имѣющихъ болѣе средства къ дешевому производству. Приверженцы свободной торговли возстаютъ противъ этого и ни мало не задумываются поставить *безусловнымъ* правиломъ, что гораздо выгоднѣе народу покупать дешево изъ-за границы то, что обходится дороже у себя.

Съ перваго взгляда положеніе это кажется очень простымъ и яснымъ, и въ домашнемъ хозяйствѣ нѣтъ такого простяка, который истратилъ бы 2 руб., чтобы сдѣлать дома то, что онъ можетъ купить у другаго за рубль, разумѣется, если только у него есть рубль; а этого-то иногда и не бываетъ. Но еслибъ это до такой степени простое правило можно было примѣнить къ между-народной торговлѣ, то какимъ образомъ объяснить, что самые образованные народы слѣдовали совершенно противной системѣ; что люди, которые показали себя великими во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, какъ, на примѣръ, Кромвель, Кольбертъ, Фридрихъ II, Наполеонъ, отличные агрономы и почти всѣ извѣстные администраторы, не поняли такой простой истины? Какимъ образомъ объяснить, что даже по словамъ самыхъ жаркихъ приверженцевъ свободной торговли эта ложная теорія покровительственной системы владычеству-

етъ еще въ народныхъ массахъ и руководствуетъ дѣйствіями многихъ правительствъ; что она служитъ основаніемъ экономическаго ученія всѣхъ писателей 18 вѣка, которые не принадлежатъ къ школѣ физіократовъ или Адама Смита?

Не удивительно ли, что это странное затмѣніе разсудка, эта непостижимая умственная болѣзнь, съ одной стороны, распространилась въ народныхъ массахъ, а съ другой, помрачила умы великихъ государственныхъ людей, которые, имѣвъ случай примѣнить къ дѣлу аксіому фритредеровъ, покупать у другихъ то, что обходится дорого у себя, слѣдовали совершенно противоположнымъ правиламъ? Эпиграфъ нашей статьи достаточно показываетъ, что самъ Пиль не вѣрилъ безусловной практичности системы свободной торговли, а хотя министръ Гускисонъ и сказалъ, что для Англіи изобрѣтенная ею же охранительная система есть привилегія, которой вышелъ срокъ (un brevet d'invention dont le privilège est expiré), но и доселѣ она еще не совершенно отмѣнена.

Пошлины съ привозимыхъ въ Англію мануфактурныхъ товаровъ, уничтоженію которыхъ такъ радовались приверженцы свободной торговли, были не что иное, какъ пугала для птицъ, забытыя въ огородѣ, въ которомъ не чѣмъ уже поживиться. Но, гдѣ еще что-нибудь осталось, тамъ эти пугала не сняты: на примѣръ, намъ гораздо выгоднѣе было бы отправлять нашу рожь въ Англію въ видѣ *спирта*, но тутъ встрѣчаетъ насъ запретительная пошлина въ 15 шил. съ галлона, т. е., въ 12 руб. 75 коп. серебр. съ ведра! Не угодно ли нашимъ фритредерамъ исчислить, какой процентъ составляетъ такая пошлина? Но это бы еще ничего не значило, еслибъ пошлины съ рома и другихъ спиртныхъ напитковъ, привозимыхъ изъ Англійскихъ колоній, не были несравненно менѣе, а именно:

Съ привозимыхъ	въ Англію. . .	8	шил.	2 п.
— — — —	въ Шотландію.	5	—	» —
— — — —	въ Ирландію. .	3	—	8 п.

Вслѣдствіе сего привозъ иностранныхъ водокъ дѣлается совершенно невозможенъ, хотя спиртовые напитки Англій-

скихъ колоній обходятся потребителямъ гораздо дороже цѣны, за которую можно бы получить ихъ изъ Россіи. Гдѣ же тутъ свободная торговля?

Наконецъ не странно ли, что доказательства такой по видимому простой истины ищутъ въ наукѣ, въ которой терминологія, по сознанію самихъ экономистовъ, находится въ столь жалкомъ положеніи, что большая часть словъ, входящихъ въ составъ экономическаго словаря, до сихъ поръ понимается различно различными писателями, въ которой, какъ говоритъ Евгеній Бюре,—сколько ученыхъ, столько же и различныхъ ученій.

Не въ правѣ ли мы заключить изъ всего выше сказаннаго, что вопросъ этотъ кажется такъ простъ только для того, кто не вникнулъ глубже въ его сущность, и самая теорія свободной торговли не есть ли доселѣ такая же утопія, какъ и многія другія, подводящія подъ математическія формулы сложные вопросы человѣческой жизни?

Предположеніе это оправдывается еще болѣе существеннымъ различіемъ между системой меркантильной и ученіемъ о свободной торговлѣ. Система свободной торговли возникла въ кабинетѣ ученыхъ и существуетъ только въ теоріи. Внѣшняя логичность этого ученія ни сколько не можетъ доказать удобоприложимости его въ практикѣ. Лишенное же всякой практичности, ученіе это должно по крайней мѣрѣ выдержать анализъ теоретическій; если же не выдерживаетъ и его, то необходимо должно пасть. Напротивъ того, меркантильная система во Франціи была не что иное, какъ попытка нѣкоторыхъ писателей 18-го столѣтія систематически объяснить слѣдствія учрежденій, введенныхъ Кольбертомъ для поощренія мануфактурной промышленности. Мы не беремся рѣшить, была ли эта попытка удачна во всѣхъ отношеніяхъ: на примѣръ, ученіе о пользѣ накопленія въ государствѣ, какъ можно болѣе, драгоцѣнныхъ металловъ, намъ кажется столь же неосновательнымъ (*), какъ и противоположное мнѣніе *фритредеровъ*,

(*) Мы нигдѣ не находимъ положительныхъ и ясныхъ доказательствъ, чтобы Кольбертъ поставилъ конечною цѣлью своей торговой политики неограниченное накопленіе звонкой монеты.

которые думаютъ, что излишній вывозъ за границу звонкой монеты не только не приноситъ вреда, но даже и существовать не можетъ. Мы полагаемъ, что въ этомъ случаѣ истина находится въ срединѣ и что всякое государство должно стараться сохранить у себя столько звонкой монеты, сколько оной нужно для свободнаго народнаго обращенія, при содѣйствіи бумажныхъ денегъ, купеческихъ векселей, переводовъ, государственныхъ кредитныхъ учрежденій и другихъ средствъ, которыя могутъ быть придуманы для облегченія внутренней и внѣшней торговли. Но, соглашаясь съ фритредерами въ томъ, что неограниченное накопленіе звонкой монеты не должно быть цѣлью торговой политики, мы тѣмъ не менѣе полагаемъ, что развитіе народныхъ промышленностей посредствомъ охранительныхъ тарифовъ, при извѣстныхъ условіяхъ времени, мѣстности и народнаго развитія, можетъ быть не только полезно, но иногда и совершенно необходимо; а вѣдь въ этомъ-то и состоитъ сущность такъ называемой покровительственной политики, которую не должно смѣшивать съ систематическимъ ученіемъ меркантилистовъ. Мы уже сказали, что фритредеры не допускаютъ никакого исключенія въ приложеніи вышеозначеннаго правила, что *гораздо выгоднѣе всякому народу покупать дешево изъ-за границы то, что обходится дороже у себя.* Посмотримъ, какъ этотъ принципъ выдерживаетъ примѣненіе къ разнымъ обстоятельствамъ и мѣстностямъ. Вообразимъ такую страну, какъ Россія, отодвинутою въ мѣстность, лежащую на нѣсколько тысячъ верстъ отъ портовъ, и рѣки которой впадали бы, какъ на пр. въ Сибири, въ неудобный для плаванія океанъ. Отправленіе тяжелыхъ земледѣльческихъ продуктовъ, какъ-то: лѣсу, хлѣба, пеньки, сала, изъ такой страны совершенно невозможно, ибо цѣна, которая получится за нихъ, не покроетъ издержекъ ихъ провоза. Какимъ же образомъ эта страна пріобрѣтетъ нужныя для нея мануфактурные товары, слѣдуя безусловному началу Сея, что продукты мѣняются на продукты, когда отправка большей части ея продуктовъ на иностранные рынки невозможна? Очевидно, что жители этой страны должны будутъ или

довольствоваться чрезвычайно малымъ, на пр. для одежды грубыми домашними издѣліями, или завести туземныя мануфактуры, которыя снабжали бы земледѣльцевъ мануфактурными издѣліями и въ обмѣнъ брали бы отъ нихъ земледѣльческіе продукты. А этого нельзя никакъ достигнуть безъ охранительнаго тарифа, ибо хотя отправка изъ такой страны земледѣльческихъ продуктовъ, которые будутъ продаваться на иностранныхъ рынкахъ по 2, по 3, по 4, и по 5 руб. за пудъ невозможна, — но расходы на доставку, по 2, 3, 4 и 5 руб. сер. на пудъ, вовсе не помѣшаютъ доставлять въ такую страну съ иностранныхъ рынковъ ткани, стоющія на пр. отъ 50 до 150 руб. сер. на пудъ, и подрывать мѣстныя фабрики, которыя могли бы тамъ устроиться. Слѣдовательно такая страна осталась бы и безъ туземныхъ фабрикъ, и безъ иностранныхъ товаровъ, которые выписывались бы только въ малыхъ количествахъ для богатыхъ классовъ, смотря по суммѣ, на которую она могла бы отправить легко подвижныхъ и многоцѣнныхъ товаровъ, какъ-то: золота, серебра, мѣховъ и т. п.; но земледѣльческіе продукты остались бы безъ мѣновой цѣнности и производились бы только для собственнаго потребленія.

Всякая промышленность, не исключая и земледѣльческой, тогда лишь обогащаетъ страну, когда представляемые ею барыши даютъ средства къ умноженію капиталовъ, безъ которыхъ никакой народъ не можетъ достигнуть ни матеріальнаго, ни умственнаго развитія; но капиталы образуются изъ чистаго дохода, т. е. излишка проданной цѣнности производимаго товара, сверхъ суммы всѣхъ расходовъ производства.

При какихъ же условіяхъ можно получить чистый доходъ отъ обработки земель? Опредѣлимъ эти условія словами самихъ приверженцевъ свободной торговли: « Поземельный чистый *доходъ* (рента), который можно получать съ земель, опредѣляется двумя обстоятельствами: 1) положеніемъ земли и богатствомъ края, гдѣ она находится; 2) ея плодородіемъ.

1) Чистый доходъ (который и составляетъ собственно

доходъ владѣльца) бываетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ ближе земля къ рынку, гдѣ ея продуктъ окончательно потребляется. Отдаленіе рынка увеличиваетъ издержки провоза и слѣдовательно общую стоимость продукта, доставляемаго на мѣсто потребленія, сверхъ стоимости онаго, со включеніемъ всѣхъ расходовъ доставки.

«Земля, которая лежитъ очень далеко отъ рынка, гдѣ ея продукты должны потребляться, не только не приноситъ чистаго дохода (ренты), но можетъ-быть даже и не покрываетъ издержекъ обработки... Положеніе земли, въ этомъ отношеніи, имѣетъ даже болѣе значенія, чѣмъ ея плодородіе.

«Когда продукты (разумѣется, по вѣсу и объему) имѣютъ очень высокую цѣнность, то они еще могутъ находить сбытъ въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ и приносить чистый доходъ владѣльцу, за нѣсколько тысячъ миль отъ того мѣста, гдѣ они воздѣлываются и эта рента выплачивается. Таковы драгоцѣнные металлы, пряности, даже сахаръ. Для продуктовъ меньшей цѣнности хорошо содержимыя большія дороги, каналы и судоходныя рѣки, уменьшая издержки провоза, приближаютъ, такъ сказать, земли къ рынкамъ ихъ продуктовъ» (*).

Эти слова извѣстнаго экономиста (Шторха) ясно показываютъ, что обширность и даже плодородіе земель далеко еще не составляютъ всѣхъ условій, при которыхъ земледѣльческая промышленность можетъ обогащать народъ. Для этого обогащенія необходимо: или, 1-е, чтобъ эти земли производили цѣнные продукты, которые могли бы находить сбытъ въ отдаленныхъ краяхъ и приносить чистый доходъ землевладѣльцу даже и тогда, когда они потребляются далеко отъ того мѣста, гдѣ эти продукты воздѣлываются; или, 2-е, чтобы недалекіе отъ нихъ рынки (т. е. мѣста, гдѣ окончательно потребляется товаръ) давали имъ возможность сбывать малоцѣнные (по объему и вѣсу) продукты и слѣдовательно не выносящіе издержекъ дальняго провоза, за такую цѣну, при которой покрывались бы из-

(*) Storch. T. 1. p. 368. édit. de Paris.

держки производства и сверхъ того оставался бы еще чистый доходъ землевладѣльцу.

Правда, что Шторхъ упоминаетъ объ устройствѣ хорошихъ и дешевыхъ путей сообщенія; но это средство возможно только, когда отдаленность существующихъ рынковъ не слишкомъ велика и когда устройство ихъ не затрудняется слишкомъ большими географическими и климатическими препятствіями. Именно, возьмемъ прежній примѣръ: можно ли вообразить себѣ, при теперешнемъ состояніи науки, такіе пути сообщенія, которые сдѣлали бы выгодною доставку тяжелыхъ земледѣльческихъ продуктовъ, изъ глубины Сибири въ Европейскія государства?...... И такъ что же остается дѣлать такой странѣ? Неужели, несмотря на обширность и плодородность своихъ земель, она должна оставаться въ земледѣльческомъ состояніи, безъ промышленности и капиталовъ?..... По нашему мнѣнію, такая страна необходимо должна прибѣгнуть къ развитію у себя мануфактурной промышленности посредствомъ охранительныхъ пошлинъ съ иностранныхъ мануфактурныхъ товаровъ: ибо, какъ мы уже упомянули, возвышеніе въ цѣнѣ мануфактурныхъ товаровъ, вслѣдствіе дальняго провоза, никогда не бываетъ такъ значительно, чтобы дать возможность завести въ такой странѣ фабрики, которыя могли бы на первыхъ же порахъ выдерживать совмѣстничество съ иностранными безъ охранительнаго тарифа. И такъ очевидно, что правило не дѣлать у себя того, что можно получить дешевле отъ другихъ народовъ, не можетъ быть допущено безусловно, и зависитъ въ примѣненіи отъ условій географическаго положенія странъ и качества ихъ продуктовъ. Но если мы допустимъ исключеніе изъ этого правила относительно странъ, откуда сбытъ земледѣльческихъ продуктовъ невозможенъ, если мы допустимъ, что земледѣльцы такой страны могутъ дѣлать пожертвованія для того, чтобъ развить у себя и такое народонаселеніе, которое, не занимаясь земледѣліемъ, представило бы имъ близкій рынокъ для ихъ земледѣльческихъ продуктовъ: то почему жъ не допустить этого исключенія и для тѣхъ странъ, въ которыхъ такой сбытъ хотя возмо-

женъ, но не выгоденъ? Это становится дѣломъ разсчета. По нашему мнѣнію, торговые интересы земледѣльческихъ странъ, не производящихъ тропическихъ продуктовъ, представляютъ совершенную противоположность съ интересами тѣхъ, которыя производятъ мануфактурные товары для отправленія за границу. Для мануфактурныхъ народовъ внѣшняя торговля въ самомъ обширномъ развитіи есть главная жизненная потребность, для земледѣльческихъ же она должна быть только дополненіемъ къ внутренней, интересы которой должны всегда идти впереди. Постараемся развить эту истину въ немногихъ словахъ. Земледѣлецъ, коего земли лежатъ далеко отъ мѣста сбыта, отправляетъ за границу продуктъ, который мало цѣнится на мѣстѣ производства, но дорого обходится провозомъ до заграничнаго рынка. Напротивъ того, фабрикантъ, работающій для заграничнаго отпуска, отправляетъ въ чужіе краи товаръ, который дорого цѣнится на мѣстѣ производства, а дешево обходится провозомъ. Если заграничный рынокъ земледѣльца лежитъ далеко, то эта отдаленность бываетъ причиною низкой цѣны его продукта на мѣстѣ производства, слѣдовательно и земли, которая его производитъ. Напротивъ того, цѣна фабричнаго товара на мѣстѣ производства очень мало зависитъ отъ дальняго провоза.

Изъ сего слѣдуетъ, что если главная цѣль фабричной страны состоитъ въ томъ, чтобы ея произведенія допускались на всѣ иностранные рынки безъ пошлины (ибо издержки провоза для нея незначительны), то главная выгода земледѣльческой состоитъ въ образованіи у себя близкихъ рынковъ, гдѣ бы ея тяжелые продукты могли дорого продаваться, избѣгая большихъ расходовъ на провозъ.

Но на какихъ рынкахъ бываютъ они дороги?—Тамъ, гдѣ существуетъ многочисленное народонаселеніе, имѣющее потребность и средство покупать ихъ.

Потребность же въ покупкѣ земледѣльческихъ продуктовъ можетъ имѣть только та часть народа, которая сама не занимается хлѣбопашествомъ, а средства къ такой покупкѣ должна пріобрѣтать какой-либо другой работой.

Эту другую работу могутъ доставлять въ большомъ видѣ

только мануфактуры, и если онѣ не могутъ возникнуть и существовать безъ охранительнаго тарифа, то введеніе онаго не только не противно выгодамъ для самихъ землевладѣльцевъ, но и необходимо для нихъ.

И такъ охранительный тарифъ тѣмъ необходимѣе для государствъ, чѣмъ невыгоднѣе сбытъ ихъ земледѣльческихъ продуктовъ на существующіе иностранные рынки, или другими словами: чѣмъ менѣе чистаго доходу остается землевладѣльцамъ отъ воздѣлыванія ихъ земель. Теперь примѣнимъ къ нашему отечеству изложенныя нами начала: цѣны на работу и земли значительно у насъ возвысились въ теченіе послѣднихъ 20 или 30 лѣтъ, особенно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ мануфактурная промышленность получила нѣкоторое развитіе, и въ тѣхъ, которыя имѣютъ съ ними удобное и дешевое водяное сообщеніе: не менѣе значительно возвысились тамъ и цѣны на ремесленную работу. Но вотъ какое было положеніе Россіи въ этомъ отношеніи, лѣтъ 20 или 30 тому назадъ: въ населеннѣйшихъ губерніяхъ Россіи, на пр. въ Курской, гдѣ на душу приходилось только 2¾ десятины, лучшій черноземъ продавался по 20 руб. сер. за десятину. Также и въ Рязанской и Тамбовской губ. лучшій черноземъ цѣнился около 20 руб. сер. Въ Калужской губерніи лучшія земли около 15 руб. сер., худшія отъ 6—7 руб. сер. Въ Старобѣльскомъ и Купянскомъ уѣздахъ лучшая луговая земля отдавалась въ наймы по 1 руб. сер. за десятину. Тамъ же (въ Старобѣльскомъ уѣздѣ) было продано 3,600 десят. земли при 196 душахъ (въ томъ числѣ 900 десят. чернозему, никогда не паханнаго, и лѣсу 512 десят., который можно продать около 60 руб. сер за десятину), все за 160,000 руб. асс. Вышеприведенные примѣры не суть исключенія, а потому по нимъ можно судить о цѣнахъ на землю вообще въ Россіи. Теперь эта цѣна значительно повысилась, но что значитъ она, когда сравнить ее съ цѣнами западныхъ государствъ? На пр. во Франціи: въ департаментѣ de l'Aude земля кремнистая съ примѣсью песчаника стоитъ 1,200 руб. асс. за десятину; земля же высшихъ качествъ, состоящая изъ наносныхъ земель, до 3,000 р. асс. Въ департаментѣ des

Hautes Pyrenées цѣна земли перваго качества отъ 2,400 до 2,700 руб., 2-го 1,400 р., и 3-го, гдѣ сѣютъ только въ 2 года разъ, 800 р. Въ департаментѣ Тарнскомъ (du Tarn) цѣна луговой земли 1-го качества отъ 8,000 до 10,000 руб. за десятину, 2-го отъ 1,500 до 5,000, огородной отъ 5,000 до 6,000 руб., пахатной 1-го сорта отъ 1,500 руб. до 2,000, и 2-го отъ 900 до 1,200 руб.; въ Сартскомъ департаментѣ, въ 250 верст. отъ Парижа, гдѣ земли крѣпкія и песчаныя и хлѣба только что достаетъ на прокормленіе жителей (стало быть его не вывозятъ), цѣна луговой земли 1-го качества 3,000 руб. и 2-го 2,000, пахатной земли 1-го качества 2,000 руб. и 2-го 1,000 руб. за десятину (*).

Мы полагаемъ, что достаточно этихъ фактовъ, чтобы показать страшную разницу цѣны земель въ Россіи и Западной Европѣ. Считаемъ нужнымъ однако прибавить одно объясненіе.

Можно подумать, что такая огромная разница въ цѣнѣ земли происходитъ единственно отъ малонаселенности Россіи, и дѣйствительно нельзя спорить, что тамъ, гдѣ народу болѣе, земля должна быть дороже. Но посмотримъ, можно ли этимъ однимъ объяснить всю ту разницу, которая существуетъ между Россіею и Западною Европою. Во Франціи, въ департаментѣ de l'Aude приходится на душу по $2^1/_{10}$ десятины; стало быть немного менѣе, нежели въ Курской губерніи, гдѣ на душу считается по $2^3/_4$ десятины. А между тѣмъ какая разница въ цѣнахъ на землю! Тамъ (какъ мы видѣли) земля кремнисто-песчаная стоитъ 1,200 руб., высшихъ же качествъ до 3,000 руб.; здѣсь же самый лучшій черноземъ около 20 руб. сер. за десятину.

Можно еще сказать, что мы не имѣемъ права сравнивать наши населеннѣйшія губерніи съ различными мѣстностями Западной Европы, гдѣ народонаселеніе расположено болѣе равнымъ образомъ, потому что у насъ сосѣдство губерній чрезвычайно малолюдныхъ и многоземельныхъ мо-

(*) Agriculture française, ouvrage publié d'après les ordres de M-r le ministre de l'agriculture et du commerce. Paris. 1844.

жетъ имѣть большое вліяніе на уменьшеніе цѣнъ хлѣба и земли въ смежныхъ съ ними болѣе населенныхъ. Такое замѣчаніе было бы совершенно справедливо, еслибъ хлѣбъ въ наиболѣе населенныя губерніи доставлялся постоянно изъ губерній малонаселенныхъ; но мы знаемъ, что это бываетъ только въ случаѣ чрезвычайныхъ неурожаевъ, 1 разъ въ 5—7 лѣтъ, и стало быть не можетъ имѣть вліянія на сложную цѣнность продуктовъ и земель.

И такъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что цѣны земель въ Россіи были ничтожны, и еслибы единственною причиною этого было большое количество ихъ въ сравненіи съ народонаселеніемъ, то тогда по крайней мѣрѣ была бы дорога плата за работу; но мы увидимъ, на сколько это справедливо.

По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, въ Калужской и Тульской губерніяхъ, во время производства работъ по Варшавскому шоссе, нанимали лучшихъ копачей на 6 мѣсяцевъ, на хозяйскихъ харчахъ (въ рабочую пору), отъ 30 до 35 руб. сер., чернорабочихъ по 2 р. 50 коп. и 3 руб. сер. въ мѣсяцъ.

Для работъ въ каменоломняхъ: по контрактамъ отъ помѣщиковъ, большими партіями, съ 1 Ноября до Святой недѣли, на хозяйскихъ харчахъ, отъ 1-го до $1\frac{1}{2}$ руб. сер. въ мѣсяцъ. Батраки въ Тульской губерніи, 19 — 20 лѣтъ, получали въ годъ, на хозяйскихъ харчахъ, 30 руб. сер. Въ Рязанской губерніи работника нанимали на круглый годъ за 20 руб.; на рабочую пору, т. е., отъ Апрѣля до Ноября, за 15 руб. сер. Въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, въ кругломъ годовомъ счету, наемные работники получали, на хозяйскихъ харчахъ, около 10 коп. сер. въ день; работницы же не выше 3 коп. сер. Въ примѣръ того, какая плата за работу въ другихъ государствахъ, находящихся съ Россіею въ одинаковыхъ условіяхъ населенія и пространства, довольно привести С. А. Штаты, очень близкія къ намъ въ отношеніи плодородія и обширности земель. Простой пахарь вырабатываетъ тамъ безъ лошади до 1 руб. сер. въ сутки, т. е., въ 10 разъ болѣе, нежели работники въ на-

шихъ хлѣбородныхъ губерніяхъ; каменщики же и плотники по 2 руб. сер. и болѣе (*).

Совершенная ничтожность цѣнъ на земледѣльческіе продукты еще поразительнѣе и еще менѣе можетъ быть объяснена одною малочисленностію населенія Россіи, потому что обнаруживается такъ же въ тѣхъ губерніяхъ, которыя наиболѣе населены. Такъ, на пр., въ Курской, Харьковской и Полтавской губерніяхъ, въ урожайные годы, рожь продавалась иногда отъ 50 до 70 коп. сер. за четверть, овесъ же нельзя было продать ни по какой цѣнѣ (**); за то въ неуражайные годы цѣны возвышаются въ 15 разъ и более. Какъ низки цѣны на хлѣбъ и въ другихъ губерніяхъ Россіи въ обыкновенные годы и какъ высоки въ неурожайные—можно видѣть изъ приложенной здѣсь таблицы цѣнъ на рожь.

	во время урожая	*неурожая.*
Въ Симбирской губерн. .	1 р. 28 к.	6 р. 14½ к.
— Воронежской — . .	1 » 45 »	7 » 31 »
— Пензенской — . .	1 » 11 »	6 » 26½ »
— Екатериносл. — . .	1 » 74½ »	8 » 74 »
— Рязанской — . .	1 » 48½ »	9 » 74 »
— Тамбовской — . .	1 » 14 »	7 » 70 »
— Саратовской — . .	» » 91½ »	6 » 13 »
— Курской — . .	1 » 7 »	8 » 85 »
— Тульской — . .	1 » 43 »	14 » 28 »
— Ставропольск. — . .	1 » 37 »	17 » 28 (***).

(*) Chevalier. Lettres sur l'Amérique du Nord. T. II. p. 114.

(**) См. статью г. Каразина о промышленности Малороссіи въ Коммерческой газетѣ 1840 г., такъ же письмо помѣщика Полтавской губерніи, Роменскаго уѣзда, напечатанное въ статьѣ: «Опытъ хозяйства Полтавской губерніи.» Журналъ Моск. Общ. сел. хоз. 1837 г. ст. 26., изъ коего извлекаемъ слѣдующее: «урожай у насъ хорошъ, но цѣны неимовѣрно низки. Рожь 2 р. 40 к., овесъ 80 к. и 1 р. асс. четверть. Вы не можете вообразить, въ какомъ бѣдномъ состояніи Малороссія. Утвердительно можно сказать, что, чѣмъ урожайнѣе годъ, тѣмъ гибельнѣе для здѣшняго жителя; онъ съ голоду не умираетъ, но за то падаетъ подъ бременемъ удовлетворенія своихъ нуждъ. Причина—мѣстное положеніе и отдаленность отъ судоходныхъ рѣкъ. Намъ безпрестанно твердятъ, какъ пахать, какъ сѣять, но научите насъ, ради Бога, куда сбывать наши произведенія по выгоднымъ цѣнамъ.

(***) Смотри Записку, представленную Государю Императору Г. Ми-

Во Франціи средняя цѣна гектолитра пшеницы 20 фр., что составляетъ 37 руб. асс. за четверть. Эта цѣна въ Парижѣ никогда не измѣняется въ большей пропорціи, какъ 100 къ 200, и едва ли найдутся такіе департаменты, въ которыхъ бы она измѣнялась въ пропорціи 100 къ 250.

И такъ безцѣнность земель, безцѣнность работы, безцѣнность, а иногда дороговизна, хлѣба: таковы характерическія черты нашего экономическаго быта *за четверть* столѣтія тому назадъ. Да и нынѣ еще этотъ порядокъ вещей мало измѣнился къ лучшему, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, до которыхъ еще не достигъ благодѣтельный духъ промышленности. Не ясно ли обнаруживается въ этомъ вся невыгода исключительнаго развитія одной земледѣльческой промышленности и недостаточное распространеніе другихъ отраслей труда? При одинаковомъ почти съ нѣкоторыми нашими губерніями населеніи, цѣнность земель во Франціи въ 20, 30 и даже 40 разъ болѣе, чѣмъ у насъ. Чему приписать это, какъ не многочисленности фабричнаго и ремесленнаго населенія, представляющаго мѣстный сбытъ для земледѣльческихъ продуктовъ?

И такъ мы не безъ основанія думаемъ, что Россія, въ отношеніи къ внѣшней торговлѣ, не принадлежитъ къ категоріи тѣхъ странъ, которыя могутъ наживаться отъ земледѣлія, и что неизбѣжное вліяніе географическаго положенія побудило насъ ввести и почти 35 лѣтъ поддерживать охранительную систему, (*) хотя теорія свободной торговли

нистромъ Государственныхъ Имуществъ при всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1841 годъ.

(*) Слишкомъ 10 лѣтъ тому назадъ, г. Небольсинъ, въ Статистическихъ запискахъ о внѣшней торговлѣ Россіи (часть 2. стр. 246), говоритъ: «Нынѣшняя система тарифа въ Россіи существуетъ съ 1822 года и, кромѣ частныхъ перемѣнъ, необходимыхъ при развитіи промышленности и торговли, не измѣнилась въ своемъ характерѣ. Правительство, принявъ оную кореннымъ началомъ своей торговой политики, имѣло въ виду обезпечить сырымъ произведеніямъ отечественнаго земледѣлія и скотоводства сбытъ внутри государства и возвысить цѣнность ихъ, которую онѣ теряли отъ уменьшившагося требованія за границу; сей внутренній сбытъ должны были доставить имъ отечественныя мануфактуры и фабрики чрезъ обработываніе матеріаловъ, которые покупались иностранцами въ первобытномъ видѣ.»

довольно была извѣстна нашимъ государственнымъ людямъ. (*)

Невыгоды нашего географическаго положенія впрочемъ такъ неоспоримы, что даже и тѣ, которые не вполнѣ одобряютъ у насъ охранную систему, не могутъ не согласиться и не признать ихъ.

Г. Тенгоборскій, нашъ извѣстный статистикъ, начинаетъ IV томъ своего сочиненія слѣдующими словами: «*Географическое положеніе Россіи не весьма благопріятно для внѣшней торговли.* Естественный сбытъ, представляемый этимъ положеніемъ, не соразмѣренъ съ великимъ количествомъ продуктовъ, которые наша земля могла бы производить для вывоза. Европейская Россія граничитъ на Востокѣ съ наименѣе образованными народами Азіи, на Западѣ и на Югѣ съ земледѣльческими странами, которыя сами производятъ многія изъ главныхъ статей нашей отпускной торговли, какъ-то: хлѣбъ, нѣкоторые рода первообразныхъ матеріаловъ, служащихъ для тканья, кожи и т. д.»

«Главный нашъ водяной путь—Волга впадаетъ въ закрытое море и, можно сказать, имѣетъ значеніе только для внутренней торговли; наши порты весьма удалены отъ главныхъ рынковъ Западной Европы; тѣ изъ нихъ, которые лежатъ въ Балтійскомъ и Бѣломъ моряхъ, открыты для навигаціи на очень короткое время; при томъ всѣ наши отпускные товары очень объемисты и грузны, а привозные напротивъ занимаютъ очень мало мѣста, и потому большая часть судовъ приходитъ къ намъ съ баластомъ, отъ чего фрахтъ удвоивается.»

Прибавимъ къ этимъ словамъ г. Тенгоборскаго отдаленность нашихъ плодородныхъ губерній отъ портовъ, неблагодарную почву многихъ другихъ, замерзаніе рѣкъ зимою, ихъ мелководіе лѣтомъ, и тогда легко будетъ всякому понять, какой чистый доходъ остается нашимъ землевладѣльцамъ отъ вывоза сихъ продуктовъ за границу. — Не будемъ такъ же удивляться ни выше показаннымъ свидѣ-

(2) Графъ Канкринъ въ своемъ сочиненіи именно говоритъ, что онъ давно знакомъ съ теоріей политической экономіи.

тельствамъ малоцѣнности нашихъ земель и рабочаго труда, ни расчетамъ нашихъ отличнѣйшихъ агрономовъ, изъ которыхъ слѣдуетъ, что если расчитывать по вольной цѣнѣ работу нашихъ крестьянъ, то земли наши не дадутъ никакого дохода владѣльцамъ ихъ (*). Эти обстоятельства объясняютъ также, почему почти весь хлѣбъ, отправляемый за границу, производится въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и почему крѣпостная работа кажется почти необходимымъ условіемъ заграничнаго отпуска сихъ продуктовъ. (**) Это же географическое положеніе и сравнительная малоцѣнность нашихъ продуктовъ суть очевидныя причины несоразмѣрности въ цѣнности нашего отпуска съ отпускомъ другихъ земледѣльскихъ странъ, вопреки всѣмъ мѣрамъ, издавна принятымъ правительствомъ, для его облегченія. Взявши, на пр., 1844. г., мы находимъ, что Россіею отпущено въ этомъ году собственно хлѣбныхъ и другихъ растеній, а именно: хлѣба разнаго рода, льна, льнянаго сѣмени и пеньки на

(*) Совершенно соглашаясь съ авторомъ статьи во всемъ, по сему предмету имъ сказанномъ, считаю необходимымъ присовокупить, что одною изъ главныхъ причинъ малыхъ доходовъ у насъ съ земли есть малопроизводительность барщинской работы. *Изд. К...*.

(**) См. статью г. Бунина, Тамбовскаго помѣщика, въ Журналѣ Московскаго Общества сельскаго хозяйства; такъ же записки Пензенскаго замледѣльца Г. Сабурова.

Примѣч. Очень понятно, почему поступаетъ въ продажу для заграничнаго отпуска болѣе помѣщичьяго хлѣба, чѣмъ крестьянскаго: поселяне большую часть хлѣба, ими получаемаго, потребляютъ сами и остальную вывозятъ на ближайшіе базары, гдѣ покупаютъ его городскіе жители, незначительные торговцы и винокуренные заводчики; а помѣщичій хлѣбъ большими партіями скупается значительными хлѣбными торговцами, которые отправляютъ его къ портамъ. Что же касается до того, что работа барщинская кажется нѣкоторымъ людямъ, въ томъ числѣ извѣстному путешественнику Барону Гакстгаузену, необходимымъ условіемъ къ значительной отправкѣ хлѣба за границу, то это мнѣніе показываетъ лишь недостаточное знаніе этихъ людей хозяйственнаго нашего быта. Наши поля производятъ еще крайне мало въ сравненіи съ тѣмъ, что онѣ могли бы доставить при иномъ порядкѣ хозяйничанья. Стоитъ посмотрѣть на наши орудія, на нашихъ крестьянскихъ лошадей, на наше землеудобреніе и пр., и всякій долженъ сознаться, что, при иной болѣе разумной обработкѣ, наши нивы должны дать двойные, тройные урожаи.

Изд. К.

40,253,000 р. (*) ; считая въ Европейской Россіи около 50 милліоновъ жителей, приходится по 80 коп. на душу. Соединенные Штаты отпустили въ торговомъ году, съ 1843 по 1844 г., на 426,650,000 франковъ, что составляетъ 106,662,000 руб. (**). Полагая тогда въ Штатахъ около 18 милліоновъ жителей, на душу приходится около 6 р. сер. Разница эта очевидно происходитъ отъ того, что земля и климатъ Соединенныхъ Штатовъ благопріятствуютъ произведенію растеній многоцѣнныхъ, выгодныхъ для дальнѣйшей отправки, и отъ того, что естественныя и искуственныя путевыя сообщенія ихъ несравненно лучше нашихъ.

Но, кромѣ невыгоднаго географическаго положенія для отправленія за границу тяжелыхъ продуктовъ, есть и другія причины, которыми вполнѣ оправдывается введеніе охранительнаго тарифа въ видахъ распространенія мануфактурной промышленности, которая такъ удачно соединяется у насъ съ земледѣліемъ, недавно еще почти единственною отраслію народнаго труда въ нашемъ отечествѣ. Иностранные писатели, наблюдающіе Россію изъ далека, могутъ думать, что народонаселеніе наше не довольно еще многочисленно по пространству Россіи, чтобы съ выгодою оторвать нѣкоторое число рукъ отъ земледѣлія для фабричной промышленности. Въ одностороннихъ, а можетъ быть и своекорыстныхъ, своихъ сужденіяхъ они увѣряютъ, что Россія могла бы долгое еще время оставаться исключительно земледѣльческимъ государствомъ. Правительство наше судило иначе. Оно видѣло, что пространство имперіи неизмѣримо, что источники ея могущества неисчислимы; но видѣло также и то, что, по причинѣ необъятнаго пространства и по свойству ея продуктовъ, сбытъ оныхъ за границу сопряженъ съ большими невыгодами и затрудненіями. Принимая мѣры къ усиленію сего сбыта, оно вмѣстѣ съ тѣмъ заботилось и о томъ, чтобы посредствомъ введенія и развитія фабричной промышленности замѣнить до-

(*) Виды государственной торговли за 1844 годъ.

(**) Documents sur le commerce extérieur, publiés par le ministère d'agriculture et du commerce. Paris. 1845. № 13. page 15.

машинымъ сбытомъ сбытъ иностранный, который оно считало уже невѣрнымъ (*). Вся сѣверная и отчасти средняя полоса имперіи богаты лѣсами, но почву земли имѣютъ неплодородную, во многихъ мѣстахъ болотистую. Одно хлѣбопашество не могло поддерживать тамъ значительнаго народонаселенія, и потому успѣхи онаго въ семъ давно уже населенномъ краю были чрезвычайно медленны. Стоитъ только взглянуть на изданную правительствомъ промышленную карту Россіи, чтобы убѣдиться въ безпрестанно возрастающей несоразмѣрности населенія сѣверной болотистой, лѣсной полосы, въ сравненіи съ южнымъ, природою облагодѣтельствованнымъ, краемъ. Народонаселеніе увеличивается только при достаточныхъ средствахъ къ пропитанію и вообще къ безбѣдной жизни: оставить промышленность сѣверныхъ губерній при земледѣліи и нѣкоторыхъ ремеслахъ, не представляющихъ въ нашемъ климатѣ ни постояннаго занятія, ни весьма обширнаго требованія, (**) каковы, на пр., работы каменщика, плотника, штукатура и проч., значило бы навсегда оставить ихъ при прежнемъ ихъ маломъ населеніи. Правительство наше не могло равнодушно взирать на состояніе неподвижности, въ которомъ находился сѣверный край и которое грозило дойти, если мы смѣемъ такъ выразиться, почти до совершеннаго оцѣпенѣнія (***). Единственнымъ средствомъ къ возстановленію должнаго равновѣсія между двумя полосами было развитіе мануфактурной промышленности въ государствѣ. Не въ одной Россіи встрѣчаются большія, огром-

---

(*) Видѣть такое распространеніе промышленности тѣмъ пріятнѣе, что въ сырыхъ произведеніяхъ мы много имѣемъ нынѣ совмѣстниковъ. Виды государственной торговли, 1826 года.

(**) Всякій Русскій мужикъ владѣетъ топоромъ; для такого строенія, какова крестьянская изба, не нужно хорошаго плотника, а каменьщика и штукатура вовсе не требуется

(***) Въ началѣ десятилѣтія, отъ 1820 по 1830 г., Владимірская и Вологодская губерніи были въ столь жалкомъ положеніи, что крестьяне во многихъ имѣніяхъ рѣшительно были не въ состояніи платить какой либо оброкъ; даже и Московская губернія, не смотря на близость столицы, видимо бѣднѣла. Имѣнія продавались въ оныхъ за безцѣнокъ. Съ успѣхами фабричной промышленности цѣны на оныя возвысились на 40 или на 50%.

ныя пространства дурной, неблагодарной почвы, мы находимъ ихъ и въ другихъ Европейскихъ государствахъ; но съ помощію фабрикъ и сіи мѣста наполнены у нихъ многочисленнымъ, богатымъ народонаселеніемъ. Такъ должно быть и у насъ. Наконецъ и непомѣрная дороговизна хлѣба, случающаяся при дурныхъ урожаяхъ, зависитъ частію отъ той же исключительно-земледѣльческой промышленности нѣкоторыхъ изъ нашихъ губерній. Городское населеніе составляетъ у насъ въ сложности $^1/_7$ сельскаго; во многихъ же губерніяхъ это отношеніе уменьшается до $^1/_{40}$. Купцы, всегда предпочитающіе скорые обороты, заготовляютъ хлѣбъ по преимуществу только для городскаго населенія. Заготовлять же хлѣбъ и для сельскихъ жителей, которые сами его производятъ, на случай неурожая, случающагося въ сложности разъ въ шесть или семь лѣтъ, представляется купцамъ невѣрной и невыгодной спекуляціей. И такъ если случится неурожай, то недостатокъ хлѣба у сельскихъ жителей приходится пополнять запасомъ, приготовленнымъ для городскихъ, которыхъ въ 40 разъ менѣе. Удивительно ли, что цѣны на хлѣбъ такъ сильно поднимаются во время неурожая, особенно въ плодородныхъ губерніяхъ? Изъ представленной картины положенія нашего народнаго хозяйства видно, что Россіи невозможно было искать главныхъ источниковъ обогащенія только въ сбытѣ своихъ сырыхъ продуктовъ за границу. Посмотримъ теперь, какое вліяніе имѣло развитіе мануфактурной промышленности на внутреннее положеніе государства и на цѣнность его продукта тамъ, гдѣ оно успѣло распространиться. Народонаселеніе Московской губерніи, составляющее у насъ центръ мануфактурной промышленности, и прилегающихъ къ ней Владимірской и Тверской, увеличилось, съ 1816 по 1850 годъ, отъ 3-хъ милліоновъ до 3,947,000, между тѣмъ какъ въ трехъ западныхъ губерніяхъ, оставшихся преимущественно земледѣльческими, Смоленской, Витебской и Могилевской, оно уменьшилось отъ 3-хъ милліоновъ до 2,890,000 (*). Въ доказательство того, до ка-

(*) Начертаніе статистики, Арсеньева, ст. 54—56, и Сборникъ статистиче-

кой степени усиленіе народонаселенія въ первыхъ трехъ и вообще въ мануфактурныхъ губерніяхъ отразилось на благосостояніи тѣхъ плодородныхъ губерній, которыя имѣютъ съ ними удобныя водяныя сообщенія, приведемъ слова извѣстнаго агронома нашего, г. Сабурова (*). «Особенно приращеніе «народонаселенія въ Сѣверной полосѣ, говоритъ онъ, про«изводитъ вліяніе на увеличеніе капиталовъ, потому что «она служитъ главнымъ сбытомъ избытку произведеній «Средней и Южной. Слѣдовательно по мѣрѣ того, какъ «народонаселеніе въ ней прибавляется, требованія въ Сред«ней и Южной полосахъ увеличиваются. Въ этомъ отноше«ніи Сѣверная полоса для Средней и Южной тоже, что «Индія для Англіи, съ тою только разницей, что Индія «служитъ главнымъ сбытомъ для фабричныхъ ея произве«деній, а Сѣверная наша полоса требуетъ отъ Средней и «Южной перворучные: хлѣбъ, скотъ, пеньку и т. д., ко«торые намъ не куда было бы дѣвать безъ Сѣверной по«лосы. Если бы Сѣверная полоса, прибавляетъ онъ, пре«кратила требованія на эти предметы только на два года, «тогда Южная и Средняя полоса, по денежнымъ своимъ «оборотамъ, отшатнулась бы стремительно на сто лѣтъ «назадъ. Даже въ тѣ годы, когда Сѣверная полоса не «много уменьшаетъ свои требованія, въ Средней ощути«тельно безденежье, потому что тогда цѣны на произве«денія упадаютъ до точки, невыносимой для сельскихъ «хозяевъ.»

Послѣ этого не должно ли удивляться, что наши фритредеры съ такою смѣлостію утверждаютъ, будто бы мануфактурная промышленность развивается у насъ на счетъ земледѣлія? Лучше бы они взглянули на положеніе тѣхъ губерній, до которыхъ еще не достигла мануфактурная промышленность.—Всѣмъ извѣстно, на какой степени благосостоянія и народнаго развитія стоятъ три губерніи, Смоленская, Могилевская и Витебская, которыя мы привели

скихъ свѣдѣній о Россіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, стр. 8 и 9.

(*) Записки Пензенскаго земледѣльца. Отечественныя записки 1842 г. № 7. стр. 4-я.

выше для сравненія съ 3-мя мануфактурными. Изъ Риги отправлено въ 22 года, отъ 1824 до 1845 включительно, 3,549,000 четвертей ржи, впятеро болѣе, нежели изъ Петербурга, откуда въ этотъ же періодъ отправлено 653,000.

Вѣроятно, большая часть этого значительнаго отпуска идетъ изъ 3-хъ названныхъ нами западныхъ губерній, имѣющихъ съ ней сообщеніе по Двинѣ, или по крайней мѣрѣ черезъ нихъ. Здѣсь мы видимъ въ самомъ яркомъ свѣтѣ такъ называемыя выгоды преимущественно-земледѣльческаго развитія, при отсутствіи мануфактурной промышленности. Хлѣбъ, служащій основаніемъ въ народномъ продовольствіи, отпускается за границу, а народъ нуждается въ хлѣбѣ! Предположимъ, напротивъ, что желѣзныя дороги приблизятъ ихъ къ Москвѣ и что дальнѣйшая поддержка тарифной системы утвердитъ довѣріе капиталистовъ къ прочности нашей мануфактурной промышленности. Не послѣдуетъ ли тоже, что мы видимъ въ теперешнихъ нашихъ мануфактурныхъ округахъ? Привлекаемые сравнительною дешевизною рабочихъ рукъ и обиліемъ лѣсовъ, не имѣющихъ теперь никакой цѣнности, капиталисты эти заведутъ тамъ фабрики, на которыя отдѣлится часть народонаселенія изъ крестьянскихъ семействъ, въ томъ числѣ почти ничего не дѣлающіе малолѣтные крестьяне (*). Ржаной хлѣбъ, отпускаемый теперь за границу, будетъ потребляться на мѣстѣ; народонаселеніе вмѣсто того, чтобы уменьшаться, будетъ усиливаться и потребуетъ еще ржанаго хлѣба изъ близкихъ плодородныхъ губерній. При такомъ увеличеніи требованія, и цѣны на этотъ сортъ хлѣба возрастутъ еще болѣе, а что внутреннее требованіе имѣетъ большее вліяніе на возвышеніе цѣнъ, нежели требованіе иностранное, это доказывается тѣмъ, что въ 22 года, съ 1824 по 1845 годъ, цѣны на рожь, т. е., на тотъ хлѣбъ, который менѣе требуется за границу, въ Балтійскихъ портахъ возвысились

(*) Сами земледѣльцы въ теченіи зимы не знаютъ, что дѣлать, и охотно поступаютъ на фабрики. Доставленіе крестьянамъ способовъ къ зимнимъ заработкамъ есть предметъ крайне важный для Россіи, на который еще, къ сожалѣнію, весьма мало обращали вниманія, а между тѣмъ 6—7 мѣсячная наша зима доставляетъ поселянамъ много досуга. Изд. К.

на 34%, а цѣны на пшеницу, которыя опредѣляются исключительно иностраннымъ требованіемъ, повысились только на 23%. Преимущество внутренняго требованія надъ внѣшнимъ или иностраннымъ такъ сильно, что даже и сами фритредеры не могутъ скрыть того. Докажемъ это извлеченіемъ изъ замѣчательныхъ статей двухъ Англійскихъ журналовъ: Economist, одного изъ главныхъ органовъ приверженцевъ свободной торговли, и Times, написанныхъ по случаю волненія, бывшаго въ Канадѣ въ 1849 году. «Въ Высшей Канадѣ съ 1844-го по 1847-й годъ было «выстроено много мельницъ, чтобы воспользоваться выго-«дами, которыя законъ 1843 года о Канадскомъ хлѣбѣ «представлялъ для помола въ Канадѣ Американской пше-«ницы и вывоза оной оттуда въ Англію съ низкою пош-«линою, взимавшеюся тогда съ хлѣба, ввозимаго изъ Ан-«глійскихъ колоній.—Выстроенныя на одномъ Велландскомъ «каналѣ мельницы могутъ перемалывать до 2,500 бочекъ «въ сутки, но до сихъ поръ на нихъ мало,—или даже во-«все нѣтъ помола. По послѣднимъ извѣстіямъ, всѣ онѣ сто-«ятъ безъ дѣйствія. Напротивъ, на другомъ берегу озера, «въ городахъ Сѣверныхъ Штатовъ, мельницы находятъ «вдоволь работы. Тамъ пшеница, исключая случаевъ, когда «она очень дорога въ Европѣ, продается отъ 20 до 25% «дороже, чѣмъ на Канадской сторонѣ озеръ и рѣки Св. «Лаврентія. Канадскіе фермеры и мельники съ неудоволь-«ствіемъ видятъ, что значительная пошлина не допускаетъ «ихъ пользоваться рынкомъ Сѣверныхъ Штатовъ, между «тѣмъ какъ сіи послѣдніе допускаются (съ 1846 г.) къ «равному совмѣстничеству съ ними въ Англіи. Съ перваго «взгляда странно покажется, что въ двухъ пограничныхъ «странахъ, которыя обѣ производятъ избытокъ хлѣба и «отправляютъ его, по крайней мѣрѣ отчасти, на одинъ и тотъ «же рынокъ, существуетъ такая разница въ цѣнахъ. Но «должно имѣть въ виду, что въ Сѣверныхъ Штатахъ есть «огромный домашній рынокъ для хлѣба. Они имѣютъ на-«селеніе въ 21 милліонъ, коего значительная часть суть «потребители, а не производители хлѣба. По сему слу-«чается, что въ сей части Соединенныхъ Штатовъ цѣны

«хлѣба опредѣляются исключительно домашнимъ требова-«ніемъ, для котораго онъ имѣетъ болѣе цѣнности, нежели «для заморской торговли. Напротивъ, Канада имѣетъ на-«родонаселеніе въ $1^{1}/_{2}$ милліона, которое почти все состо-«итъ изъ производителей хлѣба. Чтобы найти рынокъ «для своихъ избытковъ, сверхъ рынковъ Нью-Фоунленда, «Новой Шотландіи и Новаго Брауншвейга, сіи послѣдніе «должны обратиться въ Великобританію. По сей причинѣ «цѣны ихъ хлѣба опредѣляются цѣнами въ Великобрита-«ніи, за вычетомъ фрахтовъ и расходовъ. Вотъ отъ че-«го пшеница часто продается отъ 1 до $1^{1}/_{2}$ шиллинга съ бушемъ (что составляетъ на Русскія мѣры и деньги отъ 10 до 13 руб. 50 к. асс. съ четверти) дороже на Американскомъ берегу Св. Лаврентія, чѣмъ на Канадскомъ (*).

Въ этихъ фактахъ находится по нашему мнѣнію неопровержимое доказательство, что никакія выгоды въ сбытѣ хлѣба и вообще тяжелыхъ сельскихъ продуктовъ за границу, въ отдаленныя страны, не могутъ вознаградить за отсутствіе домашняго сбыта, представляемаго развитіемъ ремеслъ и мануфактуръ. Канада, равно какъ и Ирландія, пользовалась нѣсколько десятковъ лѣтъ почти монополіей въ снабженіи Англіи хлѣбомъ.—Въ то время, какъ наши хлѣба Европейскаго материка платили огромныя пошлины, Канадскія и Ирландскія ввозились или вовсе безъ пошлины, или только съ самою малою. Сверхъ того, издержки провозовъ въ Англію изъ Ирландіи ничтожны, изъ Канады несравненно ниже, чѣмъ изъ Россіи. И не смотря на то, Ирландія разорена въ конецъ, Канада, какъ скоро у нея отняли покровительство дифференціальныхъ пошлинъ, пришла въ упадокъ. Причины этого упадка очевидны: будучи Англійскими колоніями, доставляя ей хлѣбъ, хотя и на выгодныхъ условіяхъ; онѣ не были защищены отъ превосходства Англійскихъ фабрикантовъ и потому сами остались безъ ремеслъ и фабрикъ. Ни выгодный сбытъ ихъ хлѣба, лѣса и другихъ продуктовъ Англіи, ни дешевая покупка ея мануфактурныхъ то-

(*) The Economist 1849. № 31

варовъ, о выгодахъ которой такъ много толкуютъ приверженцы свободной торговли, ничто не могло вознаградить Канаду за отсутствіе охранительныхъ законовъ. Куда ѣдутъ изъ Англіи сотни тысячъ эмигрантовъ? Въ Канаду ли, принадлежащую Великобританіи, гдѣ они, не лишаясь отечества, не переставая быть *Англичанами*, сверхъ всѣхъ выгодъ, предоставляемыхъ обширными пространствами незаселенной плодородной земли, пользовались бы и дешевою покупкою Англійскихъ мануфактурныхъ товаровъ? Нѣтъ! они ѣдутъ въ Сѣверные Штаты, гдѣ цѣны иностранныхъ мануфактурныхъ товаровъ возвышаются значительными пошлинами, отъ 25 до 40% съ ихъ цѣнности, но гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ возвышается и цѣна сначала ихъ работы, потомъ ихъ земледѣльческихъ продуктовъ, и наконецъ, когда они дѣлаются землевладѣльцами,—и цѣна ихъ расчищенныхъ и обработанныхъ земель. Эти-то обтоятельства, — говоритъ далѣе журналъ Экономистъ, которыя столь значительно увеличили цѣнность недвижимой собственности на Южномъ берегу Св. Лаврентія и озеръ, въ сравненіи съ Сѣвернымъ берегомъ, заставляютъ эмигрантовъ селиться на Американской сторонѣ, и подали поводъ къ толкамъ о выгодахъ присоединенія Канады къ Сѣвернымъ Штатамъ. Такимъ образомъ охранительная торговая политика, которой слѣдовало правительство Штатовъ, была одною изъ первыхъ причинъ неслыханныхъ успѣховъ ихъ народонаселенія и богатства. А дешевая покупка внѣшнихъ мануфактурныхъ товаровъ и выгодный сбытъ хлѣба за границу не спасли Канаду отъ такого бѣдственнаго положенія, что вѣрноподданные сдѣлались врагами метрополіи и думаютъ или отложиться отъ нея, или вынудить у нея охранительный тарифъ противъ собственныхъ ея мануфактуръ. Не очень еще давно существовало въ Канадѣ общество (league) для достиженія сего предмета. Извлекаемъ изъ изданнаго имъ воззванія нѣкоторыя мѣста, касающіяся разбираемаго нами вопроса:

«Согражданe! происшествія, подавшія поводъ къ образованію этого великаго провинціальнаго собранія (league)

не имѣли доселѣ себѣ подобныхъ въ исторіи сей колоніи: съ первоначальнаго поселенія въ ней лойалистовъ (приверженцевъ законной власти) до весьма недавняго времени, здѣшній народъ оказывалъ примѣрную преданность своей метрополіи. Къ несчастію Великобританіи, — государства, коего главную силу составляютъ колоніи, — она недавно открыла свои порты иностраннымъ народамъ на однихъ условіяхъ съ ея колоніями, поставляя насъ такимъ образомъ въ разорительное совмѣстничество съ тѣми, которые имѣютъ болѣе удобный и дешевый доступъ къ ея портамъ. Распространяя правила свободной торговли, она упустила изъ виду выгоды своихъ колоній для того, чтобы получить отъ другихъ народовъ взаимность свободной торговли и наводнить весь свѣтъ своими мануфактурными издѣліями. Не будучи ограждены отъ нихъ достаточно высокимъ тарифомъ, (*) мы продолжали потреблять огромное количество Британскихъ фабричныхъ издѣлій, между тѣмъ какъ наши продукты, единственный источникъ нашихъ платежей, рѣдко продавались на Англійскихъ рынкахъ иначе, какъ съ потерею. Послѣдствіемъ этого былъ недостатокъ въ деньгахъ, обширныя банкрутства и всеобщее разореніе.

«Истинныя стихіи богатствъ нашей страны могутъ развернуться только посредствомъ мѣръ, которыя наполнятъ города ея дѣятельнымъ гуломъ промышленности, которыя содѣлаютъ ея рѣки путями, по коимъ будутъ разливаться богатства, созданныя на ея заводахъ и фабрикахъ, вмѣстѣ съ обильными жатвами ея полей и продуктами ея первородныхъ лѣсовъ. Для достиженія сихъ результатовъ необходимо, чтобы хорошо обдуманный тарифъ оказывалъ справедливое и достаточное покровительство каждому промышленному классу — земледѣльцу, фабриканту, ремесленнику, такъ, чтобы достатокъ земледѣльца и ремесленника усиливался вмѣстѣ съ увеличивающимся богатствомъ фабриканта, чтобы создать домашній сбытъ для отечест-

---

(*) Англійскіе мануфактурные товары платятъ при ввозѣ въ Канаду по $7\frac{1}{2}$ на 100 своей цѣнности.

венной промышленности и обогатить вмѣстѣ и производителей и потребителей. Существующаго тарифа совершенно недостаточно для достиженія результатовъ, столь очевидно выгодныхъ для колоніи, а правительство объявило себя въ пользу началъ свободной торговли....

«И такъ главною цѣлью нашихъ усилій да будетъ покровительство домашней промышленности. На выборахъ не давайте вашихъ голосовъ никому, кто не объявитъ себя приверженцемъ благоразумной экономіи, кто не обяжется защищать охранительную систему домашней промышленности. Такимъ образомъ вы образуете сильный и богатый народъ, соединенный съ Великобританіею дружественными сношеніями,—сохраняя ея временемъ освященныя учрежденія, ея древнія торговыя правила, слѣдуя коимъ она процвѣтала въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, а народъ ея сдѣлался богатѣйшимъ въ мірѣ, — тѣ великія торговыя правила, которыя также приняты и въ сосѣдственныхъ Штатахъ и населили ихъ богатымъ и могущественнымъ народомъ. Но если вы отступите отъ сихъ правилъ, если вы пренебрежете нашимъ воззваніемъ, тогда готовьтесь видѣть ваше отечество—не смотря на великія преимущества, которыми Богъ одарилъ его, безграничные его лѣса, источникъ неистощимаго богатства, его великолѣпныя озера и рѣки, естественные пути торговли великаго народа, не смотря на неисчислимую силу ея потоковъ, обширныя пространства богатой почвы, огромныя рудокопныя богатства, ея трудолюбивый, образованный народъ, готовьтесь, говоримъ мы, видѣть ее въ бѣдности и нищетѣ.» (*)

Мы показали истинное значеніе развитія мануфактурной промышленности въ государствахъ. Въ сущности своей оно есть не что иное, какъ примѣненіе къ внутреннему быту народовъ знаменитаго принципа А. Смита о раздѣленіи труда. Споръ между нами и фритредерами заключается только въ томъ, что они хотятъ раздѣленія труда между народами, а мы хотимъ имѣть его и у себя, ибо находимъ, что для земледѣльческихъ продуктовъ внутрен-

(*) Galignani's Messenger Августа 23. 1849 г. перепечатано изъ Times.

нее требованіе имѣетъ гораздо болѣе важности, нежели иностранное, въ чемъ согласны съ нами самые образованные изъ нашихъ агрономовъ. (*) Если такое государство, какъ Франція, которая имѣетъ около 3500 верстъ морскаго берега, въ которомъ самыя центральныя области не далѣе 300 или 400 верстъ отъ портовъ, гдѣ никогда не замерзающія рѣки и каналы представляютъ весьма удобное водяное сообщеніе, если такое государство, говоримъ мы, нашло нужнымъ ввести это раздѣленіе труда, и если, вслѣдствіе этой торговой политики, земли продаются тамъ не за десятки, какъ у насъ, а за тысячи франковъ—десятина, а государственные доходы возрасли до 1,500,000,000 фр., если Соединенные Штаты, съ плодороднѣйшими въ свѣтѣ землями, производящими отчасти многоцѣнныя тропическія растенія, слѣдуя той же политикѣ, при маломъ народонаселеніи, достигли неслыханной степени благосостоянія и богатства, то Россіи, имѣющей неудобное географическое положеніе, которое дѣлаетъ ея внѣшнюю торговлю столь затруднительною и невыгодною, слѣдовать иной политикѣ — невозможно. Увѣреніе нашихъ фритредеровъ, (**) что пошлины, служащія къ развитію государственной промышленности, обогащаютъ только фабрикантовъ, не принося никакой выгоды государству,—какъ мы выше видѣли, лишено всякаго основанія.

С. Бѣльскій.

(*) Въ Германіи, Голландіи, Франціи, Англіи и Италіи, говоритъ Муравьевъ, съ давнихъ временъ народонаселеніе раздѣлено, такъ сказать, на цехи, которые своею промышленностью взаимно поддерживаются; тамъ торгующіе, ремесленники, какого бы рода они ни были, фабричные работники, коими населены цѣлые и многолюдные города, даже угольники и дровосѣки, хлѣбопашествомъ не занимаются, а добываютъ пропитаніе себѣ и семействамъ посредствомъ промысловъ; и всѣ они составляютъ, по крайней мѣрѣ, $\frac{1}{2}$ народонаселенія; другая же $\frac{1}{2}$ занимается однимъ хлѣбопашествомъ и имѣетъ 1-ю половину потребителями своихъ произведеній, отчего ни тѣ, ни другіе не нуждаются, а особенно послѣдніе, пользующіеся значительнымъ сбытомъ своихъ продуктовъ. (Курсъ Сельскаго Хозяйства Теера Т. 1. стр. 12.)

(**) Мы рѣшились употреблять слово *фритредеры* вмѣсто: приверженцы свободной торговли, какъ ради краткости, такъ и потому что подъ, этимъ названіемъ извѣстна школа политико-экономовъ, считающая free trade (свободная торговля) необходимымъ условіемъ преуспѣянія общественнаго и государственнаго благосостоянія.

ИСТОРІЯ РОССІИ СЪ ДРЕВНИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Соч. Сергѣя Соловьева. Т. VI.

Передъ нами шестой томъ Исторіи Россіи, сочиненіе даровитаго и трудолюбиваго Московскаго профессора. Предлежащій томъ заключаетъ въ себѣ въ высшей степени важную и замѣчательную эпоху нашей исторіи. Содержаніе этого тома—Іоаннъ IV.

Мы прочли съ величайшимъ любопытствомъ новое сочиненіе г. Соловьева, и выскажемъ наше мнѣніе съ тою откровенностью и правдою, на которыя имѣетъ право добросовѣстный, съ любовію и убѣжденіемъ совершенный трудъ, не нуждающійся въ снисхожденіи, въ умышленномъ поощреніи или ободреніи. Мы надѣемся, что уважаемый нами сочинитель выслушаетъ безъ неудовольствія наши замѣчанія, возраженія и предположенія, дѣлаемыя нами изъ единаго побужденія: достигнуть истины въ пониманіи исторіи нашего отечества, нашей Россіи, досселѣ стоящей загадкою среди остальныхъ народовъ человѣчества.

Останавливаемся прежде всего на самомъ построеніи или историческомъ расположеніи VI тома. Сочинитель раздѣлилъ свою исторію царствованія Іоанна IV—на VII главъ, носящихъ названія: I. Правленіе Великой Княгини Елены, II. Правленіе боярское. III. Казань, Астрахань, Ливонія.

IV. Опричнина. VI. Стефанъ Баторій. VII. Строгоновы и Ермакъ.—Глава о внутреннемъ состояніи Русскаго общества во времена Іоанна IV назначена для VII-го тома. Такимъ образомъ г. Соловьевъ выбралъ главныя минуты изъ государственной жизни Іоанна и въ этихъ семи главахъ разсказалъ о нихъ подробно—но за то это самое лишило цѣлости и полноты весь разсказъ. Вышло прекрасное историческое сочиненіе о царствованіи и эпохѣ Іоанна, но не исторія его царствованія и эпохи. Рядъ поименованныхъ нами главъ есть рядъ прекрасныхъ монографій, расположенныхъ хронологически, но тѣмъ не менѣе монографій, или, вѣрнѣе, изслѣдованій. Положимъ, что здѣсь схвачена сущность эпохи, но все же это будетъ не исторія, а извлеченіе изъ исторіи. Вотъ общій недостатокъ, какъ намъ кажется, самаго изложенія. Разсмотримъ подробнѣе.

Первыя двѣ главы: Правленіе В. К. Елены и Правленіе боярское, идутъ довольно послѣдовательно; хотя и тутъ мы могли бы спросить почтеннаго автора: отъ чего продолжаетъ онъ правленіе боярское послѣ того, когда, по словамъ лѣтописи, бояре начали имѣть страхъ отъ Царя (29 Декабря 1543), даже послѣ вѣнчанія Іоанна на царство? Впрочемъ на это можно отвѣчать тѣмъ, что авторъ считаетъ тогда только оконченнымъ правленіе боярское, когда Іоаннъ всенародно обвинилъ бояръ и сказалъ, что отнынѣ самъ будетъ распоряжаться. Такъ, здѣсь кончилось боярское правленіе, но не то боярское правленіе, которое было въ малолѣтство Іоанна и которое стоитъ въ заглавіи главы, — оно кончилось прежде, — но то боярское правленіе, которое шло отъ самаго Рюрика подъ именемъ дружины; впрочемъ, сказать по правдѣ, оно не было правленіемъ, оно было совѣтомъ, получившимъ лишь вслѣдствіе обычая большой вѣсъ и значеніе. — Связь боярства и дружины очень вѣрно указана г. Соловьевымъ. Это одна изъ такихъ мыслей, которыя проливаютъ обильный историческій свѣтъ. Намъ кажется (на основаніи мысли самаго г. Соловьева), что въ знаменитой рѣчи своей Іоаннъ (хотя въ ней сказано о боярахъ, властвовавшихъ во время его малолѣтства) возвѣстилъ уничтоженіе

прежней власти и значенія дружины,—возвѣстилъ только: ибо черезъ тринадцать съ небольшимъ лѣтъ началъ онъ съ остатками этой, въ тоже время исполненной доблестей и силъ духовныхъ, дружины ожесточенную борьбу. Этою борьбою опредѣляетъ и объясняетъ намъ г. Соловьевъ лютыя казни Іоанновы, и это объясненіе, вытекая изъ мысли автора, выше нами упомянутой, превосходно и ярко освѣщаетъ страшную картину казней, которая, не переставая быть отвратительною и ужасною, перестаетъ быть безсмысленною.

И такъ, если въ рѣчи Іоанна дѣло идетъ вообще о боярствѣ, съ которымъ началъ борьбу еще дѣдъ его, то, намъ кажется, правленіе боярское, бывшее во время малолѣтства Іоанна, не нужно доводить до этой рѣчи. По важности это замѣчаніе конечно не имѣетъ.—Въ III-й главѣ авторъ разсказываетъ о Казани, Астрахани и Ливоніи. Этотъ разсказъ объемлетъ время отъ 1549-го до 1560 года. Разсказъ исключительно посвященъ этимъ предметамъ (говоря объ Астрахани, авторъ говоритъ о Крымѣ, говоря о Ливоніи, говоритъ о Литвѣ): а между тѣмъ, въ теченіи этого времени было событіе великой важности, о которомъ авторъ здѣсь, въ этой главѣ, не упоминаетъ: это болѣзнь Іоанна (1553) и сопротивленіе бояръ требованію Царя цѣловать крестъ его младенцу-сыну.— Доведя повѣствованіе до 1560 и разсказавъ о утвержденіи сношеній съ Англіею, авторъ оканчиваетъ главу и начинаетъ новую. Слѣдующая глава (IV-я) носитъ наименованіе: Опричнина, и объемлетъ собою время отъ 1543 до 1574. Авторъ разсказываетъ здѣсь обстоятельства, сопровождавшія болѣзнь Іоанна, говоритъ объ удаленіи Сильвестра и Адашева, объ отъѣздѣ Курбскаго, о перепискѣ его съ Царемъ и наконецъ объ учрежденіи опричнины и о казняхъ. Вся глава эта въ особенности носитъ характеръ изслѣдованія, и изслѣдованія дѣльнаго, но изслѣдованіе— не исторія. Въ этой главѣ, вернувшись 7 лѣтъ назадъ, авторъ забѣгаетъ 14 лѣтъ впередъ. О казняхъ говорится очень кратко и неполно. Странно, что, говоря о прибытіи Іоанна изъ опустошеннаго имъ Новгорода въ Псковъ, авторъ не говоритъ о юродивомъ Николаѣ Салосѣ, и о словахъ

его Іоанну, тогда какъ это явленіе совершенно особенное, характеристическое, принадлежащее древней Россіи. О смерти Анастасіи мы впервые узнаемъ только изъ приводимыхъ авторомъ словъ Курбскаго и Іоанна. А со смертію Анастасіи совпадаетъ начало казней. Положимъ, что это случайно; но оно такъ. Сверхъ того, мы не думаемъ, чтобъ это было совершенно случайно. Іоаннъ любилъ Анастасію, это очевидно. Онъ самъ говоритъ, и слова его запечатлѣны искреннимъ и горестнымъ чувствомъ:—«А и съ женою меня вы почто разлучили? Только бы не отняли у меня юницы моея, ино бы кроновы жертвы не было.» (*) Доведши разсказъ до завѣщанія Іоаннова (прекрасно объясненнаго) и до 1574 года, до казни знаменитаго князя Воротынскаго, авторъ оканчиваетъ главу и, начиная новую, носящую наименованіе: Полоцкъ, опять обращается къ войнѣ Ливонской, къ 1560 году, слѣдовательно опять назадъ за 14 лѣтъ, когда Курбскій еще бился за Россію. Въ этой главѣ авторъ разсказываетъ дѣла Ливонскія и Литовскія, дѣла Шведскія, Крымскія, доводя свой разсказъ до 1572 года. Слѣдующая глава называется: Стефанъ Баторій; въ ней авторъ разсказываетъ войну съ Баторіемъ, съ Шведами и сношенія съ Англіею, доходя до 1584 года.—Посвящая исключительно разсказъ свой этимъ событіямъ, авторъ опять не говоритъ о томъ, что дѣлалось тогда внутри Государства, и помѣщаетъ между словъ, мимоходомъ, такія извѣстія, которыя для читателя должны быть непонятны. Такъ, начавъ говорить о сношеніяхъ Іоанна съ Елисаветой, съ цѣлію жениться на ея родственницѣ, авторъ говоритъ въ скобкахъ, что Іоаннъ былъ женатъ въ пятой или седьмой разъ. Читатель знаетъ лишь объ Анастасіи, первой женѣ, и, ничѣмъ не приготовленный къ такому многоженству (ибо разсказъ касался лишь свирѣпостей Іоанна), непремѣнно долженъ изумиться. Точно также изумляется читатель, знавшій мимоходомъ изъ разсказа автора, что у Іоанна два сына: Иванъ (старшій) и Ѳедоръ,—точно также изумляется, читая, что посолъ нашъ въ Англіи, говоря о сватовствѣ,

(*) Сказ. кн. Курбскаго. Ч. 2. стр. 112.

долженъ былъ объявить, что наслѣдникомъ Государства будетъ царевичъ Өедоръ. Куда же дѣвался Иванъ? Любопытство и недоумѣніе читателя возбуждено; но онъ долженъ подождать до конца книги. Слѣдующая глава, VII-ая, посвящена завоеванію Сибири и называется: Строгоновы и Ермакъ. Здѣсь разсказъ идетъ о событіяхъ съ 1581 до 1584 года: авторъ начинаетъ свое повѣствованіе съ временъ, болѣе отдаленныхъ, что совершенно естественно: здѣсь объясняется произшествіе отдѣльное; разсказъ же о самомъ произшествіи хронологически почти примыкаетъ къ предыдущему разсказу. Доведя свое повѣствованіе до 1584 года, до грамоты Царя къ Строгоновымъ касательно князя Семена Болховскаго, отправляемаго въ Сибирь, авторъ приводитъ самую грамоту и прибавляетъ: «это распоряженіе Іоанна относительно Сибири было послѣднее: онъ не дождался вѣстей ни о судьбѣ Болховскаго, ни о судьбѣ Ермака.» Послѣ того авторъ говоритъ о самомъ Іоаннѣ, о его женитьбахъ, объ убійствѣ имъ сына и наконецъ о его смерти. Затѣмъ авторъ говоритъ объ Іоаннѣ, какъ лицѣ, и объясняетъ его исторически. Описаніе Іоанна оканчиваетъ авторъ описаніемъ его наружности и привычекъ.

Такимъ образомъ, изъ одного уже расположенія исторіи видно, что это скорѣе монографіи или лучше историческія изслѣдованія объ Іоаннѣ Грозномъ и его эпохѣ, а не исторія. О многихъ событіяхъ сказано вскользь, мимоходомъ; между прочимъ, о ереси Матвѣя Башкина и игумена Артемія. О Стоглавомъ Соборѣ почти и не упомянуто; о Судебникѣ не упомянуто вовсе. Быть можетъ, все это еще будетъ въ обѣщанной главѣ: о внутреннемъ состояніи Русскаго общества. Но такія явленія, какъ Стоглавъ и Судебникъ, кажутся намъ явленіями, занимающими мѣсто наравнѣ съ *событіями*, слѣдовательно должны были бы найти мѣсто въ VI-мъ томѣ. Скажутъ можетъ быть: въ нихъ уже проявляется внутреннее состояніе общества. Да вѣдь оно проявляется и во всемъ; а явленія, о которыхъ мы говоримъ, принадлежатъ къ жизни государственной, внѣшней, повѣствовательной. Но еслибъ это были явленія чисто внутреннія, то и тогда, разсказывая всю

повѣсть царствованія Іоанна, какъ не упомянуть о нихъ? Вѣдь разсказъ долженъ быть полонъ, изобразителенъ; а можетъ ли онъ быть такимъ, если изъ него выпущены такія важныя явленія, какъ Стоглавъ и Судебникъ? Если ужъ относить ихъ къ внутреннему состоянію общества, то, упомянувъ о нихъ вообще между событіями историческими, потомъ можно было бы сказать о нихъ подробно.— Самое изложеніе автора принимаетъ часто характеръ изслѣдованія, и факты приводятся, какъ примѣръ или подкрѣпленіе.—Наконецъ, чиселъ такъ мало, что въ нихъ, при чтеніи, безпрестанно чувствуешь недостатокъ. Нельзя же помнить всѣ числа самому.

Самый слогъ исторіи какъ-то неровенъ, какъ-то нерѣшителенъ; онъ постоянно колеблется между строемъ древней Русской рѣчи и выработанною современною насущною прозою.—Мѣстами, когда авторъ одушевляется, слогъ становится выразителенъ, живописенъ и силенъ. — Причина такой двойственности или шаткости слога заключается, кажется намъ, въ томъ же: то есть, въ томъ, что сочиненіе автора не исторія, а изслѣдованіе, изысканіе, исполненное напряженнаго вниманія къ изслѣдуемому предмету; понятно, что здѣсь слогъ, то передаетъ рѣчь изслѣдуемыхъ источниковъ, то становится слогомъ обиходнымъ безцвѣтнымъ, нужнымъ только, чтобы заявить ту или другую мысль, то или другое соображеніе. Мѣстами, когда цѣльная историческая картина увлекаетъ автора, то и слогъ становится цѣленъ, живъ и одушевленъ; этотъ живой слогъ уже знакомъ намъ по нѣкоторымъ прежнимъ сочиненіямъ г. Соловьева.—Но въ тоже время мы благодарны г. Соловьеву за то, что онъ, въ слогѣ своемъ, на дѣлѣ показываетъ возможность перенесенія, въ нѣкоторой степени, старой древней Русской письменной рѣчи въ нашу современную письменную рѣчь, возможность пользоваться ею и слѣдовательно обогащаться новымъ притокомъ свѣжаго сильнаго слова.

Читатель, самъ хорошо знающій Русскую исторію, или по крайней мѣрѣ знающій её, какъ послѣдовательный и совокупный ходъ событій, прочтетъ съ большимъ удоволь-

ствіемъ и съ пользою VI-й томъ «Исторіи Россіи». Но читатель, который не имѣетъ предварительныхъ свѣдѣній объ эпохѣ Іоанна, рѣшительно потеряется въ этомъ томѣ; для него будетъ многое нечаянно, многое неясно, неполно, непонятно, и наконецъ у него не останется въ памяти ни связнаго, послѣдовательнаго хода событій, ни полной, цѣльной картины всего царствованія, а одни прекрасные этюды.

Но можетъ быть спросятъ насъ, какъ же различить историческое изслѣдованіе отъ исторіи?

Не думаемъ, чтобъ эти понятія были сбивчивы даже въ общемъ обыкновенномъ пониманіи. Но скажемъ нашу объ этомъ мысль. — Подъ исторіею понимаемъ мы непосредственное, наглядное представленіе событій въ ихъ *послѣдовательности* и въ ихъ *современности* (разумѣется, на сколько возможно этого достигнуть человѣческому слову). Не даромъ событіе является одно послѣ другаго и одно вмѣстѣ съ другимъ, хотя бы по видимому, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, не было связи между ними. Не должно нарушать хода событій, какъ онѣ были на самомъ дѣлѣ, какъ онѣ явились на землѣ. Исторія должна уважить этотъ ходъ и взять его себѣ въ основаніе. Но одно такое изложеніе событій было бы простымъ разсказомъ, повѣствованіемъ въ родѣ лѣтописи; при событіяхъ осталось бы и все случайное, преходящее, что обыкновенно сопровождаетъ ихъ. Исторія — не лѣтопись. Взявъ этотъ былевой ходъ событій, совершающихся въ случайности, исторія должна понять ихъ смыслъ и, оставивъ неприкосновеннымъ этотъ великій ходъ, должна откинуть все случайное, ненужное, сопровождающее ходъ исторической жизни. Исторія должна освѣтить мыслію этотъ ходъ событій, мыслію въ нихъ же таящеюся, изъ нихъ же извлеченною, — и по возможности такъ, чтобъ изъ одного изложенія ихъ видна уже была эта мысль.—И такъ исторія есть *непосредственное представленіе событій* (народа, человѣчества) въ ихъ естественномъ ходѣ, въ ихъ дѣйствительной былевой современности и послѣдовательности, но *представленіе, освѣщенное въ тоже время мыслію*, движущею эти событія,

очищенное отъ всего мгновеннаго и случайнаго (ибо среди этого дѣйствуютъ историческія идеи), затемняющаго ихъ смыслъ. Слѣдовательно элементъ художественный необходимъ въ исторіи.

Историческое изслѣдованіе есть исканіе или доказываніе мысли, выражающейся въ историческихъ событіяхъ. Историческое изслѣдованіе, по свойству своему, составляетъ совершенную противуположность безыскуственному лѣтописному разсказу. Оно не есть разсказъ событій. Напротивъ, оно обращается къ нимъ на столько, на сколько нужно для пониманія, для объясненія мысли, въ нихъ выражающейся; событія приводятся въ доказательство, въ подтвержденіе, какъ факты. Художественный элементъ вовсе не нуженъ въ историческомъ изслѣдованіи. Оно не повѣствуетъ, а ищетъ, доказываетъ, роется въ событіяхъ.— И такъ исторія и историческое изслѣдованіе двѣ вещи розныя. Историческое изслѣдованіе возможно и тогда, когда еще не создалась исторія, но безъ историческаго изслѣдованія исторія создаться не можетъ.—Конечно, могутъ быть сочиненія смѣшенныя, то есть, историческое изслѣдованіе можетъ мѣшать историческому разсказу. — Это отчасти видимъ мы мѣстами и въ сочиненіи, нами разсматриваемомъ; впрочемъ и тутъ оно принимаетъ характеръ смѣшенной съ изслѣдованіями монографіи, а не исторіи.—Основываясь на общей его характеристикѣ, мы относимъ это новое сочиненіе г. Соловьева (VI томъ Исторіи Россіи) прямо къ историческимъ изслѣдованіямъ.

Но возможна ли у насъ теперь исторія? Конечно нѣтъ. Исторія есть уже плодъ яснаго самосознанія, плодъ спокойнаго самосозерцанія. А мы еще далеки отъ того. У насъ теперь пора историческихъ изслѣдованій, не болѣе. И, кажется, эта пора только еще начинается.—Слишкомъ крѣпко была отшибена у насъ память, слишкомъ рѣшительно была разорвана нами связь съ прошедшимъ, чтобы не легло на насъ за это законнаго наказанія: непониманія жизни нашихъ предковъ, непониманія своей собственной народной жизни. Скоро ли можемъ мы добраться до самосознанія, когда и теперь требованіе народнаго или самостоятельнаго

воззрѣнія кажется для многихъ непонятнымъ, а для многихъ слишкомъ гордымъ, даже дерзкимъ, ибо, по ихъ мнѣнію, выходитъ, что *намъ не должно смѣть свое сужденіе имѣть*. — И такъ устремимъ же всѣ силы наши на то, чтобъ сперва разработать и понять наше прошедшее и стать наконецъ на свои ноги, вопреки любителямъ ходить на помочахъ. А исторію писать погодимъ. — У насъ есть исторія, трудъ великій, монументальный: это Исторія Карамзина. Она принадлежитъ той ложной подражательной эпохѣ, которая, какъ ни хлопочатъ объ ней защитники исключительной національности Западно-Европейской, сдвинулась съ своего мѣста и увлекается, хотя медленно, потокомъ времени. Карамзинъ *могъ* писать исторію; онъ не замѣчалъ недостатка яснаго самосознанія. Неизбѣжныя сомнѣнія, необходимыя недоумѣнія и вопросы возбуждены еще не были. Карамзинъ подъялъ огромные труды; онъ старался объяснить темныя и непонятныя *мѣста* въ исторіи; но ни сомнѣнія, ни недоумѣнія не видать въ его сочиненіи; онъ нашелъ и тонъ, и слогъ для исторіи, имъ писанной.—При Исторіи Карамзина мы не можемъ остаться; но она не потеряетъ для насъ своихъ правъ на глубокую благодарность и уваженіе. Цѣна ея, можемъ сказать, будетъ возрастать съ временемъ. Сознавая общую ложность самой исторіи, мы, кромѣ глубокаго уваженія къ великому труду, будемъ прибѣгать къ ней за указаніями, справляться съ нею въ томъ или другомъ случаѣ, и, вышедши за предѣлы ея круга, оцѣнимъ её лучше и поблагодаримъ за нее горячѣе. Повторяемъ, Карамзинъ точно могъ писать исторію. Но наше время не таково. Исторія такого рода насъ удовлетворить не можетъ. Мы чувствуемъ, что почва колеблется подъ нашими ногами. Гдѣ же тутъ строить зданіе? — И такъ намъ надобно понять сперва Русскую исторію, понять самихъ себя, послѣ полуторастолѣтняго попугайства; а это не легко для насъ, отвыкшихъ жить своимъ умомъ и даже чувствовать своимъ чувствомъ. Для того, чтобъ достигнуть главной цѣли: понять свою исторію и самихъ себя, — намъ необходимы изслѣдованія, изслѣдованія и изслѣдованія.—Само собою разумѣется, что

учебникъ всегда возможенъ. Возможна, можетъ быть, и монографія, скорѣе въ видѣ простаго изложенія событій.

Не знаемъ, согласенъ ли съ нами уважаемый авторъ; во всякомъ случаѣ, самая книга его согласна съ нами. Г. Соловьевъ предположилъ себѣ писать исторію, но его вѣрный историческій тактъ, но потребность современной науки Русской Исторіи, потребность, имъ чувствуемая и понимаемая, не допустили его до этого и заставили его, *на дѣлѣ*, написать не исторію, а историческое изслѣдованіе,— и мы очень этому рады. Попытка, еслибъ она осуществилась на дѣлѣ, написать исторію, попытка преждевременная, непремѣнно была бы неудачна. Мы знаемъ, что не отъ недостатка дарованія г. Соловьевъ не написалъ намъ Русской Исторіи. Изъ его лекцій, которыя удалось намъ слышать, изъ разныхъ мѣстъ его сочиненій, видимъ мы совершенно тому противное. Мы знаемъ: у него довольно историческаго художественнаго таланта для непосредственнаго представленія мыслію проникнутыхъ событій; — но эпоха не та, но не пришла еще пора для Русской Исторіи, и потому г. Соловьевъ можетъ написать только историческое изслѣдованіе.

Сказавъ теперь, къ какому роду принадлежитъ, по нашему мнѣнію, новый трудъ г. Соловьева, обратимся къ самому труду и посмотримъ, что высказываетъ въ немъ авторъ, какъ смотритъ на Іоанна IV, на его эпоху, на Россію XVI вѣка.

Не часто въ исторіи встрѣчаются эпохи, въ которыхъ бы историческій интересъ былъ такъ возвышенъ и такъ сосредоточенъ, какъ въ царствованіе Іоанна. Іоаннъ провелъ всю свою жизнь на престолѣ, съ лѣтъ младенческихъ до старческихъ, и какую измѣнчивую, бурную и многознаменательную жизнь. И общее значеніе эпохи, и великія событія, и личности, какъ самаго Іоанна, такъ и окружающихъ его людей, все становитъ эту, историческую въ жизни народа, эпоху на ряду съ самыми замѣчательными.

Авторъ въ началѣ книги, говоря о первыхъ годахъ Іоаннова царствованія, высказываетъ очень вѣрную и важную мысль, о которой мы уже упоминали. Въ отношеніяхъ Іо-

анна къ боярамъ видитъ онъ послѣднее проявленіе борьбы между Государемъ, начинающимъ новый порядокъ вещей, пришедшимъ къ новому понятію о власти,—и его дружиною, помнящею прежнее свое значеніе и старающеюся оное удержать. Приводимъ слова самаго автора.

«Въ это правленіе рѣшенъ былъ чрезвычайно важный вопросъ для государственной жизни Россіи. Сѣверовосточная Русь объединилась, образовалось государство, благодаря дѣятельности князей Московскихъ; но около этихъ князей, ставшихъ теперь государями всей Руси, собрались, въ видѣ слугъ новаго государства, потомки князей великихъ и удѣльныхъ, лишенныхъ отчинъ своихъ потомками Калиты; они примкнули къ Московской дружинѣ, къ Московскому боярству, члены котораго должны были теперь, по требованію новаго порядка вещей, перемѣнить свои отношенія къ главѣ государства. Вокругъ великаго князя Московскаго, представителя новаго порядка, находившаго свой главный интересъ въ его утвержденіи и развитіи, собрались люди, которые жили въ прошедшемъ всѣми лучшими воспоминаніями своими, которые не могли сочувствовать новому, которымъ самое ихъ первенствующее положеніе, самый ихъ титулъ указывали на болѣе блестящее положеніе, болѣе высокое значеніе въ недавней, очень хорошо всѣмъ извѣстной старинѣ. При такомъ сопоставленіи двухъ началъ, изъ которыхъ одно стремилось къ дальнѣйшему, полному развитію, а другое хотѣло удержать его при этомъ стремленіи, удержать во имя старины, во имя старыхъ, исчезнувшихъ отношеній, необходимо было столкновеніе. Это столкновеніе видимъ въ княженіи Іоанна III и сына его, столкновеніе, выражающееся въ судьбѣ Патрикѣевыхъ, Ряполовскихъ, Холмскаго, Берсеня и другихъ; необходимы были стремленія со стороны великихъ князей освобождаться отъ людей, живущихъ стариною и во имя этой старины мѣшающихъ новому; необходимы были стремленія выдвигать людей новыхъ, которые бы не оглядывались назадъ, смотрѣли бы только впередъ и по этому были бы покорными слугами новаго, отъ котораго получили свое значеніе, свое общественное бытіе. Но вотъ великому князю Василію Іоанновичу наслѣдуетъ малолѣтный сынъ его, Іоаннъ, который остается все еще малолѣтнымъ и по смерти матери своей, правившей государствомъ; въ челѣ управленія становятся люди, не сочувствовавшіе стремленіямъ государей Московскихъ; какъ же поступятъ теперь эти люди, у которыхъ развязались руки, которые по-

лучили полную возможность действовать въ свою пользу, по своимъ понятіямъ? Оправдаютъ ли они свое противоборство новому порядку вещей дѣлами благими, дѣлами пользы государственной? Уразумѣютъ ли, что безсмысленно вызывать на всегда исчезнувшую удѣльную старину, на всегда исчезнувшія отношенія, что этимъ вызовомъ можно вызвать только тѣни, лишенныя дѣйствительнаго существованія? Съумѣютъ ли признать необходимость новаго порядка, но, не отказываясь при этомъ отъ старины, съумѣютъ ли заключить сдѣлку между старымъ и новымъ во благо, въ укрѣпленіе государству? Съумѣютъ ли показать, что отъ старины остались крѣпкія начала, которыя, при искусномъ соединеніи съ новымъ, могутъ упрочить благосостояніе государства? Мы видѣли, какъ Шуйскіе съ товарищами воспользовались благопріятнымъ для себя временемъ. Въ стремленіи къ личнымъ цѣлямъ, они разрознили свои интересы съ интересомъ государственнымъ, не съумѣли даже возвыситься до сознанія сословнаго интереса. Своимъ поведеніемъ они окончательно упрочили силу того начала, которому думали противодѣйствовать во имя старыхъ правъ своихъ; и безъ того уже связь, соединявшая ихъ съ землею, была очень слаба: мы видимъ, что дѣйствуютъ на первомъ планѣ, борются, торжествуютъ, гибнутъ князья, потомки Рюрика, князья Суздальскіе, Ростовскіе, Ярославскіе, Смоленскіе, но гдѣ сочувствіе къ нимъ въ этихъ областяхъ? Не говорится, что за Шуйскихъ стояли Суздальцы и Нижегородцы всѣ городомъ, какъ за потомковъ своихъ прежнихъ князей; а сказано, что за Шуйскихъ стояли Новгородцы великаго Новгорода всѣ городомъ: вотъ одно только чувствительное мѣсто, которое отзывается на новыя движенія во имя старыхъ отношеній! Понятно, что еще меньше могли найти сочувствія князья Бѣльскіе и Глинскіе, Литовскіе выходцы. Сочувствіе могло быть возбуждено къ этимъ людямъ, еслибъ они тѣсно соединили свой интересъ съ интересами земли; но вмѣсто того народъ увидалъ въ нихъ людей, которые остались совершенно преданы старинѣ и въ томъ отношеніи, что считали прирожденнымъ правомъ своимъ кормиться на счетъ ввѣреннаго имъ народонаселенія, и кормиться, какъ можно, сытнѣе. Понятно, что земля всѣми своими сочувствіями обратилась къ началу, которое одно могло защитить ее отъ этихъ людей, положить границу ихъ своекорыстнымъ стремленіемъ,—и вотъ молодой Царь пользуется ошибками людей, въ которыхъ видитъ враговъ своихъ, и съ лобнаго мѣста, во услышаніе

всей земли говоритъ, что власть князей и бояръ, лихоимцевъ, сребролюбцевъ, судей неправедныхъ кончилась, что онъ самъ будетъ теперь судья и оборона,—и разборъ просьбъ поручаетъ человѣку, котораго взялъ изъ среды бѣдныхъ и незначительныхъ людей: на мѣстѣ Шуйскихъ, Бѣльскихъ, Глинскихъ, видимъ Адашева; Исавъ продалъ право первородства младшему брату за лакомое блюдо.» (*)

Мы выписали цѣликомъ все мѣсто, хотя не все въ немъ кажется намъ справедливо.

Авторъ, въ окончаніи книги, касается опять той же мысли и говоритъ:

«Долго Іоаннъ Грозный былъ загадочнымъ лицемъ въ нашей исторіи, долго его характеръ, его дѣла были предметомъ спора. Причина недоумѣній и споровъ заключалась въ незрѣлости науки, въ непривычкѣ обращать вниманіе на связь, преемство явленій. Іоаннъ IV не былъ понятъ, потому что былъ отдѣленъ отъ отца, дѣда и прадѣдовъ своихъ. Одно уже названіе: Грозный, которое мы привыкли соединять съ именемъ Іоанна IV; указываетъ достаточно на связь этого историческаго лица съ предшественниками его, ибо и дѣда его, Іоанна III, называли также Грознымъ. Мы жаловались на сухость, безжизненность нашихъ источниковъ въ сѣверной Руси до половины XVI вѣка; жаловались, что историческія лица дѣйствуютъ молча, не высказываютъ намъ своихъ побужденій, своихъ сочувствій и непріязней (**). Но во второй половинѣ XVI вѣка борьба стараго съ новымъ, раздражительность при этой борьбѣ доходятъ до такой степени, что участвующіе въ ней не могутъ болѣе оставаться молчаливыми, высказываются; явно увеличившаяся въ Москвѣ съ половины XV вѣка начитанность, грамотность помогаютъ этому высказыванію, этому веденію борьбы словомъ, и являются двое борцевъ,—внукъ Іоанна III и Софіи Палэологъ, Іоаннъ IV, и потомокъ удѣльныхъ Ярославскихъ князей, Московскій бояринъ, князь Андрей Курбскій. Курбскій указываетъ намъ начало непріязни въ самомъ собраніи земли, въ подчиненіи всѣхъ княжествъ сѣверной Руси княжеству Московскому; какъ бояринъ и князь, Курбскій указываетъ перемѣну въ отношеніяхъ Московскихъ великихъ князей къ дружинѣ ихъ, начало борьбы при Іоаннѣ III, указываетъ на Софію Палэологъ, какъ на главную виновницу

(*) И. Рос. Т. VI. Стр. 61—64.

(**) Впрочемъ Берсень не молчалъ И. Р. ...

перемѣны, еще сильнѣе вооружается онъ противъ сына Іоанна III и Софіи, Василія, и въ Іоаннѣ IV видитъ достойнаго наслѣдника отцевскаго и дѣдовскаго, достойнаго продолжателя ихъ стремленій. Слова Курбскаго вполнѣ объясняютъ намъ эти стремленія Іоанна IV, стремленія, обнаружившіяся очень рано, высказывавшіяся постоянно и сознательно. Намъ понятно становится это поспѣшное принятіе царскаго титула, желаніе сохранить его, желаніе связать себя и съ Августомъ Кесаремъ, и съ царемъ Владиміромъ Мономахомъ, желаніе выдѣлить себя, возвыситься на высоту недосягаемую; понятно становится намъ презрѣніе къ королю Шведскому, къ которому приписывается земля, къ Стефану Баторію, многомятежнымъ сеймомъ избранному, объявленіе, что нѣтъ имъ равенства съ Царемъ Московскимъ» (*).

Основная мысль—мысль очень вѣрная и много объясняющая. Она объясняетъ намъ и начало царствованія Іоаннова, и потомъ вновь возникшую борьбу, сопровождавшуюся такими страшными казнями, которыми истреблялъ Іоаннъ древнюю доблестную дружину. Точно, это было уничтоженіе прежнихъ отношеній князя и дружины; но уничтоженіе свирѣпое и безчеловѣчное, въ чемъ никогда не можетъ быть нужды. Намъ кажется, что почтенный авторъ не совсѣмъ справедливъ къ боярамъ, многимъ изъ которыхъ нельзя отказать въ доблести, и потому жалѣемъ, что г. Соловьевъ не развилъ еще осязательнѣе своей мысли, не представилъ, какъ насупротивъ Іоанна, проникнутаго идеальнымъ значеніемъ Царя, Іоанна, всюду носящаго съ собою сознаніе царскаго достоинства,—достоинства, еще новаго въ Россіи,—какъ насупротивъ этого Іоанна, блестящаго умомъ и способностями, стоитъ старое боярство, хотя уже много измѣнившаяся, но все доблестная, все знаменитая дружина, въ которой теперь уже тѣснятся густыми рядами недавно сидѣвшіе на удѣльныхъ своихъ столахъ Рюриковичи: князья Шуйскіе, Воротынскіе, Мстиславскіе, Оболенскіе и пр. и пр.—Древняя доблесть ихъ ярко блещетъ въ началѣ царствованія Іоанна; имена ихъ раздаются около стѣнъ Казани, на поляхъ Ливоніи, передъ ними бѣгутъ Крым-

(*) Ист. Рос. Т. VI стр. 435—37.

скіе ханы... Но значеніе ихъ миновало, и судъ исторіи совершается надъ древнею дружиною. Повторяемъ, вполнѣ сочувствуя съ авторомъ: историческая причина объясняетъ дѣло, но нисколько не оправдываетъ его нравственно. Если историческая необходимость вызываетъ ту или другую идею, то эта необходимость никогда не простирается на способъ и средства, съ помощію которыхъ проявляется идея. Преемство идей, по существу своему, должно совершаться въ духѣ человѣческомъ; тамъ должна идея бороться и побѣждать въ области свободнаго убѣжденія; и только несовершенство человѣчества вообще, или личный грѣхъ человѣка, заставляютъ сопровождаться ужасами то или другое начало.

Мы согласны съ самою мыслію, но однако позволимъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія.

Прежде всего скажемъ, что борьба эта (Царя съ боярствомъ) была весьма не ровная, не только по силѣ той и другой стороны, силѣ, даруемой большею или меньшею современною потребностью, но и по характеру своему; съ одной стороны—борьба дѣйствительная, съ другой—чисто страдательная, такъ что слово: борьба, принимаемое и г. Соловьевымъ, и нами, едва ли есть впрочемъ вполнѣ сотвѣтственное слово. Бояре противупоставляли Іоанну одно терпѣніе. Единственное, что они употребляли въ свою защиту,—это отъѣздъ, ихъ древнее право. Но для Іоанна врагъ, и врагъ опасный, точно существовалъ въ его воображеніи, и онъ всюду видѣлъ небывалые заговоры и умыслы противъ него.—Мы не согласны съ словами автора, приведенными въ сдѣланной нами выпискѣ, которыя говоритъ онъ о боярахъ: «уразумѣютъ ли, что безсмысленно вызывать на всегда изчезнувшую удѣльную старину.... Своимъ поведеніемъ они упрочили силу того начала, которому думали противодѣйствовать во имя старыхъ правъ своихъ.»—Но они (бояре) ничего и не думали вызывать, ничему не противодѣйствовали. Правили они государствомъ, даже по необходимости, ибо кому же было править въ малолѣтствѣ Государя, у котораго и матери не было? Правя государствомъ, они ссорились, боролись между

собою, поступали своекорыстно, обходились грубо съ малолѣтнимъ Государемъ,—но ничего болѣе мы не видимъ въ ихъ дѣйствіяхъ. Мало того: предъ Іоанномъ стояла не только древняя удѣльная дружина; въ эту дружину вошли князья, потомки Рюрика, и удѣльныя княжескія воспоминанія безспорно должны были имѣть здѣсь свое мѣсто.— Но и тутъ (и это составляетъ особенность Русской исторіи) мы нигдѣ не видимъ попытки возвратиться назадъ *на дѣлѣ*. Рюриковичи, окружавшіе престолъ во время малолѣтства Іоанна, ни сколько не думали о возвращеніи своихъ удѣльныхъ правъ; а, кажется, время было, какъ нельзя болѣе удобно. Бывшіе, такъ недавно, удѣльные князья довольствуются одними воспоминаніями, какъ Курбскій,—и только. Возможность дѣйствительнаго удѣльнаго права тогда уже ограничивалась необходимо-тѣснымъ кругомъ, семействомъ В. князя Московскаго; тамъ еще оно признавалось самимъ Государемъ, — и потому двоюродный братъ Великаго князя, князь Владиміръ Андреевичь, еще имѣетъ удѣлъ, еще помышляетъ о велико-княжескомъ и царскомъ престолѣ, мимо своего племянника. Но и здѣсь, гдѣ еще сама власть государя хочетъ признавать удѣльное устройство, чувствуется, что это безсильный остатокъ разрушеннаго прошедшаго, одна тѣнь минувшаго, остальная засыхающая вѣтвь подрубленнаго дерева. Скоро изчезъ и этотъ послѣдній слабый слѣдъ удѣла.—Удѣльныя воспоминанія должны были однако внести новую горечь въ то тяжелое чувство, которое безспорно обхватывало бояръ. Но, повторяемъ: боярство вовсе не вело дѣйствительной борьбы. — Одна *идея* дружины, отвлеченная и молчаливая, стояла передъ царскимъ трономъ, — и она-то безпокоила Іоанна. Мы готовы скорѣе принять, что не въ малолѣтство Іоанна,—а въ эпоху Сильвестра и Адашева, дружина или совѣтъ боярскій получилъ значеніе, но получилъ онъ значеніе вслѣдствіе нравственнаго преобладанія надъ Іоанномъ, хотя бы, можетъ быть, посредствомъ разныхъ устрашеній, о которыхъ онъ самъ говоритъ.—Но какъ скоро Іоаннъ рванулся на иной путь, то онъ не встрѣтилъ никакихъ препятствій, никакого сопротивленія; онъ рубилъ

и терзалъ бояръ, сколько хотѣлъ; а они шли кротко на казнь, нѣкоторые только позволяли себѣ бѣгство.

Не можемъ не сдѣлать еще двухъ замѣчаній. Авторъ говоритъ о боярахъ (смотри наши выписки): «но вмѣсто того народъ увидалъ въ нихъ людей, которые остались совершенно преданы старинѣ и въ томъ отношеніи, что считали прирожденнымъ правомъ своимъ кормиться на счетъ ввѣреннаго имъ народонаселенія, и кормиться, какъ можно, сытнѣе.»—Часто повторялось съ ужасомъ это слово *кормиться,* понимаемое въ современномъ разговорномъ значеніи, безъ изслѣдованія историческаго, — и публика думала, что бояринъ, отправляющійся кормиться, беретъ, что хочетъ, что все имущество ввѣреннаго народонаселенія предоставляется ему *по праву,* въ полное распоряженіе. Но таково ли было дѣло, какимъ кажется теперь слово? То ли значило прежде *кормиться,* что такъ наивно и легко подразумѣваютъ теперь подъ этимъ словомъ? — Знакомство съ памятниками показываетъ намъ совсѣмъ другое. Поэтому мы не можемъ не удивиться, какъ ученый авторъ, столь близко знакомый съ источниками, употребляетъ слово: кормиться, кажется, почти въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ употребляется оно людьми, знакомыми съ Русскою исторіей по слухамъ или поверхностно.—Кормленіе не было *произвольно,* оно было *опредѣлено* со всею точностію. Это было тоже жалованье, какое и теперь, жалованье, *строго опредѣленное,* но только получаемое натурою (а еслибъ хотѣлъ кормленщикъ, то и деньгами), и получаемое не изъ рукъ государства, а прямо изъ первыхъ рукъ народа. — Кормленщикъ не могъ потребовать ничего болѣе того, что было ему назначено правительствомъ. И такъ мы столько же можемъ приходить въ ужасъ отъ слова: *кормиться,* сколько отъ слова: *получать жалованье.* Наши слова доказываются многими уставными грамотами, въ которыхъ подробно говорится, сколько должно давать корму,—а болѣе того брать не позволяется. Выписываемъ изъ одной уставной грамоты 1506 года:

«На въѣздъ волостелю кто что принесетъ, то ему взяти, а на Рожество Христово дадутъ волостелю кормъ со штижъ деревень: по-

лоть мяса, десятеро хлѣбовъ, мѣхъ овса, возъ сѣна; а на Петровъ день со штижъ деревень дадутъ волостелю кормъ: баранъ, десятеро хлѣбовъ; а нелюбъ волостелю кормъ, и они ему дадутъ за полоть мяса десять денегъ, за баранъ алтынъ, за мѣхъ овса алтынъ, за возъ сѣна алтынъ, за хлѣбъ по денгѣ. А тіуну его дадутъ кормъ, со штижъ деревень на всѣ тѣ три праздники (1) въ полы того; а праветчику его дадутъ поборъ съ деревни: на Рожество Христово восемь денегъ, а на Великъ день четыре денги, а на Петровъ день четыре жъ денги, а доводчику его дадутъ поборъ съ деревни: на Рожество Христово за ковригу денга, за часть мяса денга, за зобню овса двѣ денги, а на Великъ день за ковригу денга, за часть мяса денга, а на Петровъ день за ковригу денга, за сыръ денга. А тѣ три кормы и поборы волостелю и тіуну и праветчику и доводоводчику, на весь годъ; а болѣ того имъ иныхъ кормовъ и поборовъ нѣтъ никоторыхъ.» (2)

Кажется, ясно. Мы выбрали грамоту древнѣе той эпохи, о которой говоритъ г. Соловьевъ, чтобы показать, въ чемъ состояло это древнее право кормленія. Но есть опредѣленія этого кормленія гораздо древнѣе. (3) Указываемъ на подобную грамоту 1536 года. Вотъ наконецъ еще свидѣтельство: грамота Іоанна IV 1556 г. Въ грамотѣ сказано:

«Пожаловалъ есми Матоея Мунзорина сына Хлуденева половиною ямскимъ, подъ Алабышемъ, Колобовымъ сыномъ Перепечина, въ *кормленье;* а наѣхати ему на свое жалованье велѣлъ въ Благовѣщеньевъ день, лѣта 7064.—И вы бъ ему дали *доходной списокъ съ книгъ*, *по чему* ему то ямское вѣдати и пошлина своя сбирати, *потому жъ, какъ прежніе кормленщики то ямское вѣдали.*»—(4)

И такъ вотъ что значило кормленье.—Намъ могутъ сказать, что этотъ способъ жалованья, получаемаго не прямо отъ правительства,—не хорошъ. Но это уже совсѣмъ другой вопросъ, о которомъ мы здѣсь разсуждать не намѣрены.—Намъ ска-

---

(1) Археограф. Ком. справедливо замѣчаетъ, что тутъ пропускъ; ибо сказано лишь о двухъ праздникахъ, о Рожествѣ, о Петровѣ днѣ, а о Пасхѣ не сказано, о которой упоминается въ другихъ грамотахъ, да и здѣсь ниже.

(2) Акты А. Э. Т. I. стр. 116.

(3) На пр: 1453—1462. См. Акт. Ист. Т. I. стр. 166.

(4) Дополн. къ Акт. Ист. Т. I. стр. 153.

жутъ, что кормленщики не довольствовались положенною имъ мѣрою, а брали больше опредѣленнаго; но это была уже личная вина кормленщиковъ: на это законъ имъ *права* не давалъ. Это было уже *злоупотребленіе*, осуждаемое закономъ и устройствомъ древней Руси. Злоупотребленіе бываетъ всегда, вездѣ, со всякимъ справедливымъ закономъ.—Разсматривайте же кормленщиковъ-грабителей, не какъ пользующихся правомъ, а какъ нарушающихъ право кормленія. Тогда вопросъ будетъ поставленъ вѣрно и совершенно иначе.—Не можетъ быть, чтобъ г. Соловьевъ, ученость котораго извѣстна, не зналъ этихъ грамотъ; онъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать, что это право кормленія представляло много удобства къ его нарушенію. Тогда это уже совсѣмъ другое, и рѣчь должна пойти о томъ, какого рода законъ представляетъ болѣе удобствъ къ его нарушенію.—Намъ кажется, что это едва ли не все равно, и человѣкъ, въ которомъ въ самомъ нѣтъ внутренняго закона совѣсти, всегда, какъ скоро захочетъ, безъ труда можетъ нарушить законъ государственный. Примѣры тому видѣли и видятъ всѣ народы.—Мы пишемъ наше объясненіе кормленія не для г. Соловьева (онъ въ томъ, конечно, не нуждается), а для множества несостоятельныхъ судей о древней Руси, которые тѣмъ рѣзче судятъ о ней, чѣмъ менѣе ее знаютъ.

Въ самомъ дѣлѣ, просвѣщенный міръ едва ли представлялъ что-нибудь подобное тому легкомыслію, съ которымъ отзываются у насъ о древней Россіи. — Въ этомъ легкомысліи много дѣтскаго, много похожаго на желаніе *казаться большими*, къ которому такъ склонны дѣти, не замѣчая, что въ эту минуту они всего болѣе дѣти. — Это легкомысліе показываетъ, что мы все еще не привыкли къ Европейскому фраку, и все еще рады ему, какъ дѣти, которымъ только что повязали галстучекъ.—Похожее нѣчто представляютъ намъ также люди, вышедшіе въ знать и стыдящіеся среды, изъ которой они вышли, въ то время какъ она, можетъ быть, возвышеннѣе и благороднѣе ихъ блестящаго знакомства. Право, у насъ похвалить древнюю до-Петровскую Русь боятся, какъ mauvais genre.... Нѣтъ, это не просвѣщеніе! Это то полупросвѣщеніе, кото-

рое научаетъ только поднимать спѣсиво голову надъ всѣмъ, что къ этому полупросвѣщенію не подходитъ, и нагибать голову передъ всѣмъ, что считается авторитетомъ.—Но мы невольно увлеклись въ сторону; обратимся къ предмету.

На страницахъ 438 и 439 (см. выписку) авторъ видитъ родовое начало въ томъ, что Русскій бояринъ прибавляетъ къ своему имени имя отца, дѣда и прадѣда. «Но обратимся къ нашимъ боярамъ, къ ихъ именамъ, говоритъ авторъ: что встрѣтимъ? Данила Романовичь Юрьевича Захарьина, Иванъ Петровичь Ѳедоровича.» Во первыхъ, этихъ примѣровъ не много. Мы желали бы, чтобъ авторъ привелъ еще примѣръ прибавленія имя прадѣда, кромѣ имъ приведеннаго. Прибавленіе же имени отца къ своему имени указываетъ прямо на семейное, а не родовое начало, ибо семья слагается изъ родителей и дѣтей. Во вторыхъ, обычай, встрѣчающійся иногда, прибавленія имени дѣда, указываетъ, кажется намъ, не на родовое, а на родословное (генеалогическое) начало, которое авторъ конечно находитъ, даже доселѣ, на Западѣ Европы; тогда отъ чего же дѣлать изъ него особенность нашего народа? Бояринъ «крѣпко стоитъ за то (гов. авторъ), чтобъ роду не было порухи». То есть, онъ стоитъ за честь своего рода, за честь своего имени,—чувство, весьма общее и очень сильно развитое на Западѣ. Но гдѣ же родовой *бытъ?* Спорятъ древнія имена и, въ этомъ смыслѣ, древніе роды, но гдѣ же у нихъ родовое устройство? Мы напротивъ думаемъ, что еслибъ было у Русскаго боярина чувство цѣлаго рода, то имѣлъ бы онъ и родовое прозвище. А онъ его не имѣлъ: оно является позднѣе. Онъ напротивъ соединялъ съ своимъ именемъ родословіе, и родословіе ближайшее, а не чувство цѣльнаго рода, которое выразилось бы однимъ общимъ прозвищемъ; а такаго постояннаго прозвища въ древности не было: оно часто перемѣнялось, подвигаясь впередъ съ новымъ поколѣніемъ, и имя новаго дѣда или отца становилось въ свою очередь прозвищемъ. Впрочемъ, собственно имя дѣда есть прозванье, а имя отца—не прозвище, а отчество.—Это и теперь видимъ мы въ нашемъ народѣ: такъ нынче крестьянинъ такой-то прозывается Антоновъ, потому что дѣдъ его

Антонъ, но правнукъ Антона называется Петровъ, потому что сынъ Антона, а его дѣдъ, зовется Петръ. Иногда прозвище идетъ черезъ нѣсколько поколѣній и потомъ уступаетъ мѣсто новому; иногда прозвище устанавливается. — Въ древности было тоже самое и въ боярскихъ родахъ. При томъ, кажется, въ нихъ довольно часто имя дѣда удерживалось для внуковъ, и уступало имени новаго дѣда, черезъ поколѣніе. Такъ Романовы, во время Іоанна, называются *Захарьины*, по имени дѣда; а потомъ, черезъ поколѣніе, называются *Романовыми*, по имени Романа внука Захарьи и въ свою очередь дѣда знаменитаго Ѳедора (Филарета) Никитича. И такъ за ними удержалось не прозвище древнѣйшее: Захарьины, а позднѣйшее прозвище: Романовы. Всѣ такія обстоятельства родовому быту противорѣчатъ. Далѣе: всѣ эти явленія, которыя по мнѣнію автора доказываютъ начало родовое, находятся, какъ ему самому извѣстно, *только* въ служиломъ сословіи; странно, что авторъ какъ будто не замѣчаетъ этого и дѣлаетъ отъ нихъ заключеніе къ цѣлому народу; онъ говоритъ, по нашему мнѣнію, безъ всякихъ на то правъ: «въ глубинѣ жизни народной коренилось начало родовое.» — Вопросъ о родовомъ бытѣ, котораго мы лишь слегка здѣсь касаемся, разобранъ нами обстоятельно въ статьѣ нашей, помѣщенной въ 1. Т. Московскаго Сборника. Намъ бы весьма было желательно услышать, также *обстоятельныя*, возраженія на нее отъ кого-нибудь изъ защитниковъ родоваго быта.

Вотъ наши замѣчанія. — Онѣ не противорѣчатъ главной мысли автора. Необходимо прибавить, что отношенія Государя къ дружинѣ или, въ половинѣ XVI вѣка, Царя къ боярамъ, что вся эта борьба совершалась во внутреннемъ составѣ правительственномъ; все это происходило безъ участія народа, такъ сказать: надъ народомъ, а не въ немъ самомъ.

Думаемъ, что не худо кинуть здѣсь бѣглый историческій взглядъ на государственную власть въ Россіи въ ея внутреннемъ составѣ.

Первые три брата-князя, призванные Славянами, пришедши съ дружиною, сей часъ размѣстились по городамъ, и съ перваго же разу видимъ мы явленіе, совершенно про-

тивуположное единодержавію: сей часъ являются три князя. При Олегѣ, Игорѣ и Святославѣ по видимому возникаетъ единодержавіе, но совершенно случайно, ибо у этихъ князей не было братьевъ. Къ тому же договоры ихъ съ Греками показываютъ, что въ городахъ было много подручныхъ имъ князей. Въ послѣдствіи, когда родъ княжой размножился, вся Россія управлялась всѣмъ этимъ княжимъ родомъ, всѣми наличными князьями. Такимъ образомъ Россія не представляла единаго цѣльнаго государства, но съ другой стороны не представляла и отдѣльныхъ государствъ, не представляла даже федеративнаго государственнаго союза, ибо владѣнія князей были непрочны, и они сами переходили изъ города въ городъ. Возможность этихъ переходовъ показываетъ, что въ тоже время *почва была одна,* что вся Россія была едина. И точно, Россія была едина, какъ одна Русская земля, соединенная Вѣрою, языкомъ, жизнію и бытомъ; но, какъ Русское государство, цѣлости она не представляла. На единой Русской землѣ строились государственныя перегородки; князья, вмѣстѣ съ своими дружинами, переходили изъ города въ городъ, ссорились, сражались, выгоняли другъ друга. Несложившееся государственное устройство носилось надъ Землею. — Но какъ же могла выносить Русская земля такое безпокойное государственное устройство, это множество воинственныхъ, задорныхъ князей, сей часъ прибѣгающихъ къ мечу въ своихъ спорахъ? Мы же знаемъ при томъ, что въ каждомъ городѣ собиралось народное вѣче. Отвѣтъ на это одинъ: мѣнялись князья, но отношеніе ихъ къ народу не мѣнялось; устройство народное отъ этой перемѣны не терпѣло: и потому Ростиславъ или Изяславъ, Всеволодъ или Олегъ,—*для народа* было все равно, ибо отношенія князя къ народу и народное устройство оставались тѣже: какое же тутъ дѣло до лица самаго князя? Всѣ эти споры и ссоры князей были *дѣломъ промежду* ихъ; въ этомъ дѣлѣ непосредственное участіе принимали ихъ княжія дружины. Народу не было дѣла до ихъ родовыхъ счетовъ, до ихъ правъ на старшинство; родовое устройство, бывшее отчасти въ Рюриковскомъ родѣ (родѣ приш-

ломъ, не забудьте), чуждое Русскому народу совершенно, не могло возбуждать въ немъ участія, ни даже быть ему понятно. Впрочемъ иногда народъ вмѣшивался въ княжую борьбу; это бывало: или когда эти безпрестанныя сраженія уже слишкомъ вредили его матеріальному благосостоянію,—и тогда народъ удалялъ отъ себя князя, изъ-за котораго шелъ споръ; или же, когда князь имъ лично былъ по душѣ,—и тогда народъ вооружался за него, какъ на пр: Кіевъ за Изяслава Мстиславича. Но и тутъ, если борьба должна была быть тяжела и раззорительна для общественнаго благосостоянія, народъ говорилъ даже и любимому князю (на пр. тому же Изяславу Мстиславичу): мы тебя любимъ, князь, но нечего дѣлать, иди прочь: не твое время.—Иногда ссорились и воевали городъ съ городомъ, и тогда князья были ихъ военачальниками и служили иногда для нихъ предлогомъ.—Скажутъ, что такое устройство было для народа обременительно, имѣло много недостатковъ; нѣтъ спору; но какое же ихъ не имѣетъ? И такъ какъ всякое устройство имѣетъ свои недостатки, то Русская земля терпѣла и это устройство, стараясь по возможности уменьшать его неудобства и брать противъ нихъ мѣры, не участвуя въ княжихъ распряхъ и иногда прекращая ихъ, чрезъ объявленіе князю, чтобъ онъ удалился; дальнѣйшее улучшеніе государственнаго устройства Русская земля предоставляла времени и постепенному ходу жизни.—И такъ Русскою землею владѣли *князья*. Правда, одинъ изъ нихъ, еще въ самыя первыя времена, назывался: *великій*, но это не было титулъ, означающій особую власть. Это значило: *старшій*,—какъ и теперь, *большой* значитъ *старшій* (*большой* сынъ, *большой* братъ, употребляется въ смыслѣ *старшій*). Уже самое множество князей, въ одной землѣ, уничтожало единодержавіе и лишало ихъ значенія самовластнаго Государя.—Сверхъ того князь изначала явился на Руси, окруженный дружиною; значеніе дружины было важно; это былъ совѣтъ, общество князя; мнѣніемъ дружины онъ дорожилъ и совѣту ея слѣдовалъ; здѣсь не было никакого прямаго ограниченія власти князя, но, единственно въ силу обычая, дружина имѣла постоянный вѣсъ въ его намѣреніяхъ и предпріятіяхъ и явля-

лась сама независимою: дружинникъ имѣлъ право переходить отъ князя къ князю. Дружина, съ своей стороны, хотя только въ силу обычая, какъ мы сказали, умѣряла самовластіе князя. — Таково было сначала государственное устройство въ Россіи. Споры у князей шли сперва за Кіевъ. Кіевъ былъ для нихъ домъ отцевскій; здѣсь была мысль о *чести* княжескаго стола, и споръ былъ за нее. Но время шло своимъ необходимымъ ходомъ; значеніе Государства выступало; междоусобіе князей приняло иной характеръ. Кіевъ потерялъ свое значеніе. Возникъ Владиміръ. Князь его, Андрей Суздальскій, по словамъ лѣтописи, хотѣлъ быть *самовластецъ* (единодержецъ) въ Русской землѣ. Явилась мысль у князей, уже не только о чести княжескаго стола, но о матеріальномъ могуществѣ княжества. А въ это время нагрянули Татары и соединили Русь новымъ общимъ союзомъ, союзомъ общей бѣды, общаго плѣна. — Русскіе князья давно знали, что есть иная власть Государева, власть Царская, власть единодержавная и нераздѣльная. Духовенство давно говорило имъ о этой власти. Это классическое понятіе сообщено было имъ Византіею; оно осѣнило Владиміра Мономаха, но тогда это было преждевременно, больше, какъ пророчество. Теперь явилась передъ Россіею или, лучше, вознеслась надъ нею, иная, цѣльная, страшная власть, власть Татарскаго Хана. Въ Россіи стали давать ему тоже титулъ *Царя*. Татары не властвовали Россіею, но держали ее подъ игомъ, оставя ей прежнее устройство и лишь подчинивъ его своей верховной власти, и отъ времени до времени вторгались въ нее, все истребляя и разрушая. Князья, признавъ власть Татарскаго Хана, продолжали между собою тѣже отношенія, но уже въ измѣненномъ видѣ. Поссорившись, они принуждены были ѣздить въ Орду: тамъ выпрашивать себѣ права на великое княженіе, тамъ искать рѣшенія своего спора. Тамъ видѣли они передъ собою и чувствовали на себѣ страшную цѣльную, единую власть, въ лицѣ Татарскаго Хана; но между собою они не забывали при этомъ и другаго способа: своего стараго боеваго Варяжскаго меча. Еще нѣсколько времени и подъ властію Татаръ междоусобіе князей носитъ предыдущій отпе-

чатокъ: то есть, стремленіе усилить свое княжество на счетъ другаго; къ усиленію своего могущества стремятся и Рязань, и Тверь, и Нижній Новгородъ. Наконецъ Москва поднимаетъ знамя *всей Руси*,—уже не Москвы, а всей Руси, не только въ земскомъ, но и въ государственномъ значеніи. Съ этой минуты, какъ поднято наконецъ это знамя, прекращеніе междоусобій становится неизбѣжнымъ. Передъ такимъ знаменемъ все было должно смириться! Единство Русскаго государства и единство Русской земли должны были наконецъ возникнуть рядомъ, ибо доселѣ дробленіе государственное затрудняло единство Русской земли. Около знамени всей Россіи, поднятаго Москвою, начинаетъ собираться вся Россія. — Великій князь Московскій именуется Великимъ княземъ всея Руси, и удѣльные князья быстро падаютъ передъ нимъ одинъ за другимъ, и нигдѣ не видимъ мы нималѣйшаго къ нимъ сочувствія со стороны народа, въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ. Русская земля, и прежде мало принимавшая къ сердцу ихъ споры, теперь не обнаружила ни малѣйшаго сожалѣнія о ихъ паденіи. Естественно, что единая цѣльная земля тяготилась государственнымъ раздѣленіемъ и была рада, когда Москва сильною рукою стала ломать всѣ эти государственныя перегородки. Русская земля, очевидно, охотно признаетъ единодержавіе Великаго князя, уже не только Московскаго, но всея Руси. Два Царства, столь близко знакомыя Россіи по различнымъ отношеніямъ, — падаютъ въ это время: падаетъ Византія, разваливается Орда; но соблазнительная теорія Византійскаго Императора и соблазнительная парктика Татарскаго Хана сильно дѣйствуютъ на Великаго князя Московскаго и оставляютъ на немъ слѣды. Онъ не сдѣлался ни Грекомъ, ни Татариномъ; онъ только невольно принялъ на себя эти оттѣнки, данные исторіей, и тѣмъ быстрѣе и рѣзче пошелъ къ *своей* самостоятельной предположенной цѣли. Изъ-подъ двухъ разрушенныхъ, хотя и различныхъ царствъ, является новое, цѣльное, единое царство—Царство Русское; является новый самодержавный царь—Царь Русскій. Но не смотря на посороннія вліянія, новое Русское Царство и новый Русскій Царь были своеобразны, самобыт-

ны и представили міру еще небывалое явленіе. Вліянія, оттѣнки могли быть посторонніе; но Царство Русское, въ существѣ своемъ, было создано народнымъ самостоятельнымъ духомъ Россіи. Это, надѣюсь, будетъ видно изъ дальнѣйшихъ словъ нашихъ.

Чѣмъ же теперь могла быть при Царѣ древняя княжая дружина? Времена измѣнились. Настала иная пора. Уже не было переходныхъ князей, съ которыми переходила и дружина, не пуская корней въ землю, составляя бродячій совѣтъ князя,—князя, который и самъ не имѣлъ настоящей осѣдлости. Съ жизнью народной дружина была прежде мало связана и не могла тяготѣть надъ нею, по крайней мѣрѣ, сильно. Въ послѣдствіи удѣльные князья стали оставаться долѣе, и потомъ даже постоянно, на своихъ удѣлахъ. Наконецъ и удѣлы изчезли, — и явился уже одинъ Царь и Великій князь Московскій и всея Руси: единый Царь и единая цѣльная Русская земля. Дружина окружила престолъ Царя. Дружина была доблестна, правда,—но, не смотря на всю свою доблесть, дружина уже начала составлять теперь сословіе, болѣе или менѣе втягивающее въ себя благородныя силы народа, себѣ предоставляющее подвиги, себѣ присвоивающее исключительную славу, мѣшающее дружному теченію всего народа; а дружнаго теченія всего народа не замѣнятъ никакія доблести извѣстнаго сословія. Дружина, съ своимъ прежнимъ значеніемъ, была необходима для князей, переносившихся изъ города въ городъ; она не нужна, она вредна для единаго Царя и для всей земли. Становясь между народомъ и Царемъ, дружина стѣсняла обоихъ. Народъ, призывая нѣкогда государственную власть, призывалъ князя, а не дружину: народъ хотѣлъ знать его да себя; повиноваться боярамъ Русскій народъ никогда не думалъ. Съ другой стороны, новое самодержавіе не хотѣло дѣлиться властію съ дружиною. Мы сказали, что права дружины не были опредѣлены, но, вслѣдствіе обычая, значеніе ея было велико. Теперь, когда идея самодержавія, идея власти государственной, цѣльной и нераздѣльной, проникла убѣжденіе правительства, правительство не захотѣло быть *обязаннымъ*, хотя и по обычаю, во

всѣхъ дѣлахъ совѣтоваться съ дружиною. Іоаннъ III и сынъ его начали ослаблять и уничтожать дружину, получившую впослѣдствіи новую силу отъ прилива въ нее князей Рюриковичей, лишенныхъ удѣловъ. Наконецъ возникъ Царь Іоаннъ IV, Царь съ идеальнымъ понятіемъ о царской власти, религіозно проникнутый уваженіемъ къ своему царскому сану. Онъ говоритъ: «народился есми Божіимъ изволеніемъ на царствѣ; и не помню того, какъ меня батюшка пожаловалъ, благословилъ государствомъ; и взросъ есми на государствѣ (1).» При такомъ Царѣ борьба должна быть рѣшена. Старой дружинѣ нѣтъ уже мѣста въ Русскомъ государствѣ. Требованіе Исторіи совершается: Царь сокрушаетъ дружину, а народъ молча присутствуетъ при ея сокрушеніи. Народъ не принималъ участія въ борьбѣ князей, не принималъ участія въ уничтоженіи удѣловъ, не принималъ участія въ истребленіи дружины, и потому на казни смотрѣлъ только съ человѣческой стороны, съ ужасомъ и состраданіемъ. Послѣдняя тѣнь дружинныхъ преданій должна была изчезнуть, и она изчезла; борьба окончилась, заключившись письменною борьбою новаго Царя и стараго дружинника, потомка князей удѣльныхъ. Это явленіе, что Царь и подданный прибѣгаютъ къ перу, къ силѣ слова, и вступаютъ въ словесный споръ, показываетъ, что для сознанія и того, и другаго, мало побѣды грубой силы, но нужна побѣда духа; и тому, и другому нужно быть правымъ передъ нравственнымъ судомъ мысли, совѣсти, исторіи. Г. Соловьевъ справедливо придаетъ важность этой перепискѣ. Бояре впрочемъ не изчезли; остался думный бояринъ, осталась боярская дума; но боярская дума—было правительственное *мѣсто*; но думный бояринъ была правительственная *должность*. Царь совѣтовался съ ними, соблюдая обычай, но свободно, не будучи обязаннымъ совѣтоваться.

Мы видимъ, что государство измѣнилось во внутреннемъ своемъ составѣ, что оно устроилось иначе внутри себя, что дружина изчезла, и бояре стали холопи государевы. Вся эта перемѣна совершилась внутри самаго пра-

(1) Сказанія кн. Курбс. Ч. II. стр. 121.

вительства, ибо дружина, бояре, все это были части государства, участники правительственной власти. Но здѣсь возникаетъ вопросъ, въ какія отношенія стало новое государство къ народу или къ Землѣ? Измѣнились или нѣтъ эти отношенія? Опредѣлила ли себя новая правительственная власть передъ народомъ или Землею, какъ поняла она народъ или Землю? Не можетъ быть, чтобъ этого не было. Народъ въ древней Россіи не былъ одною вещественною массою, до которой правительству не было дѣла, изъ которой правительство брало только или войско, или деньги; самъ онъ также никогда не смотрѣлъ на себя, какъ на существо безсловесное. Вспомнимъ, что до Московскаго періода, при множествѣ отдѣльныхъ княжествъ, мы безпрестанно видимъ вѣча (вѣче—отъ вѣщать), видимъ сильный элементъ совѣщательный. Чтожъ съ нимъ сталось, съ этимъ элементомъ? Внутри государственнаго состава произошла перемѣна. Отношенія Государя къ дружинѣ перемѣнились. А что же отношенія Государя къ Землѣ? Перемѣнились онѣ или нѣтъ? какъ перемѣнились? и чѣмъ стали онѣ?—Какъ отразилась или обозначилась правительственная перемѣна въ отношеніи къ народу?

На этотъ вопросъ книга г. Соловьева не даетъ никакого отвѣта. Правда, г. Соловьевъ касается именно тѣхъ явленій, которыя могли бы дать здѣсь ясное указаніе, но онъ ихъ касается совершенно слегка и объясняетъ весьма поверхностно. Поэтому мы считаемъ нужнымъ на вопросъ, нами указанный, дать отвѣтъ и высказать, какъ мы понимаемъ это дѣло.

Государство, какъ мы видѣли, было въ разрозненномъ и раздробленномъ видѣ надъ единою Русскою землею. Земля Русская, въ ту пору, являлась отдѣльными общинами, имѣвшими отдѣльныхъ князей, но сознавала свою общую цѣлость. Жизнь земская выражалась вѣчами, бывшими въ этихъ отдѣльныхъ общинахъ. Съ этими вѣчами совѣщался князь, и въ нихъ вообще выражалось тогда отношеніе и соприкосновеніе *власти* государственной къ *мысли* народной. Входить здѣсь въ подробности мы не имѣемъ нужды.—Мы видѣли также, что земля была равнодушна къ

распрямъ князей, во сколько онѣ не касались ея благосостоянія и быта. Мы уже сказали, что это государственное дробленіе мѣшало цѣлости всей Русской земли.—Какъ скоро государство стало единымъ надъ единою Русскою землею; какъ скоро оно почувствовало свою цѣлость; какъ скоро великій князь Московскій сталъ Царемъ: тогда государство, единое, обращается къ единой Русской землѣ и зоветъ ее всю на совѣтъ. Первый Царь созываетъ первый Земскій Соборъ. На этомъ Соборѣ встрѣчаются земля и государство, и между ними утверждается свободный союзъ. Отношенія Царя и народа опредѣляются: правительству—сила власти, землѣ—сила мнѣнія. На Земскомъ Соборѣ торжественно признаются эти двѣ силы, согласно движущія Россію: власть государственная и мысль народная.

Вотъ тѣ отношенія, въ которыя стала пріобрѣтшая единство, государственная власть — къ Землѣ. Древнія областныя вѣча, не всегда остававшіяся въ предѣлахъ одного мнѣнія, но примѣшивавшія нерѣдко употребленіе грубой внѣшней силы, преобразились, при единодержавіи, въ Земскій Соборъ всей Россіи, — явленіе, уже имѣющее одну *чисто нравственную* силу мнѣнія, безъ всякой примѣси внѣшней принудительности,—силу, къ которой обращалось Правительство, какъ къ самой надежной и вѣрной подпорѣ. Выборные на Земскомъ Соборѣ обыкновенно отвѣчали въ такомъ родѣ: «Какъ поступить въ этомъ дѣлѣ, Государь,—это твоя воля; а наша мысль—такова.»

Обратимся къ самой исторіи, къ самымъ событіямъ. Первымъ движеніемъ Іоанна,—въ характерѣ котораго лежала потребность все выразить, всему дать форму, названіе, торжественное опредѣленіе,—первымъ движеніемъ Іоанна Царя было: созвать на Красную площадь Земскій Соборъ. На этомъ Соборѣ Царь возвѣстилъ только Землѣ, что наступила новая эпоха, новыя между ними отношенія. На этомъ Соборѣ Царь и Земля увидались другъ съ другомъ, и ярко выступилъ новый составъ Россіи: *единый* Царь и *вся* земля. Созваніе Земскаго Собора было собственнымъ дѣйствіемъ Іоанна, внушенное сознаніемъ значенія Царя въ Россіи. Новое возвѣщенное начало,—заявившее себя

созваніемъ отъ Царя перваго Земскаго Собора—было приложено къ дѣлу въ послѣдствіи. Въ 1566 году, Іоаннъ IV созвалъ опять Земскій Соборъ и спрашивалъ мнѣнія, мириться ли съ Польшею на предложенныхъ ею условіяхъ, или воевать, требуя большихъ уступокъ.

Если скажутъ, что созваніе Земскаго Собора не имѣло того значенія; что это было личное дѣйствіе Іоанна, его личное желаніе: то въ отвѣтъ на это мы укажемъ на цѣлый рядъ Земскихъ Соборовъ, отсюда возникающихъ и продолжающихся вплоть до самаго Петра I-го, такъ что послѣдній Земскій Соборъ распускается отъ имени Петра. Намъ скажутъ, что этихъ соборовъ мы не видимъ ни въ царствованіе Ѳедора, ни въ царствованіе Годунова. Отвѣчаемъ на это во первыхъ, что, начиная съ Царя Михаила Ѳедоровича, нельзя уже не признать цѣлаго ряда соборовъ, и что все таки первый Земскій Соборъ былъ созванъ первымъ Русскимъ Царемъ. Во вторыхъ: только о нѣкоторыхъ соборахъ сохранились извѣстія полныя, цѣлые протоколы засѣданій; объ иныхъ извѣстія краткія; объ иныхъ узнаемъ изъ грамотъ, до нихъ касающихся; а объ иныхъ изъ грамотъ, даже не касающихся до нихъ, но гдѣ однако ясно и опредѣленно объ нихъ говорится въ нѣсколькихъ строкахъ. И такъ, мы можемъ предположить, что Земскіе Соборы могли быть при Ѳедорѣ и Борисѣ, но что извѣстія о нихъ или потеряны, или существуютъ въ другихъ грамотахъ, между множествомъ постороннихъ словъ, точно также, какъ укрывались извѣстія и о позднѣйшихъ соборахъ, пока нашелъ ихъ внимательный глазъ изслѣдователя.

И такъ при первомъ Русскомъ Царѣ созванъ былъ первый Земскій Соборъ. Отсюда идутъ Земскіе Соборы до самаго Петра. При Іоаннѣ IV извѣстны намъ два Собора, о которыхъ мы упомянули; но быть можетъ было ихъ и больше (1).

---

(1) Въ описи царскаго Архива встрѣчаемъ слова, не очень ясныя, которыя какъ будто указываютъ на какія-то засѣданія, можетъ быть, на Земскіе Соборы; но указаніе неясно, и мы можемъ лишь догадываться. Вотъ эти

При Өедорѣ Ивановичѣ мы вовсе не имѣемъ извѣстія о соборахъ; но однако именно при Өедорѣ Ивановичѣ произносятся боярами замѣчательныя слова, показывающія, что Земскіе Соборы или совѣтъ со всею землею вошли въ жизнь и сознаніе Россіи, были ея убѣжденіемъ. Бояре, при переговорахъ съ Поляками о избраніи на престолъ Өедора Ивановича, на предложеніе посла Гарабурды постановить вѣчный миръ, говорятъ: «это дѣло великое для всего Христіанства; Государю нашему надобно совѣтоваться объ немъ со всею Землею, сперва съ Митрополитомъ и со всѣмъ освященнымъ Соборомъ, а потомъ съ боярами и со всѣми думными людьми, со всѣми воеводами и со всею Землею; на такой совѣтъ съѣзжаться надобно будетъ изъ дальныхъ мѣстъ» (1). Еслибъ даже это была и отговорка, то это указываетъ на существующее явленіе и мнѣніе въ Россіи; отговариваются тѣмъ, что есть, что возможно, а небывалыми, необычными вещами не отговариваются. Поляки возражаютъ, что въ Россіи думаетъ Государь съ боярами, а Землѣ до того нѣтъ дѣла (2). Но это показываетъ только, что Поляки не понимали Русской жизни, ибо въ ней не было ничего опредѣленно-условнаго и принудительнаго, не понимали, что Землѣ предоставлялась чисто нравственная власть, нисколько не стѣсняющая насильственно власти государственной. Этого имъ и растолковать было нельзя.—Земскій голосъ скоро проявился явственно при избраніи на царство Бориса, когда избирательная ему на царство грамота была подписана выборными отъ всѣхъ сословій Россіи. При возшествіи на престолъ Василія Шуйскаго, выражается уже ясно требованіе, чтобы, при избраніи Царя, Царь былъ выбранъ всею Землею, и

слова; при описаніи разныхъ бумагъ, находящихся въ 191 ящикѣ, говорится: «А въ немъ указъ, какъ Государь пріѣхалъ изъ Слободы о опришнинѣ и списокъ судовъ серебреныхъ, которые отданы въ земское; отпускъ Яна Янова сына въ Литву, и запись поручная Довоинова, и *списки Государеву сидѣнью о всякомъ земскомъ указѣ*, въ сафьяномъ мѣху. 76 (1568) лѣта, Генваря мѣсяца».—Акты Ар. Эк. т. 1. стр. 349.

(1) Избраніе Сигизмунда Вазы. г. Соловьева. Р. В. № 17. стр. 16.

(2) Тамъ же. стр. 19.

Василій Шуйскій считается незаконнымъ, ибо онъ не былъ выбранъ всею Землею.—Во время междуцарствія, Русская земля, лишенная Государства, предоставленная самой себѣ, принужденная взяться за всѣ дѣла, явила, какъ живо въ ней земское совѣщательное начало. Города, области ссылались между собою; вся страна покрылась совѣтами, вѣчами, сходками.—Приводимъ замѣчательныя слова Князя Василія Васильевича Голицына, посланнаго въ послахъ отъ всей Земли къ Сигизмунду III просить въ Цари сына его Владислава, слова, въ отвѣтъ на требованіе Поляковъ, чтобы послы повиновались грамотамъ изъ Москвы, подписаннымъ боярами.—Сказавъ уже однажды, что они отпущены на посольство отъ всего освященнаго Собора, отъ всѣхъ бояръ, отъ всѣхъ чиновъ и отъ всея Земли, и потому они и о дѣлахъ своихъ отдаютъ отчетъ не однимъ же боярамъ, но въ началѣ Патріарху и властямъ, а потомъ имъ боярамъ и всей Землѣ (стр. 169), — Князь В. В. Голицынъ повторилъ опять свои слова такъ: «Отпущали насъ къ Великимъ Государемъ бити челомъ Патріархъ и бояре и всѣ люди Московскаго Государства, а не одни бояре; и въ протчихъ грамотахъ и въ наказѣ и во всякихъ дѣлахъ писанъ у насъ въ началѣ Патріархъ и весь освященный Соборъ, и бояре, и всѣхъ чиновъ всякіе люди Московскаго Государства: *а отъ однихъ бы бояръ я Князь Василій и не поѣхалъ* (1)». Вотъ какъ смотрѣли сами бояре на значеніе всей Земли.—Наконецъ, когда, сломивъ враговъ своихъ, Русская земля вновь, какъ въ 862 году, поставила себѣ Государство, — она выбрала себѣ Царя, вся, всею землею. — Вскорѣ послѣ избранія Михаила Ѳедоровича на царство, Земскій Соборъ, еще не распущенный, въ наказѣ посламъ къ Императору Австрійскому велитъ сказать ближнимъ, думнымъ его людямъ, что ни у кого изъ Русскихъ и въ мысляхъ не бывало выбирать брата его на Россійскій престолъ; высказываетъ сомнѣніе, чтобы Князь Пожарскій сдѣлалъ это предложеніе; говоритъ, что развѣ онъ это сдѣлалъ безъ совѣту всей Земли и прибавляетъ: «*а то*

(1) Дополн. къ Дѣян. П. В. т. II. стр. 164—165.

вамъ думнымъ людямъ мочно и самимъ разсудити, что и не такое великое дѣло безъ совѣту всей земли не дѣлается (1).— Кажется, все приведенное, а въ особенности эти слова, ясно говорятъ, что совѣтъ всей Земли, Земскій Соборъ, былъ явленіемъ не случайнымъ, но кореннымъ, основнымъ, жизненнымъ явленіемъ древней Россіи.—Отстоявъ свою независимость, Русская земля вновь призвала Государство и вновь поставила себѣ Царя, избраннаго всею Землею. Послѣ этого великаго подвига освобожденія, послѣ яркаго свидѣтельства довѣренности Земли Русской къ Государству, которому предоставлена была вновь неограниченная власть,—Русская земля и государство стали еще въ тѣснѣйшія отношенія. Отсюда начинается уже цѣлый рядъ Земскихъ Соборовъ: государство часто призываетъ землю на совѣтъ. Три первые Царя изъ роду Романовыхъ охотно собираютъ Земскіе Соборы, какъ скоро встрѣчается важное дѣло, касающееся до всей Россіи. — Мы сказали, что къ сожалѣнію о многихъ Соборахъ мы не имѣемъ полныхъ свѣдѣній, а часто только однѣ, несомнѣнныя впрочемъ, на нихъ указанія, встрѣчающіяся между словъ, изъ чего можно заключить, что ихъ было еще гораздо болѣе. При одномъ Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ насчитывается до 12 Земскихъ Соборовъ, изъ которыхъ нѣкоторые собирались для обсужденія новыхъ налоговъ. — При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, для обсужденія Уложенія (кодекса законовъ) былъ собранъ Земскій Соборъ. Выборные долго жили въ Москвѣ, представляя свои мнѣнія особыми бумагами, которыя назывались «челобитными»; наконецъ составленное Уложеніе было прочтено выборнымъ, и они приложили къ нему свои подписи для того, какъ сказано въ древнемъ актѣ объ Уложеніи, «чтобы то все уложенье было прочно и неподвижно» (2).—Когда Маллороссія просила Царя о присоединеніи ея къ Россіи, то рѣшеніе этого важнаго вопроса было предложено также Земскому Собору. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичь, въ свое короткое царствованіе, созывалъ

---

(1) С. Г. Г. и Д. III.—стр. 68.
(2) П. С. З. Р. И. т. 1. стр. 2.

два Собора: одинъ—для уничтоженія мѣстничества; на этомъ Соборѣ были только служилые люди, ибо вопросъ о мѣстничествѣ до Земли не касался: Земля не служила и не мѣстничалась. Другой—былъ Земскій Соборъ, предметъ котораго былъ весьма важенъ. Онъ былъ созванъ для уравненія всякихъ службъ и податей; объ немъ знаемъ мы только изъ грамоты къ Князю Борятинскому, 1682 г., Мая 6, въ которой сказано, что онъ распускается. — Это былъ послѣдній Земскій Соборъ; онъ распускается отъ имени Петра, тогда еще малолѣтняго. Во время этого Собора, Царь Өедоръ Алексѣевичь умеръ, и вѣроятно этотъ самый Соборъ утвердилъ Петра Царемъ: ибо въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ говорится, что Петръ выбранъ всею Землею. Приведемъ выписки изъ этой грамоты, содержащей въ себѣ такое драгоцѣнное свѣдѣніе.—«Отъ Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, къ Соли Камской, столнику нашему и воеводѣ, Князю Өедору Юрьевичу Борятинскому. Указали мы Великій Государь и бояре наши приговорили: всѣхъ городовъ и уѣздныхъ всякихъ чиновъ людей, которые, по указу брата нашего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Өеодора Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, присланы были къ Москвѣ, для разборовъ и изравненія во всякихъ службахъ и податяхъ, съ посадовъ въ двойникахъ,—всѣхъ отпустить по домомъ.» Далѣе говорится, что эти двойники (т. е. двое отъ одного избирательнаго мѣста) должны, съ другими со всякими людьми, выбрать въ таможни, на кружечные дворы, и къ инымъ сборамъ, головъ и надежныхъ цѣловальниковъ. И что какъ скоро двойники Соли Камской пріѣдутъ домой, то они должны у Соли Камской сдѣлать тоже. Воеводѣ приказано оказывать всякое вспоможеніе въ этихъ выборахъ, и ни подъ какимъ видомъ въ нихъ не вмѣшиваться. Въ заключеніи грамоты говорится: «А о избраніи службъ и всякихъ податей, и о чемъ тѣ двойники о мірскихъ дѣлахъ били челомъ и подавали челобитные (выше мы объяснили это выраженіе),—и о томъ, противъ (т. е. въ отвѣтъ на) ихъ

челобитья, нашъ Великаго Государя указъ къ Соли Камской присланъ будетъ вскорѣ.» (1) Грамота вообще очень замѣчательна; видно, что достоинство выборнаго на Земскій Соборъ весьма уважалось правительствомъ; это видно уже и изъ того, что имъ поручается, возвратясь, совѣщаться со всѣми мірскими людьми для выборовъ въ разныя должности. Видно, что выборные говорили и подавали свои мнѣнія и что, въ отвѣтъ на нихъ, правительство хотѣло дать указъ.

Но при этихъ Земскихъ Соборахъ, были ли соборы мѣстные, частные, приготовительные, на которыхъ бы давались выборнымъ наставленія отъ выбравшаго ихъ мѣстнаго міра? — Есть ли о томъ хотя какіе-нибудь слѣды? Намъ кажется, что вопросъ этотъ разрѣшается уже и самъ собою. Нельзя предположить, чтобъ не было мѣстныхъ соборовъ, на которыхъ область или городъ (вообще избирательная округа) давали наставленія выборнымъ, отъ нихъ посылаемымъ, на общій Земскій Соборъ. Особенно нельзя этого допустить, принимая въ разсчетъ сильное совѣщательное начало, проявлявшееся всюду и постоянно по всей Русской землѣ, и еще поддерживаемое и возбуждаемое Правительствомъ древней Россіи.—Но кромѣ этихъ соображеній, мы можемъ указать, въ двухъ грамотахъ отъ Земскаго Собора къ Царю Михаилу Ѳеодоровичу и къ его матери, Марьѣ Ивановнѣ, на выраженіе, ясно показывающее, что такого рода мѣстныя предварительныя совѣщанія были. Вотъ эти слова: «и для бъ Государскаго избиранья ѣхали изъ городовъ къ Москвѣ изо всякихъ чиновъ люди, *договоряся въ городахъ накрѣпко и взявъ у всякихъ людей о Государскомъ избираньи полные договоры*» (2).

Надѣемся, что читатели не посѣтуютъ на насъ за отступленіе; думаемъ, что вопросъ, поставленный нами, объ отношеніи правительства, со времени единодержавія, къ народу въ древней Россіи — стоилъ того, чтобы, по воз-

(1) Ак. Ис. Т. V. стр. 133—134.
(2) С. Г. Г. и Д. т. III. стр. 6

можности, дать на него отвѣтъ. Обращаемся вновь къ Исторіи г. Соловьева.

Г. Соловьевъ объясняетъ Опричнину, по нашему мнѣнію, неудовлетворительно. Онъ говоритъ, что это было для Іоанна средствомъ освободиться отъ всѣхъ бояръ своихъ, имъ заподозрѣнныхъ, по крайней мѣрѣ освободиться отъ постояннаго сообщенія съ ними; что всѣхъ ихъ удалить и замѣнить людьми новыми или *молодыми*—было невозможно. Авторъ говоритъ: «Если нельзя было прогнать отъ себя все старинное вельможество, то оставалось одно средство—самому уйти отъ него: Іоаннъ такъ и сдѣлалъ» (стр. 219). Далѣе, на страницѣ 220-ой: «Опричнина была учреждена, потому что Царь заподозрилъ вельможъ въ непріязни къ себѣ и хотѣлъ имѣть при себѣ людей, вполнѣ преданныхъ ему.» — Наконецъ, на стр. 439, авторъ говоритъ: «Такъ опричнина, съ одной стороны была слѣдствіемъ враждебнаго отношенія Царя къ своимъ боярамъ; но съ другой стороны въ этомъ учрежденіи высказался вопросъ объ отношеніяхъ старыхъ служилыхъ родовъ, ревниво берегущихъ свою родовую честь и вмѣстѣ свою исключительность посредствомъ мѣстничества, къ многочисленному служилому сословію, день ото дня увеличивавшемуся въ слѣдствіе государственныхъ требованій и въ слѣдствіе свободнаго доступа въ него отовсюду». — Хотя здѣсь авторъ видитъ въ Опричнинѣ уже не только простое дѣйствіе вражды и личнаго самоохраненія; но его объясненіе кажется намъ не изчерпывающимъ смысла Опричнины. Въ ней, думаемъ, таится мысль поглубже.

Желаніе формулировать, сказали мы, было потребностью Іоанна IV. Мысли свои онъ опредѣлялъ, давалъ имъ наименованіе и осуществлялъ въ жизни. Къ разряду такого рода явленій причисляемъ мы Опричнину. Ясно сознавъ два, соединенныя союзомъ, но не смѣшенныя начала въ Россіи, Государство и Землю (что́ такъ часто высказывается въ его разныхъ грамотахъ и постановленіяхъ), онъ пришелъ къ мысли разрознить эти два начала. Главною его цѣлью было, при раздѣленіи осязательномъ двухъ началъ. — главною его цѣлью было: отвлечь Государство,

чтобы вполнѣ подчинить оное себѣ, чтобы не было въ немъ никакихъ другихъ побужденій, кромѣ исполненія воли его, главы Государства, чтобъ не было въ немъ ни связей съ Землею, ни преданій, — ничего; онъ хотѣлъ въ окружающихъ себѣ безусловныхъ слугъ. И такимъ образомъ, какъ опытъ, произвелъ онъ разрывъ между Государствомъ и Землею (онъ самъ называетъ Опричнину образцемъ). Явилась Опричнина, Государство, вполнѣ отъ Земли отдѣленное, не имѣвшее никакой связи съ народомъ, никакихъ убѣжденій, кромѣ воли Государя, никакими нравственными требованіями не стѣсняемое, и потому необузданное. Это для Іоанна было идеалъ Государства.—При прикосновеніи къ дѣйствительности, раздѣленіе Государства и Земли не могло осуществляться строго, раздѣлить ихъ совершенно было невозможно, да и возметъ ли Іоаннъ къ себѣ бояръ, людей съ преданіями, бояръ, которымъ онъ не вѣритъ? Онъ оставилъ при земщинѣ особое управленіе и бояръ, назвавъ ихъ земскими. — И такъ, въ дѣйствительности не было строгаго осуществленія мысли, но мысль, основная мысль отрѣшенія Государства отъ Земли,—выражалась очевидно, выражалась въ самомъ названіи: *Опричнина* и *Земщина*. Мы намѣрены опять коснуться этого вопроса, говоря о характерѣ Іоанна. На Землю Іоаннъ не гнѣвался. Съ его стороны, Опричнина была только его попытка, его осуществленная фантазія, имъ начертанный идеалъ Государства, возведеннаго до крайнихъ размѣровъ, идеалъ, который носился передъ нимъ, исключительно проникнутымъ благоговѣйнымъ религіознымъ понятіемъ о земномъ самовластіи. Потому именно, что это была мечта его, Іоаннъ, осуществляя ее въ однихъ государственныхъ предѣлахъ, особенно въ отношеніи къ боярамъ,—въ дѣйствительности признавалъ Землю, и, въ 1565 году учредивъ Опричнину,—въ 1566 году призывалъ Землю на совѣтъ, выходя, когда желалъ, изъ этой отвлеченности, и опять удаляясь въ нее. Рѣдко можно видѣть Государя, который до такой степени былъ бы исполненъ идеаловъ и такъ бы старался ихъ осуществить.—Такъ понимаемъ мы Опричнину. — Замѣчательно, что Царь, дошедшій до страшной свирѣпости и

захотѣвшій жить *опричь*, не могъ оставаться въ Москвѣ; ему нужна была своя новая резиденція, гдѣ бы ничто не стѣсняло его деспотической воли: Іоаннъ уѣзжаетъ изъ Москвы и переселяется въ Александровскую слободу. Такъ чутка была его душа ко всѣмъ проявленіямъ жизни, что въ Москвѣ ему уже жить было тяжело.—Опричнина была только *образецъ*, по словамъ самаго Іоанна IV. Александровская сдобода была, конечно, тоже *образецъ*. Ближайшій преемникъ Іоанна, кроткій сынъ его Θеодоръ, не воспользовался такими образцами. Опричнина изчезла. Москва по прежнему стала единою столицею, и Царь не удалялся отъ Земли.

Характеристика Сильвестра, выраженная авторомъ, неудовлетворительна по нашему мнѣнію; между тѣмъ есть довольно, кажется, для нея данныхъ. Эти данныя, кромѣ лѣтописи, писемъ Іоанна и Курбскаго,—Домострой Сильвестра и дѣло Матвея Башкина. Объ этомъ дѣлѣ, связанномъ съ дѣломъ Артемія, игумена Троицкаго, авторъ едва упоминаетъ. Вѣроятно, все это будетъ въ обѣщанной дополнительной главѣ; но авторъ здѣсь говоритъ о личности Сильвестра, и мы, кажется, имѣемъ право желать, чтобъ она была вполнѣ очерчена, и чтобъ авторъ воспользовался тѣми указаніями, какія даютъ Домострой и дѣло Матвея Башкина. Въ этомъ замѣчательномъ дѣлѣ Сильвестръ—одно изъ дѣйствующихъ лицъ. Мы видимъ здѣсь, что Сильвестръ пользовался доброю славою. Матвей Башкинъ приходилъ на духъ къ другому Благовѣщенскому священнику, Симеону, и когда Симеонъ не могъ отвѣчать ему на его вопросы, по разнымъ замѣткамъ на Апостола, тогда Башкинъ сказалъ Симеону: «пожалуй, спрашивайся съ Сильвестромъ: онъ тебѣ скажетъ, а ты пользуй тѣмъ душу мою; а тебѣ, знаю и я, некогда тебѣ вѣдать: въ суетѣ мірской, ни во дни ни въ ночи, покоя не знаешь.» (*). Самъ Сильвестръ не обвиняетъ Башкина и не оправдываетъ; въ его челобитной видно желаніе себя выгородить. Впрочемъ Сильвестръ сказалъ Симеону, когда тотъ объявилъ ему о сво-

(*) Актъ Арх. Экс. Т. 1. стр. 240.

емъ новомъ сынѣ духовномъ, Матвеѣ Башкинѣ: «каковъ тотъ сынъ духовный будетъ; слава про него не добра носится» (*). Священникъ Симеонъ, человѣкъ, кажется, весьма простой, разсказываетъ очень правдоподобно всѣ свои сношенія съ Башкинымъ, и изъ нихъ по крайней мѣрѣ нельзя принять Башкина за еретика; ибо онъ просилъ священника *поновить* его, то есть, исповѣдать; слѣдовательно онъ не отрицалъ исповѣди, въ чемъ обвиняетъ его потомъ соборная грамота; онъ сказалъ Симеону, что покланяется иконамъ, слѣдовательно не отвергалъ изображеній Святыхъ, въ чемъ онъ также обвиняется. Быть можетъ, что пытливый умъ Башкина и сбивался съ истинной дороги, но, кажется, въ немъ была жажда истины и потребность вѣры и братской любви. Замѣчательны слова, которыя говоритъ онъ священнику Симеону: «а мы де Христовыхъ рабовъ у себя держимъ; Христосъ всѣхъ братьею нарицаетъ, а у насъ де на иныхъ и кабалы, на иныхъ бѣглыя, а на иныхъ нарядныя, а на иныхъ полныя; а я де благодарю Бога моего, у меня де что было кабалъ полныхъ, то де есми все изодралъ, да держу де, государь, своихъ добровольно: добро де ему—и онъ живетъ, а не добро—и онъ куды хочетъ» (**).—Видно, что Сильвестръ оправдываетъ себя отъ сношеній съ Башкинымъ и Артеміемъ, слѣдовательно можно было предположить эти сношенія. Твердаго, смѣлаго и прямаго характера здѣсь не видать; вовсе не видать также, какъ справедливо замѣчаетъ г. Соловьевъ, человѣка съ такимъ сильнымъ вліяніемъ, какое ему приписываютъ; хотя въ тоже время видно, что онъ пользовался большимъ довѣріемъ Іоанна.—Въ своемъ Домостроѣ также выражается Сильвестръ. Здѣсь выражается онъ мелочною стороною и сверхъ того странными воззрѣніями: на пр. случайную возможность, что мужъ побьетъ свою жену, онъ возводитъ въ правило. Вообще охота подводить подъ формы видна въ немъ большая, рѣчь его суха, кромѣ нѣсколькихъ одушевленныхъ словъ о молитвѣ: «и пожретъ молитва серд-

(*) Тамъ же. стр. 249.
(**) Тамъ же. стр. 249.

це, и сердце пожретъ молитву» (1). Кстати, скажемъ здѣсь наше мнѣніе о Домостроѣ. Многіе, и чуть ли почти не всѣ, считаютъ Домострой очеркомъ тогдашнихъ нравовъ. Это, по нашему мнѣнію, совершенно не вѣрно. Кто писалъ Домострой? Священникъ XVI столѣтія. Если мы обратимъ вниманіе на сочиненія духовенства въ древнія времена, собственно такого, которое было просвѣщено, мы увидимъ въ нихъ часто сильную реторику, рѣзко отдѣляющую его слово отъ народной рѣчи, простой, краткой и точной. Высокой союзъ вѣры соединилъ народъ нашъ съ духовенствомъ. Духовенству сей часъ выпало на долю великое призваніе въ жизни Россіи. Оно стало хранителемъ единства Русской земли въ эпоху усобицъ и другихъ смутъ. Оно наставляло въ лицѣ Иларіона, Никифора, Кирилла, просвѣщало въ лицѣ Стефана, обличало въ лицѣ Вассіана и Филиппа, принимало мученическій вѣнецъ въ лицѣ Гермогена. Не въ краткихъ строкахъ можно изчислить его святые подвиги для Русской земли. Здѣсь мы говоримъ не о сихъ высокихъ его дѣйствіяхъ: мы говоримъ о слогѣ, о характерѣ нѣкоторыхъ сочиненій нашего духовенства; въ древности мы видимъ въ нихъ часто витійство. Это витійство невольно искажаетъ даже простыя вещи, и при изслѣдованіяхъ надо быть здѣсь очень осторожнымъ. Эта реторика касается въ нѣкоторомъ отношеніи и мысли самой и отдѣляетъ иногда мысль сочиненій нашего духовенства отъ мысли народной. Вліяніе классическаго міра Греціи имѣетъ тутъ свое мѣсто. Считаемъ не нужнымъ приводить примѣры (2). Стоитъ прочесть, въ позднѣйшее время, хоть реторическое сочиненіе Авраамія Палицына, и рядомъ съ нимъ простыя выразительныя грамоты тѣхъ временъ.—И такъ въ древнія времена не рѣдко, хотя и не всегда, встрѣчалась сильная разница между рѣчью духовною и рѣчью народною. Послѣ Петровскаго преобразованія, новая реторика обхватила на долго всю нашу свѣтскую словесность, совершенно отдѣленную отъ народа,—и жестоко ошибутся тѣ, которые вздумаютъ заключать о народѣ на-

(1) Врем. 1849. Кн. 1. стр. 19.

(2) Въ сочиненіи нашемъ: Ломоносовъ, они приведены, хотя не въ большомъ числѣ.

шемъ по тѣмъ реторическимъ опредѣленіямъ, которыя встрѣчаются въ нашей литературѣ. И такъ сочиненіе духовнаго лица древнихъ временъ не можетъ, по нашему мнѣнію, быть вѣрною картиною жизни народной, хотя бы оно имѣло цѣлію изобразить эту жизнь. При томъ Домострой не есть картина тогдашней современной жизни. Что такое Домострой?—Это совѣты, какъ вести хозяйство, какъ обращаться съ людьми, и проч. и проч. Но совѣты развѣ суть изображеніе того, *что есть*? Нѣтъ, совѣты суть изображеніе того, что *должно быть*. И такъ, въ совѣтахъ выражается идеальное представленіе того, кто пишетъ совѣты,—выражаются желанія. Это самое представляетъ намъ Домострой. Это во первыхъ, по самой цѣли своей, нисколько не картина того времени: это возрѣнія и желанія Сильвестра, его личныя желанія и воззрѣнія, или, пожалуй, вообще духовнаго лица того времени; но это нисколько не желанія и не взглядъ народа. По крайней мѣрѣ, мы не имѣемъ никакого права понятія Домостроя, на основаніи того же Домостроя, видѣть осуществленными въ тогдашнемъ состояніи народа, или полагать, что народъ стремился къ этому и считалъ эти понятія своимъ идеаломъ. Это не картина народа, это и не идеалы народа; это pia desideria Сильвестра, быть можетъ и другихъ духовныхъ лицъ,—и только.

Г. Соловьевъ говоритъ, что Іоаннъ при Сильвестрѣ и Адашевѣ не терялъ свободы своихъ дѣйствій, и что слѣдовательно честь славныхъ дѣлъ, совершенныхъ во время этихъ совѣтниковъ, не можетъ быть у него отнята. Это справедливо: Іоаннъ никогда не былъ слѣпымъ орудіемъ, но съ другой стороны онъ былъ подъ авторитетомъ Сильвестра и Адашева — этого отрицать нельзя. Онъ самъ со всею искренностію говоритъ объ этомъ; онъ объясняетъ даже намъ, чѣмъ держали его въ уздѣ: «и еже убо согрѣшеній нашихъ ради приключающихся болѣзней (т. е. приключающіяся болѣзни) на насъ и на Царицѣ нашей и на чадахъ нашихъ,—и сія убо вся вмѣняху, аки ради же нашего къ нимъ непослушанія сія бываху» (1).—Умъ Іоанна,

(1) Сказ. К, Курб. часть II. стр. 61.

конечно, не вдругъ же оказался въ немъ; онъ и вначалѣ понималъ и цѣнилъ всѣ справедливые и дѣльные совѣты, принималъ ихъ свободно и сознательно и, конечно, имѣетъ полное право на все доброе въ своемъ царствованіи. Если же онъ, находясь лишь подъ нравственнымъ авторитетомъ, имѣлъ свободу въ выборѣ (въ чемъ мы согласны съ г. Соловьевымъ) и принималъ совѣты сознательно, то жаловаться ему тутъ было нечего. Такого рода вліяніемъ Іоаннъ, конечно, слишкомъ не могъ тяготиться. Но тѣмъ не менѣе онъ тяготился, онъ былъ сильно стѣсненъ: это такъ очевидно высказывается въ его словахъ. Въ чемъ же состояло это стѣсненіе? Трудно сказать. Но, вѣроятно, оно было скорѣе отрицательное. Вѣроятно, Іоанна удерживали отъ многихъ дѣйствій, не давали воли его страстямъ, и конечно въ такомъ случаѣ грозили погибелью душевною и разореніемъ Царства; это видно отчасти изъ словъ Іоанна: «еже намъ сотворити словіе—ни единому же отъ худѣйшихъ совѣтниковъ его тогда потреба рещи, но сія вся, аки злочестива творяхуся.... Ащели же кто раздражитъ насъ чѣмъ или кое принесетъ намъ утѣсненіе, — тому богатство, слава и честь, и аще не тако, то души пагуба и Царству разореніе.»(1)—Изъ этихъ словъ видно, что Іоанну не давали изливать гнѣвъ свой на тѣхъ, кто, по его мнѣнію, его заслуживалъ. Очень можетъ быть, что въ тоже время обращались съ нимъ не съ должнымъ почтеніемъ, или лучше не съ тѣмъ почтеніемъ, какого хотѣлъ Іоаннъ, весь проникнутый идеею о величіи Царскомъ. Вспомнимъ, что въ первой юности Іоаннъ былъ уже жестокъ и предавался страстямъ, и что во время Сильвестра и Адашева, онъ слѣдовательно подавлялъ свою страшную природу. Очень вѣроятно, что видъ бояръ, еще не утратившихъ прежняго значенія, еще не привыкшихъ къ титулу Царя, и быть можетъ (въ надеждѣ на вліяніе свое) позволяющихъ себѣ обращаться съ Царемъ запросто,—очень можетъ быть, что все это раздражало Іоанна, въ особенности же послѣ бо-

(1) Тоже стр. 58.

лѣзни его,—и онъ не разъ порывался противъ нихъ, но былъ отъ того постоянно удерживаемъ Сильвестромъ и Адашевымъ. Очевидно, что Сильвестръ былъ заступникомъ опальныхъ. Подозрительный и раздражительный, Іоаннъ воображалъ себя въ полной неволѣ; ему казалось, что его оскорбляютъ на каждомъ шагу, держатъ, какъ младенца. Обстоятельства, сопровождавшія болѣзнь Іоанна, могли убѣдить его въ справедливости его подозрѣній; злой совѣтъ могъ усилить то, что уже было въ его душѣ. Но и здѣсь видимъ мы нѣкоторую постепенность, ибо не вдругъ разгорѣлись дикія свирѣпыя побужденія, постоянно потушаемыя въ теченіи столькихъ лѣтъ. Адашевъ и Сильвестръ были удалены, и только. Но потомъ, когда бывшіе наставники были означены измѣнниками, когда слѣдовательно всякое возлержаніе, всякое слово совѣта и укоризны было слито съ измѣною въ глазахъ Іоанна,—онъ уже болѣе не находилъ преграды своему дикому нраву. Ему захотѣлось полнаго произвола, не сдержаннаго *ничѣмъ*, никакими, слѣдовательно и нравственными, узами. А человѣкъ, лишенный нравственнаго сдерживанія,—именно тогда наслаждается своимъ произволомъ, когда онъ дѣлаетъ вещи непозволенныя, беззаконныя, неслыханныя, невѣроятныя. Нарушеніе всѣхъ законовъ Божескихъ и человѣческихъ составляетъ потребность и наслажденіе необузданнаго произвола. Такимъ сталъ Іоаннъ. Если вторая половина его царствованія, съ 1560 года, уступаетъ первой половинѣ въ славѣ и достоинствѣ, то это не отъ того, чтобъ въ первой половинѣ царствованія дѣйствовалъ не Іоаннъ, а совѣтники, — но отъ того, что Іоаннъ былъ уже не тотъ. Страсти разгорѣлись въ Іоаннѣ страшнымъ пожаромъ, потрясли его нравственную природу, опустошили его душу; надъ мрачною бездною еще свѣтился лучь природнаго ума, нужный Іоанну для своего оправданія. Но понятія нравственныя не пропали изъ сознанія Іоанна, и это составляло его страшную муку, ибо при этомъ чувствовалъ онъ нравственное безсиліе. Звѣрь, разтерзавшій многихъ въ своей свирѣпости, не чувствуетъ угрызенія совѣсти; но Іоаннъ былъ чело-

вѣкъ,—человѣкъ, дошедшій до звѣрства, но помнящій, и помнящій безсильно, что онъ человѣкъ. Онъ вдругъ кидался, за помощью, къ обрядамъ Церкви, жилъ, какъ игуменъ, молился, изнурялъ себя, клалъ поклоны, но сила молитвы была потеряна. О, еслибъ можно было также легко умилиться душею, какъ легко изнурять себя и класть земные поклоны! Іоаннъ испыталъ это. Іоаннъ былъ не такой тиранъ, который равнодушно лилъ человѣческую кровь и мучилъ людей; онъ зналъ, онъ чувствовалъ всю свою внутреннюю мерзость, всю низость нравственнаго паденія, и не имѣлъ силъ, или, лучше, не имѣлъ воли подняться! «Угрызеніе совѣсти безъ раскаянія»: такъ опредѣляетъ прекрасно Карамзинъ состояніе души Іоанна.— Страшною казнію Провидѣніе потрясло все существо Іоанна. Іоаннъ убилъ сына. Казалось, это такого рода потрясеніе, которое должно было сокрушить его: и точно, его отчаянію не было мѣры. Но однако послѣ этого, странно видѣть Іоанна, сватающагося за родственницу Англійской Елисаветы и готоваго прогнать свою седьмую жену.— Вѣрить ли другимъ, гораздо худшимъ извѣстіямъ? Страшно сказать, но, кажется, онъ до конца дней остался тѣмъ же.

Что касается до бояръ, дѣйствовавшихъ въ царствованіе Іоанна, то нельзя отказать многимъ въ доблести. Конечно, взятые, какъ цѣлое сословіе, они не приносили пользы Россіи. Напротивъ, Русской народъ боярствомъ не былъ доволенъ. Стоитъ прочесть отзывъ Псковскаго Лѣтописца о боярахъ; разсказывая, что бояре мимо всей Земли хотѣли выбрать Шведскаго королевича, но что былъ выбранъ Царь Михаилъ Ѳедоровичъ, онъ прибавляетъ: «и не сбыстся ихъ злый боярской совѣтъ». (1) Потомъ, описывая вредныя дѣйствія бояръ въ первое время царствованія Михаила Ѳедоровича,— онъ восклицаетъ: «сицѣво бѣ попеченіе боярско о земли Русской!» (2) Но тѣмъ не менѣе, потомки воинственной дружины, потомки Рюрика, имѣли въ себѣ много доблестей. Имена Воро-

(1) П. С. Р. Л. т. V. стр. 63.
(2) Тамъ же. стр. 64.

тынскаго, Шуйскаго, Курбскаго (пока онъ не запятналъ себя измѣною) и другихъ невольно соединяются въ представленіи съ славными и высокими качествами.

Вѣрно объяснено значеніе Казани, оплота Магометанскаго міра, и отсюда сочувствіе магометанства къ Казани.

Странно, что г. Соловьевъ не упоминаетъ объ одномъ обстоятельствѣ, о которомъ говоритъ Карамзинъ. Отъ вниманія Карамзина не ускользало ни одно явленіе, могущее быть ему извѣстнымъ, хотя бы онъ и невѣрно объяснялъ самое явленіе.—Обстоятельство, о которомъ теперь идетъ рѣчь, имѣетъ, по нашему мнѣнію, весьма важное значеніе. Когда Баторій взялъ Полоцкъ и Соколъ, тогда Іоаннъ, находившійся во Псковѣ, послалъ къ государственному дьяку, Андрею Щелкалову, въ Москву, чтобъ онъ собралъ въ Москвѣ народъ и сообщилъ ему о неудачахъ нашего оружія, чтобъ постарался при этомъ успокоить народъ и утвердить его духъ. Щелкаловъ исполнилъ волю Іоанна, созвалъ народъ и сообщилъ ему положеніе нашихъ дѣлъ, не скрывая ничего, но ободряя въ тоже время. Народъ выслушалъ рѣчь его, и хотя глубоко огорчился неблагопріятными извѣстіями, однакоже не потерялъ твердости, но еще болѣе укрѣпился духомъ на перенесеніе всенародныхъ бѣдствій. Одерборнъ (на которомъ основывается Карамзинъ), сообщая объ этомъ народномъ собраніи въ Москвѣ, созванномъ по повелѣнію Царя, прибавляетъ, что женщины пришли въ отчаяніе, что дьякъ снова вышелъ къ народу съ жалобою на женщинъ и, чтобъ унять ихъ, прибѣгнулъ къ угрозамъ. Одерборнъ приводитъ рѣчь Щелкалова. (1) Въ какой степени вѣрно передана эта рѣчь Одерборномъ — это вопросъ другой; но

---

(1) Вотъ эта рѣчь: «Вы не знаете, о граждане (cives), ради какой причины назначилъ я это собраніе (сходку: conventum). Знайте же, что Полоцкъ нашъ взятъ и Соколъ истребленъ огнемъ и мечемъ, и прочія, сосѣднія крѣпости подпали подъ власть нашего врага. Эта вѣсть могла бы внушить вамъ ужасъ и отчаяніе, если вы не захотите поразмыслить съ своимъ разумомъ: какова перемѣнчивость вещей, и что нѣтъ на землѣ ни одного Государя, съ которымъ бы не случалось что-нибудь сопротивное. Впрочемъ, если Поляки взяли обратно Полоцкъ, мы за то, напротивъ, владѣемъ всею Ливоніею; они разорили немногія крѣпости, мы имѣемъ подъ

само происшествіе, какъ быль, не можетъ подлежать сомнѣнію. Царь велитъ созвать торжественно народъ, чтобъ сообщить ему о неудачномъ ходѣ военныхъ дѣлъ въ Россіи и утвердить духъ народный къ перенесенію всеобщихъ невзгодъ. Изъ этого видно, что правительство древней Россіи было въ тѣсномъ союзѣ съ народомъ и уважало народъ; изъ этого видно, что дѣло Россіи было, по общему убѣжденію, дѣломъ, касающимся до всѣхъ Русскихъ людей. Вспомнимъ, что велся Государственный Лѣтописецъ дѣлъ Россіи; (1) вспомнимъ, что Гермогенъ, дабы остановить народъ въ дѣйствіяхъ его противъ Василія Шуйскаго, грозитъ записать эти дѣла въ Лѣтописецъ. Какъ видно, высоко стоитъ въ нравственно-общественномъ, въ гражданскомъ образованіи, тотъ народъ, съ которымъ возможно употреблять такую, чисто нравственную угрозу. Подобныя обстоятельства краснорѣчиво говорятъ за древнюю до-Петровскую Россію и возносятъ её высоко. Какъ странны, какъ жалки усилія затемнить ея величавый образъ, все бывшее до Петра находить недостойнымъ и ничтожнымъ...

Въ заключеніи книги своей, авторъ дѣлаетъ очеркъ личности Іоанна. Авторъ справедливо соединяетъ Іоанна съ его отцемъ и дѣдомъ и видитъ въ немъ преемника ихъ

властію большіе ихъ города. Ихъ войско заняло малое пространство Бѣлоруссіи, наше Смоленскъ, Стародубъ и Ливонію. Но, быть можетъ, погибель людей терзаетъ ваши души; я съ своей стороны признаюсь: мы потеряли въ Полоцкѣ столько знатныхъ военачальниковъ, столько богатствъ нашихъ! Въ Соколѣ погибъ цвѣтъ боярства (знати: nobilitatis) и крѣпкихъ мужей; храмы, алтари, города и поля выжжены. Намъ должно переносить это, когда непріятели испытали бѣдствія, гораздо болѣе тяжкія. Ибо, какъ они нашихъ, такъ наши выгнали ихъ нѣкогда изъ Полоцка, Смоленска и Ливоніи; какъ ихъ мечь проливалъ кровь братьевъ нашихъ, такъ мы ихъ кровію очень часто были обрызганы.»—Карамзинъ, ссылаясь на Олерборна, указываетъ на страницу 299. Мы пользовались изданіемъ Одерборна, чрезвычайно рѣдкимъ, находящимся въ Университетской Библіотекѣ. Въ этомъ изданіи нѣтъ счета страницъ, и мѣсто, оттуда заимствованное, мы должны означить: Час. III, листъ Q. 3.—Это изданіе напечатано въ 1585 году, черезъ годъ по смерти Іоанна IV. На послѣднемъ листѣ стоитъ: Wittebergae. Excudebant haeredes Ioannis Cratonis. M. D. LXXXV.

(1) Съ этимъ согласенъ Бодянскій, въ своемъ послѣсловіи, къ Ист. Рос. Татищева. Кн. V. стр. 532.

государственнаго дѣла, продолжателя и совершителя начатой ими борьбы. Что касается до самой личности Іоанна, то, кромѣ того, что это человѣкъ страстный, намъ кажется, о немъ можно бы сказать болѣе.

Іоаннъ IV былъ—природа художественная, художественная въ жизни. Образы являлись ему и увлекали его своею внѣшнею красотою; онъ художественно понималъ добро, красоту его, понималъ красоту раскаянія, красоту доблести,—и наконецъ самые ужасы влекли его къ себѣ своею страшною картинностью. Одно чувство художественности, не утвержденное на строгомъ, на суровомъ нравственномъ чувствѣ,—есть одна изъ величайшихъ опасностей душѣ человѣка. Съ одной стороны, оно не допуститъ человѣка испытать ни одного чувства правдиво, ибо человѣкъ, наслаждаясь красотою чувства, имъ испытываемаго, или дѣла, имъ совершаемаго, не относится къ нимъ цѣльно и непосредственно; онъ любуется ими, онъ любитъ красоту, а не самое дѣло. Вотъ отъ чего, и въ исторіи, и въ частной жизни, встрѣчаемъ мы такія явленія, что человѣкъ, на примѣръ, плачетъ умиленными слезами, слыша разсказъ о кротости и великодушіи,—и въ тоже время самъ мучитъ и терзаетъ ближняго;—и онъ не обманываетъ: эти слезы не притворны; но онъ тронутъ, какъ художникъ, съ художественной стороны,—а одно это еще ничего не значитъ, на дѣйствительность это не имѣетъ вліянія. Человѣкъ довольствуется здѣсь однимъ благоуханіемъ добра, а добро, само по себѣ, вещь для него слишкомъ грубая, тяжелая и черствая. Это человѣкъ, безнравственный на дѣлѣ, но понимающій художественную красоту добра, и приходящій отъ нея въ умиленіе. Дѣло самое добра ему не нужно и не подъ силу, онъ чувствуетъ только, какъ оно изящно-хорошо,—и довольствуется этимъ.—Такое состояніе почти безнадежно. Ибо тотъ, кто не понимаетъ добра и не чувствуетъ его, можетъ понять, почувствовать и преобразиться нравственно. Тотъ же, кто чувствуетъ добро, но только художественно, кто наслаждается его благоуханіемъ, а дѣло самое откидываетъ,—тотъ едва ли можетъ исправиться. Здѣсь мы имѣемъ въ виду не художественное чувство вообще, а одно

художественное чувство, отвлеченное, безъ нравственныхъ основаній, что встрѣчается въ жизни чаще, чѣмъ можетъ быть думаютъ. Тогда и дѣло самое добра, если захотятъ его совершить, является, лишь какъ картина, безъ своей истины и существенности.

Но есть другая сторона художественнаго чувства, въ свою очередь губящая человѣка. Художественное чувство можетъ отыскать красоту и въ самомъ дикомъ и въ самомъ низкомъ явленіи. На примѣръ, что можетъ быть возмутительнѣе для нравственнаго чувства, какъ образъ кромѣшника, терзавшаго несчастныя жертвы Іоанновой жестокости? А вспомнимъ стихотвореніе Пушкина: Кромѣшникъ! Поэтъ представляетъ его не въ такомъ свѣтѣ, но какъ бы съ художественнымъ сочувствіемъ.

Въ Іоаннѣ была такая художественная природа, не основанная на нравственномъ чувствѣ. Она влекла его отъ образа къ образу, отъ картины къ картинѣ,—и эти картины любилъ онъ осуществлять себѣ въ жизни. То представлялась ему площадь, полная присланныхъ отъ всей земли представителей,—и Царь, стоящій торжественно, подъ осѣненіемъ крестовъ, на Лобномъ мѣстѣ и говорящій рѣчь народу. То представлялось ему торжественное собраніе духовенства, и опять Царь по срединѣ, предлагающій вопросы. То являлись ему, и тоже съ художественной стороны, площадь, уставленная орудіями пытки, страшное проявленіе царскаго гнѣва, громъ, губящій народы... и вотъ—ужасы казней Московскихъ, ужасы Новгорода. То являлся предъ нимъ монастырь, черныя одежды, постъ, молитва, покаяніе, труды и земные поклоны,—картина царскаго смиренія,—и, увлеченный ею, онъ обращалъ и себя, и опричниковъ въ отшельниковъ, а дворецъ свой—въ обитель.— Какъ трудно тому, кто любитъ красоту покаянія, покаяться въ самомъ дѣлѣ!

Мы не говоримъ, чтобъ эта художественность была одна движущею силою въ Іоаннѣ (человѣкъ вообще есть явленіе сложное). Нѣтъ, много было двигателей его духа; но такова была его природа, и она брала, разумѣется, сильное участіе въ каждомъ его дѣйствіи, на многое имѣла

вліяніе, и многое психологически въ немъ объясняетъ.

Г. Соловьевъ говоритъ, что иные историки представили его сперва героемъ, а потомъ робкимъ и трусомъ, и говоритъ объ этомъ весьма неодобрительнымъ тономъ. Нельзя не согласиться, что въ рѣзкомъ разграниченіи Іоанна: на добродѣтельнаго и злодѣя,—нѣтъ истины, хотя и тутъ нельзя очень обвинять историковъ, ибо самъ Курбскій начинаетъ этимъ разграниченіемъ свое посланіе къ Іоанну; а слова его, какъ бы ни были пристрастны, не могутъ быть ни на чемъ не основаны. Съ другой стороны, мы не видимъ ничего удивительнаго въ томъ, что человѣкъ, въ теченіи своей жизни, можетъ испортиться, нравственно пасть и быть не похожъ на себя самаго въ нравственномъ отношеніи. Это самое можетъ случиться и на престолѣ. Въ Іоаннѣ точно мы видимъ нравственное измѣненіе, и хотя не мгновенное, однако довольно быстрое. Стоитъ снять только узду съ своей воли, и порча произойдетъ скоро. Намъ кажется, что порча въ Іоаннѣ именно пошла быстро тогда, когда онъ избавился отъ своихъ совѣтниковъ, когда сбросилъ съ себя нравственную узду стыда, когда значеніе Царя слилось въ его понятіи съ произволомъ, и когда этотъ произволъ явилъ полное отсутствіе воли въ человѣкѣ: ибо отсутствіе воли и необузданная воля—это все равно.

Русская земля вынесла Іоанна, чтобъ сохранить свою недавнюю цѣлость и удержать возникающую крѣпость. Къ тому же, и это главное, Іоаннъ нападалъ на лица, именно на бояръ, выгораживая постоянно народъ. (На Новгородцевъ онъ напалъ, обвиняя ихъ въ общей измѣнѣ). Ни быта, ни учрежденій земскихъ онъ не трогалъ. Онъ слышалъ требованія исторіи, онъ исполнялъ ихъ. Онъ созвалъ Земскій Соборъ, и постоянно всюду давалъ наибольшій просторъ народному голосу и мнѣнію, въ дѣлахъ общественныхъ. Между тѣмъ, не въ молчаніи со стороны древней Россіи проходили страшныя дѣла Царя: Іоаннъ слышалъ обличенія... Въ этомъ случаѣ мы раздѣляемъ съ г. Соловьевымъ его оправданіе древняго Русскаго общества.

Этотъ произволъ, это служеніе своей личности, много измѣнили Іоанна. Подозрѣнія обступили его со всѣхъ сто-

ровъ, — и какъ несправедливы были эти подозрѣнія! Онъ всюду видѣлъ небывалые заговоры.—Нѣтъ ничего вреднѣе для правительства, какъ подобный страхъ; онъ отнимаетъ у Монарха довѣренность къ странѣ, онъ лишаетъ мужества и дѣлаетъ робкимъ. Правда, Іоаннъ никогда не велъ себя Ахиллесомъ; но робость его, которую мы видимъ во второй половинѣ царствованія, — изумительна. Мы думаемъ, что она есть плодъ деспотизма и недовѣрчивости, столь незаслуженной, къ своему народу. Умѣвши быть гордымъ при успѣхѣ, Іоаннъ не могъ сберечь своего достоинства, какъ скоро счастіе повернулось къ нему, хоть немного, спиною. Говорившн гордо съ Крымскимъ ханомъ, онъ потомъ ему билъ челомъ; не хотѣвъ сперва назвать Баторія братомъ, а назвавъ его сосѣдомъ, (1)—онъ потомъ дѣлалъ ему уступку за уступкою и униженно добивался мира. И тотъ самый Іоаннъ, столь робкій передъ врагами, поразилъ своего сына смертельнымъ ударомъ за то, что тотъ сталъ говорить ему объ обязанности выручить Псковъ. Во время войны, Іоаннъ ссылался о мирѣ, и послы его униженно слѣдовали за Баторіемъ, опустошавшимъ Русскую землю. Деспотизмъ и служеніе своей личности есть часто источникъ робости и мелкости душевной.

Замѣчательно, что былъ одинъ изъ Русскихъ Государей, который питалъ, какъ извѣстно, къ Іоанну особенное уваженіе: это Петръ Великій. Такое сочувствіе замѣчательно. Намъ скажутъ можетъ быть, что оно очень просто, что Петръ желалъ также просвѣщенія, также хотѣлъ пріобрѣсти Ливонію; но просвѣщенія хотѣли и всѣ наши Государи. Желаніе пріобрѣсти Ливонію было естественно, и конечно было желаніемъ не одного Іоанна; только трудныя обстоятельства мѣшали нашимъ Царямъ исполнить это намѣреніе. Намъ кажется, что сочувствіе это лежитъ глубже, а не привязано къ отдѣльнымъ дѣйствіямъ,—что это сочувствіе личностей. Но характеръ Петра былъ иной, чѣмъ Іоанна.—Невольно, на основаніи сочувствія Петра къ

(1) «Тебѣ, сосѣду нашему, Стефану Королю»—такъ выражается Іоаннъ въ своей грамотѣ къ Баторію. Ист. Рос. стр. 356.

Іоанну, рисуется сравненіе обоихъ Государей. Замѣчательно сходство въ иныхъ частныхъ проявленіяхъ. Укажемъ на одно изъ нихъ.

Іоаннъ вдругъ сдѣлалъ Симеона Бекбулатовича Государемъ всея Россіи, съ титломъ Великаго Князя, самъ назвался Иваномъ Московскимъ, и ходилъ, какъ простой бояринъ. (*) Но вся власть оставалась при немъ: онъ снялъ только съ себя царскую одежду. — Тоже самое сдѣлалъ и Петръ. Онъ облекъ князя Ромодановскаго въ санъ царскій, назвалъ его Кесаремъ, говорилъ ему: «Ваше Величество», и, навѣсивъ на него, какъ на вѣшалку, все великолѣпіе царское, оставилъ при себѣ всю власть. Намъ неизвѣстно, зналъ ли Петръ о поступкѣ Іоанна. Если нѣтъ, то въ этомъ случаѣ особенно замѣчательно такое сочувствіе обоихъ Государей. Какъ объяснить подобный поступокъ? Объяснить, кажется, можно. Здѣсь видимъ полнѣйшее самоощущеніе безграничной, чистой власти, откинувшей весь блескъ, пышность и великолѣпіе, всѣ свои аттрибуты, на которыя какъ будто она опирается. Передъ всею великолѣпною обстановкою, въ лицѣ Великаго Князя Симеона и Кесаря Ромодановскаго, передъ этимъ безсильнымъ изображеніемъ власти—являлась сама власть, лишенная всякаго величія, всякаго гордаго одѣянія, власть, облекшаяся въ образъ подчиненности, но тѣмъ сильнѣе чувствующая всю свою силу и безграничность. Это ощущеніе безграничной власти, во всей ея чистотѣ, конечно испытывалось и Иваномъ Московскимъ и Петромъ Шкиперомъ. Въ Петрѣ это явилось еще рѣзче и сильнѣе, чѣмъ въ Іоаннѣ, какъ и все, въ чемъ сходились они.

Если мы обратимъ безпристрастное вниманіе наше на ту

(*) Лѣтопись говоритъ: «въ тоже время произволилъ Царь Иванъ Васильевичь и посадилъ царемъ на Москвѣ Симеона Бекбулатовича и царскимъ вѣнцемъ его вѣнчалъ, а самъ назвался Иваномъ Московскимъ и вышелъ изъ города, жилъ на Петровкѣ: весь свой чинъ царскій отдалъ Симеону, а самъ ѣздилъ просто, какъ бояринъ, въ оглобляхъ, и какъ пріѣдетъ къ царю Симеону, ссаживается отъ царева мѣста далеко, вмѣстѣ съ боярами». Исторія Россіи г. Соловьева. Т. VI. стр. 235.

эпоху, то есть, на XVI вѣкъ, то насъ невольно остановитъ зрѣлость политическихъ намѣреній Россіи въ томъ вѣкѣ. Едва сплотившаяся въ цѣльное государство, она уже устремляетъ свои взоры на Черное и Балтійское моря и стремится пріобрѣсти берега ихъ. Россія XVI вѣка сознаетъ необходимость обладанія Крымомъ, и Русскіе полки проникаютъ туда. Здѣсь-то вышелъ споръ у Іоанна съ боярами: они предпочитали берега Чернаго моря, они не желали войны съ государствами Христіанскими; но Іоаннъ добивался Ливоніи и береговъ Балтійскаго моря. Кто былъ правъ— трудно рѣшить. По крайней мѣрѣ Іоаннъ какъ будто потомъ согласился съ своими боярами, завѣщавъ не воевать съ державами Христіанскими. Россія помнила ясно свои права, старину свою: Кіевъ называется отчиною Царя; на Ливонію смотритъ Россія, какъ на древнее свое достояніе. И этотъ взглядъ Россіи XVI вѣка нельзя не признать вѣрнымъ. И такъ Россія въ XVI вѣкѣ, частію пріобрѣла тѣ владѣнія, какими пользуется теперь, частію намѣтила себѣ предѣлы, совершенно почти въ томъ объемѣ, въ какомъ находится Россія XIX вѣка.

Съ другой стороны, относительно внутренняго совершенствованія, Россія XVI вѣка стремилась къ просвѣщенію, стремилась къ сближенію съ Западною Европой, стараясь заимствовать отъ нея всѣ ея изобрѣтенія и успѣхи, но *оставаясь самостоятельною* (при чемъ только и можетъ быть плодотворно заимствованіе). А просвѣщенная Европа, напротивъ, не давала просвѣщенія и всѣми силами старалась препятствовать Россіи въ ея благородномъ стремленіи пріобрѣтать полезныя знанія отъ своихъ сосѣдей. Приведемъ здѣсь выписку изъ исторіи г. Соловьева. «Въ 1539 году, когда бѣжавшій изъ Москвы Петръ Фрязинъ былъ представленъ Дерптскому епископу, тотъ спросилъ его: знаетъ ли онъ въ Москвѣ Нѣмца Александра? Петръ отвѣчалъ: «знаю, я жилъ съ нимъ на одной улицѣ; этотъ Александръ сказывалъ въ Москвѣ боярамъ, что у него есть товарищъ въ Дерптѣ, который умѣетъ пушки лить и стрѣлять изъ нихъ и думаетъ ѣхать въ Москву служить Великому Князю». *Услыхавъ это, Епископъ допытался объ этомъ*

Нѣмцѣ и сослалъ его невѣдомо куда.»—(1) Какъ ошибочно закоренѣлое въ людяхъ несвѣдущихъ мнѣніе (а вѣдь такихъ людей еще много), что до-Петровская Россія чуждалась просвѣщенія и дичилась Западной Европы, и что только съ Петра явилось стремленіе къ знанію. Пусть они прочтутъ VI томъ Исторіи г. Соловьева: они увидятъ тому совершенно противное. Они увидятъ, что стремленіе къ просвѣщенію, къ заимствованію всего полезнаго отъ Европы, было и до Петра.

Что касается до внутренняго устройства самой страны, то мы видимъ, что въ XVI вѣкѣ созванъ былъ Земской Соборъ, съ котораго начинается рядъ Земскихъ Соборовъ до самаго Петра I.—Мы видимъ всюду покровительствуемое земское мнѣніе и участіе въ государственныхъ дѣлахъ; видимъ мы это изъ губныхъ грамотъ и другихъ актовъ. Мы видимъ, что правительство обращается къ народу въ трудныя минуты и дѣлится съ нимъ сочувствіемъ къ общему дѣлу. Мы видимъ, что совѣщательное начало было въ высшей степени распространено въ Россіи и на него сильно опиралось Правительство.

Мнѣніе свое о новомъ трудѣ г. Соловьева мы высказали. Мы сказали, что это не исторія, а историческое изслѣдованіе.

Ожидаемъ слѣдующихъ томовъ.

К. Аксаковъ.

---

(1) Ист. Рос. т. VI. стр. 139.

ОБЛАСТНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ РОССІИ

ВЪ XVII ВѢКѢ.

Сочин. Б. Чичерина.

(Продолженіе).

Послѣ областнаго дѣленія г. Чичеринъ переходитъ къ воеводамъ и приказнымъ людямъ; управленіе воеводъ онъ раздѣляетъ на управленіе: 1-е воеводъ главныхъ городовъ, 2-е воеводъ приписныхъ городовъ, 3-е приказныхъ людей, 4-е дворцовыхъ воеводъ и приказныхъ людей.

О воеводахъ главныхъ городовъ онъ говоритъ:

«Въ главные города обыкновенно назначались воеводы съ товарищами ... Какія были отношенія воеводъ къ товарищамъ? Обыкновенно въ наказахъ предписывалось всѣ дѣла дѣлать вмѣстѣ, за одно, безъ всякой розни, государевымъ дѣломъ промышлять собча; грамоты государя писались ко всѣмъ вмѣстѣ и доношенія воеводъ съ товарищами писались отъ имени всѣхъ. Слѣдственно управленіе было коллегіальное, а не бюрократическое, но эта коллегіальность не имѣла никакой юридической опредѣленности: не было постановлено, какимъ образомъ рѣшать дѣла въ случаѣ несогласія—большинствомъ ли голосовъ, или на основаніи мнѣнія главнаго воеводы. Рѣшеніе было предоставлено частному соглашенію правителей; имъ предписывалось править мирно, а ладили они, какъ знали.»

Г. Чичеринъ говоритъ, что «коллегіальность воеводскаго управленія не имѣла никакой юридической опредѣленности: не было опредѣлено, какимъ образомъ рѣшать дѣла въ случаѣ несогласія — большинствомъ ли голосовъ, или на

основаніи мнѣнія главнаго воеводы». Дѣйствительно постановленіе, въ случаѣ несогласія судей, рѣшать дѣла большинствомъ голосовъ, или на основаніи мнѣнія старшаго, есть одна изъ формъ, дающая юридическую опредѣленность коллегіальному суду, и форма сія не была принята въ древнемъ Русскомъ законодательствѣ; но юридическая опредѣленность коллегіальнаго суда тѣмъ не менѣе можетъ существовать и въ другихъ формахъ, и въ Русскомъ законодательствѣ XVII вѣка была принята одна изъ таковыхъ формъ за основный законъ въ коллегіальномъ судѣ и управленіи. Форма, принятая тогдашнимъ Русскимъ законодательствомъ, состояла въ томъ, «чтобы члены коллегіи всѣ дѣла дѣлали по Государеву указу, всѣ вмѣстѣ за одинъ, безо всякіе розни». Это правило повторялось во всѣхъ наказахъ воеводамъ, у которыхъ были товарищи; это же правило, какъ общій законъ, выражено и въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича, именно въ 23 и 24 статьяхъ X главы. Слѣдовательно Русское коллегіальное управленіе XVII вѣка имѣло свою юридическую опредѣленность, только форма этой опредѣленности не походила на ту, которую указываетъ г. Чичеринъ. Теперь рождается вопросъ: которая форма лучше? Отвѣтъ на этотъ вопросъ одинъ: и та, и другая форма хороша и пригодна для своего времени; ибо и та, и другая форма направлены къ одной цѣли, чтобы въ коллегіяхъ не было несогласія членовъ; и по старой формѣ эта цѣль по закону достигалась совершеннымъ отрицаніемъ несогласія, а по новой формѣ отдачею преимущества большинству или старѣйшинству; старый законъ несогласіе членовъ коллегіи въ дѣлахъ, опредѣленныхъ общими законами и указами государя, признавалъ своеволіемъ и упрямствомъ, и отрицалъ его, какъ незаконное. Конечно на практикѣ могло быть и отступленіе отъ этого закона, и члены коллегіи могли не соглашаться другъ съ другомъ, чему нѣсколько примѣровъ и представилъ г. Чичеринъ; но примѣры сіи, какъ исключенія, какъ чистое упрямство, не могутъ отрицать достоинства и пригодности закона для своего времени, ибо едва ли когда существовалъ такой законъ, который не былъ бы кѣмъ либо нарушенъ.

Говоря о назначеніи воеводъ, г. Чичеринъ пишетъ:

«Воеводы назначались царскимъ указомъ, выдаваемымъ изъ того приказа, въ вѣдомствѣ котораго состоялъ городъ, куда посылался воевода. Въ царствованіе Михаила Ѳедоровича случалось иногда, что воеводы небольшихъ городовъ назначались по просьбѣ самихъ жителей, но это было исключеніе; обыкновенно же они выбирались царемъ изъ числа просителей. Служилый человѣкъ, желавшій получить воеводство, являлся въ приказъ съ подписною челобитною. Не объяснено, какая это была челобитная, но обыкновенно онѣ выдавались изъ приказовъ за подписью дьяка въ удостовѣреніе какого нибудь обстоятельства; здѣсь, вѣроятно, это было свидѣтельство, что проситель находится не у дѣлъ.»

Здѣсь во 1-хъ г. Чичеринъ неправильно считаетъ исключеніемъ только для небольшихъ городовъ, что воеводы иногда назначались по просьбѣ жителей, и то только въ царствованіе Михаила Ѳедоровича; а между тѣмъ самъ же представляетъ свидѣтельство, что въ 1699 году жители Нерчинска выбрали себѣ въ воеводы малолѣтнаго Николева, и Царь утвердилъ этотъ выборъ; кромѣ того, я имѣю нѣсколько грамотъ Петра Великаго, въ которыхъ государь утверждалъ на воеводство, по выбору жителей, во Владиміръ, въ Шую и въ другіе города, а въ разрядномъ архивѣ я видѣлъ много опредѣленій на воеводства и по выбору жителей, и при Алексѣѣ Михайловичѣ и при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ. Во 2-хъ г. Чичеринъ говоритъ, что «служилый человѣкъ, желавшій получить воеводство, являлся въ приказъ съ подписною челобитною». Это показаніе, ежели угодно, справедливо; но только г. Чичеринъ его рѣшительно не понялъ и самъ говоритъ: «не объяснено, какая это челобитная»; но здѣсь и объяснять нечего: ясно, что челобитная объ опредѣленіи въ воеводы. Далѣе, думая объяснить дѣло, г. Чичеринъ продолжаетъ: «но обыкновенно онѣ (челобитныя) выдавались изъ приказовъ за подписью дьяка въ удостовѣреніе какого нибудь обстоятельства». Что сказать о такомъ странномъ объясненіи? Г. Чичеринъ, должно быть, не видалъ ни одной старой подписной челобитной, ни письменной, ни печатной: иначе онъ не сказалъ бы, что дьяки удостовѣряли на челобитныхъ

какія-то обстоятельства, ибо удостовѣренія въ какихъ либо обстоятельствахъ, касающихся дѣла, прописаннаго въ челобитной, по старому порядку, производилось или посредствомъ справокъ, которыя писались не на челобитной, а на особомъ листѣ, и скрѣплялись не дьякомъ, а старымъ подьячимъ, у котораго въ столѣ производилась справка,—или удостовѣрялись обстоятельства челобитной отписками изъ другихъ судебныхъ мѣстъ, куда посылался запросъ, или наконецъ документами, представляемыми отъ челобитчика, или другими какими судебными доказательствами. Дьякъ же на челобитныхъ на оборотной сторонѣ или только помѣчалъ, что челобитная подана тогда-то, т. е., такого-то числа, мѣсяца и года съ приписью: *доложить*, или кратко отмѣчалъ первоначальное приказаніе по челобитной, данное Государемъ или начальствующимъ въ судѣ лицемъ, по которому приступали къ производству дѣла по челобитной, какъ уже одобренной или признанной годною для дѣлопроизводства. И съ такими-то надписями или помѣтами дьяковъ, челобитныя назывались подписными челобитными. Напечатанные образцы таковыхъ челобитныхъ можно видѣть въ 4 нумерѣ Временника, издаваемаго Историческимъ обществомъ, въ отдѣлѣ смѣси, стран. 58, 61.; или въ той же книгѣ, въ отдѣлѣ матеріаловъ стр. 10, 11, 13, 25, 26 и друг. А челобитныя о воеводствахъ подписными именно назывались тѣ, на оборотѣ которыхъ дьякъ писалъ: «такого-то году, мѣсяца и числа, Государь пожаловалъ такого-то, велѣлъ отпустить на воеводство туда-то».

Показавши таковый ясный опытъ недостаточнаго пониманія древняго дѣлопроизводства, г. Чичеринъ принимается разсуждать съ полною самоувѣренностію о воеводахъ и говоритъ:

«Хотя кормленія были уничтожены... но фактически долго еще сохранялись черты прежняго частнаго характера управленія; обычай, установленный вѣками, не вдругъ искореняется. Воеводы не получали болѣе корма... имъ было запрещено брать взятки, но было множество доходовъ, добровольныхъ приношеній, которыми они могли нажиться... Правительство это знало и... смотрѣло на эти мѣста, какъ на такія должности, которыя могли служить наградою за службу.»

И все это г. Чичеринъ основываетъ во 1-хъ на томъ, что просители, искавшіе воеводской должности, писали въ своихъ челобитныхъ: «прошу отпустить покормиться». Но развѣ это доказательство? Въ челобитныхъ проситель писалъ: *прошу покормиться*, потому что онъ, покончивши военную службу и состоя не у дѣлъ, не получалъ жалованья (которое тогда большею частію называлось кормомъ), и по сему, ища гражданской службы, которая также давала жалованье, кормъ, ему естественно было писать въ челобитной: *прошу покормиться*, т. е. прошу службы, которая бы давала жалованье, кормъ. Во 2-хъ г. Чичеринъ думаетъ найти основаніе своему мнѣнію въ томъ, что на соборѣ 1642 года дворяне Московскіе говорятъ: «а на жалованье ратнымъ людямъ.... велѣлъ бы Государь сбирать деньги съ приказныхъ и съ дворцовыхъ людей.... а которые и служилые люди, а нынѣ у корыстныхъ дѣлъ по воеводствамъ и по приказамъ, и съ тѣхъ бы деньги также велѣлъ Государь сбирать» (С. Г. Г. и Д. Т. III. № 113). Но и это свидѣтельство говоритъ только о жалованьи, которое получали воеводы и приказные люди за свою службу, и котораго не получали ихъ же братья Московскіе дворяне въ мирное время; они завидовали воеводамъ и приказнымъ людямъ изъ ихъ же братій, которые, сверхъ помѣстій, получали еще жалованье за свою гражданскую службу. Въ 3-хъ г. Чичеринъ ссылается еще на указъ 1661 года, по которому велѣно было въ воеводы и приказные люди отпускать раненныхъ и плѣнниковъ за *полонное терпѣніе*, и впредь нераненныхъ не опредѣлять въ эти должности до указа. Но и этотъ указъ, какъ временная мѣра, по случаю продолжающейся войны, свидѣтельствуетъ только о томъ, что правительство съ одной стороны раненныхъ и вышедшихъ изъ плѣна за ихъ военные труды желало наградить жалованьемъ по гражданской службѣ, а съ другой стороны нуждалось для военной службы въ людяхъ, не раненныхъ и здоровыхъ, и потому требовало, чтобы отставить ихъ отъ гражданскихъ дѣлъ и выслать въ походъ.

Обращаясь къ наказамъ, которые давались воево-

дамъ, при отправленіи на должность, г. Чичеринъ говоритъ:

«Не было общей административной системы, общаго законодательства относительно управленія; все ограничивалось частными правилами, которыя предписывались отдѣльнымъ лицамъ. По этому наказы бывали весьма различны... Каждому воеводѣ давался отдѣльный наказъ; прежними наказами и грамотами онъ могъ руководствоваться по усмотрѣнію... Ему обыкновенно предписывалось: «Дѣлать по сему наказу, и смотря по тамошнему дѣлу и по своему высмотру, какъ будетъ пригоже, и какъ Богъ вразумитъ». Понятно, какой просторъ давался произволу.»

Вотъ до чего можетъ довести увлеченіе напередъ взятою мыслію: г. Чичеринъ обрекъ себя порицать все старое и на этомъ основаніи находитъ достойнымъ порицанія и то, что въ сущности не было таковымъ, и готовъ не видѣть того, что тогда дѣйствительно было, и говоритъ, что то-то должно бы быть, но его тогда не было. Такъ онъ говоритъ, что тогда не было общей административной системы, что не было общаго законодательства относительно управленія; а конечно ему не безызвѣстно, что въ XVII вѣкѣ уже имѣло силу дѣйствіе на всемъ пространствѣ Россіи Уложеніе царя Алексѣя Михайловича и другія дополнительныя узаконенія, обнимавшія собою все тогдашнее законодательство, какъ судебное, такъ и административное, и наказы, дававшіеся воеводамъ, только дополняли общія узаконенія. Ему кажутся наказы воеводамъ слишкомъ различными и непохожими другъ на друга; а между тѣмъ самъ же изъ сихъ наказовъ извлекаетъ общія правила для воеводской должности; слѣдовательно наказы, при видимомъ разнообразіи, много имѣли въ себѣ общаго для всѣхъ воеводъ, имѣли свою общую систему; то же, что въ нихъ было различно, требовалось самымъ ходомъ дѣлъ и не могло быть иначе. Конечно иныя нужды и потребности были въ Сибири, иныя въ Астрахани, иныя въ Рязани, иныя въ Великомъ Новѣгородѣ, иныя въ Казани; но это различіе, условливаемое мѣстными обстоятельствами, не уничтожало общей системы, общаго характера наказовъ; даже въ самомъ различіи ясно выступаетъ строгая система для обла-

стей, принадлежавшихъ къ одному разряду. Такъ наказы для воеводъ во внутреннихъ областяхъ, населенныхъ однимъ Русскимъ племенемъ, имѣли свой общій характеръ, отличный отъ характера наказовъ, хотя и для внутреннихъ областей, но гдѣ Русское племя было смѣшано съ инородцами; а наказы для областей пограничныхъ имѣли еще свой особый характеръ, и при томъ иной характеръ наказовъ былъ для областей пограничныхъ съ Азіатскими народами, и иной на границахъ Европейскихъ; но всѣ наказы, принадлежащіе къ областямъ одного разряда, имѣли одинакій характеръ, одинакую систему.

Г. Чичерина смущаетъ еще то, что иногда наказы въ одинъ и тотъ же городъ имѣли различіе между собою; но это различіе условливалось обстоятельствами: въ одно время были однѣ обстоятельства, а въ другое другія, слѣдовательно и наказы должны были сообразоваться съ обстоятельствами. Естественно, что Новгородскій воевода долженъ былъ получить иной наказъ, во время войны со Шведами, а не тотъ, какой бы онъ получилъ въ мирное время. Да и не въ военное время, особенно въ областяхъ, вновь пріобрѣтенныхъ, какъ на примѣръ въ Сибири, наказы могли часто измѣняться по естественному ходу обстоятельствъ, по большему знакомству съ мѣстностію, по постепенному развитію Русской власти. Измѣненіе наказовъ здѣсь указываетъ не на недостатокъ системы, не на неустроенность администраціи, а напротивъ свидѣтельствуетъ о строгой системѣ администраціи, состоящей въ томъ, чтобы постоянно слѣдить за развитіемъ Русской власти и Русской цивилизаціи, и помогать ей новыми правилами, порождаемыми вновь открывающимися обстоятельствами. Наконецъ г. Чичеринъ говоритъ, что наказами давался большой просторъ произволу, ибо ими предписывалось воеводамъ дѣлать по наказу, и смотря по тамошнему дѣлу и по своему высмотру, какъ будетъ пригоже, и какъ Богъ вразумитъ. Но гдѣ же тутъ просторъ произволу? Здѣсь только одна довѣренность къ лицу воеводы, къ его способностямъ, къ его усердію по службѣ: правительство даетъ воеводѣ правила и требуетъ, чтобы онъ поступалъ по нимъ, но не

связываетъ его сими правилами, а требуетъ, чтобы онъ, по возможности соблюдая ихъ, въ тоже время сообразовался съ мѣстными обстоятельствами. Эта система въ высшей степени человѣчна и раціональна, и ни сколько не заслуживаетъ порицанія: она показываетъ въ Русскомъ правительствѣ глубокое пониманіе дѣла, она нисколько не уничтожаетъ отвѣтственности за произволъ и злоупотребленія, но въ тоже время открываетъ поприще развитію способностей и усердію къ службѣ. Странное было бы дѣло, ежели бы тогда воеводѣ, отправляемому въ Сибирь за 6,000 верстъ отъ Москвы, предписали ни на шагъ не отступать отъ даннаго наказа и, при всякомъ встрѣтившемся новомъ обстоятельствѣ, посылать за разрѣшеніемъ въ Москву, тогда какъ на эту пересылку туда и обратно нужно было времени чуть не полгода; а обстоятельство, требовавшее разрѣшенія, по новости Русской власти въ Сибири, могло измѣниться пять разъ въ мѣсяцъ. При томъ не должно забывать, что правило: *поступать, какъ будетъ пригоже, смотря по тамошнему дѣлу, и какъ Богъ вразумитъ*, писалось только въ наказахъ къ воеводамъ отдаленныхъ, пограничныхъ и вновь пріобрѣтенныхъ городовъ, или въ военное время; въ мирное же время, въ города, находящіеся внутри Россіи, и гдѣ вообще не предполагалось непредвидѣннаго измѣненія обстоятельствъ, это правило никогда не прописывалось въ воеводскихъ наказахъ.

Перечисляя то, чѣмъ завѣдывалъ воевода, г. Чичеринъ говоритъ:

«Въ приказной избѣ воевода управлялъ ввѣреннымъ ему уѣздомъ, вѣдалъ государево и земское дѣло, или ратное и земское дѣло. Вообще имъ приказывалось вѣдать всякія дѣла; сюда принадлежали: 1) нѣкоторыя духовныя дѣла, 2) дѣла иностранныя, 3) военныя, 4) разрядныя, 5) помѣстныя, 6) судебныя, 7) полицейскія, 8) финансовыя. Не всѣмъ впрочемъ воеводамъ предоставлялось вѣдомство всѣхъ этихъ дѣлъ; во многихъ наказахъ встрѣчаются только постановленія о дѣлахъ судебныхъ и полицейскихъ. Иностранныя дѣла завѣдывались только пограничными воеводами, финансовыя предоставлялись иногда другимъ лицамъ, военныя существовали только тамъ,

гдѣ были укрѣпленія и войско. Впрочемъ это будетъ яснѣе изъ подробностей.»

Здѣсь все есть: и запутанность, и неопредѣленность, не достаетъ только порядка; всѣ предметы вѣдомства воеводъ сбиты въ кучу и смѣшены до того, что и узнать нельзя, которые предметы принадлежали къ главнымъ и постояннымъ для всѣхъ воеводъ, которые предметы были побочными, и которые подлежали тому или другому извѣстному разряду воеводъ и не подлежали другимъ разрядамъ. Судя по распредѣленію предметовъ воеводскаго вѣдомства, сдѣланному г. Чичеринымъ, можно подумать, что всѣ изчисленные въ распредѣленіи предметы имѣли одинаковую степень важности для всѣхъ воеводъ, что все это подлежало вѣдомству каждаго воеводы; но на дѣлѣ это далеко было не такъ. Самъ же г. Чичеринъ говоритъ: «не всѣмъ впрочемъ воеводамъ предоставлялось вѣдомство всѣхъ этихъ дѣлъ»; а когда не всѣ исчисляемыя дѣла подлежали вѣдомству всѣхъ воеводъ, то должно ясно и опредѣленно сказать: какія же дѣла подлежали какому разряду воеводъ, и какія какому не подлежали, и какія были общія для всѣхъ разрядовъ? Замѣчаніе: «иностранныя дѣла завѣдывались только пограничными воеводами, финансовыя представлялись иногда другимъ лицамъ, военныя существовали только тамъ, гдѣ были укрѣпленія и войско,» здѣсь ничего не объясняетъ, а напротивъ еще болѣе запутываетъ дѣло; ибо во первыхъ оно ложно и несогласно съ исторіею, Такъ на примѣръ въ замѣчаніи сказано, что иностранныя дѣла завѣдывались только пограничными воеводами, а на самомъ дѣлѣ онѣ были въ вѣдѣніи совсѣмъ иного разряда воеводъ, которые часто управляли областями непограничными: чисто же пограничнымъ воеводамъ иностранныхъ дѣлъ никогда не поручалось, при нихъ даже почти никогда не бывало ни дьяковъ, ни подьячихъ, а были одни военные люди. Такъ по всей Крымской границѣ ни при одномъ воеводѣ не было ни одного дьяка, и ни одинъ изъ тамошнихъ воеводъ не завѣдывалъ иностранными дѣлами. Во вторыхъ здѣсь нужно именно показать, на какіе разряды раздѣлялись воеводы, и какія дѣла состояли въ вѣдѣніи

какого разряда, и на какомъ основаніи; а въ замѣчаніи о разрядахъ воеводъ нѣтъ и намеку. Г. Чичеринъ отсылаетъ читателя къ подробностямъ, онъ говоритъ: «впрочемъ это будетъ яснѣе изъ подробностей.» Слѣдовательно самъ сознается въ неясности и сбивчивости своего опредѣленія, самъ видитъ недостатки и думаетъ устранить ихъ подробностями. Но подробности тогда только хороши и полезны, когда самое опредѣленіе незапутано, когда указаны начала и основанія, когда каждому члену дѣленія дано свое мѣсто; въ противномъ случаѣ подробности, какъ разсыпанная безсвязная груда случайностей, еще болѣе запутаютъ дѣло и заставятъ изслѣдователя блуждать въ потемкахъ ощупью и безпрестанно спотыкаться, какъ именно и случилось съ г. Чичеринымъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только посмотрѣть любой отдѣлъ подробностей, имъ представленныхъ; возмемъ для образца дѣла духовныя, поставленныя г. Чичеринымъ напереди.

О духовныхъ дѣлахъ воеводскаго вѣдомства г. Чичеринъ пишетъ такъ:

«Къ дѣламъ, принадлежащимъ вѣдомству церкви, относились не только дѣла, касавшіяся до вѣры и до церковнаго управленія, но и множество дѣлъ гражданскихъ. Въ средніе вѣка государство не существовало, и церковь составляла отдѣльный міръ, противоположный гражданскому обществу, міръ, основанный на началѣ нравственно-религіозномъ и имѣвшій въ своемъ вѣдомствѣ всѣ нравственныя и семейныя дѣла.»

Существовало ли на Руси государство въ средніе вѣка, объ этомъ уже было говорено, и повторять здѣсь нѣтъ надобности; но вотъ новость: — церковь составляла отдѣльный міръ, противуположный гражданскому обществу, основанный на началѣ нравственно-религіозномъ. По этому гражданское Русское общество, какъ противуположное церкви, было основано на началѣ безнравственномъ и нерелигіозномъ. Да откуда же видно, что на Руси церковь и гражданское общество составляли два противуположные міра? Ни лѣтописи, ни другіе памятники Русской древности этого не говорятъ: Русская исторія вовсе не вѣдаетъ такого раздвоенія; на Руси церковь и государство всегда составляли одно нераздѣльное цѣлое, у насъ не было папы, не было

особаго церковнаго государя; раздвоеніе, проповѣдуемое г. Чичеринымъ, принадлежитъ западной Европѣ. Г. Чичеринъ взялъ его изъ Западно-Европейской средневѣковой исторіи: пусть оно при ней и остается. Русской же исторіи оно не принадлежитъ, и вносить его сюда не слѣдуетъ. Далѣе г. Чичеринъ говоритъ:

«Этотъ порядокъ остался, и при образованіи Московскаго государства: гражданскіе правители не вмѣшивались въ церковное управленіе; воеводамъ запрещено было вступаться въ духовныя дѣла и въ духовный чинъ. Но Московская Русь не знала общихъ правилъ; безпрестанно дѣлались исключенія. Кромѣ того, свѣтская власть постоянно усиливалась, всюду выказывала свою дѣятельность и предоставляла иногда воеводамъ нѣкоторыя дѣла, въ которыхъ требовалось содѣйствіе гражданскихъ правителей.»

О томъ, знала ли Московская Русь общія правила, или руководилась одиѣми исключеніями, я буду говорить послѣ, когда стану разсматривать тѣ мнимыя исключенія, на которыя указываетъ г. Чичеринъ. Теперь же должно замѣтить, что на Руси никогда не было борьбы свѣтской власти съ церковною, и нельзя отыскать въ Русской исторіи такого времени, когда бы церковная власть пересиливала свѣтскую, или свѣтская усиливалась надъ церковною; это явленіе чисто западно-европейское, гдѣ постоянно встрѣчаемъ ожесточенную борьбу свѣтской власти съ церковною, гдѣ церковная власть учреждаетъ темную инквизицію, воздвигаетъ костры и пр. У насъ ничего этого не было: наша церковь, строго держась номоканона, никогда не выступала изъ границъ нравственнаго и религіознаго суда; и какъ скоро судъ нравственный и религіозный произносился надъ виновнымъ, то всегда передавала его свѣтской власти. Даже на Московскомъ Соборѣ 1551 года, когда царь Иванъ Васильевичь передавалъ церкви почти половину своей царской власти, она не приняла этого подарка и по прежнему оставила за собою предѣлы, назначенные номоканономъ. Такимъ образомъ мнимое усиленіе свѣтской власти взято г. Чичеринымъ напрокатъ изъ Западно-Европейской исторіи, и нашей исторіи нисколько не принадлежитъ.

Теперь перейдемъ къ подробностямъ участія воеводъ въ

дѣлахъ духовныхъ, которыя представилъ г. Чичеринъ, онъ говоритъ:« 1-е воеводы участвовали въ постройкѣ и починкѣ церквей на казенный счетъ, 2-е отводили земли церквамъ и монастырямъ и выдавали ружное жалованье.» Но развѣ постройка и починка церквей на казенный счетъ, или отводъ земель и выдача жалованья принадлежатъ къ духовнымъ дѣламъ? Вотъ иное дѣло, ежели бы съ разрѣшенія воеводъ вновь заводились и устроивались церкви, гдѣ ихъ прежде не было, тогда слѣдовало бы таковыя распоряженія воеводъ отнести къ участію въ дѣлахъ духовныхъ; но этого у насъ никогда не было, церкви вновь устроивались съ разрѣшенія мѣстныхъ епископовъ, или по указу государеву, какъ объ этомъ прямо сказано въ Стоглавѣ. Въ 3-хъ г. Чичеринъ говоритъ: «когда царь утверждалъ новаго монастырскаго строителя или игумена, воеводѣ обыкновенно предписывалось отказать старому строителю, велѣть его счесть въ приходѣ и расходѣ монастырской казны, и счетной списокъ прислать въ Москву.» Но опись монастырскаго имущества ни сколько не относится къ дѣламъ духовнымъ; это дѣло чисто гражданское, и отнесено къ гражданскимъ или свѣтскимъ дѣламъ, какъ въ номоканонахъ, такъ и на Московскомъ Соборѣ 1551 года, гдѣ въ 49 главѣ сказано: «А монастырскую казну и всякіе обиходы монастырскіе царскимъ дворецкимъ по всѣмъ монастырямъ вѣдать, и посылать считать и описывать и отдавать по книгамъ.» Здѣсь видна строгая опредѣленность стараго Русскаго законодательства и умѣнье отдѣлять духовныя дѣла отъ свѣтскихъ даже тамъ, гдѣ онѣ видимо смѣшивались. Въ 4-хъ г. Чичеринъ говоритъ: «содѣйствіе церковному начальству въ разныхъ дѣлахъ принадлежало также къ вѣдомству воеводъ.» Дѣйствительно содѣйствіе церковному начальству принадлежало вѣдомству воеводъ, это былъ общій законъ на Руси, основанный на номоканонѣ; но это содѣйствіе состояло въ исполненіи воеводами распоряженій церковнаго начальства и относится къ общимъ полицейскимъ дѣламъ, а не къ духовнымъ, и г Чичеринъ поставилъ его въ разрядъ духовныхъ дѣлъ неправильно. Въ 5-хъ онъ говоритъ: «воеводы производили

слѣдствія надъ раскольниками и другими церковными преступниками. Здѣсь опять г. Чичеринъ не умѣлъ отличать духовныхъ дѣлъ отъ полицейскихъ; раскольники сами отступились отъ Церкви, отреклись отъ нея, и Церковію уже осуждены, какъ мятежники и противники церковнымъ уставамъ; слѣдовательно они послѣ сего прямо подлежатъ суду и власти гражданской, и это основано прямо на номоканонѣ, и постоянно подтверждалось всѣми Русскими соборами. Явно, г. Чичеринъ здѣсь смѣшалъ полицейскія дѣла съ духовными, основываясь на западно-европейскихъ средневѣковыхъ теоріяхъ, гдѣ церковная власть по злоупотребленію принимала на себя чисто полицейскія дѣла и сама устроивала инквизиціонные суды и преслѣдовала своихъ противниковъ разными ужасающими человѣческое чувство мученіями и пытками. Въ 6-хъ онъ пишетъ: «языческіе инородцы, желавшіе принять Христіанство, могли приносить о томъ просьбы или въ приказную палату, или на дворъ митрополита, и самъ же объясняетъ, и справедливо, что въ обоихъ случаяхъ воевода долженъ былъ узнать,— добровольно ли хотятъ креститься инородцы, и нѣтъ ли за ними какихъ преступленій, по которымъ они подлежатъ наказанію; слѣдовательно здѣсь опять дѣло чисто гражданское, и воевода тутъ нисколько не вмѣшивался въ дѣла духовныя. Въ 7-хъ г. Чичеринъ пишетъ: «Иногда воеводамъ поручался надзоръ за поведеніемъ священниковъ и предоставлялась даже нѣкоторая власть надъ ними, и въ подтвержденіе своего показанія, приводя грамоту 1640 года, въ которой Важскому воеводѣ поручалось надѣлить трехъ ружныхъ священниковъ Шенкурской соборной церкви землями и унимать ихъ отъ вражды, и за непослушанье смирять, говоритъ: «это прямо противорѣчило правилу не вступаться въ духовный чинъ, но, какъ сказано, исключенія изъ всякихъ правилъ были нерѣдки въ древней Россіи.» Здѣсь на дѣлѣ нѣтъ исключенія, а прямое общее правило, по которому всѣ ружные причты были въ зависимости сперва отъ дворецкихъ, а послѣ отъ воеводъ, но, разумѣется, въ дѣлахъ полицейскихъ и гражданскихъ, а не относящихся къ духовному суду. Другой примѣръ, приведенный

г. Чичеринымъ, упоминается въ царской грамотѣ, 1643 года, Верхотурскому воеводѣ; въ этой грамотѣ сказано, что Верхотурскій воевода двухъ поссорившихся священниковъ отдалъ за пристава, разспрашивалъ ихъ въ съѣзжей избѣ, и допросъ отослалъ къ царю въ Москву, и царь велѣлъ виновнаго отослать въ монастырь на смиреніе. Дѣйствительно здѣсь воевода вмѣшался въ ссору духовныхъ лицъ; но во первыхъ мы не знаемъ, ссорившіеся священники не принадлежали ли къ ружнымъ причтамъ, а во вторыхъ ссора произошла на оффиціальномъ обѣдѣ у воеводы, въ торжественный царскій день, и при томъ имѣла характеръ оскорбительный для царскаго дома; слѣдовательно, по характеру ссоры, воевода, на основаніи общихъ законовъ, былъ обязанъ мимо духовныхъ властей прямо писать къ царю. Такимъ образомъ и здѣсь воевода дѣйствовалъ не противъ общихъ правилъ. Въ 8-хъ г. Чичеринъ пишетъ: «воеводамъ иногда поручался надзоръ за исполненіемъ прихожанами христіанскихъ обязанностей.» Не иногда, а всегда воеводы должны были смотрѣть за благочиніемъ: это была ихъ полицейская обязанность; и духовные, имѣвшіе по закону въ своемъ вѣдѣніи только судъ и наказанія церковныя, по правиламъ номоканона, должны были относиться къ свѣтскому начальству, какъ скоро нужно было прибѣгать къ понудительнымъ мѣрамъ, когда духовныя наказанія не достигали своей цѣли. А по сему, когда и до царя доходили жалобы на несоблюденіе народомъ требованій Церкви, то и онъ, слѣдуя общему церковному закону, прямо воеводамъ предписывалъ понудительныя свѣтскія мѣры, какъ это и было сдѣлано въ приведенныхъ г. Чичеринымъ царскихъ грамотахъ Туринскому и Новгородскимъ воеводамъ. Слѣдовательно и здѣсь было общее и постоянное правило, а не временное исключеніе. Наконецъ въ 9-хъ по словамъ г. Чичерина, «неизвѣстно, на какомъ основаніи воеводы управляли иногда нѣкоторыми монастырскими вотчинами.» Управляли ли когда воеводы монастырскими имѣніями, я не знаю, и въ памятникахъ не встрѣчалъ о томъ никакихъ свидѣтельствъ; приводимый же г. Чичеринымъ наказъ Воина Корсакова прикащику Өедору, объ

управленія вотчинами Суздальскаго Покровскаго дѣвичья монастыря, писанный въ 1632 году, нисколько не подтверждаетъ его мнѣнія, ибо Воинъ Корсаковъ былъ не воевода Суздальскій, а главный управитель имѣній Суздальскаго Покровскаго монастыря, какъ прямо значится въ самомъ наказѣ, гдѣ сказано: «а исца и отвѣтчика (прикащику Өедору) за поруками и по нихъ поручныя записи присылати въ Суздаль въ Покровскій дѣвичій монастырь, въ съѣзжую избу, къ Воину Лукьяновичу Корсакову». Суздальскимъ же воеводою въ этомъ году былъ Өедоръ Ивановъ сынъ Ловчиковъ. (Разрядныя книги по офиціальнымъ спискамъ Т. II-й. стр. 661). Такимъ образомъ во всѣхъ приведенныхъ г. Чичеринымъ случаяхъ не было ни предполагаемыхъ имъ исключеній, ни участія воеводъ въ дѣлахъ духовныхъ; случаи сіи, какъ мы видимъ, съ одной стороны доказываютъ, что г. Чичеринъ не умѣлъ отличить дѣлъ полицейскихъ и судебно гражданскихъ отъ дѣлъ духовныхъ, а съ другой стороны прямо свидѣтельствуютъ, что подробности, собранныя безъ порядка, не только не объясняютъ дѣла, но еще болѣе запутываютъ его.

О другихъ дѣлахъ, подлежащихъ вѣдомству воеводъ, нѣтъ надобности и говорить: онѣ изложены у г. Чичерина совершенно по тому же образцу, какъ и разсмотрѣнныя теперь дѣла духовныя; изложеніе автора страдаетъ большею частію тѣми же недостатками, авторъ даже не отказывается при случаѣ дать иной смыслъ памятникамъ, постоянно имѣя въ виду желаніе выставить старую Московскую администрацію съ невыгодной стороны. Такъ, на примѣръ, Царская грамота 1682 года, опредѣляющая подсудность людей суконной торговой сотни, на которую ссылается г. Чичеринъ, не приводя ея текста, говоритъ: «пожаловалъ суконные сотни торговыхъ людей, гдѣ имъ лучится въ отъѣздѣ быти самимъ, или ихъ дѣтемъ и племянникамъ, и людемъ ихъ; и бояря наши и воеводы и дьяки и всякіе приказные люди ни въ чемъ ихъ не судятъ; а кому будетъ въ чемъ до нихъ дѣло, и ихъ судятъ на Москвѣ наши бояре или кому мы Великій Государь укажемъ.» Грамота ясно говоритъ, что суконныя сотни

люди, ихъ дѣти и племянники, не подсудны воеводамъ тѣхъ городовъ, гдѣ они бываютъ временно въ отъѣздѣ, т. е., подсудность, на основаніи общаго закона, опредѣляется постояннымъ оффиціальнымъ мѣстомъ жительства, которымъ для нихъ была Москва. А г. Чичеринъ, представляя подсудность гостей какъ бы исключеніемъ, безпорядкомъ, пишетъ: «гости и торговые люди гостиной сотни съ дѣтьми, племянниками и людьми. судились во всѣхъ дѣлахъ однимъ Царемъ и казначеемъ, и нисколько не указываетъ, что подсудность эта опредѣлялась мѣстомъ постояннаго и оффиціальнаго ихъ жительства, какъ прямо указано въ грамотѣ: «гдѣ имъ лучится въ отъѣздѣ быти.»

За вѣдомствомъ воеводъ у автора слѣдуетъ разсужденіе о степени воеводской власти; онъ говоритъ:

«Мы видѣли, какъ различна была власть воеводъ; каждый предметъ вѣдомства подвергался разнообразнымъ постановленіямъ, и не было почти ни одного, въ которомъ бы видно было какое нибудь общее правило, не было ни одного общаго правила, которое бы не подвергалось многочисленнымъ исключеніямъ. Все опредѣлялось частными, часто случайными обстоятельствами, которыя измѣняла власть воеводъ одного и того же города.»

Мы уже видѣли, какъ авторъ, въ отдѣлѣ о вѣдомствѣ воеводъ, не умѣлъ отличить общаго отъ частнаго; видѣли, какъ онъ называлъ исключеніемъ то, что было общимъ закономъ; видѣли, какъ случайно и безпорядочно имъ были собраны подробности о воеводскомъ вѣдомствѣ и какъ онъ свѣтскія дѣла называлъ духовными; а по сему намъ нѣтъ надобности останавливаться на разсужденіи о степени воеводской власти: основаніемъ ему явно служитъ разобранный нами отдѣлъ, который по разбору оказался несостоятельнымъ; а ежели основаніе ложно, то и слѣдствіе не можетъ быть истиннымъ. И всѣ возгласы автора, что будто бы въ постановленіяхъ старой Московской администраціи не было почти ни одного общаго правила, и не было ни одного общаго правила, которое бы не подвергалось многочисленнымъ исключеніямъ, ничего не доказываютъ, или доказываютъ только то, что авторъ по чему-то не благоволитъ къ старой Московской администраціи. Онъ, на пере-

коръ всѣмъ дошедшимъ до насъ наказамъ, говоритъ, что «воеводамъ предоставлялось принимать всѣ мѣры, которыя могли вести къ приращенію казны»: тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ наказахъ предоставлялось принимать къ приращенію казны только такія мѣры, которыя были бы неотяготительны для народа. Вотъ выраженія наказовъ; «а искати Государю во всемъ прибыли, а тамошнимъ людемъ тягости и налоги не навесть». Или: «и имъ воеводамъ тѣ дѣла дѣлати, смотря по тамошнему дѣлу.... въ чѣмъ бы Великому Государю прибыль учинить, а государевымъ всякимъ людемъ тягости не навесть». Да и этотъ порядокъ, т. е., дозволеніе воеводамъ принимать мѣры къ приращенію казны наблюдался только въ тѣхъ наказахъ, которые давались воеводамъ, посылаемымъ въ Сибирь и въ другіе отдаленные и мало извѣстные края, гдѣ Русская власть только еще развивалась, и гдѣ дѣйствительно многое нужно было предоставлять благоразумію и усердію воеводы: въ наказахъ же, даваемыхъ воеводамъ старыхъ Русскихъ городовъ, въ сборѣ податей всегда предписывалось строго слѣдовать наказу и государевымъ грамотамъ, и самовольно новыхъ доходовъ не замышлять.

Переходя къ отдѣлу о подчиненіи областныхъ воеводъ Московскимъ приказамъ, авторъ говоритъ:

«Самое подчиненіе областныхъ правителей Московскимъ приказамъ было чрезвычайно запутано: нѣкоторые приказы, какъ то: Разрядъ, Новгородская, Галицкая, Костромская и Устюжская чети, приказъ Казанскаго дворца, Сибирскій приказъ, завѣдывали отдѣльными областями, такъ что изъ нихъ отпускались воеводы... Но рядомъ съ этими были приказы, которые для извѣстнаго рода дѣлъ были центральными мѣстами для всей Россіи, такъ что ихъ вѣдомство смѣшивалось съ вѣдомствомъ первыхъ, и воеводы по этимъ дѣламъ подчинялись то тѣмъ, то другимъ.»

Что же тутъ запутаннаго? Приказы раздѣлялись на два разряда: одни были центральными мѣстами управленія для извѣстныхъ обширныхъ областей, а другіе были центральными для всей Россіи по отдѣльнымъ многосложнымъ вѣдомствамъ управленія; воевода былъ въ полномъ подчиненіи у того приказа, отъ котораго получалъ наказъ. Но поколику

онъ участвовалъ по управленію и въ такихъ дѣлахъ, которыя находились въ вѣдѣніи особыхъ центральныхъ приказовъ для всей Россіи, то по симъ дѣламъ сносился и съ сими приказами. Повторяю, что здѣсь не было никакой запутанности. Вотъ иное дѣло, ежели бы воевода не умѣлъ отличить своего областнаго приказа отъ центральныхъ приказовъ для всей Россіи, какъ г. Чичеринъ смѣшалъ центральный всей Россіи приказъ, Разрядъ, съ областными приказами: тутъ конечно могла бы произойти большая запутанность; но тогдашніе воеводы противъ такой запутанности были обезпечены; каждый изъ нихъ хорошо зналъ, изъ какого приказа онъ получилъ наказъ на воеводство.

Далѣе, продолжая разсуждать о томъ же, г. Чичеринъ пишетъ: «подчиняясь то тому, то другому приказу, воеводы часто должны были быть въ затрудненіи», и представляетъ въ свидѣтельство отписку, 1614 года, Верхотурскаго воеводы къ Пермскому. Но эта отписка ясно опровергаетъ его мнѣніе и прямо свидѣтельствуетъ, что воевода подчинялся только тому приказу, изъ котораго данъ ему наказъ, и нисколько не затруднялся отказывать въ исполненіи по грамотамъ, даннымъ не изъ того приказа, которому онъ подвѣдомъ. Верхотурскій воевода прямо называетъ такой порядокъ Московскимъ обычаемъ и пишетъ къ Пермскому воеводѣ: «Диво мнѣ, Левъ Ильичь, на тебя: ты вѣдаешь самъ Московскій обычай весь, а пишешь ко мнѣ съ указомъ; только бъ Государь пожаловалъ Сылвинскихъ Остяковъ, а велѣлъ имъ свой царскій ясакъ давати въ Пермь Великую, а не на Верхотурье; ино мнѣ бы прислана жъ Государева грамота изъ Сибирскаго приказу, за приписью дьяковъ.»

Обращаясь къ отдѣлу о дѣлопроизводствѣ, г. Чичеринъ начинаетъ такъ:

«Въ дѣлопроизводствѣ не было ни закономъ установленнаго порядка, ни общихъ письменныхъ формъ для бумагъ и отчетовъ, ни постоянныхъ сроковъ для производства дѣлъ и переписки съ высшими властями. Все опредѣлялось обычаемъ и удобствомъ; немного было законныхъ постановленій, да и тѣ опредѣляли не общій порядокъ, а частные случаи, въ особенности, гдѣ дѣло касалось казеннаго интереса. Большая противъ прежняго сложность управленія, по-

требность контроля дѣлали необходимымъ большее и большее введеніе письменности въ дѣлопроизводство; но государство, дѣйствуя отрывочно и частными мѣрами, не сознавая еще общихъ административныхъ правилъ, не могло ввести систематическаго порядка и искать въ неизмѣнныхъ формахъ облегченія надзора и обезпеченія въ исполненіи законовъ.»

Досталось старой Московской администраціи. Здѣсь право не знаешь, чему дивиться; странность понятій автора о дѣлѣ крайне поразительна: авторъ или вовсе незнакомъ съ памятниками старинной Русской администраціи, или съ намѣреніемъ не находитъ въ нихъ того, что они въ себѣ заключаютъ. Онъ составилъ себѣ произвольную и странную идею государственнаго устройства; такъ, на примѣръ, онъ недоволенъ тѣмъ, что въ старой Московской администраціи все будто бы опредѣлялось обычаемъ и удобствомъ; стало быть, по мнѣнію автора, государственное устройство должно безпрестанно щекотать народное воображеніе новостію, придумывать постановленія, неудобо приложимыя къ жизни, и постоянно отмѣнять все то, къ чему въ порядкѣ администраціи народъ привыкъ и что находитъ для себя удобнымъ.

Но, конечно, вооружившись такъ горячо противъ старой Московской администраціи, авторъ не безъ доказательствъ оставилъ свои нападки? Какъ же? у него есть доказательства. Но замѣчательно, что доказательства, имъ выставленныя, прямо говорятъ противъ него. Такъ: онъ утверждаетъ, что не было общихъ письменныхъ формъ для бумагъ, а между тѣмъ самъ же говоритъ, что воеводамъ постоянно посылаются царскія грамоты, а къ губнымъ и земскимъ старостамъ и таможеннымъ головамъ иногда грамоты, а иногда памяти изъ приказовъ; слѣдовательно общая форма была, именно: къ воеводамъ посылались всегда грамоты, къ другимъ же должностнымъ лицамъ можно было посылать и грамоты, и памяти. Притомъ эта общая форма бумагъ была не на такомъ основаніи, на какое указываетъ авторъ. По его словамъ, грамоты посылались воеводамъ, какъ форма болѣе почетная, а въ содержаніи не было различія между грамотою и памятью; но въ настоящемъ

порядкѣ старой Московской администраціи, относительно посылки памятей или грамотъ, въ основаніи лежалъ не большій или меньшій почетъ тому лицу, кому посылалась бумага, а напротивъ: это зависѣло отъ того, откуда посылалась бумага, кто ее посылалъ. Ежели бумага посылалась отъ имени Государя, то она писалась въ формѣ грамоты, безъ различія лицъ, къ кому посылалась; ежели бумага шла отъ имени приказа, то писалась въ формѣ памяти, также безъ различія лицъ и мѣстъ, кому и куда посылалась, даже къ боярамъ и воеводамъ; такъ: въ 1617 году, изъ Рязряда была послана память къ боярину Князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому, бывшему тогда воеводою въ Калугѣ. (Книг. Разряд. по оффиц. сп. Т. I ст. 434). Воеводы къ подчиненнымъ лицамъ писали памяти, а къ равнымъ и высшимъ отписки, но грамотъ отъ воеводы никогда не писалось. Грамота, какъ форма для выраженія высшей власти, писалась только или отъ имени Государя, или отъ Епископа къ духовенству своей епархіи, или отъ Земскаго или отъ Церковнаго собора.

Далѣе, авторъ утверждаетъ, что въ дѣлопроизводствѣ не было закономъ установленнаго порядка; а въ доказательствахъ самъ же говоритъ: по предъявленіи грамоты, въ съѣзжей избѣ означались на ней въ низу годъ, мѣсяцъ и число полученія, а также имя подателя. Послѣ того, если грамота оставалась въ съѣзжей избѣ, она включалась въ столбецъ и сохранялась въ томъ столѣ, куда принадлежала по содержанію; слѣдовательно ясно, былъ въ дѣлопроизводствѣ закономъ установленный порядокъ, хотя конечно не совсѣмъ такой, какой представленъ авторомъ. Во 1-хъ, время полученія грамоты помѣчалось не внизу грамоты, а на оборотѣ сзади; должно быть г. Чичеринъ не замѣтилъ, что грамоты писались на одной сторонѣ листа; во 2-хъ, грамота подклеивалась, а не включалась въ столбецъ; въ 3-хъ, списокъ съ подлинной грамоты вносился въ переписную книгу государевыхъ грамотъ. Эта переписная книга, кажется, смутила г. Чичерина: онъ, видя въ Нижегородской сдаточной росписи 1663 года, что въ судномъ столѣ Нижегородской приказной избы не упоминается о государевыхъ

грамотахъ, подклеенныхъ въ столбъ, заключилъ, что въ подклейкѣ не соблюдалось строгаго порядка; но, къ крайнему его огорченію, въ этомъ дѣлѣ соблюдался строгій порядокъ; не замѣтилъ же этого порядка онъ потому, что не досмотрѣлъ, что въ сдаточной росписи не упомянуты столбцы судныхъ дѣлъ (а въ этихъ-то именно столбцахъ и подклеивались Государевы грамоты по суднымъ дѣламъ), а упомянута одна переписная книга грамотамъ о всякихъ дѣлахъ. Далѣе, еще авторъ пишетъ: «челобитныя подавались въ съѣзжую избу всегда за царское имя.» Слѣдовательно здѣсь опять являются общій порядокъ, общая форма, которыя такъ хочется опровергнуть автору. Или авторъ пишетъ: «по формѣ явка не отличалась отъ челобитной.» И тутъ же говоритъ: «въ началѣ писалось: «*бьетъ челомъ и являетъ*»; ясно, что явка по формѣ отличалась отъ челобитной: въ явкѣ всегда писалось: *являетъ*, а въ челобитной этого не было.»

Переходя собственно къ производству дѣла въ приказной избѣ, авторъ говоритъ:

«По полученіи бумага читалась воеводою съ товарищами, и тогда дѣло принимало различный оборотъ, смотря по тому, было ли оно исполнительное, или судебное. Впрочемъ собственнаго различія между тѣмъ и другимъ порядкомъ не было; законъ не опредѣлялъ дѣлопроизводства, а удобство и обычай рѣшали, какъ должно поступать въ томъ или другомъ случаѣ. Только порядокъ судопроизводства Московскихъ приказовъ опредѣленъ былъ въ Уложеніи, и служилъ образцемъ для областныхъ правителей.»

Здѣсь во первыхъ, ежели по словамъ самаго же автора порядокъ судопроизводства опредѣленъ былъ въ Уложеніи: слѣдовательно, по самому уже закону, порядокъ дѣлопроизводства судебнаго былъ отдѣленъ отъ порядка, соблюдавшагося въ дѣлопроизводствѣ несудебномъ. Потомъ особый порядокъ дѣлопроизводства былъ опредѣленъ Уложеніемъ въ дѣлахъ разбойныхъ и татиныхъ, для чего по Уложенію губнымъ старостамъ выдавалися особые наказы изъ разбойнаго приказа. Этотъ порядокъ дѣлопроизводства былъ подробно опредѣленъ уставомъ Царя Ивана Васильевича о разбойныхъ и татиныхъ дѣлахъ, и по-

томъ постепенно былъ дополняемъ при царяхъ Ѳедорѣ Ивановичѣ, Борисѣ Ѳедоровичѣ Годуновѣ, при царѣ Михалѣ Ѳедеровичѣ и въ новоуказныхъ статьяхъ сыскнаго приказа 1669 года. Далѣе, мы имѣемъ образецъ и того, какой порядокъ наблюдался въ дѣлопроизводствѣ исполнительномъ, именно: этотъ образецъ находится въ дѣлахъ о пожалованіи вотчинами за службу. Дѣла сіи начинались прошеніемъ въ Разрядъ; на прошеніи или, по тогдашнему выраженію, на челобитной на оборотѣ отмѣчалось дьякомъ «дѣло въ докладъ написать; потомъ дѣлалась докладная записка, или, по тогдашнему, выпись, въ которой сперва прописывалось содержаніе челобитной, потомъ документы, представленные челобитчикомъ, далѣе оффиціальныя справки по столамъ приказа или изъ другихъ приказовъ, подтверждающія документы, представленные челобитчикомъ, и наконецъ выписки изъ примѣрныхъ дѣлъ подобнаго содержанія. Докладную выпись справлялъ подьячій, а дьякъ послѣ доклада, на оборотѣ выписи, по склейкамъ писалъ рѣшеніе такимъ образомъ: «Такого-то года, мѣсяца и числа, такіе-то (кому представленъ былъ докладъ на-рѣшеніе), сей выписи слушавъ, велѣли сдѣлать то и то.» И по этому рѣшенію писалась по формѣ память въ помѣстный приказъ, и отпускъ съ сей памяти пoкдлеивался къ дѣлу. (Времен. N 4. стр. 9—21. отд. матер.). Такимъ образомъ въ порядкѣ дѣлопроизводствъ, суднаго, слѣдственнаго и исполнительнаго не было того смѣшенія и безразличія, о которыхъ толкуетъ, на перекоръ памятникамъ, г. Чичеринъ.

Говоря объ исходящихъ бумагахъ, г. Чичеринъ пишетъ:

«Памяти подчиненнымъ выдавались иногда за печатью воеводы, иногда также за приписью дьяка, или за справою подьячаго, который переписывалъ бумагу, или вмѣстѣ за приписью дьяка и за справою подьячаго; постояннаго правила не было.»

А на дѣлѣ было постоянное правило, по которому памяти посылались за воеводскою печатью и за приписью дьяка: ежели при воеводѣ былъ дьякъ, за справою подьячаго, а ежели при воеводѣ дьяка не было, а былъ подьячій съ приписью, то за печатью воеводы, за приписью подьячаго и справою другаго подьячаго; ежели при воеводѣ не было ни-

дьяка, ни подьячаго съ приписью, то памяти выдавались за воеводскою печатью и за справою подьячаго. Но никогда не выдавалось памятей за справою одного подьячаго безъ воеводской печати. Хотя г. Чичеринъ и ссылается на двѣ памяти, напечатанныя въ 3 томѣ Ак. Ар. Эк подъ N 90, и въ 4 т. тѣхъ же Ак. подъ N 70; но эта ссылка не оправдываетъ его показаній, ибо первая память, печатанная съ копіи, была выдана за печатью, за приписью дьяка и за справою подьячаго. Вотъ окончательныя слова копіи: «Къ сей памяти Государеву Цареву... печать царства Казанскаго приложилъ бояринъ и воевода князь Володимеръ Тимоѳеевичь Долгорукой, а назади пишетъ у подлинныя памяти... (далѣе пропускъ, обозначенный точками: ясно, что тутъ была припись дьяка). А справа подьячаго Ивана Воронина. А вторая память, также печатанная съ копіи, была выдана за печатью и за справою подьячаго, но вѣроятно была и припись дьяка, а въ копіи пропущена. Было еще правило въ приказахъ посылать памяти за приписью однихъ дьяковъ и справою подьячаго, когда памяти сіи посылались къ дьякамъ же другаго приказа, ежели требовалась изъ другаго приказа какая либо справка къ дѣлу.

Наконецъ, переходя къ срокамъ, г. Чичеринъ пишетъ: «Законной очереди дѣлъ не было, точно также, какъ не было и законныхъ сроковъ: реэстры для означенія хода и положенія дѣла, которое такимъ образомъ всегда находится на виду, были также неизвѣстны. Такимъ образомъ большее или меньшее продолженіе дѣла совершенно зависѣло отъ произвола воеводъ... Изъ росписи тюремныхъ сидѣльцевъ, сдѣланной при мнѣ Нижегородскаго воеводы въ 1663 году, видно, что нѣкоторые сидѣли по шести лѣтъ, другіе по девяти.»

Объ очереди въ производствѣ дѣлъ должно сказать, что она, по всему вѣроятію, была; доказательствомъ тому служатъ подписи дьяковъ на челобитныхъ, въ которыхъ отмѣчались годъ, мѣсяцъ и число подачи; ежели бы не было очереди, то не за чѣмъ было бы и отмѣчать времени подачи челобитной. Что же касается до сроковъ, то требованіе законныхъ сроковъ для окончанія дѣлъ свидѣтельствуетъ, что г. Чичеринъ никогда не служилъ въ судебныхъ мѣстахъ и зна-

етъ о ходѣ дѣлъ только по теоріи собственнаго изобрѣтенія. Реэстры же дѣламъ съ означеніемъ ихъ хода и положенія постоянно велись въ судныхъ столахъ приказовъ и приказныхъ избъ, и назывались, по тогдашнему выраженію, записными книгами вершенымъ и невершенымъ дѣламъ; о таковыхъ книгахъ упоминается и въ знакомой г. Чичерину пріемной росписи Нижегородскаго воеводы Салтыкова 1663 года. А что тюремные сидѣльцы по нѣскольку лѣтъ сидѣли въ тюрмахъ; то это еще не свидѣтельствуетъ о медленности дѣлопроизводства въ судебныхъ мѣстахъ, ибо по Уложенію много было случаевъ, когда преступники, и по рѣшеніи своего дѣла въ судѣ, по закону оставались въ тюрьмѣ по указу Государева; приводимыя же г. Чичеринымъ двѣ жалобы тюремныхъ сидѣльцевъ, о продолжительномъ заключеніи, скорѣе свидѣтельствуютъ о быстротѣ дѣлопроизводства: въ жалобахъ сихъ, напечатанныхъ въ юридическихъ актахъ подъ N 30., написано, что одна изъ нихъ подана 29 Марта 1680 года, а другая тогоже году въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, неизвѣстно, какого числа; арестанты же, подававшіе сіи жалобы, взяты были въ тюрму 18 Марта тогоже года, и первый жалобщикъ по наказаніи отпущенъ въ тотъ же день, въ который подалъ жалобу, а вторый наказанъ и освобожденъ 19 Апрѣля тогоже года. Кажется, здѣсь нельзя пожаловаться на медленность дѣлопроизводства. Такимъ образомъ даже тѣ свидѣтельства, на которыя ссылается г. Чичеринъ постоянно говорятъ противъ него, и прямо свидѣтельствуютъ о крайней его невнимательности даже къ тѣмъ памятникамъ, на которые самъ же ссылается.

За дѣлопроизводствомъ у автора слѣдуютъ отдѣлы объ отчетности воеводъ и разныхъ мѣрахъ, которыя принимало правительство для предупрежденія злоупотребленій со стороны воеводъ и для ограниченія ихъ отъ произвола самовластія; а въ слѣдъ за тѣмъ помѣщаетъ отдѣлъ о воеводскихъ злоупотребленіяхъ. Этотъ отдѣлъ, вовсе ненужный по ходу дѣла и нисколько не относящійся къ областнымъ учрежденіямъ Россіи въ XVII вѣкѣ, авторъ написалъ именно для того, чтобы доказать, какъ мѣры правительства были недостаточны

и какъ всюду царствовалъ безпорядокъ и произволъ областныхъ правителей. Авторъ съ особою энергіею принимается за этотъ отдѣлъ, начинаетъ его словами: «злоупотребленія были многочисленны и разнообразны», и насчитываетъ на первый разъ тринадцать случаевъ, гдѣ воеводы дѣлали разныя опущенія и незаконныя дѣйствія по службѣ. Потомъ продолжаетъ: «еще въ большей степени существовало грабительство и лихоимство», и представилъ 16 случаевъ, гдѣ воеводы потворствовали корчемству и контрабандѣ и отбирали будто бы у ясачныхъ людей лучшіе мѣха, а въ казну отдавали дурные. Далѣе авторъ говоритъ: «съ жителей управляемаго уѣзда воеводы, въ противность указамъ, брали кормы, посулы и поминки», и представилъ 8 случаевъ. Еще присоединяетъ: «Когда воеводы не могли взять денегъ прижимками, они употребляли насиліе; жалобы на насилія были очень обыкновенны» и представилъ ровно двѣ жалобы. Наконецъ авторъ говоритъ: «вообще злоупотребленія были чрезвычайно велики и существовали повсюду... особенно велики были злоупотребленія въ Сибири, гдѣ дальность разстоянія и трудность сообщеній давали болѣе простора произволу и самовластію» и представилъ три замѣчательные примѣра злоупотребленій Сибирскихъ воеводъ, Енисейскаго Василья Голохвастова, Якутскаго Петра Головина, и также Якутскаго Василія Пушкина. И такъ почти на двѣсти городовъ, куда посылались воеводы, и на сто лѣтъ, къ которымъ относятся воеводскія злоупотребленія, авторъ насчиталъ сорокъ два случая. Положимъ, ихъ было втрое больше, т. е. 126 случаевъ; пусть даже будетъ ихъ 478 случаевъ; но что жъ изъ этого? Неужели вмѣстѣ съ авторомъ должно сказать, что злоупотребленія были чрезвычайно велики и существовали повсюду, и что мѣры правительства были недостаточны для введенія порядка для сокращенія произвола и самовластія областныхъ правителей?

Отъ злоупотребленій авторъ переходитъ къ отвѣтственности воеводъ и говоритъ:

«Воеводы подлежали отвѣтственности за всякій убытокъ, причиненный царской казнѣ, какая бы ни была причина... Казна требовала денегъ и не разбирала, по своей ли винѣ воевода не могъ со-

брать ихъ, или нѣтъ; по этому въ указѣ о сборѣ денегъ обыкновенно говорилось, что воевода подвергается взысканію денегъ, или будетъ наказанъ, если не вышлетъ ихъ въ срокъ. Это была система личной отвѣтственности, о которой было говорено уже не разъ. Такая система можетъ существовать разумнымъ образомъ только тамъ, гдѣ подать падаетъ на извѣстное имущество, которое всегда бываетъ достаточно для уплаты, и гдѣ по этому не можетъ быть недоимокъ. Но то, что въ развитыхъ государствахъ проистекаетъ изъ совершенно правильнаго устройства финансовой системы, то въ Московскомъ государствѣ происходило напротивъ отъ ея запутанности.»

Бѣдное старое Московское государство! Г. Чичеринъ преслѣдуетъ тебя на каждомъ шагу, и всѣ твои учрежденія старается перетолковать въ худую сторону; мало этого, онъ готовъ отыскивать въ твоихъ учрежденіяхъ и то, чего въ нихъ не было. Такъ, онъ говоритъ: «казна требовала денегъ и не разбирала, по своей ли винѣ воевода не могъ собрать ихъ, или нѣтъ». Но таковаго безотчетнаго требованія казны нѣтъ ни въ одномъ наказѣ, даже изъ тѣхъ, на которые ссылается авторъ; хотя требованія казны были строги, но не безотчетны. Такъ, на примѣръ, въ грамотѣ 1623 года въ Пермь великую (на эту грамоту ссылается г. Чичеринъ) хотя и написано воеводѣ и подьячему: «По нашему указу... велятъ тѣ деньги, чего не доберете и по нынѣшнему пути къ намъ, къ Москвѣ, не пришлете, доправити на васъ, мимо сошныхъ людей, да вамъ же быти въ наказаньѣ.» Но здѣсь никакъ нельзя сказать, чтобы казна требовала денегъ, не разбирая, можно ли ихъ собрать; а напротивъ, она потому такъ строго и требовала, что хорошо знала о возможности собрать деньги сполна и въ срокъ; ибо изъ грамоты видно, что сборъ требовался по новой разкладкѣ, именно по той, которой желали жители Перми; слѣдовательно недоборъ казенныхъ денегъ здѣсь могъ произойти не отъ невозможности собрать, а отъ оплошности и нерадѣнія воеводы и подьячаго; почему грамота въ случаѣ недобора и грозитъ доправить на нихъ мимо сошныхъ людей. Далѣе авторъ говоритъ: «Московское государство не имѣло средствъ знать имущество отдѣльныхъ лицъ..... и никогда не могло знать,

дѣйствительно ли невозможно собрать подати, или воевода не сбираетъ по своей винѣ; ему нужны были деньги, и оно требовало ихъ, во что бы ни стало». Но такихъ слѣпыхъ требованій, во что бы ни стало, нѣтъ ни въ одномъ памятникѣ старой Московской администраціи. Въ наказахъ воеводамъ обыкновенно писалось: «Всякіе денежные окладные и неокладные доходы или хлѣбные запасы сбирати по Государеву указу, и по Государевымъ грамотамъ, которыя учнутъ приходитъ за дьячими приписьми, и по платежнымъ описямъ и по книгамъ, примѣряясь къ прежнимъ сборомъ». (Доп. къ Ак. Истор. Т. III. NN. 18, 19, 20). Московское Правительство хорошо знало имущество отдѣльныхъ лицъ, у него были писцовыя и переписныя книги, въ которыхъ означалось, за кѣмъ сколько земли пахатной, сѣнокосной и лѣсной, и кто какими владѣетъ угодьями; мало этого, въ окладныхъ книгахъ прописывалось, за кѣмъ какой промыселъ, сколько въ дворѣ тяглыхъ людей и сколько нетяглыхъ или захребетниковъ, даже сколько у кого скота мелкаго и круппаго. Г. Чичеринъ говоритъ:

«Хотя и были писцовыя книги, но при большомъ количествѣ земель и при народонаселеніи, сохранившемъ свою подвижность, не смотря на прикрѣпленіе, многіе земельные участки безпрестанно оставлялись впустѣ, покинутые крестьянами и посадскими людьми, которые уходили на другія мѣста. По этому опись земель была нужна правительству только для общаго обложенія: отвѣтственность же всегда падала на лица, и взысканіе производилось не продажею имущества, а правежемъ.»

Но во 1-хъ большое количество земель не мѣшало знать правительству, которыя земли обработываются и которыя пустуютъ: и въ писцовыхъ книгахъ всегда отмѣчалось, которыя земли въ живущемъ (обработываются), и которыя въ пустѣ; подати разкладывались только на земли, находящіяся въ живущемъ, т. е., приносящія доходъ. Во 2-хъ, ежели писцовыя книги по какимъ либо обстоятельствамъ, по опустошенію ли, произведенному войною, моромъ, голодомъ, или по бѣгству крестьянъ, не выражали наличнаго состоянія поземельныхъ владѣній, то, по просьбѣ владѣль-

цевъ, дѣлались дозорныя книги, въ которыхъ опустѣвшія послѣ писцовыхъ книгъ земли выключались изъ податнаго оклада. Въ 3-хъ старый порядокъ—производить взысканіе не продажею имуществъ, а правежемъ, нисколько не доказываетъ, что отвѣтственность въ платежѣ податей падала на лица, а не на имущества. Правительство употребляло правежъ для того, чтобы не разорять въ конецъ неисправнаго плательщика насильственной продажею послѣдняго его имущества; оно хотѣло посредствомъ правежа принудить его, чтобы онъ самъ пріискалъ средства къ уплатѣ лежащей на немъ недоимки. Оно хорошо и глубоко понимало, что, разъ распродавши послѣднее имущество плательщика, можно сдѣлать его навсегда нищимъ и со всѣмъ семействомъ, и такимъ образомъ съ одной стороны потерять для казны полезнаго тяглеца, а съ другой стороны навязать обществу подъ часъ цѣлую семью нищихъ; употребленіемъ же правежа противъ неисправнаго не разорялась насильственно цѣлая семья, а терпѣлъ только неисправный плательщикъ, который чрезъ это впередъ могъ сдѣлаться болѣе исправнымъ, и тѣмъ скорѣе, что имущество его не подвергалось насильственной распродажѣ.

За воеводами у г. Чичерина слѣдуютъ должностныя лица, подчиненныя воеводамъ. Къ этому отдѣлу онъ написалъ слѣдующее введеніе:

«Должности, которыя находились въ зависимости отъ воеводъ, раздѣлялись на приказныя и выборныя. Это различіе основано было на различіи сословій и ихъ служебныхъ обязанностей. Средневѣковыя сословія, основанныя на частномъ правѣ, не составляли союзовъ, которыхъ члены имѣли одинакія права; союзный духъ не былъ въ характерѣ Русскаго народа, и вмѣсто правъ, принадлежащихъ цѣлому разряду лицъ, исторически выработались права, принадлежавшія каждому отдѣльному лицу въ его родственной сферѣ. Единство придали сословіямъ Московскіе Государи, наложивши на нихъ обязанности въ пользу государства. Въ этомъ отношеніи служилое сословіе рѣзко отдѣлилось отъ прочихъ: каждый членъ его обязанъ былъ всю жизнь свою служить отечеству и всегда долженъ находиться въ готовности идти на службу по первому востребованію; за это онъ получалъ отъ царя денежное и хлѣбное жалованье и помѣстья.»

Здѣсь во 1-хъ авторъ противорѣчитъ исторіи, утверждая, что раздѣленіе должностей на приказныя и выборныя было основано на различіи сословій и ихъ служебныхъ обязанностей; на дѣлѣ сословія на Руси нисколько не мѣшали назначенію въ выборныя или приказныя должности. Такъ, дворяне и боярскіе дѣти, составляющіе служилое сословіе, занимали одинаково должности и по выборамъ, на пр. губныхъ старостъ и излюбленныхъ судей, и по приказу, на пр. должности воеводъ и приказныхъ людей; точно также гости и вообще купцы, принадлежащіе къ тяглымъ, а не служилымъ людямъ, занимали должности, и по приказу (на примѣръ, они по Государеву указу иногда вмѣстѣ съ служилыми людьми были начальниками воинскихъ отрядовъ) (*), и по выборамъ (на пр. должности таможенныхъ головъ и пр.). Во 2-хъ авторъ, должно быть, не читалъ ни Русскихъ лѣтописей, ни старыхъ Русскихъ законовъ, когда говоритъ, что союзный духъ не былъ въ характерѣ Русскаго народа, что въ древней Россіи не было сословій, члены которыхъ имѣли бы одинакія права. Ибо лѣтописи, еще въ X вѣкѣ упоминаютъ о боярахъ, духовныхъ, купцахъ и поселянахъ, какъ объ отдѣльныхъ сословіяхъ, а Русская Правда говоритъ и о нѣкоторыхъ правахъ, которыя принадлежали тому или другому сословію; тоже подтверждаютъ разныя договорныя, уставныя, судныя и другія грамоты XIII, XIV и XV столѣтій. Кромѣ того, Русская Правда въ своихъ извѣстіяхъ о вирѣ, Всеволодова грамота въ извѣстіи объ Ивановской, Побережанской и другихъ купеческихъ общинахъ, и лѣтописи въ извѣстіяхъ о купцахъ Гречникахъ, залозникахъ и Сурожанахъ ясно свидѣтельствуютъ о сильно развитомъ духѣ союзничества въ Русскомъ народѣ. Въ 3-хъ каждый, знающій Русскую исторію, удивится, какимъ образомъ авторъ рѣшился сказать, что служилое сословіе рѣзко отдѣлилось отъ прочихъ только при Московскихъ Государяхъ; тогда какъ всѣ лѣтописи и оффиціальные памятники еще съ X вѣка постоянно и рѣзко отличаютъ служилыхъ людей, называвшихся прежде дру-

(*) Разряд. Т. 1. стр. 508.

жилиниками, отъ неслужилыхъ людей или земцевъ, и отличаютъ не только по названію, но по правамъ, обязанностямъ и общественному значенію. Утверждать, что служилое сословіе отдѣлено отъ неслужилаго только Московскими Государями, значитъ не знать даже первой статьи Русской Правды, въ которой за служилаго человѣка, за княжаго мужа, положено виры 80 гривенъ, а за неслужилаго, за людина 40 гривенъ. Служилые люди и въ XI, и въ XII, и въ XIII столѣтіяхъ точно также жили княжимъ жалованьемъ, помѣстьями и доходами отъ поручаемыхъ имъ должностей, какъ жили тѣмъ же въ XIV, XV, XVI и XVII столѣтіяхъ. Въ 4-хъ авторъ очевидно самъ сознаетъ неосновательность своего перваго положенія о различіи должностей приказныхъ и выборныхъ, ибо далѣе говоритъ: «Ежели каждый изъ служилыхъ людей обязанъ былъ всегда нести службу, то опредѣленіе къ должности зависѣло отъ усмотрѣнія правительства, почему служба служилыхъ людей преимущественно была приказная». Здѣсь авторъ уже отрекается отъ своихъ словъ, что будто бы различіе должностей приказныхъ и выборныхъ основывалось на различіи сословія, и служилое сословіе теперь у него не исключается изъ выборныхъ должностей, и только преимущественно назначается въ приказныя должности.

Далѣе, обращаясь къ сословіямъ торговому и крестьянскому, авторъ противополагаетъ ихъ служилому сословію и говоритъ: «сословія сіи были тяглыя, обязанныя не только службою, но и въ особенности податьми и повинностями». Здѣсь авторъ о древнемъ порядкѣ судитъ по позднѣйшему порядку, и совершенно опускаетъ изъ вида, что въ старой Московской администраціи, подати лежали не на лицахъ, а на имуществѣ, приносящемъ доходъ, и что подати въ старину сбирались со всѣхъ сохъ безъ омѣны, чьи ни буди, и съ митрополичихъ, и съ владычнихъ, и съ монастырскихъ, и съ помѣщичьихъ, и съ вотчинничьихъ, и съ дворцовыхъ и съ черныхъ, и самыя повинности раскладывались по сохамъ и назывались вообще посохою. Продолжая развивать свою мысль, авторъ пишетъ: «служба неслужилыхъ людей составляла только часть ихъ обязан-

ностей, вслѣдствіе чего они не несли ее постоянно, а отправляли ее по очереди.» По очередь наблюдалась и между служилыми людьми; сіи не постоянно были на службѣ, а чередовались между собою, и одни оставались въ своихъ имѣніяхъ, а другіе отправлялись на службу. По словамъ автора: «Рѣшеніе вопроса, кто долженъ былъ служить, и кто оставаться свободнымъ отъ службы, предоставлено было самимъ неслужилымъ людямъ, въ слѣдствіе чего служба ихъ была выборная». Но на дѣлѣ это совсѣмъ не такъ; авторъ здѣсь смѣшалъ два совершенно разныя понятія, очередь и выборъ; очередь есть обязанность—повинность, выборъ же право—привилегія. Очередь, какъ показано выше, можетъ быть и въ приказной, и въ выборной службѣ; выборъ же общины принадлежитъ только выборной службѣ, а отнюдь не приказной, гдѣ община не имѣетъ участія. Такимъ образомъ авторъ напрасно думаетъ, что различіе выборной службы отъ приказной основывалось не на правахъ выбирающихъ лицъ, а на различіи служебныхъ обязанностей сословій. Ежели бы выборъ и очередь были одно и тоже, и ежели бы выборная служба основывалась на служебныхъ обязанностяхъ сословій, то очевидно каждый посадскій человѣкъ и каждый крестьянинъ по очереди были бы выборными старостами въ городѣ или уѣздѣ; но на дѣлѣ этого не было, слѣдовательно выборъ и очередь не одно и тоже: выборная служба имѣла своимъ основаніемъ право избирателей, а не служебныя обязанности сословія.

За введеніемъ у автора слѣдуетъ изчисленіе приказныхъ должностныхъ лицъ, подчиненныхъ воеводѣ; лица сіи, по изчисленію г. Чичерина, были: письменные головы, городовые прикащики и городничіе, осадные головы, засѣчные головы и прикащики, стрѣлецкіе и пушкарскіе и козачьи головы, житничіи головы, ямскіе прикащики, становые прикащики, слободчики, осторожные прикащики, и прикащики при соляныхъ озерахъ. О всѣхъ сихъ должностяхъ авторъ собралъ довольно извѣстій изъ разныхъ грамотъ, но не опредѣлилъ надлежащимъ образомъ ни одной должности.

Послѣ изчисленія приказныхъ должностныхъ лицъ, под-

чиненныхъ воеводамъ, авторъ дѣлаетъ свое заключеніе, въ которомъ говоритъ:

«Большая часть исчисленныхъ должностей были только временными порученіями, которыя давались по усмотрѣнію тѣмъ или другимъ лицамъ; другія должности, будучи постоянными, были только мѣстными учрежденіями, установленными безъ всякаго систематическаго порядка и безъ всякаго соображенія съ цѣлымъ».

Вотъ такъ подлинно мудреное разсужденіе! Старая Московская администрація виновата у автора и въ томъ, что давала временныя порученія чиновникамъ, когда самый предметъ порученія являлся временно, и въ томъ, что нѣкоторыя постоянныя должности были только мѣстными учрежденіями. Авторъ, строгій любитель систематическаго порядка, именно только для соблюденія этого порядка желаетъ, чтобы и порученія, вызываемыя временною потребностію, обращались въ постоянныя должности, хотя бы въ нихъ, по минованіи временной потребности, не было никакой нужды; ему такъ же хочется, во что бы ни стало, всѣ мѣстныя должности обратить въ общія, хотя бы въ нихъ въ другихъ мѣстахъ вовсе не было надобности. На примѣръ, ежели въ Астрахани нужны были прикащики при тамошнихъ соляныхъ озерахъ, то слѣдовательно, по системѣ автора, должно учредить такихъ же прикащиковъ и въ Москвѣ, и во Владимірѣ, и въ другихъ городахъ, хотя тамъ и нѣтъ соляныхъ озеръ; въ противномъ случаѣ нарушится систематическій порядокъ въ цѣломъ, въ одномъ мѣстѣ будутъ прикащики при соляныхъ озерахъ, а въ другомъ ихъ не будетъ.

Далѣе авторъ обвиняетъ Московскую старую администрацію въ томъ, что въ ней «съ одной стороны, одно и тоже дѣло находилось въ вѣдомствѣ разныхъ лицъ, съ другой стороны самыя разнородныя дѣла соединялись въ однѣхъ рукахъ. Не было понятія о систематическомъ раздѣленіи должностей по поручаемымъ дѣламъ.»

«На примѣръ, выше пишетъ авторъ, въ 1623 году Астраханскіе воеводы велѣли двумъ дѣтямъ боярскимъ быть на рыбныхъ исадахъ и смотрѣть за тѣмъ, чтобы рыболовы не продавали рыбы перекупщикамъ, а продавали ее потребителямъ; они же должны были взи-

мать пошлину съ рыбы. Кромѣ того, имъ поручено было смотрѣть, чтобы Русскіе торговали мирно съ Татарами, пріѣзжающими для продажи дынь и арбузовъ, не дѣлали бы имъ насилій и не перекупали фруктовъ, также, чтобы никто не уѣзжалъ безъ проѣзжихъ грамотъ и подписныхъ челобитныхъ, чтобы Татары не переѣзжали за Волгу на Крымскую сторону для добычи, чтобы никто не держалъ судовъ безъ стражи и никому не давалъ ихъ безъ памятей и безъ приставовъ; однимъ словомъ, одному и тому же лицу поручались самыя разнородныя дѣла.»

Подлинно страшную бѣду сдѣлали Астраханскіе воеводы, поручивши двумъ дѣтямъ боярскимъ столько разнородныхъ дѣлъ; по системѣ автора, это должно было сдѣлать иначе, нужно было вмѣсто двухъ надсмотрщиковъ поставить двѣнадцать, т. е. двухъ для надзора за рыбною торговлею, двухъ для сбора пошлины съ рыбы, двухъ при продажѣ дынь и арбузовъ Татарами, двухъ для надзора, чтобы никто не уѣзжалъ безъ проѣзжихъ грамотъ, двухъ, чтобы Татары не переѣзжали за Волгу, и двухъ наконецъ, чтобы никто не держалъ судовъ безъ стражи. Очень жаль, что Астраханскіе воеводы не послѣдовали мудрому ученію автора: они страшно нарушили систематическій порядокъ и опустили удобный случай даромъ давать казенное жалованье двѣнадцати чиновникамъ за такое дѣло, которое легко могли сдѣлать два чиновника.

Но пора намъ обратиться къ выборнымъ службамъ; авторъ пишетъ объ нихъ: «Тоже самое (т. е. безпорядокъ) было и въ выборныхъ или вѣрныхъ должностяхъ: служба выборныхъ людей была очередная, почему и должности имъ поручались временныя, а если дѣло требовало постояннаго исправленія, то должностныя лица мѣнялись ежегодно.» Здѣсь очевидно авторъ смѣшалъ выборную службу съ очередною; но выше было уже показано, что выборъ и очередь нельзя принимать за одно и тоже; слѣдовательно нельзя и смѣшивать службъ, основанныхъ на сихъ двухъ различныхъ началахъ. А посему весь трактатъ автора о выборныхъ или, по его словамъ, вѣрныхъ должностяхъ представляетъ большую путаницу и отсутствіе всякой системы и порядка. Авторъ, не понимая началъ,

которыхъ держалась старая Московская администрація, придумываетъ свои начала и ужасно сердится, ежели распоряженія старой Московской администраціи не подчиняются началамъ его издѣлія. Такъ, онъ придумалъ правило: «что у крестьянъ, со времени прикрѣпленія ихъ къ землѣ, настоящею ихъ службою сдѣлались обязанности въ отношеніи къ владѣльцамъ,» что будто бы «это было наложенное на нихъ государствомъ тягло, равное службѣ служилыхъ и посадскихъ людей»; видя же, что Московская администрація не слѣдовала придуманному имъ правилу, онъ говоритъ: «но Московское государство не имѣло объ этомъ различіи яснаго сознанія; различныя сословныя начала существовали, но смѣшивались вмѣстѣ, и владѣльческіе крестьяне несли выборныя службы, равно какъ и тѣ служилые люди, которые занимались торговлею.» Но на самомъ дѣлѣ правила, придуманнаго г. Чичеринымъ, никогда не существовало въ старой Московской администраціи, и обязанности крестьянъ къ землевладѣльцамъ никогда не признавались ни государственною службою, ни тягломъ. Это чистый вымыселъ г. Чичерина, не поддерживаемый ни однимъ фактомъ Русской исторіи. До прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ и послѣ прикрѣпленія, крестьяне, живущіе на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, по одинакимъ писцовымъ и переписнымъ книгамъ, тянули тягло и служили службу государству, какъ и крестьяне, живущіе на государственныхъ земляхъ; вся разница заключалась въ различіи сохъ: сохи помѣстныя и вотчинныя были крупнѣе, а церковныя и черныя мельче, а по этому тягло и служба на помѣстныхъ и вотчинныхъ крестьянахъ были легче, а на церковныхъ и черныхъ тяжелѣе. Также и до прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, и послѣ прикрѣпленія, тягло и служба крестьянъ были легче, нежели посадскихъ или городскихъ жителей; отъ этого не рѣдко бѣдняки изъ посадскихъ людей записывались въ крестьянство. И странное дѣло, какимъ образомъ могла запасть въ голову автора мысль, что, съ прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ, обязанности крестьянъ къ владѣльцамъ сдѣлались ихъ службою, государственнымъ тягломъ, когда въ сущности, съ при-

крѣпленіемъ къ землѣ, за крестьянами остались тѣже обязанности и въ отношеніи къ землевладѣльцамъ, и въ отношеніи къ государству, какія были и до прикрѣпленія къ землѣ. Государство для того только прикрѣпило крестьянъ къ землѣ, чтобы тягло и служба государству были опредѣленны и постоянны и не терпѣли отъ произвольнаго перехода крестьянъ. Слѣдовательно въ прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ нисколько нельзя видѣть начала, по которому крестьяне, живущіе на владѣльческихъ земляхъ, должны были бы считаться свободными отъ тягла и отъ выборныхъ и очередныхъ службъ государству. Г. Чичеринъ можетъ придумывать начала, какія ему угодно; но онѣ не принадлежатъ къ Русской исторіи. И такимъ образомъ все изслѣдованіе г. Чичерина, какъ основанное на началахъ, не существовавшихъ въ старой Московской администраціи, вездѣ идетъ въ разладъ съ старымъ государственнымъ порядкомъ и устройствомъ въ Московскихъ владѣніяхъ. Онъ ищетъ въ старомъ устройствѣ того, чего не должно въ немъ искать, и не видитъ того, что въ немъ должно видѣть и чего должно требовать. А въ слѣдствіе таковаго неправильнаго воззрѣнія на предметъ, ему вездѣ представляются небывалые безпорядки.

Послѣ общихъ разсужденій о выборной службѣ, авторъ переходитъ къ выборамъ таможенныхъ и кабацкихъ головъ и цѣловальниковъ, и между прочимъ говоритъ:

«Обязанность выбирать головъ и цѣловальниковъ имѣли обыкновенно не всѣ жители, а только лучшіе люди, т. е. самые богатые, потому что бѣдные не могли нести службы. По этому и выбирать предписывалось лучшихъ людей, добрыхъ, не воровъ и не бражниковъ, которые были бы душею прямы.... Впрочемъ въ низшія должности выбирались такъ же средніе и худшіе люди. Послѣдніе въ этомъ случаѣ становились и избирателями на ряду съ другими; но случалось, что зажиточные люди назначали ихъ сами собой, безъ ихъ вѣдома.»

Но во первыхъ авторъ противорѣчитъ памятникамъ, утверждая, что избирателями были только одни лучшіе люди, т. е. самые богатые; памятники говорятъ, что избирателями были всѣ люди посадскіе или уѣздные; такъ, на

примѣръ, въ памяти 1649 года въ Тихвинскій монастырь написано: «И велѣно сказать Новгородскимъ гостемъ и земскимъ старостамъ, *и всѣмъ посадскимъ людемъ,* чтобы выбирати къ кабацкому сбору въ рядовые цѣловальники самыхъ добрыхъ прожиточныхъ людей;» или въ наказѣ Нижегородскому воеводѣ 1663 года прямо говорится: «къ таможенному сбору и въ иныя государевы службы Нижегородцомъ, земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ, и *всѣмъ посадскимъ людемъ,* выбрати въ головы и цѣловальники Нижегородцовъ посадскихъ самыхъ лучшихъ людей.» Во 2-хъ напрасно авторъ говоритъ, что зажиточные люди назначали цѣловальниковъ безъ вѣдома среднихъ и худшихъ людей; это было злоупотребленіе, и объ немъ не слѣдуетъ говорить, какъ о правилѣ; злоупотребленія всегда остаются злоупотребленіями, случайностями, и законъ всегда ихъ преслѣдуетъ, и въ приведенномъ у автора примѣрѣ средніе и мелкіе граждане Пскова въ 1665 году прямо жалуются на сильныхъ людей, что они въ выборахъ поступаютъ по недружбамъ, одни собрався, а на многихъ, государь, на насъ сиротъ твоихъ градскихъ выборахъ мірскихъ среднихъ и мелкихъ людей за руками нѣту.»

Потомъ авторъ обращается къ указу 1681 года, по которому велѣно было въ Москвѣ выбирать головъ и цѣловальниковъ гостямъ, не обращая вниманія на служебныя очереди.... Гостямъ же и торговымъ сотнямъ предписано выбрать таможенныхъ и кабацкихъ головъ и въ другихъ городахъ, если они кого знаютъ. Сдѣлавши извлеченіе изъ этого указа, онъ говоритъ:

«Этотъ указъ лучше всего характеризуетъ выборную службу Московскаго государства: о правѣ выбора нѣтъ и рѣчи; существуетъ только обязанность, и правительство можетъ предоставить назначеніе совершенно другимъ лицамъ, если находитъ это болѣе удобнымъ.... Но выбирать по прежнему предписывалось лучшихъ людей, что было чрезвычайно неопредѣленно, ибо служебныя обязанности оставлялись безъ всякихъ законныхъ правилъ, и въ настоящемъ случаѣ нарушались даже существующія правила очередей.... Богатство должно было опредѣлять и служебныя очереди, а правительство не имѣло средствъ опредѣлить имущество торговыхъ людей.... Сознаніе тамо-

кратическаго начала, цензъ, предполагаетъ уже довольно развитыя юридическія понятія и общія соображенія; въ Московскомъ же государствѣ всего этого не было, но какъ въ управленіи, такъ и въ установленіи служебныхъ обязанностей, все опредѣлялось частнымъ удобствомъ.»

Досталось же здѣсь старой Московской администраціи изъ за-указа 1681 года; но только на самомъ дѣлѣ, этотъ указъ нисколько не характеризуетъ выборной службы Московскаго государства; ибо онъ былъ только временною мѣрою для приведенія въ порядокъ таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ; въ указѣ прямо сказано: «а хотя въ тое службу выбранъ будетъ кто и не по очереди, и имъ та служба зачтена будетъ впредь въ очередную службу.» Слѣдовательно симъ указомъ очередныя правила не разрушались, не отмѣнялись, а только допускалось временное уклоненіе отъ сихъ правилъ, съ обѣщаніемъ зачесть настоящую службу въ очередь въ послѣдствіи. Тоже должно сказать и о мѣрѣ, по которой правительство желало, чтобы гости и торговые люди гостиной и суконной сотенъ выбрали таможенныхъ и кабацкихъ головъ и въ другихъ городахъ; эта мѣра также была временная, и даже не была приведена въ исполненіе, ибо гости и торговые люди гостиной и суконной сотенъ отозвались незнаніемъ, кого выбирать въ другихъ городахъ. Слѣдовательно, основываясь на указѣ 1681 года, никакъ нельзя утверждать, что въ старомъ Московскомъ государствѣ не было и рѣчи о выборѣ, какъ того хочется автору. Еще менѣе можно сказать, что будто бы въ старомъ Московскомъ государствѣ правительство не имѣло средствъ опредѣлить имущество торговыхъ людей, и что будто бы выборъ лучшихъ людей былъ чрезвычайно неопредѣленъ. Напротивъ того, правительство въ старомъ Московскомъ государствѣ имѣло самую вѣрную мѣру имущества, какъ торговыхъ людей, такъ и вообще всѣхъ податныхъ классовъ, въ переписныхъ и окладныхъ книгахъ, гдѣ ясно отдѣлялись лучшіе люди отъ середнихъ и молодшихъ, и гдѣ раскладка податей и повинностей опредѣлялась именно по животамъ и промысламъ, о чемъ говоритъ и самъ авторъ; а извѣстно, что

это самый лучшій и вѣрный цензъ, ибо участники въ податяхъ и повинностяхъ знаютъ состояніе одинъ другаго гораздо лучше всякихъ чиновниковъ ценза, и изъ собственной пользы не дозволятъ богатому назваться бѣднымъ. Это сознаютъ и нынѣшніе кадастраторы; они, при уравненіи казенныхъ податей и сборовъ, прямо обращаются къ самимъ крестьянамъ и утверждаютъ ихъ раскладку податныхъ долей.

За таможенными и кабацкими головами и цѣловальниками слѣдуютъ у автора губные старосты и цѣловальники. Этотъ отдѣлъ онъ начинаетъ такъ: «таможенные и кабацкіе головы и цѣловальники, равно какъ и прочіе цѣловальники, были вѣрные сборщики и служители, избранные, по служебной обязанности низшихъ сословій, для управленія казенными дѣлами, напротивъ того, губные старосты и цѣловальники были земскою властію.» Слова нѣтъ, что губные старосты и цѣловальники были земскою властію, но какимъ образомъ таможенные и кабацкіе головы будто-бы были только вѣрными сборщиками и служителями? Это рѣшительно не имѣетъ никакого основанія. Самъ же авторъ, разсматривая вѣдомство таможенныхъ головъ, говоритъ: «учрежденіе заставъ и установленіе новыхъ сборовъ по торжкамъ и ярмаркамъ иногда предоставлялись усмотрѣнію таможенныхъ головъ, а въ 1638 году, въ Двинской области, велѣно было таможеннымъ головамъ вѣдать все купечество, ихъ проѣзды, суды и товары, а воеводамъ въ эти дѣла не вступаться. Въ 1623 году имъ поручено было завѣдывать денежнымъ, нѣмецкимъ и гостинымъ дворами. Въ Двинской области они постоянно завѣдывали ямскими отпусками и расходами и надзирали за выборомъ старостъ и цѣловальниковъ. Слѣдовательно, по собственнымъ словамъ автора, подтверждаемымъ памятниками, таможенные и кабацкіе головы далеко не были только вѣрными сборщиками и служителями, а имѣли и свою долю земской власти, какъ выборные люди.

Но обратимся къ губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ. Авторъ приписываетъ Царю Ивану Васильевичу учрежденіе губныхъ старостъ, это вполнѣ справедливо и подтверждается памятниками; но несправедливо и несогласно съ на-

мятниками то, что авторъ утверждаетъ: будто государство во время Царя Ивана Васильевича, по недостатку собственныхъ средствъ, при маломъ развитіи государственнаго организма, прибѣгло къ губнымъ старостамъ, и возложило губное управленіе на общины, и что только съ этого времени устроены были губныя повинности. Ибо во 1-хъ, ежели бы государство прибѣгло къ губнымъ старостамъ, по недостатку собственныхъ средствъ, то оно назначило бы губныхъ старостъ по всѣмъ городамъ, но этого на дѣлѣ не было; во 2-хъ губныя повинности лежали на общинахъ еще по Русской Правдѣ, по которой община, вервь, обязана была отыскивать душегубца и платить дикую виру, и это продолжалось даже въ XV и XVI столѣтіяхъ, что доказывается нѣкоторыми правыми грамотами, изъ которыхъ видно, что общины, волости платили головщину или виру, въ случаѣ, ежели на волостной землѣ будетъ найденъ убитый, а душегубца на лице не будетъ; слѣдовательно приписывать Царю Ивану Васильевичу наложеніе на общины губныхъ повинностей значитъ противорѣчить прямымъ свидѣтельствамъ памятниковъ, не замѣчать той послѣдовательности, которая соблюдалась въ общественномъ устройствѣ на Руси, и не видѣть, какимъ образомъ изъ вирнаго устройства образовалось устройство губное.

Говоря о выборахъ въ губные старосты, авторъ пишетъ:

«Срокъ, на который выбирались губные старосты, не былъ опредѣленъ. Нѣкоторые занимали должность въ продолженіи одиннадцати лѣтъ и тринадцати, не смотря даже на жалобы жителей, тогда какъ другіе оставались не болѣе трехъ или четырехъ лѣтъ... Эта неопредѣленность срока указываетъ на преобладаніе правительственнаго начала въ губномъ управленіи: смѣна старосты зависѣла не отъ земскихъ людей, а отъ правительства, и безсрочные выборы не позволяли земскимъ людямъ лишить своего довѣрія того, кто разъ употребилъ его во зло».

Дѣйствительно во всѣхъ дошедшихъ до насъ памятникахъ нѣтъ указанія, чтобы губные старосты выбирались на опредѣленный срокъ, по всему вѣроятію служба сія была безсрочная; но отсюда еще нельзя заключать о преобладаніи правительственнаго начала въ губномъ управленіи.

у насъ воеводы назначались на срокъ, на годъ, но развѣ отъ этого въ нихъ былъ недостатокъ правительственнаго начала? Срочность и безсрочность службы здѣсь ничего не доказываетъ; избиратели, т. е., земскіе люди, могли лишить своего довѣрія и безсрочнаго губнаго старосту, и выбрать новаго, что дѣйствительно и бывало; такъ на примѣръ: въ 1644 году Дмитровцы били челомъ Государю, чтобы выбраннаго ими, за два года до того, губнаго старосту Втораго Шестакова смѣнить и назначить въ Дмитровъ вновь выбраннаго Димитрія Ртищева, и Государь исполнилъ по ихъ челобитью: послалъ въ Дмитровъ Ртищева, а Шестакову велѣлъ ѣхать въ Москву. Или въ 1641 году Угличане били челомъ Государю, чтобы смѣнить губнаго старосту, Павла Ракова, и на мѣсто его утвердить выбраннаго ими старосту, Игнатья Монамахова, каковое челобитье также было утверждено Государемъ.

Послѣ разсужденія о губныхъ старостахъ и цѣловальникахъ, авторъ приступаетъ къ земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ. Онъ приписываетъ учрежденіе земскихъ старостъ Царю Ивану Васильевичу и хочетъ отличить ихъ отъ сотскихъ, десяткихъ и старостъ, бывшихъ прежде, и говоритъ, что

«Должность прежнихъ старостъ состояла только въ сборѣ и уплатѣ податей и въ завѣдываніи повинностями, отправляемыми въ пользу Князя.... Іоаннъ же IV, желая сдѣлать общины органами государственной власти, во многихъ мѣстахъ уничтожилъ намѣстниковъ и волостелей и предоставилъ судебную, финансовую и отчасти полицейскую власть выборнымъ земскимъ начальникамъ, которые получили названіе излюбленныхъ головъ или старостъ.»

Дѣйствительно Царь Иванъ Васильевичъ во многихъ мѣстахъ предоставилъ излюбленнымъ головамъ и старостамъ почти всю власть намѣстниковъ и волостелей, даже имъ иногда поручались и губныя дѣла; но таковые излюбленные головы и старосты были въ исключительномъ положеніи, и, по ихъ правамъ и обязанностямъ, нельзя судить о правахъ и обязанностяхъ земскихъ старостъ вообще. Земскіе же старосты вообще и при Іоаннѣ IV не отличались отъ земскихъ старостъ до него; и авторъ ошибается, говоря,

что должность прежнихъ сотскихъ и старостъ состояла только въ сборѣ и уплатѣ податей и въ завѣдываніи повинностями. Онъ ссылается на грамоту 1453 года, въ которой сказано, что крестьяне Сергѣева монастыря ни къ сотскому, ни къ дворскому, ни къ старостѣ волостному не тянутъ ни во что; но эта грамота и другія ей подобныя не доказываютъ мнѣнія автора, ибо тянуть къ сотскому и волостному старостѣ отнюдь не показываетъ, чтобы тянуть только въ платежѣ: податей тянуть можно было и судомъ и управою. Такъ, въ древнихъ памятникахъ часто встрѣчается выраженіе: *тянуть судомъ и данью по землѣ и по водѣ.* Напротивъ того, по другимъ памятникамъ видно, что сотскіе и старосты присутствовали на судѣ намѣстниковъ и волостелей задолго до Царя Ивана Васильевича; такъ въ уставной Бѣлозерской грамотѣ 1488 года сказано. «а намѣстникамъ нашимъ, ихъ тіуномъ, безъ сотскихъ и безъ добрыхъ людей не судити судъ.» Или въ Судебникѣ Іоанна III-го узаконено: «безъ дворскаго и безъ старосты и безъ лучшихъ людей суда намѣстникомъ и волостелемъ не судити.» Иное дѣло учрежденіе цѣловальниковъ: принадлежитъ Царю Ивану Васильевичу, до него ихъ не было.

Далѣе авторъ говоритъ:

«Ежели земскія общины состояли только изъ людей, жившихъ на черныхъ земляхъ, или, что тоже самое, изъ тяглыхъ людей, то земскіе старосты и цѣловальники могли выбираться одними черными посадскими и уѣздными людьми.»

И такъ, по мнѣнію автора, земскіе старосты и цѣловальники были только на черныхъ земляхъ; но самъ же онъ приводитъ грамоту 1612 года, въ которой прикащику предписывалось, чтобы крестьяне дворцовыхъ волостей выбирали себѣ старостъ и цѣловальниковъ, которые бы вмѣстѣ съ прикащикомъ завѣдывали управленіемъ выбравшихъ ихъ дворцовыхъ волостей; слѣдовательно по свидѣтельству, приводимому самимъ авторомъ, земскіе старосты и цѣловальники были не въ однихъ черныхъ, но и въ дворцовыхъ волостяхъ. Авторъ думаетъ отстранить это свидѣтельство тѣмъ, что прикащикъ былъ посланъ въ одни оброчныя волости, которыя будто бы соотвѣтствовали чернымъ; но эта

голословная оговорка не доказываетъ дѣла; авторъ не представилъ свидѣтельствъ, чтобы оброчныя и черныя волости были одно и тоже; и такихъ свидѣтельствъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ, а напротивъ, по всѣмъ памятникамъ, оброчныя земли принадлежали къ дворцовымъ, а не къ чернымъ землямъ. Кромѣ того по авторову же указанію имѣются двѣ грамоты, въ которыхъ упоминается о земскомъ старостѣ всеуѣздномъ, и о земскихъ старостахъ волостныхъ, которые засѣдали и завѣдывали дѣлами въ земской избѣ (Доп. къ Ак. Ист. Томъ V. № 53 и 93). А по другимъ памятникамъ, мы встрѣчаемъ земскихъ старостъ въ монастырскихъ вотчинахъ, на примѣръ, въ уставной грамотѣ Кириллобѣлозерскаго монастыря 1593 года (А. А. Эк. Т. 1. № 357); или въ челобитной крестьянъ Шартомскаго монастыря на тамошняго архимандрита Наѳанаила 1677 года. написано: «бьютъ челомъ и являютъ сироты твои государевы Шуйскаго уѣзду вотчины Николы Чудотворца Шартомскаго монастыря, мірскіе старостишки.... и всѣ крестьяне. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 185 году... на архимандрита Наѳанаила» и пр. (Опис. Шуи, стр. 242.). А также земскіе старосты и цѣловальники были и въ вотчинахъ боярскихъ, какъ видно изъ наказной памяти Бориса Ѳеодоровича Годунова, 1594 года, его крестьянамъ Вельскаго стана. (А. А. Э. Т. 1. № 361). Такимъ образомъ, по свидѣтельству памятниковъ, земскіе ст росты были во всѣхъ городскихъ и сельскихъ общинахъ, какъ у посадскихъ людей и крестьянъ, жившихъ. на черныхъ земляхъ, такъ и у крестьянъ, жившихъ на дворцовыхъ, монастырскихъ, помѣщичьихъ и вотчинничьихъ земляхъ

Потомъ авторъ, говоря о вліяніи земскихъ властей на владѣніе посадскою землею, между прочимъ пишетъ о пустыхъ или порожнихъ поземельныхъ городскихъ участкахъ:

«Казалось бы, раздача сихъ участковъ должна была зависѣть отъ земскихъ властей. Безъ сомнѣнія, это было бы такъ, еслибы тяглая земля находилась во владѣніи общинъ. Но земля была Государева, не было никакого различія между государственною землею и общиною, и, съ приписаніемъ земель къ посадамъ, община не потеряла еще своего владѣльческаго характера; а потому и тяглые участки могли раздаваться, какъ земскими властями, такъ и воеводами. Дѣйстви-

тельно пустыя земли большею частію смѣшивались съ казенными оброчными статьями и раздавались изъ приказныхъ избъ; ежели же новое лицо записывалось въ тягло на посадъ, воевода назначалъ ему мѣсто, гдѣ поселиться, и отводилъ ему участокъ подъ дворъ.»

Но это было такъ только по системѣ автора, порядокъ же старой Московской администраціи былъ совсѣмъ иной. По старому порядку, воеводы отдавали только оброчныя городскія земли, которыя непосредственно находились въ вѣдѣніи государственныхъ властей, тяглые же участки раздавались земскими властями; этому доказательствомъ служатъ именно тѣ самые памятники, на которые ссылается г. Чичеринъ. Въ нихъ или прямо воеводы раздаютъ оброчныя земли, какъ на примѣръ, въ наказѣ Псковскому воеводѣ 1647 года, который приводитъ г. Чичеринъ, сказано: «указалъ Государь во всѣхъ городахъ, на посадѣхъ и въ уѣздѣхъ, свои государевы оброчныя земли и всякія угодья отдавати на оброкъ изъ наддачи охочимъ людемъ; и воеводѣ и дьяку тѣ оброчныя земли и угодья отдавати въ тягло и на оброкъ изъ прибыли.» Или воеводы принимаютъ участіе въ раздачѣ тяглыхъ участковъ съ тѣмъ, чтобы подать помощь земскимъ властямъ противъ ослушниковъ; такъ, на примѣръ, приводимою г. Чичеринымъ грамотою 1623 года предписывается Устюженскому воеводѣ строго наблюдать, чтобы уѣздные люди, захватившіе тяглые городскіе участки, тянули въ тягло вмѣстѣ съ посадскими людьми, и предписаніе это, какъ прямо сказано въ грамотѣ, послѣдовало въ слѣдствіе челобитной земскихъ цѣловальниковъ, которые жаловались: «а нынѣ де уѣздные люди учинилися сильны, съ тѣхъ своихъ дворовъ и съ лавокъ въ наши подати и въ мірскіе розходы окладываться не даютъ, и нашихъ податей и иныхъ мірскихъ разходовъ не платятъ съ посадскими людьми.» Такимъ образомъ памятники, приводимые авторомъ, свидѣтельствуютъ не о путаницѣ въ старой Московской администраціи, а о томъ, что авторъ не понялъ памятниковъ.

Далѣе авторъ говоритъ:

«Также мало имѣли вліянія земскія власти и на тяглые участки, отходившіе отъ частныхъ владѣльцевъ. Если тяглый человѣкъ вы-

ходилъ изъ общины, то участокъ его не возвращался послѣдней, а поступалъ въ распоряженіе правительства, которое снова отчуждало его въ частныя руки.»

Полно такъ ли было на самомъ дѣлѣ? Община была бы очень довольна, если бы правительство отбирало отъ нея поземельные участки въ слѣдъ за тѣмъ, какъ члены общины, владѣвшіе ими, выбывали изъ общины; ибо тогда она естественно освобождалась бы отъ платежа податей съ пустующихъ тяглыхъ участковъ; такъ какъ участки сіи отбирались у нея, слѣдовательно и платить было не съ чего; но самъ же авторъ утверждаетъ, что общины были отягощены платежемъ податей съ пустующихъ участковъ. Ясно, что тутъ выходитъ странное противорѣчіе, и на дѣлѣ было что нибудь одно: — или правительство не отбирало тяглыхъ участковъ, отходившихъ отъ частныхъ владѣльцевъ, или общины не платили податей съ пустующихъ тяглыхъ участковъ, какъ уже отобранныхъ правительствомъ; съ послѣднимъ авторъ конечно не согласится, слѣдовательно по необходимости долженъ отказаться отъ перваго. Но онъ не любитъ отказываться и конечно свалитъ всю вину на старую Московскую администрацію: въ ней, по его мнѣнію, уживались всякія противорѣчія; а у него есть и свидѣтельство, въ подтвержденіе будто бы того, что тяглые участки, отходившіе отъ частныхъ лицъ, поступали въ распоряженіе правительства: «въ Воронежѣ лавка, по одной грамотѣ, отписана на Государя, потому что владѣвшій ею посадскій человѣкъ поступилъ на службу въ Донскіе казаки.» Но это свидѣтельство также, какъ и многія прежнія, свидѣтельствуетъ, что авторъ вовсе не понимаетъ стараго порядка Московской администраціи и оброчныя земли смѣшиваетъ съ тяглыми; лавки, полки, скамьи, и подобн. составляли оброчныя статьи въ каждомъ городѣ и состояли въ непосредственномъ завѣдываніи правительства, а не земскихъ властей; слѣдовательно лавка, по выходѣ своего оброчнаго владѣльца, и должна была возвратиться къ Государю; а по сему и продажа лавки, какъ и всѣхъ оброчныхъ статей, принадлежала воеводѣ, а не земскимъ властямъ. Объ отобраніи же

у общины тяглыхъ участковъ нѣтъ нигдѣ и помину; тяглые участки, и по выходѣ своихъ владѣльцевъ, оставались за общиною; а посему община до новой переписи платила съ нихъ подати и старалась пріискивать на нихъ тяглецовъ; при новой же переписи таковые пустующіе тяглые участки отчислялись въ порожнія земли, и тогда изъ общиннаго вѣдомства переходили въ вѣдомство воеводъ, и отдавались уже воеводами, не какъ тяглые участки, но какъ порожнія земли, или съ обязанностію тянуть въ тягло, какъ свидѣтельствуетъ одна поручная запись 1642 года (Стар. Ак. Шуп. № 54), или на правахъ оброчнаго содержанія съ торговъ, какъ значится въ воеводской памяти Шуйскому земскому старостѣ 1682 года (ibid № 152.).

Переходя къ волостнымъ или уѣзднымъ землямъ, авторъ пишетъ:

«Тотъ же порядокъ существовалъ и въ волостяхъ, съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь вовсе не было закономъ опредѣленнаго общиннаго выгона. Каждый крестьянинъ жилъ на своемъ участкѣ, отдѣльно отъ прочихъ, владѣлъ имъ потомственно, дѣлилъ его между дѣтьми, продавалъ его, кому хотѣлъ, и до общаго запрещенія отдавалъ его по душѣ въ церковь. Во все это земскія власти не вмѣшивались; вѣдомство ихъ состояло единственно въ раздачѣ пустыхъ участковъ, что однако весьма часто производилось приказными властями.»

Здѣсь во первыхъ авторъ напрасно утверждаетъ, что въ волостныхъ земляхъ не было закономъ опредѣленнаго выгона; на дѣлѣ общинный выгонъ былъ и назывался *выпускомъ*, или *землею на выпускъ скота.* Такъ, на примѣръ, въ государевой грамотѣ 1512 года, объ устроеніи Ергольскаго яма, сказано: «да и земли бы еси отмѣрилъ къ яму ямщикамъ, на пашню и поженъ на сѣно и ямскимъ конемъ на выпускъ, (А. А. т. 1. № 156.). Или, крестьяне приселка Дьяковскаго бьютъ челомъ Государямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ: «чтобъ великіе Государи пожаловали бы ихъ, не велѣли деревни Батюнина кошельникомъ той замойной земли въ оброкъ отдавать, а велѣли бъ отдать тое замойную землю имъ крестьянамъ, вмѣсто взятой ихъ выпускной земли.» (Моск. вѣд. лит. отд. № 123). Во вторыхъ на-

прасно также утверждаетъ авторъ, что «каждый крестьянинъ дѣлилъ свой участокъ общинной земли между своими дѣтьми, продавалъ его, кому хотѣлъ, и отдавалъ по душѣ въ церковь, во все это земскіе власти не вмѣшивались». Даже тѣ самые древніе акты, на которые онъ ссылается, противорѣчатъ его положенію и прямо показываютъ, что все это дѣлали крестьяне съ своими вотчинными землями, а не съ общинными. Такъ, авторъ указываетъ на судный списокъ по спорному дѣлу между крестьянами Лоскомской волости и Иваномъ Злобинымъ 1503 года; но здѣсь-то именно и есть свидѣтельство, что цѣлая волость чрезъ своего старосту отыскивала волостную землю; слѣдовательно земскіе власти вмѣшивались въ дѣла о волостной землѣ, а не каждый крестьянинъ дѣлалъ, что хотѣлъ, съ своимъ участкомъ волостной земли. По суду впрочемъ оказалось, что крестьяне Лоскомской волости неправо вступались въ землю, принадлежащую Ивану Злобину; и Злобинъ представилъ купчія на эту землю, но изъ купчихъ сихъ не видно, чтобы спорная земля была продана крестьянами Лоскомской волости; крестьяне явно вступались въ землю, не принадлежавшую ихъ волости. Далѣе авторъ ссылается на правыя грамоты 1571 и 1612 годовъ (А. Юр. № 23 и 26), но земли, упоминаемыя въ сихъ грамотахъ, были частныя, а не общинныя земли, и обѣ грамоты принадлежатъ Двинской области, которая имѣла особыя права поземельнаго владѣнія, на что уже правильно указалъ г. Бѣляевъ, разбирая статью г. Чичерина о сельской общинѣ въ Россіи. Правда г. Чичеринъ, отвѣчая г. Бѣляеву, не соглашается съ нимъ и приводитъ еще нѣсколько старинныхъ актовъ, но акты сіи опять относятся только къ той же Двинской области, и нѣтъ ни одного прямаго акта изъ другихъ областей; слѣдовательно г. Чичеринъ опять остается безъ доказательствъ и не уничтожаетъ положенія, что Двинская область имѣла особенности во владѣніи черными землями, которыхъ не было въ другихъ областяхъ древней Россіи, и особенности сіи условливались исторіею этого края, населеннаго Новгородскими колонистами на правахъ частныхъ землевладѣльцевъ. Въ третьихъ неправильно

также утверждаетъ авторъ, что «вѣдомство земскихъ властей состояло единственно въ раздачѣ пустыхъ участковъ, что однакоже весьма часто производилось приказными властями.... и что волость, по мірскому приговору отдавши поземельный участокъ новому лицу, не вмѣшивалась болѣе въ поземельное владѣніе.» Акты, приводимые имъ, ни сколько не подтверждаютъ его мысли такъ, онъ ссылается на правую грамоту 1490 года Кочевоинскаго починка Кирилову Монастырю (А. Юр. № 6); но изъ этой грамоты ни сколько не видно, чтобы волость, давши участокъ крестьянину, не вмѣшивалась болѣе въ поземельное владѣніе; ибо на судѣ съ монастырской стороны былъ старецъ Мартемьянъ, а съ волостной стороны староста Гридька Никитинъ; слѣдовательно земскія власти не только давали участки крестьянамъ, но защищали ихъ на судѣ. Конечно истцами здѣсь собственно были волостные крестьяне, а не старосты, но и съ монастырской стороны отвѣтчиками были крестьяне, а не монастырь; ибо споръ былъ собственно между крестьянами, а не между монастыремъ и волостью; по этому монастырскія и земскія власти явились на судъ, только какъ защитники, каждая своей стороны. Но есть много актовъ, гдѣ земскія власти сами, отъ лица общины, ведутъ тяжбу за волостную землю; такъ, на примѣръ, въ правой грамотѣ 1490 года, данной Троицкому Сергіеву монастырю (Ак. Юр. № 4), истцомъ былъ староста Залѣсскій и всѣ крестьяне Залѣсскіе, а отвѣтчикомъ Троицкій старецъ Касьянъ; или въ судномъ спискѣ 1508 года по дѣлу Лоскомской волости крестьянъ съ Иваномъ Злобинымъ (ibid. № 9), истцемъ былъ Лоскомской староста, и во всѣхъ крестьянъ мѣсто. Приводимыя же авторомъ льготная 1604 года (Ак. Юр. № 175) и порядная 1596 года (ibid № 187) свидѣтельствуютъ только, что земскія власти, по согласію съ общиною, раздавали поземельныя участки крестьянамъ въ тягло; но нисколько не указываютъ, чтобы по раздачѣ не вмѣшивались въ поземельное владѣніе. Правда, получившій землю по льготной 1604 года передалъ ее послѣ другому лицу безъ отношенія къ земскому старостѣ; но такою передачею нисколько не нарушался

прежній договоръ съ земскими властями; въ прежнемъ договорѣ основнымъ условіемъ было не оставлять взятой земли впустѣ, какъ прямо сказано въ льготной: «и въ пустѣ не покинуть тое 12-е доли обежные»; слѣдовательно передача была сдѣлана на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, на которыхъ земля первоначально была получена отъ земскихъ властей,—а по сему земскимъ властямъ не было и надобности вмѣшиваться въ это дѣло вторично; при томъ же передаточную запись писалъ земскій дьячекъ той самой волости, которой принадлежала земля, стало быть лице земское и оффиціальное. Кромѣ того, право передачи иногда ясно и прямо условливалось самыми порядными записьми; такъ въ порядной 1596 года сказано: «а покину язъ впустѣ землю, и жильца не посажу; и па мнѣ взять старостѣ въ міръ рубль денегъ.» А по сему ясно, что земскимъ властямъ не было и надобности вступать во вторичный договоръ, когда имъ нисколько не нарушались условія перваго договора. Слѣдовательно вѣдомство земской власти состояло не въ одной раздачѣ пустыхъ участковъ, какъ того хочется г. Чичерину. Также неопредѣленно говоритъ авторъ, что будто бы раздача пустыхъ участковъ весьма часто производилась приказными властями; приказныя власти раздавали собственно оброчныя земли, а ежели когда и производили раздачу пустыхъ тяглыхъ участковъ, то это было не законъ, а злоупотребленіе приказныхъ людей, на которое обыкновенно и жаловались земскія власти. А по этому заключеніе автора, что будто бы общиннаго владѣнія земель вовсе не было, основанное на томъ, что будто бы воеводы раздавали пустые участки, не имѣетъ никакого основанія и прямо противорѣчитъ Русской исторіи.

Еще страннѣе и несообразнѣе съ исторіею слѣдующій конечный выводъ г. Чичерина.

«Такимъ образомъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается несправедливымъ существующее мнѣніе, будто нынѣшній бытъ сельскихъ общинъ, общинное владѣніе земель и ихъ передѣлъ, суть древнія учрежденія, истекающія изъ духа Славянскаго племени. Передѣлъ земель былъ прямымъ послѣдствіемъ вотчиннаго права и подушной подати: въ древности, когда крестьяне переходили съ мѣста

на мѣсто, каждый нанималъ у землевладѣльца извѣстный участокъ съ обязанностію платить извѣстный оброкъ и нести повинности вмѣстѣ съ прочими крестьянами. Когда крестьяне были укрѣплены къ землѣ, и владѣльцы по вотчинному праву стали требовать отъ крестьянъ личной работы, одинаковой для каждаго, тогда для исправленія этой личной повинности каждый крестьянинъ долженъ былъ получать извѣстный участокъ земли, равный всѣмъ прочимъ, и при всякомъ неравенствѣ, происшедшемъ отъ умноженія народонаселенія, долженъ былъ наступить передѣлъ.»

Но какъ же отвергать древность общиннаго владѣнія землею въ Славянскихъ племенахъ и причислять его къ нововведеніямъ, вытекшимъ изъ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, изъ введенія подушной подати, устроенной въ Россіи Петромъ Великимъ, и изъ учрежденій Екатерины II-й, когда мы такое же общинное владѣніе и передѣлъ земель, совершенно на одинаковыхъ началахъ съ Рускими, встрѣчаемъ у Сербовъ, Болгаръ и нѣкоторыхъ другихъ Славянъ искони? Нельзя же сказать, что Сербы и Болгары руководствовались учрежденіями Петра и Екатерины, когда у нихъ и общинное владѣніе и передѣлъ земель ведутся искони. Или, обращаясь собственно къ Рускимъ памятникамъ, также нельзя согласиться съ авторомъ, ибо ежели по мнѣнію автора передѣлъ земель былъ слѣдствіемъ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ и наложенія подушной подати, то слѣдовательно онъ могъ явиться не раньше указа 1723 года. Но г. Бѣляевымъ, въ разборѣ статьи о сельской общинѣ, была уже представлена грамота Симона Митрополита о передѣлѣ земель между крестьянами, относящаяся къ началу XVI-го вѣка, слѣдовательно за долго до прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ и до введенія подушной подати; стало быть ясно, что передѣлъ земель между крестьянами не былъ слѣдствіемъ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ и введенія подушной подати. Этой грамоты г. Чичеринъ не могъ отвергнуть, не смотря на всѣ усилія, и порѣшилъ тѣмъ: «мы знаемъ, что помѣщики иногда селили на земли своихъ купленыхъ людей; мы знаемъ, что часто и свободные крестьяне находились къ нимъ въ весьма зависимыхъ отношеніяхъ: они брали деньги въ ссуду, и за проценты

обязывались обработывать помѣщичьи земли. Въ обоихъ случаяхъ помѣщикъ могъ, разумѣется, и надѣлять землею крестьянъ, и передѣлять ее между ними.... Но во всякомъ случаѣ это не свободное распоряженіе крестьянъ, а дѣйствіе помѣщичьей власти». Но это *«мы знаемъ, мы знаемъ»* ничего не доказываетъ. Грамота, приведенная г. Бѣляевымъ, прямо говоритъ: «а будетъ земли обильно, а кому будетъ надобно земли болѣ того (пяти десятинъ), и онъ бы по тому жъ пахалъ и монастырскую пашню шестой жеребей». Здѣсь очень ясно, что дѣло идетъ не о ссудѣ, которую получали крестьяне отъ землевладѣльцевъ, и не о наложеніи на нихъ земли для обработыванія владѣльцу въ проценты за ссуду. Кромѣ того, есть и другія свидѣтельства; такъ въ платежной книгѣ 1588 года говорится, «что въ селѣ Едимоновѣ и въ деревняхъ вытей, въ живущемъ 16 вытей, и полчети выти, да во льготѣ выть безъ полчети, а въ пустѣ въ селѣ и въ деревняхъ 15 вытей..... Сѣна у села Едимонова и у деревень 166 копенъ; лѣсу кустарю и пороснику 42 десятины. И дано на выть середніе земли по семи десятинъ, а худые земли по 8 десятинъ, и съ тѣми десятинами, что даны для посопнаго хлѣба; сѣна крестьяномъ дано на живущіе выти по 30 по четыре копны; и лѣсу дано крестьяномъ на выть по двѣ десятины съ полудесятиною..... А землями и луги и лѣсомъ и всями угодьи верстатися крестьяномъ межъ себя самимъ полосами на всякую выть по ровну, а не черезъ землю, чтобы крестьяномъ межъ себя спору и брани не было ни которыми дѣлы». А вотъ и еще неизданное свидѣтельство, въ которомъ прямо говорится, что передѣлъ земли производился по желанію крестьянъ: «Лѣта 7148 году Сентебря въ 24 день въ Государевѣ Царевѣ и В. К. Михаила Өеодоровича всея Русіи грамотѣ написано въ Бѣлевской уѣздъ, въ Государеву въ дворцовую въ Верхоруцкую волость къ Сытнику къ Богдану къ Софонову, по челобитью Верхоруцкіе волости крестьянъ, которые де того села и деревенскіе семьянистые крестьяне заговоромъ, бортнаго лѣсу на пашню себѣ расчистили, а безсемейнымъ крестьянамъ того бортнаго

лѣсу тѣ семьянистые крестьне не дадутъ. И у нихъ де тое разчистные земли не противъ живущихъ вытей. А Государю они о томъ били челомъ, чтобъ имъ того бортнаго лѣсу разчистить противъ вытей сполна. А по той Государевой грамотѣ велѣно сытнику Богдану Софонову тое Верхоруцкія волости и того села деревенскимъ крестьяномъ, которые не разчищали бортнаго лѣсу, который въ борти не пригодится, отвесть на разчистку, смотря по тамошнему дѣлу и по тяглу..... И по Государеву.... указу по грамотѣ и по челобитью государевыхъ дворцовыхъ крестьянъ Верхоруцкіе волости, прикащикъ Богданъ Сафоновъ съ старостою съ Петрушкою Гавриловымъ и съ лучшими крестьяны со Флоркою Даниловымъ..... съ товарищи, и тѣхъ деревень крестьяны въ той Верхоруцкой волости въ селахъ и въ деревняхъ крестьянскую старую полевую и росчистную пахатную землю для верстанья смечали, и тое земли крестьяне для своего верстанья сами межъ себя мѣрили въ двухъ поляхъ, а въ третьемъ полѣ не мѣрили, потому что была къ новому году рожь сѣяна; и по ихъ мѣрѣ старые и новые розчистные земли пашни объявилось за ними сверхъ живущихъ вытей въ дву поляхъ много. И межъ себя тое земли верстать и дѣлить противъ вытей не стали, отсрочили межъ себя сами, какъ послѣ ржанова жнитва въ третьемъ полѣ измѣряютъ». Такимъ образомъ ближайшее разсмотрѣніе дѣла и древніе памятники говорятъ, что общинное владѣніе землею и передѣлъ начались не съ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ и наложенія подушной подати, и не съ межевыхъ инструкцій 1754 и 1766 годовъ; и слѣдовательно вполнѣ справедливо существующее мнѣніе, что нынѣшній бытъ сельскихъ общинъ, общинное владѣніе земель и ихъ передѣлъ, суть древнія учрежденія, вытекшія изъ исторіи Славянскаго племени.

Наконецъ авторъ переходитъ къ преобразованіямъ во второй половинѣ XVII столѣтія и говоритъ:

«Въ Московскомъ государствѣ, съ половины XVII вѣка, общинный бытъ подвергается измѣненіямъ, которыя вытекаютъ изъ новыхъ государственныхъ началъ, установляющихъ различіе сословій, ихъ правъ и обязанностей. Когда крестьяне и посадскіе люди были

укрѣплены къ мѣстамъ своего пребыванія и тѣмъ получили сословное значеніе, тогда начало обозначаться различіе между ними.... Отсюда произошелъ и различный характеръ города и селъ. Вообще городъ преимущественно способенъ къ образованію свободной общины, тогда какъ сельская община, живущая не на собственной землѣ, стремится перейти во владѣльческую.»

Вотъ подлинно диковинное разсужденіе. На Руси искони были города и села по свидѣтельству всѣхъ памятниковъ, и стало быть города отличались отъ селъ по своему характеру; а у г. Чичерина различный характеръ города и селъ начинается только съ половины XVII столѣтія; въ Московскомъ государствѣ, еще въ XIV столѣтіи, мы знаемъ по лѣтописямъ и по другимъ памятникамъ сословія дворянъ, духовенства, купцовъ и крестьянъ; а у г. Чичерина различіе сословій начинается только съ половины XVII вѣка. Вѣроятно, г. Чичеринъ говоритъ о какомъ либо другомъ Московскомъ государствѣ, своего изобрѣтенія, а не объ томъ, о которомъ говорятъ намъ памятники. По словамъ г. Чичерина: «когда крестьяне и посадскіе люди были укрѣплены къ мѣстамъ своего пребыванія и тѣмъ получили сословное значеніе, тогда начало обозначаться различіе между ними». А по свидѣтельству указа 1649 года, еще при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ, когда не было и помину объ укрѣпленіи къ землѣ, крестьяне и бобыли, проживавшіе въ городахъ и занимавшіеся городскими промыслами, назывались крестьянами и бобылями, а не посадскими торговыми людьми; слѣдовательно ясно, что права сословій и различіе ихъ между собою условливались не прикрѣпленіемъ ихъ къ землѣ; прикрѣпленіе къ землѣ только опредѣляло мѣсто жительства, а отнюдь не было основаніемъ различія сословій. Мысль же автора, что городъ преимущественно способенъ къ образованію свободной общины, тогда какъ сельская община, живущая не на собственной землѣ, стремится перейти въ владѣльческую, ни сколько не принадлежитъ Русской исторіи и прямо взята изъ средневѣковой исторіи Западно-Европейскихъ государствъ, основанныхъ завоеваніемъ, гдѣ земля была отнята у прежнихъ владѣльцевъ, и гдѣ сіи послѣдніе по сему уже жили на чужой землѣ, и

гдѣ по этому городскіе жители, какъ менѣе связанные съ землею по своимъ промысламъ, скорѣе сельскихъ жителей могли образовать свободную общину. У насъ же и сельскіе и городскіе жители въ древности одинаково не были привязаны къ землѣ; слѣдовательно одинаково могли образовать свободную общину, сельскіе сельскую, а городскіе городскую. Г. Чичеринъ въ своемъ отвѣтѣ г. Бѣляеву, желая поддержать свою мысль, что будто бы на Руси города стали отдѣляться отъ селъ только съ половинѣ XVII вѣка, пишетъ: «но въ чемъ же искони заключалось различіе тѣхъ и другихъ общинъ? Развѣ города и села не имѣли совершенно одинаково земскаго управленія? Развѣ въ тѣхъ и другихъ земли не раздѣлялись одинаковаго на бѣлыя и черныя? Развѣ поземельное право не было въ нихъ одно и тоже? Развѣ тѣ и другія не платили одинаковыхъ податей?» А мы скажемъ: развѣ вопросы сіи что нибудь доказываютъ? Развѣ все то, что вы здѣсь назвали одинаковымъ, и на дѣлѣ было одинаково? Развѣ, на примѣръ, одинаковыя подати платили города и села? Когда мы знаемъ, что въ городахъ посошная разкладка податей постоянно производилась по дворамъ, а въ селахъ по четямъ пашни, когда самыя промыслы городскихъ и сельскихъ жителей не допускали одинаковости податей. И развѣ сходство въ одномъ не допускаетъ различія въ другомъ?

Далѣе авторъ говоритъ: «стремленіе къ устройству и обособленію городскихъ общинъ выразилось въ первый разъ въ указѣ 1648 года.» Но сей указъ содержитъ въ себѣ прямое свидѣтельство, что онъ былъ только подтвержденіемъ прежнихъ распоряженій Московскихъ Государей объ устройствѣ городскихъ общинъ, и не выражаетъ никакого новаго стремленія, а заботится только о возстановленіи того, что было еще при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ. Послѣ указа 1648 года авторъ переходитъ къ новоторговому уставу и говоритъ:

«Далѣе, новоторговымъ уставомъ 1667 года купцы во всемъ, что относилось до сихъ поѣздокъ, изъяты были изъ вѣдомства воеводъ и подчинены таможеннымъ головамъ, которые были выборные посадскіе

люди. Эта мѣра была принята для поощренія торговли и для огражденія торгующихъ отъ притѣсненій.»

Слѣдовательно по словамъ самаго же автора новоторговый уставъ не касался устройства городской общины, а заботился только о развитіи и огражденіи торговли; а потому нельзя и понять, по какимъ причинамъ онъ попалъ у автора въ число узаконеній объ устройствѣ городскихъ общинъ. Да и при томъ главныя правила этого устава существовали и прежде; такъ правило о подчиненіи пріѣзжихъ купцовъ таможеннымъ головамъ, а не воеводамъ, извѣстно еще по грамотѣ 1634 года. Отъ новоторговаго устава авторъ переходитъ къ указу 1681 года, и говоритъ:

«Но важнѣйшимъ шагомъ для отдѣленія городовъ отъ селъ и для устройства самостоятельныхъ городскихъ общинъ былъ указъ 1681 года о введеніи новой стрѣлецкой подати. Она была наложена на тяглые города, на дворцовые города и слободы, на уѣзды поморскихъ городовъ и на Олонецкій уѣздъ; всѣ же владѣльческіе крестьяне—помѣщичьи, церковные, и дворцовые и бывшіе черные—были въ замѣнъ того обложены ямскими и полоняничными деньгами. Сборъ новой стрѣлецкой подати предоставленъ былъ исключительно земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ... Даже отсылка денегъ въ Москву предоставлена была земскимъ властямъ, а воеводамъ запрещено было вступаться въ эти дѣла.»

Но этотъ указъ на дѣлѣ нисколько не представляетъ важнѣйшаго шага для отдѣленія городовъ отъ селъ и для устройства самостоятельныхъ городскихъ общинъ; ибо во первыхъ указъ сей имѣлъ въ виду не устройство городскихъ общинъ, а сборъ новой стрѣлецкой подати, въ которую вошли и нѣкоторые другіе виды податей; во 2-хъ этотъ указъ простирался не на всѣ Русскіе города, онъ относился собственно только къ городамъ, состоящимъ въ вѣдѣніи стрѣлецкаго приказа, и къ нѣкоторымъ городамъ, подвѣдомымъ приказамъ Большаго и Казанскаго дворцовъ, ко всѣмъ же другимъ городамъ онъ нисколько не относился. Правда, въ памяти Ковской волости старостѣ и крестьянамъ отъ 7 Февраля 1681 года сказано, что «по указу царя Алексѣя Михайловича со всѣхъ городовъ съ посадовъ и съ поморскихъ городовъ съ посадовъ же и съ уѣздовъ, великаго государя

на денежное жалованье Московскихъ приказовъ стрѣлцомъ, положено было и сбирано деньгами по сошному письму предъ прежнимъ съ прибавкою, съ живущей четверти пашни по два рубли за юфть.» Слѣдовательно, ежели и былъ шагъ къ отдѣленію городовъ отъ селъ, то не съ указу 1681 года, а съ неизвѣстнаго намъ указа царя Алексѣя Михайловича. Но на дѣлѣ не при Алексѣѣ Михайловичѣ началось отдѣленіе городовъ отъ селъ; напротивъ того, оно было всегдашнимъ исконнымъ на Руси: царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ сбирать отдѣльно съ городовъ стрѣлецкую подать точно такъ же, какъ царь Иванъ Васильевичъ въ 1545 году велѣлъ сбирать отдѣльно конныхъ и пѣшихъ пищальниковъ со всѣхъ городовъ Новгородскихъ, съ рядковъ и съ нѣкоторыхъ погостовъ, пользовавшихся городскими правами, но не съ селъ, деревень и погостовъ вообще. (А. А. Э. Т. 1. № 205). Цари Иванъ Васильевичъ, Алексѣй Михайловичъ и Θеодоръ Алексѣевичъ въ своихъ распоряженіяхъ пользовались уже существовавшимъ отдѣленіемъ городовъ отъ селъ, а не вводили этого отдѣленія своими распоряженіями.

Авторъ, для поддержанія своей мысли объ указѣ 1681, говоритъ: «сборъ новой стрѣлецкой подати предоставленъ былъ исключительно земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ, а для раскладки выбирались въ посадахъ и въ каждой волости особые выборные люди.» Но раскладка и сборъ всѣхъ податей всегда принадлежали по закону земскимъ старостамъ и выборнымъ людямъ; правда, иногда въ это дѣло вмѣшивались воеводы и другія власти, но и въ сборѣ новой стрѣлецкой подати иногда принимали участіе воеводы, даже по государевымъ грамотамъ, какъ говоритъ и самъ г. Чичеринъ; слѣдовательно здѣсь нѣтъ никакой особенности, отличающей сборъ новой стрѣлецкой подати отъ сбора другихъ податей. Далѣе, продолжая поддерживать туже мысль, авторъ пишетъ: «самые выборы въ таможенные и кабацкіе головы и цѣловальники указомъ 1681 года возложены были на посадскихъ людей, и только за недостаткомъ ихъ велѣно было выбирать изъ служилыхъ людей, а за недостаткомъ послѣднихъ изъ дворцовыхъ и мо-

настырскихъ крестьянъ.» Но эта обязанность лежала на посадскихъ людяхъ и прежде, это свидѣтельствуетъ самый указъ 1681 года; въ немъ гости и гостиной и суконной сотенъ торговые люди, говорятъ: «что де имъ въ городы тѣхъ головъ ни которыми дѣлы выбрать не мочно, потому что во многихъ городѣхъ посадскіе и всякихъ чиновъ люди, межъ себя выбираютъ въ головы до Семеня дни заранѣе мѣсяца за два и больши.» И государь и бояре въ отвѣтъ на это приговорили: «въ городѣхъ изъ посадскихъ и изъ иныхъ чиновъ... Выбрать ко 190 году тамошнимъ жителямъ.» И при томъ симъ же указомъ предписано «воеводамъ и приказнымъ людемъ въ тѣхъ выборѣхъ чинить всякое вспоможенье.» Слѣдовательно этотъ указъ нисколько не былъ новымъ шагомъ къ разграниченію вѣдомства земскихъ властей и воеводъ, и къ предоставленію большей самостоятельности городскимъ общинамъ, какъ того хочется г. Чичерину.

Продолжая развивать свою мысль объ устройствѣ и объ особленіи городскихъ общинъ, авторъ наконецъ говоритъ: «но полное и систематическое устройство земскаго управленія принадлежитъ уже Петру Великому, который въ 1699 году всѣ города съ поморскими уѣздами отдалъ въ вѣдомство земскихъ бурмистровъ. Имъ предоставлены были общинный судъ и вѣдомство всѣхъ дѣлъ безъ всякаго вмѣшательства воеводъ, а они въ свою очередь подчинены были выборнымъ бурмистрамъ, составлявшимъ Московскую ратушу.» Но указъ объ учрежденіи бурмистрской палаты, съ одной стороны, нисколько не выражаетъ полнаго и систематическаго устройства земскаго управленія, ни даже полнаго управленія городскаго, ибо бурмистрская палата завѣдывала не всею земщиною, а только посадскими, купецкими и промышленными людьми; сюда не вошли ни духовенство, ни дворянство, которыя на Руси также принадлежали къ земской общинѣ, внѣ своей службы; припомнимъ, что по старому порядку всѣ они участвовали въ выборѣ губныхъ старостъ и въ другихъ случаяхъ. Бурмистрская палата была учрежденіемъ, взятымъ съ иностранныхъ образцевъ, и ни сколько не вытекала изъ

развитія Русской жизни, и посему вскорѣ была отмѣнена самимъ же Петромъ Великимъ. Съ другой стороны, по плану Петра Великаго, учрежденіе земскихъ избъ по всѣмъ городамъ, даже не отдѣляло городской общины отъ уѣздной; въ указѣ отъ 30 Января 1699 года прямо сказано: «великій государь указалъ посадскимъ и всякихъ чиновъ купецкимъ и его В. государя волостей и селъ и деревень промышленнымъ и уѣзднымъ людемъ сказать его В. Г. указъ: буде они посадскіе и уѣзные люди похотятъ... въ городѣхъ воеводамъ и приказнымъ людемъ ихъ посадскихъ и уѣздныхъ людей... ни въ какихъ дѣлѣхъ не вѣдать... а вѣдать ихъ мирскимъ выборнымъ людемъ въ земскихъ избахъ... И имъ выбирать въ земскія избы межъ себя людей добрыхъ и правдивыхъ, кого они похотятъ.» Этотъ указъ прямо свидѣтельствуетъ, что Петръ Великій здѣсь совершенно обращался къ старому порядку царя Ивана Васильевича, и при томъ въ одинъ день съ учрежденіемъ бурмистрской палаты въ Москвѣ, и поставлялъ земскія избы въ нѣкоторую связь съ этой палатой, ибо собираемые въ городахъ и уѣздахъ доходы изъ земскихъ избъ по указу должно было доставлять въ Москву гостямъ и торговымъ выборнымъ же людямъ (вѣроятно, членамъ вновь учреждаемой бурмистрской палаты); да и самые выборные начальники земскихъ избъ получили названіе бурмистровъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію автора, сіе полное систематическое устройство земскаго управленія на самомъ дѣлѣ было обращеніе къ старому порядку XVI вѣка съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ иностранныхъ началъ. Петръ Великій предоставляетъ учрежденіе земскихъ избъ общинамъ, даже предписываетъ, чтобы города и уѣзды, освобождаясь чрезъ сіе отъ вѣдомства воеводъ и приказныхъ людей, платили за это двойный оброкъ противъ прежнихъ окладовъ; подобно, какъ Іоаннъ IV налагалъ особый оброкъ на тѣ общины, которыя желали управляться своими выборными властями, и не зависѣть отъ намѣстниковъ и волостелей.

Переходя къ волоснымъ землямъ, авторъ пишетъ: «съ другой стороны, еще до Петра Великаго, черныя волости, за исключеніемъ поморскихъ уѣздовъ, совершенно сли-

лись съ дворцовыми.» Совершенно слились съ дворцовыми, стало быть, сдѣлались дворцовыми? Слѣдовательно еще до Петра Великаго черныя волости перестали и упоминаться въ оффиціальныхъ памятникахъ, и только по старой привычкѣ иногда еще вспоминались простонародьемъ, какъ, на примѣръ, бывшіе монастырскіе крестьяне и до сей поры зовутъ себя экономическими? Конечно оно такъ и должно бы быть, если бы мнѣніе г. Чичерина было справедливо. Но на дѣлѣ, въ продолженіи всего XVII вѣка, черныя волости упоминаются постоянно въ оффиціальныхъ памятникахъ; такъ, на примѣръ, въ грамотѣ Смоленскому воеводѣ Долгорукову 1661 года: «и вы бъ велѣли къ себѣ прибыть въ съѣзжую избу Смоленской шляхтѣ и волостнымъ старостамъ и крестьянамъ, и велѣли нашъ указъ сказать, чтобъ Смоленская шляхта велѣли крестьянамъ своимъ, и волостные крестьяне везли въ городъ хлѣбъ и сѣно на продажу.» Или, въ наказѣ таможенному головѣ 1681 года, сказано: «сбирать помѣрныя пошлины съ Московскихъ и всѣхъ городовъ съ посадскихъ людей и слобожанъ и дворцовыхъ селъ и деревень, и черныхъ волостей съ крестьянъ, и съ патріаршихъ и митрополитскихъ, и съ монастырскихъ и боярскихъ и окольничихъ.» и проч. (П. С. З. № 874). Или, уже при Петрѣ Великомъ, въ Сыщиковѣ наказѣ 1683 г. въ ст. 43., сказано: «а будетъ въ городѣхъ Вел. Государя дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей и ямскихъ и стрѣлецкихъ, и казацкихъ и пушкарскихъ слободъ приказные люди, или патріаршихъ дѣловыхъ вотчинъ приказные жъ люди... бѣглыхъ людей и крестьянъ къ запискѣ приводить не учнутъ.» и проч. (ibid. № 998). Слѣдовательно черныя волости не слились съ дворцовыми не только до Петра Великаго, но и при немъ; ибо въ оффиціальныхъ актахъ ихъ не стали бы называть старымъ именемъ, ежели бы это не означало различія между дворцовыми и черными крестьянами и оставалось только у простонародья по старой памяти. Далѣе, авторъ для поддержанія своей мысли говоритъ: «первымъ шагомъ къ этому сліянію было назначеніе въ черныя волости прикащиковъ. Вторымъ шагомъ было подчиненіе черныхъ волостей при-

казу большаго дворца.» Г. Бѣляевъ уже правильно замѣтилъ, что прикащики въ черныхъ волостяхъ заняли мѣсто прежнихъ волостелей, и какъ прежнее подчиненіе черныхъ волостей волостелямъ не сливало ихъ съ дворцовыми, точно также не сливало ихъ и подчиненіе прикащикамъ. Но г. Чичеринъ, упорствуя въ своемъ заблужденіи, говоритъ, что прикащики были не тоже, что волостели; волостели завѣдывали только судомъ, а прикащики были полными хозяевами и распорядителями въ своихъ округахъ; и въ подтвержденіе своего мнѣнія о волостеляхъ глухо ссылается на уставныя грамоты. Но уставныя же грамоты, ежели на нихъ ссылаться не глухо, а съ прямыми указаніями, ясно свидѣтельствуютъ именно то, что прикащики заступили мѣсто волостелей; такъ, на примѣръ, въ грамотѣ 1622 года, данной Устьянскимъ волостямъ, волостные крестьяне говорятъ: «въ прежнихъ де годѣхъ въ Устьянскихъ волостяхъ приказныхъ людей не бывало, а судили ихъ мірскіе выборные судейки; и какъ почали у нихъ быти прикащики, и имъ де отъ тѣхъ прикащиковъ чинятся налоги; и намъ бы ихъ пожаловати въ Устьянскихъ волостяхъ впередъ прикащикомъ быти не велѣти, а велѣти быти у нихъ мирскимъ выборнымъ судейкамъ по прежнему.» (А. А. Э. Т. 3. № 126). А мы знаемъ, что въ XVI вѣкѣ мірскіе выборные судейки при подобныхъ привиллегіяхъ заступали мѣсто волостелей; слѣдовательно, ежели тѣже судейки заступаютъ и вмѣсто прикащиковъ, то прикащики значили тоже, что и волостели. И такъ шагъ г. Чичерина на дѣлѣ не былъ ни первымъ, ни послѣднимъ шагомъ. Тоже должно сказать и о второмъ шагѣ; ежели подчиненіе черныхъ волостей дворцовому приказу считать шагомъ къ слитію съ дворцовыми имѣніями, то значитъ и всѣ монастыри должно признать слившимися съ дворцовыми имѣніями; ибо всѣ монастыри были подчинены дворцовому приказу, оттуда посылались надсмотрщики при сдачѣ каждаго монастыря отъ одного игумена другому, и даже иногда оттуда же пріѣзжали дозорщики для надзора за монастырскимъ устройствомъ и управленіемъ, туда посылались и монастырскіе отчеты.

Въ заключеніи своего разсужденія о сельскихъ общинахъ авторъ говоритъ:

«Путемъ историческаго развитія сельскія общины сдѣлались слѣдственно владѣльческими, тогда какъ города образовали изъ себя свободныя общины. Этотъ историческій ходъ находился въ связи съ развитіемъ основныхъ началъ общественной жизни. Гражданскій бытъ среднихъ вѣковъ основанъ былъ весь на частномъ правѣ, на которомъ утверждалась и общинная жизнь того времени. Какъ частное право заключаетъ въ себѣ двѣ формы—собственность и свободный договоръ, такъ и общины были однѣ владѣльческія, а другія договорныя... Города преимущественно были способны къ образованію договорныхъ общинъ: здѣсь владѣніе землею было дѣломъ второстепеннымъ, да къ тому же одинъ городъ могъ дать общинѣ защиту противъ натиска владѣльческихъ элементовъ, чего не могло дать село.»

Это заключеніе явно относится не къ тѣмъ сельскимъ общинамъ, которыя образовались путемъ развитія Русской исторической жизни, ибо мы уже видѣли, что гражданскій бытъ Русскаго общества не былъ весь основанъ на частномъ правѣ, какъ того хочется г. Чичерину; мы уже видѣли, какъ начала государственныя, съ самаго приглашенія Рюрика, постепенно развивались въ устройствѣ Русскаго общества. Въ выводахъ г. Чичерина очевидно вездѣ проглядываютъ начала Западно-Европейской средневѣковой исторіи; онъ вездѣ хочетъ видѣть сходство Русской исторіи съ Западною, котораго на дѣлѣ не было; у него даже города преимущественно были способны къ образованію договорныхъ общинъ, потому что городъ одинъ могъ дать защиту общинѣ противъ натиска владѣльческихъ элементовъ; тогда какъ у насъ никогда и не было борьбы городовъ съ владѣльческими элементами, и села всегда находились въ тѣсной связи съ городами и состояли подъ одною общею государственною властію. Разложеніе и борьба элементовъ явно взяты г. Чичеринымъ изъ Западно-Европейской средневѣковой исторіи и къ Русской исторіи вовсе не относится.

Наконецъ авторъ переходитъ къ общему заключенію всего своего труда. Здѣсь онъ собираетъ въ одну кучу всѣ укоризны и придуманныя имъ небылицы на старое Русское

устройство общества, разсыпанныя по разнымъ частямъ его сочиненія; доказывать вновь неосновательность этихъ произвольныхъ укоризнъ и небылицъ мы не имѣемъ здѣсь надобности, ибо уже опровергли ихъ всѣ, каждое въ своемъ мѣстѣ. Намъ остается только сказать, что невѣрное, произвольное основаніе, взятое авторомъ, волей не волей повело его и къ невѣрнымъ заключеніямъ; онъ на всѣ учрежденія старой Руси смотрѣлъ съ точки собственной теоріи, и отъ того всѣ они представлялись въ искаженномъ видѣ; онъ искалъ въ нихъ того, чего въ нихъ нѣтъ, и не видалъ того, что въ нихъ заключается. Много труда положилъ авторъ въ своемъ изслѣдованіи, и за трудолюбіе нельзя не благодарить его; но къ сожалѣнію трудъ сей, преисполненный отрицанія, не только безполезенъ, но и вреденъ нашей исторіи: подобные труды только останавливаютъ ходъ историческаго изученія. Не такихъ трудовъ ждетъ Русская исторія отъ своихъ изслѣдователей; лучшій образецъ нашъ въ историческомъ изученіи безсмертный Карамзинъ: по его стопамъ мы должны идти, а не придумывать путей стропотныхъ и косныхъ, ведущихъ къ заблужденіямъ.

Н. Кр . . евъ.

СПОРЪ О СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНѢ

С. СОЛОВЬЕВА.

(Русскій Вѣстникъ, № 22.)

Въ этой статьѣ авторъ разбираетъ статью г. Чичерина подъ названіемъ: «Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи» и мои замѣчанія на сію статью. Г. Соловьевъ явно стоитъ на сторонѣ г. Чичерина, поколику г. Чичеринъ согласенъ съ его мнѣніями о родовомъ бытѣ, и вооружается на меня, какъ на послѣдователя противнаго мнѣнія. Въ статьѣ его прежде всего бросаются въ глаза неприличныя выходки противъ меня, потомъ слѣдуетъ нѣсколько положеній, въ которыхъ авторъ, при всемъ нежеланіи, не могъ не согласиться со мною; и далѣе нѣсколько мнѣній, которыми авторъ думаетъ опровергнуть положенія, высказанныя въ моихъ замѣчаніяхъ на статью г. Чичерина. На неприличныя выходки противъ меня я не обращаю вниманія и крайне сожалѣю, что г. Соловьевъ, человѣкъ, во многихъ отношеніяхъ достойный, позволилъ себѣ употребить такое оружіе. Что же касается до положеній, гдѣ г. Соловьевъ сходится со мною, и до мнѣній, которыми онъ думаетъ опровергнуть мои положенія, то я считаю не лишнимъ сказать объ нихъ нѣсколько словъ, чтобы сообщить дѣлу большую ясность.

Г. Соловьевъ считаетъ невѣрными и несогласными съ исторіею три мнѣнія очень важныя и, можно сказать, основныя, въ статьѣ г. Чичерина. 1-е, что будто бы у насъ князья, подобно Западно-Европейскимъ королямъ, силою

оружія пріобрѣли себѣ земли; 2-е, что сельская община у насъ не есть зародышъ общественнаго развитія, а плодъ его, что всѣ учрежденія ея суть относительно новыя, получившія окончательное свое образованіе только въ послѣдней четверти XVIII вѣка, вмѣстѣ съ другими областными учрежденіями; и 3-е, что въ старой сельской общинѣ на Руси не было передѣла земель. Всѣ сіи положенія я, въ своихъ замѣчаніяхъ на статью г. Чичерина, также призналъ несправедливыми и несогласными съ исторіею, и доказалъ это фактами и свидѣтельствами памятниковъ. Слѣдовательно въ главномъ г. Соловьевъ соглашается со мною, хотя и не говоритъ объ этомъ. Конечно я съ своей стороны, опираясь на фактахъ, не имѣю надобности въ согласіи г. Соловьева; тѣмъ не менѣе истина, мною защищаемая, представляется яснѣе, когда невольно соглашаются съ нею и люди противныхъ убѣжденій.

Теперь перейдемъ къ тѣмъ доказательствамъ, которыми г. Соловьевъ думаетъ опровергнуть мои возраженія противъ статьи г. Чичерина. 1-е. Въ своихъ замѣчаніяхъ, признавши вполнѣ справедливымъ положеніе г. Чичерина о томъ, что « патріархальная община можетъ удержаться въ исторіи только при однородности жизненныхъ элементовъ общества, когда въ бытъ не вторгаются новыя стихіи, разлагающія прежнія родственныя отношенія », я замѣтилъ г. Чичерину, что нарушеніе однородности элементовъ общества на Руси совершилось гораздо раньше прибытія Варяговъ-Руси, что оно началось съ самаго переселенія Славянскихъ племенъ съ Дуная въ здѣшній край, что Славяне здѣсь селились между Финнами и Латышами, мѣшались съ ними и ославянивали ихъ. Это мое замѣчаніе призналъ вѣроятнымъ даже г. Сѣверцовъ, одинъ изъ упорныхъ защитниковъ родоваго быта и сторонниковъ г. Чичерина; но г. Соловьевъ, соглашаясь со мною относительно перваго положенія г. Чичерина, на замѣчаніе мое восклицаетъ: «это возраженіе принадлежитъ къ числу тѣхъ отчаянныхъ средствъ, употребленіе которыхъ доказываетъ безсиліе стороны, желающей опровергнуть важное историческое значеніе у насъ родоваго быта!». Но таковое восклицаніе,

какъ каждый видитъ, ничего не доказываетъ и ничего не опровергаетъ въ моемъ положеніи. Г. Соловьевъ принялъ положеніе, что патріархальная община можетъ удержаться только при однородности жизненныхъ элементовъ общества, и конечно не можетъ отвергать, что Славяне, Финны и Латыши не были однородны; слѣдовательно долженъ признать и то, что отъ поселенія Славянъ между Финнами и Латышами, отъ соединенія съ ними, не могла удержаться и патріархальная община Славянъ задолго до прибытія Варяговъ-Руси. Далѣе г. Соловьевъ говоритъ: «спрашиваемъ, гдѣ свидѣтельства на это (на соединеніе Славянъ съ Финнами и Латышами)? и ихъ нѣтъ». Отвѣчаю: свидѣтельства о соединеніи Славянъ съ Финнами и Латышами есть въ лѣтописяхъ и указаны мною въ замѣчаніяхъ г. Чичерину. Ежели г. Соловьевъ не признаетъ сихъ свидѣтельствъ, то долженъ представить доказательства ихъ несостоятельности, какъ того требуетъ наука, а не отрицать голословно.

2-е. Я въ своихъ замѣчаніяхъ сказалъ: «причина, почему община не распалась совершенно, заключалась не въ хозяйственной цѣли, которая (какъ ее понимаетъ г. Чичеринъ) скорѣе должна была разрушить общину (въ чемъ вполнѣ соглашается со мною и г. Сѣверцовъ), а лежала гораздо глубже, именно въ самомъ духѣ народа, въ складѣ Русскаго ума, который не любитъ и не понимаетъ жизни внѣ общины.» Г. Соловьевъ на это возражаетъ: «Но если община есть произведеніе нашего народнаго духа, если Русскій человѣкъ не можетъ жить внѣ общины, то какъ же было время, когда предки наши жили подъ формами родоваго быта и были выведены изъ него только Финнами и Латышами? Значитъ, предки не обладали тѣмъ духомъ, тѣмъ складомъ ума, которыми возобладали потомки, благодаря Финнамъ и Латышамъ.» Дѣйствительно такъ. Славяне когда-то, до пришествія въ Русскую землю, жили подъ вліяніемъ родоваго быта; но, пришедши сюда, они соединились съ Финнами и Латышами, и это соединеніе разнородныхъ элементовъ общества произвело общинный бытъ. Но здѣсь у меня нѣтъ противорѣчій, ибо Рус-

скій народъ начинается не на Дунаѣ, онъ сложился изъ соединенія элементовъ Славянскаго, Финскаго, Латышскаго, и потомъ Варяжскаго, и изъ этого соединенія, засвидѣтельствованнаго исторіею, получилъ свой особый складъ ума, свой народный характеръ, не совсѣмъ одинаковый съ тѣмъ характеромъ, который Славяне имѣли когда-то на Дунаѣ. Я здѣсь не отвѣчаю на возраженія г. Чичерина, которыя такъ неосновательны, что и г. Соловьевъ не рѣшился указать на нихъ.

3-е. Соглашаясь со мною, что у насъ князья не походили на Западно-Европейскихъ королей относительно пріобрѣтенія земли, г. Соловьевъ въ тоже время говоритъ: «Г. Чичеринъ совершенно правъ, приравнивая черныя земли, по отношенію ихъ къ князю, къ дворцовымъ (т. е. будто бы черныя земли не были государственными, а вмѣстѣ съ дворцовыми составляли частную собственность князя); здѣсь вовсе не нужно заводить спора о государственномъ и частномъ владѣніи, объ отношеніи собственности служилыхъ людей къ князю, споръ, который только затемняетъ дѣло для большинства читателей.» Г. Соловьевъ можетъ совѣтовать, что ему угодно; но уклоняться отъ разрѣшенія спора о томъ, было ли на Руси въ древнее время государственное владѣніе, или князья владѣли всею Русскою землею, какъ частные собственники; значитъ съ намѣреніемъ держать читателей въ невѣдѣніи; ибо каждый, понимающій дѣло, хорошо знаетъ, что, не разрѣшивъ этого спора, нельзя понимать Русской исторіи, и что въ особенности вопросъ о сельской общинѣ неразрывно связанъ съ вопросомъ о томъ, было ли у насъ государственное владѣніе или нѣтъ. Рѣшеніемъ этого спора именно и разрѣшается вопросъ, можно ли приравнять черныя земли къ дворцовымъ.

4-е. Я въ своихъ замѣчаніяхъ г. Чичерину сказалъ, что сельская община въ поземельномъ владѣніи не ограничивалась только раздачею пустопорожнихъ участковъ и раскладкою податей, и, вычисливъ нѣкоторыя права и обязанности сельскихъ общинъ, въ заключеніе написалъ: «я долго бы не кончилъ, ежели бы рѣшился перечислять всѣ

права и обязанности волостной общины, но довольно уже и сказаннаго, чтобы видѣть, что волостныя общины имѣли не одно финансовое значеніе.» Это мое заключеніе очень не понравилось г. Соловьеву; онъ называетъ его реторическою фигурою, вовсе неприличною при рѣшеніи ученаго вопроса. Но реторическая фигура, придуманная г. Соловьевымъ, пусть и остается при немъ, она нисколько не относится къ дѣлу. Самъ же г. Соловьевъ признаетъ, что въ моемъ «перечисленіи дѣйствительно койчего не достаетъ», а изъ того, что мною перечислено, ясно уже видно, что сельская община на Руси имѣла не одно финансовое значеніе; мнѣ же только это и нужно было доказать, въ этомъ и состоялъ вопросъ; слѣдовательно я достигъ своего, доказалъ, что г. Чичеринъ неосновательно приписываетъ сельской общинѣ на Руси одно финансовое значеніе, а посему продолжать начатое перечисленіе мнѣ не было и надобности. А кто желаетъ подробнѣе узнать права и обязанности Русскихъ общинъ, тотъ можетъ прочесть, въ Августовской и Сентябрской книжкахъ (1856 года) Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, превосходную статью объ общинномъ бытѣ древней Руси, написанную профессоромъ Лешковымъ.

5-е. По словамъ г. Соловьева, г. Чичеринъ будто бы представилъ очеркъ исторіи сельской общины; а я будто бы не хочу знать исторіи, для меня будто бы община, какъ была разъ устроена Финнами и Латышами до Рюрика, такъ и оставалась во все продолженіе Русской исторіи. Отвѣтомъ на это голословное обвиненіе служатъ мои замѣчанія г. Чичерину, въ которыхъ я именно указываю и доказываю фактами, что г. Чичеринъ не исторически, а по своему замышленію, наперекоръ источникамъ, изобразилъ сельскую общину.

6-е. Г. Соловьевъ, желая поддержать ложное мнѣніе г. Чичерина, что будто бы съ XV вѣка правительство начало вызывать наружу выборное начало, говоритъ: «древняя Русская сельская община достигла высшей степени своего развитія во время Іоанна IV, когда намѣстники и волостели во многихъ мѣстахъ замѣнены были выборными

старостами и цѣловальниками. Фактъ неоспоримый!» Что при Іоаннѣ IV-мъ намѣстники и волостели во многихъ мѣстахъ были замѣнены выборными старостами и цѣловальниками, это дѣйствительно фактъ неоспоримый, и я противъ него никогда не спорилъ; но фактъ сей ни сколько не доказываетъ, чтобы выборное начало было вызвано наружу правительствомъ въ XV вѣкѣ, выборное начало на Руси никогда не пряталось. Самъ же г. Соловьевъ признаетъ самостоятельность общины подлѣ князя за долго до XV вѣка (Русскій Вѣст. № 22, стр. 292); а конечно самостоятельная община управлялась своими выборными начальниками: посадники, тысяцкіе, сотскіе и другіе начальники въ Новгородѣ и Псковѣ были выборные люди, въ другихъ городахъ и селеніяхъ сотскіе и старосты были также выборные люди, и въ XI и въ XII и XIII и XIV столѣтіяхъ: это засвидѣтельствовано и лѣтописями и оффиціальными памятниками. Ясно, что выборное начало на Руси не было вызвано въ XV вѣкѣ, а существовало задолго до этого времени: оно неразлучно съ общиннымъ бытомъ.

7-е. Я, въ своихъ замѣчаніяхъ г. Чичерину, сказалъ: «Царь Иванъ Васильевичь хотѣлъ замѣнить власть намѣстниковъ и волостелей выборными старостами, не потому, чтобы намѣстники и волостели оказались негодными, а потому, что онъ здѣсь имѣлъ въ виду ослабить аристократію.» Г. Соловьевъ возражаетъ противъ этого неумѣстными выходками и заключаетъ словами: «отчаянныя средства рѣдко удаются; не удалась и попытка г. Бѣляева объяснить побужденія Царя Іоанна, относительно измѣненія въ бытѣ общинъ; объясненіе его побѣдоносно низложено г. Чичеринымъ.» Но въ чемъ же состоитъ это побѣдоносное низложеніе? Г. Чичеринъ говоритъ: «напрасно было Ивану Васильевичу Грозному совершать коренныя преобразованія для того, чтобы бояре стали называться государевыми дворянами, тогда какъ они прежде уже писались государевыми холопами.» Но развѣ это доказательство? Бояре тогда писались холопами не только къ государю, но и въ частныхъ письмахъ другъ къ другу; это

было не болѣе, какъ выраженіе учтивости; и нынѣ мы подписываемся въ письмахъ покорнѣйшими слугами, но конечно никто изъ насъ не подпишется дворовымъ человѣкомъ. А съ 1566 года бояре стали называться дворянами оффиціально, названіе «дворянинъ» сдѣлалось титломъ всего боярскаго сословія; а изъ этого Царю Ивану Васильевичу конечно можно было рѣшиться на нѣкоторыя преобразованія, ибо съ измѣненіемъ титла болѣе или менѣе пресѣкаются и притязанія, связанныя съ прежнимъ титломъ; отреченіе отъ прежняго титла прямо указываетъ на отреченіе и отъ притязаній, съ нимъ соединенныхъ. Далѣе г. Чичеринъ ссылается на грамоты Царя Ивана Васильевича, въ которыхъ указывается на негодность намѣстниковъ и волостелей; но сіи грамоты ничего не доказываютъ. Царю Ивану Васильевичу, при перемѣнѣ намѣстниковъ и волостелей на выборныхъ старостъ, естественно было указать на злоупотребленія нѣкоторыхъ намѣстниковъ, прямой же причины перемѣны, т. е. желанія ослабить аристократію, конечно онъ не могъ выставлять въ своихъ оффиціальныхъ грамотахъ; а между тѣмъ всѣ обстоятельства того времени, вся жизнь Іоанна ясно свидѣтельствуетъ, что онъ постоянно имѣлъ въ виду ослабленіе аристократіи, и что перемѣна намѣстниковъ и волостелей на выборныхъ старостъ принадлежала къ числу средствъ для достиженія сей тайной цѣли.

Наконецъ г. Соловьевъ говоритъ: «въ заключеніе считаемъ нужнымъ обратить вниманіе изслѣдователей на употребленіе слова *община*. Утверждаютъ, что община есть явленіе Русское по преимуществу, что оно вышло изъ склада ума нашихъ предковъ, а между тѣмъ употребляютъ слово, котораго предки наши не употребляли въ томъ значеніи, въ какомъ мы хотимъ его теперь употреблять.... Какъ же это случилось, что у предковъ нашихъ господствовалъ общинный бытъ, выходившій изъ склада ихъ ума, а слова для означенія этого господствующаго явленія своей жизни они не имѣли?» Чтожъ изъ этого? Хотя бы дѣйствительно *община* было слово новое, не употреблявшееся на Руси съ древности? Это еще нисколько не до-

казываетъ, чтобы понятіе объ общинѣ не было извѣстно нашимъ предкамъ, и чтобы общинный бытъ не былъ господствующимъ въ ихъ жизни: новое слово не отрицаетъ древности понятія. Въ слѣдствіе постепеннаго развитія языка одно и тоже понятіе, нисколько не измѣняясь само въ себѣ, можетъ перемѣнять нѣсколько названій; одно названіе старѣетъ и замѣняется новымъ, и въ продолженіи времени старое или вовсе вытѣсняется, или остается въ употребленіи только у простонародья. На примѣръ, мы теперь говоримъ и пишемъ *уродъ*, а въ X-мъ вѣкѣ у насъ вмѣсто этого слова писали *сторòникъ*; или въ древности писали *навье, коретъ*, а мы пишемъ *мертвецъ, гробъ*; или въ древнемъ спискѣ Игорева договора написано *крьнетъ*, а потомъ стали писать вмѣсто крьнетъ *купитъ;* такъ неужели мы изъ этого должны заключать, что въ древности у насъ не имѣли понятія ни объ уродѣ, ни о мертвецѣ, ни о гробѣ, ни о куплѣ. Точно также община въ древности обозначалась словомъ *міръ*, какъ она названа и въ Русской Правдѣ, и какъ она до сего времени называется у простаго народа; а посему странно бы было заключать, что наши предки и теперешніе члены сельскихъ общинъ не знаютъ общины и непричастны общинному быту потому только, что называютъ общину не *общиною*, а *міромъ*. Да и при томъ не должно забывать, что слово *община* вовсе не новое, оно и въ настоящей своей формѣ встрѣчается еще въ первой половинѣ XIV столѣтія; въ Новгородской лѣтописи подъ 1342 годомъ написано: «Новогордци, не умедляче нимало, поидоша вборзѣ въ великую пятницу, а иные въ великую суботу, а *обчины* вси попечатавъ.» Въ корнѣ же своемъ это слово помѣщено и въ Игоревомъ договорѣ 945 года, гдѣ сказано: «*обчія сли.*» Кромѣ того, это слово мы находимъ почти во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ: у Сербовъ оно пишется, по грамотамъ въ продолженіи всего XIII столѣтія и до половины XIV столѣтія, *обькина, обкина, опькина*, во 2-й половинѣ XIV столѣтія *оптина;* у Чеховъ *obec*, у Хорватовъ и Хорутанъ *opczina*, у Болгаръ *обштина*, въ древнемъ Польскомъ языкѣ *obiecz*. Слѣдовательно это слово древнее Славянское и употреблялось почти у всѣхъ Сла-

вянскихъ племенъ въ томъ значенiи, въ какомъ мы употребляемъ его нынѣ. Такимъ образомъ попытка г. Соловьева обратить вниманiе изслѣдователей на употребленiе слова *община*—не принесла ему той пользы, которую онъ предполагалъ; ее, какъ и многое другое, высказанное въ статьѣ г. Соловьева, должно отнести «къ тѣмъ отчаяннымъ средствамъ, которыя рѣдко удаются.» Или, по словамъ самаго же г. Соловьева, это тотъ брошенный вверхъ камень, который падаетъ на голову бросившаго и на головы его послѣдователей.

И. Бѣляевъ.

ОТВѢТЪ

НА ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ПИСЬМА

М. А. МАКСИМОВИЧА.

Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ я твою статью, очень ловко написанную, хоть и приходилось мнѣ подъ часъ проворчать съ Тарасомъ Бульбою: «да онъ славно бьется, ей Богу, хорошо; такъ, хоть бы даже и не пробовать». Безъ шутокъ: статья твоя прекрасна, но нисколько для меня не убѣдительна. Приступимъ скорѣе къ дѣлу.

Ты считаешь мою фантазію, мое мечтаніе болѣе достойными вниманія, болѣе достойными опроверженія, слѣдовательно болѣе опасными, чѣмъ ученыя изслѣдованія гг. Срезневскаго и Лавровскаго, на споръ съ которыми вызывалъ тебя я, въ вашей наукѣ дилеттантъ. Слишкомъ много чести для меня, но не слишкомъ ли мало справедливости къ «достойнымъ» (употребляю твое прилагательное) филологамъ?

Я предупредилъ читателей, представляя свои гаданія, что я не филологъ, а историкъ; я изложилъ весь процессъ своего мышленія—«путемъ не строгой филологіи, а наведенія, скользя, такъ сказать, по поверхности предмета.» Ты не умѣлъ оцѣнить моей искренности, въ жару своего мѣстнаго пристрастія, и даже вмѣнилъ мнѣ ее въ вину; ты не хотѣлъ стать на ту точку, на которую приглашалъ я безпристрастныхъ судей,—и пошелъ гулять на богатую общими мѣстами тему: «нельзя говорить безъ основаній.» Но вѣдь нашлись основанія подъ мою фантазію, и *а*, и *е*, и *и*, и *о*, и *у*.

Зачѣмъ же ты не разобралъ, по правиламъ науки, филологическихъ доказательствъ гг. Срезневскаго и Лавровскаго? Вотъ съ кѣмъ тебѣ надо было имѣть дѣло, съ борцами, носящими одинакое съ тобою оружіе! А ты «присунулся» къ простодушному Великороссіянину, что самъ открылъ свою грудь подъ удары и явился на поле сраженія безоружный, по примѣру древнихъ своихъ предковъ, которые, «ссѣдше съ конь, и порты и сапозѣ сметавше, боси поскочиша.» Тебѣ показалось веселѣе поиграть съ нимъ, какъ кошкѣ съ мышью, причитая ему всѣ его слова, въ разныя времена, при разныхъ случаяхъ, съ разными цѣлями, разнымъ лицамъ сказанныя, толкуя ихъ по своему, стягивая насильственно вмѣстѣ—изъ примѣчаній, изъ рецензій, изъ писемъ, изъ антикритикъ; тебѣ показалось нужнѣе столкнуть прежде въ яму его, ѣхавшаго съ тобою, опустивъ поводья, съ полной довѣрчивостію, и отмстить, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, за Варяго-Норманскую схватку. Но Норманны сами по себѣ, а фантазія о древности Малороссіянъ въ Кіевѣ сама по себѣ.

Исторія всѣхъ наукъ представляетъ мысли, чаянія, догадки, предположенія, которыя вспадаютъ на умъ труженикамъ, когда они подходятъ, такъ сказать, къ краю на пути своихъ изслѣдованій, или встрѣчаютъ неприступную стѣну. Эти мысли бываютъ иногда дальнѣйшимъ заключеніемъ прежнихъ ихъ убѣжденій, иногда хватаются ими въ отчаяніи съ облаковъ.

Ты, напримѣръ, знаешь козачество лучше насъ всѣхъ; много ты объ немъ думалъ, — но какъ ты ни напрягалъ своихъ умственныхъ силъ, какъ ни старался собрать всѣ нужныя свѣдѣнія, какъ наконецъ ни желалъ изъ глубины сердца (и эту силу желанія надо брать въ расчетъ) объяснить себѣ ихъ происхожденіе, этотъ любезный для тебя предметъ, ты не могъ ничего сдѣлать, и въ отчаяніи бросился, куда—въ Тмуторакань.

Ну, еслибъ я, по твоему телеграфскому методу, началъ выводить узоры по этому полотну: вотъ, де, гдѣ очутился М. А. Максимовичъ послѣ такихъ и такихъ странствій,— въ Тмуторокани. Ты согласишься, что я разгулялся бы

пошире твоего, но я не Телеграфъ, а Московскій Вѣстникъ и Москвитянинъ. Я уважаю даже salto mortale, которое иногда лучше всякихъ основаній объясняетъ дѣло, заключаетъ богатѣйшую руду рѣшеній и представляетъ вѣрное положеніе, хоть подтвердить его и нельзя. Припомни стихъ Крылова: не все вѣдь по суду докажешь!

Я не смѣюсь впрочемъ надъ Тмутораканью съ умысла. Докажи мнѣ только, что козаки Тмутораканцы, тогда ты услышишь отъ меня: Тмутораканъ — Норманская колонія. Вотъ будетъ потѣха-то: не только Русь—Норманны, которыхъ ты оспориваешь, но даже козаки, любезные твои козаки— по собственному твоему изслѣдованію, окажутся Норманскими правнуками! Заранѣе услаждаюсь твоими доказательствами. Нельзя ли покрѣпче!

Теперь объ основаніяхъ, за которыя ты такъ сильно ратуешь. Основанія бываютъ различныя.

Шлецеръ провозгласилъ, и съ достаточными, кажется, основаніями: не говорите о народахъ прежде, нежели они являются подъ своимъ именемъ въ Исторіи! Всѣ ему повѣрили, и мы не смѣли заикаться о Славянахъ прежде 6 вѣка. Венелинъ пустилъ между нами впервые мысль, что народы могутъ скрываться долго подъ другими именами, и представилъ разительный примѣръ. Шафарикъ далъ наконецъ убѣдительныя доказательства древности Славянъ и заключилъ, что они пришли въ Европу послѣ Грековъ, Латинъ, Ѳракійцевъ и Кельтовъ. Но вотъ Хомяковъ находитъ Славянъ въ Вандеѣ, Колляръ въ Италіи, Фальмерайеръ въ Греціи, Мацѣевскій и Вельтманъ въ Германіи, Чертковъ во Ѳракіи, и мало ли кто гдѣ, одни съ основаніями, другіе безъ основаній, надъ коими смѣется Шафарикъ,—а мнѣ приходитъ въ голову мысль: да не были ль Славяне первымъ слоемъ Европейскаго населенія, на который легли и сѣли послѣ другіе пласты: Кельты, Латины, Греки, Нѣмцы; отъ того-то и сквозятъ теперь они со дна и приводятъ насъ въ искушеніе? Для этой мысли нѣтъ основаній, противъ всѣхъ она авторитетовъ: позволишь ли ты имѣть мнѣ ее, или нѣтъ?

Наконецъ, чтобъ возвратиться къ Малороссійскому нарѣчію, изъ-за котораго завязался нашъ споръ, ты возстаешь на меня,

потѣшаешься надо мною въ особенности за то, что я, не зная Малороссійскаго нарѣчія, не имѣя основаній, осмѣлился говорить объ немъ и утверждать, что Малороссіяне пришли въ Кіевъ поздно.

Да въ этомъ-то незнаніи и заключается мое основаніе. Разсуди внимательно: я не знаю по Малороссійски, а лѣтописи, Несторову и Кіевскую, понимаю сполна, слѣдовательно въ нихъ нѣтъ ничего Малороссійскаго; а еслибъ оно было, такъ я не могъ бы такъ понять лѣтописей. Видишь ли мое основаніе? Видишь ли, что мое незнаніе приноситъ мнѣ въ этомъ случаѣ больше пользы, чѣмъ тебѣ твое знаніе? Видно, братъ, не знать иногда лучше, чѣмъ знать! Только ты не выводи изъ этого похвалы невѣжеству отъ моего имени—оборони тебя Богъ! Невѣжества никакого я терпѣть не могу. Ну—отшутился ли, отговорился ли я? Или пошутить еще?

Лѣтъ тридцать почти тому назадъ, разъѣзжалъ я съ М. С. Щепкинымъ по Малороссіи. Я не хочу отстать отъ тебя въ снабженіи статьи локальнымъ, какъ говорится нынѣ, колоритомъ и индивидуальнымъ интерессомъ. Лежалъ я однажды, грѣясь на солнышкѣ, въ Ромнахъ надъ Сулою. Идутъ мимо кацапъ съ хохломъ. Кацапъ, разумѣется, плутъ, говоритъ добряку-хохлу: ты языкомъ-то не лякочи, а иди на благочестіе. Пойдемъ же и мы на благочестіе. Слушай. «Курьску изволи ити,» сказалъ Великій Князь Всеволодъ Ольговичь Мономахову сыну Андрею, а тотъ отвѣчалъ: «Лѣпьши ми того смерть и съ дружиною на своей отчинѣ и на дѣдинѣ взяти, нежели Курьское княженье: отецъ мой Курьскѣ не сѣдѣлъ, но въ Переяславли. Хочю на своей отчинѣ смерть пріяти. Оже ти, братъ, не досити волости, всю землю Рускую дьржачи, и хощеши сея волости, а убивъ мене, а тобѣ волость, а живъ не иду изъ своей волости. Обаче не дивно нашему роду, тако же и переже было: Святополкъ про волость чи не уби Бориса и Глѣба? А самъ чи долго поживе? Но и здѣ живота лишенъ, а онамо мучимъ есть вѣчно.»

Всеволодъ Ольговичь послалъ еще сказать Андрею:

«видиши, яко я къ тобѣ креста еще не цѣловалъ, а то ми былъ Богъ далъ, оже ся есте сами зажгли. Аже бы лиха хотѣлъ, то что бы ми годно, тоже бы створилъ. А нынѣ цѣловалъ еси хрестъ ко мнѣ—аже исправишь, а то добро, не исправишь ли, а Богъ будетъ за всимъ.»

Я спрашиваю всякаго безпристрастнаго, грамотнаго человѣка, знакомаго съ существомъ языковъ: живыя это рѣчи или нѣтъ?

Живыя, живыя, живыя! Такъ именно, этими словами, говорили между собою Всеволодъ и Андрей, и лѣтописатель, человѣкъ того же рода, что и князья, занесъ ихъ рѣчи *живьемъ* въ свою лѣтопись, писанную на томъ же самомъ живомъ языкѣ.

Что ты ни пиши, какую диссертацію ни сочини объ *а*, какое изслѣдованіе ни сдѣлай объ *е*, какое разсужденіе ни представь объ *у*, съ переверткою *жд*, я съ тобою не соглашусь, не повѣрю, чтобъ приведенныя рѣчи были мертвыя, переводныя,—чтобъ онѣ были переведены съ живаго, яко бы Малороссійскаго языка, на мертвое церковное нарѣчіе!

Я нарочно привелъ тебѣ примѣры другіе, а не взялъ ихъ изъ выданныхъ прежде на твое разтерзаніе дюжинъ, въ доказательство, что у меня ихъ столько, сколько душѣ угодно.

Если же это живыя рѣчи, то не могли онѣ принадлежать Малороссіянамъ, а принадлежали Великороссіянамъ, слѣдовательно въ Малороссіи теперешнихъ Малороссіянъ въ 12 столѣтіи не было, что и слѣдовало доказать, quod erat demonstrandum. Вотъ тебѣ разъ!

А вотъ два: ты кланяешься моему словарю удѣльныхъ князей, хоть объ изданіи его впрочемъ искренніе и безпристрастные друзья исторіи не нашли еще случая, кажется, упомянуть нигдѣ, даже въ библіографической хроникѣ; но не объ нихъ рѣчь, а вотъ объ чемъ: въ трехъ стахъ этихъ біографій есть ли одна, которая напомнила бы Тараса Бульбу, или Пѣтра, что въ «Страшной мести» столкнулъ своего друга въ яму?

Ты скажешь: мы не знаемъ такъ подробно жизни на-

шихъ древнихъ князей, какъ знаемъ, благодаря художнику, Тараса или Пётра. Нѣтъ—мы знаемъ многія частныя черты, чтобъ судить о характерѣ Владимира, Василька, Давыда, Святополка, Владимира, Рюрика Ростиславича, Романа Мстиславича, Мстиславовъ, и проч. и проч. Да самъ Мономахъ, наиболѣе намъ въ подробностяхъ извѣстный, не есть ли чистый Великороссійскій характеръ?

Нисколько не думаю я отдавать преимущество Великороссійскому характеру передъ Малороссійскимъ, и радъ покланяться съ тобою Богдану также, какъ и Мономаху. Видишь ли мое безпристрастіе, съ котораго и бери примѣръ.

Далѣе—Галицкіе бояре похожи ли на Новогородскихъ и прочихъ Русскихъ бояръ?

Нѣтъ, не похожи. Нигдѣ не найдешь ты сходства съ ними въ Русскихъ лѣтописяхъ. Ты скажешь, что подобныя черты въ нихъ пропали. Нѣтъ, были тамъ-сямъ подобныя обстоятельства, случаи въ томъ и другомъ княжествѣ, гдѣ могли бы эти черты оказаться, и попасть въ лѣтописи, но ихъ нѣтъ, слѣдовательно и не было.

Разсмотри, на примѣръ, убійство Андрея Боголюбскаго во Владимирѣ, послѣдующіе мятежи, обращеніе къ сосѣднему Рязанскому Князю объ избраніи ему преемника — черты чисто Великороссійскія!

Сравни теперь исторію своихъ любезныхъ гетмановъ съ исторіей Галицкихъ бояръ, съ исторіей, пожалуй, современниковъ Курбскаго. Онѣ похожи, какъ двѣ капли воды! Съ этихъ сторонъ исторія у насъ еще не смотрѣла.

Перехожу къ твоимъ разсужденіямъ:

Ты говорилъ очень много, и одного письма не достало только до дюжины, а если счесть приписку, то и меньше, но ты не доказалъ, что настоящій нашъ письменный Великороссійскій языкъ не могъ по законамъ Филологіи произойти изъ Церковнаго языка, языка лѣтописей.

Ты не доказалъ, что онъ искони есть языкъ совершенно отличный отъ Церковнаго. Это-де двѣ паралельныя линіи, а вотъ, де, формы нарѣчія Великороссійскаго, которыхъ никогда не было въ Церковномъ, которыя столь же древни,

какъ онъ, или по крайней мѣрѣ скрываются въ незапамятныхъ временахъ!

Ты не доказалъ, почему въ Малороссіи нѣтъ пѣсенъ о Володимерѣ, и ссылка твоя на его святость ни мало не объясняетъ моего недоумѣнія, потому что есть много у васъ пѣсенъ и о Святыхъ — о Лазарѣ, Георгіѣ, Алексіѣ Божьемъ человѣкѣ и проч.

Ты не доказалъ, почему безграмотный Маллороссіянинъ не пойметъ хорошо страницы лѣтописей, что перевести ее на Малороссійское нарѣчіе гораздо труднѣе, нежели на Великороссійское, для котораго едва перомъ прикоснуться нужно, перемѣнить два-три окончанія, и только!

Я могъ бы остановиться здѣсь, потому что дальнѣйшее продолженіе спора относится по принадлежности къ гг. Срезневскому и Лавровскому, которые пошли даже гораздо дальше моего; но я переберу нѣсколько твою дюжину-безъ малаго, чтобъ пояснить разныя мелкія недоразумѣнія, и сказать что-нибудь, можетъ-быть полезное для молодыхъ друзей науки, которыхъ я преимущественно имѣю въ виду среди всѣхъ своихъ работъ.

Въ первомъ письмѣ своемъ ко мнѣ ты приводишь разныя мои прежнія положенія. Позволь напомнить тебѣ замѣчаніе Шлецера, котораго, жаль мнѣ, что ты вполнѣ не знаешь: «черезъ много лѣтъ позволено себѣ противорѣчить, то есть, между тѣмъ еще чему-нибудь поучиться.» Съ 1845 года я издалъ четыре тома Изслѣдованій, изъ коихъ каждый, ты видишь, сколько стоитъ мнѣ труда! Когда я прошелъ жизнь всѣхъ князей по одиначкѣ, то я узналъ ихъ покороче, нежели когда они представлялись мнѣ въ кучахъ, безпрерывно измѣнявшихся. Въ прежнемъ названіи тѣхъ или другихъ Малороссіянами, въ мимоходныхъ, случайныхъ замѣчаніяхъ, было только логическое развитіе одного и того же положенія о различіи современныхъ нарѣчій. Слѣдовательно припоминать тебѣ мои прежнія замѣчанія было не нужно, тѣмъ болѣе, что я самъ изложилъ весь ходъ своихъ убѣжденій и объяснилъ, какъ и почему которое видоизмѣнялось. Добровскій, геніальный Добровскій, посвятившій всю свою жизнь изученію Славянскаго

языка, называлъ его то Сербскимъ, то Болгарскимъ, и въ предисловіи къ своей монументальной грамматикѣ, коею увѣнчалась черезъ 50 лѣтъ его безпримѣрная дѣятельность, о Церковномъ языкѣ сущую нелѣпицу молвилъ: «это-де Сербо-булгаро-македонское нарѣчіе!» А ты требуешь у меня единства и возвращаешься нѣсколько разъ къ моимъ противорѣчіямъ, мнимымъ и немнимымъ, только для эффекта, за которымъ намъ, братъ, гоняться не подъ лѣта. Насъ занимать должно одно дѣло, а бездѣлье предоставимъ историческимъ вертопрахамъ...

Ты удивляешься тутъ же, что чтеніе Кіевской лѣтописи «облекло утро въ сумракъ ночи.» Кіевскую лѣтопись я зналъ тогда, какъ ты гербаризировалъ еще на Воробьевыхъ горахъ и не имѣлъ понятія ни объ какихъ лѣтописяхъ; слѣдовательно чтеніе Кіевской лѣтописи не могло сообщить мнѣ никакой новости, но приведена мною она только, какъ степень въ развитіи моей мысли.

Во второмъ письмѣ твоемъ ты взводишь на меня совершенную напраслину. Ты говоришь: «Нынѣ ты, любезный академикъ, отожествляя Велико-Русское нарѣчіе съ Церковно-Славянскимъ, производишь разомъ два разрыва въ естественномъ родствѣ Славянскихъ языковъ: во первыхъ, ты отрываешь Церковно-Славянскій языкъ отъ ближайшихъ съ нимъ языковъ Задунайскихъ или Юго-Западныхъ...» стр. 84.

Съ чего же ты это взялъ? Церковно-Славянскій языкъ остается совершенно на прежнемъ мѣстѣ, въ прежней связи съ «языками Задунайскими или Юго-Западными.» Я представляю только Велико-Россійское нарѣчіе, какъ дальнѣйшее его во времени развитіе, то есть, я составляю изъ двухъ нарѣчій одно, и не разрываю ничего.

«Во вторыхъ,» (продолженіе обвиненія) «ты разрываешь ближайшее родство Русскихъ нарѣчій, по которому Малороссійское и Велико-Россійское нарѣчія, или, говоря полнѣе и точнѣе, Южно-Русскій и Сѣверно-Русскій языки—родные братья, сыновья одной Русской рѣчи.» стр. 85.

«Во вторыхъ» точно такъ же несправедливо, какъ и «во первыхъ,» ибо ничего не утверждалъ я противъ роднаго

братства нарѣчій Велико-Россійскаго и Малороссійскаго, и Малороссійское нарѣчіе можетъ оставаться спокойно въ тѣхъ же родственныхъ отношеніяхъ къ Велико Россійскому; хотя сіе послѣднее и пріобрѣтетъ себѣ въ Церковномъ нарѣчіи нѣсколько лишнихъ заявленныхъ степеней древности. Ты откопалъ мои слова, очень неопредѣленныя, въ какомъ-то замѣчаніи, которое я сдѣлалъ мимоходомъ, съ цѣлію только вызвать на объясненіе вопроса, что повторялъ я часто въ разныхъ формахъ, и *пропустилъ* главныя слова текста, въ которыхъ я отдалъ полную честь твоему любезному нарѣчію: «Россія заключаетъ въ себѣ отрасли и корни всѣхъ племенъ Славянскихъ, и двумя главными своими нарѣчіями, Велико-Россійскимъ и Малороссійскимъ, имѣющими свойства едва ли не всѣхъ Западныхъ и Восточныхъ нарѣчій, на кои раздѣляется обыкновенно Славянскій языкъ, можетъ считаться представительницею всего Славянскаго міра, не только по своей силѣ, могуществу, числу, но и по внутреннему своему составу и языку.»

Слѣдовательно предубѣжденій противъ Малороссійскаго нарѣчія я не имѣлъ, хоть и смѣялся внутренно, что ты, въ своей Исторіи Русской Словесности стр. 131, Малороссійское нарѣчіе ставишь во главѣ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій.

Разбирать долѣе злосплетенную паутину этого письма утомительно; внимательный читатель найдетъ выше самъ объясненіе мнимыхъ противорѣчій, и происхожденіе, какъ сходства, такъ и различія Малороссіянъ съ Великороссіянами, которыми ты хотѣлъ произвесть эффектъ и можетъ-быть успѣлъ для читателей, незнакомыхъ съ сущностію дѣла.

Въ заключеніе этого письма ты смѣешься надо мною, приводя слова г. Каткова, совершенно противуположныя другимъ, которыя я выставилъ, какъ согласныя съ моею фантазіею.

Позволь мнѣ расплатиться съ тобою словами г. Бодянскаго, которыми ты напрасно подтверждаешь свое мнѣніе о близости Церковно-Славянскаго языка къ Болгарскому: «нарѣчія эти уже въ историческое время существовали и отличались другъ отъ друга тѣми же существен-

ными признаками, какими и теперь, спустя слишкомъ тысячу лѣтъ.» Какую же выгоду получаешь ты для убѣжденія о близости этихъ языковъ, если они и за тысячу лѣтъ такъ же различались, какъ теперь? Покажите намъ, какіе за тысячу лѣтъ были ближе другъ къ другу, между какими было меньше различія? Помилуйте, господа филологи!—«безъ основаній», «не зная нарѣчій», одно ухо намъ говоритъ, что даже нынѣшній Великороссійскій языкъ, не только языкъ лѣтописей, ближе къ языку Церковному 9-го столѣтія, чѣмъ Болгарскій, по вашимъ собственнымъ словамъ за тысячу лѣтъ уже имѣвшій тѣ же существенныя отличія!

Слова г. Сухомлинова ты называешь моею соломинкою. Ни г. Сухомлинова, ни гг. Каткова, Григоровича, Кубарева, не призывалъ я къ себѣ въ помощь, а приводилъ ихъ слова, какъ доказательство проявленія одной и той же мысли въ разныхъ формахъ, точно такъ, какъ ты приводишь слова Добровскаго съ Сербо-булгаро-македонскимъ, Востокова съ древнимъ Болгарскимъ, и даже Копитара съ Паннонскимъ языкомъ, въ подтвержденіе, что Церковный принадлежитъ къ отдѣлу Задунайскому.

Вотъ, за напоминаніе о словахъ Шишкова, хотя безотчетныхъ и безотчетное, я тебѣ благодаренъ, потому что я или не зналъ ихъ, или забылъ.

Въ третьемъ твоемъ письмѣ ты разсказываешь мнѣ, между прочимъ, что сказанья и пѣсни о пирахъ Володимеровыхъ и другихъ его похожденіяхъ были.... и на Украйнѣ, въ древнее время, «и это видно изъ лѣтописи Нестора» и проч. Позволь мнѣ сказать тебѣ, что это говорилъ я на своихъ лекціяхъ еще двадцатыхъ годовъ, и въ 1829 году, слѣдовательно за 30 лѣтъ почти, заявилъ въ заглавіи разсужденія: о системѣ сказокъ въ древней Русской Исторіи, изъ котораго Полевой скропалъ тогда же цѣлую статью или главу. Въ 1838 году напечаталъ я объ нихъ разсужденіе, кажется, въ Библіотекѣ. Въ 1839 въ 1-мъ томѣ Изслѣдованій. Въ 1846 году, въ письмѣ къ Шевыреву, напечатанномъ по поводу его лекцій объ Игоревомъ Словѣ, представилъ объ нихъ дополни-

тельное извѣстіе, которое подало тебѣ поводъ прислать мнѣ свои замѣчанія. А теперь ты моимъ же добромъ, да только мнѣ не челомъ!

Ты говоришь здѣсь, что пѣсни Володимеровы у насъ сочинены послѣ Татаръ. Нѣтъ, не сочинены, а измѣнены, передѣланы. Ты приводишь, на примѣръ, на стр. 138. Гетмана Бошняка Шелудиваго, происшедшаго изъ Хана Боняка, который подвизался въ сторонѣ преданій, въ XI-мъ вѣку. Видишь ли, какъ ведутся и передѣлываются народныя преданія?

Въ одномъ изъ примѣчаній къ третьему письму ты говоришь, что мнѣ имя Добрыни казалось только нѣсколько Славянскимъ, и спрашиваешь меня, стр. 93: «отъ чего же нѣсколько, а не вполнѣ? Хотѣлось тебѣ, чтобъ и Добрыня былъ вѣроятно Норманномъ?» Я не могъ понять, гдѣ, когда и какъ я могъ сказать что-нибудь, изъ чего бы можно было вывести подобный вздоръ; перерылъ съ досадою множество своихъ статей, но наконецъ нашелъ, и что же я нашелъ? На оборотъ, что имя Добрыни я называлъ не нѣсколько, а именно вполнѣ Славянскимъ. Ты же перенесъ нарѣчіе отъ глагола къ прилагательному, да и взвелъ на меня такую смѣшную напраслину! Вотъ какъ было у меня написано въ 149-мъ примѣчаніи ко II тому Изслѣдованій: «этому противорѣчитъ нѣсколько Славянское имя Добрыни», то есть: этому нѣсколько противорѣчитъ Славянское имя Добрыни. О, Телеграфъ! Ну, не долженъ ли я на тебя сердиться, что ты заставляешь меня на старости лѣтъ наводить такія справки!

Въ четвертомъ письмѣ своемъ ты не понимаешь, какъ могъ я назвать справедливымъ утвержденіе: «будто «бы въ древне-Русскихъ памятникахъ.... Русскій на«родный языкъ не показался нигдѣ своими особенно«стями, и потому онъ безразличенъ, тожественъ съ «языкомъ нынѣшнимъ. Да не самъ ли ты приводишь «изъ Нестора и Кіевской лѣтописи.... цѣлый рядъ такихъ «мѣстъ, въ которыхъ различаешь слова и обороты не-Цер«ковныя, но, по твоему, чисто Великороссійскія, и это «различіе, этотъ рядъ выписокъ, ты полагаешь въ осно-

«ваніе твоей новой системы?...» Отличая ихъ отъ про-«чихъ Церковныхъ формъ въ языкѣ Нестора и Кіевской «лѣтописи, ты самъ показываешь въ немъ очевидно при-«сутствіе и сочетаніе двухъ языковъ.... Церковно-Славян-«скаго и народно-Русскаго.» стр. 94. Тебѣ хочется пой-мать меня здѣсь въ противорѣчіи. Нѣтъ, противорѣчія ты не найдешь, если захочешь вникнуть поглубже въ мою мысль, которую я повторю для тебя, пожалуй, вкратцѣ: Славянскія племена перетасовались между собою въ незапамятной древности, какъ доказываютъ ихъ раз-сѣянныя имена. Одно и тоже племя оказалось въ Маке-доніи, Кіевѣ, около Волги, можетъ быть, въ Крыму. Въ разныхъ мѣстахъ оно подвергалось разнымъ вліяніямъ, получило разныя отличія,—вотъ тебѣ и объясненіе отличій въ языкѣ лѣтописей отъ языка Остромирова Евангелія. Вотъ что я разумѣлъ подъ Великороссійскими, не-Церков-ными словами и оборотами въ лѣтописяхъ. Ясно ли?

Ты не упускаешь еще случая попрекнуть меня за нор-манство. « Ты де и Миѳологію нашу считаешь Нор-манскою. » Да, да, я почитаю Варяговъ-Русь Норманнами, хоть и долго было это мнѣ очень противно, и очень хотѣ-лось мнѣ, чтобъ они были Славянами. Я остаюсь твердо убѣжденнымъ, что Норманны принесли намъ гражданствен-ность, свои имена, свои обычаи, свои законы и свои вѣ-рованія (не могли жъ они придти, отрѣшась отъ своей прежней жизни). Все это впослѣдствіи времени подверг-лось Славянскому туземному вліянію и составило нако-нецъ едино. Я убѣжденъ въ норманствѣ Варяговъ, какъ убѣжденъ былъ и Карамзинъ.

Припомню здѣсь кстати его выраженіе, мнѣ сказанное, и врѣзавшееся въ моей памяти, когда я представилъ ему свой переводъ Эверса, изданный Историческимъ Общест-вомъ. (Прежде посвятилъ я ему « О происхожденіи Руси »). « Ну , вотъ зачѣмъ Общество распространяетъ такія мнѣнія (о козарствѣ Руси)? То-то, у насъ есть слова, а нѣтъ вещей. Если есть какая историческая истина , такъ это, что Рюрикъ былъ Норманнъ. Здѣсь нѣтъ ни-

какого сомнѣнія, какъ нѣтъ сомнѣнія въ Сципіонѣ, или, я не знаю, въ чемъ.»

Занимаясь Норманнами много лѣтъ, отыскивая и находя ихъ слѣды въ нашей древней исторіи, я, разумѣется, пристрастился къ нимъ, но теперь, теперь дорожу я только историческою истиною, да настоящимъ положеніемъ племенъ, и рѣшительно равнодушенъ къ тому, тотъ ли, другой ли элементъ занималъ сначала главное мѣсто. Какъ убѣжденъ я въ норманствѣ Варяговъ-Руси, такъ убѣжденъ, что все, написанное до сихъ поръ о славянствѣ Варяговъ-Руси, отъ Ломоносова до тебя включительно, не выдерживаетъ критики. Что откроется впередъ о славянствѣ Варяговъ-Руси, я не знаю, но готовъ выслушать и принять всякое дѣльное изслѣдованіе.

Лѣтъ пять тому назадъ, я нечаянно встрѣтился въ Петербургѣ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, г-мъ Г., и услышалъ отъ него такія примѣчательныя о Сѣверныхъ Славянахъ соображенія, что онѣ возбудили все мое вниманіе. Я увидѣлъ въ нихъ новый шагъ впередъ, и вмѣстѣ возможность соединенія, примиренія двухъ системъ о происхожденіи Руси. Съ тѣхъ поръ я ничего не слышу объ немъ и жалѣю, что онъ не издаетъ своихъ любопытныхъ изслѣдованій. Видишь ли мое безпристрастіе? А ты все тотъ же щирый Малороссіянинъ, какъ былъ и прежде.

Что ты говоришь далѣе о « Русскихъ » словахъ въ договорахъ, « головахъ » и проч., и почему съ такимъ напряженіемъ раздѣляешь народныя Русскія формы въ Словѣ о полку Игоревѣ отъ находящихся тамъ же Церковныхъ формъ, я рѣшительно не понимаю.

« Голова, голосъ, соловій, молодый, золото, шеломъ или шоломъ, молотятъ, городъ, ворота, заборолó, воронъ, хоробрый, берегъ, одинъ, озеро, собѣ, ночь. »

« Неужели и здѣсь », заключаешь ты съ торжествомъ, « не показалась еще наша народная Русская рѣчь своими особенностями? » Ну, да, показалась; но развѣ я говорю другое? Всѣ приведенныя тобою слова суть такъ же чисто Великороссійскія, и ты можешь сказать только, если онѣ принадлежатъ и Малороссійскому нарѣчію, что ихъ нельзя

употреблять для исключительнаго доказательства въ пользу первыхъ, точно такъ, какъ ты долженъ бы былъ сказать только это и о трехъ мнихъ, по твоему счету, Великороссійскихъ дюжинахъ, составляющихъ предметъ твоихъ писемъ, пятаго, шестаго, седьмаго и проч.

Отправляя мое письмо г. Срезневскому для напечатанія, я просилъ его, кажется, исключить изъ моего списка слова, неправильно мною приведенныя, но онъ напечаталъ ихъ сполна, изъ чего я заключилъ было о своей правости.

Ты подбираешь къ нимъ Малороссійскія, это ничего еще не значитъ; я подберу къ нимъ, пожалуй, изъ словаря Линде Польскія, Юнгманова Чешскія, Вукова Сербскія, (есть хваты подбирать изъ Греческаго, Латинскаго, Кельтическаго, а о Санскритскомъ и толковать нечего), но, главное, складъ, тонъ, эта совокупность, или, я не знаю ужъ, какъ лучше выразиться, эта понятность рѣшаетъ, по моему мнѣнію, въ пользу Великороссійскаго нарѣчія. А Малороссійскихъ, исключительно Малороссійскихъ словъ и оборотовъ въ лѣтописяхъ нѣтъ, нѣтъ, не смотря на твое горячее желаніе отыскать хотя малую толику, что для меня весьма примѣчательно и важно. Тѣ, на которые ты указываешь въ своихъ седьмомъ, осьмомъ и девятомъ письмахъ, такъ же чисто Великороссійскіе, какъ и выбранные на удачу мною, и потому напрасно ты говоришь (ст. 106.): «вольно же тебѣ называть Великороссійскимъ то, что принадлежитъ въ Несторѣ и Кіевской лѣтописи Малороссійскому нарѣчію и языку Церковному.» На оборотъ, вольно тебѣ называть Малороссійскимъ то, что принадлежитъ намъ искони. Возми же назадъ свое обвиненіе: не добро есть преступати предѣла чужаго!

Ты указываешь, на примѣръ, на: «а думай, гадай о Русской землѣ».... «думати-гадати есть одно изъ любимѣйшихъ выраженій пѣсеннаго и разговорнаго языка Южно-Русскаго.» Помилуй, выдь на улицу въ Москвѣ, и ты на всякомъ шагу отъ любой бабы подслушаешь: я не думала, не гадала, и проч.

Ты присвоиваешь себѣ звукъ «а» и съ торжествомъ замѣчаешь, что мой корректоръ Великороссіянинъ поставилъ

«отпроводя» вмѣсто «отпровадя», принадлежащаго Малороссійскому нарѣчію, и насчитываешь всѣ глаголы: провадити, запровадити, и проч. Помилуй! Проважать, т. е. *а* вмѣсто *о*, есть обыкновеннѣйшій Московскій выговоръ, который ты услышишь повсюду, и ты самъ, на стр. 129., приводишь: *«званять въ калакала.»* Мнѣ даже бываетъ досадно на это слишкомъ усиленное смягченіе, и я особенно любилъ произношеніе нашего незабвеннаго Мерзлякова, у котораго слышалось *о*, но безъ сѣверной грубости.

Такъ точно не принимаю я исключительности Малороссійской въ перемѣнѣ *г* на *з*, стр. 116.: *при дорозѣ*. Самая общенародная Русская пѣсня есть *во лузѣхъ, въ лузѣхъ*, во зеленыхъ *лузѣхъ*. Теперь, на возвратномъ пути изъ чужихъ краевъ, свернувъ немного съ дороги въ Мосальскій уѣздъ, я услышалъ отъ ямщика: *на лошадехъ*. За Вологдой я слышалъ гдѣ-то: *даси*.

Иные слова и обороты могли впрочемъ у насъ пропасть, какъ пропали другіе у васъ, или перемѣнить свое значеніе, что ты самъ замѣчаешь, стр. 129, о *заворожити, папорзъ, вѣверица, хоробрый.*

Совокупность всѣхъ этихъ впечатлѣній, замѣтокъ, бытей, и была источникомъ моей фантазіи, а не одна Кіевская Лѣтопись.

Что касается до Малороссійскаго нарѣчія, не находя нигдѣ удовлетворительныхъ о немъ свѣдѣній, я повторялъ безпрестанно о необходимости его ученой обработки, а ты, вмѣсто спасиба, подбираешь теперь по зернышку всѣ мои слова и силишься найти въ нихъ противорѣчія. Я готовъ признать древность Малороссійскаго нарѣчія, какую угодно, но прежде покажите мнѣ ее ясно. На твое безпристрастіе я не надѣюсь со времени нашего спора объ Андреѣ Боголюбскомъ, котораго ты ругалъ за разореніе Кіева 1169 года, никакъ не принимая въ разсчетъ, что разореніе Рюриково (Ростиславича) было гораздо болѣе достойно порицанія. Тогда же я рѣшился адресовать свое письмо, вмѣсто тебя, къ Срезневскому.

Въ осьмомъ письмѣ своемъ говоришь, стр. 122: «а съ какою правильностію и отчетливостію писали, прежде Нестора,

на Церковномъ языкѣ, и Новгородскій діаконъ Григорій въ Евангеліи Остромировскомъ (1056), и дьякъ Іоаннъ, вѣроятно Кіевскій, въ Изборникѣ Святославовомъ» (1073). Нѣтъ, не писали Григорій и Іоаннъ, а списывали. Это большая разница. Въ 17-мъ вѣкѣ, изъ котораго ты приводишь примѣръ, и даже въ 19-мъ вѣкѣ (читалъ ты Славянскую рѣчь Григоровича?) не мудрено съ помощію грамматики и лексикона писать по Славянски, не обранивая ни одного новаго слова и оборота, а въ 10, 11, невозможно.

Неужели ты думаешь, что въ числѣ пяти языковъ, извѣстныхъ Всеволоду, заключились Церковный и Малороссійскій? Чѣмъ нарѣчія ближе между собою, тѣмъ труднѣе ихъ не смѣшивать.

Въ девятомъ письмѣ, на Митрополита Кирилла III, на Серапіона изъ Кіева, на Святаго Петра Митрополита Волынца, на Епифанія Славинецкаго, ты показываешь, какъ на Малороссійскихъ писателей, стр. 126. Помилуй—да развѣ они писали по Малороссійски?

Вотъ замѣчаніе твое объ относительной молодости Карпатскаго нарѣчія передъ Украинскимъ, стр. 128., кажется мнѣ важнымъ. Если оно справедливо, тогда изъ Галиціи выводить Малороссіянъ нельзя; но у меня останется еще въ резервѣ внутренность Карпатскихъ горъ въ Венгріи, гдѣ нарѣчія еще не изслѣдованы!

Въ 10-мъ письмѣ ты надѣваешь на меня Малороссійской *кожухъ*, но это слово до Татаръ не встрѣчается, слѣдовательно мнѣ не принадлежитъ: скидаю. *Сорочка* употребляется у Великороссіянъ одинаково, а въ Церковномъ срачица. *Черевики* продолжаются у насъ до сихъ поръ. *Корзна* потеряли мы вмѣстѣ. Осталась у тебя одна *свита*, которую мы могли потерять такъ же (*), какъ вы, положимъ, потеряли *сапоги*. Но отъ *избы*, которая разъ пятнадцать втрѣчается въ лѣтописи, ты не отдѣлаешься никакъ: круци, верци, а треба вмерци!

(*) Нѣтъ, не потеряли и свиты: слушатели, которымъ я прочелъ свою статью, утвердили единогласно, что свита осталась до сихъ поръ въ Рязанской сторонѣ.

Квасъ и медъ, пожалуй, будемъ пить вмѣстѣ на здоровье.

Въ прибавленныхъ тобою примѣрахъ о словѣ «отечество», значеніе его подъ 1115 и 1147 г. кажется мнѣ не такъ яснымъ, какъ въ послѣсловіи мниха Лаврентія: странникъ въ отечество свое пришедъ.

Мнѣ остается еще расплатиться благодарностію за указаніе мнѣ ошибки въ моемъ древнемъ географическомъ словарѣ: точно надо писать Свинюхи, а не Свинуси, какъ я написалъ по предложному падежу. Ты не можешь себѣ вообразить, какое дѣтское удовольствіе приноситъ мнѣ такая поправка, подъ пару Росухѣ вмѣсто Росусы, за которую я тебѣ же обязанъ. Видишь, какъ я люблю дѣло, и въ знакъ благодарности служу тебѣ поправкою объ Князѣ Андреѣ, 1140 года, котораго ты напрасно назвалъ Юрьевичемъ. Это былъ Володимеровичь, и Ростиславъ приходился ему не братъ, а племянникъ. Квитъ ли?

Заключаю, чѣмъ и началъ. Статья твоя написана прекрасно, но какъ пристрастная антикритика, а не какъ безпристрастное разсужденіе о дѣлѣ. Ты долженъ былъ прежде всего разобрать основанія гг. Срезневскаго и Лавровскаго, и показать ихъ несостоятельность, а потомъ, въ дополненіе, произнести приговоръ моимъ мечтаніямъ, которымъ я самъ не придавалъ никакого особеннаго значенія, призывая знатоковъ на судъ и даже на осужденіе. Ты долженъ былъ спокойно объяснить мои недоразумѣнія и показать, что Великороссійскія, по моему, отмѣны суть вмѣстѣ и Малороссійскія и т. п. Я могъ получить ударъ развѣ рикошетомъ отъ гг. Срезневскаго и Лавровскаго, а ты поступилъ на оборотъ, оправдываясь тѣмъ, что не хотѣлъ идти на муху съ обухомъ и съ топоромъ за комаромъ. Пословицу эту повторю я съ злымъ умысломъ вызвать васъ повѣрнѣе на горячій споръ и объяснить спорное дѣло. А кстати я сердитъ теперь на нихъ не меньше, чѣмъ на тебя. Вообрази—первый, въ своемъ послѣднемъ разсужденіи объ Іоакимовой лѣтописи, причисляетъ меня къ противникамъ Татищева и выкапываетъ слово «неученый», которое я употребилъ о немъ, какъ бы ты думалъ, гдѣ?

Въ Отечественныхъ Запискахъ Свиньина, въ 1826 году, (тридцать лѣтъ назадъ) и не хочетъ знать, какую похвалу воздалъ я Татищеву въ своихъ Изслѣдованіяхъ. Позволительны ли такія вещи въ ученыхъ изслѣдованіяхъ? Второй, въ своихъ предисловіяхъ, послѣсловіяхъ, и вступленіяхъ, обходится такъ...... Но боюсь заговориться, и откладываю свой разсчетъ до другаго раза.

М. Погодинъ.

Декабря 8, 1856.
Дѣвичье Поле.

Т. Н. ГРАНОВСКІЙ

ДО ЕГО ПРОФЕССОРСТВА ВЪ МОСКВѢ.

II.

Жизнь за границею.

Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга Грановскій не исполнилъ одной, пустѣйшей просьбы моей къ нему, а между тѣмъ, прощаясь уже, завѣрялъ, что дѣло сдѣлано. Я узналъ о противномъ тотчасъ по возвращеніи съ его проводовъ. Со стороны Грановскаго, и по его понятіямъ, неправда, которую дозволилъ онъ себѣ, была сущимъ вздоромъ; меня, по моимъ понятіямъ, огорчила она до глубины души, хотя я и не могъ не видѣть, что огорчаюсь пустяками. Но пустяки эти, по моему, касались дружбы, а я былъ помѣшанъ на святости дружественныхъ отношеній и никакъ не понималъ, чтобы къ этимъ sacris можно было примѣшивать profana такъ, ради остраго словца или подобныхъ тому побужденій. Задѣтый за самую нѣжную и раздражительную струну сердца, я надулся, нахохлился и рѣшилъ во гнѣвѣ своемъ, не смотря на всѣ примирительные уговоры Невѣрова, не писать къ Грановскому, тогда какъ, по обѣщанію, мнѣ первому предстояло начать корреспонденцію. Не получая отъ меня ни строки, Грановскій, поселившійся въ Берлинѣ, все ждалъ, когда же разрѣшусь я посланіемъ въ Пруссію: а потомъ, узнавъ, что я дуюсь на него изъ-за извѣстнаго обстоятельства, не разсудилъ за нужное вступать въ объясненія. Такъ прошелъ цѣлый годъ, по чему и не осталось у меня никакихъ документовъ, при помощи коихъ могъ бы я разсказать съ нѣкоторою подробностію о жизни и занятіяхъ Т. Н. въ теченіе перваго времени пребыванія его въ Бер-

лиѣ. Изъ послѣдующей переписки знаю я только, въ общихъ чертахъ, что годъ этотъ, съ лѣта 1836 по лѣто 1837, работалъ онъ усердно, занимаясь преимущественно исторіею; сверхъ того, сталъ на ноги въ Латыни и началъ читать Гегеля. Любимыми профессорами его въ Берлинскомъ университетѣ были Ранке и Гансъ. Жилъ Грановскій въ совершенномъ уединеніи; не только не завелъ онъ знакомствъ въ Нѣмецкомъ обществѣ, но весьма мало знался даже съ Русскими педагогами, какъ и онъ, готовившимися въ столицѣ Пруссіи просвѣщать Россійское юношество. Удаляло его отъ сближенія съ ними понятное различіе во вкусахъ, образованіи, стремленіяхъ, во всемъ, что сближаетъ и связываетъ людей. Съ соотечественниками своими сходился онъ только за общимъ столомъ въ той гостинницѣ, куда всѣ они собирались обѣдать, да изрѣдка въ домѣ священника при нашемъ посольствѣ. Единственнымъ развлеченіемъ служилъ ему театръ, за то къ развлеченію этому онъ пристрастился; театръ сдѣлался для него необходимою потребностію: менѣе четырехъ разъ въ недѣлю не бывалъ онъ въ спектаклѣ, посѣщая преимущественно оперу. Я упомянулъ уже, что привычку проводить вечера въ театрѣ пріобрѣлъ Т. Н. еще въ Петербургѣ. Въ Берлинѣ расположеніе это развилось въ немъ сильнѣе и оправдывалось соединеніемъ тамъ, въ его время, самыхъ высокихъ сценическихъ талантовъ Германіи во всѣхъ родахъ. Ротъ, Бауэръ, Крюгеръ, потомъ Зейдельманъ, г-жа Крёлингеръ, д-ца Гагнъ, отличные артисты, каждый въ отдѣльности, восхищали образованную и взыскательную Берлинскую публику рѣдкой стройностію въ исполненіи разыгрываемыхъ пьесъ; пѣвицы Лёве, Фассманъ, Грюнбаумъ, приводили въ восторгъ меломановъ. Каждая, какъ водится, имѣла свою партію, враждебную къ прочимъ. Грановскій поклонялся мамзель Лёве.

Скоро, подъ вліяніемъ избранныхъ представителей Германской науки и Германскаго искусства, полюбилъ Т. Н. и Нѣмецкое. Соотечественники наши, особенно изъ такъ называемаго образованнаго класса, отличаются, какъ извѣстно, удивительною съ психологической точки зрѣнія падкостію къ увлеченію всѣмъ иноземнымъ, и еще болѣе удивительною способностію проникаться нерасположеніемъ къ своему родному. Къ слову сказать, источникомъ этой особенности можетъ быть общее цѣлому народу нашему, но проявляющееся преимущественно въ высшихъ его слояхъ, стремленіе къ совершенству, которое, какъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ, проникающемся горячею лю-

бовью къ идеалу, обнаруживается прежде всего враждою къ собственнымъ порокамъ и недостаткамъ, а въ другихъ поражается смиренно однѣми ихъ достоинствами,—стремленіе, какого не дано въ удѣлъ прочимъ племенамъ земли и которое по этому должно со временемъ поставить народъ нашъ во главѣ человѣчества. Хорошо, еслибы такъ! Но быть можетъ и то, что особенность эта есть духовная болѣзнь, недугъ, въ цѣломъ человѣчествѣ однимъ намъ свойственный, ибо ничего подобнаго не встрѣчается и не встрѣчалось не только между народами сильными въ настоящемъ или первенствовавшими въ прошломъ, но и между національностями второстепенными или еще несложившимися;—недугъ, къ освобожденію себя отъ котораго должны мы стремиться подъ опасеніемъ совершенной утраты народной личности и самостоятельнаго существованія. Страшно подумать, что истина можетъ быть на сторонѣ послѣдняго предположенія! Румунъ, Венгерецъ, Датчанинъ — и тѣ дорожатъ своею національностію, не хотятъ, чтобъ ихъ принимали за Славянъ или Нѣмцевъ; у нашего же брата, и на родинѣ, и внѣ отечества, одна забота: не походить на себя самаго. . . Какъ бы то ни было,—вопросъ слишкомъ важенъ, чтобы разбирать его мимоходомъ, — только Грановскій, нося въ себѣ зародышъ этого общаго Русскимъ недуга или достоинства, естественно могъ и долженъ былъ сдѣлаться за границею поклонникомъ Запада. Но почему преимущественно передо всѣмъ западнымъ пристрастился онъ къ Нѣмецкому, это не совсѣмъ ясно: при первоначальномъ въ развитіи его господствѣ французскаго вліянія, при занятіяхъ въ послѣдствіи Англійскою литературою, надлежало бы ожидать скорѣе, что онъ сдѣлается галломаномъ или англоманомъ. Такъ бы, можетъ быть, и сдѣлалось, если бы къ профессурѣ приготовлялся онъ не въ Берлинѣ, а въ Парижѣ или Эдинбургѣ. Но неужели же столь обаятельна Германская цивилизація, что года или двухъ на берегахъ Шпрее достаточно, чтобы Славянина, по природѣ своей антипатичнаго Германцу, и при томъ Славянина съ галло-британскими наклонностями, обратить, и по привычкамъ, и по образу мыслей, въ Пруссака?—Славянина съ болотъ Невскихъ или холмовъ Московскихъ, странствующаго по Европѣ безъ опредѣленной цѣли, или съ цѣлію убить время, два года на Шпреэ, думаемъ мы, не онѣмечатъ, тѣмъ болѣе, что у такого Москвича или Петербурца и терпѣнія не хватитъ прожить столько времени въ многоученомъ Берлинѣ; но если Москвичъ или Петербурецъ забирались въ столи-

цу Пруссіи, лѣтъ 15 — 20 тому, съ тѣмъ, чтобы питаться молокомъ германской науки, подобное вырожденіе бывало случаемъ весьма обыкновеннымъ. Объясняется оно весьма просто, недостаточностію ученаго образованія, съ которымъ отправлялись тогда въ Германію Русскіе искатели учености. Какія жалкія свѣдѣнія выносили въ то время изъ университетовъ нашихъ лучшіе ихъ воспитанники, говорено было выше. Понятно, что, являясь въ Берлинъ или Боннъ съ такимъ скуднымъ запасомъ, они необходимо должны были ослѣпляться и подавляться богатствами Нѣмецкой учености, существованія которыхъ и не подозрѣвали до тѣхъ поръ. Начиналось страстное, восторженное усвоеніе себѣ этой учености; но съ первыхъ шаговъ большая часть нашихъ мюридовъ должна была видѣть и видѣла, что сіи никогда не достигнуть до высоты Германскихъ шейховъ. Препятствія заключались въ отсутствіи прочнаго элементарнаго образованія: какъ, на примѣръ, возможно было для нихъ заниматься по источникамъ изученіемъ исторіи Греческой или Среднихъ Вѣковъ, когда по части Латыни знанія многихъ ограничивались грамматикою Цумпта, а по Гречески и читать иные не умѣли? По неволѣ приходилось довольствоваться ученическимъ усвоеніемъ себѣ, изъ профессорскихъ лекцій и гандбуховъ, лишь послѣднихъ результатовъ науки, безъ возможности обсудить и оцѣнить ихъ самостоятельно,— по неволѣ, вмѣсто пріобрѣтенія основательныхъ свѣдѣній изученіемъ дѣла по источникамъ, приходилось набираться ихъ на скорую руку изъ журнальныхъ обозрѣній и послѣдне-вышедшихъ монографій. И вотъ благоговѣніе передъ бездною Германской учености обращалось въ хроническое состояніе; черезъ два-три года входило оно въ плоть и кровь штудировавшихъ за границею, привозилось ими въ этомъ видѣ въ Россію и проповѣдывалось здѣсь съ искреннимъ, но тѣмъ не менѣе ребяческимъ одушевленіемъ. Къ чести многихъ, возвратившихся изъ Германіи съ ученостію такого рода, должно сказать однако же, что въ послѣдствіи, постоянными и хорошо направленными занятіями по избранной отрасли знаній, успѣли они болѣе или менѣе пополнить пробѣлы этой скороспѣлой учености, пріобрѣсти самостоятельность во взглядѣ, и за тѣмъ освободиться отъ фанатическаго поклоненія Нѣмецкимъ авторитетамъ. Правительство же, съ своей стороны, усилило строгость вступительныхъ университетскихъ экзаменовъ и приняло правиломъ посылать за границу, для приготовленія къ профессурѣ, не кандидатовъ, а магистровъ, то есть моло-

дыхъ людей, которые дома уже занимались спеціально какимъ-либо отдѣломъ наукъ, и потому менѣе доступны ослѣпленію западною ученостію. Въ Грановскомъ къ изложенной причинѣ онѣмеченія присоединялась и другая, весьма сильная—вытекавшее изъ артистической его натуры увлеченіе драматическимъ искусствомъ Германіи въ лицѣ отличнѣйшихъ его представителей и представительницъ. Видя, какъ высоко стояли въ Германіи наука и искусство, Грановскій уваженіе, внушенное ему этою высотою, перенесъ, незамѣтно для себя самаго, на все Нѣмецкое, и всѣ особенности нѣмецкой жизни показались ему чрезвычайно разумными и человѣческими. Это было увлеченіе души благородной и благодарной, но все таки увлеченіе— невольная дань аномальному процессу полученнаго на родинѣ образованія. Что же касается до дѣйствительности того факта, что Т. Н. успѣлъ онѣмечиться въ теченіе одного года пребыванія въ Берлинѣ, то въ свидѣтели этого могу я привести Невѣрова, который пріѣхалъ туда лѣтомъ 1837 года. Невѣровъ никогда въ жизни своей не имѣлъ ни малѣйшей наклонности къ образу мыслей, извѣстному подъ именемъ славянофилія, не было въ немъ ни капли того, что зовется у насъ кваснымъ патріотизмомъ; при всемъ томъ, его поразила перемѣна, происшедшая въ Т. Н. «Грановскій очень онѣмечился», писалъ Невѣровъ послѣ первыхъ проведенныхъ съ нимъ дней: «онъ такъ усвоилъ себѣ Нѣмецкій взглядъ на вещи, что не только науки, даже жизнь, привычки германскія, пустили въ него свои корни».

Какъ ни дулся я на Грановскаго за извѣстную продѣлку, ссора съ нимъ меня мучила. Цѣлый годъ я крѣпился, но, когда Невѣровъ уѣзжалъ за границу, я не выдержалъ и отправилъ съ нимъ къ «коварному, но все милому другу» объяснительное посланіе, въ которомъ излилъ все, что накопилось во мнѣ горечи и желчи; въ заключеніе возвѣщалось, разумѣется, что прежнія дружескія отношенія между нами не могутъ возобновиться. Грановскій не замедлилъ отвѣчать мнѣ такимъ же объясненіемъ:

«Письмо твое, мой милый Григорьевъ, привезенное мнѣ Невѣровымъ, столько же обрадовало, сколько огорчило меня. Я очень радъ, что ты наконецъ собрался высказать мнѣ, что у тебя было на душѣ, и тѣмъ вызвать меня къ отвѣту. Будешь ли ты доволенъ этимъ отвѣтомъ, оправдаетъ ли онъ меня предъ тобою, — не знаю. По крайней мѣрѣ ты поймешь, съ какой точки зрѣнія я смотрю на

наши прежнія и настоящія отношенія, и можетъ быть будешь справедливѣе ко мнѣ, нежели былъ доселѣ. Это главная цѣль моего письма: на возобновленіе нашей прежней связи я потерялъ надежду; ты самъ сказалъ мнѣ, что это невозможно, что я не могу уже быть для тебя тѣмъ, чѣмъ когда-то былъ. Благодарю тебя за прошедшую дружбу: она для меня была дороже, нежели ты думаешь, — мнѣ грустно думать, что ты ее у меня отнялъ; но просить о возвращеніи отнятаго я не могу и не хочу. Понимаю, что ты ошибся во мнѣ, что твое воображеніе одарило меня качествами, которыхъ у меня нѣтъ, но которыхъ ты требовалъ отъ друга. Потомъ ты понялъ свою ошибку: Грановскій, тобою созданный, исчезъ; явился настоящій, — и этотъ не понравился тебѣ. Во всемъ этомъ ни одинъ изъ насъ не могъ упрекать другаго; мы оба были неправы: ты не остороженъ, я глупъ. Ты любилъ во мнѣ не меня, а идеалъ твой; я очень добродушно принималъ на свой счетъ чувство, которое совсѣмъ не ко мнѣ относилось. Чье разочарованіе было тягостнѣе, твое или мое, Богъ знаетъ. . . . »

И такъ далѣе, все въ томъ же тонѣ; но какъ фальшивъ былъ такой тонъ съ моей стороны, столь же мало и фразы Грановскаго походили на его истинныя чувства; только на три страницы письма хватило у него натянутой серьезности; четвертая, наполненная уже смѣшными анекдотами о Невѣровѣ, кончалась весьма нѣжно. Тѣмъ не менѣе Невѣрову все еще казалось, что письмо Т. Н. жестко мѣстами, и потому можетъ не примирить насъ, а, пожалуй, разсорить еще болѣе. Изъ любви къ обоимъ намъ, онъ счелъ долгомъ снабдить нѣкоторыя выраженія Грановскаго смягчительнымъ комментаріемъ; Грановскій же завершилъ этотъ комментарій слѣдующею шутливою припискою:

« Не правда-ли, милый Григорьевъ, что комментарій Невѣрова похожъ на комментаріи прежнихъ Нѣмецкихъ ученыхъ къ древнимъ писателямъ? Также скученъ, безтолковъ и глупъ—только портитъ прекрасный текстъ. Нельзя сказать, чтобы въ немъ не было правды; на примѣръ то, что онъ говоритъ о моихъ отношеніяхъ къ тебѣ, справедливо; но слова его о моей собственной персонѣ — ложь. Ужасно лгать сталъ. Я его бью по нѣскольку разъ въ день, обливаю водою, запираю въ комнатѣ, а все толку мало. Вздумалъ увѣрять меня, что я онѣмечился, и такъ далѣе. Не вѣрь ему, голубчикъ, ей Богу, вретъ. Я Русскій отъ головы до ногъ. А что,

Вася, полно намъ дурачиться — помиримся. Въ письмѣ моемъ я высказалъ тебѣ все, что у меня было на душѣ; Невѣровъ говоритъ, что есть выраженія слишкомъ рѣзкія, но я оставилъ все безъ перемѣны, твое письмо также было не ласково. Если ты будешь отвѣчать мнѣ, то получишь огромнѣйшее посланіе стихами и прозою. Прощай, обнимаю тебя и жду милостиваго отвѣта».

Такимъ образомъ миръ, желанный съ обѣихъ сторонъ, былъ заключенъ и между нами началась живая переписка, которой читатели и обязаны преимущественно слѣдующими подробностями о заграничной жизни Т. Н., внутренней и внѣшней.

Пріѣздъ Невѣрова оживилъ для Грановскаго одиночество его Берлинскаго существованія. Поселившись на одной квартирѣ съ Т. Н., Невѣровъ сдѣлался почти неразлучнымъ спутникомъ его на нѣкоторыя лекціи въ университетъ, въ театръ, на вечернія прогулки. Дома прежняя тишина замѣнилась задушевными бесѣдами объ отсутствующихъ, горячими спорами на счетъ относительныхъ достоинствъ дѣвицъ Лёве и Фассманъ (Невѣровъ записался въ поклонники послѣдней), толками о наукѣ вообще и литературѣ ея у Нѣмцевъ въ особенности, наконецъ—вознею, когда прочіе аргументы не дѣйствовали: слова Грановскаго въ приведенной припискѣ его, относительно обливанья водою и прочаго, должно понимать буквально. Юноши наши возились подъ часъ, какъ ребята. Занятія шли между тѣмъ своимъ чередомъ.

Въ концѣ Іюля Невѣровъ вздумалъ съѣздить въ Потсдамъ осмотрѣть тамошнія достопримѣчательности. Грановскій, который терпѣть не могъ осматривать того, что называется достопримѣчательностями, и находившій совершенно естественнымъ, что я, проживши въ Москвѣ болѣе мѣсяца, не видалъ ничего, кромѣ Ивановской колокольни,—счелъ однако же обязанностію стараго Берлинца сопутствовать Невѣрову. Оба дорого поплатились за эту поѣздку. Въ Берлинѣ была тогда холера, и Невѣровъ, простудившись на дорогѣ изъ Потсдама, подвергся припадкамъ эпидеміи. Опасное положеніе пріятеля дало теплой и нѣжной душѣ Т. Н. случай проявиться самыми братскими заботами о больномъ. « Не знаю, какъ и разсказать тебѣ о моей благодарности къ Грановскому, писалъ Я. М. — его заботливости обязанъ я моимъ выздоровленіемъ; онъ не отходилъ отъ моей постели, ухаживалъ за мною такъ, какъ только можетъ ухаживать мать за дорогимъ сыномъ; его попеченія не разъ заставляли меня

плакать. И какъ онъ боялся за меня, бѣдный! весь поблѣднѣлъ, руки дрожатъ, такъ что я безпокоился, не случилось бы чего съ нимъ самимъ, потому что въ теперешнее время всякое сильное потрясеніе чрезвычайно опасно! Ниже увидимъ, что опасенія Невѣрова были не напрасны; а между тѣмъ вотъ какъ самъ Т. Н. разсказывалъ мнѣ про болѣзнь Я. М. и свои о немъ хлопоты:

«Порядочно досталось тебѣ отъ насъ, милый Вася. Невѣровъ просыпался каждое утро съ вопросомъ: «отчего эта с....а Григорьевъ не пишетъ?—«Оттого и не пишетъ, что с....а», отвѣчалъ ему. А ты, невинный юноша, и не думалъ вовсе, чтобы объ тебѣ говорились такія вещи. Прости великодушно о..а Невѣрова, онъ много виноватъ передъ тобою, ругалъ тебя всячески обидными для чести словами и даже меня побуждалъ къ тому же. За то Богъ и наказалъ его. Прихожу третьяго дня домой, и что же вижу? Нурка лежитъ на постели, дѣлаетъ невыносимыя гримасы и плачетъ. Я давно ужъ былъ сердитъ на него за разныя мерзости, тотчасъ представилъ ему, что у него холера, и потому должно прибѣгнуть къ особенному способу лѣченія. Онъ съ дуру повѣрилъ. Досталось бѣдняжкѣ отъ меня—правду говоритъ, что до гроба не забудетъ. Я съ такимъ усердіемъ оттиралъ его, что онъ визжалъ отъ боли. Отчасти даже разстроился разсудокъ; иначе онъ не написалъ бы къ тебѣ глупостей, которыя я нашелъ въ его письмѣ. Не вѣрь ему, голубчикъ: вретъ, боится новаго оттиранья.»

По поводу встрѣчающихся въ приведенныхъ строкахъ не вполнѣ напечатанныхъ словъ, не излишне объяснить благосклонному читателю, что изъ отвращенія къ перехвальству, господствовавшему въ нашемъ Петербурскомъ кружкѣ, впали мы въ противоположную крайность: награждали другъ друга такими любезностями, какъ оселъ, болванъ, и еще хуже, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Постоянное обращеніе къ такому способу выраженія не было, слѣдовательно, особенностью Грановскаго. Столь же безцеремонно писалъ ко мнѣ Невѣровъ, тѣмъ же отвѣчалъ и я Берлинскимъ друзьямъ. Прошу извиненія у читателя за нихъ и за себя.

Спасаясь отъ холеры, уѣзжали изъ Берлина всѣ, кто могъ. Убрались—кто въ Богемію, кто въ Вѣну, кто на Рейнъ, даже и Русскіе педагоги. Грановскій и Невѣровъ, «Geldmangel wegen», остались посреди незнакомыхъ лицъ и подъ гнетущимъ душу вліяніемъ эпидеміи, въ совершенномъ одиночествѣ. Обоихъ начала одолѣвать

хандра. Къ длинному посланію Невѣрова, отъ 11 Сентября, (н. с.) Грановскій прибавилъ:

«Я также собирался написать къ тебѣ длинное письмо, любезный Гр., да что-то лѣнь одолѣваетъ. Вчера былъ боленъ, впрочемъ очень легко, а сегодня отдыхаю, читаю романы. Признаться, голубчикъ, эти дни тянутся очень медленно. Лекцій нѣтъ, библіотека закрыта, въ театрѣ цѣлую недѣлю не былъ, потому что даютъ дрянь. Къ этому же хандра, отъ которой не знаю, какъ отбиться. Даю Каролинѣ уроки въ Русскомъ языкѣ къ великой досадѣ Невѣрова. Что касается до сего юноши, то мы съ нимъ иногда въ ладу, но чаще въ разладѣ. О моихъ занятіяхъ—да что и говорить. Теперь читаю Виргилія, въ которомъ нашелъ болѣе хорошаго, нежели думалъ. Хочу прочесть потомъ Латинскихъ историковъ всѣхъ по порядку. Впрочемъ, это болѣе для удовольствія. Матеріалы для моей «Исторіи Среднихъ Вѣковъ» пока не собираются—отъ того, что библіотека заперта; но я надѣюсь издать книгу эту скоро по пріѣздѣ въ Россію. О планѣ поговоримъ послѣ. Собираюсь послать статью въ Журналъ Министерства Н. Пр., да не хочется за перо приняться. Лѣнивъ до безконечности. Греческій языкъ идетъ весьма вяло. Да отъ чего же ты намъ ничего о себѣ не пишешь и вводишь меня въ убытокъ; я пробилъ, по твоей милости, закладъ. На безденежьи сподличалъ—не отдалъ, но все таки непріятно: Невѣровъ очень сильно ругается. Поклонъ Савельеву. Будь здоровъ и прилеженъ. Право глупо не писать къ намъ. Смотри, братъ, обругаю въ Нѣмецкихъ журналахъ. За симъ прощай.»

Кромѣ безденежья, хандры отъ разныхъ причинъ, давящаго дѣйствія эпидеміи на духъ, сопутствующаго ей разстройства пищеварительныхъ органовъ, наконецъ сильнаго потрясенія, произведеннаго болѣзнью Невѣрова, Грановскій, всегда слабый грудью, начиналъ страдать и отъ усиленныхъ занятій. «Здоровье Грановскаго крайне плохо,»—писалъ Невѣровъ отъ 15 Сентября (н. с.)—«а что еще сквернѣе, нѣтъ силъ заставить его подумать о томъ. Въ такое время, когда малѣйшее разстройство желудка грозитъ холерою, которая опять начала усиливаться, онъ не можетъ справиться съ своимъ, и въ послѣдніе дни страдалъ такъ, что перепугалъ меня до смерти: нѣтъ ни сна, ни аппетита, тошнота, совершенный безпорядокъ въ пищеварительныхъ отправленіяхъ, блѣденъ, какъ полотно, и при этомъ еще хандритъ подъ часъ. Одинъ изъ учащихся здѣсь

Русскихъ медиковъ совѣтовалъ мнѣ поговорить ему, чтобъ онъ перемѣнилъ систему жизни, меньше бы работалъ, больше ходилъ—по крайней мѣрѣ, пока здѣсь холера—больше бы занимался собою. Такъ куда тебѣ—слышать ничего не хочетъ! Сочинилъ себѣ какое-то преглупое правило, что не покоряться должно природѣ, а итти ей на перекоръ, и съ этимъ правиломъ не хочетъ ни на минуту оставить своего Гегеля и исторію». Вслѣдъ за симъ, отъ 25 Сентября (н. с.), получаю я письмо Невѣрова, начинающееся такъ: «Все Русское народонаселеніе Берлина находится въ крайнемъ безпокойствѣ насчетъ Грановскаго, который боленъ, да не на шутку. Давно мы замѣчали въ немъ необыкновенное разстройство: сбивчивость въ мысляхъ и словахъ, крайнюю блѣдность, мутный взоръ, угловатыя и безпокойныя движенія—то чрезмѣрную и безпричинную велелость, то такую же задумчивость; наконецъ сдѣлался съ нимъ холерный припадокъ. Позвали доктора; тотъ внимательно посмотрѣлъ на него, покачалъ головой и велѣлъ каждый день обливать ему голову холодною водою. Да, братъ, къ сожалѣнію общій нашъ другъ дошелъ до этого крайняго положенія—заучился! Мы все еще сомнѣвались въ его помѣшательствѣ, но когда докторъ предписалъ обливать голову холодною водою, то ужъ нѣтъ никакихъ сомнѣній!» — Знавшіе Грановскаго близко должны быть поражены этими строками, какъ и я былъ въ свое время. «Стало быть бѣдный Т. Н. сходилъ съ ума за границею? Какъ же мы объ этомъ никогда, ни отъ кого до сихъ поръ ни слыхали?» Успокойтесь, господа, ничего подобнаго съ Т. Н., слава Богу, не случилось: это Я. М., въ хорошемъ расположеніи духа, отплачивалъ Грановскому тою же монетою за его каррикатурное описаніе своихъ припадковъ. «Серьозно — писалъ Невѣровъ далѣе — бываютъ черные мѣсяцы въ году: для насъ этотъ былъ чернѣе черта. Съ самаго 25 Августа я все болѣлъ; хотя наконецъ и пересталъ лѣчиться, но здоровье мое было крайне разстроено. Грановскій все крѣпился и ухаживалъ за мной. Но только что я поправился и, какъ говорится, сталъ на ноги — занемогъ онъ. Да вѣдь чудакъ какой—представь, въ этакое тяжкое время, такая самонадѣянность: ночью съ нимъ сдѣлалась тоска, поносъ и рвота вмѣстѣ, а онъ и не подумалъ разбудить меня! Только на другой день поутру узналъ я объ этомъ. Хотѣлъ послать тотчасъ же за докторомъ—такъ онъ руками и ногами: не хочу, пройдетъ, буду бороться съ природою (охъ, ужъ это мнѣ боронье!) Дѣйствительно, утро

проборолся, но къ вечеру ему опять сдѣлалось такъ дурно, что я струсилъ до полусмерти. Явился докторъ, далъ ему какихъ-то лѣкарствъ—и вотъ онъ четвертый день потѣшается микстурами.» Какъ передъ этимъ Грановскій ухаживалъ за больнымъ Невѣровымъ, такъ теперь Невѣровъ нянчился съ Т. Н. Когда опасность миновала, докторъ далъ выздоравливающему подробное наставленіе, какъ вести себя, начинавшееся съ того, чтобы поутру, вставъ съ постели, порядочно намочить себѣ голову холодною водою. Это предписаніе, обливать голову холодною водою, и подало Русскимъ знакомымъ Грановскаго поводъ къ шуткѣ, будто докторъ сомнѣвается въ исправномъ состояніи его мозга. Въ слѣдствіе этой болѣзни, всякое усидчивое занятіе было рѣшительно воспрещено Грановскому. Довольно долго послѣ этого, вечера проводились имъ, если не въ театрѣ, то за картами съ Невѣровымъ.

Но не успѣлъ еще Грановскій оправиться хорошенько, какъ опять преусердно засѣлъ за Гегеля. Какія сочиненія этого философа изучалъ преимущественно Т. Н., изъ писемъ его не видно; но въ это время и долго послѣ, философія абсолютнаго идеализма была въ большомъ у него ходу. Привожу въ свидѣтельство цѣлое письмо Грановскаго отъ 20 Октября (н. с.). Письмо это, составляющее важный документъ въ исторіи духовной его жизни, писано было въ отвѣтъ на мое, въ которомъ сообщалъ я Берлинскимъ друзьямъ о горестномъ состояніи моего духа.

«Мы не знали, что и думать о молчаніи твоемъ, милый Григорьевъ, ждали письма твоего, какъ Богъ знаетъ какой радости— и, получивъ, совсѣмъ не обрадовались. Состояніе твое не удивляетъ меня: съ твоею душею и твоимъ умомъ, ты не могъ избавиться отъ этого душевнаго недуга; рано или поздно тебѣ суждено было испытать его; но при всемъ томъ мнѣ жаль тебя, потому что я по опыту знаю, какъ мучительна подобная борьба и какихъ усилій стоитъ побѣда.

«У меня нѣтъ никакой охоты надоѣдать тебѣ общими мѣстами въ формѣ совѣтовъ и увѣщаній; однако позволь высказать тебѣ нѣсколько мыслей, пришедшихъ мнѣ въ голову въ тяжелые, но не безплодные часы моихъ сомнѣній. Этими мыслями отбивался я отъ искушавшаго демона, и если не совсѣмъ отдѣлался отъ его посѣщеній, то по крайней мѣрѣ принимаю ихъ равнодушнѣе. Меня мучили тѣ же вопросы, надъ которыми ты ломаешь голову. Подобно тебѣ, я едва не сошелъ съ ума, видя невозможность добиться дѣльнаго от-

вѣта, старался подавить въ себѣ всякое размышленіе, думая найти въ совершенномъ отсутствіи мыслей покой—и въ самомъ дѣлѣ на нѣсколько времени успокоился. Избави тебя Господь отъ такого покоя: это смерть души, уничтоженіе нравственное, о которомъ мнѣ страшно вспомнить. Богъ помогъ мнѣ выйти изъ этого состоянія. Я собралъ послѣднія свои силы, рѣшился на послѣднюю свою борьбу—и если не одолѣлъ еще врага моего, за то пересталъ его бояться и, что еще важнѣе, началъ вѣрить въ возможность побѣды. Много тяжкихъ, мучительныхъ дней прошло и пройдетъ еще для меня; иногда я опять готовъ предаться отчаянію — но при всемъ томъ я теперь неохотно отказался бы отъ борьбы, которая происходитъ во мнѣ. Признаюсь тебѣ, другъ Григорьевъ, въ этой борьбѣ я вижу законъ моего совершенствованія, оправданіе тѣхъ притязаній, которыя я съ дѣтства предъявилъ на лучшія награды и цѣли въ жизни. Не всякому суждено такъ страдать, какъ страдаемъ мы, за то не всякому суждены такія воздаянія. Крѣпись, другъ, не поддавайся демону, и, повѣрь мнѣ—твое спокойствіе, вѣра во все достойное вѣры, возвратятся къ тебѣ.

«Ты говоришь, что ты во всемъ сомнѣваешься, что ты убѣжденъ въ невозможности знать что-нибудь. На послѣднее можно бы возразить, что самое убѣжденіе въ невозможности знать есть уже знаніе, и что ты самъ себѣ противорѣчишь; но подобные выводы рѣдко убѣждаютъ, поэтому совѣтую тебѣ, мой милый, для облегченія, сомнѣваться еще болѣе; не только не прогонять своихъ сомнѣній, но еще вызывать ихъ, короче—подвергнуть все самому скептическому изслѣдованію и начать это изслѣдованіе съ самыхъ сомнѣній твоихъ. О чемъ ты сомнѣваешься? По чему? *По какому праву?* Какую степень довѣрія заслуживаютъ отрицательные результаты твоихъ сомнѣній? Повѣрь мнѣ, это изслѣдованіе принесетъ тебѣ много пользы: оно успокоитъ тебя и, что еще лучше, укрѣпитъ для новыхъ битвъ. Между тѣмъ я скажу тебѣ, какъ я разрѣшилъ часть вопросовъ, которыми заняться совѣтую и тебѣ. Разумѣется, я не стану подчивать тебя философскими изслѣдованіями: эти вещи ты можешь прочесть въ книгахъ. Я думалъ и много думалъ въ послѣдній годъ моей жизни: быть можетъ, когда нибудь поговорю съ тобой и объ этомъ—но послѣ. Теперь я коснусь предмета только въ частности его, въ приложеніи ко мнѣ и—къ тебѣ, голубчикъ. Извини заранѣе грубыя истины, которыя я собираюсь высказать.»

«Имѣемъ-ли мы право довѣрять отрицательнымъ результатамъ нашихъ сомнѣній? — Нѣтъ. Мы можемъ, мы должны сомнѣваться — это изъ прекрасныхъ правъ человѣка: но эти сомнѣнія должны вести къ чему-нибудь; мы не должны останавливаться на первыхъ отрицательныхъ отвѣтахъ, а итти далѣе, дѣйствовать всею діалектикою, какою насъ Богъ одарилъ, итти до конца, если не абсолютнаго, то возможнаго для насъ. Это правило для всего человѣчества. Для насъ двухъ есть другія возраженія. Я когда-то сомнѣвался въ наукѣ (такъ, какъ ты теперь): имѣлъ ли я на это право? Разумѣется, нѣтъ: хорошо видѣть недовѣрчивость человѣка, обнявшаго цѣлый міръ науки, овладѣвшаго ею вполнѣ. Я ошибся—хорошаго и тутъ ничего нѣтъ, но этотъ человѣкъ *можетъ* не довѣрять и отрицать; онъ знаетъ, онъ судитъ о дорогѣ, пройденной имъ. А мы? Мы стоимъ у самаго начала этой дороги, насъ пугаютъ ея трудности—и мы преспокойно говоримъ: «Какая это дорога? Да она, чертъ знаетъ, куда заведетъ; лучше не ходить, а то непремѣнно заблудишься.» Понятія наши о жизни дѣйствительной едва ли умнѣе. Мы не далеко ушли въ наукѣ, но въ жизни еще менѣе подвинулись. Что тебѣ кажется «хаосомъ» въ теперешнемъ твоемъ состояніи, можетъ быть очень стройно и хорошо, да ты не потрудился посмотрѣть на вещи вблизи. Міръ Божій хорошъ и разуменъ, только на него надо смотрѣть разумными очами, другъ Вася. А у насъ у обоихъ часто преглупыя очи. Хаосъ въ насъ, въ нашихъ идеяхъ, въ нашихъ понятіяхъ—а мы приписываемъ его міру. Точно какъ человѣку въ зеленыхъ очкахъ все кажется зеленымъ, хотя этотъ цвѣтъ у него на носу только.—«Wer die Welt vernünftig ansieht, den sieht sie auch vernünftig an», говоритъ Гегель. И это едва ли не величайшая истина, сказанная имъ. Положимъ даже, что, при всѣхъ твоихъ усиліяхъ, ты теперь не пойдешь далѣе отрицательныхъ отвѣтовъ, которые были результатомъ твоихъ первыхъ изслѣдованій. Что же это доказываетъ? Только то, что твоя діалектика еще не укрѣпилась, что ты не умѣешь еще перейти изъ одного опредѣленія въ другое противуположное. Кто же виноватъ? Работай, воспитывай себя; готовься къ разрѣшенію великихъ вопросовъ. Я дѣлаю тоже. Для этого недостаточно читать книги, а надобно почаще бесѣдовать съ собою. Займись, голубчикъ, философіей. Не вѣрь вранью С—аго и братіи: эти люди столько же знаютъ о философіи, сколько я въ Санскритскомъ языкѣ. Это вовсе не

пустая, мечтательная наука. Она положительнѣе другихъ и даетъ имъ смыслъ.—Что ты утратилъ вѣру, въ этомъ я не вижу большой бѣды. Напротивъ—эта вѣра возвратится къ тебѣ, но уже очищенная, разумная, вовсе не похожая на ту, которая переходитъ къ намъ въ наслѣдство отъ отца или дѣда. Я началъ это письмо въ довольно грустномъ расположеніи духа, а оканчиваю веселый. Право, теперешняя болѣзнь твоя есть переломъ, переходъ къ лучшей, болѣе человѣческой жизни. Переломъ этотъ мучителенъ—знаю, но будущее хорошо. Учись по Нѣмецки и начинай читать Гегеля. Онъ успокоитъ твою душу. Есть вопросы, на которые человѣкъ не можетъ дать удовлетворительнаго отвѣта. Ихъ не рѣшаетъ и Гегель, но все, что *теперь* доступно знанію человѣка, и самое знаніе, у него чудесно объяснено. Кстати, въ тотъ самый день, когда пришло твое письмо, я читалъ въ его «Философіи Исторіи» разсужденіе о буддаизмѣ—воля твоя, буддочка, далай-ламочка мой, а это преглупая религія. Восемь страницъ, написанныя Гегелемъ объ ней, умнѣе всѣхъ Буддаистовъ, вмѣстѣ взятыхъ, и самаго Фо, включительно. Не знаю почему, но буддаизмъ воплотился въ моемъ воображеніи и является мнѣ въ образѣ П—ова. Бѣдный П—овъ, жаль его! Умереть въ такія лѣта! А умреть, повѣрь мнѣ, если правда то, что ты пишешь,—будто онъ поумнѣлъ! Такія перемѣны всегда случаются передъ смертію. Меня утѣшаетъ мысль, что ты совралъ. П—овъ благородный малый—не перемѣнится до гроба.»

«На дняхъ принялся дѣльно за работу. Читаю Muratorii scriptores rerum italicarum. Кромѣ моей «Средней Исторіи», я думаю еще обработать, отдѣльно и въ большомъ объемѣ, періодъ отъ Константина В. до Карла В. Очень интересное время. Одно переселеніе народовъ чего стоитъ? Тутъ новаго нельзя много создать, за то можно разрушать старое, сколько душѣ угодно. Это, какъ разъ, по мнѣ. Сколько глупыхъ гипотезъ составлено славными людьми объ этомъ времени. Гунны, дескать, толкнули Готѳовъ, Готѳы Вандаловъ, и пошла потѣха. Одинъ народъ бьетъ другаго по затылку, этотъ третьяго, третій четвертаго, и т. д. За чѣмъ все это? Пока еще не понимаю. Риттеръ говоритъ, что тутъ географическія причины. Я ихъ не знаю, да и самъ онъ, хоть геніальная голова, только предчувствуетъ эти причины. Жаль, что я теперь пока плохой филологъ, а то можно бы, чертъ знаетъ что, здѣлать. Да и лѣнивъ, безбожно лѣнивъ; съ этой стороны сущій Буддаистъ. Ты, душенька,

напрасно безпокоишься обо мнѣ, думая, что мало сплю,—я не отказываю себѣ въ невинныхъ удовольствіяхъ. Сплю 10 часовъ въ сутки, ѣмъ и пью въ соразмѣрности. Будь здоровъ, да смотри, лѣчись получше.—Забылъ было сказать тебѣ, что ты ж.....е, я ужасно былъ на тебя сердитъ—пишешь къ Невѣрову длинныя письма, а ко мнѣ приписки. Это что такое? Я, братъ, какъ припевную, такъ держи ухо востро. Прощай. Цѣлую ручки и кончики пальцевъ.»

Я не могъ не быть благодаренъ за это теплое, умное, изъ сердца столько же, какъ изъ головы, вылившееся посланіе, но въ тоже время не могъ и согласиться со многимъ, что высказано въ немъ, по основному различію съ Грановскимъ во взглядахъ на самую природу духовной жизни, не говоря уже о прочемъ, и отъ недуга своего избавился черезъ долгій, весьма долгій періодъ испытанія, другими, а не Грановскимъ указанными средствами, или, вѣрнѣе сказать, былъ избавленъ помимо собственныхъ о томъ стараній. Послѣднее нисколько впрочемъ до біографіи Грановскаго не относится, почему и обращаюсь опять къ предмету.

Какъ не весело проведены были Т. Н. большая часть лѣта и осень 1837 года, столь же пріятно прошла для него зима 1837—1838 года. Главною причиною этому былъ пріѣздъ въ Берлинъ Н. В. Станкевича.

Встрѣчаются иногда на свѣтѣ люди, которыхъ природа создала какъ будто съ особенною любовью, расточительно изливъ на нихъ лучшіе дары свои. Глядя на нихъ, невольно думается, что предназначены они для какой-то высшей цѣли, что не даромъ же одѣлены они такою полнотою и разнообразіемъ силъ. Станкевичь, по общему отзыву всѣхъ, знавшихъ его близко, принадлежалъ къ числу этихъ избранниковъ. При самомъ положительномъ умѣ въ немъ было пропасть поэтическаго. Духовное превосходство его и нравственная красота были такъ ясны, такъ осязательны, что покоряли всѣхъ и каждаго. Въ присутствіи этого человѣка, которому все легко давалось, становилось свѣтлѣе въ головѣ и отраднѣе на сердцѣ у другихъ. Это былъ источникъ, надѣлявшій влагою и теплотою жизни все, приближавшееся къ нему, благоуханный цвѣтокъ, проникавшій ароматомъ своимъ все, его окружавшее. Я, никогда не видывавшій Станкевича, привыкъ чуть не благоговѣть при его имени: столько наслышался я восторженныхъ гимновъ ему отъ людей, вполнѣ

способныхъ понимать, что такое умъ и чистота души. Онъ умеръ въ 1841 году, 27 лѣтъ отъ роду, не успѣвъ ознаменовать своего земнаго поприща никакимъ яркимъ подвигомъ, не завѣщавъ памяти своей родинѣ никакимъ геніальнымъ произведеніемъ. Тѣмъ не менѣе короткая жизнь его прошла не даромъ: во многія души заронилъ онъ искры того чистаго огня, сосудомъ котораго была его собственная. Въ прибавокъ къ прочимъ преимуществамъ—богатый, и для высшаго образованія своего избравъ университетъ Московскій—самую воспріимчивую у насъ среду ко всякаго рода вліяніямъ, — Станкевичь естественно сдѣлался здѣсь центромъ довольно-обширнаго кружка товарищей, который и образовывалъ въ своемъ духѣ, внушая страстную любовь къ истинѣ, возбуждая вѣру въ достоинство науки, проповѣдуя о высокомъ значеніи искусства, согрѣвая и направляя нравственное чувство. Изъ его школы вынесъ и первоначальный запасъ своихъ свѣдѣній, и отчасти самое направленіе столь сильный впослѣдствіи дѣятель въ нашей литературѣ В. Г. Бѣлинскій. Невѣровъ, тоже товарищъ Станкевича, и также много обязанный ему своимъ развитіемъ, проникся нѣжнѣйшею дружбою къ этому обаятельному существу, а между тѣмъ, съ самаго выхода изъ университета, долженъ былъ постоянно жить въ разлукѣ съ нимъ. Сильный духовно, но слабый тѣломъ, Станкевичь безпрестанно хворалъ. Лѣтомъ 1837 года отправился онъ наконецъ лѣчиться въ Карлсбадъ, обѣщая Невѣрову зиму провести съ нимъ въ Берлинѣ. Можно представить, съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ его Невѣровъ, и какъ интересовало Грановскаго сближеніе съ такою личностью.

Сближеніе это не могло остаться безъ сильнаго нравственнаго вліянія на Т. Н. Ниже онъ самъ исповѣдуется намъ въ томъ. По тону же обычно-шутливыхъ писемъ Грановскаго и Невѣрова, по скандалезнымъ разсказамъ ихъ о любовныхъ похожденіяхъ Станкевича, по безпрестанному угощенію его тѣми любезностями въ нашемъ вкусѣ, о которыхъ говорено выше, можно было бы подумать, что въ лицѣ Станкевича явился къ нашимъ берлинцамъ остроумный, но пустой малый, уличный волокита, который помогъ имъ только бездѣльничать и острить другъ надъ другомъ. Какъ скоро сошелся Т. Н. съ Станкевичемъ на пріятельскую ногу, свидѣтельствуетъ слѣдующее соборное посланіе ко мнѣ ото всѣхъ троихъ, въ которомъ надстрочныя приписки и вставки Станкевича печатаю, для отличія отъ рѣчи Невѣрова и Грановскаго, въ скобкахъ и курсивомъ.

Посланіе это писано отъ 21 Ноября (н. с.), всего черезъ три недѣли по пріѣздѣ Станкевича въ Берлинъ, въ отвѣтъ на мое, въ которомъ сплеча нагородилъ я какихъ-то глупостей о Нѣмцахъ и Нѣмецкой философіи. Начало принадлежитъ Невѣрову.

«. . . . . . А propos о любви. Станкевичь и Грановскій пустились въ любовную переписку и общими силами защищаются отъ преслѣдованій одной особы, которая сдѣлала съ Николаемъ знакомство на дорогѣ изъ Карлсбада въ Дрезденъ. . . . а теперь безпрестанно бомбардируетъ его страстными письмами и обѣщаетъ пріѣхать въ Берлинъ. У почтенныхъ мужей этихъ только и дѣла, что Гегель да переписка съ Алоизіею Кр — цъ, которой они пишутъ письма одно другаго нѣжнѣе. Жаль, что пересылка дорого стоитъ, а то бы я прислалъ тебѣ нѣсколько писемъ: ты бы могъ взять ихъ въ образецъ для своихъ любовныхъ посланій. . . . . »

(« П . . . цъ Невѣровъ! Не сказавши мнѣ ни слова, пишетъ такія гнусныя ябеды на меня человѣку, который, не зная меня совершенно, можетъ повѣрить словамъ его, тогда какъ я вовсе не хотѣлъ бы зарекомендоваться такимъ образомъ. Ссылаюсь на Грановскаго, котораго, я слышалъ, въ Петербургѣ считали человѣкомъ: онъ скажетъ вамъ, что это гнусныя выдумки. Увѣряю васъ, что я веду себя такъ хорошо, какъ только можно въ домѣ, гдѣ живутъ Невѣровъ и Грановскій. Послѣдній принялъ себѣ за идеалъ человѣка и профессора К — аго и быстрыми шагами идетъ къ совершенству. Теперь онъ стоитъ на степени Ш — а и началъ толстѣть. Петрову прошу сказать отъ меня: омъ, омъ! »)

« . . . . . Смѣяться и острить надъ философіею (это ужъ пишетъ Грановскій) очень нетрудно: это дѣлается давно и всѣми — кто ею не занимался. Между тѣмъ я увѣренъ, что изученіе философіи для тебя необходимѣе, чѣмъ для кого-нибудь, — и увѣренъ также, что рано или поздно ты за нее возмешься. Признаюсь, я немного сердился, читая письмо твое, и — прости меня — мнѣ показалось, что я слышу С — аго. Отъ него заимствовалъ ты презрѣніе къ Нѣмцамъ и философіи. Тутъ нѣтъ ничего дурнаго и удивительнаго. Я былъ еще слабѣе тебя, потому что я, кромѣ ученаго, уважалъ въ немъ человѣка. Право, было время, когда я очень, очень вѣрилъ Б. Б., не только, когда рѣчь шла о наукѣ, но и въ другихъ случаяхъ. Какъ человѣкъ, онъ показался мнѣ въ настоящемъ видѣ еще

въ Петербургѣ, а какъ ученому, я перестал удивляться ему, когда посмотрѣлъ на здѣшнихъ профессоровъ. У этихъ людей, кромѣ знанія, есть еще нѣчто, чего нельзя объяснить Б. Б. — безкорыстная любовь къ наукѣ. Здѣсь есть ученые, которымъ выгоднѣе было бы переводить статьи для журналовъ, шить сапоги даже, а они умираютъ съ голоду, работаютъ и не думаютъ о перемѣнѣ своихъ житейскихъ обстоятельствъ. Ты не знаешь Нѣмцевъ и потому не долженъ говорить о нихъ по наслышкѣ отъ чиновника, который никакъ не можетъ понимать ихъ. Не обвиняй меня въ глупомъ пристрастіи, душа моя, я глубоко убѣжденъ въ томъ, что говорю. Мнѣ вовсе не нравятся Нѣмцы во многихъ отношеніяхъ. У нихъ нѣтъ практическаго смысла для жизни, какой видѣнъ у Англичанъ и даже у Французовъ. Чернь Нѣмецкая быть можетъ хуже всякой другой; но лучшіе между Нѣмцами едва ли не лучшіе въ человѣчествѣ. Отъ чего? Объ этомъ долго было бы говорить, но если ты мнѣ предложишь этотъ вопросъ, то я готовъ отвѣчать. Надъ Гегелемъ смѣяться также стыдно, особливо тебѣ, человѣку съ душею и стремленіемъ къ истинѣ. Знаешь ли ты, что онъ сдѣлалъ, даже о чемъ говоритъ въ своихъ книгахъ? Признаюсь тебѣ, я не зналъ, что такое философія, пока не пріѣхалъ сюда. Ф—ъ читалъ намъ какую-то другую науку, пользы которой я теперь рѣшительно не понимаю. Я могъ написать въ письмѣ моемъ глупость какую-нибудь—тутъ нѣтъ ничего мудренаго, — но за это не должна отвѣчать наука и Гегель. Смѣйся надо мною, а не надъ ними. Мнѣ, ей Богу, было очень досадно на тебя, читая твои шутки, похожія на остроты мои и — Станкевича: великій острякъ!!! Напоминаетъ Ивана Захаровича (*ужъ чувствую, что это должна быть какая нибудь с. . . а!*); б. . . нъ ты, братъ Вася — ей, ей, б. . . нъ».

«Живемъ мы по немногу, не скучаемъ, работаетъ одинъ Невѣровъ за трехъ, а мы съ Станкевичемъ похваливаемъ его и наслаждаемся dulce otio. Этотъ негодяй пріѣхалъ сюда на мою пагубу: со дня его пріѣзда я ничего не дѣлаю (*т. е. лице, которое можетъ засвидѣтельствовать его бездѣльничество*), книги въ руки не беру, а только разсуждаю по Московски (*хулу глаголетъ*) о томъ, что должно дѣлать. Пріятное занятіе. Въ театръ ходимъ очень часто. Станкевичь и Невѣровъ влюблены, а я — черствая душа, какъ тебѣ извѣстно — смѣюсь надъ ихъ страстью (*Добивается, чтобы я купилъ ему портретъ Лёве: даромъ смотрѣть*

хочетъ — скряга и влюбленъ!). Переписка, о которой тебѣ говоритъ Невѣровъ, весьма занимательна въ самомъ дѣлѣ. Дѣвица Кр—цъ *(объ этомъ см. ниже)* очень чувствительная персона, и подарокъ, данный ею С., не можетъ служить доводомъ противу ея чистой нравственности. Въ письмахъ ея много страсти—я собираю ихъ и со временемъ издамъ. Теперь отвѣчаю на ея письма я, ибо Станкевичъ, страшась ея прибытія, извѣстилъ ее, что онъ ѣдетъ въ Парижъ. Я прибавилъ къ этому извѣстію, что « мой несчастный другъ, терзаемый любовью и физическими страданіями, до такой степени истощился, что ему осталось только одно средство быть дѣятельнымъ членомъ общества — ѣхать въ Марокко и опредѣлиться въ гаремъ императора. Вообще я пишу съ чувствомъ ».

« Отъ Бутовскаго получилъ нѣсколько писемъ разомъ; онъ кланяется тебѣ и проситъ не забывать вечера, проведеннаго нами втроемъ у него, на Лиговкѣ. Помнишь? Получилъ такую вѣсть о Печеринѣ — онъ живетъ въ Цюрихѣ и къ новому году получитъ гражданство. Не хорошо! »

« О работѣ моей сказать нечего — а совѣстно ничего не дѣлать, смотря на дѣятельность Нѣмцевъ. Что ни день, то новое въ наукѣ— не знаешь, за что взяться, отъ избытка богатства *(Уловка, чтобы показать свою добросовѣстность!).* Вышла также для тебя интересная книга: Исторія Сельджукидовъ въ Малой Азіи, Вуллерса. Я видѣлъ книгу въ королевской библіотекѣ *(онъ вообще съ удовольствіемъ смотритъ на книги),* но не разсмотрѣлъ порядкомъ *(да и на что же?).*—Два тома, одинъ весь по Арабски: источникъ какой-то, по какой именно—не помню *(надобно вѣдь щадить память).* А я таки думаю заняться Исторіею Востока *(разумѣется, со временемъ),* когда примусь дѣльно за работу *(т. е. когда выиграетъ 10,000 талеровъ въ лотереѣ).* Кстати о Востокѣ: Нѣмцы расхваливаютъ статью Шмидта вашего: « Ueber das Mahâyâna und Pradschna-Pâramita ». Объ ней ужъ говоритъ Крейцеръ въ новомъ изданіи своей « Символики ». — А что такое на Русскомъ есть о буддизмѣ? Напиши, пожалуйста. Да пришли постановленіе объ экзаменахъ, если оно не велико — даже вырви нужные листы и пришли ихъ. Прощай. Цѣлую тебя въ кончикъ носа *(вотъ съ нимъ этого нельзя сдѣлать—чирей!).* Савельеву, Петрову и Ковалинскому по поклону. Петрову желаю скорѣе сбыть съ рукъ экзаменъ и пріѣхать къ намъ. Я получилъ на годъ отсрочку ».

(*«Во первыхъ, совсѣмъ не К — цъ. Кр — цъ есть не что другое, какъ кухарка ея дяди, надсматривающаго въ Т...цѣ за тѣмъ, чтобы въ пиво не клали .... чертъ знаетъ чего? Плюньте! Это очень почетная должность. — Я познакомился съ нею въ дорогѣ и очень боялся, чтобъ она меня не обольстила,—дѣло сдѣлано. А про Грановскаго скажу вамъ, что на счетъ бездѣльничества всѣ мальчишки въ городѣ его знаютъ. Боже мой, что за продажная душа! Повѣрьте, изъ талера иногда такъ юлитъ, что стыдно за него — плюнешь, да и дашь ему. А мечты какія? Вотъ, говоритъ, кабы мнѣ выиграть 10,000 талеровъ, я бы, говоритъ, взялъ танцовщицу, угостилъ её пивомъ, и Богъ знаетъ что!! Гнусенъ, до крайности гнусенъ. Я ему: что ты это, Тимоѳей Николаевичь, побойся Бога! Вѣдь ты готовишься въ профессоры! Что, говоритъ, мнѣ профессорство; бываютъ, говоритъ, профессоры и хуже. — Кто же хуже, скажите? Ш. Совсѣмъ не хуже; онъ по крайней мѣрѣ какую-то важность въ себѣ имѣетъ; пишетъ такъ много, много, и выражается съ такимъ чувствомъ—особенно о своемъ благородствѣ. Кто жъ еще? К. Конечно, онъ покупаетъ лукъ на базарѣ, но здѣсь я подлости не вижу. По крайней мѣрѣ, онъ честный отецъ семейства, не ёрникъ какой-нибудь. Впрочемъ, можетъ я и ошибаюсь, можетъ въ Исторіи это и нужно»*).

«Станкевичу стало стыдно, что, дескать, глупости написалъ къ незнакомому человѣку, и хочетъ извиниться передъ тобою. Да я говорю, что тутъ дурнаго нѣтъ — хорошо, что ты его заранѣе узнаешь. Глупъ, душенька, такъ глупъ, что иногда погляжу на него, да слезно и заплачу. На дняхъ треснулся лбомъ о посудину какую-то—и пропало нѣсколько органовъ. Шишка разсудка со всѣмъ изгладилась. Не велика была и прежде. Не знаю, какъ бѣдняга будетъ ѣздить одинъ,—носомъ за деревья цѣпляетъ».

Вотъ какъ нецеремонно обращались между собою, двадцать лѣтъ тому, лучшія надежды Россіи, отличнѣйшіе представители Русской молодежи! Я счелъ соотвѣтственнымъ моей цѣли передать читателямъ всю эту болтовню, потому что она воскрешаетъ образы обоихъ покойниковъ живѣе, нежели сухіе о нихъ разсказы, и потому еще, что она типична: такъ переругиваться, внутренно уважая одинъ другаго, могутъ, кажется, только люди Славянской крови. Болѣе гру-

бые предки наши находили подобное же удовольствіе въ кулачномъ бою. По поводу же упрековъ въ неуваженіи къ Нѣмцамъ вообще, и въ особенности ихъ ученымъ и учености, которыми серьезно осыпалъ меня Грановскій въ началѣ цитированнаго письма, позволительно мнѣ, я думаю, и умѣстно здѣсь представить обстоятельный въ объясненіе дѣла протестъ, не для собственнаго оправданія: читатель можетъ дѣлать объ особѣ моей какія угодно заключенія, — а ради того, что предметъ не утратилъ еще своего значенія, что если теперь не бредятъ болѣе Гегелемъ, то все по прежнему есть еще у насъ неистовые поклонники Нѣмецкаго гелертерства.

Выше я сказалъ, что обольщеніе Грановскаго Нѣмецкою наукой приписываю недостаточности и неосновательности образованія, съ которымъ поѣхалъ онъ за границу. Мы, то есть, я и двое общихъ нашихъ товарищей, къ которымъ упреки Грановскаго относились или могли относиться столько же, какъ и ко мнѣ, мы, до вступленія нашего въ университетъ, учились также безтолково, какъ и Т. Н., и вступили въ заведеніе съ такимъ же ничтожнымъ запасомъ безобразныхъ свѣдѣній. Но для насъ университетъ былъ не тѣмъ, чѣмъ для него, и вынесли мы оттуда гораздо болѣе, чѣмъ онъ. Произошло это, конечно, не отъ того, чтобы мы были способнѣе или трудолюбивѣе Грановскаго, а отъ того, что способности и трудъ нашъ были лучше направлены, отъ того, что шли мы инымъ путемъ, съ другими путеводителями. Преподаваніе Восточныхъ языковъ въ Петербургскомъ университетѣ стояло въ то время на такой высотѣ, которой могли бы позавидовать знаменитѣйшіе университеты Европы и спеціальныя по этому предмету учрежденія, каковы Ecole des langues Orientales vivantes въ Парижѣ, Институтъ Восточныхъ языковъ въ Вѣнѣ и другія. У насъ книжное изученіе соединялось съ живымъ, чего тамъ большею частію не доставало; что же касается до личнаго состава преподавателей, то профессоръ Ф. Ф. Шармуа былъ навѣрное основательнѣйшимъ въ свое время Европейскимъ знатокомъ Персидскаго языка, а профессоръ О. И. Сенковскій, оставляя въ сторонѣ его необыкновенный умъ, такія же дарованія, превосходное классическое образованіе, начитанность, поражавшую разнообразіемъ и обширностію, наконецъ знакомство съ языками всѣхъ важнѣйшихъ народовъ Европы и Азіи, вымершихъ или еще существующихъ, — О. И. С. долговременнымъ и на мѣстѣ изученіемъ Арабскаго и Турецкаго языковъ, которые преподавалъ онъ въ уни-

верситетѣ, пріобрѣлъ такія глубокія въ обоихъ свѣдѣнія, что равнаго себѣ въ нихъ соперника не имѣлъ, по убѣжденію моему, ни на Востокѣ, ни на Западѣ, хотя знаменитый де-Саси и былъ еще тогда въ живыхъ. Выше Сенковскаго, и то только по начитанности въ рукописяхъ, поставилъ бы я одного Катрмера. Эти-то Восточные языки—Арабскій, Персидскій и Турецкій—и избрали мы, при такихъ вождяхъ, своею спеціальностію, вступивъ въ университетъ. И точно, занятія наши были спеціальны. Каждый день имѣли мы изъ Восточныхъ языковъ по лекціи, продолжавшейся 2 часа. Система преподаванія состояла въ томъ, что текстъ объясняемаго писателя долженъ былъ переводить студентъ, профессоръ же только поправлялъ ошибки студента и комментировалъ текстъ въ филологическомъ отношеніи. Чтобы переводить въ теченіе двухъ часовъ лекціи, тотъ или другой Восточный текстъ, надо было посвятить на это отъ 5 до 7 часовъ домашняго приготовленія. Такимъ образомъ, въ продолженіе трехъ съ половиною лѣтъ пребыванія нашего въ университетѣ, почти *каждый* вечеръ занятъ былъ у насъ приготовленіемъ къ завтрешней лекціи Восточныхъ языковъ. Днемъ не доставало на то времени: лекціи начинались въ 8 часовъ утра и продолжались до 6 послѣ полудня, съ промежуткомъ 2 часовъ для обѣда. Положивъ по часу на утренній и вечерній чай, на путешествіе въ университетъ изъ дому и возвращеніе оттуда домой (я, на примѣръ, жилъ въ 4 слишкомъ верстахъ отъ университета), выходитъ, что на сонъ оставалось въ сутки не болѣе 5—7 часовъ, а на занятія всѣми другими, кромѣ Восточныхъ языковъ, предметами факультетскаго преподаванія—одно Воскресенье. Между тѣмъ оріенталисты были всегда изъ первыхъ и въ этихъ предметахъ. Слѣдовательно, намъ некогда было бездѣльничать и мы по опыту знали, что значитъ *работать усидчиво, работать безъ развлеченія.* Много лѣтъ уже прошло съ тѣхъ поръ, а я и теперь не понимаю, какъ можно быть студентомъ и находить время танцовать на балахъ, любезничать въ гостиныхъ, кутить по ресторанамъ, неистовствовать въ спектакляхъ. Не могу смотрѣть безъ отвращенія на такихъ господъ: въ нихъ, должно быть, нѣтъ ни искры любви къ знанію, ни тѣни стремленія пріобрѣсти его. И чѣмъ больше глубокомысленныхъ фразъ отпускаетъ такой юноша, тѣмъ онъ для меня гаже.

По занятіе занятію рознь. Каждый встрѣчалъ въ жизни своей лю-

дей, которые читаютъ много, читаютъ безпрестанно, читаютъ книги серьозныя—и ни объ чемъ понятія не имѣютъ. Можно сидѣть за умственною работою съ ранняго утра до поздняго вечера, и все-таки не научиться путно ничему, остаться ученикомъ на вѣки, безъ всякой возможности выйти въ мастера. Стоитъ только для этого, какъ многіе и дѣлаютъ, приняться за работу съ конца, то есть, усвоить себѣ послѣдніе результаты науки, и потомъ «слѣдить за успѣхами ея», читая тьму журналовъ и обозрѣній. Этимъ способомъ ученость пріобрѣтается весьма скоро, и притомъ ученость эффектная, блистательная; жаль только, что она, какъ все фальшивое, непрочна и, какъ все лишенное внутренней жизни, непроизводительна. Мы работали иначе: насъ заставляли учиться съ начала, съ азбуки, и шагъ за шагомъ проходить весь процессъ основательнаго пріобрѣтенія свѣдѣній со всѣми его трудностями, учили бороться съ ними безъ отдыха и побѣждать. Въ дѣлѣ воспитанія важно не то, чему учить, а какъ учить. Въ университетѣ ли, въ другомъ ли высшемъ учебномъ заведеніи, у насъ ли, за границею ли, учености пріобрѣсти нельзя; можно только узнать, какъ пріобрѣтаются свѣдѣнія, заложить фундаментъ, да изучить процессъ дѣла. Больше ничего и не нужно. Кто практически узналъ, какъ пріобрѣтаются основательныя свѣдѣнія въ одной сферѣ знаній, тотъ съумѣетъ пріобрѣсти ихъ и по всякой другой. Въ Западной Европѣ служитъ для этой цѣли изученіе классическихъ языковъ, между прочимъ потому, что оно трудно. Въ гимназіяхъ, коллегіяхъ, университетахъ заставляютъ писать Латинскіе и Греческіе стихи не за тѣмъ, чтобы это было полезно само по себѣ, могло пригодиться въ жизни, а потому единственно, что это и трудно, и скучно, но пріучаетъ побѣждать и скуку, и трудности. А въ жизни, которая отъ начала до конца есть борьба съ препятствіями, борьба утомительная и скучная, — это самая важная, самая практическая наука. Учатъ Латинской версификаціи, а изъ ученья этого выходятъ люди способные открывать планеты, предводительствовать арміями, выдумывать машины для фабрикъ и править машиною государства! — Чѣмъ въ системѣ Западнаго образованія служатъ классическіе языки, тѣмъ въ нашемъ университетскомъ курсѣ были для насъ Восточные, и средство это, разсматриваемое, какъ средство, было еще лучше. И Греческій, и Латинскій принадлежатъ оба къ одной и той же семьѣ Индо-Германскихъ языковъ, сходны по духу и въ изу-

ченіи ихъ представляютъ почти одинаковыя трудности, слѣдовательно и однообразіе въ преодолѣніи этихъ трудностей. Восточные, которыми мы занимались, всѣ три, принадлежатъ напротивъ къ разнымъ семьямъ, Симитической, Индо-Германской и Чудьской, кореннымъ образомъ отличающимся одна отъ другой, и потому каждый изъ нихъ представляетъ особыя трудности. Принявшись за Турецкій языкъ, я ужъ порядочно понималъ по Арабски и довольно легко читалъ по Персидски: что жъ? Трудности Турецкаго синтаксиса такъ были для меня новы, такъ казались неодолимы, что едва ли хотя одно приготовленіе къ лекціи Турецкаго языка въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ занятія имъ — обходилось мнѣ безъ слезъ, безъ горькихъ слезъ: я впадалъ въ отчаяніе, думая, что никогда не удастся мнѣ одолѣть связи Оттоманскихъ дѣепричастій и ходить безъ профессорской нити по ихъ лабиринту. . . .

Wer nie sein Brod mit Thränen ass,

. . . .

Der kennt euch nicht, ihr himmlischen Mächte,

сказалъ Гете. Съ неменьшею вѣрностію истинѣ можно сказать, что не знаетъ тотъ прелести науки и цѣны ей, кому легко доставалась она, кто не пріобрѣталъ ея со слезами—не отъ розогъ, конечно—а отъ напряженія силъ въ борьбѣ съ препятствіями. Для насъ препятствія эти были тѣмъ значительнѣе, что для изученія Арабскаго и Турецкаго языковъ не имѣли мы никакихъ пособій на отечественномъ языкѣ, и грамматиками и лексиконами этихъ языковъ должны были пользоваться изданными по Латыни. Но за то и Латынь перестала быть для насъ дичью, и рано привыкли мы обращаться съ грузными фоліантами Европейскихъ тружениковъ XVI и XVII вѣка, такъ что, въ нѣкоторомъ отношеніи, учась Восточнымъ языкамъ, мы въ тоже время и съ Западомъ знакомились ближе, чѣмъ тѣ, которые узнавали его изъ учебниковъ.

И такъ, мы учились прилежно, учились толкомъ, учились, не хватая одни вершки, а основательно, съ первыхъ началъ — какъ учится вся Западная Европа. Чтожъ вышло изъ того? Вышли два результата:

Во первыхъ—*мы научились основательно кое-чему*, т. е. пріобрѣли основной капиталъ такихъ свѣдѣній, къ которымъ могли прививать дальнѣйшую начитанность органически, а не привязывать ме-

ханическимъ образомъ, слѣдовательно—были въ состояніи работать для науки производительно, а не разсуждать только о наукѣ; выучились своему дѣлу, ознакомились со своею спеціальностію на столько и такъ, что чувствовали себя нисколько не ниже собратіи своей, молодыхъ оріенталистовъ Западной Европы. По Арабски знали мы вообще на середнюю руку, но въ Персидскомъ, и особенно Турецкомъ, видѣли себя даже сильнѣе ихъ. Этимъ преимуществомъ обязаны мы были не себѣ, а превосходству нашихъ средствъ передъ Западными; но откуда бы это преимущество ни происходило, оно было за нами. Въ 1835 году, когда въ институтѣ Восточныхъ языковъ, при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, читали мы и совершенно понимали исторіографа Вассафа, труднѣйшаго изъ Персидскихъ прозаиковъ, профессоръ Шармуа, справедливо гордясь такими успѣхами своихъ учениковъ, писалъ о томъ въ Вѣну къ знаменитому Хаммеру, и знаменитый Хаммеръ отвѣчалъ, что въ Вѣнѣ не только воспитанники тамошняго института Вост. языковъ, но и профессора-то едва ли въ состояніи понимать Вассафа. Нѣсколько позже, въ 1838 году, одинъ изъ насъ, П. Я. Петровъ, отправленъ былъ для усовершенствованія въ Санскритскомъ языкѣ, которымъ занимался самоучкою, въ Германію; но первый тогдашній санскритистъ Германіи, знаменитый Боппъ, поговоривъ съ Русскимъ оріенталистомъ, написалъ въ Петербургъ, что Петрову, по его свѣдѣніямъ, нечему учиться ни у него Боппа, и ни у кого другаго изъ Германскихъ санскритистовъ. Это по части знанія языковъ; по части же свѣдѣній нашихъ въ литературахъ, исторіи и этнографіи Мусульманскаго Востока, нѣкоторымъ доказательствомъ, что мы и тутъ были не хуже Западной Европы, можетъ служить «Энциклопедическій Лексиконъ» Плюшара. Когда, въ 1835 году, началъ издаваться этотъ лексиконъ, историки наши, юристы, словесники, натуралисты и проч. находили статьи иностранныхъ изданій въ томъ же родѣ, каждый по своей части, обработанными такъ хорошо, что для нашего лексикона оставалось лишь заимствовать ихъ цѣликомъ или въ сокращеніи, и одни только оріенталисты увидѣли, что по ихъ спеціальности статьи иностранныхъ лексиконовъ были большею частію весьма неудовлетворительны, увидѣли и сознали себя въ силахъ замѣнить ихъ лучшими собственнаго издѣлія. Не уступая такимъ образомъ собратіи своей, молодымъ оріенталистамъ Запада, только что выходившимъ на арену ученой дѣятельности, не ослѣплялись мы и

блескомъ именъ, пользовавшихся уже въ ученомъ мірѣ заслуженною знаменитостію. Мы ясно видѣли передъ собою путь, которымъ должно итти, чтобы достигнуть до высоты этихъ знаменитостей, и не менѣе ясно сознавали, что отъ насъ зависитъ итти этимъ путемъ и, при трудолюбіи, не только сравняться съ ними, но и превзойти ихъ. Одинъ Катрмеръ составлялъ лишь для меня исключеніе въ этомъ отношеніи: я не понималъ, не понимаю и теперь, какимъ образомъ возможно пріобрѣсть такую, какова его, начитанность въ Восточныхъ рукописяхъ,—прочесть сотни, тысячи этихъ рукописей и запомнить въ нихъ каждый фактъ, каждый нѣсколько замѣчательный оборотъ, каждое въ какомъ-нибудь новомъ оттѣнкѣ употребленное слово! Самая глубокая классическая ученость преставляется мнѣ дѣтскою передъ необъятною, изумительною громадою свѣдѣній этого Французскаго оріенталиста. Съ другой стороны, лекціями профессоровъ нашихъ пріучены мы были не преклоняться ни передъ какими авторитетами, никакой знаменитости, какъ бы солидна она ни была, не вѣрить на слово: много на лекціяхъ этихъ обнаружено было передъ нами промаховъ самыхъ безукоризненныхъ корифеевъ оріентализма; учениками еще дошли мы до собственнаго убѣжденія въ несостоятельности другихъ. Науку уважать научили насъ въ университетѣ, а не платье ея; до корней заставляли насъ добираться въ каждомъ дѣлѣ, а не вѣтвями его любоваться. Дѣтскій энтузіазмъ къ именамъ убитъ былъ въ насъ въ самомъ зародышѣ, но на мѣсто его посажено и возрощено сѣмя любви къ дѣлу, къ сущности.—Черезъ годъ, черезъ два по выходѣ изъ университета, Европейская литература нашей спеціальности, конечно весьма небогатая, была уже намъ большею частію извѣстна; ergo мы стояли въ уровень съ наукою, а потому не удивляло насъ и то, что появлялось вновь въ области оріентализма: мы владѣли уже достаточнымъ запасомъ данныхъ и опытности въ ученыхъ работахъ, чтобы на это новое смотрѣть критически; искусство же подбирать цитаты знакомо было намъ въ совершенствѣ, потому никакой ученый аппаратъ, какъ бы ни являлся онъ великолѣпенъ, не внушалъ намъ благоговѣнія. Читатели видѣли, что книгу Вуллерса о Сельджукидахъ Грановскій считалъ серьознымъ явленіемъ въ наукѣ, и что для него казалось большою честію быть цитированну Крейцеромъ. Намъ все это было очень смѣшно. Мы весьма хорошо знали, что ученое сочиненіе о какомъ бы то ни было предметѣ должно исчерпывать литературу его вполнѣ, и потому

цитировать и дѣльное, и вздорное; а книга Вуллерса была въ глазахъ нашихъ не пріобрѣтеніемъ для науки, а выраженіемъ слабаго состоянія оріентализма въ Германіи, гдѣ съ важностію печатали и переводили Восточные тексты въ родѣ Евтропія и Федра, потому что Тациты и Теренціи были не подъ силу. Каждый изъ насъ чувствовалъ, что можетъ сдѣлать вдвое лучше Вуллерса и ему подобныхъ: какъ же бы могли мы смотрѣть на гг. Вуллерсовъ съ особымъ уваженіемъ? Вуллерсъ сдѣлалъ ни болѣе, ни менѣе, какъ издалъ Персидскій текстъ Мирхонда, перевелъ его на Нѣмецкій языкъ и снабдилъ разнаго рода примѣчаніями. Тоже самое, кромѣ изданія легкаго текста, сдѣлано было мною за три года передъ тѣмъ, нисколько не хуже г. Вуллерса: говорю объ изданномъ мною въ 1834 году Русскомъ переводѣ Хондемировой Исторіи Монголовъ. Могъ ли я послѣ этого дивиться г. Вуллерсу? Въ такомъ случаѣ долженъ я былъ удивляться и самому себѣ. А какъ я изданную мною книжонку считалъ ребяческою работою, то естественно и на подобные труды гг. Вуллерсовъ не могъ не смотрѣть съ высока, и не отзываться объ нихъ шутливо, что и означало, въ глазахъ Грановскаго, неуваженіе къ Нѣмецкой наукѣ. Зная, что сдѣлано Западною Европою по ознакомленію съ Востокомъ и разъясненію его, въ теченіе трехъ съ половиною вѣковъ съ эпохи возрожденія, и соображая это съ тѣмъ, что остается дѣлать, мы поражались не обиліемъ и достоинствомъ трудовъ ея по этой части, а бѣдностію и несовершенствомъ ихъ. Въ противуположность съ богословами, философами, юристами, натуралистами, мы если и чувствовали себя подавленными, то не огромностію ученыхъ богатствъ Запада, а огромностію работъ, которыя предстоятъ ему и всему будущему человѣчеству. Стало быть мы ни коимъ образомъ не могли благоговѣть передъ Западною ученостію, передъ Германскою въ особенности, ибо изъ большихъ націй Западной Европы дѣло оріентализма, видѣли мы, подвинуто было Нѣмцами менѣе всѣхъ другихъ, и оріентальныя знаменитости перваго разряда, какъ прошлыя, такъ и современныя, принадлежали не имъ. Потому не могли мы и сочувствовать удивленію къ германской учености тѣхъ, которые удивлялись ей, быть можетъ, довольно справедливо съ своей стороны. Но и тутъ въ головы наши закрадывалось подозрѣніе, что если бы дивящіеся приготовлены были по своимъ частямъ такъ, какъ мы по своей, то, отдавая должную справедливость трудамъ тружениковъ и идеямъ мы-

слителей Германіи, все таки равнодушнѣе и холоднѣе смотрѣли бы они на тѣхъ и другихъ.

Во вторыхъ—*мы научились тому, какъ надо учиться*, узнали на дѣлѣ процессъ пріобрѣтенія основательныхъ свѣдѣній и получили недовѣріе къ достоинству свѣдѣній, пріобрѣтаемыхъ иначе; узнали, на примѣръ, a priori, что прочитать сочиненія Гегеля, понять его ученіе, пристраститься къ нему, не значитъ еще научиться философствовать, тѣмъ менѣе изучить философію, какъ науку,—что читанье Гегеля, безъ предварительнаго изученія Шеллинга, Фихте, Канта, Юма, Локка, Вольфа, Лейбница, Спинозы и такъ далѣе вглубь, можетъ, пожалуй, доставлять удовольствіе, но пользы отъ того ожидать нельзя, потому что безъ знанія исторіи философскихъ системъ (которое также пріобрѣтается не изъ учебниковъ), предшествовавшихъ Гегелевой, его ученіе не можетъ быть ни переварено, ни оцѣнено должнымъ образомъ, и выйдетъ изъ такого чтенія одинъ результатъ—станетъ человѣкъ обо всемъ на свѣтѣ размышлять по Гегелю, не будучи въ состояніи шагу ступить самостоятельно въ наукѣ философіи. Сколько было такихъ Гегелистовъ у насъ на Руси, и кто изъ нихъ сдѣлалъ что-нибудь для философіи!—Намъ было положительно извѣстно, что до отъѣзда за границу Грановскій зналъ въ философіи не больше нашего; въ полтора же года пребыванія въ Берлинѣ, занимаясь преимущественно исторіею, учась по Латыни и по Гречески, слушая по утрамъ лекціи въ университетѣ, а вечера проводя въ театрѣ, не имѣлъ онъ никакой человѣческой возможности познакомиться основательно, кромѣ Гегеля, и съ его предшественниками,—слѣдовательно, одно знаніе Гегелевой системы не имѣлъ права называть знаніемъ философіи. Поэтому и не трогали насъ его упреки въ философскомъ невѣжествѣ: мы видѣли, что его собственныя свѣдѣнія по этой части уходили отъ нашихъ на разстояніе всего одной системы; важное же значеніе философіи въ кругу человѣческихъ знаній мы понимали и до его проповѣдей о томъ, но заниматься этою наукою, какъ мы понимали серьозное занятіе, не имѣли тогда времени, а довольствоваться вмѣсто всей философіи однимъ Гегелемъ—не могли и не хотѣли, тѣмъ болѣе, что неудаченъ былъ даже первый къ этому приступъ. Узнавъ изъ письма Грановскаго, что въ «философіи исторіи» Гегеля говорится что-то очень умное о буддаизмѣ, съ которымъ знакомился я тогда по Монгольскимъ переводамъ Индѣйскихъ источниковъ, я тотчасъ же прочелъ

это великое твореніе «послѣдняго философа»; но узнавъ изъ него, что «всемірный духъ, по непреложнымъ законамъ своей субстанціи, открытымъ Гегелемъ, можетъ развиваться во времени (съ цѣлію освободить сознаніе свое отъ формъ натуральной непосредственности, что и составляетъ окончательную его цѣль) только въ четырехъ послѣдовательныхъ фазисахъ, и что три изъ нихъ онъ уже благополучно прошелъ, а четвертый совершаютъ нынѣ Германскіе народы,»—изъ чего слѣдуетъ, что или Германскіе народы будутъ совершать свой подвигъ во вѣки вѣковъ, или міръ долженъ окончить свое существованіе вмѣстѣ съ окончаніемъ ихъ работы,—я съ одной стороны, оскорбленный этою нелѣпицею въ качествѣ члена Славянской семьи, которая ожидаетъ еще очереди проявить въ себѣ своеобразно всемірный духъ, а съ другой—убоясь близкаго конца міра (Грановскій увѣрялъ, что Нѣмцы ужъ страшно много наработали), рѣшился хотя остатокъ моей жизни прожить спокойно, безъ дальнѣйшаго проникновенія въ ужасающія таинства абсолютнаго идеализма.—Нѣтъ, мы не подшучивали надъ философіею вообще: не такъ дурно были мы воспитаны; но, грѣшные люди, мы дѣйствительно подсмѣивались надъ философствованіемъ по Гегелю, а Грановскій принялъ это за «абсолютно тождественное». Равнымъ образомъ, несправедливо было со стороны Т. Н. всѣ грѣхи наши противу философіи—чтобы выгородить пріятелей отъ отвѣтственности—сваливать на С—го, какъ на козла отпущенія у Евреевъ; С—ій столь же мало былъ виноватъ въ остротахъ моихъ по поводу гегелизма Грановскаго, какъ и въ благоговѣніи Грановскаго къ Берлинскимъ профессорамъ. То и другое проистекало изъ собственныхъ нашихъ понятій о наукѣ.

Что касается наконецъ до нашего нерасположенія къ Нѣмцамъ, какъ націи, помимо ихъ ученыхъ и учености, то оно возникло и существовало лишь въ воображеніи Т. Н., который, по пристрастію своему къ Нѣмцамъ, находилъ несправедливыми и оскорбляющими ихъ достоинство самыя обыкновенныя шутки надъ ихъ національными недостатками. Но у какого же народа нѣтъ своихъ недостатковъ, и развѣ недостатки исключаютъ достоинства? Я признаю за Германскимъ племенемъ тьму послѣднихъ и въ заключеніе длиннаго протеста моего готовъ отъ всей души согласиться съ Т. Н., что лучшіе между Нѣмцами—лучшіе въ человѣчествѣ.

Какой же выводъ изо всего изложеннаго, въ чемъ мораль бас-

ни? Въ томъ, что если мы не хотимъ оставаться вѣчно учениками Западной Европы, вѣчно повторять зады ея безъ возможности опередить эту Европу въ чемъ-нибудь, то единственное средство избѣгнуть этого есть—учиться, но учиться не на скорую руку, не какъ-нибудь, довольствуясь поверхностнымъ знакомствомъ съ результатами чужаго труда, а учиться всякому дѣлу съ азбуки, безъ скачковъ, не торопясь, не обходя трудностей, но преодолѣвая ихъ терпѣніемъ и настойчивостію, словомъ—учиться, какъ училась и продолжаетъ учиться сама Западная Европа. Станемъ мы поступать такимъ образомъ — и необходимымъ послѣдствіемъ этого явится у насъ, между прочимъ, и *національность въ наукѣ*, то есть, на сдѣланное въ наукѣ другими, выработается у насъ самъ собою, безъ всякихъ о томъ хлопотъ, самостоятельный взглядъ, и окажемся мы способными не только любоваться плодами науки (далѣе чего теперь нейдемъ), но и дѣйствовать плодотворно въ ея сферѣ, на пользу будущаго человѣчества, обогащая умственный капиталъ, нажитый прошлыми поколѣніями, своеобразными завоеваніями нашего духа въ области мышленія и наблюденія.

Dixi, et animam levavi, какъ имѣлъ привычку говорить одинъ любезный мнѣ баронъ и вмѣстѣ гернгутеръ. Теперь опять поведемъ рѣчь о нашихъ Берлинцахъ.

Въ одно время съ Станкевичемъ пріѣхалъ на зиму въ Берлинъ и С. М. Строевъ—тотъ самый, что въ 1834—1835 годахъ пріобрѣлъ себѣ такую грозную репутацію войною въ «Сынѣ Отечества» противу достовѣрности древней Русской исторіи вообще и Несторовой лѣтописи въ особенности. Замѣчательнѣйшій изъ представителей скептической школы Каченовскаго, Строевъ обѣщалъ въ себѣ отличнаго дѣятеля для отечественной исторіи, но и его смерть скосила въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ. Товарищъ по университету Станкевича и Невѣрова, Строевъ знакомъ былъ до отъѣзда за границу и со мною, и съ Грановскимъ. Потому Берлинскій тріумвиратъ принялъ его въ свое общество; но какъ тріумвиратъ находилъ, что С. М. разъѣзжаетъ за границею сколько для того, чтобы людей посмотрѣть, столько же и для того, чтобы себя показать, то искреннимъ расположеніемъ «трехъ соединенныхъ друзей» онъ не пользовался, хотя они весьма охотно дѣлили съ нимъ все досужное время, вмѣстѣ предаваясь упражненіямъ въ остроуміи и кутежѣ у себя дома,

вмѣстѣ странствуя на лекціи, по театрамъ и куда случится. Въ особенности не лежало сердце къ Строеву у Грановскаго.

Театры съ наступленіемъ зимы оживились: оживились и артистическія бесѣды нашихъ пріятелей. «Послѣ каждаго спектакля—писалъ Невѣровъ отъ 23 Декабря (н. с.)—мы съ Станкевичемъ споримъ не на животъ, а на смерть. Грановскій держитъ то ту, то другую сторону, миритъ насъ, не позволяетъ удаляться отъ предмета въ сторону, вдаваться въ личности, и т. д. Такую же должность исправляю я, когда онъ начинаетъ съ Николаемъ споръ о философіи. Мы иногда въ театрѣ пускаемся въ наши пренія и, благодаря тому, что Нѣмцы не понимаютъ насъ, порядочно пѣтушимся... Работая надъ Сарторіусомъ, я долженъ былъ пропустить нѣсколько оперъ, въ которыхъ пѣла наша несравненная Фассманъ:—Грановскій протестуетъ противъ этой фразы. Кстати объ немъ. На именинахъ Станкевича провозглашены были тосты за Фассманъ. Партія Леве требовала также тоста за вторую владычицу Берлинской сцены, но такъ какъ приверженцевъ Леве въ наличности въ этотъ вечеръ было немного и партія Фассманъ перекричала, то начальникъ Левистовъ, Грановскій, для большаго эффекта, опорожнилъ свой бокалъ на колѣняхъ передъ портретомъ Леве.

«... О нашемъ житьѣ—добавлялъ Т. Н. къ письму Невѣрова—не могу сообщить тебѣ важныхъ новостей; все тянется по прежнему. Работаю не слишкомъ много и для разсѣянія отъ хандры, которая почти перестала мучить меня, ежедневно ругаюсь съ Станкевичемъ. Благородство нашихъ чувствъ до сихъ поръ удерживало насъ отъ драки, но, вѣроятно, безъ этого не обойдется. Ты еще не знаешь этого мужа. Слава Богу, что у меня есть оружіе противъ него—напоминаю ему, что онъ авторъ сгнившей въ подвалахъ Глазунова трагедіи, и тѣмъ заставляю уступать.

«Теперь читаю кое-что для древней исторіи. Хочется познакомиться съ новѣйшими изслѣдованіями Нѣмцевъ на этомъ полѣ—и очень доволенъ большею частію прочтеннаго. Въ Апрѣлѣ поѣду въ Прагу, оттуда въ Вѣну на два или на три мѣсяца, а въ началѣ Ноября снова возвращусь сюда съ тѣмъ, чтобы весною ѣхать на родину. Впрочемъ тоски по отчизнѣ я еще не чувствую—особенно теперь. Я увѣрялъ, что если бы ты пріѣхалъ погостить у насъ, то и тебѣ не захотѣлось бы назадъ. У Нѣмцевъ для всего есть замѣны: красавицъ и мечтательницъ сколько душѣ угодно. А Лёве?

Становись на колѣни и тресписъ трижды лбомъ о землю при этомъ имени. Знаешь ли ты, что такое Лёве? Это, братъ Вася, чертъ знаетъ, что такое: что тѣ Клеопатра и прочія знаменитости—плюю на всѣхъ и цѣлую мысленно подошву ея спальныхъ туфлей. Фассманъ также не дурная вещь, да ротъ не красивъ. Поклонники ея большею частію жалкій народъ — въ челѣ ихъ блистаетъ звѣздою Строевъ.»

Къ зимѣ же возвратились по домамъ и разбѣжавшіеся отъ холеры Берлинцы. Невѣровъ, по страсти своей къ обществу, тотчасъ же успѣлъ завести дружбы съ разными Нѣмцами, былъ представленъ въ нѣсколькихъ изъ лучшихъ домовъ въ Берлинѣ, и волей неволей, сталъ по немногу сманивать за собою въ Нѣмецкіе салоны и Грановскаго, который до сихъ поръ не былъ вхожъ ни въ одинъ семейный домъ Прусскихъ Аѳинъ. Въ числѣ сдѣланныхъ ими знакомствъ были Варнгагенъ-фонъ-Энзе, извѣстный литтераторъ и дипломатъ, занимавшійся Русскимъ языкомъ, мужъ знаменитой Рахели, на которой онъ женился 25 лѣтъ отъ роду, тогда какъ ей было за сорокъ; музыкальное семейство банкира Мендельсона-Бартольди, славное геніальнымъ композиторомъ Феликсомъ и талантливою сестрою его Madame Hensel, которая считалась при томъ одною изъ самыхъ милыхъ женщинъ въ Берлинѣ; домъ Freulein von Solmark, гдѣ собиралась литературно-фешонебельная братія; и т д. Невѣровъ всегда былъ меломаномъ. Грановскій сдѣлался имъ въ Берлинѣ: оба утопали въ волнахъ гармоніи и восторга на великолѣпныхъ концертахъ у Мендельсоновъ и Гензелей, а подъ часъ выплясывали съ хорошенькими Нѣмочками на скромныхъ вечеринкахъ у знакомыхъ своихъ низшаго полета.

При всѣхъ этихъ знакомствахъ, не доставало однакоже нашимъ Берлинцамъ самаго важнаго элемента общественной жизни—бесѣды съ умною и образованною женщиною, которая женственностію своею удовлетворяла бы тончайшимъ эстетическимъ потребностямъ мужскаго духа. Изо всѣхъ женщинъ Европы Нѣмки, не смотря на свою обчувствительность, мечтательность и т. д., быть можетъ наименѣе обладаютъ женственностію; въ Германіи, стало быть, менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, слѣдовало надѣяться на удовлетвореніе этой потребности. Но судьба, многое уже соединявшая въ Берлинѣ для того, чтобы пребываніе въ немъ сдѣлать для Грановскаго особенно пріятнымъ, навсегда памятнымъ, послало туда и женщину, необыкновенную по

душевнымъ достоинствамъ; къ тому же эта женщина была соотечественница, Русская. Семейство Фроловыхъ, мужъ и жена, пріѣхали въ Берлинъ въ началѣ Января 1837 года. Мужъ былъ въ послѣдствіи издателемъ извѣстнаго «Магазина Землевѣдѣнія и Путешествій»; въ послѣднемъ, IV-мъ томѣ этого изданія Т. Н. посвятилъ нѣсколько страничекъ памяти этого любезнаго ему и замѣчательнаго по благороднымъ стремленіямъ человѣка; а вотъ что писалъ Невѣровъ о первомъ знакомствѣ своемъ съ Фроловыми, отъ 15 Января (н. с.): «Кругъ нашихъ знакомыхъ увеличился однимъ Русскимъ семействомъ, которому всѣ мы рады, какъ нельзя болѣе. Это—нѣкто Фроловъ, молодой, очень образованный человѣкъ, который учился въ Дерптѣ и потомъ въ Германіи, женился на Галаховой (Е. П.), дѣвушкѣ старѣе его можетъ - быть десяткомъ лѣтъ, больной и до крайности не красивой, но за то съ какой душею, съ какимъ образованіемъ! Съ нею и мужемъ ея мы проводили по цѣлымъ вечерамъ въ самой пріятной бесѣдѣ. Она особенно полюбила Грановскаго и превозноситъ до небесъ его умъ, образъ мыслей — все! По милости его и насъ съ Станкевичемъ жалуютъ; но мы ужъ такъ, для дополненія картины, а герой—Грановскій. Если бы M-me Фролова была помоложе да получше, можетъ быть, мы бы вступили съ нимъ въ соперничество; но теперь охотно предоставляемъ ему первое *па*, потому что съ такою женщиною, какова M-me Фролова, пріятно провести вечеръ и пятистепеннымъ, не только что второстепеннымъ лицемъ. Признаюсь, давно я не имѣлъ такой пріятной бесѣды: женщина, съ которой можно говорить обо всемъ, и о наукѣ, и о религіи, и объ искусствѣ, и о жизни, и говорить свободно, потому что она все пойметъ, все оцѣнитъ. Быть у Фроловыхъ—одно изъ нашихъ лучшихъ удовольствій, и при первомъ случаѣ, какъ только можно явиться къ нимъ, не нарушая приличій, мы являемся.» Не теряя времени, Невѣровъ тотчасъ же познакомилъ новопріѣзжихъ съ Варнгагеномъ и Зольмарками; съ Мендельсонами познакомились они сами, и вскорѣ гостиная M-me Фроловой сдѣлалась сборищемъ всѣхъ Берлинскихъ знаменитостей. И тепло, и весело было Грановскому въ этомъ избранномъ обществѣ; но—замѣчательно — почти никогда не писалъ онъ мнѣ о Фроловыхъ: письма его по прежнему наполнялись шутками на счетъ Станкевича и другихъ, съ прибавкою нѣсколькихъ словъ о своихъ занятіяхъ. Такъ, въ письмѣ его отъ 24 Января (н. с.) читаемъ:

«... Строевъ, кажется, готовитъ исторію Новгорода. Станкевичь въ восторгѣ отъ этой книги, гдѣ будутъ ссылки на его остроумную диссертацію (зри ученыя записки Моск. университета). Безъ шутокъ, Сергѣй Михайловичь затѣваетъ какой-то огромный трудъ и даетъ чувствовать это неясными намеками, улыбками и проч. Станкевичь всячески старается подбиться къ нему и вывѣдать, что бы такое это было,—да нѣтъ. Душенька, когда ты будешь высылать Невѣрову ноты, то вышли мнѣ положеніе объ экзаменахъ и трагедію Станкевича—Шуйскій. Очень нужно. Невѣровъ хочетъ положить ее на музыку—и пропѣть самъ...»

Около этого времени Т. Н. вообразилъ, что я опять за что то сержусь на него; но дѣло тотчасъ же объяснилось, и въ письмѣ Невѣрова отъ 1 Февраля (н. с.) нахожу я слѣдующую его приписку:

«... Прости мнѣ сказанное мною въ прошломъ письмѣ. Я право думалъ, что ты, по обычаю, надулся. Я съ своей стороны прощаю великодушно насмѣшки надъ Нѣмцами, моими друзьями. Посмотри, что Петровъ поживетъ въ Берлинѣ, да и сдѣлается нѣмчѣе насъ. Ей, ей, славные люди; послушалъ бы Ранке да Лёве, такъ и плюнулъ бы на прочее человѣчество. Мнѣ очень бы хотѣлось женить Ранке на Лёве... Завтра я именинникъ, и чтоже?—денегъ нѣтъ. Хорошо, что Станкевичь нездоровъ, а то вѣдь присталъ бы: угости, да угости. Когда ты будешь именинникъ, я непремѣнно пришлю тебѣ стихи—музыку сдѣлаетъ Невѣровъ. Чудесный даръ у человѣка открылся... Дѣла дѣлаю мало, за то затѣй разныхъ много. Хотѣлось бы очень написать исторію Среднихъ Вѣковъ поскорѣе, да что-то вяло идетъ: съ одной стороны лѣнь, съ другой не хочется ударить въ грязь лицемъ. Позвольте вамъ посвятить? Въ самой книгѣ упомяну о тебѣ. Можешь надѣяться на безсмертіе и ничего не дѣлать—я на себя беру. Когда будешь магистромъ, не гордись, душенька: помни, что былъ кандидатомъ. Объ экзаменѣ своемъ увѣдомь насъ, какъ и что. Если провалишься, то не увѣдомляй,—поймемъ изъ молчанія.»

Вслѣдъ за этимъ, отъ 3 Февраля (н. с.), получено было мною отъ Т. Н. такое посланіе:

«Если бы у тебя не было небольшихъ капризовъ, то право ты былъ бы слишкомъ хорошъ, Вася. Какъ тебѣ не стыдно, душа моя, огорчиться моими письмами. Я, ей Богу, высказалъ спроста, что

думалъ, и вовсе не хотѣлъ огорчить тебя. Мнѣ показалось, что письмо твое какъ-то холодно, слишкомъ вѣжливо,—ну, я и махнулъ. Виноватъ, душечька, прости негодяя. За философію я не сержусь на тебя—ругай, сколько душѣ угодно; я увѣренъ, что со временемъ ты ее полюбишь. Прошу тебя объ одномъ только: если тебѣ что-нибудь во мнѣ не покажется, то высказывай тотчасъ. Такимъ образомъ мы вѣрно никогда не разойдемся болѣе.

«Невѣровъ отчасти обидѣлся, что ты меня называешь голубчикомъ, красавчикомъ, — да я плюю на подлыхъ завистниковъ. На счетъ пѣнія его скажу тебѣ, что всѣ печальныя вѣсти, до тебя дошедшія, справедливы. Да, другъ—онъ поетъ! Станкевичъ также. Горько, Вася, не въ терпежъ приходитъ. Приду домой, посмотрю на нихъ, а какъ затянутъ, такъ скорѣе вонъ. Невѣровъ даже сочиняетъ. Положилъ на музыку стихотворенія Якубовича. Ты, смотри, не говори объ этомъ, а то Якубовичъ можетъ обидѣться. Добирается, разбойникъ, до Ломоносова, хочетъ положить на музыку посланіе о пользѣ стекла. Ничего нѣтъ святаго. Онъ это самъ знаетъ и потому-то въ порывѣ раскаянія писалъ тебѣ, что нравственность его портится.

«Строева мы рѣдко видимъ, т. е. Невѣровъ и я. Душа не лежитъ къ человѣку. Онъ можетъ-быть лучше, чѣмъ я думаю, а все какъ-то не могу сойтись съ нимъ. Мнѣ все кажется, что онъ будетъ преемникомъ Г—а. Тоже вретъ о Парижѣ, и такой же шарлатанъ, а впрочемъ, можетъ быть, хорошій человѣкъ.

«Сожители мои уѣхали на балъ, и потому я пользуюсь тихимъ вечеромъ и сижу дома. Станкевичъ... между нами будь сказано, я непремѣнно сведу его съ Гоголемъ, — пригодится на что-нибудь...»

Слѣдуютъ разныя остроты на счетъ Станкевича, съ отвѣтомъ на нихъ послѣдняго. Далѣе читаемъ:

«Опять прошу тебя не думать о глупомъ письмѣ моемъ. Шутками твоими ты никогда не можешь меня обидѣть, а только серьозность твоя мнѣ всегда подозрительна. Ты видишь, что я ухаживаю за тобою, какъ за любовницею, толкую слова твои, рожицы и т. д. Восточныя ругательства очень звучны. Я буду употреблять ихъ... Работаю мало, все чего-то недостаетъ. Теперь болѣе занимаюсь древнею исторіею и слушаю исторію Французской революціи у Ранке. Я ничего подобнаго не читалъ объ этой эпохѣ. Ни Тьеръ, ни

Минье, не могутъ сравняться съ Ранке. У него такой простой, ненатянутый, практическій взглядъ на вещи, что послѣ каждой лекціи я дивлюсь, какъ это мнѣ самому не пришло въ голову. Такъ естественно. Ранке безспорно самый геніальный изъ новыхъ Нѣмецкихъ историковъ. Невѣровъ, кажется, не слишкомъ благоволитъ къ нему,— вообще у насъ идеи не сходятся. Лѣтомъ стану учиться по Богемски и Сербски. Большимъ славянофиломъ я не буду впрочемъ. О причинахъ этой перемѣны—послѣ. Будь здоровъ, душа моя. Не забывай насъ, ругайся, сколько угодно; но, ради Бога, не дѣлай важныхъ рожъ. Петрова гони сюда. Савельеву кланяйся униженно: не подаритъ ли онъ насъ когда-нибудь письмецомъ? Обѣщалъ. Прощай, юноша!»

Изъ письма Т. Н. отъ 21 Февраля доступенъ для печати слѣдующій отрывокъ:

«Мои труды всѣ in spe. Готовлю кое-что для исторіи Среднихъ Вѣковъ. Прочелъ Гриммову Нѣмецкую миѳологію до половины. Трудно: много филологическихъ подробностей; понятно только тому, кто знаетъ древне-Германскія нарѣчія, но при всемъ томъ я въ восторгѣ отъ книги. Вотъ чистая ученость; а сколько ума, соображенія. По неволѣ повторяю обычный refrain: Нѣмцы великіе люди. Такую книгу не только написать, но даже задумать могъ только Нѣмецъ. У насъ не знаютъ и сотой доли ученыхъ сокровищъ Германіи. Я право нахожусь въ томъ затруднительномъ положеніи, которое Французы называютъ l'embarras des richesses. Отъ избытка богатствъ не знаю, за что взяться, и не берусь ни за что. Да, братъ Вася, Гриммъ великій человѣкъ, даромъ, что Нѣмецъ. Я составилъ себѣ здѣсь порядочную историческую библіотеку, особливо для Среднихъ Вѣковъ. Карманъ мой очень страдаетъ отъ этихъ покупокъ, но дѣлать нечего: хочу читать исторію Ср. В. на славу. Пусть со всѣхъ сторонъ краевъ міра идутъ меня слушать. Пріѣзжай и ты, когда хочешь. Хорошо будетъ».

Невѣровъ, отъ 30 Марта, писалъ мнѣ о житьѣ бытьѣ пріятелей: «Мы по прежнему бываемъ часто у Фроловыхъ и проводимъ тамъ самые пріятные вечера. Обыкновенное общество у нихъ: Варнгагенъ— онъ бываетъ почти каждый вечеръ и совершенно очарованъ этою чудною женщиною; Ганцъ; Freulein von Solmark; семейство Гензель; еще нѣсколько лицъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ. Недавно этотъ кругъ увеличился женщиною весьма любопытною, Frau von

Arnim: это жена здѣшняго министра, извѣстная Беттина Брентано, та, письма которой къ Гете были переведены въ «Библіотекѣ для Чтенія». Ганцъ окончилъ блистательно свой курсъ «Философіи Исторіи». Это теперь самый знаменитый профессоръ въ Берлинѣ. На дняхъ онъ читалъ у Фроловыхъ поднесенные ему студентами стихи — у него есть не много суетности, но нельзя не простить ему: онъ такъ уменъ, такъ увлекателенъ на лекціи, и такъ милъ, занимателенъ въ гостиной. Онъ хочетъ открыть курсъ философіи для дамъ: — кажется, M-me Фролова и Fr. v. Solmark навели его на эту мысль. Фроловы рѣшительно собрали у себя въ гостиной все, что есть лучшаго, интереснѣйшаго въ Берлинѣ. Недавно у нихъ явился Вердеръ, молодой профессоръ, одна изъ лучшихъ головъ здѣшняго университета: онъ въ восторгѣ отъ Грановскаго и Станкевича, въ особенности отъ послѣдняго. По Воскресеньямъ никогда не пропускаю концерта у Мендельсоновъ, а вечеръ провожу у З—овъ, гдѣ также бываетъ очень пріятно, только пріятство другаго рода: всего важнѣе тутъ любезность меньшой дочери З—а, которая *очень* нравится почтеннѣйшему Тимоѳею Николаевичу, такъ что онъ тамъ бываетъ гораздо чаще, нежели я.»

Съ наступленіемъ весны пріятели должны были разъѣхаться. О своихъ планахъ Грановскій писалъ выше. Станкевичъ съ Невѣровымъ собирались отправиться въ Эмсъ и на Рейнъ. Горесть близкаго разставанія смягчалась время отъ времени утѣшительною влагою. По этому поводу Станкевичъ, въ письмѣ отъ 4-го Апрѣля, наговорилъ о Грановскомъ всякаго вздора. Тотъ возражалъ:

«Вретъ. Не вѣрь ему, Вася. А я знаю объ немъ такія исторіи, что плюнуть хочется, разсказывая, да молчу по свойственному мнѣ благородству души. Возлюбленная его также въ своемъ родѣ вещь не послѣдняя. И съ Гумбольдтомъ знакома. На счетъ пьянства только справедливо: пьянствовали; но не я одинъ, а съ честною компаніею. Николай Владиміровичъ былъ довольно забавенъ. Пилъ цѣлые три дня. Невѣровъ былъ чуждъ всѣмъ этимъ неистовствамъ. Я наконецъ заболѣлъ. Уменъ больно—отъ того и пью. Дураки—трезвые люди. Охъ, скучно жить на свѣтѣ, Вася. Духъ бодръ, да плоть немощна. Станкевичъ это лучше всѣхъ знаетъ.

«Въ Вѣнѣ буду около 15 Мая. Въ Берлинѣ ничего не дѣлаю теперь. Читаю Гете и перечитываю Тацита. Хорошо было бы, если бы я могъ только это дѣлать. Я непремѣнно напишу тебѣ по пись-

му изъ Дрездена и Праги, а окончательный отчетъ о моихъ странствованiяхъ получишь изъ Вѣны. До тѣхъ поръ прощай.»

Обѣщаннаго письма изъ Дрездена я не получилъ. Не до меня было Грановскому: онъ такъ сжился въ Берлинѣ съ Невѣровымъ и Станкевичемъ, такъ привязался къ послѣднему, что сначала почти не могъ перенести разлуки съ нимъ, и изъ Дрездена, вмѣсто того, чтобы ѣхать далѣе, хотѣлъ возвратиться въ Берлинъ, гдѣ Станкевичь съ Невѣровымъ оставались до первыхъ чиселъ Мая. Трудно повѣрить такой женской привязчивости въ недоступномъ сантиментальности Грановскомъ; но такъ было дѣйствительно. Изъ Праги, отъ 28 Апрѣля (н. с), Т. Н. подарилъ меня длиннымъ посланiемъ, которое привожу почти цѣликомъ:

«Начинаю писать къ тебѣ, милый Вася, и не знаю, когда кончу письмо это. Я только четвертый день въ Прагѣ, и потому еще не осмотрѣлся, бѣгаю съ утра до ночи по городу, дѣлаю новыя знакомства, словомъ, у меня нѣтъ пяти свободныхъ минутъ въ день. Сего дня я нарочно рано всталъ, чтобы поболтать съ тобою и Берлинскими лѣнтяями, которые на три большiя письма, отправленныя мною къ нимъ изъ Дрездена, изволили отвѣчать коротенькою запискою.

«Путешествiе мое отъ Берлина до Праги не ознаменовано никакимъ великимъ событiемъ. Я выѣхалъ въ самомъ грустномъ расположенiи духа, а въ Дрезденѣ мною овладѣла невыносимая тоска, особливо въ первые дни. Съ спутникомъ моимъ, Строевымъ, я не имѣлъ очень большихъ сообщенiй; я никакъ не могу сойтись съ этимъ человѣкомъ; онъ уменъ, но у него такая вялая, пошлая душа, что мнѣ тошно говорить съ нимъ. Если бы не совѣстно было, то я право воротился бы въ Берлинъ. Невѣровъ и Станкевичь называютъ это слабостью, и можетъ быть они правы. Впрочемъ, послѣдняя зима такъ хорошо прошла для меня въ Берлинѣ, что грустное чувство, съ которымъ я оставилъ этотъ городъ, очень извинительно. Я сдѣлалъ немного въ эти шесть мѣсяцевъ, и при всемъ томъ считаю ихъ одною изъ самыхъ лучшихъ и самою плодотворною эпохою въ моей жизни. Если бы ты покороче зналъ Станкевича, то понялъ бы меня безъ всякихъ объясненiй. Я не легко и, признаюсь, не охотно поддаюсь чужому влiянiю, но Станкевичь имѣлъ на меня большое, болѣе, чѣмъ кто-нибудь, послѣ моей матери. Онъ отучилъ меня отъ множества дурныхъ нравственныхъ привычекъ, и

это только отрицательная часть его вліянія на меня. Онъ самъ не знаетъ, что для меня сдѣлалъ. Разъ я говорилъ объ немъ съ Вердеромъ, профессоромъ философіи, у котораго мы слушали лекціи, и жаловался на лѣнь Станкевича. «Онъ такъ много можетъ сдѣлать и ничего не дѣлаетъ», сказалъ я. «А развѣ вы ни за что не считаете, что онъ живетъ на свѣтѣ; самая жизнь такого человѣка уже есть хорошее дѣло», былъ отвѣтъ Вердера. И это истина. Изъ всѣхъ людей, съ которыми я сходился въ жизни,—а между ними есть много отличныхъ во всѣхъ отношеніяхъ,—Станкевичъ самый замѣчательный. Въ немъ соединяются высшія качества ума и сердца. Сначала мнѣ многое не нравилось въ немъ, и я ему высказывалъ открыто мое мнѣніе, ссорился не въ шутку съ нимъ,—а теперь убѣдился, что требованія мои отъ него были безразсудны, что его нельзя мѣрять тою мѣркою, какою я привыкъ мѣрить себя и другихъ. Ты поймешь теперь, душа моя, отчего мнѣ такъ тяжело было выѣхать изъ Берлина. Я отъ души люблю Януарія, но Станкевича люблю болѣе, чѣмъ брата...

«... Въ Дрезденѣ я провелъ 12 дней, осмотрѣлъ собранія, ходилъ всякій день въ театръ, который очень хорошъ, и познакомился съ Гульяновымъ. Мы съ нимъ очень сошлись, и, самъ не знаю за что, я попалъ въ большую милость къ нему. Онъ настоятельно требовалъ, чтобы я ежедневно бывалъ у него; позволилъ мнѣ рыться въ его бумагахъ, которыя онъ очень неохотно показываетъ, брать ихъ домой и выписывать, что угодно. У него наготовлено матеріаловъ для сотни сочиненій, но эти матеріалы, вѣроятно, пропадутъ, потому что самъ онъ не успѣетъ привести ихъ въ порядокъ, а другіе не съумѣютъ. То, что онъ давалъ мнѣ читать и что говорилъ объ іероглифахъ, показалось мнѣ немного натянутымъ и неяснымъ, особливо потому, что онъ страшный мистикъ. Но гдѣ онъ не садится на этого конька, тамъ все умно и просто, такъ что даже я, не имѣя никакихъ предварительныхъ свѣдѣній о предметѣ, понялъ, въ чемъ дѣло, и готовъ мечемъ и перомъ защищать теоріи Гульянова противъ приверженцевъ Шампольона. Впрочемъ несравненно интереснѣе и понятнѣе іероглифовъ были для меня идеи Гульянова о всеобщей грамматикѣ. Преумная вещь, братъ Вася. Кое-что я записалъ и выписалъ, но это лоскутки изъ огромнаго труда, который готовъ въ головѣ Гульянова. Онъ немолодъ и боленъ. Очень можетъ быть, что все это умретъ съ нимъ. Я увѣренъ, что надъ

многими его идеями станутъ смѣяться, и въ самомъ дѣлѣ онѣ смѣшны, но между ними есть такія, которыя не во всякую голову влѣзутъ.

«На Австрійской границѣ я чуть было не заплакалъ отъ радости .... Таможенный чиновникъ содралъ съ меня взятку; на станціи стѣны облѣплены дрянными картинами; босая дѣвка подаетъ дурной обѣдъ. Кучеръ и еще какой-то юноша просятъ на водку за услуги, оказанныя мнѣ безъ моего вѣдома. А на дворѣ передъ окнами стоитъ деревянная статуя, которую я сначала принялъ за пляшущаго мандарина, но при внимательномъ изслѣдованіи нашелъ — прости Господи — что это....... Ей Богу, не вру. Ужъ такова Австрійская скульптура. Въ Прагѣ тоже содрали съ меня въ таможнѣ, и до сихъ поръ не могу догадаться за что. По пріѣздѣ, я тотчасъ отыскалъ Бодянскаго, который здѣсь учится Славянскимъ языкамъ. Славный и дѣльный малый. Кланяется тебѣ. Онъ много работаетъ. Другой землякъ нашъ, Иванишевъ, нашелъ, говорятъ, очень важные памятники Славянскаго законодательства. Я его еще не видалъ. Онъ уѣхалъ на недѣлю въ имѣніе князя Лобковича, чтобы осмотрѣть его библіотеку. Отъ него можно надѣяться хорошаго, хотя мы и не большіе друзья. Я его въ самомъ дѣлѣ обидѣлъ однажды, и онъ, какъ хохолъ, не можетъ этого забыть. Впрочемъ умная голова и много трудолюбія. Еще одинъ Русскій, также педагогъ, живетъ здѣсь. Работаетъ онъ много, но, кажется, принадлежитъ къ благородному сословію безтолковыхъ тружениковъ. Онъ отлично знаетъ древніе языки, а берется за то, чего вовсе не знаетъ.

«Я хочу начать здѣсь учиться по Богемски, а въ Вѣнѣ займусь и Сербскимъ. По Польски выучусь уже въ Россіи. Теперь некогда. Дай Богъ справиться и съ тѣмъ, что подъ рукою есть.

«Изъ ученыхъ Чеховъ я познакомился съ Шафарикомъ и Челяковскимъ. У перваго провелъ вчера цѣлый вечеръ. Чудесный человѣкъ! Великъ и ученостію, и характеромъ. Бѣденъ до нищеты, стѣсненъ со всѣхъ сторонъ, жена больна почти безнадежно,—а онъ твердъ и спокоенъ. Говорили о многомъ. У него есть участіе ко всему. Я поспорилъ съ нимъ на счетъ Нѣмцевъ, которымъ онъ впрочемъ отдаетъ полную справедливость въ ученомъ отношеніи. Но, при всемъ моемъ уваженіи къ его огромнымъ свѣдѣніямъ, я не могу согласиться, что Славяне не менѣе Нѣмцевъ участвовали во все-

мірной исторіи. Мнѣ кажется, что намъ принадлежитъ будущее, а отъ прошедшаго мы должны отказаться въ пользу другихъ. Мы не въ убыткѣ при этомъ раздѣлѣ. Какъ ни говори, а все таки исторія Германцевъ теперь важнѣе Славянской, въ связи со всеобщею. Черезъ два, три столѣтія — другое дѣло.

« Челяковскій также отличный человѣкъ. Поэтъ и филологъ; замѣчателенъ и въ томъ, и въ другомъ. Бѣдность угнетаетъ и его. Эти люди работаютъ не для себя, и только Богъ въ томъ мірѣ заплатитъ имъ. Отъ этого міра имъ нечего надѣяться. Во многомъ они, кажется, ошибаются. Но эти заблужденія такъ святы, такъ извинительны. Челяковскій готовитъ теперь словарь и сравнительную грамматику Славянскихъ языковъ.

« Къ Юнгману и Палацкому меня поведетъ Бодянскій сего дня. Предстоитъ еще интересное знакомство съ докторомъ Саксомъ, къ которому имѣю письмо отъ Вердера. Онъ здѣсь проповѣдникомъ при обществѣ der reformirten Juden. Я слышалъ объ немъ много хорошаго: необыкновенно умный, ученый человѣкъ и жаркій защитникъ Моисеевой религіи. Онъ еще очень молодъ и другъ Вердера: уже это послѣднее дѣлаетъ его очень интереснымъ для меня.

« На счетъ Шафарика я выдумалъ слѣдующее и повергаю оное слѣдующее вашему благоутробію на разсмотрѣніе. Мы составимъ, разумѣется, между своими, подписку, по которой каждый изъ насъ обяжется давать ежегодно по мѣрѣ силъ своихъ, хотя по 25 рублей. Эта сумма составитъ Ш. родъ пенсіона на всю жизнь. Разомъ мы не можемъ сдѣлать большаго пожертвованія, а такимъ образомъ будемъ ему очень полезны. Если соберемъ 1000 рублей въ годъ, то это будетъ для Ш. очень значительно, потому что теперь онъ ровно ничего не имѣетъ, кромѣ обременительной должности цензора, который получаетъ менѣе 600 рублей въ годъ. Принять онъ не откажется. Какъ бы ни мала была сумма, для него она будетъ значительна при его бѣдности и ограниченныхъ нуждахъ. Со временемъ мы сдѣлаемъ болѣе, но теперь, что можемъ. Выдумать бы средство снабжать Чеховъ Русскими книгами, которыхъ они, по бѣдности, не могутъ покупать. Объ этомъ также подумай. Когда я возвращусь, то непремѣнно пріѣду въ Питеръ переговорить съ тобою обо всемъ этомъ, и будемъ работать: ты тамъ, а я въ Москвѣ.

« А что твое здоровье? Когда поѣздка на Востокъ? Я, слава Богу, здоровъ и поѣду далѣе на Западъ. »

Предположеніе о пенсіонѣ Шафарику, какъ обыкновенно случается съ такими предположеніями, не состоялось. Небольшая сумма для Шафарика выслана была мною въ Берлинъ еще въ концѣ 1837 года, но не была ему доставлена за разсужденіями, какъ это сдѣлать поделикатнѣе, ибо — утверждали Берлинскіе Нѣмцы — « Шафарикъ вовсе не въ такой бѣдности, какъ воображаютъ; доказательствомъ тому служитъ его отказъ отъ выгодной каѳедры Славянскихъ языковъ въ Берлинѣ или Бреславлѣ, которую ему предлагали. » Найдено было также, что нельзя помочь Шафарику, даже купивъ изданій его на высланную сумму, потому что онѣ не составляютъ его собственности, а проданы книгопродавцамъ. Такъ изъ нашихъ сочувствій ничего и не вышло. М. П. Погодинъ, съ своей стороны, не ограничился желаніями и, чѣмъ могъ, помогъ Шафарику на дѣлѣ.

Слѣдующее письмо получилъ я изъ Вѣны отъ 10 Іюня (н. с.). Вотъ оно, съ надлежащими выпусками:

« Что съ вами сдѣлалось, любезнѣйшій Василій Васильевичъ? Я пишу къ вамъ, а вы молчите, какъ рыба. Если бы я не въ тамомъ вѣжливомъ тонѣ началъ письмо, то сказалъ бы вамъ, что вы оселъ, лошадь и многое другое; но теперь совѣстно. Можетъ-быть вы опять, по причинамъ мнѣ неизвѣстнымъ, пылаете благороднымъ гнѣвомъ противъ меня и мои шутки еще болѣе раздражатъ васъ въ такомъ случаѣ.

« По шутки и предположенія въ сторону—отчего ты не пишешь? Ей Богу, начинаю сердиться на всѣхъ васъ. С . . ы № 2 и 3 (каково уваженіе мое къ тебѣ—ты у меня вездѣ первое мѣсто занимаешь, душенька) также молчатъ; я даже не знаю, гдѣ они и куда послать ругательное посланіе. Станкевичь писалъ изъ Дрездена, и потомъ ни слова. Положимъ, что онъ вздыхаетъ о своей Бертѣ, а Невѣровъ почему лѣнится? Кстати, любовь сдѣлала Станкевича опять поэтомъ: не только пишетъ, но даже говоритъ стихами. Послѣ моего отъѣзда, сидѣли они вдвоемъ съ № 3-мъ и краснорѣчиво молчали. Передъ ними лежалъ листъ бумаги, исписанный Станкевичемъ въ Потсдамѣ. Вдругъ Станкевичь беретъ этотъ листъ и, обращаясь къ Невѣрову, импровизируетъ:

Чудо-юдо! Длинный г . . стъ!
Посмотри на этотъ листъ:
Онъ написанъ былъ при дамѣ

Мной, за завтракомъ въ Потсдамѣ.
Листъ лежитъ передо мной,
А ея ужъ нѣтъ со мной —

«И оба зарыдали и бросились въ объятія одинъ другому. Это называется могуществомъ поэзіи. Невѣровъ хочетъ написать разборъ этихъ стиховъ и напечатать въ Лит. Прибавленіяхъ. Нельзя ли перевести на Персидскій и иные языки. Право стоитъ.

« Я прожилъ въ Прагѣ около трехъ недѣль и почти столько же живу здѣсь. Въ концѣ Августа уѣду, хотя собирался возвратиться въ Берлинъ не прежде Октября; но что дѣлать? Такого пустаго (т. е. глупаго) города, какъ Вѣна, я еще не видывалъ. Здѣсь почти никто ничего не дѣлаетъ. Жить впрочемъ весело, но дорого.

«Изъ ученыхъ здѣшнихъ я познакомился съ Копитаромъ, Вукомъ и Гаммеромъ. Послѣдній мнѣ болѣе всѣхъ понравился. Онъ живетъ на дачѣ, не далеко отъ города, и по Четвергамъ у него всегда собирается множество народа. Меня привезъ и представилъ баронъ Зедлицъ, драматическій писатель и другъ Гаммера. Семейство все очень любезно; жена умная женщина и безъ всякихъ претензій; дѣвицъ было множество, и потому я не могъ отличить дочерей и сообщить тебѣ свѣдѣній объ ихъ красотѣ, что для тебя, орьенталиста, конечно было бы пріятно. Съ самимъ Гаммеромъ я немного говорилъ, потому что у него сидѣлъ Турецкій посланникъ, который, кромѣ своего роднаго, не знаетъ ни одного языка. Гаммеръ — маленькій старикъ, до крайности учтивый и, какъ кажется, очень добрый. Какъ человѣка, его всѣ любятъ и уважаютъ. Въ будущій Четвергъ поѣду опять къ нему и сообщу тебѣ болѣе подробностей.

« Копитара вижу въ библіотекѣ. Наружность его, а можетъ-быть и то, что я слышалъ о его характерѣ, внушили мнѣ не слишкомъ пріязненное чувство къ нему. Въ его огромной учености никто не сомнѣвается,—но мелкія усилія его заставить всѣхъ почитать его за перваго знатока Славянской исторіи и филологіи—смѣшны. Пражскихъ ученыхъ онъ не любитъ, но они ему тѣмъ же платятъ. Онъ собирается писать о Краледворской рукописи, въ подложности которой онъ убѣжденъ. Впрочемъ Добровскій былъ этого же мнѣнія, и оно очень можетъ быть справедливо. Mater Verborum, по мнѣнію Копитара, поддѣлалъ самъ Ганка, въ чемъ я никакъ не могу съ нимъ согласиться.

«Шафарикъ, Палацкій, Юнгманъ, Челяковскій — отличные люди, вблизи и вдали. Кстати о репутаціяхъ—вотъ еще молодцы, М—ій и К—ій, которые вдвоемъ состряпали исторію Славянскаго законодательства, а теперь издаютъ памятники. Объ учености и честности можешь судить изъ слѣдующаго: они просили Пражскихъ ученыхъ прислать имъ кое-что для ихъ книги. Шафарикъ, который въ то время собирался издавать Сербскіе законы Душана, послалъ имъ на время свою рукопись съ примѣчаніями, прося возвратить по прочтеніи. Эти господа разочли иначе: они печатаютъ и текстъ, и примѣчанія, и выдаютъ за свое. Хорошо, что эта работа была только что начата Шафарикомъ, и что слѣдовательно имъ немного досталось. Но что они съ Ганкою сдѣлали, то еще лучше: этотъ послалъ имъ одинъ памятникъ Чешскаго законодательства, которымъ онъ занимался, и для лучшаго уразумѣнія сдѣлалъ подстрочный переводъ Латинскій, слово въ слово. Этотъ памятникъ также напечатанъ, а переводъ Ганки выдается за современный памятнику. Недавно М—ій написалъ статью о сходствѣ Славянскихъ языковъ между собою; между прочимъ онъ доказываетъ, что Чешскій языкъ почти вовсе не измѣнился, и въ доказательство приводитъ языкъ Кралодворской рукописи. Но какъ бы ты думалъ, что онъ сдѣлалъ? По разсѣянности или по чему другому, онъ, вмѣсто настоящаго текста, взялъ Ганкинъ переводъ на Новочешскій и сличаетъ преважно этотъ переводъ съ теперешнимъ языкомъ Чеховъ. «Одно и тоже», говоритъ. Не мудрено, что одно и тоже. Подобныхъ анекдотовъ я слышалъ много. Но вотъ образцы.

« Впрочемъ я жалѣю, что началъ учиться Славянскимъ языкамъ. Не сердись на это, душа моя; ты увидишь, что я правъ. Кромѣ Поляковъ и Русскихъ—ни у одного Славянскаго народа нѣтъ литературы въ собственномъ смыслѣ. Историческихъ источниковъ также очень мало; у Сербовъ есть пѣсни по крайней мѣрѣ, у Чеховъ и того нѣтъ. Вся ихъ древняя литература погибла во время 30-ти лѣтней войны, а новая, за исключеніемъ нѣсколькихъ хроникъ о Гусситской эпохѣ, которыхъ здѣсь никогда не позволятъ напечатать, не стоитъ вниманія. Короче, Славянскіе языки могутъ быть полезны для филологическихъ изслѣдованій, слѣдовательно и для исторіи; но вовсе не въ такой степени, какъ я воображалъ. Для Русской исторіи они необходимы, но мнѣ гораздо полезнѣе было бы выучиться хорошенько по Испански и Итальянски, что я впрочемъ и сдѣ-

лаю. Бодянскій усердно работаетъ и будетъ дѣльнымъ профессоромъ; Иванишевъ сдѣлаетъ еще болѣе; но К. — этого звѣря ты самъ узнаешь: въ Сентябрѣ онъ явится въ Петербургъ. Надутая и невѣжественная скотина. Признаюсь, сначала онъ надулъ меня, и я долго считалъ его за порядочнаго человѣка.

« Начинаю думать объ экзаменѣ: предметъ для диссертаціи у меня уже есть; но позволятъ ли мнѣ самому назначить? Я хотѣлъ бы писать объ образованіи и упадкѣ городскихъ общинъ въ Среднихъ Вѣкахъ. Кое-что у меня уже собрано, по матеріаловъ бездна и можно сдѣлать чудесную вещь. Сюда скоро будетъ Погодинъ: я переговорю съ нимъ на счетъ этого. На экзаменѣ боюсь Греческаго языка, которымъ я очень мало занимался и занимаюсь, и то только для экзамена. Для меня онъ почти безполезенъ: Византійцевъ я могу читать по Латыни, Святыхъ Отцевъ—также. Кромѣ того, меня въ исторіи занимаетъ болѣе всего, даже почти исключительно, развитіе политическихъ формъ и учрежденій. Филологической догадливости у меня нѣтъ ни на грошъ. Я скоро учусь языкамъ, потому что у меня хорошая память для словъ, но не люблю этой работы.

« Виноватъ, душа моя, безъ позволенія твоего я написалъ къ отцу, чтобы въ случаѣ высылки денегъ онъ адресовалъ на твое имя. Не думай впрочемъ, чтобы онъ утомилъ тебя подобными порученіями. У насъ все семейство пределикатное. »

За тѣмъ получилъ я изъ Вѣны еще одно письмо Грановскаго, отъ 21 Іюля (н. с.).

« . . . Спасибо тебѣ за извѣстіе о докторскомъ экзаменѣ. Предложеніемъ твоимъ я впрочемъ не воспользуюсь. Что за бѣда, если я получу докторство годомъ позже. А ѣхать въ Россію мнѣ что-то не хочется. Авось весною почувствую тоску по отчизнѣ; доселѣ это чувство меня не безпокоило. Экзамена я не слишкомъ боюсь: въ Москвѣ, гдѣ безъ сомнѣнія буду я экзаменоваться, у меня нѣтъ недоброжелателей. По крайней мѣрѣ я не знаю причины, по которой могъ бы опасаться недобросовѣстныхъ нападокъ. Есть одна очень опасная вещь — Греческій языкъ, который мнѣ не дается, да сверхъ того почти не нуженъ для предполагаемыхъ мною занятій. Греческихъ древностей я не боюсь, но языкъ дѣло сомнительное. Мы, пожалуй, къ общему удивленію, и перевести не съумѣемъ.

« Диссертацію напишу зимою въ Берлинѣ, куда возвращусь къ

концу Августа. Вѣна до смерти надоѣла; знакомые мои почти всѣ разъѣхались; дѣла немного; народъ глупѣйшій. С. М. Строевъ также уѣхалъ. Въ послѣднее время его пребыванія здѣсь, мы видались ежедневно, наружно сблизились, внутренно—еще болѣе разошлись. Я былъ несправедливъ къ нему, считая его хуже, чѣмъ онъ въ самомъ дѣлѣ, но при всемъ томъ не хотѣлъ бы въ другой разъ надолго сойтись съ нимъ. У насъ враждебныя натуры. Въ шарлатанствѣ и невѣжествѣ его я убѣжденъ болѣе, чѣмъ когда-либо. Я увѣренъ, что онъ въ Петербургѣ станетъ пускать пыль въ глаза, чего здѣсь не смѣлъ дѣлать. По Нѣмецки онъ не слишкомъ хорошо понимаетъ, историковъ знаетъ по оберткѣ только, но страсть говорить о заслугахъ Нѣмцевъ въ исторіи у него пребольшая. Я также люблю говорить объ исторіи Востока: какъ мнѣ не знать, да у меня есть другъ орьенталистъ. Вѣроятно, Строевъ говоритъ о Нѣмцахъ-историкахъ вслѣдствіе подобнаго разсужденія.

«Отъ Невѣрова и Станкевича получилъ на дняхъ два письма. Они уѣхали изъ Эмса въ Ахенъ. Нурка дѣлаетъ мерзости—волочится за 54-лѣтнею банкиршею и, кажется, хочетъ жениться. Станкевичъ плачетъ, но что дѣлать съ любовью! Бѣда съ вашимъ братомъ, молодежью.

«Я пріѣду въ Питеръ въ Іюнѣ будущаго года. Хотѣлось бы удержать здѣсь до того времени Нурку, да упрямится оселъ. Что онъ будетъ въ Россіи дѣлать, не понимаю. Зимою онъ могъ-бы чѣмъ-нибудь порядочнымъ заняться. Денегъ какъ-нибудь достало бы у насъ. Посовѣтуй и ты ему это. Безъ шутокъ, душа моя, я говорю не изъ эгоизма, не изъ желанія провести нѣсколько мѣсяцевъ съ Невѣровымъ вмѣстѣ, а потому, что предвижу для него большую пользу. Укроти и ты свой эгоизмъ и обсуди дѣло со всѣхъ сторонъ. Увидишь, что я правъ и совѣтую дѣльно. А гдѣ Петровъ? Я радъ былъ бы съѣхаться съ нимъ въ Берлинѣ. Безгину кланяйся отъ меня. Скажи ему, что онъ очень ошибся въ Копитарѣ. Я не имѣю причины бранить его, но слышалъ отъ другихъ, очень дѣльныхъ и благородныхъ людей, невыгодные отзывы о его характерѣ.»

Прямо изъ Вѣны въ Берлинъ Т. Н. не попалъ. Подъ конецъ пребыванія въ Вѣнѣ онъ сильно заболѣлъ холерою. Страшная болѣзнь пощадила его, но слѣдствіемъ ея осталось разстройство желудка, требовавшее серьознаго леченія. Съ одной стороны это, а съ другой—сильное желаніе увидѣться поскорѣе съ Станкевичемъ и

Невѣровымъ, заставили его изъ Вѣны отправиться въ Ахенъ, гдѣ находились послѣдніе. Въ Ахенѣ пользовался онъ тамошними минеральными водами и прожилъ вмѣстѣ со Станкевичемъ,—Невѣровъ странствовалъ между тѣмъ въ Бельгіи и по Рейну до половины Августа, послѣ чего возвратился въ Берлинъ. Отсюда получилъ я отъ него письмо, писанное въ половинѣ Сентября. Оно наполнено исключительно разсужденіями о положеніи моихъ дѣлъ, потому и не привожу его. Отсутствіе Станкевича и Невѣрова, возвратившихся въ Берлинъ мѣсяцемъ позже, видимо тяготило Грановскаго. Ему чего-то не доставало безъ нихъ.

Наконецъ, въ исходѣ Сентября, желанные явились; вскорѣ затѣмъ пріѣхали Фроловы, и Берлинская жизнь Т. Н. потекла опять въ ихъ обществѣ, извѣстнымъ уже намъ образомъ. Вотъ приписка Грановскаго къ письму Невѣрова отъ 2 Октября (н. с.):

«Станкевичь и Невѣровъ сдѣлались еще тупоумнѣе со времени своего пріѣзда. Первый живетъ у меня на квартирѣ изъ милости и не чувствуетъ никакой благодарности. Пріѣхалъ сюда въ рубищѣ: я далъ ему, чѣмъ прикрыть наготу, напоилъ и накормилъ, а онъ разноситъ обо мнѣ гнусныя клеветы. Грустно, братъ Вася, жить среди этихъ людей. А что ты ничего не пишешь, передалъ ли ты мою просьбу Безгину или Кутузову. Попроси ихъ объ исполненіи. Если отецъ пришлетъ деньги въ Питеръ, а переслать ихъ ко мнѣ будетъ не кому, то это будетъ крайне непріятно для моей чувствительной и благородной души. Долговъ у меня, слава Богу, очень много.»

А вотъ приписка Станкевича къ припискѣ Грановскаго: «..Я веду себя чинно и хорошо; завтра перехожу изъ дома моего благодѣтеля на собственную квартиру, гдѣ намѣренъ заниматься дѣломъ—исполненіе этого намѣренія во власти Божіей. Берлинъ подъ осеннимъ солнцемъ милѣе, нежели когда-нибудь, и Тимоѳей Николаевичь, чувствительный къ красотамъ природы, гуляетъ ежедневно въ Thiergarten. Ему нравится мѣстоположеніе: плоскости—его сфера.»

Вообще зима 1838—1839 года, кромѣ знакомства съ вновонаѣхавшими соотечественниками, въ числѣ коихъ былъ и И. С. Тургеневъ, представила мало новаго противу предшествовавшей. Строева въ обществѣ нашихъ пріятелей замѣнилъ на эту зиму П. Я. Петровъ—человѣкъ совершенно другаго покроя, весьма любимый Станкевичемъ и Невѣровымъ, но по образу мыслей своихъ, жизни и занятіямъ, нисколько

не гармонировавшій съ Берлинскою братіею. Эти люди любили жизнь во всемъ ея разнообразіи. П. Я. ничего въ мірѣ не находилъ занимательнымъ, кромѣ предметовъ спеціальнаго изученія своего. Ни малѣйшаго впечатлѣнія, сверхъ того, не произвела на него Берлинская ученость. Все это не совсѣмъ пріятно поражало Грановскаго, хотя онъ, благоговѣйный поклонникъ безкорыстной любви Нѣмцевъ къ наукѣ, могъ бы въ этомъ соотечественникѣ своемъ видѣть такой образчикъ этой любви, какая и между Нѣмцами встрѣчается рѣдко.

Отъ 29 Декабря (н. с.) Т. Н. писалъ мнѣ между прочимъ:

«Поздравляю тебя съ Новымъ годомъ, милый Вася.... что-то со мною будетъ въ этомъ году? Во всякомъ случаѣ онъ долженъ рѣшить мою участь и опредѣлить всю мою дѣятельность. Я много думаю о моемъ профессорствѣ, потому что съ этимъ мѣстомъ связаны всѣ мои планы и надежды. Мнѣ надоѣло бездѣйствіе. Положимъ, что я не теряю времени здѣсь, что свѣдѣнія мои увеличиваются съ каждымъ днемъ, но работать только для себя скучно, мнѣ нужна живая дѣятельность. Я увѣренъ, что годъ профессорства меня далѣе подвинетъ въ наукѣ, чѣмъ три года кабинетной работы. Плановъ у меня много: между прочимъ я хочу ежегодно читать, кромѣ средней и новой исторіи, исторію какого-нибудь Европейскаго государства,—разумѣется, для охотниковъ. Если останется время, то я открою курсъ всеобщей исторіи для студентовъ, не принадлежащихъ къ моему факультету. Въ первомъ году мнѣ едва ли удастся исполнить это, но во второмъ навѣрно. Писать не хочется пока. Матеріалы диссертаціи накопляются, но диссертаціи еще не начинаю писать.»

Не имѣя ни о жизни, ни о занятіяхъ Грановскаго въ это время никакихъ другихъ свѣдѣній, кромѣ почерпаемыхъ изъ его писемъ ко мнѣ, я по необходимости долженъ ограничиваться однимъ этимъ источникомъ. Читатели, я думаю, будутъ благодарны мнѣ, что свѣдѣнія эти получаютъ изъ первыхъ рукъ, въ пріятномъ, легкомъ и всегда остроумномъ разсказѣ самаго Т. Н., а не въ моемъ изложеніи. По этому, продолжаю выписки. Отъ 18 Января 1839 (н. с.) писалъ онъ мнѣ:

«Прости великодушно мнѣ лѣнь мою, милый Вася. Ей Богу, впредь не буду, да и теперь не совсѣмъ виноватъ: множество причинъ мѣшали мнѣ писать къ тебѣ. Если письма мои могутъ хотя немного разсѣять хандру твою, ты не будешь имѣть въ нихъ недостатка, хо-

тя, по праву возмездія, я и могъ бы поступить иначе; но благородное сердце мое возстаетъ противу такой мести. И такъ читай и радуйся.

«.... Станкевичь по прежнему утопаетъ въ нѣгѣ и мучится ревностію. Берта его влюблена въ меня. Чувство чести и дружбы не позволяютъ мнѣ отвѣчать ея страсти. А жаль бѣдную дѣвочку, примѣтно увядаетъ. П. живетъ съ Тритеномъ въ конуркѣ, въ которой едва можно повернуться. Каждый изъ нихъ спитъ по очереди на кровати, другой въ это время валяется на полу. Это не преувеличеніе: въ комнатѣ нельзя поставить двухъ кроватей. Работаетъ съ утра до ночи. Денегъ ему не шлютъ также, какъ и намъ; вслѣдствіе чего ни у одного изъ насъ нѣтъ ни копѣйки. За письмо мое заплати изъ своего кармана. Изъ Россіи нѣтъ никакихъ извѣстій. Я получилъ два письма отъ возвратившихся туда педагоговъ, да только новаго ничего нѣтъ. Всѣ они не слишкомъ довольны своимъ размѣщеніемъ: конечно изъ Берлина въ Казань ѣхать не весело. Я все работаю надъ моею диссертаціею о городахъ: матеріаловъ много, особливо для Германіи, но справиться съ ними трудно. Такая работа требуетъ годовъ, а не мѣсяцевъ. Впрочемъ я не теряю отваги и приготовлю для диссертаціи хотя отрывокъ. Остальное послѣ. Я теперь сталъ совершенно юристомъ: читаю юридическія изслѣдованія о городскихъ правахъ, старые акты, грамоты и проч. Скучно, мочи нѣтъ, какъ скучно, особливо пока самъ не добился ни до какихъ результатовъ и только ищешь повѣрки чужимъ мнѣніямъ.

«На дняхъ возвратится изъ путешествія въ Парижъ Лёве—божественный предметъ моей любви. Чертъ возьми! какъ подумаешь, что въ Москвѣ нѣтъ ни хорошаго театра, ни многаго, что здѣсь есть, и даже за самую дешевую цѣну: такъ и скучно становится. Безъ шутокъ, мнѣ будетъ жаль Леве: ни одна пѣвица на меня не дѣйствовала такъ, какъ она. Я слыхалъ голоса лучше и обработаннѣе, но въ ней есть что-то такое, что собственно для меня хорошо. Портретъ везу въ Россію. Повѣрь, что она разогнала бы хандру твою, если бы ты послушалъ ее въ Сомнамбулѣ.

«Станкевичь приписалъ бы къ тебѣ, да его теперь и съ собаками не найдешь. Цѣлый день болтается подъ окнами Берты и поетъ сладостные романсы. Я уже остерегалъ его: когда-нибудь попадетъ въ полицію, какъ нарушитель общественнаго покоя. Онъ отвѣчаетъ:

Я ль виноватъ, что ее сѣроокую
Больше, чѣмъ душу, люблю!

Прощай. Будь уменъ, здоровъ, не хандри и помни насъ.»

Упоминаемый въ этомъ письмѣ Грановскаго Трптенъ былъ юноша, замѣчательный по лингвистическимъ дарованіямъ. Родился и воспитывался онъ въ Россіи, но ученая дѣятельность его принадлежала Англіи. Коротенькое извѣстіе о немъ помѣщено въ 3-й книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за настоящій годъ.

Въ Январѣ и началѣ Февраля весь тріумвиратъ переболѣлъ; но это не мѣшало хорошему расположенію духа въ Т. Н. Въ припискѣ къ письму Невѣрова, отъ 18 Февраля (н. с.), онъ опять шутитъ.

«О Станкевичѣ идутъ странные слухи. Говорятъ, что онъ сталъ драться. За достовѣрность не ручаюсь, но съ нѣкотораго времени онъ что-то не веселъ; ходитъ, какъ пришибенный; волосы въ непріятномъ безпорядкѣ. Я было разъ намекнулъ, что онъ помѣщикъ и можетъ быть выбранъ въ предводители, слѣдовательно ему должно заставить уважать свою личность. Обидѣлся; что тутъ дѣлать.

«П. скучаетъ самъ и разноситъ скуку по другимъ. Бранитъ все и всѣхъ и ни въ чемъ не принимаетъ участія. На дняхъ напугалъ всѣхъ живущихъ здѣсь Русскихъ: говорятъ, П. съ ума сошелъ. Невѣровъ тотчасъ захлопоталъ, какъ бы помочь бѣдняжкѣ, началъ его водить по гостямъ, и проч. Кажется, помогъ: по крайней мѣрѣ вотъ ужъ съ недѣлю, какъ П. живетъ смирно и не бьетъ въ стѣну головою. Слава Богу! Мнѣ, признаюсь, не жаль было П. Самъ виноватъ: онъ человѣкъ умный, занимающійся—и скучаетъ. Такая скука можетъ происходить отъ эгоизма, отъ равнодушія; кто ничего и никого не любитъ, тотъ долженъ скучать, и по дѣломъ вору мука. У меня у самаго бываетъ хандра, но у меня она происходитъ отъ причинъ, чисто физическихъ, и не составляетъ моей *профессіи*, какъ у П. скука. Что вы дѣлаете? Скучаю. Не сердись на меня, милый Вася. Я знаю, что ты любишь П.; знаю, что онъ во многихъ отношеніяхъ отличный человѣкъ, но досадно смотрѣть на него и слушать его выходки противъ всего, что въ мірѣ есть хорошаго и достойнаго уваженія.»

Именно по тому, что я любилъ и люблю П., считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ въ объясненіе его характера. Грановскій, по артистической природѣ своей, имѣлъ на жизнь нѣсколько аттическое воззрѣніе, бралъ съ нея возможную дань удовольствій, вѣрилъ въ

прогрессъ, и потому легко утѣшался въ существованіи темныхъ сторонъ человѣчества. Не всѣ одарены такою счастливою натурою. Въ иныхъ стремленіе къ чему-то высшему, встрѣчаемому въ жизни, безотчетное, неопредѣленное, неопредѣлимое, такъ безпокойно, такъ неумолимо, что не утоляется ни наукою, ни искусствомъ, ни проявленіями нравственной красоты. Всего этого мало имъ; все это, по ограниченности, по несовершенству своему, не удовлетворяетъ ихъ тоски по безконечномъ, безусловномъ, къ которому тянетъ эти души какою-то неодолимою силою. Во всемъ земномъ поражаются они одною тщетою земнаго и, естественно, раздражаются болѣзненно, когда требуютъ отъ нихъ спокойнаго довольствованія, даже наслажденія этимъ земнымъ. Это не Печорины какіе-нибудь. Эти люди не выставляютъ на показъ своего душевнаго состоянія, не драпируются въ него, не позируютъ. Въ дѣйствительной жизни эти люди просиживаютъ за наукою безсонныя ночи и обладаютъ часто изумительнымъ богатствомъ свѣдѣній, исполняютъ безупречно всѣ свои гражданскія и семейныя обязанности; довольствуются спокойно «конуркою», кускомъ хлѣба, стаканомъ воды; отдадутъ послѣднюю копѣйку, не то, что пріятелю, а первому нуждающемуся или просящему; отдадутъ вамъ даромъ всѣ сокровища своей учености, всѣ плоды размышленій своихъ и наблюденій. Въ нихъ нѣтъ и тѣни суетнаго тщеславія. Можетъ быть, все это происходитъ отъ недостатка воли, отсутствія энергіи. Но воля, энергія возбуждаются желаніемъ достигнуть цѣли. А когда не видишь цѣли въ жизни, не находишь, чтобы то, къ чему стремятся другіе, возбуждало желанія, когда чувствуешь, что игра свѣчъ не стоитъ? Любовь къ человѣчеству;—но вѣдь одинъ только воплотившійся Богъ могъ любить человѣчество въ падшемъ его состояніи, а люди говорятъ объ этой любви, любя лишь себя самихъ; когда же человѣкъ равнодушенъ къ себѣ самому и тянетъ его безпрестанно куда-то въ высшія сферы, не можетъ онъ любить довольныхъ благами земными братій своихъ. Вообще о разсматриваемыхъ личностяхъ можно сказать, что, подъ навтіемъ голоса, зовущаго ихъ, они еще въ здѣшнемъ мірѣ начинаютъ терять свою индивидуальность и частію существа своего сливаются уже съ всемірнымъ духомъ. Объ нихъ мыслящему человѣку не приходится даже жалѣть, не только, что говорить свысока: въ нихъ есть своего рода величіе. И если въ соприкосновеніи съ людьми другой натуры, другихъ понятій, они не притворяются, не лгутъ, не находятъ восхитительнымъ и утѣши-

тельнымъ того, что восхищаетъ и утѣшаетъ этихъ другихъ; говорятъ прямо, что имъ скучно здѣсь, скучно и скучно—такую искренность и прямоту нельзя ставить имъ въ вину. Натура П., кажется мнѣ, въ этомъ родѣ, и Грановскому, который понялъ, что Станкевича нельзя мѣрить тою мѣркою, которою мѣрилъ онъ себя самаго, не слѣдовало бы своей мѣрки прилагать и къ П. Впрочемъ кто жъ не ошибается? При томъ неудовольствіе Грановскаго на П. проистекало въ немъ изъ прекраснаго источника.

Письмо отъ 18 Февраля было послѣднимъ, которое получилъ я отъ Грановскаго изъ-за границы. Въ Мартѣ и онъ, и Станкевичъ сильно расхворались. У послѣдняго открылся сильный кашель, со слабостью и болью въ груди, который Диффенбахъ призналъ тотчасъ же за чахоточный, и черезъ два года Станкевичъ дѣйствительно сошелъ въ могилу отъ чахотки. Грановскій заболѣлъ менѣе опаснымъ образомъ. «Цѣлую почти зиму — писалъ мнѣ Невѣровъ отъ 13 Апрѣля (н. с.) — у него болѣла грудь, а онъ не только не хотѣлъ обратиться къ доктору, но даже не говорилъ о томъ никому изъ насъ. Наконецъ онъ дошелъ до того, что слегъ въ постелю. Призвали искуснаго врача, и оказалось, что онъ крайне боленъ. Открывшаяся горячка прошла въ двѣ недѣли; теперь, кромѣ слабости, ничего не осталось, но грудь его въ ужасномъ положеніи—она крайне разстроена. На дняхъ докторъ осматривалъ весь корпусъ и остался при прежней мысли, — что самое строгое вниманіе должно быть обращено на его грудь: при малѣйшей неосторожности, а тѣмъ болѣе невоздержаніи, ему грозятъ страшныя болѣзни. Только сего дня или завтра начнется главное лѣченіе, отъ груди. Докторъ рѣшительно запретилъ ему заниматься и требуетъ, какъ conditio sine qua non, чтобы на нынѣшнее лѣто по крайней мѣрѣ онъ и не думалъ о лекціяхъ или ученыхъ занятіяхъ, а провелъ его въ тепломъ климатѣ, въ разнаго рода гимнастическихъ упражненіяхъ. Въ слѣдствіе этого Грановскій, по пріѣздѣ въ Москву, тотчасъ же будетъ проситься въ отпускъ, поѣдетъ къ себѣ въ деревню и останется тамъ до Сентября, отложивъ лекціи, если будетъ можно, до самой поздней осени или зимы. Кромѣ физическаго страданія, эта отсрочка въ достиженіи цѣли, къ которой онъ такъ рачительно готовился, крайне его огорчаетъ. Слабъ и блѣденъ онъ до нельзя, а Станкевичъ сдѣлался совершеннымъ скелетомъ! — По необходимости, кромѣ отдыха отъ усидчивыхъ занятій, въ болѣе серьозныхъ мѣрахъ къ по-

правленію его разстроеннаго здоровья, Т. Н., еще до отъѣзда въ Россію, предписано было неотлагательное пользованіе минеральными водами. Въ половинѣ Мая, распростившись съ дорогими ему друзьями, онъ отправился въ Зальцбруннъ, пролѣчился тамъ, безъ замѣтной впрочемъ пользы, нѣсколько времени, и лѣтомъ возвратившись въ Россію, часть его провелъ, какъ предполагалъ, въ Орловской деревнѣ своей; но къ Сентябрю явился уже, для должностныхъ занятій, въ Москву. Невѣровъ изъ Берлина въ Петербургъ выѣхалъ въ началѣ Іюня. Станкевичь остался еще на нѣсколько дней въ Берлинѣ, а за тѣмъ также отправился въ Зальцбруннъ. Видѣлся онъ тамъ съ Грановскимъ, или прощаніе ихъ въ Берлинѣ было послѣднимъ, не знаю. Когда, въ 1841 году, Станкевичь умеръ, Грановскій такъ былъ пораженъ этою потерею, что мѣсяца два ни за что не могъ взяться. «Ему было 27 лѣтъ—писалъ ко мнѣ Т. Н. — а въ головѣ болѣе генія, чѣмъ у всѣхъ Русскихъ ученыхъ, вмѣстѣ взятыхъ.»

Задача моя выполнена. Какъ умѣлъ, передалъ я читателямъ все, что извѣстно мнѣ о приготовительномъ періодѣ жизни покойнаго Т. Н., преимущественно собственными его словами, снабжая ихъ комментаріемъ только тамъ, гдѣ мнѣ казалось это необходимо нужнымъ по отношенію къ тѣмъ или другимъ идеямъ и лицамъ. Семнадцатилѣтняя профессорская и ученая дѣятельность покойнаго въ Москвѣ не входитъ въ предположенныя рамки моей статьи. Я не былъ совершенно чуждъ ему и въ этотъ періодъ, но другіе были къ нему ближе меня: имъ, а не мнѣ, и разсказывать объ этомъ періодѣ его жизни. Но въ заключеніе воспоминаній моихъ о юношескихъ годахъ Грановскаго, въ видѣ вывода изъ сообщенныхъ мною данныхъ, прибавлю еще нѣсколько соображеній о причинахъ, которымъ, по моему мнѣнію, обязанъ онъ былъ тою необыкновенною любовью, которою пользовался въ обществѣ и въ университетѣ, и тѣмъ значеніемъ, которое имѣлъ среди людей, не уступавшихъ ему ни умомъ, ни дарованіями, ни образованіемъ.

Всѣмъ этимъ, думаю я, обязанъ онъ былъ преимущественно нравственнымъ качествамъ своимъ, своей артистической въ высшей степени природѣ. Мы привыкли видѣть въ профессорѣ или чиновника, болѣе или

менѣе совѣстливо отправляющаго свои обязанности, или ученаго по призванію, но для котораго, за предѣлами его спеціальности, нѣтъ ничего интереснаго въ мірѣ. О профессорѣ-артистѣ, сочувствующемъ всему прекрасному въ природѣ и человѣчествѣ, увлекающемся своимъ дѣломъ, отливающемъ предметъ свой въ художественныя формы, мы и понятія не имѣли. Такимъ артистомъ на каѳедрѣ впервые явился у насъ Грановскій. Прибавьте къ этому, что предметомъ его была исторія—лучшее полотно для живописи; что философія его была свѣтла и утѣшительна; что молодымъ, увлекающимся поколѣніямъ проповѣдывалъ онъ легкую вѣру въ прогрессъ; что изъ-за художника выглядывалъ добрый, теплый, мягкій, отличавшійся отсутствіемъ всякаго педантства и самолюбивой раздражительности, съ благородными стремленіями и благородный на дѣлѣ человѣкъ,—и эффектъ, который производилъ онъ на студентовъ, будетъ понятенъ вполнѣ. Встрѣчались и до Грановскаго, особенно на каѳедрахъ Словесности, профессора сходные съ нимъ по натурѣ, но въ нихъ все чего-то не доставало для полноты художественнаго впечатлѣнія: тотъ не имѣлъ приличныхъ маперъ, у другаго не было нравственной чистоты. Отъ того и не достигали они тѣхъ блестящихъ разультатовъ, которые дались Грановскому. Тѣми же качествами профессора объясняется и успѣхъ его публичныхъ лекцій, подготовленный въ обществѣ восторженными университетскими слушателями. Потомъ, эта великолѣпная голова, эти выразительныя черты, эти умные глаза подъ нависшими бровями, въ соединеніи съ слабымъ, прерывающимся, но глубоко-сочувственнымъ голосомъ! Когда Грановскій говорилъ съ каѳедры, онъ, казалось, весь жилъ, дышалъ предметомъ своей рѣчи; за него, какъ за древнюю Пиѳію, слушатель ежеминутно боялся, что вотъ, вотъ оживляющая сила вдохновенія изсякнетъ, слабый голосъ оборвется и недосказанное слово замретъ на вѣщихъ устахъ... Все это было прекрасно, потому что было истинно, безъ подкраски, безъ подготовки, безъ разсчета на эффектъ. Каѳедра была для Грановскаго тѣмъ же, чѣмъ сцена для Кина или Тальмы: онъ всѣмъ существомъ своимъ переносился въ тѣ времена, о которыхъ говорилъ; живыми выносилъ слушателямъ изъ мрака исторіи тѣ лица, которыя обрекалъ ихъ позору или удивленію. Да, вдохновеннымъ актеромъ исторіи былъ Грановскій на каѳедрѣ.

Художественная натура, выдвинувшая Т. Н. далеко передъ товарищами-профессорами, конечно, осталась не безъ вліянія и въ отно-

шенія къ тому значенію, которымъ онъ пользовался, какъ въ кружкѣ единомысленныхъ людей, такъ и въ Московскомъ обществѣ вообще; но главное участіе въ пріобрѣтеніи ему этого значенія принимали, кажется мнѣ, его нравственныя достоинства и недостатки.

У насъ любятъ поговорить о крѣпкихъ убѣжденіяхъ, объ упорности стремленій, но быть-можетъ менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, ладятъ съ людьми такихъ убѣжденій и стремленій. Сильное убѣжденіе не знаетъ сдѣлокъ; твердо идущій къ цѣли не извинитъ слабости и безхарактерности ни себѣ, ни другимъ. Всякій, какого бы то ни было цвѣта, кружокъ состоитъ большею частію изъ людей средней руки, и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи. Обличеніе слабостей большинства не можетъ ему нравиться. Потому людей, жизнь которыхъ является постояннымъ укоромъ въ безхарактерности для другихъ, не жалуютъ даже въ собственномъ ихъ кружкѣ. Въ коноводы своей партіи они никогда не попадаютъ. Знаменоносцемъ партіи признается ею не тотъ, кто вѣрнѣе и полнѣе другихъ носитъ и выражаетъ ея убѣжденія, кто ревностнѣе другихъ стремится осуществить ея задачу, а тотъ, чье умственное превосходство не давитъ никого изъ сочленовъ, чье нравственное достоинство не колетъ никому глазъ; тотъ, кто красивѣе всѣхъ носитъ одежду ея недостатковъ, но вмѣстѣ обладаетъ и достаточными качествами, чтобы заставить извинять себѣ эти недостатки. Что же касается до публики вообще, то наибольшимъ любимцемъ ея, какъ справедливо замѣчаетъ Макаули, объясняя причины Аддисоновой популярности, — бываетъ обыкновенно тотъ, кто въ одно и тоже время служитъ предметомъ удивленія, уваженія и—сожалѣнія. Страннымъ, пожалуй, покажется, но многое, изъ того, что Макаули говоритъ объ Аддисонѣ, можетъ быть слово въ слово приложено къ Грановскому. Надѣюсь, это не унизительно для послѣдняго.—Пуританизмъ въ убѣжденіяхъ и стремленіяхъ, требующій отъ человѣка полнаго преданія себя дѣлу, съ артистическою природою не совмѣстенъ. Его и не было въ Грановскомъ. Въ обществѣ людей, съ которыми соединяла его одинаковость вкусовъ и образа мыслей, насчитается нѣсколько такихъ, которые превосходили его и силою общихъ убѣжденій, и ревностію въ ратоборствѣ за нихъ, и даже умственными къ тому средствами. Таковъ, на примѣръ, былъ авторъ «Записокъ доктора Крупова.» Но все таки не онъ, а Грановскій первенствовалъ въ общемъ кружкѣ—отъ того, что ни умъ, ни характеръ дѣятельности послѣдняго ни для ко-

го не были тягостны, отъ того, что кружокъ находилъ достаточнымъ,

вмѣсто цѣли,

Одно стремленіе любить;

отъ того, что тамъ чувствовали себя совершенно правыми передъ совѣстію и человѣчествомъ, когда случалось

къ пышному обѣду

Прибавить мудрую бесѣду,
Иль въ поздней ужина порѣ,
Въ роскошно убранной палатѣ,
Потолковать о бѣдномъ братѣ,
Погорячиться о добрѣ;

а Грановскій, по натурѣ художника, вполнѣ соотвѣтствовалъ такимъ требованіямъ. Общительный, мягкосердечный, скромный и вмѣстѣ остроумный, мѣткій въ словѣ, онъ естественно становился душею каждой бесѣды. Никто не смѣлъ усомниться въ чистотѣ его помысловъ, а между тѣмъ онъ причастенъ былъ всѣмъ слабостямъ общества. Какъ же было не любить его обществу, которое находило въ немъ блестящее оправданіе своимъ слабостямъ.

По той же причинѣ не проникались чувствомъ вражды къ нему и люди противнаго образа мыслей, но одинаковаго образа дѣйствій. Въ немъ не было ничего рѣзкаго, ничего колючаго для другихъ. Съ его достаточно эпикурейской точки зрѣнія, не изъ чего было враждовать; въ философіи его противуположныя стремленія примирялись весьма легко; при спорѣ съ противниками, онъ старался возводить несогласія до той высоты началъ, на которой онѣ исчезаютъ. Всѣ были очень довольны, чекались и дружелюбно обнимались. Но, позволю я себѣ сказать, такая философія очень хороша для обѣдовъ и ужиновъ, но нисколько неприложима къ дѣлу, гдѣ люди сталкиваются не въ общихъ идеяхъ, а въ конечныхъ ихъ выводахъ.

Многіе считаютъ Грановскаго ученымъ. Конечно, какъ понимать ученость. По моему, обширная начитанность не даетъ еще права на титулъ ученаго. Отъ ученаго требую я, чтобы онъ не только зналъ много, но зналъ критически, перерабатывалъ пріобрѣтаемый матеріалъ и передавалъ его другимъ въ сообразной формѣ, обогащенный или очищенный собственнымъ его мышленіемъ. Грановскій же, и въ лекціяхъ, и въ немногихъ сочиненіяхъ своихъ, является почти совершенно пассивнымъ передатчикомъ усвоеннаго имъ матеріала, не судьею дѣла, а докладчикомъ фактовъ и выработанныхъ другими воз-

зрѣній на нихъ. Я не нахожу въ немъ самостоятельности, тѣмъ менѣе оригинальности мысли. Онъ думалъ только о томъ, о чемъ случалось прежде думать другимъ, и думалъ о каждомъ предметѣ такъ, какъ думали тѣ изъ его современниковъ, которыхъ онъ считалъ умнѣйшими. Не заходилъ онъ ни въ какую неразработанную до него область исторіи, никакого загадочнаго явленія ея не облилъ свѣтомъ своей мысли, не проложилъ никакой новой тропы, не открылъ никакого новаго пріема въ облегченіе послѣдующимъ изыскателямъ. Во всемъ, имъ дѣланномъ, ему собственно принадлежала только артистическая отдѣлка вычитаннаго, художественная передача чужаго, ничего при томъ ему не стоившія, потому что, по условіямъ его природы, все, исходившее изъ его духа, не могло исходить иначе, какъ въ прекрасныхъ формахъ.

Судить о Грановскомъ, какъ общественномъ дѣятелѣ,—еще рано. И такъ простимся съ его тѣнью. При чемъ людямъ, которые полагаютъ, что объ отшедшихъ въ вѣчность должно говорить aut bene, aut nihil, скажемъ, что по нашему убѣжденію изреченіе это есть обломокъ какого-то языческаго суевѣрія, съ нашимъ образованіемъ несовмѣстнаго. Если считается неблагороднымъ льстить живымъ, то какъ назвать послѣ этого лесть мертвымъ? — Тѣмъ же, кому можетъ показаться, что мнѣ, бывшему нѣкогда другомъ Грановскаго, не прилично судить о немъ съ большею, нежели другіе, строгостію, отвѣчу стариннымъ, но вѣковѣчнымъ: amicus Plato, sed magis amica veritas.

В. Григорьевъ.

Оренбургъ.
Августъ 1856 г.

ГОДЪ РУССКАГО ЗЕМЛЕДѢЛЬЦА.

ЗАРАЙСКІЙ УѢЗДЪ, РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

II.

ЛѢТО.

Теплый безоблачный вечеръ послѣдняго дня Мая смѣнился такою же теплою ночью. Мужики поужинали съ своими семьями подъ открытымъ небомъ, всякій на своемъ дворѣ, на вынесенныхъ изъ избъ столахъ, а дворовые мѣсячники съ своими ребятишками у порога своихъ клѣтей, кто на столикѣ, а кто, вмѣсто стола, на покрытой скатереткою коробьѣ или кадушкѣ; поужинали и давно уже разошлись по своимъ коморкамъ. Какъ Божія благодать, пала роса; и увлаженный воздухъ наполнился благоуханными испареніями травъ и цвѣтовъ. На деревнѣ становится все тише, все безмолвнѣе; изрѣдка услышишь скрипъ отъ затворяемыхъ воротъ, или стукъ засова; изрѣдка прожужжитъ возлѣ самаго уха пролетѣвшій жукъ, да что-то всплеснетъ водою въ сонномъ прудѣ, подъ сѣнію дремлющихъ у берега старыхъ дуплистыхъ ветлъ. Раздается порой слабый крикъ соннаго младенца изъ люльки, повѣшенной на дворѣ у входа въ сѣни или подъ навѣсомъ клѣти; потомъ тихая пѣсенка заботливой матери, тутъ же спящей и убаюкивающей малютку, и все опять замолкнетъ; проржетъ жеребенокъ въ темномъ отдѣлѣ, или долетитъ невнятный говоръ и смѣхъ расположившихся на ночлегъ на сѣновалѣ ребятъ. Въ дымящемся, бѣломъ, туманномъ болотѣ хотя и квакаютъ лягушки, и кричитъ дергачъ, но это далёко; а вблизи все тихо, все безмолвно. Однѣ только собаки подъ часъ безтолково нарушаютъ эту торжественную тишину. Покажется одной что-нибудь по-

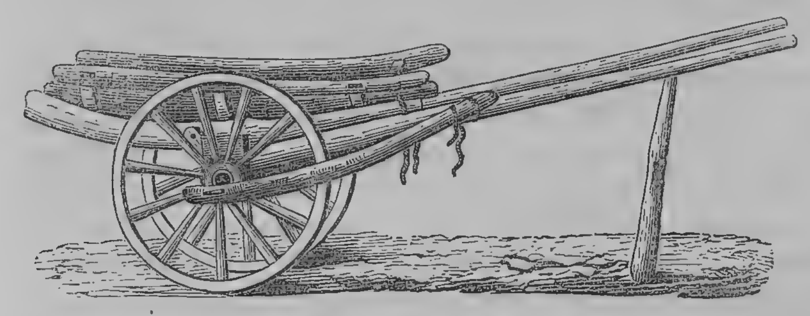
дозрительное, она тявкнетъ и растревожитъ собакъ на всѣхъ дворахъ. Всѣ наперерывъ стараются перелаять другъ друга, не зная сами, изъ чего хлопочутъ; но имъ наскучитъ же когда-нибудь лаять... вотъ уже одна, опустивши хвостъ, пошла тихонько искать ночлега; нашла мѣстечко возлѣ спящихъ на дворѣ подъ навѣсомъ ребятишекъ, свернулась въ кружокъ, зѣвнула и, облизнувшись раза два, заснула. Другія собаки послѣдовали вскорѣ ея примѣру. Полночь близится... Ночь лѣтняя не долга.

Вечерняя зоря, какъ осталась по захожденіи солнца, такъ во всю ночь почти и не меркла; лишь только съ запада передвинулась тихонько на востокъ—да тутъ и начала все шире да выше разливаться по небу. Вотъ уже охватила полнеба; и въ этой безднѣ свѣта одна за другой потонули изрѣдка блиставшія на блѣдно-сѣроватомъ сводѣ неба серебристыя звѣздочки. Но вотъ алѣе и золотистѣе становится востокъ,—вотъ пахнулъ вѣтерокъ, вотъ чиликнулъ воробушекъ, за нимъ другой, третій, прощебетала косаточка, выглянувъ изъ своего прилѣпленнаго къ карнизу дома гнѣздышка. Потоки свѣта льются сильнѣй и сильнѣй, и вотъ изъ-за синеватой окраины дали, показался ярко горящій край солнца, и лучи его разсыпались, разлились, обдали пурпуромъ землю. Все ожило, все проснулось. Ласточки начали быстро разсѣкать воздухъ во всѣхъ направленіяхъ; взвилась надъ деревней стая голубей. По деревьямъ и крышамъ, шумя своими крылышками и чиликая, запрыгала стая воробьевъ, раскричался во все горло взлетѣвшій на заборъ пѣтухъ, похлопавъ предварительно крыльями; закудахтала гдѣ-то громко курица, разглашая о снесенномъ яичкѣ; снова принялся за обычную работу кузнечикъ.

Встаетъ пастухъ съ своего неприхотливаго ложа; перекрестился, помолился на востокъ, умылся изъ ведра свѣжей водою, накинулъ на плечи кафтанъ, перекинулъ черезъ плечо сплетенную изъ лыкъ котомку, взялъ въ руки длинный кнутъ и отворилъ ворота скотнаго двора. И вотъ мычанье, блеянье, хрюканье прогоняемой въ поле скотины пробуждаетъ деревню. Бабы молодыя и старухи, съ заспанными лицами, одѣтыя кое-какъ и босикомъ, торопятся выгнать со двора своихъ коровенокъ, овецъ и свиней, подъ общій надзоръ пастуха;—шумъ увеличивается: до слуха долетаютъ то ласковыя слова, обращаемыя къ скромной телушкѣ, то брань глупымъ свиньямъ и безтолковымъ коровамъ; то рѣзкое слово противъ невѣжества глядящаго изъ подлобья и глухо мычащаго быка. Стукъ и скрипъ то

отворяемыхъ, то затворяемыхъ воротъ, хлопъ кнута, разнообразный крикъ стада, все смѣшивается въ одинъ нестройный гулъ. Обыденная жизнь началась; но ставни господскаго дома еще затворены. Тамъ кто-нибудь, заслышавъ шумъ отъ проходящаго стада, нечаянно проснется и подумаетъ: «Слава Богу! еще рано» и, повернувшись на другой бокъ, часика на два, на три сладко засыпаетъ снова... Вотъ уже стадо выбрело за околицу;—какая прохлада вѣетъ отъ влажной травы! Ухъ, какъ пріятно измокнуть выше колѣна, бродя въ эту пору по нескошенному лугу, въ густой травѣ сада или рощи! Какъ легко дышетъ грудь, какъ отрадно бываетъ на сердцѣ! . . . Но для земледѣльца наслажденіе природой дѣло второстепенное, его ожидаютъ труды.

Навозъ или удобреніе начинаютъ возить послѣ Петровскаго заговѣнья, а если постъ малъ, то съ русальской недѣли. Для вывоза навоза существуютъ особаго рода двухъ-колесныя телѣжки, называемыя «колышками.» (*) Онѣ устроены такъ: ящикъ корытообраз-



Колышка. № 1.

наго вида колышки, довольно впрочемъ плоскій, длиною аршина въ два съ четвертью и шириною четвертей въ семь, не имѣющій щитковъ ни сзади, ни спереди, и всегда почти выстланный плетнемъ изъ лозника, какъ плетутся кошелки, повертывается на деревянныхъ гвоздяхъ между придѣланныхъ къ оси стоячковъ. Оглобли также вдѣланы въ ось, и ящикъ, когда ничѣмъ не наложенъ, переднимъ концемъ лежитъ на оглобляхъ, къ которымъ, кромѣ того, онъ прицѣпленъ веревочною петлею, чтобъ не запрокидывался, когда не нужно. Это устроено вотъ для чего: когда положенный навозъ привезется въ

(*) Въ Спасскомъ и Сапожковскомъ уѣздахъ они называются *одрами* (одеръ) и употребляются для всѣхъ домашнихъ перевозовъ и для недальнихъ поѣздокъ.

поле на мѣсто, гдѣ долженъ быть сваленъ, привезшему стоитъ только отцѣпить петлю и приподнять немного передокъ,—ящикъ тотчасъ запрокидывается и навозъ падаетъ кучею безъ всякихъ хлопотъ. Десятину, которую предположено удобрить, предварительно «лешать» (*), то есть, изрѣзываютъ сохою на столько клѣтокъ, сколько нужно положить кучъ. Ежели почва земли совершенно глиниста, поле уже чрезмѣрно выпахано и никогда не было удобрено, то кладутъ на десятину до шести сотъ кучъ, или по одной кучѣ на каждыя 4 квадратныя сажени: но и при этомъ удобреніи дурная земля не сдѣлается совершенно плодородною: случается часто, что года черезъ два на третій удобряютъ въ другой разъ. На землю лучшаго качества кладутъ менѣе кучъ: 500, 400, 300, судя по качеству земли, а гдѣ земля и почвой своей, вслѣдствіе мѣстнаго положенія, хорошаго качества, и все поле было удобрено въ прежніе годы, въ такомъ случаѣ стараются удобреніемъ занять, какъ можно, болѣе десятинъ, полагая отъ 250 до 200 кучъ удобренія на десятину.

Впрочемъ, и раздѣливъ десятину на предположенное число равныхъ клѣтокъ, крестьяне не связываютъ себя этимъ раздѣленіемъ, но унавоживаютъ свои участки сообразно съ качествомъ почвы. Такъ, на тѣ клѣтки, гдѣ хлѣбъ ростетъ хорошо,—навозу совсѣмъ не кладутъ, а на тощее и глинистое мѣсто или бугорокъ, выгорающій отъ солнца, накладываютъ кучи, одну подлѣ другой, чтобъ по возможности всю десятину уравнять въ качествѣ. Крестьяне возятъ удобреніе съ своихъ дворовъ, для успѣха въ работѣ, часто не въ колышкахъ, а на четырехъ-колесныхъ обыкновенныхъ телѣгахъ и накладываютъ столько на телѣгу, сколько лошадь можетъ свезти. Съ господскихъ же скотныхъ и конныхъ дворовъ и изъ навозныхъ ямъ всегда возятъ въ колышкахъ, на которыя накладывается, примѣрно, отъ 7 до 10 пудовъ (**), судя по свойству навоза. Соломистый, пересохлый навозъ вѣсомъ легче, а сырой и перепрѣлый тяжеле.

Такъ какъ во всѣхъ работахъ на барщинѣ крестьяне пуще всего заботятся о томъ, чтобъ одному не сработать болѣе другаго и сохранить равенство труда, то, когда возятъ навозъ, предварительно

(*) Многіе крестьяне и не лешатъ.

(**) Возятъ и до 15 пудовъ; но въ сложности, при порядочномъ надзорѣ, должно полагать возъ въ 12 пудовъ. *Прим. Изд.*

раздѣляютъ скотный дворъ на участки, по числу колышекъ, и каждый рабочій вывозитъ навозъ изъ участка, доставшагося ему по жеребью. Въ этомъ дѣлежѣ труда нельзя не подивиться смѣтливости Русскаго человѣка. Навозъ никогда ни на скотномъ дворѣ, ни на воркѣ (*) не можетъ лежать равнымъ слоемъ: гдѣ случится, что слой вдвое или втрое толще противъ другаго мѣста, гдѣ навозъ сырѣе, суше и соломистѣе; но мужики съ такою точностію умѣютъ выравнивать между собою работу, что число колышекъ, свезенныхъ изъ каждаго участка, всегда почти равно. Навозъ на колышки накладывается вилами и совершенно подчищается деревянными лопатами. Вилы эти двухъ родовъ: деревянныя, двузубчатыя съ желѣзными наконечниками, и желѣзныя или трезубыя, насаженныя на деревянную рукоять.

Навозныя вилы. № 2.

Когда навозъ вывезутъ, бабы тѣми же желѣзными вилами разбиваютъ кучи такъ, чтобъ навозъ легъ ровно по всей десятинѣ, а потомъ разбитый навозъ запахивается сохою. Запахиваніе навоза у немногихъ хорошихъ хозяевъ дѣлается такъ: мужикъ сохою проводитъ борозду, бабы идутъ за нимъ и въ эту борозду закладываютъ навозъ вилами. Когда же пропашется другая борозда рядомъ съ первой, то выворачиваемая изъ второй борозды земля сама засыпаетъ навозъ въ первой бороздѣ, и такъ далѣе. Навозъ конскій съ ворковъ у насъ предпочитаютъ коровьему со скотныхъ дворовъ, потому что лошадь, безпрестанно бродя по двору, особенно въ холодное время и зимою, перебиваетъ и даже взрываетъ солому, отъ чего ворковый навозъ мельче и лучше перегораетъ, нежели на скотныхъ дворахъ; коровы

(*) Воркомъ называется конный дворъ съ отдѣлами.

же болѣе стоятъ или лежатъ, а ходить не любятъ. По этому, удобреніе полей въ имѣніяхъ, гдѣ есть хотя маленькій конный заводъ, всегда лучше. Но конные заводы не возможны безъ луговъ, а ихъ не вездѣ достаточно. Къ тому жъ содержаніе лошадей пачетисто и хлопотливо, тогда какъ корова не требуетъ почти никакого особеннаго ухода. Кромѣ удобренія, корова даетъ доходъ—молокомъ, творогомъ, масломъ, телятами, а подъ старость и сама идетъ въ солонину; шкура же или продастся, или выдѣлывается для домашняго употребленія. Десять головъ мелкой скотины, какъ то: овецъ, свиней, козъ и до года телушекъ, считаютъ собственно для навоза за одну корову. Чтобъ навозъ, какъ на скотномъ, такъ и на конномъ дворѣ былъ одинаковаго качества, нѣкоторые хозяева перегоняютъ понедѣльно скотъ на ворокъ, а лошадей на скотный дворъ и обратно; а другіе со скотнаго двора неперебитую солому употребляютъ на подстилку лошадямъ. Безъ всякаго сомнѣнія, чѣмъ болѣе скота и лошадей при имѣніи, тѣмъ больше навоза, тѣмъ скорѣе удобривается земля и получается сравнительно увеличенный доходъ; но размноженіе скота и лошадей стараются дѣлать исподволь, чтобъ число скота не увеличилось вдругъ до несоразмѣрности съ получаемою съ полей соломою и сѣномъ съ луговъ, и чтобъ въ случаѣ умѣреннаго урожая, въ предупрежденіе голодной смерти, не пришлось сбывать скота и лошадей за безцѣнокъ. Къ несчастію, у людей нерасчетливыхъ, какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ, случается и это.

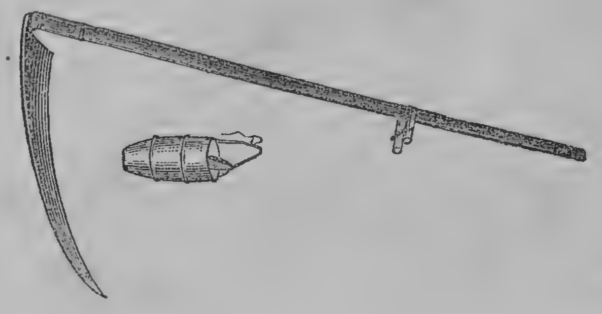
Въ день Рождества Іоанна Предтечи, 24 Іюня,—въ промежуткахъ между заутрени и обѣдни, собираются травы, которыми народъ врачуетъ болѣзни. Собираніемъ травъ занимаются бабы и дѣвки. Буквица, звѣробой, кашка, матренка, земляника, трилистникъ, мать и мачиха, и проч.; все это сушатъ на солнцѣ и на вѣтру въ запасъ и пьютъ отъ кашля, отъ грудныхъ болѣзней, отъ болей живота. Отъ чахотки употребляютъ рябину и мать и мачиху; эту же траву привязываютъ къ головѣ, для чего предварительно размачиваютъ ее въ водѣ. Существуетъ повѣрье, что если въ Ивановъ день, между заутрени и обѣдни, вырыть чернобыльникъ, то подъ нимъ безпремѣнно отыщется уголь. Дѣйствительно я и самъ находилъ, да думаю, что и всякой найдетъ, и не въ Ивановъ день, если пристально поищетъ, потому что чернобыльникъ любитъ рости на пожарищахъ, въ усадьбахъ около селеній, гдѣ почти нѣтъ мѣста, куда бы не могъ быть занесенъ уголь. Какъ бы то ни было, только этому углю, который

впрочемъ не всегда попадается, приписываютъ силу излѣчивать лихорадку, ежели пить съ водою.

Петровъ постъ самый голодный для народа. Овощей нѣтъ еще никакихъ, даже капуста кислая, заготовляемая въ прокъ, уже на исходѣ, и потому обыкновеннымъ кушаньемъ бываетъ квасъ съ зеленымъ лукомъ и свѣжіе огурцы. Огородники въ большомъ количествѣ развозятъ по деревнямъ эти произведенія и крикъ по деревнѣ: «по лукъ! по лукъ!» приводитъ въ движеніе обывателей: кто бѣжитъ съ грошемъ, кто съ пятакомъ, кто съ яйцемъ, для покупки и вымѣна лука, и потомъ старый и малый возвращаются домой, неся въ рукахъ длинныя пучки драгоцѣннаго овоща, котораго цвѣтъ, густой и зеленый, разительно отличается отъ ослѣпительной на солнцѣ бѣлизны подземной части растенія. Отъ употребленія лука матерями-кормилицами грудные младенцы въ это время сильно страдаютъ поносами. По народному повѣрью, Петровъ постъ учрежденъ по просьбѣ бабъ, для скопа масла. Ежелибъ молоко съѣдалось въ это самое обильное удоемъ время, то масла бы не скопить и въ половину.

Іюня 23-го день Св. Агриппины, а по простонародному Св. Аграфены. Въ этотъ день для пополненія домашнихъ аптекъ, начатыхъ заготовленіемъ въ Ивановъ день, роютъ коренья: живульку отъ рѣзи въ животѣ, Петровъ крестъ, который, будучи положенъ въ горячую печь, начинаетъ сильно ворочаться, и употребляется отъ припадковъ падучей болѣзни; коренья дикой зори и другіе, не менѣе благодѣтельные. День 23 Іюня называется днемъ *Аграфены злыя коренья*, можетъ-быть отъ того, что въ этотъ день старинные колдуны запасали и запасаютъ свои зелья на порчу людей и животныхъ.

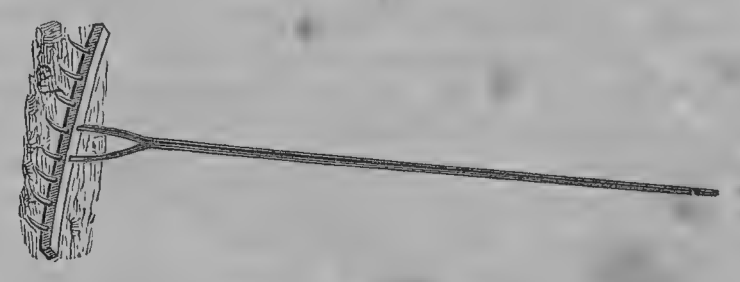
Покосы начинаются иногда до Петрова дня и продолжаются почти во весь Іюнь. Ежели луга удалены отъ деревень на большое раз-



Коса съ брусницей. № 3.

стояніе, то крестьяне съ бабами, дѣвками и грудными младенцами выѣзжаютъ на луга и до окончанія уборки сѣна располагаются станомъ близь рѣки или ручья, или подъ сѣнію рощи. Тутъ устроиваютъ они шалаши изъ сѣна и въ котелкахъ, повѣшенныхъ на жердочкахъ, варятъ неприхотливый обѣдъ и ужинъ. По вечерамъ картина таборовъ очень живописна и оживлена.

Работа начинается со свѣтомъ, потому что косить и легче и успѣшнѣе, когда трава еще увлажена росою. Чѣмъ росистѣе трава, тѣмъ легче косить. Скошенную рядомъ траву бабы и дѣвки немедленно разбиваютъ, то есть, растрепываютъ рукоятками граблей, для



Грабли № 4.

того, чтобъ солнце и вѣтеръ могли лучше ее просушивать. Разбивка эта производится цѣлый день подъ палящими лучами солнца. Къ вечеру разбитое и почти сухое сѣно сгребаютъ въ валы, то есть, длинныя гряды, а изъ нихъ уже образуютъ копны, т. е., высокія кучи, имѣющія вѣсу отъ 3, 5 и до 8 пудовъ, судя потому, крупное или мелкое сѣно. Копна крупнаго сѣна, при равномъ объемѣ, всегда легче мелкаго. На другой день, когда роса уже поднялась, копны эти разваливаютъ кругами, чтобъ солнце окончательно ихъ пережарило, (*) а потомъ опять сваливаютъ въ копны и мечутъ въ стога. Этотъ порядокъ обыкновенно бываетъ при уборкѣ въ ведренное время, но ежели случайно находятъ тучки и перепадаютъ дожди, то при уборкѣ сѣна бываетъ много хлопотъ. Когда тучка еще находитъ или невзначай пойдетъ дождь, стараются сѣно, если оно еще не въ копнахъ или если копна еще развалена,—немедленно скопнить, и сѣно остается въ копнахъ во все время ненастья. Но какъ только проглянетъ солнце, сей часъ копны разваливаютъ и перебиваютъ сѣно до тѣхъ поръ, пока оно совершенно просохнетъ. Неблагопрі-

(*) Народное выраженіе.

ятная погода, при уборкѣ сѣна, чрезвычайно затрудняетъ работу и частыя перемочки бываютъ причиною, что сѣно чернѣетъ и теряетъ свое достоинство.

При благопріятныхъ условіяхъ, уборка сѣна считается одною изъ пріятнѣйшихъ сельскихъ работъ. Время года, теплыя ночи, купанье послѣ утомленія и зноя, благоуханный воздухъ луговъ,—все вмѣстѣ имѣетъ что-то обаятельное, отрадно дѣйствующее на душу. Бабы и дѣвки имѣютъ обычай, для работъ въ лугахъ, надѣвать на себя не только чистое бѣлье, но даже одѣваться по праздничному. Для дѣвокъ лугъ есть гульбище, на которомъ онѣ, дружно работая граблями и сопровождая работу общей пѣсней, рисуются передъ женихами.

Стога сѣна бываютъ двухъ видовъ: одни съ круглымъ основаніемъ, остроконечные, а другіе въ видѣ хлѣбныхъ скирдовъ, сметываемые продолговатымъ четвероугольникомъ, съ крыше-подобнымъ верхомъ. Послѣдніе кладутся рѣдко. Величина стоговъ зависитъ отъ произвола хозяина, сообразно его расчету и хозяйственной потребности. Чтобъ узнать, сколько будетъ зимнихъ возовъ въ стогу, стоитъ только измѣрить его окружность. Сколько саженей въ окружности, столько понадобится подводъ, чтобъ поднять стогъ, т. е. перевести сѣно. Зимній возъ сѣна полагается въ 25 и до 30 пудовъ.

Время летитъ быстро. Вотъ и Іюль мѣсяцъ за половину переходитъ. Ржи по возвышеннымъ мѣстамъ, буграмъ и косорогамъ бурѣютъ, а на сухихъ мѣстахъ, на припекѣ солнца, совсѣмъ готовы: хоть коси. Овсы тоже начинаютъ желтѣть;—приходитъ время самое трудное: успѣвай только работать, и сколько бы ни было рукъ—все покажется мало. Не то хлѣбъ убирать, не то метать землю подъ рожь. До Ильина дня (20 Іюля) земля не только должна быть взметана, но и передвоена. Метку земли подъ озимый посѣвъ начинаютъ, какъ только вывезутъ навозъ, и потому земледѣлецъ до самаго послѣдняго дня уборки часто не знаетъ, за что приняться; все нужно: и рожь готова, и овесъ того и гляди перезрѣетъ, и посѣвомъ не надо опоздать, и горохъ готовъ, и греча совсѣмъ потемнѣла, пожалуй, перезрѣетъ, и зерно осыплется. Въ осенній сѣвъ нѣкоторые хозяева, хоть десятинку, хоть двѣ, а непремѣнно посѣютъ до Преображенія (6-го Августа). Пахота и сѣвъ производятся тѣмъ же порядкомъ, какъ и весною. Но тутъ есть разсчетъ во времени:

посѣй слишкомъ рано — ранніе морозы могутъ захватить и убить всходы, когда они еще не «*выкрасились*».

Говорятъ: «рожь въ краскѣ;» это значитъ, что ржаные всходы только еще вышли изъ земли и не успѣли позеленѣть, а имѣютъ цвѣтъ красноватый. Хорошо, когда рожь, до наступленія морозовъ, разростется кустами—«закустится,» но дурно, когда останется въ краскѣ, или на оборотъ: вытянется *въ трубку*. Впрочемъ очень часто бываетъ, что рожь съ осени внушаетъ хозяину опасеніе, но благотворная весна все исправляетъ. Иногда случается на оборотъ: отличныя съ осени озими гибнутъ весною. Это породило поговорку: «осень говоритъ: я всклокочу; а весна отвѣчаетъ: нѣтъ, какъ я захочу!»

По обыкновенному порядку, рожь начинаютъ косить или жать около Ильина дня. Вечеръ на Ильинъ день или самый Ильинъ день рѣдко проходитъ безъ грома и молніи, и говорятъ, что въ этотъ день Илья Пророкъ ѣдетъ на небо въ огненной колесницѣ. Въ это время года грозы бываютъ часто, и полуденныя грозы рѣдко не сопровождаются градомъ. Грозовая туча наводитъ страхъ на земледѣльца: всѣ его труды, всѣ надежды могутъ погибнуть въ полчаса. Отъ души молится всякій. Можно смѣло сказать, что никогда горожанинъ такъ не молится. Для предохраненія отъ града выставляютъ на дворѣ Богоявленскую воду, а предъ образами зажигаютъ Богоявленскую свѣчу. Иные, еще съ весны, зарываютъ во всѣхъ поляхъ въ землю стклянки съ святою крещенскою водою,—и по вѣрѣ бываетъ благодать. Часто очень бывало, что поля, защищенныя присутствіемъ святой воды, оставались невредимыми, тогда какъ смежныя дачи, по самый рубежъ, были совершенно истреблены градомъ. По вечерамъ небо нерѣдко освѣщается отдаленными молніями, которыя вспыхиваютъ то тутъ, то тамъ. На мгновеніе покажутся предметы, и опять все погрузится въ мракъ. Въ лѣсахъ тихо и темно; свѣтляки свѣтятъ въ лѣсной травѣ огненными точками; перепела кричатъ во ржахъ; кузнечикъ трещитъ въ муравѣ... Эти отдаленныя молніи называютъ *зорницею*. Народъ говоритъ, что зорница «зоритъ» (*) хлѣбъ, т. е. способствуетъ созрѣванію.

(*) *Зорить* глаголъ вносословный; онъ значитъ—заставлять зрѣть, т. е. спѣть. Съ глаголомъ *зрѣть*, въ значеніи видѣть, это слово не имѣетъ ничего общаго, кромѣ созвучія. Въ Южной Россіи зорница называется спѣлица. Изд. Ф.

Къ этому времени у крестьянъ всѣ зерновые запасы истощены, такъ что часто нѣтъ хлѣба, и потому они прибѣгаютъ къ займамъ. Можно судить по этому, какъ довольны бываютъ всѣ, когда хлѣбъ уродился и созрѣлъ. Часто бываетъ, что негдѣ занять хлѣба для насущнаго продовольствія; тогда начинаютъ жать рожь прежде, нежели она созрѣетъ. Рожь, овесъ, ячмень и пшеницу иногда жнутъ, а иногда косятъ, судя по урожаю. Если рожь высока и густа, если отъ жира земли, отъ обильныхъ дождей и отъ налива зерна рожь полегла и опутана вьющимися травами, то косить невозможно и непремѣнно надо ее жать. Но гдѣ рожь не густа и не высока, тамъ просто косятъ «*подъ крюкъ*», т. е. косою, къ которой придѣланы зубья или

Коса съ крюкомъ № 5.

грабельки, чтобъ скошенная рожь ложилась порядкомъ и не перепутывалась. Съ пшеницей и ячменемъ поступаютъ точно такъ же. Овесъ почти всегда косятъ, но бываетъ, что и овесъ, при дождливомъ лѣтѣ и на хорошей землѣ, чрезвычайно высокъ и густъ; въ такомъ случаѣ его жнутъ. Чтобы сжать въ день одну тридцатную десятину хорошей ржи, надо отъ шести до десяти серповъ. (*) Если вся десятина полегла и повита травою, тогда двадцать и болѣе жницъ едва въ состояніи справиться, и къ концу рабочаго дня бываютъ страшно утомлены. Помѣщики, когда Господь пошлетъ обильный урожай, такъ что своими средствами нѣтъ возможности управиться съ уборкою, призываютъ «помочь». Для этого, наканунѣ праздничнаго или Вос-

Серпъ № 6.

(*) Нерѣдко случается, что жнутъ не только однѣ бабы, но и мужики.

креснаго дня, посылаютъ нарочнаго въ сосѣднее оброчное или казенное селеніе съ приглашеніемъ мужиковъ покоситься, а бабъ пожаться или повязаться. Приглашаютъ въ праздникъ, потому что на себя работать въ праздникъ грѣхъ, а пособить доброму человѣку грѣхомъ не считается. По приходѣ нарочнаго, сей часъ собирается сходка, и старики опредѣляютъ: сколько къ сосѣду отправить на помочь мужиковъ и бабъ. На другой день, раннимъ утромъ, назначенное число рабочихъ является къ сосѣду и тотъ же часъ всѣ отправляются въ поле. Въ часъ обѣда они приходятъ на господскій дворъ, гдѣ для нихъ приготовленъ обѣдъ, перемѣнъ изъ четырехъ, съ виномъ и брагой. Послѣ обѣда, вмѣсто отдыха, рабочіе начинаютъ плясать, пѣть и, навеселившись вдоволь, опять идутъ въ поле, гдѣ работаютъ до захожденія солнца. Окончивъ день, опять собираются съ пѣснями на барскій дворъ ужинать и послѣ ужина, иногда до полуночи, водятъ хороводы, пляшутъ и до того развеселятся, что еслибъ не напоминали имъ безпрестанно, что пора домой, то они бы протолклись на барскомъ дворѣ до утренней зори. Наконецъ они уходятъ; но долго еще въ тиши лѣтней ночи раздаются постепенно замирающіе звуки ихъ веселыхъ пѣсенъ, и долго еще въ невозмутимой тишинѣ и мракѣ двора мерещатся пляшущія фигуры и плавно движущіеся круги хороводовъ. Помочь дается сосѣдними крестьянами всегда съ большою готовностію и даже удовольствіемъ. Кромѣ угощенія и веселаго гулянья, привлекательныхъ для молодежи, готовность помочь происходитъ отъ признательности за полезныя и совѣтомъ, и дѣломъ услуги помѣщика-сосѣда. Жнутъ двумя способами: или прямо связываютъ въ снопы, если рожь чиста, т. е., не трависта и совершенно созрѣла, или, въ противномъ случаѣ, срѣзываютъ рожь серпами и кладутъ ее кучками, *«горстями»*: это называется жать на горсти. Когда сжатая вмѣстѣ съ хлѣбомъ трава отъ солнца и вѣтра замретъ и засохнетъ, тогда изъ горстей вяжутъ снопы. Изъ трехъ, четырехъ и пяти горстей составляется снопъ. Къ вечеру, предъ окончаніемъ дневной работы, связанные и сжатые снопы складываются въ копны.

Копна состоитъ изъ четырехъ крестцевъ, а крестецъ изъ тридцати сноповъ. Въ копнѣ 52 снопа. Крестцы складываются слѣдующимъ образомъ: кладутся крестообразно четыре снопа колосьями внутрь, такъ, чтобы колосья одного снопа прикрывались колосьями другаго; на этотъ первый слой сноповъ кладется другой, тѣмъ же порядкомъ;

потомъ третій слой, стало быть 12 споповъ положены. Потомъ крестецъ покрывается послѣднимъ тринадцатымъ снопомъ, который прикладывается сверху крестца, съ угла на уголъ, такъ, чтобы онъ прикрывалъ собою середку и чтобы колосья его лежали въ наклонномъ положеніи. Крестцы складываются такимъ образомъ для того, что если пойдетъ дождь, даже продолжительный, проливной, то въ крестцѣ, правильно сложенномъ, пострадаетъ развѣ самый нижній слой и самый верхній снопъ, который впрочемъ скоро обвѣтривается и, находясь въ наклонномъ положеніи, не позволяетъ водѣ проникать въ средину колосьевъ. Бываетъ, что во время самаго разгара жнитва, около или вскорѣ послѣ полудня, покажется тучка и внезапно закропитъ дождь; тогда, для сохраненія сжатаго хлѣба, бросаютъ дальнѣйшее жнитво и готовые снопы, какъ можно поспѣшнѣе, стаскиваютъ въ копны.

Когда порядочное количество десятинъ уже сжато и копенъ наставлено столько, что числа ихъ будетъ достаточно не на одинъ скирдъ или одонье, тогда уборку въ полѣ предоставляютъ однимъ бабамъ, а мужики запрягаютъ въ телѣги лошадей и ѣдутъ возить хлѣбъ въ гумно. Возка начинается обыкновенно тогда, когда уже хорошо ободняетъ и солнце совершенно обсушитъ ночную росу. Подъѣхавъ на рысяхъ къ копнѣ, мужикъ слѣзаетъ съ телѣги, короткой вилой вскидываетъ на возъ снопы и, когда извѣстное количество сноповъ положено, накладываетъ сверху для притуги жердь, обвязываетъ весь возъ веревкой, чтобъ снопы не расползлись, и окончивъ это дѣло, либо и самъ лѣзетъ на самый верхъ воза и ѣдетъ, или идетъ тихонько пѣшкомъ, ведя лошадь подъ уздцы или за поводъ.

Обыкновенно накладывается на возъ отъ полукопны до трехъ крестцевъ; только въ крайнемъ случаѣ, когда торопятся уборкою, накладывается вся копна. Снопы сжатой ржи или « жатика » вяжутъ чище и соломой она короче, а потому и накладывать ихъ на телѣгу можно удобнѣе и болѣе, нежели сноповъ « кошенки », у которой солома несравненно длиннѣе, отъ чего и снопы бываютъ толще, да и вяжутся они не такъ тщательно. Рѣдко когда можно взвалить на телѣгу болѣе полукопны кошеной ржи. Овесъ возятъ почти всегда по цѣлой копнѣ, потому что снопы овсяные менѣе ржаныхъ.

На барщинѣ, во время уборки хлѣба, ежели послать бабъ на десятину жать или вязать сообща, то онѣ вяжутъ не торопясь, вяжутъ тщательно, но снопы бываютъ необъемисты; потому что вся-

кая изъ бабъ очень хорошо знаетъ, что она пойдетъ домой не ранѣе другихъ, а для нея не все ли равно, сколько бы она ни навязала? Не за вину же работать ей болѣе всѣхъ! Но ежели десятина раздѣлена для работы на уроки, тогда жнитво или вязка идетъ быстрѣе. Одна передъ другой торопится связать скорѣе свой участокъ и прежде другихъ оставить поле; а въ слѣдствіе этой ускоренной работы и снопы вяжутъ непомѣрно велики... Надобно замѣтить, что всякая раздѣльная работа, гдѣ только возможно употребить ее, въ хозяйствѣ всегда бываетъ выгоднѣе.

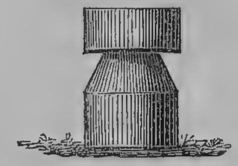
Овесъ, рожь и другіе хлѣба складываются въ скирды и одонья. Скирдъ имѣетъ видъ продолговатаго четырехъ-угольника, шириною въ основаніи отъ 4 до 5 аршинъ и шире; длина же бываетъ отъ 10 до 12 и болѣе аршинъ. Иногда складываются большіе скирды или *клади*, саженъ въ 7, или длиннѣе, гдѣ какъ заведено, и смотря по мѣстному положенію гумна. Обыкновенные скирды для молотьбы удобнѣе. Одонья кладутся круглыя, съ остроконечнымъ верхомъ. Основаніе одонья въ поперечникѣ бываетъ отъ 5 до 6 аршинъ, иногда менѣе, а иногда немного болѣе. Одонья и скирды до 9-й «версты,» т. е. ряда или слоя сноповъ, нѣсколько расширяются снизу въ верхъ, а съ девятой версты ихъ начинаютъ вершить, т. е. съуживать, одонья въ видѣ круглаго шара, а скирды обыкновенно на подобіе продолговатой крыши, со скатомъ на всѣ четыре стороны. Чѣмъ непримѣтнѣе завершается скирдъ или одонье, т. е., чѣмъ верхъ бываетъ круче, тѣмъ лучше предохраняются они отъ осеннихъ дождей и непогодъ. Нужное число копенъ, для обсѣмененія поля, ржи, а ежели позволяетъ просторъ, то и болѣе, складываютъ для молотьбы въ ригу (*) или сарай, разумѣется, у кого онъ есть. Въ ригу складываютъ крестьяне обыкновенно и другіе красные хлѣба, какъ-то: пшеницу, горохъ и проч. Крестьяне, по своимъ малымъ средствамъ, не могутъ имѣть обширныхъ ригъ. Но у помѣщиковъ риги строются очень велики и бываютъ до 30 и болѣе саженей въ длину. Хорошіе хозяева имѣютъ, кромѣ риги, сараи и навѣсы, подъ которые убираютъ хлѣбъ. Рожь, убранная подъ крышу прямо съ поля, бываетъ суше, умолотистѣе и качествомъ зерна превосходнѣе той, которая складывается въ одонья и скирды. Но дороговизна лѣснаго матеріа-

---

(*) Ригами у насъ называютъ молотильные сараи.

ла и недостатокъ денежныхъ средствъ препятствуютъ хозяевамъ складывать весь хлѣбъ подъ крыши.

Чтобъ поставить скирдъ или одонье, сперва приготовляется «падина.» Падины подъ скирды бываютъ постоянныя и временныя. Постоянныя падины строятся двумя способами: 1-й способъ—ставятъ 6 или 8 столбиковъ вышиною отъ 3 четвертей до аршина. Каждый «падинный столбикъ» вершка на два ниже верхняго конца зарѣзываютъ кругомъ такъ, чтобъ мышь, ежелибъ ей вздумалось вскарабкаться по столбику въ скирдъ, для достиженія своей цѣли, должна бы была принять горизонтальное положеніе,—чего, разумѣется, она сдѣлать не можетъ. Столбики связываются между собою бревнами, а на эти связи кладутъ поперекъ переводины, разстояніемъ одна отъ другой на аршинъ. Сдѣланныя такимъ образомъ падины остаются на гумнѣ постоянно и не разбираются. Когда понадобится на нихъ класть хлѣбъ, то переводины застилаютъ хворостомъ; сверхъ хвороста накладываютъ солому, и потомъ уже начинаютъ взводить скирдъ. Постоянныя падины устроиваютъ также и изъ плетня или изъ камня, гдѣ его много. Пространство, назначенное подъ скирдъ, оплетаютъ плетнемъ или окружаютъ каменною стѣнкою, вышиною до ½ аршина и болѣе; средину набиваютъ вровень съ краями глиною, которая образуетъ такимъ образомъ плотный полъ. Для кладки хлѣба, на глину настилается только солома. Временныя падины дѣлаются просто: на землю, по величинѣ скирда или одонья, кладутся четыре бревна, образующія четырехъ-угольникъ; пространство между бревнами закладываютъ хворостомъ, на хворостъ стелятъ солому, и падина готова. Если нѣтъ ни бревенъ, ни хвороста, и настоящей падины сдѣлать не изъ чего, то просто настилаютъ на землю соломы.



Падинный столбикъ. № 7.

Есть обычай, впрочемъ не общій, класть въ скирды троицкіе пучечки или цвѣты, съ которыми слушали вечерню въ Троицынъ день. Говорятъ, что это предохраняетъ хлѣбъ отъ мышей.

Кстати о мышахъ. Мыши бываютъ иногда сущимъ бичемъ въ гумнахъ. Жатый хлѣбъ не столько подвергается нападенію мышей, какъ кошеный. Снопы перваго тверже, весь скирдъ кладется плотнѣе и садится ровно, и потому мышамъ труднѣе въ него проникнуть. Скирды кошенаго хлѣба имѣютъ, напротивъ того, снопы рыхлые; между снопами остаются просовы, а потому мышамъ очень удобно заводить гнѣзда. Не

разъ случалось, что, когда начинали ломать такой скирдъ для молотьбы, находили, что въ срединѣ всѣ снопы переѣдены до того, что, вмѣсто снопов, выгребали однѣ кучи сора. Я самъ былъ свидѣтелемъ, что при ломкѣ одного скирда было убито до полуторы тысячи мышей; надобно замѣтить еще, что многіе разбѣжались, а другія были съѣдены случившимися тутъ собаками. Мыши быстро появляются и также быстро исчезаютъ. Большое ихъ размноженіе предвѣщаетъ неурожай, «къ голодному году». Если испеченный хлѣбъ мыши ѣдятъ сверху, хлѣбъ будетъ дорогъ; снизу—цѣны на хлѣбъ будутъ низки; еслиже мышь въѣдается въ середину,—то цѣны на хлѣбъ будутъ среднія. Жертвою мышей бываютъ не однѣ гумна, но и сады. Бывали примѣры, что мыши объѣдали многія сотни яблонныхъ и грушевыхъ молодыхъ деревъ, и садъ, разведенный съ великимъ трудомъ, погибалъ въ одну зиму. Взглянемъ на господское гумно, не на выборъ, а такъ, случайно. Всѣ дворовые люди, начиная отъ барскаго комнатнаго и другихъ лакеевъ, кромѣ дневальнаго, всѣ кучера, кузнецы, столяры, ткачи, садовники, пожалуй, и поваръ, если онъ не одинъ на кухнѣ, — всѣ участвуютъ въ уборкѣ хлѣба, и все еще какъ будто рукъ мало. Если бы ихъ было вдвое и втрое, и тогда не были бы онѣ лишними. Кто возитъ, кто подаетъ снопы вилами. Дѣятельность кипитъ. Какой-нибудь отживающій вѣкъ старикъ, изъ дворовыхъ, стоитъ возлѣ работающихъ и мѣтитъ на «бирку,» т. е., нарѣзываетъ на палочку четверти въ три длиною крестики, означая ими число привозимыхъ копенъ. Староста или прикащикъ, надсматривающій въ это время въ полѣ, имѣетъ тоже свою бирку, и потомъ обѣ бирки сличаются. Бирка мѣтится для каждаго скирда особенная и, какъ окончится кладка, втыкается въ свой скирдъ.

И такъ старикъ мѣтитъ. Въ ригу не разъ уже заходилъ помѣщикъ справиться, сколько свезено хлѣба. Ему бы хотѣлось все вдругъ схватить съ поля да свезти въ гумно. Онъ безъ галстука и безъ жилета, потому что жаръ стоитъ нестерпимый; пальто изъ суроваго холста на плечахъ, легкій картузъ на головѣ, а въ рукахъ простая кленовая палочка. Онъ весело озабоченъ. По виду, ему подъ сорокъ. Лѣтъ 15 прослужилъ онъ въ военной службѣ, а теперь, какъ слѣдуетъ мирному гражданину, занимается хозяйствомъ. Онъ не чуждъ высокихъ стремленій; міровыя событія волнуютъ его душу, онъ сочувствуетъ успѣхамъ наукъ и художествъ, онъ горячо любитъ свое отечество. Въ обязанности помѣщика онъ сознаетъ великое при-

званіе заботы и попеченія о ввѣренныхъ ему Богомъ и общественными законами ближнихъ. Онъ смотритъ на хозяйство, какъ на основу государственнаго богатства, какъ на залогъ благоденствія народнаго, и при всемъ томъ онъ чрезвычайно лѣнивъ. Ему бы лежать подъ деревомъ на травѣ, да читать, или смотрѣть въ синеватую даль и прогонять чрезъ память все свое прошедшее, или бродить одному, а порой и съ женою, по лѣсамъ и полямъ и пріискивать всѣ возможные случаи, чтобъ ничего не дѣлать. Разъ пять или шесть послѣ обѣда заходилъ онъ на гумно взглянуть на работу, и, на этотъ разъ войдя въ ригу, присѣлъ на кучу соломы, приготовленную для надинъ.

Садитесь-ка, Ѳедосѣичь! говоритъ онъ 97-лѣтнему старику, который мѣтитъ на бирку, садитесь!

Постою, батюшка,—отвѣчаетъ тотъ,—я постою.

Но помѣщикъ его уговариваетъ, и тотъ садится.

— Нонче, кажется, пшеница наливна и суха, говоритъ помѣщикъ.

— Знатная пшеница, батюшка, и весь хлѣбъ хорошъ, а все такихъ урожаевъ, какъ бывало, нѣтъ. Богъ знаетъ, отъ чего, а какъ-то не помнится, чтобъ въ старину была засуха или дурное что.

— Тогда было много лѣсовъ, Ѳедосѣичь, по этому и засухъ не было.

— Можетъ статься; а вотъ я вамъ доложу, государь мой, что вотъ отъ самаго Зарайска до села К...., гдѣ вотъ теперь вашъ братецъ живетъ,—все-то были сплошные лѣса. Дубы охвата въ два и въ три. Въ К...вѣ, вотъ изволите видѣть, жилъ прадѣдушка вашъ.

— А что, Ѳедосѣичь, хорошо вы помните прадѣдушку?

— Какъ же не помнить? Я былъ, государь мой, ужъ лѣтъ 20 или 25, какъ скончался прадѣдушка.

— Какую же должность вы тогда исправляли?

— Я былъ ткачемъ. И славно жилъ вашъ прадѣдушка! У него было душъ тысячи двѣ. И какія вотчины, какія земли, угодья!

— Много получалъ доходу?

— Да какъ бы вамъ сказать, не солгать, государь мой? Денегъ тогда какъ-то было мало, да и нужды въ нихъ не было. Можетъ статься получалъ рублей 500 со всего имѣнія, и все-то мѣдными

деньгами. Какъ если брать нужно было съ собой денегъ, куда ѣхать, такъ возили деньги въ особой фурѣ.

— Да чѣмъ же жилъ-то онъ безъ денегъ?

— Какъ чѣмъ, государь мой? Да на чтожъ нужны были деньги? Винокуренный заводъ—свой; всякая вотчина доставляла запасы: изъ одной вотчины везли пшено, крупу, изъ другой свинину, изъ третьей всякую живность; бывало, анбары и кладовыя биткомъ набьетъ всякимъ харчемъ.

— Чѣмъ занимался прадѣдушка?

— Какъ-съ занимался?

— Читалъ-ли что? игралъ-ли въ карты, или хозяйствомъ занимался?

— Нѣтъ-съ, этого не было. Книги, не знаю, не то были, не то нѣтъ. Въ карты тогда не знали играть, да и не было ихъ у насъ; о хозяйствѣ тоже не заботились: этимъ завѣдывалъ староста да управляющій. Всего было много!...

— Да чѣмъ же наконецъ занимались господа-то?

— Мало ли чѣмъ? разными забавами занимались. Тогда, бывало, господъ много жило въ деревняхъ; вотъ всѣ гурьбой отъ сосѣда къ сосѣду, отъ одного къ другому; а какъ, бывало, соберутся къ намъ въ К...во, то по недѣлямъ, бывало, живутъ. Запасъ, примѣромъ, всякій свой, не купленный; наливокъ бывало въ волю: пьютъ да гуляютъ. Вечеромъ иной разъ поставятъ на дворѣ столъ и пьютъ пуншъ да *взварецъ*, знаете, вино, сваренное на ягодахъ... а тутъ бабы пѣсни играютъ, пляшутъ, водятъ хороводы. Ну, вотъ господа и веселятся... Люди дворовые играютъ въ городки, въ бабки, въ свайку... а народу-то у насъ много было: однихъ лакеевъ, государь мой, было человѣкъ до 80; и всѣ чуть не въ сажень ростомъ, молодецъ къ молодцу!

— Какъ же ихъ одѣвали? Чай, дорого стоило?

— Одѣты они были въ темнозеленые казакины домашнаго сукна и подпоясаны красненькими шерстяными кушачками, въ родѣ пояса; волосы обстрижены были въ кружекъ, а на ногахъ были волосянчки вмѣсто сапогъ.

— Что значитъ волосянчки?

— А это, государь мой, родъ лаптей, сплетенныхъ изъ волоса конскаго хвоста; сами и плели.

— Отъ чего жъ сапогъ-то имъ не давали?

— Сапоги носили только господа. Да вотъ, я вамъ доложу, и на барышняхъ ничего покупнаго не было. Платья и платочки носили все моей работы; бывало купимъ тонкой аглицкой бумаги, да и натчемъ канифасу барышнямъ на платья; еще изъ красной аглицкой бумажки натку, бывало, платочковъ тоненькихъ; вотъ и носятъ. И хорошо было. Самая старшая барышня заправляла всѣмъ домомъ. Старой барыни вашей прабабушки я уже не засталъ въ живыхъ; не знавалъ ея.

— Что жъ, бабушка исправно хозяйничала?.

— Ну, таки исправно. Вотъ видите ли, государь мой, встанетъ, бывало, еще часу въ пятомъ и усадитъ дѣвокъ за работу. Придетъ и ко мнѣ въ ткацкую... Къ намъ въ то время ѣзжалъ племянникъ барина, безъ одной ноги; оторвало ее въ Прусскую войну; баринъ былъ такой тучный. Онъ, случалось, у насъ гащивалъ мѣсяца по два, а сыпалъ въ ткацкой — отъ мухъ; въ домѣ мухъ было много. Вотъ я, бывало, хочу работать, а онъ проситъ: дай ему спать; вотъ и ходишь безъ дѣла. Случится, барышня придетъ въ ткацкую и гнѣвается: «Гаврило, что не работаешь?...» — Нельзя, молъ, матушка; братецъ почиваетъ.—Вотъ она на него и напуститъ: хромой чертъ! долго ли тебѣ здѣсь жить? Пора домой! А онъ-то ей: погоди, матушка; не всѣхъ еще барановъ переѣли. Нечего дѣлать;— погнѣвается барышня, да и пойдетъ.

— А прадѣдушка строгъ былъ?

— Прадѣдушка не любилъ только обмана. Что бы ни сдѣлалъ,—не скрывайся. Бывало, сойдетъ съ крыльца и станетъ у притолки, возлѣ деревяннаго солдата. У насъ возлѣ крыльца стоялъ деревянный, раскрашенный солдатъ, съ усищами съ такими... глаза выпученные такіе!... Вотъ станетъ возлѣ солдата, да и смотритъ, что дѣлается на дворѣ. Глядишь: идетъ какой дворовой, выпросилъ у ключника гуся либо индѣйку. Увидитъ баринъ, да и спроситъ: «что тамъ несешь?» Ежели скажешь сей часъ, что вотъ, молъ, батюшка, выпросилъ живности,—ну и ступай ничего. А если, примѣромъ, кто, бывало, начнетъ прятаться или прятать птицу, ну,—бѣда: крѣпко разгнѣвается баринъ. Къ столу господскому каждый день особо варили окорокъ ветчины для подачекъ. Какъ только господа сядутъ за столъ, такъ въ залу и набѣгутъ всѣ дворовые ребятишки, босикомъ, въ рубашенкахъ, подъ часъ въ грязи, и станутъ около стѣнки, всякой съ чашечкой. Когда покушаютъ, примѣромъ, горячее,

прадѣдушка вашъ и закричитъ дворецкому: дай имъ, братецъ, подачки! Вотъ дворецкій нарѣжетъ ломтиками хлѣба, положитъ на нихъ по ломтику ветчины, да такъ и надѣлитъ всѣхъ. А какъ, бывало, прадѣдушка начнетъ собираться ѣхать въ С...во! Знаете С...во, верстъ 60 отъ К...ва. Вотъ, государь мой, иной разъ цѣлую недѣлю въ дорогѣ. Проѣдетъ верстъ 10 или 15, увидитъ, примѣромъ, прадѣдушка вашъ рощицу, лужекъ тамъ какой, понравится мѣсто,—стой! Разобьетъ палатку, экипажи въ кружекъ, поваръ за стряпню—и гуляй. Да иной разъ и переднюемъ тутъ день иль другой. Лошадей спутаютъ, и ходятъ онѣ на подножномъ корму... Постойте-ка, баринъ, что это? Никакъ громъ?

— Дѣйствительно громъ!

И помѣщикъ, и старикъ торопятся къ воротамъ риги. Изъ-за рощи тихо подымается большая темносиняя туча. Глухо гремитъ громъ; въ воздухѣ тихо и душно.

— Вымочитъ пшеницу! а еще копенъ 15 не свезено. Вы бы сами, баринъ, съѣздили въ поле, говоритъ старикъ, посмотрѣли бы, чтобъ скорѣе накладывали и возили.

Помѣщикъ принимаетъ полезный совѣтъ, спѣшитъ къ каретному сараю. Скорѣе бѣговыя дрожки. Самъ помогаетъ кучеру запрячь поскорѣе лошадь, безпрестанно поглядываетъ на тучу, разсчитывая ся движеніе и прислушиваясь къ грому. Жаль пшеницы, подмокнетъ, не будетъ имѣть настоящей цѣны. Много портится крови у землѣдѣльца во время уборки хлѣба!

Дни идутъ за днями, бабы все жнутъ и вяжутъ; мужики косятъ, возятъ въ риги, да складываютъ въ скирды да въ одонья. День за день, вечера становятся длиннѣе, темнѣе и холоднѣе; каждый день въ полѣ все голѣе да голѣе. Копны исчезаютъ за копнами; а между тѣмъ небо уже не разъ подергивалось пеленой сѣроватыхъ облаковъ, и не разъ, яснымъ утромъ, былъ чувствителенъ предвѣстникъ осени, морозецъ. Августъ приближается къ концу. Когда оканчивается жнитвомъ послѣдняя десятина ржи, одна изъ бабъ, которая постарѣе другихъ или пользуется уваженіемъ по уму, трудолюбію и смѣтливости, *обжинаетъ козу*. Обжинать козу значитъ оставить несрѣзанными нѣсколько небольшихъ пучковъ ржаныхъ колосьевъ, расположенныхъ кружкомъ на пространствѣ, въ поперечникѣ до 1 аршина или менѣе Эти жиденькія купы колосьевъ связываются вверху, такъ что вся коза принимаетъ видъ игрушечной бесѣдки. Бесѣдочку

эту или козу внутри выполютъ начисто, а въ средину положатъ на землю ломтикъ хлѣба съ солью. Потомъ всѣ бабы помолятся на всѣ четыре стороны, а устроившая козу, «отжинальница,» садится на землю, лицемъ къ козѣ, а бабы отдаютъ ей свои серпы. Собравъ серпы и взявъ ихъ за рукоятки въ обѣ руки, она бросаетъ ихъ черезъ голову, за себя, на сколько сможетъ сильнѣе; серпы разлетаются и, падая, принимаютъ разныя положенія. Бабы, отдавая серпы, загадываютъ, доживутъ ли онѣ или ихъ дѣти, родные и проч. до новаго жнитва? Когда серпы брошены, всякая спѣшитъ къ своему серпу. Той, чей серпъ концемъ воткнулся въ землю, по направленію къ своей приходской церкви, предвѣщается смерть; чей серпъ далѣе упалъ отъ козы, та проживетъ болѣе. Но, къ счастію, подобныя предсказанія серпа не наводятъ унынія на загадывающую. «Охъ, бабы! никакъ мнѣ умереть?» восклицаетъ одна, поднимая свой серпъ.—«Охъ, баба, и такъ умрешь,» отвѣчаютъ другіе, покачивая головами, и за тѣмъ раздается звонкій порывъ хохота...

Козу или козульку оставляютъ въ полѣ, а выжатые изъ средины стебли дѣлятся между бабами, которыя обматываютъ ими ручки серповъ и съ пѣніемъ идутъ домой. Но по большей части, изъ этой выжатой ржи связывается небольшой снопокъ, втыкается на палку, и одна изъ бабъ съ торжествомъ несетъ его на барскій дворъ. За нею слѣдуютъ съ пѣснями всѣ другія бабы. Помѣщикъ, услышавъ пѣніе или увидѣвъ шествіе со снопомъ, выходитъ на крыльцо; бабы его поздравляютъ съ уборкой ржи, а онъ подчуетъ ихъ виномъ или брагой, или тѣмъ и другимъ. Довольныя хорошимъ пріемомъ, онѣ нѣсколько времени играютъ пѣсни, въ случаѣ, подъ веселый часъ, попляшутъ, и потомъ, сдавъ снопъ въ господское гумно, съ пѣніемъ расходятся по домамъ. Уборка хлѣба въ скирды и одонья производится такимъ образомъ: къ приготовленнымъ, какъ выше писано, падинамъ подъѣзжаютъ одинъ за другимъ воза, накладенные снопами. Работники, назначенные подавать снопы, берутъ ихъ съ возовъ, сначала руками или короткими вилами, и укладываютъ на падины первый слой, служащій основаніемъ всему скирду. Наружные снопы стараются класть ровно, колосьями въ средину, срѣзомъ наружу и, какъ можно, плотнѣе одинъ къ другому. Это называется первая верста. На заложенный скирдъ влѣзаютъ отъ 2 до 3-хъ человѣкъ, которые выстилаютъ снопами средину и потомъ уже продолжаютъ строеніе скирда подаваемыми имъ снизу снопами. Работа на скирдѣ

довольна трудна, и тѣмъ болѣе, что по скирду ходить неудобно: то ноги скользятъ, то вязнутъ между снопами, тогда какъ скорыя перемѣщенія съ одного мѣста на другое необходимы. Когда подаютъ много людей и подаютъ дѣятельно, тогда принимать не зѣвай!... Какъ разъ закидаютъ снопами, такъ что и не разберешься; а между тѣмъ все надобно укладывать порядкомъ какъ слѣдуетъ... Но и подавать бываетъ не легко.

Крестьянинъ, наложивъ въ полѣ на телѣгу полъ копны или три крестца, что составляетъ чрезвычайно большой и высоко нагруженный возъ, садится на этой высотѣ и сажаетъ иногда съ собою 3-хъ или 4-хъ -лѣтняго своего сынишку, очень часто съ вѣнкомъ изъ васильковъ на бѣлокурой и даже чуть не бѣлой головкѣ. Такъ какъ маленькія крестьянскія дѣти бѣгаютъ на воздухѣ съ утра до ночи съ непокрытой головой, то, отъ вліянія лучей солнца, въ нѣжномъ возрастѣ волосы совершенно бѣлѣютъ. Зимою же и съ лѣтами принимаютъ настоящій свой цвѣтъ.

Ребята очень любятъ прокатиться на возу. Подъѣхавъ къ скирду, привезшій слѣзаетъ, бережно снимаетъ ребенка и сажаетъ въ сторону. Потомъ развязываетъ возъ, сбрасываетъ жердь, и, снова влѣзши на возъ и ставъ на ноги, короткими вилами быстро, одинъ за другимъ, кидаетъ снопы на скирдъ. Стоящіе на землѣ около скирда съ длинными вилами помогаютъ ему въ этой работѣ; и когда по-

Вилы. № 8.

слѣдній снопъ вскинутъ, возящій бросаетъ въ телѣгу вилы, собираетъ туда же распущенную веревку, кладетъ жердь, сажаетъ ребенка, вскакиваетъ самъ въ телѣгу и, ставъ на ноги, весело гаркнетъ и съ трескомъ и съ громомъ снова мчится въ поле за новою кладью. Когда скирдъ еще не очень выросъ, подавать легко; но когда онъ уже вершится и дѣло доходитъ до князька, (князькомъ называется самый верхъ, гребень скирда) то на гребень скирда подавать, особенно наливной хлѣбъ (*) и снопы большой вязи,—бываетъ трудно,

(*) Наливнымъ хлѣбомъ называется, когда зерно полно и хорошо налило.

такъ что спина *трещитъ*, по выраженію народному. Тутъ между возящими употребляются разныя хитрости, чтобъ не досталось подавать подъ князекъ. Но рокъ неизбѣженъ. По странному стеченію обстоятельствъ, эта честь почти всегда достается малорослому, за что всѣ окружающіе начинаютъ величать его *княземъ*. Ему досадно, онъ бранится, а всѣ хохочутъ... Имъ весело!

Такъ какъ всякій хлѣбъ, хорошо созрѣвшій, при кладкѣ нѣсколько осыпается, то, чтобъ зерно не пропадало, около палинъ трава бываетъ начисто выскреблена и земля убита и подметена. Одинъ изъ рабочихъ возлѣ скирда сгребаетъ граблями колосья и сметаетъ метелкою зерна въ кучки къ основанію скирда; а по окончаніи работы ихъ складываютъ въ кошелку и относятъ въ молотильный сарай или, по нашему, въ ригу. Еще одинъ рабочій ходитъ около скирда съ колотушкой и уравниваетъ ею выдавшіеся снопы и неровности. Колотушка эта состоитъ изъ рукояти аршина въ два, съ придѣланной на концѣ толстой доской, вышиною вершковъ 6-ти, а шириною вершковъ десяти или одиннадцати.

Во многихъ мѣстахъ, для совершенной правильности скирда, при кладкѣ вбиваютъ въ землю по угламъ высокія колья и протягиваютъ между ними веревки, чтобъ по этимъ веревкамъ ровнѣе класть наружные срѣзы сноповъ. Во время возки хлѣба въ скирды, у многихъ хозяевъ заведено съ каждаго привезеннаго воза откладывать по одному снопу такъ, чтобы отъ скирда составилась копна или полкопны. Эти полукопны ставятся въ ригѣ съ замѣткой, отъ какого онѣ скирда? По нимъ дѣлается проба, — сколько изъ извѣстнаго скирда можно ожидать зерна? На примѣръ, ежели пробная копна дала умолоту 9 мѣръ и 3 четвертки, то изъ скирда въ 31 копну надобно ожидать умолоту 37 четвертей, 6 мѣръ и 1 четвертку. По окончаніи молотьбы пробныхъ копенъ, выходъ мѣтятъ на бирки, находящіяся въ скирдахъ, и вносятъ, т. е., записываютъ въ приходную книгу гумна, въ графу умолота. Вымолоченное же изъ пробныхъ копенъ зерно поступаетъ въ сѣмена, вмѣстѣ съ вымолоченнымъ изъ особо сложенныхъ въ ригу на этотъ предметъ копенъ.

Чѣмъ менѣе хлѣбъ перестоитъ на корнѣ, тѣмъ мука бываетъ бѣлѣе, а потому и пшеницу для продажи, и рожь, которую назначаютъ на хлѣбъ для господскаго стола, что называется для ситнаго хлѣба, и на крестьянскіе пироги, стараются сжать съ самаго начала, даже нѣсколько « въ прозелень, » чтобы зерно дошло ужъ въ

крестцахъ. Вымолотить этотъ хлѣбъ стараются прежде, нежели началея новый сѣвъ и пока еще зерно не пало въ землю. Не знаю, почему это ставятъ условіемъ бѣлизны хлѣба (*). Вымолоченное для ситной муки зерно обталкиваютъ бабы въ деревянныхъ ступахъ, подсѣваютъ и потомъ уже отправляютъ на мельницу. Такой хлѣбъ бываетъ дѣйствительно бѣлъ и, при тщательной обработкѣ, мало уступаетъ неклеванному.

Ежели во время кладки скирда набѣжитъ туча, въ такомъ случаѣ всѣми наличными снопами и вновь привозимыми спѣшатъ наполнить средину скирда, чтобы она была выше. Давъ такимъ образомъ стокъ дождю, предохраняютъ скирдъ отъ промочки.

Когда скирды уже совершенно сложены, то ихъ покрываютъ соломой. Для этого обтыкаютъ скирды по карнизу тычками или колышками четверти въ три длиною, на разстояніи одинъ отъ другаго вершковъ на шесть. Это служитъ пеленой для удержанія соломы, чтобъ она не сползла; а чтобъ не разнесло ея вѣтромъ, накладываютъ притуги изъ крупнаго хвороста, или притягиваютъ соломенными веревками. Крыть во время небольшаго дождя считается лучше, потому что смокшая солома ложится плотнѣе. Такъ какъ кошеный хлѣбъ не можетъ имѣть чисто связанныхъ сноповъ, то и скирды *кошенки* не могутъ быть такъ чисты и опрятны, какъ скирды *жатика*; къ тому жъ взъерошенная солома и высунувшіеся колоски даютъ возможность птицамъ выдергивать ихъ и клевать зерно. Для того, чтобъ даромъ не пропало много зерна и чтобы птицы, выщипывая, не образовали въ скирдѣ впадинъ, нужно ихъ окашивать косою. Окоски собираются, подметаются и относятся въ ригу, гдѣ окончательно вымолачиваются, а скирдъ получаетъ чистоту и видъ жатаго хлѣба.

Теперь остается сказать о уборкѣ нѣкоторыхъ другихъ хлѣбовъ. Кажется, я уже сказалъ, что рабочая пора, начинающаяся жнитвомъ, есть время самое безтолковое, такъ что положительно опредѣлить, какая работа слѣдуетъ одна за другою,— невозможно. Надо и жать, и пахать, и молотить на сѣмена, и вязать, и класть въ скирды, и сѣять, и все это въ одно время. Иногда не знаешь, за

(*) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ повѣрье, что до засѣва нельзя употребить соломы ни въ кормъ, ни на постилку. Это повѣрье очень полезно въ хозяйствѣ: всякій спѣшитъ засѣять, а зачинъ вѣдь дѣло великое. *Изд. К.*

что взяться, и трудно опредѣлить, что нужнѣе; а тутъ иногда еще мѣшаетъ и неблагопріятная погода. Въ это время дѣятельный крестьянинъ, особенно ежели онъ принанялъ еще гдѣ-нибудь землицы, иной разъ возитъ по ночамъ, чтобъ не упустить время. Надобно быть Русскимъ человѣкомъ, чтобы трудиться такъ терпѣливо и съ такимъ бодрымъ духомъ въ наше сжатое Русское лѣто; Нѣмецъ не выдержитъ, не смотря на то, что наши ученые агрономы поютъ, въ урокъ намъ, хвалебныя имъ пѣсни и ставятъ ихъ образцемъ трудолюбія и терпѣнія; только для Русскаго мужика не годится этотъ образецъ.

Рожь обыкновенно зрѣетъ прежде всѣхъ другихъ хлѣбовъ. Вскорѣ послѣ нея поспѣваютъ пшеница и ячмень. Но случается, что рожь еще не убрана и въ половину, какъ уже поспѣваетъ овесъ. Извѣстно, что рожь можетъ довольно долго стоять на корнѣ безопасно; но овесъ, ежели перезрѣетъ, то повалится, переломается, какъ говорится—уткнется. Чтобъ не лишиться овса, благоразумный хозяинъ оставляетъ рожь до поры до времени, и принимается за уборку овса. За овсомъ поспѣваетъ гречиха. Ее убираютъ особеннымъ образомъ. Сначала косятъ, а потомъ ставятъ въ шипы. Эта послѣдняя работа производится бабами. Шипы есть не что иное, какъ небольшія шатровидныя кучки. Въ шипахъ гречиха стоитъ до тѣхъ поръ, пока солома совершенно высохнетъ, что бываетъ не скоро, по причинѣ сочности гречишнаго стебля. Когда наконецъ гречиха совершенно высохнетъ, тогда изъ шиповъ вяжутъ снопы: изъ двухъ шипковъ одинъ снопъ. Снопы складываютъ въ копны, въ которыхъ гречиха окончательно досыхаетъ, и потомъ свозятъ въ гумна и складываютъ въ скирды и одонья для молотьбы. (*)

Изъ гречихи приготовляется гречневая обыкновенная крупа и мелкая, извѣстная подъ названіемъ Смоленской; также соломата или мука, изъ которой пекутъ блины и варится очень вкусная размазня, которую ѣдятъ съ постнымъ и скоромнымъ масломъ. Для приготовленія крупъ, гречиху отдаютъ на крупорушни. За переработку гречихи въ крупу—платятъ по условію съ четверти. Крупъ изъ гречихи средняго качества выходитъ не много болѣе половины, т. е.,

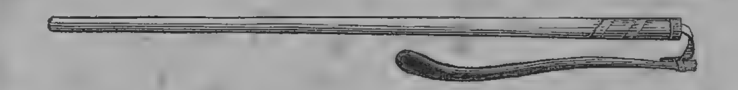
---

(*) Въ степныхъ мѣстахъ Рязанской губерніи молотятъ гречиху въ полѣ: выжигаютъ поляну, сваживаютъ на токъ гречиху безъ связки ся въ снопы, молотятъ и уже зерно везутъ въ гумно. Этотъ способъ уборки очень удобенъ, и гдѣ большіе засѣвы гречихи, тамъ слишкомъ мѣшкотно было бы высушивать гречишную солому на солнцѣ такъ, чтобъ безопасно было бы гречишные снопы складывать въ скирдъ. *Изд. К.*

изъ четверти гречихи получается около 5 четвериковъ;—но изъ лучшей гречихи выходъ больше.

Просо жнутъ на горсти; потомъ, когда высохнетъ, вяжутъ въ снопы и складываютъ въ копны, какъ и овесъ. Просо жнутъ, когда оно еще не переспѣло, однимъ словомъ, чтобы нижняя часть кисти была въ прозелень, иначе большая часть зерна вытечетъ во время жнитва. Чтобъ передѣлать просо въ пшено, сначала просо оталкиваютъ въ деревянныхъ ступахъ, а потомъ просѣваютъ; но это домашнее пшено не отличается хорошимъ качествомъ. Хорошее пшено выдѣлывается на мельницахъ, гдѣ сперва шелуху съ проса обдираютъ жерновами, а самое зерно оталкиваютъ въ толчеѣ. Лучшее пшено имѣетъ цвѣтъ желтоватый, дурнаго же качества пшено бываетъ гораздо блѣднѣе. Пшено для каши выгоднѣе, нежели гречневая крупа, не смотря на то, что пшено въ продажѣ дороже. Чтобъ сварить крутую кашу изъ пшена, достаточно насыпать полъ горшка, тогда какъ крупъ гречневыхъ надобно всыпать по меньшей мѣрѣ три четверти горшка. Пшено спорѣе крупъ. Всѣ почти яровые хлѣба вяжутъ въ снопы готовыми ржаными свяслами. Свясла приготовляютъ такимъ образомъ: бабы развязываютъ въ ригѣ жатые снопы, отдѣляютъ отъ нихъ небольшія горсти и, держа ихъ обѣими руками за нижніе концы, бьютъ колосьями объ бока и края кадушки или объ доску, отъ чего зерно вымолачивается дочиста. Это дѣйствіе называется ручнымъ *сторнованіемъ*, а выбитую такимъ образомъ и снова связанную для порядка въ снопы солому зовутъ *простомолоткою*. Изъ нея-то, размачивая предварительно въ водѣ, вертятъ *свясла*, которыми вяжутъ пшеницу, ячмень, просо, даже и овесъ, ежели солома послѣдняго очень коротка.

Горчицу жнутъ, но въ снопы не вяжутъ, а просто оставляютъ кучками, пока не высохнетъ. Сохнетъ она очень скоро, и тогда ее свозятъ на токъ и молотятъ обыкновеннымъ цѣпомъ. Цѣпъ есть



Цѣпъ № 9.

палка аршина въ два длиною и къ ней на ремнѣ къ одному концу придѣлана другая четвертей въ пять эта послѣдняя служитъ биломъ для выбиванія зеренъ всякаго рода хлѣба. Иногда горчицу и

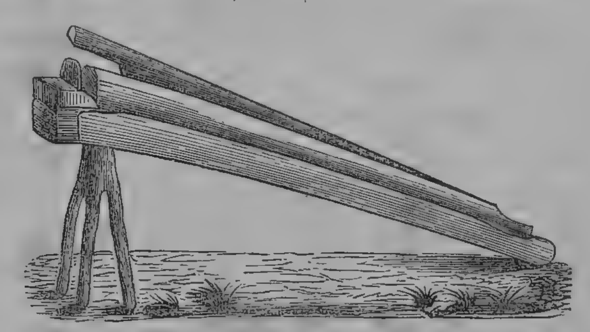
не возятъ для молотьбы, а возлѣ той десятины, гдѣ она росла, вычищаютъ небольшой токъ и обмолачиваютъ на мѣстѣ. Это дѣлается за тѣмъ, что солома горчицы никуда не годится; послѣ молотьбы она обращается почти въ соръ.

Уборка мака глухаго и неглухаго производится очень просто. Для собиранія мака можно употребить поголовно всякаго, и стараго, и малаго. Всѣ вооружаются ножами, срѣзываютъ головки, кладутъ въ подвязанные фартуки, а когда фартуки переполнятся, ссыпаютъ головочки на разостланныя тутъ же гдѣ-нибудь въ сторонѣ веретья. Простой макъ сей часъ же кладутъ въ рѣшета, просѣваютъ сначала въ кадушку, а потомъ ссыпаютъ въ мѣшки; но съ глухими головочками поступаютъ иначе:—чтобъ высыпать изъ нихъ макъ, каждую головочку перерѣзываютъ ножемъ. Это дѣлается для того, чтобы макъ былъ, какъ можно, чище; но едва ли способъ этотъ по своей медленности можетъ быть употребленъ при болѣе значительныхъ, нежели у насъ, посѣвахъ. Недозрѣвшія головки связываютъ въ снопики и особо сушатъ на солнцѣ, гдѣ онѣ дозрѣваютъ. Изъ маку въ господскихъ имѣніяхъ приготовляютъ домашнее маковое масло, употребляемое въ посты; приготовляютъ маковое молоко въ родѣ миндальнаго, которое ѣдятъ съ пшенной кашей, клюковными и другими киселями; и сверхъ того макъ идетъ для приправы многихъ постныхъ блюдъ въ грибномъ столѣ.

Ленъ дергаютъ съ корнемъ, вяжутъ въ снопки и ставятъ въ копенки. Въ льняной копнѣ, какъ и въ ржаной, считается 52 снопа. Копны льна не кладутся крестцами, а ставятся въ два ряда по 26 сноповъ въ наклонномъ положеніи, такъ что одинъ рядъ верхами своихъ сноповъ опирается на другой; когда ленъ совершенно высохнетъ, тогда его свозятъ на токъ и молотятъ, не развязывая сноповъ. Молотятъ иногда цѣпами, но по большей части вальками, которые употребляются при полосканіи на прудѣ или рѣкѣ бѣлья или холстовъ: бабы садятся на току въ кружекъ, берутъ снопы льна, кладутъ ихъ головками на доски и бьютъ по головкамъ вальками. Эта молотьба производится очень скоро и чисто. Послѣ молотьбы, снопы льна вывозятся на какой-нибудь ближній лужекъ, на косогоръ, къ оврагу, однимъ словомъ, туда, куда менѣе или совсѣмъ не заходятъ ни лошади, ни скотина, и тамъ, развязавъ снопы, разстилаютъ ленъ тонкимъ слоемъ въ длинные и правильные ряды. Здѣсь остается онъ разостланнымъ столько времени, пока такъ улежится, что когда воз-

мешь его въ руки и начнешь мять, то онъ не переламливается, а только наружная корочка стебля, облекающая волокна, отъ вліянія росъ, тумановъ и дождей, лупится и свободно отпадаетъ. Тогда его сбираютъ и ставятъ въ шипы, пока совершенно высохнетъ;—потомъ опять связываютъ въ снопы, даютъ еще посохнуть и потомъ уже прибираютъ въ сарай или подъ навѣсъ.

Чтобъ его мять, надо его еще посушить солнцемъ или огнемъ. Осеннее солнце плохой помощникъ, и потому кто хочетъ просушивать солнцемъ, тотъ оставляетъ ленъ на сараѣ до Мая или Іюня мѣсяца. Тогда его выносятъ подъ палящіе лучи солнца, гдѣ онъ быстро прожаривается, и тутъ же его мнутъ. Но кому ленъ нуженъ къ зимѣ и откладывать до весны не приходится, то его сушатъ надъ ямами. Вырываются гдѣ-нибудь за деревнею въ оврагѣ или близь воды ямы двѣ или три, судя по надобности, шириною въ аршинъ, длиною аршина въ два съ половиною и глубиною аршина въ полтора или два. Около этихъ ямъ становятся бабы съ *мялками* и

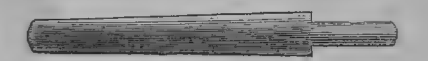


Мялка. № 10.

раздѣляютъ между собою назначенный въ мятье ленъ. Мялкой называется очень несложная машина самой простой работы. Она устроена такъ: берется отрубокъ дерева толщиною въ поперечникѣ вершка въ четыре, длиною аршина полтора. Сквозь этотъ отрубокъ продалбиваютъ отверстіе, четвертей въ 5 длины и вершка въ два ширины. Въ это отверстіе, во всю длину вкладываютъ било, въ видѣ деревяннаго, прямаго и тупаго ножа, шириною вершка въ три и толщиною въ обухѣ въ вершокъ. Било это съ одной стороны снабжено ручкою, которою приводится въ движеніе, а другій конецъ его проткнутъ деревяннымъ гвоздемъ, на которомъ оно свободно подымается и опускается. Тотъ конецъ мялки, гдѣ находится ручка била, стоитъ на двухъ ножкахъ вышиною вершковъ по десяти, поставлен-

ныхъ въ видѣ козликовъ, а другой конецъ лежитъ на землѣ, но для ловкости въ работѣ приставляется, если нужно, къ углу избы или другаго какого строенія, или къ пряслу, или къ чему случится.

Въ ямахъ разводятъ легкій огонь, поддерживаемый щепою или сухимъ хворостомъ, а сверху ямы, по ея длинѣ, кладутъ двѣ или три деревянныя жердочки. Баба, взявъ снопъ, развязываетъ его и разстилаетъ надъ огнемъ по жердочкамъ и, переворачивая безпрестанно, менѣе, нежели черезъ полминуты, снимаетъ. Онъ готовъ. Снявши съ огня, сей часъ же начинаетъ мять: взявъ одною рукою, сколько можно захватить, стеблей льна, другою рукою подиимаетъ біло и, положивъ поперекъ мялки ленъ и передвигая горсть отъ одного конца до другаго, до тѣхъ поръ подвергаетъ ударамъ, пока ленъ совершенно не изомнется и пока его кора не отлетитъ. Смявши такимъ образомъ ленъ, баба принимается его *трепать:* сначала держа за концы, немилосердо колотитъ имъ о мялку, а потомъ треплетъ *трепалкою,* чѣмъ и очищаетъ по возможности волокна отъ

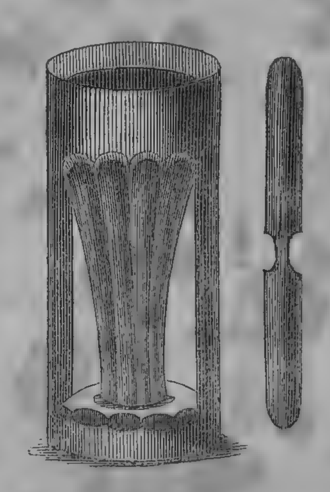


Трепалка № 11.

остававшейся въ нихъ *кострики.* Трепалка есть родъ деревяннаго, обоюду заостреннаго, хотя и очень тупаго, кинжала, четверти въ три длиною и въ вершокъ шириною. Отрепавъ ленъ баба кладетъ его въ сторону и снова принимается разсушивать надъ огнемъ другой снопъ. Въ сушкѣ надъ огнемъ нужна нѣкоторая сноровка. Если ленъ пересушить, то онъ мнется удобнѣе, а слѣдовательно и работа идетъ легче и скорѣе, но качество льна бываетъ хуже, и на оборотъ: если ленъ не досушить, то онъ мнется труднѣе, за то качествомъ будетъ лучше.

Конопля требуетъ не менѣе хлопотъ. Когда конопля зацвѣтаетъ, тогда начинаютъ выдергивать посконь. Посконь есть та же конопля, но не производящая сѣменъ. Эта работа бываетъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ, а конопля не трогается до Августа, до того времени, пока сѣмя совершенно созрѣетъ. На сѣмя сильно нападаютъ воробьи и другія птицы; чтобы спугивать ихъ, ставятъ чучелы и даже караулъ изъ ребятъ и дѣвчонокъ. Выдерганную посконь вяжутъ въ небольшіе снопы и ставятъ въ конусообразныя кучки. Когда посконь въ снопахъ высохнетъ, ее такъ же, какъ и ленъ, стелятъ по лугамъ, гдѣ

и лежитъ она до тѣхъ поръ, пока не улежится. Потомъ, какъ и ленъ, вяжется въ снопы, сушится огнемъ надъ ямами (рѣдко бываетъ, чтобы ведренная и продолжительная осень давала возможность высушивать солнцемъ), мнется тѣми же мялками и о тѣ же мялки треплется. Посконь употребляется бабами на рубашечный холстъ, довольно грубый, извѣстный подъ названіемъ конопнаго или посконнаго. Но прежде, нежели посконь начинаютъ прясть, ее отдаютъ на толчеи, устроиваемыя при нѣкоторыхъ водяныхъ мельницахъ, гдѣ она *оталкивается* и очищается совершенно отъ кострики. Мельникъ за эту работу получаетъ съ пуда очищенной поскони отъ 15 до 17 коп. серебромъ. Въ маломъ количествѣ на мельницу посконь не возятъ, но оталкиваютъ въ ручныхъ деревянныхъ ступахъ толкачемъ. Когда конопляное сѣмя совершенно созрѣетъ, точно также, какъ посконь, дергаютъ и коноплю или, по простонародному, «*моченецъ*»; также вяжутъ въ снопы, но ставятъ не кучками, а привязавъ къ двумъ кольямъ жердь, прислоняютъ къ ней съ обѣихъ сторонъ снопы въ нѣсколько наклоненномъ положеніи. На каждую сторону ставятъ по 26 сноповъ и такимъ образомъ составляется копна.



Ступа съ толкачемъ. № 12.

Когда конопля въ снопахъ совершенно высохнетъ, тогда сѣмя вымолачивается обыкновеннымъ порядкомъ, но сноповъ не развязываютъ. Сѣмя идетъ въ продажу, а для дома оставляютъ его въ маломъ количествѣ. Изъ него крестьяне дѣлаютъ молоко и употребляютъ для забѣливанія щей въ постные дни. Масла въ нашихъ мѣстахъ не дѣлаютъ, да и маслобоинъ нѣтъ, по малому производству сѣмени.

Снопы конопли или моченца послѣ молотьбы, для храненія до будущей весны, складываютъ въ разсадники. Разсадники строются такимъ образомъ: на пространствѣ одной квадратной сажени ставятся по угламъ четыре столба или сохи, вышиною отъ 2 до 3-хъ аршинъ отъ земли; верхніе концы сохъ связываются четырьмя перекладинами, на которыя настилается накатъ. На этотъ разсадникъ складывается моченецъ, въ видѣ маленькаго одоньышка, такъ, чтобы сно-

пы верхними концами лежали всѣ къ центру, плотно одинъ къ другому, и, сложивъ ихъ такимъ образомъ, покрываютъ соломой. Разсадники придуманы для сбереженія моченца отъ мышей. На слѣдующій годъ, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ моченецъ съ разсадника снимаютъ и везутъ къ рѣчкѣ или пруду для мочки; тамъ снопы связываются хворостомъ въ видѣ плота длиною сажени въ двѣ съ половиною, рядовъ въ 6, 8 и 10-ть въ вышину и опускаютъ въ воду. Все это по сторонамъ привязываютъ къ кольямъ, а сверху накладываютъ тяжесть, камни, если они есть по близости, а не то, такъ землю, чтобы связанные снопы опустились на самое дно. Такимъ образомъ моченецъ вымачивается въ водѣ дней 12. Потомъ его вынимаютъ и ставятъ на берегу въ шипы, сноповъ по десятку до тѣхъ поръ, пока онъ совершенно просохнетъ, и тогда его мнутъ такъ же, какъ и посконь, на мялкахъ. Моченецъ бѣлѣе и прочнѣе поскони, но посконь мягче, а потому она идетъ въ холстъ. Моченецъ преимущественно употребляется на веревки, на нитчёнки для неводовъ, на дратву, на пряжу для веретьевъ. Низшіе сорты и отренья идутъ на паклю, употребляемую для конопатки деревянныхъ строеній. Когда конопляное сѣмя наливно, то замѣчаютъ, что рожь на слѣдующій годъ будетъ урожайна. Въ прежніе годы разсушивали ленъ и посконь въ курныхъ избахъ, на полатяхъ или на жердяхъ, положенныхъ чрезъ всю избу, пониже потолка четверти на три или на аршинъ; а въ избахъ бѣлыхъ на печахъ. У помѣщиковъ же, у кого были овины, то въ овинахъ на колосникахъ, отъ чего ни одна осень не проходила безъ пожаровъ. Рѣдкая была ночь, чтобы зарево не освѣщало то тотъ, то другой край неба, и жертвами этой домашней сушки бывали цѣлыя деревни, и многіе десятки семействъ лишались всего имущества.

У многихъ помѣщиковъ ведется обычай, по окончаніи всей уборки съ полей, когда послѣдній снопъ свезенъ въ гумно,—давать крестьянамъ обѣдъ. Для этого на барскомъ дворѣ устроиваются столы изъ досокъ, положенныхъ на поставленныя пустыя кадушки; точно такъ же устроиваются и лавки, но доски кладутъ на чураки, кадушки или бочонки меньшаго размѣра; иногда выносятъ изъ избъ и настоящія скамьи, и за эти-то столы садятся мужики и бабы въ лучшихъ своихъ нарядахъ. Кушанья бываютъ: солонина съ квасомъ и огурцами на холодное, щи съ солониной или бараниной, лапша съ ветчиной или саломъ и каша съ масломъ, гречневая или пшенная, иногда молочная. Сверхъ этого пироги изъ пшеничной или сит-

ной муки съ творогомъ или кашей, да подается передъ каждымъ кушаньемъ вино да брага, сколько душѣ угодно. Послѣ такого обѣда угощенными овладѣваетъ шумная веселость; пѣсни, пляски, хороводы продолжаются до поздней ночи.

Въ Августѣ мѣсяцѣ есть замѣчательные праздники. Перваго Августа, въ праздникъ происхожденія древъ Св. Креста, извѣстнаго въ народѣ подъ именемъ перваго Спаса, или Спаса мокраго, бываетъ Крестный ходъ на воду. Къ ручью или рѣкѣ, куда совершается этотъ ходъ и гдѣ освящается вода, сводятъ и пригоняютъ на ближній лугъ лошадей со всего прихода. Дѣло это обыкновенно поручается мальчишкамъ, которые, какъ и вездѣ, великіе любители верховой ѣзды. Они обыкновенно гонятъ и сами скачутъ во весь конскій духъ, и потому съѣздъ этотъ сопровождается великимъ шумомъ и крикомъ. Но когда изъ церкви, при колокольномъ звонѣ, съ хоругвями и иконами двинется Крестный ходъ, тогда все приходитъ въ порядокъ и водворяется тишина: лошадей сидящіе на нихъ верхами мальчишки-коноводы становятъ въ двѣ или три линіи, оставляя между ними довольно широкій проходъ. По окончаніи молебна и освященія воды, священникъ идетъ въ сопровожденіи причетника, съ водосвятной чашей или *кандеей*, и проходя по рядамъ лошадей, кропитъ ихъ Св. Водою; кропитъ и лошадей, запряженныхъ въ телѣги пріѣхавшихъ къ обѣднѣ прихожанъ, кропитъ лошадей, запряженныхъ въ экипажи пріѣхавшихъ господъ. Потомъ образа и хоругви возвращаются въ церковь, молившіеся расходятся и разъѣзжаются, а лошадей съ прежнимъ шумомъ и крикомъ, и непремѣнно вскачь, мальчишки разгоняютъ по домамъ. Въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ есть порядочная рѣка, священникъ не кропитъ лошадей водою, а просто ихъ перегоняютъ вплавь чрезъ освященныя воды рѣки. Въ этотъ день пчеловоды выносятъ въ церковь, для освященія, первые вырѣзанные соты, и въ домахъ за обѣдомъ у многихъ помѣщиковъ и крестьянъ, вмѣсто десерта, ѣдятъ сотовый медъ съ свѣжими огурцами. По этому день происхожденія честныхъ древъ называется Спасомъ медовымъ.

Праздникъ Преображенія Господня называется вторымъ Спасомъ, 6-е Августа. Въ этотъ день всѣ садоводы выносятъ, для освященія, яблоки въ церковь. По освященіи, часть принесеннаго выдается причту, а остальное относится въ домъ, гдѣ освященными яблоками разговляются. Съ этого дня простой народъ начинаетъ ѣсть яблоки, что прежде Преображенія считается грѣхомъ. Въ этотъ же день

послѣ обѣда толпы бабъ и ребятишекъ осаждаютъ помѣщичьи сады, которые почти всегда сдаются купцамъ, и покупаютъ у послѣднихъ все то, что даже было бы выкинуто за негодностію, лишь бы называлось яблокомъ. Покупаютъ на гроши, на кудели пеньки и льна, на яйца; на примѣръ: за одно яйце получаютъ двѣ или три пригоршни яблоковъ, сколько широкія руки сидѣльца могутъ ихъ вмѣстить. Покупается и гнилье, еще за сходнѣйшую цѣну; покупаютъ и хорошіе яблоки, и всегда выгодно для съемщиковъ. Въ этотъ день въ садахъ насыпаютъ цѣлые воза надалицы и непадалицы, хорошихъ даже сортовъ яблоковъ, и развозятъ по окрестнымъ приходамъ къ церквамъ, гдѣ по окончаніи обѣдни почти все раскупается. Праздникъ Преображенія слыветъ въ народѣ подъ именемъ — Спаса яблочнаго.

Успенскій постъ самый обильный всѣми поспѣвшими овощами и потому считается самымъ легкимъ и пріятнымъ постомъ для всѣхъ, начиная съ зажиточныхъ помѣщиковъ и до бѣднѣйшихъ крестьянъ. Августа 29-го, въ день Усѣкновенія главы Предтечи, Церковь налагаетъ постъ. Но многія набожныя старухи (*) за недѣлю еще налагаютъ на себя произвольный постъ и не ѣдятъ въ самый праздникъ ничего шарообразнаго, имѣющаго подобіе головы: ни картофеля, ни яблокъ и проч. Въ Августѣ собираютъ орѣхи. Гдѣ при имѣніи много орѣховыхъ лѣсовъ и гдѣ нѣтъ самыхъ помѣщиковъ, предварительно отправляется въ лѣсъ старостиха для пробнаго сбора и, сколько она въ день наберетъ, столько, если много уродилось орѣховъ, должна принести на другой и въ послѣдующіе дни всякая баба. Въ имѣніяхъ, гдѣ живутъ сами помѣщики, иногда сами они отправляются въ лѣсъ. Разстилается гдѣ-нибудь на лужкѣ коверъ и веретья; отъ этого центра главнаго распоряженія идутъ въ лѣсъ за сборомъ всѣ бабы, дворовые люди, женщины и горничныя дѣвушки. Орѣхи собираютъ въ фартуки. По прошествіи получаса или часа, начальствующіе надъ собирающими кричатъ: выходи! Всѣ выходятъ и на веретья высыпаютъ собранные орѣхи. Наблюдающая за сборомъ женщина, сидя возлѣ, повѣряетъ, всѣ ли вышли изъ лѣса и высыпали орѣхи. И когда она въ томъ убѣдится, то, сказавъ имъ, чтобы шли снова въ кусты, принимается отъ нечего дѣлать шелушить орѣхи. Работу эту очень любитъ народъ по ея безотчетной свободѣ.

(*) Иные не разгавливаются съ Успенскаго поста до Усѣкновенія Главы включительно. *Изд.*

По лѣсу только слышенъ трескъ разгрызаемой скорлупы, и когда уже солнце сядетъ, роса падетъ, въ лѣсу сдѣлается сыро, собиравшій орѣхи народъ выходитъ въ послѣдній разъ изъ лѣсу, ссыпаетъ все набранное въ телѣгу и вслѣдъ за нею, съ пѣснями возвращается домой. Ежели орѣхи не собраны въ одинъ день, эта работа продолжается такимъ же образомъ и въ послѣдующіе дни.

Орѣхи нешелушенные складываютъ ворохами (*) въ амбарѣ, въ сараѣ, или гдѣ есть мѣсто, и лежатъ они тамъ до тѣхъ поръ, пока шелуха начнетъ согрѣваться, не допуская впрочемъ, чтобы орѣхи въ вороху сгорѣлись и чрезъ то скорлупа на нихъ почернѣла. Тогда собираютъ бабъ шелушить. Онѣ садятся на дворѣ въ кружки. Каждой дается извѣстное количество орѣховъ въ шелухѣ, которые она должна ошелушить. Это дѣлается подъ личнымъ надзоромъ довѣренной женщины. Иногда предварительно дѣлаютъ пробу, сколько изъ туго-набитаго четверика нешелушеныхъ орѣховъ выдетъ очищенныхъ, и потомъ по пробѣ раздаютъ и принимаютъ. Орѣхи продаются выгодно и всегда имѣютъ сбытъ. Чтобы сохранить ихъ свѣжими на долгое время, ихъ насыпаютъ въ каменные корчаги, засыпаютъ пескомъ и ставятъ въ подвалѣ. Въ такомъ видѣ, въ два даже въ три года, зерно не теряетъ своей свѣжести и полноты. Орѣхи также сберегаютъ калеными. Для этого зашиваютъ ихъ въ мѣшки и кладутъ въ жарко истопленную печь, часто поворачивая съ боку на бокъ, чтобъ не сжечь мѣшка. Когда орѣхи сильно разгорячатся, ихъ погружаютъ съ мѣшкомъ въ холодную воду. Это повторяютъ раза три или четыре. Изъ каленыхъ орѣховъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ выдѣлываютъ очень хорошее масло, а изъ свѣжихъ орѣховъ приготовляютъ молоко, въ родѣ миндальнаго молока, и домашнее пирожное, какъ изъ миндаля; варятъ въ меду и проч Орѣхи могутъ быть только у помѣщиковъ, потому что какъ только начнутъ образовываться грани, (**) къ лѣсамъ приставляютъ караулъ. Безъ этой мѣры, еще до совершеннаго налива зерна, орѣхи были бы всѣ оборваны, какъ это и бываетъ въ казенныхъ лѣсахъ. Урожай орѣховъ предвѣщаетъ на будущій годъ урожай ржи.

В. Селивановъ.

(*) Ворохъ значитъ куча.

(**) *Грань* или *гранка* называется совокупленіе отъ двухъ до пяти и даже до десяти орѣшковъ въ одной шелухѣ, на одномъ стебелькѣ.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ

Т. И. ФИЛИППОВУ.

Милостивый Государь,

Тертій Ивановичь!

Я обращаюсь къ вамъ, какъ къ сотруднику Русской Бесѣды, но не знаю, не ошибаюсь ли. Не отступились ли отъ васъ всѣ прочіе сотрудники, не удалили ли васъ общимъ мірскимъ приговоромъ по Русскому стародавнему обычаю? Прошу васъ не оскорбляться такимъ предположеніемъ. Важный Петербургскій журналъ такъ опредѣлительно объявилъ, что у васъ ничего нѣтъ общаго съ остальными сотрудниками Бесѣды, такъ рѣшительно предписалъ имъ удалиться отъ васъ, чтобы не подпасть отвѣтственности за нетерпимость, высказанную вами въ разборѣ комедіи г. Островскаго, что едва ли они рѣшились, едва ли даже могли ослушаться. Какъ совершился приговоръ, Аѳинскимъ ли записываніемъ на раковинахъ, или просто словомъ устнымъ, я не знаю, но вѣроятно онъ уже совершенъ и совершенъ торжественно. Вѣдь предписаніе дано было важнымъ журналомъ, а составлено и провозглашено—кѣмъ? Да: подумайте только, кѣмъ? Человѣкомъ, который объявляетъ во всеуслышаніе, что онъ вамъ даже отвѣчать не можетъ, потому что для такого спора «*или вы должны выучиться всему тому, что знаетъ онъ, или онъ долженъ забыть все, что знаетъ*». (Правда, тутъ же онъ признаетъ въ г. Самаринѣ нѣкоторыя права на равенство съ собою, но это очевидно только признакъ скромности съ его стороны, да и г. Самаринъ едва ли рѣшится принять на себя какое бы то ни было соучастіе въ познаніяхъ великаго незнакомца). И такъ вы ви-

дите, какой и коликій мужъ предписалъ сотрудникамъ Бесѣды отказаться отъ васъ. Скажите, когда вы прочли такое предписаніе, не охватилъ ли васъ ужасъ? Не пробѣжалъ ли у васъ морозъ по кожѣ? Смѣлы же вы. Мнѣ такъ и въ чужѣ стало за васъ страшно. Всѣ мои знакомые, всѣ деревенскіе сосѣди увѣрены, что громовыя слова, поразившія васъ, произнесены не Русскимъ какимъ-либо писателемъ (гдѣ у насъ найти столько учености?). Нѣтъ! ихъ произнесла какая-нибудь колоссальная знаменитость Европейская, выучившаяся по Русски — собственно для изреченія приговора надъ вами. (Не самъ ли многовѣдатель Гумбольдтъ? Это моя догадка: что вы объ ней скажете?) Очевидно сотрудникамъ Бесѣды приходится повиноваться. Нашелся было кто-то, который вздумалъ увѣрять насъ, что статья Современника написана не Европейскою знаменитостью, не многовѣдателемъ Гумбольдтомъ, а просто весьма неизвѣстнымъ Русскимъ авторомъ, который, скромной фіалкѣ подобный, расцвѣтаетъ журнальными статейками въ тѣни своего собственнаго темненькаго имени, — но этому никто не повѣрилъ: этому быть нельзя. Есть же предѣлъ всякому человѣческому самохвальству, даже самохвальству журнальнаго писателя. —Отойди, Израиль, въ палатки свои и отступись отъ грѣшника! — Вѣроятно приговоръ этотъ уже исполненъ надъ вами. Вы видите, милостивый государь, что мое предположеніе очень вѣроятно и нисколько не оскорбительно для васъ, ибо оно основано не на признаніи какой-нибудь вины за вами, а на невольномъ благоговѣніи передъ сокрушающимъ величіемъ вашего судьи въ Современникѣ. За всѣмъ тѣмъ, какъ ни вѣроятна моя догадка, такъ какъ вашъ остракизмъ не объявленъ; я еще считаю себя въ правѣ обратиться къ вамъ, какъ къ участнику въ Русской Бесѣдѣ, не скрывая впрочемъ удивленія своего къ мужеству, или упорству другихъ сотрудниковъ, которые еще медлятъ исполненіемъ приговора, произнесеннаго великимъ Анонимомъ.

Вы навлекли на себя грозу и, позвольте сказать, отчасти по дѣломъ. Пишите вы о комедіи, пишите вы статью въ журналѣ, положимъ, трехмѣсячномъ, но все таки журналѣ, и вздумали затронуть нравственный вопросъ, да еще и затронуть его не такъ, какъ нибудь слегка, а затронуть глубоко, серьозно, искренно. Я спрашиваю у васъ самихъ, водится ли это, дѣлается ли это въ другихъ журналахъ, принято ли это въ литературномъ обычаѣ? Вы знаете, что нѣтъ. Вѣдь вы должны же понимать, что такіе вопросы прямо мо-

гутъ коснуться совѣсти читателя, отчасти встревожить и можетъ-быть даже разстроить ее;—а какое имѣете вы на это право? Или вы думаете, что за тѣмъ подписываются на журналъ, чтобъ, прочитавъ его, повѣсить голову, да задуматься надъ своей душею? Вы скажете, что это бываетъ кое-гдѣ. А гдѣ на примѣръ? Во Франціи ли, у насъ ли? Нѣтъ, даже и не въ Германіи: такъ и вамъ не слѣдовало заводить новаго обычая. «On ne se prépare pas à la lecture d'un journal comme à un examen de conscience», сказала при мнѣ одна дама и очень мило сказала. Вотъ ваша первая вина.

Вторая не легче. Пришла вамъ несчастная мысль коснуться вопроса нравственнаго, вопроса живаго, крайне щекотливаго, можно сказать, задорнаго—женской эманципаціи и ея проповѣдниковъ, а въ особенности великой проповѣдницы, Жоржъ Зандъ. Не могли ли вы, даже разрѣшая вопросъ по своему, сдѣлать какія-нибудь исключенія въ пользу страстныхъ натуръ, геніальныхъ умовъ, непонятыхъ женщинъ, душъ вольнолюбивыхъ, угнетенныхъ мелкою пошлостью ежедневной жизни? Такими исключеніями всякой могъ бы воспользоваться и смотрѣлъ бы снисходительнѣе на вашу теорію: но вы не умѣли или не хотѣли подготовить себѣ такихъ простыхъ, облегчающихъ обстоятельствъ. Еще болѣе: вы употребили, и не разъ, выраженія крайне грубыя и неприличныя — грѣхъ, развратъ и даже мерзость. Вы такъ наивно виноваты, что мнѣ даже жаль васъ. Позвольте мнѣ у васъ спросить: если мы будемъ употреблять такія рѣзкія слова, къ чему же служитъ прогрессъ, къ чему цивилизація, къ чему смягченіе нравовъ, къ чему наконецъ весь девятнадцатый вѣкъ? Знаете ли, къ какому разряду людей вы приписываетесь? Пріѣхалъ какъ-то въ Петербургъ Москвичь (Славянофилъ, что ли) въ бородѣ, въ Русскомъ платьѣ: былъ гдѣ-то на большомъ вечерѣ, и вдругъ какая-то милая Петербургская дама, вся въ кружевахъ (ну, просто вся блескъ и трепетъ, какъ гдѣ-то сказалъ Гоголь), обратилась къ нему, прося отъ имени многихъ разрѣшенія бросить мужей. Что жъ вы думаете? Медвѣдь отказалъ; не позволилъ даже Петербургскимъ женамъ бросать своихъ Петербургскихъ мужей. Вы не вѣрите, не вѣрю и я. Но посмотрите: это напечатано въ Le Nord, въ Январѣ нынѣшняго года, въ письмѣ изъ Петербурга. Пусть это шутка, пусть даже насмѣшка на счетъ Московскихъ Славянофиловъ и ихъ неумытной (шутникъ скажетъ *неумытой*) строгости; все таки видно, что про нихъ идетъ такая слава. И къ этимъ-то людямъ вы приписы-

вастесь! Имъ не слѣдъ на большіе вечера, а вамъ не слѣдъ въ журналъ, даже трехмѣсячный! Начинаете ли вы понимать свое преступленіе?

Есть еще третья вина, но та ужъ полегче. Вы находите, что правило для разрѣшенія одной изъ формъ вами поставленнаго вопроса яснѣе выражается въ простой крестьянской, можно сказать,—мужицкой пѣснѣ, чѣмъ въ произведеніяхъ современной Западной словесности, и что непросвѣщенный народъ вѣрнѣе хранитъ нравственное понятіе, чѣмъ цивилизованное общество, которое мы обыкновенно принимаемъ за образецъ. Непростительно; но эта послѣдняя вина падаетъ не полною тяжестью на васъ, она раздѣляется по всѣмъ сотрудникамъ Русской Бесѣды: на примѣръ, г. Аксаковъ въ «Луповицкомъ» и г. Самаринъ въ разборѣ статьи г. Великосельцева очевидно впадаютъ въ одинаковое съ вами заблужденіе. (Кстати, я слышалъ, что одинъ журналъ готовитъ возраженіе противъ г. Самарина и защиту г. Великосельцева: весело бы поглядѣть на такое признаніе въ единомысліи). Какъ бы то ни было, вы сами видите, что журнальный громъ не могъ не упасть на вашу голову.

Критика у насъ не безъ грѣха: да и гдѣ же она безъ грѣха? Все же кто-нибудь изъ записныхъ критиковъ могъ бы замѣтить вѣрность, съ какою вы разобрали художественные недостатки натуральной школы; могъ бы оцѣнить справедливость вами постановленнаго положенія, что *натуральная школа, по своему дагеротипному характеру, непремѣнно должна быть запечатлѣна рабскою пошлостью и не можетъ никогда возвыситься до художественнаго творчества, которое одно только способно постигнуть и выразить духовную свободу жизни.* Далѣе, кто-нибудь могъ бы сказать читателю, — какъ высоко вы поставили вопросъ *о самоуважающей себя любви,* и какъ ясно вы показали, что *она полагаетъ предѣлы своимъ правамъ не вслѣдствіе какаго-нибудь внѣшняго закона, но вслѣдствіе собственнаго своего уваженія къ самой себѣ.* Мысль новая, благородная и выраженная вами съ достоинствомъ, соотвѣтствующимъ самому предмету. Все это могли бы признать журнальные критики; скажу болѣе, нѣкоторые сначала признавали это въ разговорахъ, но скоро спохватились. Вы такъ провинились передъ цивилизаціею, что вамъ потачки дѣлать не слѣдовало. «Разругай его, душа Тряпичкинъ!»

Поступлено по Хлестаковскому рецепту. Иные привѣтствовали васъ

тѣмъ почти безсловеснымъ крикомъ, которому мы видѣли образецъ; другіе, болѣе хитрые въ діалектикѣ, стали придираться къ подробностямъ. У нихъ Жоржъ Зандъ (еще недавно одна изъ великихъ представительницъ потребностей вѣка) вдругъ стала какъ-то совсѣмъ особнякомъ. Дѣла нѣтъ до того, что вы просили въ своей статьѣ, чтобы вамъ показали, «что Жоржъ Зандъ есть явленіе частное, возникшее внѣ всякой связи съ образованіемъ Запада.» Этого вамъ доказывать не стали, а просто сказали это голословно, на зло всякому здравому смыслу, и потомъ «ругай, душа Тряпичкинъ.» Неловко показалось сразу оправдывать Зандъ, такъ пусть она покуда останется явленіемъ совершенно самостоятельнымъ! Критики не видятъ какой бы ни было зависимости ея отъ исторической жизни Европы. Они не видятъ ничего общаго между ею и однимъ изъ извѣстнѣйшихъ произведеній высшаго представителя Германіи, Гете (Wahlverwandschaften); между ею и Маріоною, воспѣтою Викторомъ Гюго, и Манонею и Нинонею, которыхъ прославляла Словесность и которыхъ уважали современники; между ею и всею литературой Италіи средневѣковой (Бокачіо, Аріосто и пр.), и Французскими Фабліо, и всею литературою Труверовъ, которые опять восходятъ до пѣсенъ о Ланселотѣ и Тристанѣ, а нисходятъ до Бальзака, Сю и почти всѣхъ современныхъ романистовъ Франціи; ничего общаго между нравственными понятіями Жоржъ Занда и всѣми извѣстными именами отъ Свентобольдовъ Лотарингскихъ и Вильгельмовъ Норманскихъ, Энціевъ, Манфредовъ, Транстамаровъ, Дюнуа, Гекторовъ Бургонскихъ и прочихъ, до Герцоговъ Менскихъ и далѣе; ничего общаго между Жоржъ Зандъ и всею Европейскою исторіей, которой почти нельзя давать читать благовоспитаннымъ дѣтямъ, если желаемъ избѣгнуть вопросовъ о Розамундахъ, Агнесахъ Сорель и другихъ равно почетныхъ историческихъ лицахъ; ничего общаго между обычаями и кодексомъ Зандовскихъ героинь и сижисбеизмомъ Италіи и галантеріею Франціи и гражданскимъ разводомъ Наполеона по несогласію нравовъ (par incompatibilité d'humeur), и Наполеоновскимъ же предположеніемъ о многоженствѣ въ колоніяхъ, и церковнымъ разводомъ почти всѣхъ реформатскихъ земель, который самъ Бунзенъ называетъ: ein legalisirter Ehebruch; наконецъ, нѣтъ ничего общаго между взглядомъ Жоржъ Зандъ и почти всѣми мыслителями, ученіями и школами современнаго Запада! Критики тутъ не видятъ ничего общаго, никакой круговой поруки или солидарности въ бытѣ, Словесности, Исто-

ріи, гражданскихъ и даже церковныхъ законовъ. Сильненько же незнаніе журнальныхъ критиковъ! Право, ужъ лучше бы имъ было опровергать васъ примѣрами жены рыцаря Карадока, Женевьевы Брабантской или Гризельды; да видно они и про тѣхъ не знаютъ.

Нашлись критики еще похитрѣе: оставляя въ сторонѣ весь вопросъ художественный и нравственный и отношенія Жоржъ Зандъ къ Западу, они напали на васъ за другое: «не имѣли вы, дескать, права искать норму Русскихъ понятій объ обязанностяхъ жены въ бракѣ въ простой бытовой пѣснѣ; да и пѣсня та не представляетъ чистаго и высокаго нравственнаго настроенія, а содержитъ только утѣшительныя надежды на лучшее будущее въ жизни земной.» Дѣйствительно, пѣсня уговаривая несчастную жену къ терпѣнію, обѣщаетъ ей лучшее будущее на землѣ; но чего же и ждать отъ бытовой пѣсни? Развѣ не естественно человѣку, когда онъ старается укрѣпить шаткую волю своего ближняго въ искушеніяхъ жизненнаго подвига, прибавить къ слову «потерпи!» или «борись!» нѣсколько словъ надежды, хотя бы и сомнительной, на лучшее будущее? Дѣйствительно также отдѣльная пѣсня не документъ; есть чудная пѣсня пьяной бабы: «Верея-ль моя верешка!» и все-таки не слѣдуетъ думать, чтобы пьяныя бабы находились въ особенной чести у Русскаго народа. Конечно, вы искали въ пѣсни не документа, а указанія; но имѣли ли вы на это право? Это другой вопросъ. Быть можетъ вы думали, что васъ оправдаетъ общее сознаніе, и что нормальное значеніе самой пѣсни скажется всякому, кому сколько-нибудь знакомъ голосъ Русской души. Вы въ этомъ были неправы. Вы думали, что нѣтъ ни одной стародавней пѣсни, гдѣ жена невѣрная представлялась бы, какъ предметъ достойный сочувствія; что нѣтъ ни одной старо-Русской сказки (о переводныхъ и говорить нечего), въ которой бы Зандовская героиня требовала уваженія и любви отъ слушателя; что въ нашихъ мѣстническихъ спорахъ и родословныхъ (за исключеніемъ можетъ быть одной сомнительной) нѣтъ ни Энціевъ, ни Транстамаровъ; что наши старые законы духовные и гражданскіе могутъ въ этомъ отношеніи выдержать самый строгій разборъ; что, наконецъ, во всей нашей старой Исторіи и во всѣхъ лѣтописяхъ (быть можетъ охраняемыхъ отъ пятенъ народною стыдливостью) не найдешь ни Сорелей, ни Розамундъ, и что по этому вы имѣли право смотрѣть на пѣсню, которую привели, какъ на довольно вѣрное выраженіе нравственнаго Русскаго взгляда. Это все прав-

да, все ясно до очевидности; но вы все таки не правы: вы забыли о душѣ Тряпичкинѣ и его всегдашнемъ, вольномъ или невольномъ незнаніи. Когда человѣкъ говоритъ *не знаю*, можно ему вѣрить; когда скажетъ *знать не знаю*, сомнѣніе весьма позволительно. И въ Словесности нашей есть, при огромномъ незнаніи, очень порядочная доля знать-не-знайства. (Существительное это соотвѣтствуетъ глаголу *игнорировать*.) «Какъ этому дѣлу пособить?» спрашивалъ я недавно одного деревенскаго сосѣда. «Дайте незнанію книги въ руки, а знать-не-знайство привяжите къ позорному столбу общественнаго мнѣнія, единственному позорному столбу, который бы не былъ позоренъ для общества,» былъ его отвѣтъ. Совѣтъ, кажется, хорошъ. Выразивъ свое мнѣніе на счетъ нападеній, которымъ вы подверглись, прошу у васъ позволенія сдѣлать съ своей стороны критическое замѣчаніе на вашу статью и развить нѣсколько мыслей, связанныхъ съ этимъ замѣчаніемъ; замѣчаніе же само касается главной нравственной идеи, вами выраженной: *о самоуваженіи любви* и истекающихъ изъ него обязанностяхъ.

Я отдаю полную справедливость правилу, вами постановленному: *истинная любовь отказывается отъ своихъ собственныхъ правъ на счастіе всякій разъ, когда это счастіе должно бы было быть куплено постыднымъ торгомъ съ совѣстью. Тогда самоотреченіе любви есть естественное послѣдствіе ея уваженія къ своей собственной святынѣ.* Я не привожу самыхъ вашихъ словъ, но, кажется, вѣрно передаю ихъ смыслъ. Конечно, не найдется ни одной благородной души, которая бы вамъ въ этомъ не сочувствовала, но, мнѣ кажется, вы не довели своей мысли до полнаго ея логическаго развитія. Причину самоотреченія находите вы не во внѣшнемъ законѣ, но въ самоуваженіи любви къ себѣ: это прекрасно! Но въ то же время ея самоуваженіе выражается въ уступкѣ закону, который какъ будто отъ нея не зависитъ,—ей внѣшенъ. По крайней мѣрѣ такъ кажется изъ вашихъ словъ, и въ этомъ я нахожу вашу мысль не вполнѣ развитою. Самые законы, которымъ любовь по видимому уступаетъ, суть, по моему мнѣнію, обязанности, истекающія изъ ея собственной основы, и нарушеніе ихъ было бы искаженіемъ ея собственнаго значенія. Такъ желалъ бы я пополнить вашу мысль.

Любовь, какъ требованіе притязательное и себялюбивое, любовь, ставящая цѣль въ лицѣ любящемъ, есть еще неотрѣшившійся эгоизмъ. Она можетъ, какъ и всякая другая страсть, доходить до

изступленія, разгараться до безумія, опьянять до бѣшенства. Но въ этой степени она не имѣетъ еще ни благородства, ни нравственнаго достоинства. Какое бы ни было ея напряженіе, она не заслуживаетъ еще имени любви. Англійскій языкъ (сколько мнѣ извѣстно) одинъ изъ новыхъ Европейскихъ языковъ выразилъ эту первую степень любви словомъ: *to like*. Оно выражаетъ любовь человѣка къ предметамъ низшимъ, неодушевленнымъ или неразумнымъ, или къ другому человѣку, признаваемому еще, какъ средство наслажденія, а не какъ цѣль. Истинная любовь имѣетъ иное, высшее значеніе. Предметъ любимый уже не есть средство: онъ дѣлается цѣлію, и любящій уравниваетъ его съ собою, если не ставитъ выше себя;—иначе сказать, признавая его уже не средствомъ, а цѣлію, онъ переноситъ на него свои собственныя права, часть своей собственной жизни, ради его, а не ради самаго себя. Таково опредѣленіе истинной, человѣческой любви: она по необходимости заключаетъ уже въ себѣ понятіе духовнаго самопожертвованія. Безъ сомнѣнія, всякая дѣятельность исходитъ отъ человѣка, отъ его внутреннихъ требованій и слѣдовательно имѣетъ въ себѣ характеръ эгоистическій; но въ любви она переходитъ на высшую степень, на степень *самоотрицающагося эгоизма*. Отъ того-то, и только отъ того, любовь есть нравственнѣйшее чувство, къ какому только способно духовное существо, высшее, къ чему только можетъ стремиться человѣкъ. Если есть какая нибудь обязанность въ стремленіи къ совершенству, если есть какое нибудь благородство въ человѣчествѣ, если есть, наконецъ, какая нибудь истина въ понятіяхъ о нравственности и добрѣ, очевидно, что любовь есть тотъ высшій законъ, которымъ должны опредѣляться отношенія человѣка къ человѣку вообще, или лица разумнаго ко всему роду своему; но этотъ законъ, всѣмъ предлежащій, многихъ къ себѣ привлекающій, исполнимъ для весьма малаго числа избранныхъ душъ. Таково внутреннее тяготѣніе эгоизма и сравнительная слабость добрыхъ началъ. Человѣкъ, стремящійся къ исполненію высокаго закона, котораго красоту онъ сознаетъ, и не находящій въ себѣ достаточной силы, ищетъ для осуществленія его (хотя въ тѣсныхъ предѣлахъ) пособія внѣшняго. Это внѣшнее пособіе находитъ онъ въ земномъ счастіи, доставляемомъ ему союзомъ съ лицемъ другаго пола, вслѣдствіе того первоначальнаго закона, который раздѣлилъ родъ человѣческій на двѣ половины, взаимно пополняющія другъ друга, какъ въ вещественномъ, такъ

и въ духовномъ отношеніи. Счастіе само не есть цѣль союза, но пособіе грубому человѣческому эгоизму для полнѣйшаго осуществленія высшаго закона любви, принимающей чужую человѣческую личность не средствомъ наслажденія, а цѣлію полнѣйшей нравственной жизни. Изъ союза, представляющаго въ четѣ типъ самаго рода человѣческаго, возникаетъ для нея цѣлый новый міръ, такъ сказать, новый родъ человѣческій въ семьѣ, и кровная, естественная связь придаетъ слабости человѣческой столько силъ, что она доходитъ (хотя, повторяю, въ тѣсныхъ предѣлахъ) до самоотрицанія эгоизма, то есть, до искренней, истинной и дѣятельной любви. Изъ этого самаго понятно, что тѣ немногіе, которые могутъ жить для закона дѣятельной всечеловѣческой любви безъ всякаго внѣшняго пособія, были бы не правы, вступая въ союзъ, безполезный для высшей цѣли ихъ жизни: ибо личность, съ которою бы они сочетались, не была бы для нихъ цѣлію, но поставлена бы была на унизительную (и возвратно унижающую) степень средства къ наслажденію или, такъ называемому, счастію. То, что возвышаетъ среднихъ, было бы паденіемъ для высшихъ. Самая семья была бы стѣсненіемъ ихъ всечеловѣческой любви.

Но та же самая семья есть тотъ кругъ, въ которомъ для людей обыкновенныхъ, то есть, почти для всего человѣчества, осуществляется, воспитывается и развивается истинная, человѣческая любовь; тотъ кругъ, въ которомъ она переходитъ изъ отвлеченнаго понятія и безсильнаго стремленія въ живое и дѣйствительное проявленіе. Очевидно, что всякое нарушеніе этой семейной святыни есть нарушеніе самаго закона любви. Въ дѣтяхъ оживаетъ и, такъ сказать, упокоивается взаимная любовь родителей; и конечно не преувеличено бы было сказать, что они въ своихъ дѣтяхъ любятъ каждый не самаго себя, а другъ друга. Въ то же время, взаимная любовь родителей и дѣтей представляетъ типъ той высокой человѣческой любви, которая въ родѣ человѣческомъ соединяетъ поколѣніе съ поколѣніемъ; а разрывъ между родителями, уничтожая связь ихъ съ дѣтьми, представляетъ безобразное и безнравственное явленіе разрыва между человѣческими поколѣніями; а не должно забывать, что внутренняя нравственность каждаго поколѣнія заключается по преимуществу въ той любви и въ тѣхъ надеждахъ, которыя оно обращаетъ на поколѣніе грядущее. Скажите, если бы человѣкъ смотрѣлъ только на окружающее его современное, если бы онъ не надѣялся съ теплымъ чув-

ствомъ любви, что всякая человѣческая истина полнѣе осіяетъ поколѣнія грядущія, кто бы не впалъ въ уныніе и не просилъ бы Бога сократить неблагодарный подвигъ жизни земной? И такъ нарушеніе святыни семейной есть нарушеніе всѣхъ законовъ любви человѣческой.

Вотъ, Милостивый Государь, какъ я желалъ бы пополнить вашу мысль. Мнѣ кажется, что изъ предыдущаго ясно выводится мое первоначальное положеніе: *что законы, которымъ любовь личная по видимому уступаетъ, суть не что иное, какъ обязанности, истекающія изъ ея собственной основы, и что нарушеніе ихъ было бы искаженіемъ ея собственнаго значенія.* Съ намѣреніемъ избѣгалъ я всякаго выраженія, которое напомнило бы законъ Божественнаго Откровенія. Мнѣ хотѣлось въ семъ случаѣ показать его полное тождество съ выводами здраваго чувства и разума, исходящими изъ нравственнаго опредѣленія любви; ибо, по моему мнѣнію, недосягаемая высота Христіанскаго ученія проявляется по преимуществу въ томъ, что оно никогда не ставитъ ни одного правила произвольнаго и, такъ сказать, внѣшняго для человѣческаго духа.

И такъ, какія бы ни были вѣра или безвѣріе проповѣдниковъ ученія, связаннаго съ именемъ Жоржъ Зандъ, оно остается одинаково безразсуднымъ и одинаково отвратительнымъ, развѣ бъ оно отрицало съ разу всякое нравственное понятіе. (Въ этомъ случаѣ оно по крайней мѣрѣ не заслуживало бы упрека въ антилогизмѣ). Но произнося такой безусловный судъ, я не могу не разсмотрѣть обстоятельствъ, облегчающихъ нравственную вину цѣлой школы. Въ чемъ же состоятъ онѣ? Не въ согласіи ли съ общественнымъ мнѣніемъ? Крайняя нравственная шаткость общественнаго мнѣнія по этому вопросу на Западѣ уже указана мною; но эта шаткость не есть оправданіе для людей, которые выдаютъ себя за мыслителей, ибо они около себя же, въ своемъ же обществѣ находятъ струю мысли болѣе здравую и разумную. Шаткость мнѣнія объясняетъ только возможность школы, а не оправдываетъ ея ученій, не снимаетъ ни малѣйшей части вины съ ея представителей. Или въ огромномъ распространеніи женской безнравственности по всему западному обществу? И такъ проповѣдь порока будетъ тѣмъ невиннѣе, чѣмъ болѣе порокъ распространенъ. Проповѣдывать кривосудіе, гдѣ оно обычно, взятки въ томъ обществѣ, въ которомъ онѣ преуспѣваютъ, будетъ извинительно. Или въ

самой тягости нравственнаго закона? Но тогда надобно нѣсколько распространить предѣлы слишкомъ тѣсной проповѣди. Ее надобно обратить противъ всякаго самопожертвованія, совершаемаго ради какого бы то ни было нравственнаго закона. Къ низости въ жизни надобно прибавить проповѣдь низости. Признаюсь, обо всемъ этомъ безъ нѣкотораго омерзенія трудно говорить.

Всякое ложное ученіе находитъ наказаніе въ своихъ собственныхъ выводахъ, и, разумѣется, такъ называемая эманципація женщинъ не можетъ избѣгнуть общаго закона. Я уже сказалъ, что всякій разрывъ духовнаго союза, соединяющаго человѣческія четы, имѣетъ прямымъ послѣдствіемъ уничтоженіе духовной связи между поколѣніями и разрушеніе всѣхъ нравственныхъ основъ, на которыхъ зиждется самое усовершенствованіе рода человѣческаго: но прямыя послѣдствія такого разрыва между поколѣніями отразятся не одинаково на судьбѣ женщины и мущины. Совершись онъ, и родъ человѣческій распадается на двѣ половины, на женщину вообще и мущину вообще. Мущина отчасти освобождается отъ дѣтей, женщина лишается дѣтей; и въ наступившей борьбѣ рабство духовное и вещественное дѣлается единственно возможнымъ удѣломъ слабѣйшей половины человѣческаго рода, ибо дѣти суть единственная ограда, ограда священная и несокрушимая, которая спасаетъ слабость женщины отъ буйной энергіи мужскаго превосходства. Личная эманципація каждой женщины (въ Зандовскомъ смыслѣ) была бы приговоромъ рабства для всѣхъ женщинъ. Таковы бытовыя послѣдствія теоріи, столь же нелѣпой, сколько безнравственной, и я счелъ бы не безполезнымъ обличеніе ея безумія, хотя, какъ вы видѣли, основываю ея осужденіе на другихъ, высшихъ началахъ.

Но неужели она не имѣетъ никакаго оправданія? т. е., неужели она не опирается ни на какое здравое и доброе чувство въ душѣ человѣческой? Ея успѣхъ, даже временный, былъ бы невѣроятенъ, если бы не было какой нибудь правды въ ея основѣ, или, лучше сказать, если бы не было какого нибудь нравственнаго повода къ ея существованію. И дѣйствительно, онъ есть въ самомъ бытѣ современнаго общества. На это законное оправданіе ложной теоріи слишкомъ мало обращаютъ вниманія, и позвольте мнѣ сказать, что вы сами, намекнувъ на него, намекнули слишкомъ легко.

Все ученіе объ эманципаціи женщинъ лежитъ на двухъ началахъ, на чувствѣ справедливости, котораго законности и святости отрицать

нельзя, и на той нравственной слабости, которая, не рѣшаясь на строгій приговоръ противъ порока, готова распространить его предѣлы, чтобъ уничтожить по крайней мѣрѣ несправедливость привиллегіи, даруемой обществомъ на пользованіе этимъ порокомъ. Ученіе о законности разврата для женщины оправдывается общимъ развратомъ мущинъ, и давнишній жизненный обычай связанъ логически съ новою теоріею. Вглядитесь, прошу васъ, безпристрастно въ тотъ вопросъ, который скрывается за слабыми умствованіями или соблазнительными вымыслами цѣлой школы. Какія права мущины на развратъ? На чемъ основана его постыдная привиллегія? На большей слабости воли? Этого никто сказать не смѣетъ и не рѣшится! На большихъ искушеніяхъ? Это чистая ложь, ибо развратъ женщины происходитъ всегда отъ разврата мущины, и сверхъ того гораздо извинительнѣе уже и потому, что мущина свободнѣе управляетъ своею судьбою, чѣмъ женщина. На томъ, что мущина носитъ на себѣ многія другія обязанности, которыя не лежатъ на женщинѣ и которыя выше обязанностей семейныхъ? И это низость и нелѣпость! Предположимъ даже, что есть обязанности выше семейной святыни. Неужели права на развратъ (и слѣдовательно на порокъ вообще) возрастаютъ съ расширеніемъ круга общественныхъ и гражданскихъ обязанностей? Неужели праведный судія имѣетъ право на мелкое мошенничество, и правая рука можетъ безъ упрека передергивать карты, потому что лѣвая ея товарка повреждена въ сраженіи? Такія права были бы затѣйливою наградою за мужество гражданское и военное. На томъ, что женскій развратъ вноситъ болѣе разстройства въ бытъ семейный? Самое это предположеніе не вѣрно, и если справедливо, то справедливо только въ отношеніи семьи къ законамъ гражданскимъ. Но кто же подчинитъ свое счастіе постановленіямъ условнымъ или вздумаетъ временными учрежденіями ограничивать нравственныя права, которыя или вовсе не существуютъ, или существуютъ вѣчно?

Поставьте себя на мѣсто защитниковъ женской эманципаціи. Передъ ними общій развратъ мущины и почти общее осужденіе женскаго разврата. Эти два явленія логически отрицаютъ другъ друга; и по этому слѣдуетъ узнать, которое же изъ нихъ болѣе согласно съ дѣйствительными, хотя и не высказанными, убѣжденіями общества. Развратъ мущины предполагаетъ развратъ женщины. Какое же понятіе имѣетъ мущина объ отношеніяхъ женщины къ нему въ этомъ

союзѣ? Считаетъ ли онъ ихъ невинными? Тогда, осуждая женщину, онъ лицемѣръ изъ личныхъ выгодъ. Считаетъ онъ ихъ порочными? Тогда кто же онъ самъ? Перенеситесь въ другую, болѣе привычную сферу нравственнаго суда надъ поступками людей и произнесите приговоръ. Человѣкъ, который пользуется порокомъ другаго человѣка, усугубляя его нравственное униженіе для своихъ личныхъ выгодъ, есть и считается подлецомъ. Такой выводъ неизбѣженъ и неотразимъ. Что же должно думать объ общественномъ мнѣніи въ этомъ вопросѣ? Легче предполагать мягкое и своекорыстное лицемѣріе, пользующееся временными убѣжденіями и выдающее ихъ за неизмѣнныя правила нравственности для своихъ собственныхъ выгодъ, чѣмъ ту бездушную подлость, которая въ одно время признаетъ вѣчные нравственные законы и сознательно ругается надъ ними. Слѣдовательно очень понятно, почему могло или должно было возникнуть мнѣніе, что общество современное въ глубинѣ своихъ убѣжденій ни сколько не осуждаетъ безграничнаго права женщины на свободу жизни. Дѣйствительно, тѣ, которые осуждаютъ развратъ женщинъ, не произнося такого же строгаго приговора противъ разврата мущинъ, замолвливаютъ слово въ пользу низости и подлости душевной.

И такъ школа Занда права противъ общей неправды. Нинона могла съ полною справедливостью называть себя честнымъ человѣкомъ (je suis un honnête homme, говорила она); и я не знаю, почему Лукреція Флоріани не была бы очень милымъ мущиною и даже очень почтеннымъ джентльменомъ. Разумѣется, это не перемѣняетъ нисколько ихъ отношенія къ высшему понятію о нравственности, но отнимаетъ у общества право суда надъ ними, по тому же закону, по которому продавецъ краденыхъ вещей не можетъ произносить нравственнаго приговора надъ воришками, снабжающими его лавку предмѣтами выгодной торговли.

Явленіе женскихъ эманципаціонистовъ было неизбѣжно. Когда общество живетъ въ явной лжи, на словѣ признавая какой нибудь законъ, а на дѣлѣ безсовѣстно и сознательно нарушая его, и когда обличители, во имя высшей правды, потворствуютъ неправдѣ низкимъ молчаніемъ, тогда, въ слѣдствіе неизбѣжной исторической логики, возникаютъ обличители другаго рода, обличители во имя самаго порока, принимающіе явленіе бытовое за признанный законъ и притягивающіе къ нему для его оправданія другой нравственный законъ, еще признаваемый обществомъ (какъ на пр. въ теперешнемъ слу-

чаѣ: чувство справедливости). Легко бы можно показать такую историческую логику въ дѣятельности Вольтера, Руссо и Энциклопедистовъ, въ ихъ успѣхахъ; и точно то же видимъ мы въ сравнительно слабѣйшихъ дѣятеляхъ, какова Жоржъ Зандъ. Новая ложь ученія права передъ старою ложью; но тутъ является опять новый законъ, обличающій самихъ обличителей. Къ ихъ дѣлу не всякая человѣческая природа пригодна. Души чистыя и благородныя, сознавая общественную ложь, не смѣютъ доводить ее до ея крайнихъ (хотя по видимому и законныхъ) послѣдствій. Могущественная логика ихъ ума робко останавливается передъ непобѣдимымъ чувствомъ внутренней красоты, передъ скрытою любовью къ своей собственной чистотѣ душевной: онѣ остаются благородно-непослѣдовательными. Нуженъ нѣкоторый запасъ душевной грязи, чтобы человѣкъ довелъ до крайнихъ послѣдствій систему, принимающую какую-нибудь общественную ложь или общій порокъ за признанный законъ. Въ этомъ случаѣ новый обличитель находитъ въ своемъ внутреннемъ сочувствіи къ нравственному злу ту силу и смѣлость, которыхъ не доставало душамъ болѣе возвышеннымъ и чистымъ. Таковъ характеръ геніальныхъ дѣятелей XVIII вѣка, Вольтера и Руссо; таковы же свойства и Жоржъ Зандъ. Отдавая полную справедливость ея великимъ художественнымъ способностямъ, восходящимъ иногда до безукоризненнаго творчества (на пр. въ Чертовой Лужѣ), эстетическое чувство всегда сознавало какую-то примѣсь грязной струи почти во всѣхъ ея произведеніяхъ. Эта струя грязи разлилась полнымъ разливомъ въ Запискахъ Жоржъ Зандъ, всплывая надъ всѣми прикрасами лицемѣрной чувствительности и восторженности. Безъ всякой необходимости, безъ всякаго внѣшняго принужденія, безъ спора, безъ тяжбы, безъ житейскихъ нуждъ, которыя такъ часто извиняютъ даже и непохвальное, эта женщина объясняетъ паденіе, въ которомъ не кается и котораго даже не сознаетъ,—чѣмъ-же? Мерзостью роднаго брата, котораго выставляетъ на показъ ради потѣхи читателя и таскаетъ на позоръ ради собственнаго возвеличенія. Таково явленіе, таково самообличеніе дрянной порочности, передъ которымъ одинъ изъ нашихъ журналовъ, разгорячившись въ нѣжномъ восторгѣ, восклицаетъ: «пусть кто-нибудь броситъ свой злой и грѣшный камень въ эту женщину.» Право, не мѣшало бы знать, что нѣкоторое, хотя бы и слабое, развитіе нравственнаго чувства нужно даже и для оцѣнки художественныхъ произведеній.

Но какая бы ни была ложь и безнравственность теоріи, какой бы ни былъ душевный развратъ ея представителей, какъ скоро она обличаетъ какую нибудь общественную порчу или бытовой развратъ противупоставленіемъ (хотя и несправедливымъ) какого-нибудь нравственнаго закона, она не можетъ не принесть добрыхъ плодовъ для человѣческаго развитія. Таковъ историческій законъ. Самое зло личное дѣлается орудіемъ добра въ безконечной мудрости Божьяго Промысла. Вопросы, на которые человѣкъ смотрѣлъ съ непростительнымъ легкомысліемъ, получаютъ приличную имъ важность и значеніе, когда отъ разрѣшенія ихъ, правильнаго или неправильнаго, зависитъ самая судьба общества. Такъ и теперь, смѣлый протестъ цѣлой школы, болѣе или менѣе явно поднявшей знамя женской эманципаціи, не пройдетъ безъ слѣдовъ. Онъ не правъ передъ нравственнымъ закономъ; онъ совершенно правъ передъ жизненнымъ обычаемъ. За него справедливость, чувство вполнѣ законное и Христіанское. Для общества предстоитъ впереди выборъ неизбѣжный: или расширеніе предѣловъ дозволеннаго разврата на женщину, или подчиненіе мущины строгости нравственнаго закона; а необходимость выбора возвыситъ общій строй жизни въ избѣжаніе совершеннаго паденія. Я знаю, что дряблая слабость современнаго общества не вдругъ повѣритъ возможности лучшаго и болѣе здраваго обычая въ будущемъ; но такое невѣріе въ возможность добра ничего не доказываетъ: оно есть не что иное, какъ послѣдствіе и казнь преобладающаго зла. Я увѣренъ, что заговорятъ о неисполнимости закона, о невозможности борьбы: пустяки и ложь разтлѣнной жизни! Стоитъ только признать борьбу со страстями невозможною, и она дѣлается невозможною, законъ неисполнимымъ, и онъ неисполнимъ. Выборъ неизбѣженъ, ибо онъ требуется во имя справедливости. Если кто скажетъ, что женщина откажется отъ предлагаемаго права на униженіе, чтобы сохранить уваженіе къ самой себѣ, я думаю, что сколько нибудь честный мущина откажется отъ исключительной привилегіи на подлость, чтобы не быть презрительнымъ въ своихъ собственныхъ глазахъ. Опять повторяю: таковъ историческій законъ. Ложнымъ своимъ началомъ не можетъ торжествовать никакая ложная теорія: она всегда бываетъ обязана своимъ временнымъ успѣхомъ присутствію въ ней нѣкоторой правды, противупоставляемой общественной неправдѣ. Такова причина успѣха энциклопедистовъ въ XVIII вѣкѣ. Вольтеръ бралъ противъ лже-христіанства современной ему жизни оружіе изъ Христі-

анской истины. Въ дѣлѣ Каласа, въ дѣлѣ двухъ молодыхъ людей, сужденныхъ за богохульство, и во многихъ другихъ случаяхъ, онъ былъ болѣе Христіаниномъ, чѣмъ его противники. Руссо и подавно. Прошли года; объ нихъ, какъ объ учителяхъ, никто уже не говоритъ, кромѣ какой-нибудь Французской муміи, которую смерть забыла потому, что никогда не видала въ ней дѣйствительныхъ признаковъ жизни; но многія истинно-Христіанскія начала осуществились въ обществѣ потому только, что онѣ уяснились въ упорной борьбѣ; и учители зла сдѣлались безсознательнымъ орудіемъ добра. Не думаете ли вы, что какой-нибудь нравственный законъ, подобный тому, о которомъ я сейчасъ говорилъ, выразился въ Индѣйской миѳологіи, по которой злые духи, иногда торжествуя, всегда обязаны своимъ торжествомъ какому-нибудь оружію, добытому изъ хранилища боговъ?

Были въ жизни Христіанскаго міра догматическія ереси; и онѣ имѣли временный, часто огромный, успѣхъ; послѣдствіемъ же ихъ было яснѣйшее сознаніе самихъ догматовъ Вѣры. Безъ сомнѣнія, будущіе вѣка покажутъ, что таково же назначеніе и теперь преобладающихъ Латинства и Протестантства. Точно также, кажется мнѣ, есть и временныя ереси Христіанскаго чувства: ими особенно богато наше время. И онѣ пройдутъ не безъ пользы для человѣчества; ибо, заставляя человѣка глубже вникать въ нравственные вопросы, онѣ уясняютъ самое чувство Христіанства и готовятъ ему болѣе полное торжество во всѣхъ областяхъ жизни частной, общественной и гражданской.

Вотъ, Милостивый Государь, тѣ мысли, которыя мнѣ пришли въ голову по поводу вашей статьи. Если вы сочтете ихъ достойными помѣщенія въ Бесѣдѣ, помѣстите ихъ. Не думаю, чтобы рѣзкость и строгость въ моихъ сужденіяхъ испугали ее.... Мнѣ кажется, она не очень склонна къ пощадѣ и сама не проситъ снисхожденія.

Примите, М. Г. и пр.

Тула.

БРАТЧИНЫ.

О братчинѣ упоминаетъ старинная лѣтопись, о ней поетъ старая пѣсня, о ней безпрестанно говорятъ старые уставы, старыя грамоты. Слово это можно услыхать и теперь въ разныхъ углахъ Россіи. Что же оно значитъ? Оно значитъ, во первыхъ, пиво, сваренное въ складчину на какой нибудь праздникъ и которое вмѣстѣ распиваютъ; означаетъ также складчину солодомъ и овсяною мукою для сваренія пива или браги, и яицами, для общей яичницы передъ Троицынымъ днемъ; наконецъ, означаетъ и просторную избу, гдѣ всѣ, участвующіе въ складчинѣ, пируютъ въ Троицынъ день. (*) О древности и важномъ значеніи братчины въ жизни нашего народа свидѣтельствуетъ языкъ: въ извѣстной каждому поговоркѣ братчина является представительницею всякаго общаго дѣла, союза; о человѣкѣ, не способномъ по своей сварливости, неуживчивости, къ общему дѣлу, говорятъ: «*съ нимъ пива не сваришь.*» По этому легко было предположить, что братчины ведутъ свое происхожденіе изъ временъ языческихъ, что ихъ можно разумѣть подъ языческими *законными обѣдами*. Но это только вѣроятность; прямыя же извѣстія о братчинахъ идутъ къ намъ изъ временъ уже Христіанскихъ. Подъ 1159 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ, что Полочане звали своего князя Ростислава на братчину ко Святой Богородицѣ Старой на Петровъ день. (**) Здѣсь видимъ уже, что братчина отправляется на Христіанскій праздникъ, что она собирается у церкви, слѣдовательно есть какъ бы праздникъ извѣстнаго прихода; наконецъ видимъ, что, кромѣ участвующихъ, приглашаются еще почетные гости, князь.

(*) Опытъ Областнаго Словаря, стр. 15.
(**) Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 83.

Первоначально, да и послѣ въ сельскихъ небогатыхъ братчинахъ, каждый участникъ приносилъ свою долю натурою, приносилъ солодъ, овсяную муку: все это ссыпалось вмѣстѣ; отсюда выраженіе: *ссыпная крестьянская братчина*; участники называются *сыпцами*; (*) самая доля называется *сыпью*. Послѣднее названіе удерживается и тогда, когда изъ самаго извѣстія ясно видно, что участники вносили деньги:

Послышалъ Василька Буслаевичь
У мужиковъ Новгородскіихъ
Канунъ варенъ пива ячныя.
Пошелъ Василей со дружиною,
Пришелъ во братчину во Никольщину.
« Не малу мы тебѣ *сыпь* платимъ,
За всякаго брата по пяти рублевъ.»
А и за себя Василей дастъ пятьдесятъ рублевъ;
А и тотъ-то староста церковной
Принималъ ихъ въ братчину въ Никольщину. (**)

Здѣсь видимъ, что въ братчину могъ входить всякій, кто предлагалъ внести свою долю; видимъ также, что доля каждаго не была опредѣлена, по крайней мѣрѣ вольно было платить больше другихъ.

Братчинное пиво называется *канунομъ*; то же слово употребляется и въ другихъ памятникахъ для означенія того же предмета, на пр: «которымъ людямъ случится къ праздникъ *канунъ* сварить.» (***) Это слово звучитъ по Гречески и кажется переводомъ Русскаго «*законнаго обѣда.*» Главнымъ лицемъ въ братчинѣ, которое принимаетъ участниковъ, былъ *староста*; въ приведенной пѣснѣ это староста церковный — опять ясное указаніе на братчину, какъ на церковный, приходскій праздникъ, пиръ.

« *Къ пиву ѣдется, къ слову молвится,* » говоритъ старая Русская пословица и свидѣтельствуетъ, какъ было много охотниковъ ѣздить на братчины, къ общему пиву. Нѣкоторыя почетныя лица, какъ мы видѣли, были приглашаемы на братчины. Должностныя лица, волостели, тіуны получали съ братчинъ извѣстные поборы; такъ въ одной уставной грамотѣ говорится: « у кого будетъ на погостѣ

(*) Времени. Моск. Истор. Общ. VII, 67. Акты Арх. Эксп. I. № 11.
(**) Древн. Росс. Стихотвор. стр. 76.
(***) Акты Арх. Экспед. I. № 234.

или въ волости пиръ или братчина, и онъ несетъ тіуну насадку питья, ведро, какое питье у него случится, да хлѣбъ, да курицу; а не люба будетъ насадка питья, хлѣбъ и курица, то они дадутъ за питье деньгу, за хлѣбъ деньгу и за курицу деньгу. (*) Въ одной монастырской уставной грамотѣ опредѣлено, что прикащикъ беретъ съ братчины по двѣ деньги; (**) въ другой говорится, что если игуменъ пріѣдетъ на братчину, то ссыпцы обязаны давать его лошадямъ по зобнѣ овса. (***) Но кромѣ званыхъ гостей или такихъ, которые по должности своей имѣли право пріѣзжать на братчины, (****) туда являлось много незваныхъ гостей и такихъ, съ которыми было трудно пиво сварить: въ 1453 году Великій князь Василій Васильевичь писалъ во Владиміръ боярамъ и дѣтямъ боярскимъ, посельскимъ и прикащикамъ: «говорилъ мнѣ отецъ мой, Іона Митрополитъ, что ваши люди ѣздятъ въ митрополичьи села по праздникамъ, по пирамъ и братчинамъ незваные, и чинятъ въ нихъ душеубійства, воровства и другихъ лихихъ дѣлъ много.» (*****) По этому разныя волости и села выхлопатывали себѣ жалованныя грамоты, по которымъ запрещалось ѣздить къ нимъ на братчины незванымъ, и «кто пріѣдитъ къ нимъ на пиръ и на братчины незванъ, и они того вышлютъ вонъ безпенно; а кто у нихъ станетъ пить силою, и случится у нихъ тутъ какая нибудь гибель, то ему платить вдвое безъ суда и безъ исправы.» (******) Но понятно, что за пивомъ и между самими участниками въ братчинѣ и гостями звалыми всего легче можно было начаться ссорамъ и даже дракамъ; легко было поссориться и подраться, легко было и помириться при посредничествѣ других участниковъ; нельзя было на ссоры и драки, происшедшія за пивомъ, смотрѣть, какъ на безпорядки, произведенные людьми, въ полномъ сознаніи находящимися; нельзя было взыскивать обычныхъ штрафныхъ денегъ съ человѣка, который поссорился за пивомъ и, протрезвившись, спѣшитъ помириться; и потому въ нѣкоторыхъ уставныхъ грамотахъ читаемъ: «Въ пиру или братчинѣ поссорятся или побьются, и не вышедши изъ пиру помирятся, то не платятъ ничего; если даже и

(*) Русск. Достопамятн. I, 130.
(**) Акты Арх. Экспед. I. № 348.
(***) То же № 11.
(****) То же № 181.
(*****) Акты Арх. Экспед. № 50.
(******) Тамъ же № 139 и мн. др.

вышедши изъ пиру помирятся за приставомъ, то не платятъ ничего, кромѣ хоженаго.» (*) Въ нѣкоторыхъ же областяхъ братчины постарались освободиться совершенно отъ вмѣшательства правительственныхъ лицъ и пріобрѣсть право суда надъ своими членами, произведшими безпорядокъ во время пира. Легко догадаться, что эту большую степень самостоятельности братчины могли пріобрѣсть преимущественно въ Новгородѣ и его владѣніяхъ, во Псковѣ, по извѣстнымъ формамъ тамошняго быта; такъ въ Псковской судной грамотѣ говорится: «Братчина судитъ, какъ судьи.» (**) То же самое право имѣютъ братчины или братства и въ Западной, Литовской Руси, гдѣ бытъ городовъ представляетъ сходныя черты съ бытомъ Новгорода и Пскова и гдѣ видимъ сильнѣйшее развитіе цѣховаго устройства. Къ этимъ-то братчинамъ или братствамъ Западной Россіи мы и должны преимущественно обратиться, во первыхъ потому, что объ ихъ устройствѣ дошли до насъ подробнѣйшія извѣстія, а во вторыхъ потому, что эти братства получили особенное важное значеніе во время борьбы Православія съ Католицизмомъ.

Въ 1579 году трое мѣщанъ Милославскихъ, отъ лица всѣхъ своихъ собратій, жаловались королю Стефану Баторію, что у нихъ издавна бываютъ складчины три раза въ годъ: на Троицынъ день и на Николины-осенній и вешній; на каждый изъ этихъ праздниковъ разсылаютъ они по 10 пудовъ меду и продаютъ его; воскъ отдаютъ въ церковь на свѣчи; деньги, что выручаютъ за медъ, отдаютъ также на церковное строеніе. Но старосты Милославскіе не позволяютъ имъ продавать этихъ складочныхъ медовъ долѣе трехъ дней, и, что у нихъ останется меду, непроданнаго въ этотъ срокъ, забираютъ на замокъ: отъ этого они терпятъ убытокъ, а церкви Божіи пустѣютъ и приходятъ въ упадокъ. Король, вслѣдствіе этой жалобы, предписалъ старостамъ, чтобъ они не забирали медовыхъ складовъ, а позволяли мѣщанамъ распродавать ихъ все и по прошествіи трехъ дней. Въ 1582 году Виленскіе мѣщане братства купеческаго въ челобитной королю объявили, что у нихъ въ Вильнѣ есть особый братскій домъ, на собственный ихъ счетъ построенный; въ этотъ братскій домъ собираются купцы Виленскіе, Греческаго закона, для совѣщанія о потребностяхъ церковныхъ и госпитальныхъ, и, по древнему обычаю, поку-

(*) Акты Арх. Экспед. I. № 150.
(**) Акты Археогр. Экспед. I. № 103.

паютъ медъ восемь разъ въ годъ: на Великъ день, на седьмую Субботу, на Петровъ день, на Успеніе Богородицы, на Покровъ, на Николинъ день, на Рождество Христово и на Благовѣщеніе; сытятъ этотъ медъ и пьютъ его, сходясь по три дня въ братскій домъ; воскъ отдаютъ на свѣчи въ церковь; а деньги, вырученныя за медъ, употребляютъ на церковное строеніе, на слугъ церковныхъ, на госпиталь, на милостыню убогимъ. Чтобъ дѣла братскія отправлялись съ большимъ порядкомъ, они просили короля утвердить слѣдующій уставъ: «Братья старшіе и младшіе братства купеческаго выбираютъ ежегодно изъ среды себя старостъ, которымъ поручаютъ всѣ деньги братства, все имущество и всѣ дѣла; по прошествіи года старосты отдаютъ отчетъ братьямъ старшимъ и младшимъ. Во время братскихъ бесѣдъ, эти годовые старосты сами и черезъ ключниковъ своихъ прилежно наблюдаютъ, чтобъ братья вписанные и гости приходящіе сидѣли въ домѣ братскомъ прилично, дурныхъ словъ не говорили, на столъ не ложились, меду братскаго не разливали, пили бы въ мѣру и никакихъ убытковъ не причиняли; если же кто, напився пьянъ, причинитъ какой нибудь убытокъ, станетъ говорить неприличныя слова, на столъ ляжетъ и питіе разольетъ, такого старосты должны сперва остановить словами, а въ случаѣ упорства съ его стороны, берутъ съ него пеню, чѣмъ братья обложатъ. Если кто въ братскомъ домѣ завелъ ссору, то обиженный тотчасъ же объявляетъ о своей обидѣ старостамъ; старосты, выслушавъ жалобу, отлагаютъ дѣло до слѣдующаго дня, въ который братья, собравшись въ братскій домъ, судятъ и рѣшаютъ, кто правъ и кто виноватъ; и обвиненный платитъ пеню братству. Получившій обиду въ братскомъ домѣ не жалуется никакому другому начальству, ни духовному, ни свѣтскому, ни земскому, ни городовому, ни Римской вѣры, ни Греческой; но обязанъ судиться передъ старостами и братьями въ томъ домѣ, гдѣ произошла ссора. Кто въ братскомъ домѣ выбранитъ старосту, выбранитъ или ударитъ ключника, тотъ наказывается братскою пенею; ключникъ, непослушный старостѣ, сперва удерживается словами, а въ случаѣ дальнѣйшаго непослушанія, наказывается братскою пенею; если староста провинится передъ братьями, то братья старшіе и младшіе сперва останавливаютъ его словами, а въ другой разъ наказываютъ братскою пенею. Если духовные люди, вѣры Римской или Греческой, или вписанные въ братство, или приглашенные кѣмъ-нибудь изъ братьевъ, или вписавшіеся на одинъ толь-

ко день, заведутъ съ кѣмъ-нибудь ссору, то не должны жаловаться католики князю-епископу, а православные митрополиту, должны судиться въ братствѣ и довольствоваться братскимъ рѣшеніемъ. Шляхтичь или дворянинъ, или какой-нибудь чужой человѣкъ, приглашенный на братскій пиръ или вписавшійся на одинъ день въ братство, не долженъ брезговать мѣстами, но обязанъ садиться, гдѣ придется; старосты, зная званіе каждаго, указываютъ мѣста. Никто не смѣетъ входить въ свѣтлицу братскую съ оружіемъ или приводить съ собою слугу. Если бы кто-нибудь изъ вписанныхъ братьевъ захотѣлъ перейти въ другое братство, то обязанъ объявить объ этомъ старостамъ и братьямъ и выписаться изъ ихъ реэстра; если же имя его будетъ стоять въ братскомъ спискѣ, а онъ будетъ исполнять братскія обязанности въ другомъ мѣстѣ, то онъ не считается братомъ и братство не обязано хоронить его. Если вписанный братъ умретъ, то братья обязаны дать аксамитъ и свѣчи на погребеніе и сами провожать тѣло Бурмистры и радцы Виленскіе, Римской и Греческой стороны, не должны брать людей, въ купеческое братство вписанныхъ, служить къ себѣ въ братства, потому что каждое братство особенныхъ слугъ себѣ выбираетъ и для себя бережетъ (*).

Здѣсь братство сохраняетъ общій характеръ братчины, съ какимъ видимъ мы ее повсемѣстно въ Россіи, характеръ пира въ складчину; хотя мы здѣсь и видимъ, что братство имѣетъ своею цѣлію дѣла благочестія и милосердія, однако деньги, употребляемыя на церковное строеніе и милостыню, выручаются за медъ, выпиваемый на братскихъ пирахъ. Въ иномъ видѣ является уставъ Виленскаго Троицкаго братства, утвержденный патріархомъ Іеремією и королемъ Сигизмундомъ III въ 1589 году: здѣсь даже вовсе не упоминается о братскихъ пирахъ и доходахъ съ меду въ пользу церквей и бѣдныхъ; каждый братъ обязанъ жертвовать деньги на дѣла благочестія и милосердія безъ всякаго отношенія къ пирамъ: «Кто хочетъ вписаться въ братство, тотъ обязанъ вложить въ братскую казну извѣстную сумму денегъ, по желанію и по средствамъ своимъ. Кромѣ того, каждый братъ каждое Воскресенье, послѣ ранней обѣдни, обязанъ приходить въ братство и давать деньги на милостыню, по желанію и возможности; потомъ разъ въ годъ бываетъ складчина для братскаго вспомоществованія, именно въ четвертое Воскресенье по Рождествѣ

(*) Собр. древн. грам. гор. Вильны и т. д. II. № 17.

Христовѣ; наконецъ братья при смерти отказываютъ въ пользу братства деньги и имущества. Доходы эти идутъ во первыхъ на то, что четыре раза въ недѣлю совершается служба Божія ранняя у братскаго алтаря, въ Воскресенье, Середу, Пятницу и Субботу; каждую Пятницу, послѣ обѣдни, всѣмъ соборомъ Троицкимъ служится молебенъ за Государя и за все Христіанство. Потомъ, два раза въ годъ, на Рождество Христово и на Великъ день, братья даютъ милостыню заключеннымъ въ тюрьмахъ и уличнымъ нищимъ. Если кто нибудь изъ братьевъ разорится, или бѣдный братъ занеможетъ, то имъ дѣлается вспоможеніе изъ братской казны; если бѣдный братъ умретъ и не чѣмъ будетъ похоронить его, то хоронитъ его братство на свой счетъ. Братство содержитъ школу, въ которой дѣти братьевъ и убогія сироты даромъ учатся по Русски, по Гречески, по Латыни и по Польски; братья обязаны для школьной науки имѣть людей ученыхъ, особъ духовныхъ и свѣтскихъ. Если кто изъ братьевъ не является на еженедѣльныя братскія сходки и пренебрегаетъ братскими обязанностями, такой платитъ пеню. Братство имѣетъ свою печать съ изображеніемъ Св. Троицы, имѣетъ типографію, гдѣ печатаетъ книги ученыя и церковныя на Греческомъ, Славянскомъ, Русскомъ и Польскомъ языкахъ. Если между братьями во время братскаго собранія произойдетъ ссора, то судятъ ихъ старосты, ежегодно избираемые, вмѣстѣ съ братьями, *судовнымъ обычаемъ*, (*) и поссорившіеся не смѣютъ жаловаться ни въ какомъ другомъ судѣ; если же кто будетъ считать себя обиженнымъ отъ братства, тотъ можетъ жаловаться королю. Домъ братскій свободенъ отъ всякаго постоя, никакихъ податей съ него не собирается. (**)

Тяжкое состояніе Православной Церкви въ Литвѣ, необходимость защищать вѣру предковъ, поддерживать духъ единенія и твердость между православными, поддерживать между ними просвѣщеніе для успѣшной борьбы съ учеными противниками и вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживать нравственную чистоту — все это способствовало къ тому, что братства принимаютъ болѣе и болѣе высокій характеръ. Сглаживается прежній цеховой характеръ: въ братствахъ принимаютъ участіе разныя сословія въ силу одного общаго интереса, одной общей связи—Православія, которое должны защищать, поддерживать общими

(*) Вспомнимъ: Братчина судитъ, какъ судьи.

(**) Собран. древн. грам. города Вильны и пр. II. № 4.

силами. Въ 1615 году жена Мозырскаго повѣтоваго маршалка, Степана Лазки, Анна Гулевичевна отказала свой дворъ и землю въ Кіевѣ, со всѣми угодьями и доходами, подъ Ставропигіальный патріаршій монастырь и подъ школу для дѣтей дворянскихъ и мѣщанскихъ, также подъ гостинницу для духовныхъ странниковъ Восточной Церкви, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ монастырь и школа, и весь чинъ и строеніе устроены были по закону Каѳолической Восточной Церкви Греческаго обряда. (*) Въ 1616 году состоялся уставъ Кіевскаго братства, (**) по образцу братствъ, основанныхъ въ другихъ городахъ, Львовѣ, Вильнѣ, Могилевѣ: « По благословенію и повелѣнію Св. Патріарховъ , говорится въ записи , мы начинаемъ душеспасительный, дружелюбный союзъ, братство церковное: къ утѣшенію и утвержденію въ благочестіи нашего Русскаго народа, сыновъ Восточнаго Православія, обывателей воеводства Кіевскаго, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго сословія, дворянъ и мѣщанъ; къ воспитанію Христіанскихъ учениковъ, какъ духовныхъ—для умноженія и вкорененія Христіанскихъ добродѣтелей честной иноческой жизни, для преподаванія полезныхъ наукъ и образованія дѣтей народа Христіанскаго,—такъ и свѣтскихъ—для защиты вдовъ, сиротъ, и для вспомоществованія всякимъ обѣднѣвшимъ людямъ. Первымъ членомъ братства подписался Петръ Могила, урожденный господаревичь Молдавскій, архимандритъ Кіево - Печерской Лавры ; Могила , который уже прежде основалъ школу на своемъ иждивеніи въ Кіево - Печерскомъ монастырѣ, по просьбѣ членовъ Кіевскаго братства, перевелъ ее въ братскій монастырь, при чемъ назначенъ пожизненнымъ блюстителемъ и защитникомъ школы, церкви и монастыря, вмѣстѣ съ годичными старостами, избираемыми изъ дворянъ. (***) Въ 1617 году основано было братство Луцкое. (****) Въ томъ же году дворяне Волынскаго воеводства дали мѣщанамъ Луцкимъ листъ, которымъ передали имъ надзоръ и попеченіе о дѣлахъ братства: «Мы, говорятъ дворяне, въ городѣ вообще не живемъ и по отдаленности не часто бываемъ, и потому поручаемъ надзоръ и возлагаемъ труды на младшихъ господъ братій нашихъ, господъ мѣщанъ Луцкихъ, съ тѣмъ, чтобъ они на-

(*) Акты, издан. Кіевск. Коммис. II. № 1.
(**) Т-ж. № 2.
(***) Акты, изд. Кіевск. Комм. № 7 и 8.
(****) Т-ж. № 1.

блюдали за порядкомъ и во всемъ ссылались бы на насъ, какъ на старшихъ, а мы, какъ старшіе младшимъ, должны имъ помогать, за нихъ заступаться и защищать ихъ на каждомъ мѣстѣ и въ каждомъ дѣлѣ.»

Уставъ Луцкаго братства былъ слѣдующій: 1) Пресвитеръ церкви, избравъ четырехъ старшихъ братій, составляетъ съ ними засѣданіе; каждаго новаго члена, желающаго вступить въ братство, предлагаетъ пресвитеръ, и если желающій согласится на всѣ нижеозначенныя правила, то долженъ цѣловать крестъ изъ рукъ пресвитера и руку іерейскую, и каждому брату подавать свою руку на вѣрность братству, при чемъ обязанъ тогда же положить въ братскую кружку и вступнаго шесть грошей. Выборъ четырехъ старшихъ братій и распредѣленіе между ними должностей происходитъ ежегодно на Ѳоминой недѣлѣ. 2) Если бы какой братъ велъ себя непристойно и уклонялся отъ обязанности своей, то четверо старшихъ братій, въ своемъ собраніи, тихо, съ братскою любовію, должны ему о томъ напоминать одинъ и нѣсколько разъ. Если онъ не обратитъ вниманія на ихъ напоминаніе и безбоязненно будетъ жить въ смертныхъ грѣхахъ и безчинствахъ, то они должны жаловаться на него пресвитеру, который властію, полученною отъ патріарха, долженъ подвергнуть его законному наказанію. Если же и это средство не поможетъ, тогда священникъ, передъ всею церковію, объявляетъ о преступникѣ, дабы съ нимъ, пока не опомнится, никто ни въ чемъ не смѣлъ сообщаться. 3) Сходку обыкновенную братья должны имѣть каждую недѣлю, тотчасъ по утрени, на одинъ только часъ; а на главную сходку сходятся разъ въ мѣсяцъ послѣ обѣда. 4) Здѣсь каждый братъ обязанъ дать въ кружку по четыре бѣлыхъ; если кто изъ братьевъ находится въ отлучкѣ и живетъ далеко, не можетъ такъ часто являться на сходки, такой долженъ уплатить весь взносъ разомъ въ годъ. 5) Кружка братская должна находиться въ казнѣ церковной; отъ казны ключь долженъ держать одинъ старшій братъ, а двое другихъ старшихъ должны держать ключи отъ самой кружки; выдача должна производиться въ засѣданіи братства; четвертый братъ долженъ завѣдывать реэстрами приходовъ и расходовъ; каждый годъ, при выборѣ старшинъ, прежніе должны отдавать отчетъ въ своемъ управленіи братскою казною. 6) Доходы братства должны обращаться только на поддержаніе и поправку церкви, на милостыню людямъ, особенно находящимся въ братствѣ, на призрѣніе убогихъ, на содер-

жаніе сиротъ, на устройство школы, на погребеніе странныхъ и убогихъ, на поминовеніе ктиторовъ и другихъ скончавшихся братій и милостыню за нихъ. 7) На сходкахъ должно заботиться и разсуждать о всякомъ благѣ ближнихъ своихъ. 8) На сходкахъ братья обязаны уважительно обращаться другъ съ другомъ, и еслибъ кто-нибудь малѣйшимъ словомъ оскорбилъ другаго, то долженъ тотчасъ же подвергнуться наказанію, какое братья присудятъ, и обязанъ, не выходя, немедленно испросить прощенія у обиженнаго и у всего братства. Словъ невѣжливыхъ и площадныхъ чтобъ не было; по окончаніи дѣлъ на сходкѣ, вмѣсто неприличныхъ шутокъ, пусть читаются книги и ведутся бесѣды о предметахъ нравственныхъ и назидательныхъ. 9) Если кто нибудь изъ братьевъ, по простотѣ и необразованности, не съумѣетъ изложить дѣла своего въ братствѣ, то ему вольно избрать искуснѣйшаго брата для объясненія. 10) Дѣла и совѣщанія братскія должны оставаться подъ покровомъ тайны; если же кто пронесетъ ихъ, то долженъ подвергнуться наказанію, какое присудятъ ему братья. 11) Если по приговору братскому и по власти пресвитерской кто нибудь изъ братьевъ за какой нибудь проступокъ будетъ отлученъ, а другой будетъ имѣть съ нимъ сообщеніе, то и послѣдній подвергается также отлученію. 12) Еслибъ кто нибудь изъ братьевъ разорился или подвергся какимъ-либо несчастіямъ и напастямъ, то всѣ братья, какъ братскими деньгами, такъ и отъ себя, обязаны ему помогать, въ болѣзни призирать, о душѣ заботиться. Деньги братскія могутъ быть ссужаемы обѣднѣвшимъ братьямъ безъ росту. 13) Когда умретъ братъ, то всѣ братья должны провожать его со свѣчами братскими; до Св. Литургіи и во время ея должны стоять при тѣлѣ съ зажженными свѣчами; должны быть за него: Литургія, коливо братское и раздача милостыни изъ кружки братской. (*)

Изъ сличенія приведенныхъ извѣстій легко усмотрѣть, что братчина Восточной Россіи и братство Западной въ началѣ было одно и тоже учрежденіе, которое въ разныхъ мѣстахъ имѣло разныя степени развитія: въ областяхъ собственно Московскаго государства наименьшую, въ Псковѣ и, по всѣмъ вѣроятностямъ, въ Новгородѣ большую, а въ Западной Россіи, по вышеприведеннымъ условіямъ, наибольшую.

С. Соловьевъ.

(*) Акты, изд. Врем. Кіевск. Коммис. I. № 7.

ПОЧЕМУ БОЛЬШЕЙ ЧАСТЬЮ МИНІАТЮРНЫ (*)

ФЛАМАНДСКІЯ КАРТИНЫ?

(Посвящено Кн. Е. А. Черкасской).

У насъ такъ мало пишутъ объ изящныхъ искусствахъ, что появленіе въ журналахъ нынѣшняго года трехъ статей о Фламандской живописи, представляетъ явленіе, кажется, небывалое въ нашей журналистикѣ и во всякомъ случаѣ весьма отрадное для Русскаго любителя, которому, за незнаніемъ иностранныхъ языковъ, нечего прочесть о предметѣ, близкомъ его сердцу, и приходится, какъ Гоголевскому судьѣ (въ Ревизорѣ), пробавляться собственными догадками. Нельзя слѣдовательно не пожелать, чтобы продолжали писать гг. М. Д. М. и Фонъ-Крузе, чтобы ихъ статьи чаще появлялись на столбцахъ нашихъ журналовъ и увеличивались въ объёмѣ, касаясь многихъ вопросовъ, о которыхъ не написано ни единой Русской строчки. Но я, съ своей стороны, берусь за перо не съ тѣмъ, чтобы принять дѣятельное участіе въ завязавшейся полемикѣ, а единственно изъ желанія пояснить вопросъ, съ котораго она взялась и который, по моему мнѣнію, остался нерѣшеннымъ.

Первую свою статью написалъ г. М. Д. М. въ опроверженіе Гегеля, полагавшаго, что Фламандская живопись, вслѣдствіе своего содержанія, не могла явиться иначе, какъ *миньатюрною*, потому что, изображая *преимущественно* природу невысокую, оскорбляла бы эстетическое чувство человѣка, еслибъ приняла размѣры дѣйствительнаго міра.

При разборѣ этого мнѣнія, и противникъ его, и защитникъ, каж-

---

(*) Мы будемъ имѣть случай подтвердить замѣчаніе, сдѣланное о значеніи этого слова; но, ради удобства, удерживаемъ за нимъ тотъ смыслъ, который ужъ разъ ему приданъ въ статьѣ, предшествовавшей нашей.

дый въ свою очередь, сдѣлали весьма основательныя замѣчанія, касающіяся его редакціи. Г. М. Д. М. считаетъ эпитетъ «*миньатюрный*» приличнымъ для опредѣленія только способа письма, а не размѣровъ картины. Дѣйствительно, Фанъ Эйкъ, даже въ большихъ своихъ произведеніяхъ, болѣе миньатюристъ, нежели Теньеръ въ самыхъ маленькихъ своихъ картинкахъ. Впрочемъ неточность выраженія нисколько не затемняетъ мысли Гегеля. Не подлежитъ сомнѣнію, что подъ словомъ «миньатюръ» онъ разумѣлъ не способъ, а размѣръ; но ставилъ ли онъ въ какую нибудь зависимость размѣръ отъ способа, или на оборотъ,—мы рѣшить не въ правѣ, и не видимъ въ томъ настоятельной надобности. Г. Фонъ-Крузе замѣчаетъ въ свою очередь, что словомъ «*преимущественно*» Гегель указываетъ на исключенія изъ общаго правила, т. е., на тѣхъ Фламандцевъ, которые обратились къ изображенію высокой природы, допускающей большіе размѣры, и потому вышли изъ ряда миньатюристовъ.

Этими замѣчаніями устранены существенныя недоразумѣнія, которыя бы могли возникнуть при разборѣ Гегелевскаго мнѣнія. Слѣдуетъ его оцѣнка. Г. М. Д. М. не соглашается съ Нѣмецкимъ философомъ; г. Ф. Крузе стоитъ за него. Въ этомъ случаѣ мы на сторонѣ г. М. Д М.; но полагаемъ, что ему, на основаніи указаннаго г. Ф. Крузе ограничительнаго смысла слова «*преимущественно*», надлежало рѣшить вопросъ о томъ, почему *большей частью* миньатюрны произведенія Фламандской живописи?

Гдѣ же это рѣшеніе?

Въ первой статьѣ своей г. М. Д. М. отказывается признать миньатюрною ту живопись, которая, рядомъ съ Міерисомъ, считаетъ своими представителями Рубенса, Вандика и Рембрандта. Напротивъ, говоритъ онъ, отличительная черта этой живописи, изумительное разнообразіе размѣровъ (и способовъ?), — разнообразіе, которое объясняется самимъ свойствомъ масляной краски: освоенная Фламандцами иначе и полнѣе, нежели мастерами другихъ школъ, она оказалась матерьяломъ, равно удобнымъ для выполненія и Міерисовскихъ миньатюрныхъ чудесъ, и Рубенсовскихъ колоссальныхъ произведеній.

Съ своей точки зрѣнія г. М. Д. М. неоспоримо правъ; но неоспоримо и то, что большинство Фламандцевъ держалось размѣровъ Міериса, а не Рубенса. Почему же это?

«Есть задачи», сказано во второй статьѣ, напечатанной въ Р. Бесѣдѣ, «которыя трудно рѣшить въ тѣсной рамкѣ; онѣ не получатъ

«своего полнаго выраженія, какъ на пр. Сикстинская Мадонна; и «есть задачи, которыя рѣшаются удовлетворительно во всякую ве- «личину, какъ всѣ мелкія страсти. Для чего же надъ ними много «и трудиться?»

Но это не отвѣтъ. Что можетъ быть неопредѣленнѣе и неуловимѣе той демаркаціонной линіи, которую проводитъ г. М. Д. М., а каждый изъ насъ передвигаетъ въ мѣру своего пониманія и художественнаго такта? И чѣмъ доказывается, гдѣ замѣтна эта зависимость размѣра отъ задачи? Не изъ труженическаго же подвига *живописцы мелкихъ страстей*—Рубенсъ и Рембрандтъ—писали картины однихъ размѣровъ съ Сикстинскою Мадонной; и не мелкія задачи рѣшали въ небольшихъ своихъ картинахъ мастера школъ возрожденія. И какъ рѣшали! Повторяемъ: вопросъ, заданный Гегелевскимъ мнѣніемъ, остается безъ отвѣта, тѣмъ не менѣе сохраняютъ весь свой интересъ статьи г. М. Д. М.; мы сожалѣемъ только о томъ, что не однѣ ихъ достоинства, но и недостатки, изобличаютъ художника. Извѣстно, что исключительное поклоненіе Рафаэлю довело Эйнгра (*Ingres*) до ненависти къ Рубенсу. Въ ту же крайность увлекается г. М. Д. М. Спрашиваемъ: не явнымъ ли предубѣжденіемъ дышатъ его отзывы о Фламандской живописи? не ощутительно ли его желаніе опошлить Фламандцевъ, пощеголять на ихъ счетъ изысканной тривьяльностью выраженій? (*) Читаемъ и себѣ не вѣримъ, и перечитываемъ, чтобъ убѣдиться, что рѣчь идетъ не о дюжинныхъ ремесленникахъ, пирожникахъ и поварахъ. Предубѣжденій оспоривать нельзя, какъ нельзя спорить о вкусахъ. Но позволимъ себѣ замѣтить, что истину оскорбляетъ не добродушное невѣжество Лермонтовской барыни, называвшей Байрона пьяницей, а пристрастный судъ человѣка, надѣленнаго вкусомъ и знаніемъ.

Безусловно подтвержденное г. Ф. Крузе Гегелевское мнѣніе можетъ быть выражено въ формѣ правильнаго силлогизма съ слѣдующею основною посылкой: «воспроизведеніе невысокой природы въ «размѣрахъ дѣйствительнаго міра оскорбляетъ наше эстетическое чувство».

Но эту посылку очевидно опровергаютъ и Веласкезъ, писавшій пряхъ и пьяницъ, и нашъ Венеціяновъ, и всякій мастеръ, удержавшій

(*) На пр.: «Лица ихъ хорошо пропечены, хорошо поджарены и спущены хорошо, какъ спущена кулебяка у Пѣтуха.» (!) Р. Бесѣда III, 113.

размѣры дѣйствительнаго міра въ картинахъ, изображающихъ природу невысокую и не возмущающихъ однако нашего эстетическаго чувства.

У Фламандцевъ есть примѣры произведеній колоссальныхъ, и *признанныхъ за образцовыя* (*capi d'opera*), и есть они едва ли не по всѣмъ отраслямъ живописи такъ называемаго невысокаго рода. Укажемъ на Рембрандтовскую *Уличную сцену*, получившую неправильное, но популярное названіе Ночнаго Дозора. Укажемъ еще на *историческую картину*, которой Лебренъ отдаетъ преимущество даже передъ Ночнымъ Дозоромъ; она писана Фанъ-деръ-Гельстомъ и изображаетъ торжественное собраніе Голландцевъ послѣ Вестфальскаго мира. Фанъ-деръ-Гельстъ вѣкъ свой не выѣзжалъ изъ Голландіи и писалъ своихъ ландмилиціонныхъ героевъ съ натуры типически - Голландской, не идеализированной, не вывѣренной по антикамъ и Итальянцамъ. Наконецъ назовемъ *Ландшафтъ съ животными*, прославившійся подъ именемъ «Польпоттеровскаго или Гагенскаго Бычка.» Эти три картины, всѣмъ извѣстныя по описаніямъ и многочисленнымъ литографіямъ и гравюрамъ, мы отдаемъ на судъ г. Ф. Крузе, предоставляя ему или самому отказаться отъ Гегелевскаго мнѣнія, или имъ отказать въ эстетическомъ значеніи.

Для насъ Гегелевское мнѣніе остается простой догадкой, не выдерживающей провѣрки. На существованіе другихъ причинъ Фламандской миньатюрности указываетъ уже то обстоятельство, что небольшихъ размѣровъ держались многіе мастера, посвятившіе свою кисть изображенію такъ называемой высокой природы. Такъ, за рѣдкими исключеніями, миньатюрны стильныя аскетическія произведенія Брюггенцевъ и др. и, почти безъ исключенія, миньатюрны картины Пэлембурга и Фанъ-деръ-Верфовъ; точно также къ разряду самыхъ маленькихъ Фламандскихъ картинокъ принадлежатъ *пастиши* Теньера, писанные имъ съ изумительною ловкостью въ подражаніе Италіанцамъ. Г. Ф. Крузе нѣтъ слѣдовательно повода предполагать, что, именно въ силу своего обращенія къ высокой природѣ, Рубенсъ и Вандикъ вышли изъ ряда миньатюристовъ; этому явленію должно искать другихъ причинъ, которыя едва ли послужатъ доводомъ въ пользу Гегеля.

Для рѣшенія вопроса, которымъ надписана наша статья, мы обращаемся къ фактамъ и принимаемъ за исходную точку тотъ несомнѣнный фактъ, что, по размѣрамъ своихъ произведеній, искусство Италіанское состоитъ въ явной противуположности съ Фламандскимъ.

Причину этого явленія мы открываемъ въ томъ, что условія, при которыхъ жили и работали Вуверманнъ и Остадъ, не подходятъ подъ условія современной имъ Италіанской жизни.

На каждой страницѣ Вазари мы читаемъ о работахъ, которыя производились по всей Италіи по заказамъ папъ и монастырей, королей и герцоговъ. Обыкновенно къ этимъ работамъ, по ихъ громадности, призывался мастеръ не одинъ, а вмѣстѣ съ учениками, которые участіемъ своймъ въ трудахъ учителя составляли себѣ имя и въ послѣдствіи сами становились начальниками школъ. (Это отношеніе начинающихъ мастеровъ къ своему учителю, который открывалъ имъ дорогу, сообщило Италіанскимъ школамъ характеръ патроната и кліентства, повторившійся между Фламандцами только у однихъ Антверпенцевъ).

Но между тѣмъ какъ въ Италіи мастера, и начинающіе, и уже составившіе себѣ имя, жили не переводившимися заказными работами,— въ другомъ углу Европы, и начинающій Рембрандтъ, и Вуверманъ въ эпоху полнаго развитія своего таланта сами носили свои картины на продажу въ городъ. Конечно, и въ Нидерландахъ водились заказы, но, какъ увидимъ ниже, преобладала лавочная продажа картинъ; заказы оставались исключеніемъ, дѣломъ охотничьей (*) прихоти, и уже потому существенно разнились отъ заказовъ Италіанскихъ, что другая была жизнь, другія были потребности заказчиковъ.

Улица Италіанскаго города XVI и XVII вѣковъ представляется намъ рядомъ дворцовъ, сіяющихъ, по выраженію Гоголя, той величественною роскошью, которая вызвала на поле дѣятельности Рафаэлей и Микель Анджеловъ. Физіономія Нидерландскихъ городовъ рыночная и фабричная. Въ нихъ живетъ не знать, а купечество, для котораго деньги не средство, а цѣль. Дворцовъ тутъ не много. Большіе размѣры обыкновенно присвоены или церквамъ, которыхъ внутренность намъ знакома по картинамъ Стэнвика и Нэфса, или общественнымъ зданіямъ, намъ опять знакомымъ по картинамъ Фанъ-деръ-Гейдена, или наконецъ торговымъ конторамъ, фабрикамъ, складочнымъ магазинамъ и всякаго рода постройкамъ, служащимъ достиженію общей цѣли обогащенія; а за этими постройками тянутся ли-

---

(*) Словами *охота, охотникъ,* и пр. я перевожу иностранныя *sport* Голландское *liefhebery*), *amateur, curieux* (*liefheber*) и пр.

нія одно-этажныхъ и двух-этажныхъ домиковъ съ тремя окнами по фасаду. Если мы, вслѣдъ за Метцю и Тербургомъ, войдемъ въ эти скромныя жилища, насъ поразитъ заботливость, съ которою Фламандецъ устроивалъ себѣ теплый уголъ, гдѣ бы ему, послѣ трудоваго дня, хорошо было отдохнуть въ своей семьѣ. Штучный полъ блеститъ, какъ зеркало; затѣйливо расписана кахельная печь; на огромную кровать спущенъ штофный пологъ; столы покрыты цѣнными коврами; цвѣты на окнахъ; картины по стѣнамъ; однимъ словомъ, вся обстановка такой жизни, которая не исключаетъ любви къ изящному, но опредѣляетъ размѣры охоты и самихъ произведеній искусства. Понятно, что не одинаково охотились покровитель Рафаэля Левъ X и бургомистръ Сиксъ, обѣдавшій запросто, *im Grünen*, съ другомъ своимъ мельникомъ—Рембрантомъ. И куда Сиксу, въ какихъ нибудь двухъ-трехъ комнатахъ, было бы дѣваться съ картиною Веронеза, захватившею цѣлую стѣну палацца? (*)

Но мѣщанскія условія охоты въ Нидерландахъ не помѣшали ей однако принять болѣе общее развитіе, нежели въ самой Италіи. Мы читаемъ, что въ началѣ XVII вѣка Амстердамъ былъ населенъ охотниками и живописцами; что у каждаго слоя общества, у каждаго ремесла и занятія былъ свой любимый мастеръ. И сколько писали эти мастера! Бергемъ, понукаемый скрягою женой, работалъ, по Русскому выраженію и свидѣтельству своихъ біографовъ, не разгибая шеи. Теньеръ говорилъ о своихъ картинахъ, что онѣ бы наполнили галлерею въ двѣ мили длины. И работали много не одни первоклассные мастера; Лебренъ говоритъ, на пр., что Гарлемецъ Бракенбургъ, писавшій въ Остадовскомъ родѣ и теперь почти забытый, написалъ едва ли не болѣе всѣхъ живописцевъ своего времени. Онъ же Лебренъ занялъ 50 страницъ *in-folio* своей книги о Фламандской живописи (**) перечнемъ (далеко не полнымъ) именъ мастеровъ, которые всѣ однакожъ жили своей кистью, потому что охотились не одни богатые люди, но охотился на трудовую копѣйку едва ли не каждый Фламандецъ,—охотился расчетливо, не тратясь даже на позолоту рамъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ встрѣчающіяся до

(*) О Сиксѣ желающіе (конечно не иконофилы) могутъ справиться въ *Claussin, Abrégé de la vie de Rembrandt. p. 15.*

(**) Лебренъ, извѣстный продавецъ картинъ и первый знатокъ своего времени. Вотъ заглавіе его книги, теперь довольно рѣдкой: *Galerie des peintres Flamands, Hollandais et Allemands. 5 vol. Paris. 1792—1796.*

сихъ поръ въ продажѣ картинки, просто обдѣланныя въ крашеное дерево. Вслѣдствіе огромнаго, всеобщаго требованія должно было возникнуть постоянное предложеніе, и установилась та продажа, которую мы назвали лавочкою.

Но само собою разумѣется, что вѣрный сбытъ существовалъ только для небольшихъ и дешевыхъ картинъ, которыя и стали писаться въ изумительномъ множествѣ и съ непостижимою скоростью. Извѣстенъ особый родъ Теньеровскихъ произведеній, названныхъ *après dîners* на томъ основаніи, что однимъ вечеромъ кончалъ свою картинку даровитый мастеръ, не успѣвавшій наготовиться этихъ *après dîners*. Въ итогѣ, большія картины были почти вытѣснены маленькими, коихъ вѣрный сбытъ уже заранѣе опредѣлялъ направленіе молодыхъ художниковъ и задавалъ размѣры ихъ будущихъ произведеній. Были мастера, не отказавшіеся отъ большихъ размѣровъ; но имъ приходилось ждать заказовъ, а заказы такого рода получались только отъ меньшинства Фламандскихъ охотниковъ (*).

Другимъ послѣдствіемъ всеобщаго требованія на картины извѣстныхъ размѣровъ и цѣнъ, было появленіе множества живописцевъ второй руки и даже рѣшительно посредственныхъ. Надобно даже сознаться въ томъ, что не всѣ мастера первой величины остались достойными са-

---

(*) Фламандскія картины большихъ размѣровъ размѣщаются по слѣдующимъ рубрикамъ:

I. Немногія картины аскетической (по преимуществу Нѣмецкой) школы, процвѣтавшей до реформаціи и работавшей большею частью для церквей. Древніе мастера писали такъ тщательно и тонко, что избѣгали большихъ размѣровъ. Такъ братья Фанъ Эйки, вмѣсто запрестольнаго образа, заказаннаго имъ собственниками Гентской церкви Св. Іоанна, написали двойной рядъ картинъ складнями, по обычаю того времени, и только въ картинахъ верхняго яруса (интереса побочнаго и композиціи сравнительно несложной), повинуясь оптическимъ требованіямъ, отступили отъ любимыхъ своихъ размѣровъ, не превышающихъ полу-натуры. Но являлись и большія картины, которыхъ размѣры задавались заказчиками, но стѣсненными условіями помѣщенія. Важность этихъ условій становится ощутительною въ различіи происхожденія картинъ церковныхъ и картинъ свѣтскаго содержанія. Заказчиками первыхъ являются иногда люди самые темные (на пр., въ 1508 году, цехъ Антверпенскихъ столяровъ заказалъ Метсису огромный складень для церкви Богоматери.); заказчиками вторыхъ—государи и вельможи. Такъ Дюреръ работалъ для императора Максимиліана, для Датскаго короля Христіана II и др.; обратившійся къ натурализму Кранахъ для Саксонскихъ курфирстовъ, защитниковъ Лютера; Гансъ Голбейнъ умеръ придворнымъ живописцемъ Генриха VIII и пр. Изъ числа картинъ свѣтскаго содержанія въ натуральную величину часто писались портреты—родъ живописи по преимуществу заказной.

II. Многочисленныя произведенія Антверпенской (Рубенсовой) школы. Кромѣ того, что мастера этой школы написали несмѣтное множество портретовъ, у нихъ

михъ себя. Обращая свой трудъ въ поденщину, они нерѣдко кончали тѣмъ, что *набивали себѣ руку*, вслѣдствіе чего за многими Фламандцами насчитываются двѣ и три *манеры*, которыхъ различіе не всегда объясняется вліяніемъ лѣтъ художника на достоинство его труда и безошибочно опредѣляется аукціонными цѣнами.

не переводились заказы, а въ особенности заграничные. Живя въ Антверпенѣ, они сосредоточили въ своихъ рукахъ не только всѣ церковныя работы своего католическаго края, но и всѣ заказы эрцгерцогскаго двора и Брюссельской знати. За границею представители школы являлись, по примѣру Италіанцевъ, съ цѣлою свитою учениковъ, помогавшихъ имъ въ выполненіи работъ Луврскихъ, Уйатгольскихъ и др. Вообще Антверпенцамъ принадлежитъ самое видное мѣсто въ отступленіяхъ отъ обыкновенныхъ Фламандскихъ размѣровъ.

III. Портреты. Ихъ, кромѣ Нѣмцевъ и Антверпенцевъ, писали въ натуральную величину: Фанъ-деръ-Гельстъ, Фанъ-деръ-Темпель, Рембрандтъ, нѣкоторые изъ его учениковъ и др. (Въ Ротердамскомъ музеумѣ есть даже два портрета работы Кюппа!) Колоссальные портреты (какъ на пр. Вандиковы Карлъ I и Монкадъ) находили мѣсто только въ палатахъ; но портреты поясные получили почетное значеніе въ скромныхъ Фламандскихъ собраніяхъ.

IV. Довольно значительная часть картинъ Рембрандта и его школы. Во первыхъ, половина изъ нихъ портреты; во вторыхъ, Рембрандтъ, по рѣдкимъ особенностямъ своего таланта, былъ въ ходу между знатными охотниками своего времени; наконецъ, въ третьихъ, Рембрандтъ самъ былъ охотникъ и зналъ себѣ цѣну; онъ разорился на свое собраніе, которое и было продано за долги. По оффиціальной описи этого собранія видно, что оно потребовало большаго помѣщенія, и что въ составъ его вошло болѣе 80 картинъ, писанныхъ самимъ Рембрандтомъ и его учениками. (См. *Extrait du régistre des inventaires déposés à la Chambre des insolvables de la ville d'Amsterdam, fait et inventorié 25 et 26 juillet, 1656.* Издано при фотографическихъ снимкахъ съ Рембрандтовскихъ гравюръ).

V. Произведенія мастеровъ (Антверпенцевъ и не-Антверпенцевъ), писавшихъ звѣриныя травли и такъ называемую мертвую природу, и часто въ большихъ размѣрахъ, по требованію богатыхъ псовыхъ охотниковъ (въ особенности Англичанъ), любившихъ украшать такими картинами столовыя своихъ охотничьихъ замковъ (*maisons de chasse*).

VI. Картины, писанныя по заказу присутственныхъ мѣстъ, общественныхъ заведеній, корпорацій, и наконецъ частныхъ лицъ, пользовавшихся удобствами большаго помѣщенія. При полученіи такихъ заказовъ, переходили иногда къ большимъ размѣрамъ мастера, круглымъ числомъ оставшіеся миніатюристами. Такъ на пр. Каррель Дюжарденъ написалъ собраніе старшинъ какой-то Голландской корпораціи, а Краббетье — эмблематическую картину въ честь I. Де Витта. (Обѣ эти картины находятся въ Амстердамскомъ музеумѣ).

VII. Наконецъ, для полноты можно упомянуть о *произведеніяхъ послѣдователей Италіанскихъ и другихъ школъ.* Мастерамъ, жившимъ и работавшимъ при условіяхъ, чуждыхъ ихъ родному краю, не было, конечно, надобности держаться обыкновенныхъ Фламандскихъ размѣровъ; но за то, въ строгомъ смыслѣ, этимъ мастерамъ нѣтъ мѣста въ исторіи Фламандскаго искусства. Сюда же слѣдуетъ отнести работы плафонныхъ живописцевъ (Лерма, Якова де Витта и др.) времени упадка искусства и подражанія Французскимъ модамъ.

Но заключимъ не словомъ упрека, а словомъ заступничества. Современный взглядъ на искусство требуетъ отъ него народности. Добровольно отказывается отъ будущности и сознается во внутренней несостоятельности то искусство, которое уклоняется отъ народныхъ началъ, чтобы подчиниться началамъ чуждымъ, хотя бы и Греческимъ. Поучительно вспомнить о Французской школѣ временъ республики и имперіи. Отдадимъ же должную справедливость искусству Фламандскому, отмѣченному рѣзкой печатью національности. Откажемся признать за Гегелемъ, не благоволившимъ къ Фламандцамъ, и ту долю истины, и ту оригинальность, которыя признаетъ за нимъ г. М. Д. М. Напротивъ, чѣмъ-то знакомымъ, не современнымъ и давно забытымъ, отзываются слова Гегеля и мало по малу приводятъ намъ на память сужденія объ искусствѣ, которыя всѣ мы слыхали въ старые годы, и уже отвыкли слышать. Намъ вспомнится, что *трагедія есть высокій родъ, а комедія — низкій,* и цѣлый рядъ сужденій, въ основѣ которыхъ лежитъ извѣстное подраздѣленіе художественныхъ произведеній по предмету или содержанію, на *высшія* и *низшія*. Однѣ высшія возбуждали законное, всеобщее сочувствіе, а низшимъ разрѣшалось жить подъ такимъ только условіемъ, чтобы онѣ удержались въ приличной формѣ, смягчающей грубость ихъ внутренней идеи, обратились въ еле-видную мелочь: иначе оскорблялось эстетическое чувство человѣка! Такою чуткостью и очищенностью вкуса особенно отличался XVIII вѣкъ, но съ той поры измѣнилось многое. «*Qu'on m'ôte ces magots!*» говорилъ Людовикъ XIV про Версальскія картины Теньера, которыя въ наше время съ такой любовью собралъ другой Людовикъ (король Баварскій) въ своемъ Шлейсгеймѣ.

Тотъ же самый переворотъ въ понятіяхъ объ искусствѣ совершился и въ Русскомъ обществѣ. При появленіи Мертвыхъ душъ мы слышали въ послѣдній разъ ожесточенные, но безсильные крики въ защиту классическихъ преданій. Гоголь занялъ первое мѣсто въ нашей литературѣ, и теперь его противниковъ не видно и не слышно. Полно есть ли такіе люди? Гдѣ они разглагольствуютъ и кто съ ними вѣдается?

...... Alia tempora!

А. Себиновъ.

ИЗВѢСТІЕ ИЗЪ НИЖНИХЪ ЛУЖИЦЪ.

Въ 1 № « Русской Бесѣды » читатели могли встрѣтить статью мою о возрожденіи Сербо-Лужицкой народности. Нѣкоторые изъ нихъ помнятъ, можетъ быть, что это замѣчательное явленіе въ исторіи пробужденія Славянъ происходило почти исключительно между Верхними Лужичанами, и преимущественно въ той части ихъ, которая принадлежитъ Саксоніи. У Верхнихъ Лужичанъ въ Пруссіи умственной дѣятельности было меньше, а племя Сербовъ Нижне-Лужицкихъ оставалось до сихъ поръ въ совершенной, можно сказать, безсознательности. Въ той же статьѣ разсказано, какъ въ слѣдствіе этого Нижне-Лужицкое племя не переставало до нынѣшняго времени постоянно уменьшаться, и также упомянуты нѣкоторые еще весьма слабые и чуть замѣтные признаки начинающагося въ немъ народнаго движенія. Когда я писалъ эту статью, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, была уже надежда, что Нижнія Лужицы не будутъ потеряны для Славянскаго міра, какъ многіе спѣшили предвѣщать. Теперь, кажется, надежда сбывается. Вотъ что пишетъ мнѣ, въ восторгѣ радости, г. Смоляръ, одинъ изъ главныхъ, если не главный двигатель Славянскаго дѣла въ затерянномъ уголкѣ Германіи, гдѣ недавно воскресла горсть Сербовъ. « Возстаютъ мертвые! такъ сказалъ я себѣ, когда пришла нежданная вѣсть изъ Хотѣбуза. (*) Я тотчасъ отправился въ Хотѣбузъ, чтобы разузнать хорошенько дѣло на мѣстѣ. Оказывается, что новый директоръ Хотѣбузской гимназіи, Д-ръ Чирнеръ (Tschirner) исходатайствовалъ у Прусскаго министерства разрѣшеніе учредить тамъ преподаваніе Нижне-Лужицкаго, а по возможности и Верхне-Лужицкаго, языка для тѣхъ воспитан-

(*) Главный городъ Нижне-Лужицкаго края: по Нѣмецки Kottbus.

никовъ, которые пожелаютъ учиться по Сербски. Онъ пришелъ къ этой мысли въ слѣдствіе того, что Прусскіе Сербы отправляли своихъ дѣтей въ Саксонію, въ Будышинскую гимназію, гдѣ, какъ вамъ извѣстно, преподается мною Сербскій языкъ. Когда директоръ обратился къ Хотѣбузскимъ ученикамъ съ вопросомъ, кто хочетъ посѣщать Сербскіе уроки, то *всѣ* гимназисты отозвались утвердительно. Сербскимъ учителемъ назначенъ пока переводчикъ при Хотѣбузскомъ судѣ, старый кандидатъ Богословія, который къ сожалѣнію знаетъ только свое Нижне-Лужицкое нарѣчіе, и то не наукообразно. Нѣтъ у Нижнихъ Лужичанъ ни единаго учебника; я долженъ былъ дать учителю для руководства свою маленькую грамматику, и старался вообще доставить ему все, что могло быть ему полезнымъ. Я условился съ нимъ, что сочиню для новаго преподаванія небольшую Нижне-Сербскую грамматику и разговоры, и что напечатаю для Нижнихъ Лужичанъ эти учебники и другіе, если только сбудется моя мечта— учрежденіе Славянской типографіи въ Будышинѣ.....»

По нашимъ понятіямъ, введеніе того или другаго предмета въ кругъ гимназическаго преподаванія не составляетъ важнаго событія. Но въ маленькой области Сербо-Лужицкой народности это дѣло значительное. Оно дастъ нѣкоторое признаніе языку, на который досёлѣ смотрѣли и смотрятъ, какъ на деревенское просторѣчіе; оно пріучитъ молодыхъ гимназистовъ къ родному слову, которое прежде забывалось въ городѣ, оно обратитъ ихъ вниманіе на эту рѣчь и на народность, которой она служитъ пока единственною представительницей; и эти гимназисты со временемъ будутъ вѣроучителями, наставниками, сельскими хозяевами, однимъ словомъ—двигателями дремлющей еще новой Славянской отрасли на Западѣ.

А. Г.

Парижъ.
Сентябрь 1856.

М. П. БИБИКОВЪ.

Странны судьбы нашей литературы: въ послѣднее время намъ едва ли не чаще приходится извѣщать о смерти нашихъ писателей, нежели привѣтствовать появленіе новыхъ. Во второй книгѣ Русской Бесѣды мы напечатали два разсказа М. П. Бибикова, ожидали отъ него другихъ произведеній; а теперь должны говорить о его смерти. М. П. Бибиковъ скончался съ 6 на 7 Ноября, въ Москвѣ. Въ послѣдніе годы имя его встрѣчалось въ Москвитянинѣ, въ Отечественныхъ Запискахъ, въ Современникѣ и въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Небольшія статьи его о живописи, художественныя воспоминанія, отрывки изъ путешествій и легкіе разсказы отличались всего болѣе теплотою чувства и любовію къ прекрасному. Живши въ Италіи больше 10 лѣтъ, онъ изучилъ живой бытъ всѣхъ слоевъ Италіанскаго общества такъ, какъ изучали его немногіе. Особенно онъ любилъ Римъ и Флоренцію: объ нихъ-то онъ говорилъ и писалъ живо и даже увлекательно.

По художественному настроенію своей души, онъ искалъ во всемъ прекраснаго и не ходилъ за нимъ далеко. Въ чемъ оно ни попадалось, онъ плѣнялся и удовлетворялся имъ однимъ: цѣль, направленіе, стремленія не обращали на себя его вниманія. Природа назначила его быть художникомъ, но не надѣлила геніальностію или опредѣленнымъ талантомъ, который прямо указалъ бы ему опредѣленное поприще дѣятельности. Обстоятельства, кругъ, въ которомъ онъ жилъ, и независимое состояніе, все устроилось въ ладъ съ его природою. Художественность души звала его въ отчизну искусства — въ Италію; но зачѣмъ? для чего? Этого онъ не спрашивалъ у самаго себя, да

и кто изъ путешественниковъ–диллетантовъ задастъ себѣ подобные вопросы?

Сильно развитая въ немъ общительность, любовь къ искусствамъ и доброта души, не знавшая предѣловъ, не справлявшаяся ни съ цѣлію, ни съ средствами, пріобрѣли ему въ Римѣ искреннюю любовь молодыхъ художниковъ. Онъ умѣлъ возбуждать веселость молодежи, умно, остро и всегда беззлобно, всегда добродушно оживлялъ художническіе праздники, и къ этому еще понималъ и чувствовалъ красоту очертаній: довольно правъ на то, чтобъ рисунки его занимали не послѣднее мѣсто въ альбомахъ путешественниковъ и даже самихъ художниковъ.

Прошло больше десяти лѣтъ художнической его жизни въ Римѣ и Флоренціи; пришли года, когда надобно было опредѣлить себѣ поприще дѣятельности; тутъ добродушіе спасло его отъ притязанія на имя художника. Многіе въ Римѣ думали, что онъ будетъ живописцемъ; онъ самъ первый добродушно доказывалъ, что онъ въ живописи не переступилъ за степень диллетанта. Пріятели совѣтовали ему начать дѣлать копіи съ знаменитыхъ картинъ, нападали на него за-то, что онъ зарываетъ талантъ въ землю и не хочетъ подѣлиться съ людьми высоко развитою своею художественностію. Опять онъ первый съ неизмѣннымъ добродушіемъ смѣялся надъ самимъ собою. «Дружескіе восторги и художническія разгульныя бесѣды», говаривалъ онъ, «воспитывали во мнѣ художественность и въ десятилѣтнее воспитаніе не дали и подумать о томъ, чтобъ приготовить себя къ какой нибудь работѣ. Меня такъ баловали въ Римѣ, что, кажется, не дали бы и карандаша очинить; до того ли мнѣ было, чтобъ чему нибудь дѣльно учиться?»

Въ литературныхъ его произведеніяхъ, также, какъ и въ его жизни, виднѣе всего были его способность увлекаться, добродушіе и художественность. Не беремся рѣшить, что бы онъ могъ произвести въ послѣдствіи. Чахотка свела его въ могилу въ лучшіе для дѣятельности годы. Онъ боялся ея, еще бывши въ Римѣ. Гробъ скрылъ въ себѣ всю его земную будущность; поблагодаримъ писателя–художника за то, чѣмъ онъ съ нами подѣлился.

ДЖОВАННИ АНЖЕЛИКО ФІЕЗОЛІЙСКІЙ.

(FRA GIOVANNI ANGELICO DA FIESOLE) (*)

1387 — 1455.

I. ПРИЧИНЫ, ПО ЧЕМУ ИМЯ ДЖОВАННИ АНЖЕЛИКО ПОЧТИ ВОВСЕ У НАСЪ НЕИЗВѢСТНО.—II. ЖИЗНЕОПИСАНІЕ ФРА БЕАТО ДЖОВАННИ АНЖЕЛИКО ДА ФІЕЗОЛЕ.—III. ОТНОШЕНІЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ФРА БЕАТО ДЖОВАННИ АНЖЕЛИКО ДА ФІЕЗОЛЕ КЪ НАШЕЙ ИКОНОПИСИ. — IV. ИСТОЧНИКИ, ИЗЪ КОТОРЫХЪ МОЖНО ПОЧЕРПНУТЬ СВѢДѢНІЯ О ЖИЗНИ И ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ ФРА ДЖОВАННИ АНЖЕЛИКО.—V. ПЕРЕЧЕНЬ СУЩЕСТВУЮЩИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ФРА ДЖОВАННИ АНЖЕЛИКО ДА ФІЕЗОЛЕ.

I.

Мы познакомились съ искусствомъ въ прошедшемъ вѣкѣ, когда оно само, а еще болѣе понятія объ немъ были весьма не на высокой степени во всей Европѣ; сблизились съ нимъ въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, именно въ то время, когда у большинства художниковъ, послѣ великихъ знаменитостей, послѣ именъ Рафаэля Санціо, Микель Анджело Буонаротти, Тиціана и Корреджіо, прямо слѣдовали

(*) Италіанское названіе этого художника *Fra Giovanni Angelico da Fiesole* слѣдовало бы намъ перевести отецъ Іоаннъ Анжеликъ Фіезолійскій, потому что *fra* сокращенное отъ *frate*—монахъ (собственно по происхожденію *братъ*) придается къ имени каждаго монаха, замѣняя наше—отецъ. Но имена художниковъ, точно также, какъ и прозвища ихъ, такъ сливаются съ ихъ личностію, что, и измѣняя ихъ, по свойству языка, дѣлаешься непонятнымъ. Такъ, на примѣръ, *Paolo Veronese* странно было бы назвать Павелъ Веронскій; никто не узналъ бы подъ этимъ именемъ знаменитаго Венеціанскаго художника.

Болонцы, братья Караччи, Гвидо Рени, Доминикино и другіе. Ими почти что и оканчивался списокъ Италіанскихъ художественныхъ знаменитостей. Даже великое въ живописи имя Леонарда да Винчи появлялось какъ бы на второмъ планѣ. Впрочемъ, не только что у насъ, а и въ большей части Европы, лѣтъ 30 тому назадъ, Болонская школа совершенно овладѣла такъ называемою историческою живописью и только развѣ иногда слышались имена Фламандцевъ, каковы Рембрандтъ, Рубенсъ и Фанъ Дикъ, и то болѣе, какъ огромные таланты, нежели предметы для изученія. Она сдѣлалась главною руководительницею академій искусствъ и полною ихъ законодательницею.

Только съ недавняго времени, какъ наши художники, такъ точно и художники другихъ странъ и народовъ, мало по малу начали сбрасывать съ себя иго академическихъ понятій и обратились къ изученію живописи безъ предварительно внесенной въ него вражды ко всему дорафаелевскому, и безъ условныхъ взглядовъ на прекрасное, не находящихъ его тамъ, гдѣ нѣтъ извѣстной академической постановки, или гдѣ встрѣтится дѣйствительный проступокъ противъ академическихъ правилъ искусства. Только съ недавняго времени Болонская школа перестала быть полнымъ диктаторомъ въ живописи.

Строгая логика академическаго художественнаго воспитанія имѣла полное право сдѣлать ее властительницею въ живописи, потому что именно въ этой школѣ образовалось собственно академическое направленіе, сборное, эклектическое понятіе объ искусствѣ. Правда, что первые ея основатели и непосредственные ихъ послѣдователи избавлялись отъ полнаго эклектизма, во первыхъ, силою таланта, во вторыхъ, тѣмъ, что̀ выше всякой силы человѣческой,—вѣрованіемъ, еще не потеряннымъ, ни въ нихъ самихъ, ни, тѣмъ еще болѣе и важнѣе, въ средѣ ихъ окружавшей,—во всемъ тогдашнемъ Италіанскомъ обществѣ. Послѣднее я считаю *болѣе* и *важнѣе*, потому что современное каждому художнику общество дастъ направленіе его таланту, опредѣляетъ высоту его и, оцѣнивая степенью своего сочувствія достоинство его произведеній, оно воспитываетъ въ его душѣ именно тѣ стремленія, какими само проникнуто, хотя и требуетъ ихъ отъ него въ большей чистотѣ и въ большемъ, истинно художническомъ величіи. Въ вѣрующемъ обществѣ не сыщетъ себѣ славы невѣрующій художникъ.

Западно-католическое общество послѣдней половины XVI столѣтія

было еще сильно вѣрующимъ, но самое вѣрованіе его не было уже простымъ, безыскуственнымъ, покорнымъ принятіемъ велѣній церкви, какимъ оно было до временъ Рафаэля. Протестанство, если и не поколебало самихъ Латинянъ, по крайней мѣрѣ ввело ихъ въ умственное исканіе причинъ и объясненій того, что принималось простою божественною истиною, и вмѣстѣ съ тѣмъ открыло глаза на многія злоупотребленія Латинскаго духовенства, на незаконность слія-нія іерархическихъ постановленій и требованій духовныхъ властителей Латинской церкви съ ея нерушимыми догматами и неизмѣнными ея предписаніями. И прежде того видѣли всѣ такія злоупотребленія, и прежде порицали ихъ рѣзкость и безстыдство, но все таки на нихъ смотрѣли, какъ на личныя слабости духовныхъ особъ, нисколько не касаясь самой церкви; теперь внутренняя церковь Латинянина во многомъ отдѣлилась отъ церкви внѣшней, и въ вѣрующей душѣ его, правда, еще не поселилось возстаніе и опроверженіе многаго, существовавшаго со всею силою церковнаго закона, но уже весьма много пострадали чистота и спокойствіе вѣрованія.

Я не касаюсь здѣсь того, что̀ принесло такое раскрытіе глазъ и обличеніе неправды для развитія человѣческаго и, слѣдовательно, что̀ оно, путемъ этого развитія, готовило въ будущемъ для того же искусства; я останавливаюсь только на временномъ явленіи и самаго искусства въ его произведеніяхъ, и понятій объ немъ, образовавшихъ полную его теорію.

Врядъ ли колебаніе вѣрованія второй половины XVI столѣтія, потеря простоты и твердости убѣжденія, высказались въ чемъ нибудь такъ ясно, какъ въ господствовавшемъ искусствѣ того времени— живописи, которое, какъ всякое свободное искусство, то есть, какъ всякое прямое изліяніе души, менѣе всего знаетъ лести и коварства, не умѣетъ скрыть внутреннихъ побужденій своихъ служителей и невольно открываетъ ихъ даже и тамъ, гдѣ бы сами они готовы были всѣми средствами скрыть свои внутреннія колебанія и шаткость убѣжденій, не только отъ посторонняго наблюдателя, но и отъ самихъ себя. Западные католики могли себя обманывать, какъ граждане извѣстнаго общества, какъ поклонники латинства, но художникъ въ нихъ самихъ былъ искреннѣе гражданина и сына церкви,—онъ-то и передалъ намъ задушевныя тайны и заглушаемый протестъ людей XVI вѣка, не подчинявшихся протестанству.

Блескъ Болонской школы, въ послѣднюю половину тысяча пяти-

сотыхъ годовъ, геніальность ея великихъ *maestro*, поразительная производительность ихъ кисти и ея разнообразіе, казалось, были лучшими указателями внутренней силы, торжества и могущества латинства. Но не такими являются всѣ эти внѣшніе признаки при болѣе глубокомъ ихъ разсматриваніи.

Болонская школа, или школа *Караччи* (не включая сюда Франческо Франчіа и вообще прежнихъ Болонцевъ, потому что между ними и позднѣйшими нѣтъ никакой непрерывности), явившись почти въ одно время съ Іезуитскимъ орденомъ, или по крайней мѣрѣ тотчасъ вслѣдъ за нимъ, была совершенно тѣмъ же въ искусствѣ, чѣмъ іезуитство въ латинской оффиціальной церкви, именно поддержкою, подпорою падающей и только что не вполнѣ упавшей живописи, искусства, развитаго и вознесеннаго на высоту латинскою церковію.

Какъ знаменитый и по своей природѣ (никакъ не по историческимъ послѣдствіямъ своей дѣятельности) истинно достойный знаменитости, Игнатій Лойола весь проникнутъ былъ самымъ глубокимъ вѣрованіемъ, такъ и Караччи, основатель новой Болонской школы, былъ самымъ искреннимъ, самымъ ревностнымъ служителемъ искусства.

Какъ энергическій, страстный Испанецъ не видалъ иного спасенія потрясенному латинству, иного оружія противу движенія мысли, казавшагося ему еретическою дерзостію, кромѣ искусственнаго окованія умовъ и воли всѣхъ и каждаго: такъ и высоко талантливому Болонскому художнику казалось, что упавшее искусство можно поддержать только положительными и опредѣленными правилами и законами прекраснаго, — именно установленіемъ академій, замѣнившихъ прежнее совершенно свободное изученіе въ мастерскихъ художниковъ.

Первый, устанавливая своей орденъ, все почерпалъ въ преданіяхъ о жизни великихъ сподвижниковъ Христіанства и дара благодати, пріобрѣтеннаго святымъ житіемъ, личныхъ Христіанскихъ добродѣтелей, снисканныхъ христіанствомъ души, думалъ достигнуть исполненіемъ предписаній, оковывающихъ всякое самостоятельное движеніе души, останавливающихъ всякое свободное ея развитіе и, слѣдовательно, убивающихъ жизнь ея и превращающихъ ее въ мертвый, часто смрадный, трупъ.

Послѣдній глубоко изучилъ искусство въ его произведеніяхъ, подмѣтилъ у великихъ геніевъ живописи внѣшніе образы всѣхъ явленій внутренней жизни и предписалъ ихъ, какъ правила для изображенія

этихъ явленій. Онъ въ нихъ передалъ всѣ лучшія стороны Рафаэля—царя живописи, всю силу ума сочиненій знаменитаго Микель-Анджело, всю прелесть красокъ волшебно распоряжавшагося ими Тиціана, все непостижимое умѣнье владѣть свѣтомъ Антонія Корреджіо, и изъ всего этого составилъ уложеніе искусства. Разумѣется, не письменное уложеніе, но передаваемое правилами академическаго ученія, получившими гораздо уже послѣ него видъ полной системы. На помощь ему, въ то время галлереи не по днямъ, а по часамъ, если можно такъ выразиться, наполнялись вновь открываемыми древними статуями, кабинеты—медалями и камеями. Пластическая, то есть, исключительно внѣшняя красота, исчерпанная древне-греческимъ искусствомъ предстала во всемъ своемъ величіи и въ свою очередь прибавила новыя требованія отъ правильности очертаній, красоты линій, положеній и наброски одежды. Уложеніе, кодексъ искусства дѣйствительно сдѣлался полнымъ, погрѣшить противъ него казалось и значило погрѣшить противъ самаго искусства.

Все это такъ; можно было изучить всю внѣшность искусства, подвести ее подъ правила: но гдѣ же и какая наука найдетъ источникъ прекраснаго — жизнь, и въ мірѣ древней Греціи и во времена Рафаэля почерпаемую въ глубинѣ, полнотѣ и искренности вѣрованія?

Логика была удовлетворена вполнѣ; никакой самый строгій судъ не могъ отказать такому уложенію въ достижимомъ совершенствѣ; забыто было одно, что въ искусствѣ прекраснѣе всего сама жизнь, все воодушевляющая, во всемъ являющаяся и все производящая. А ее то именно и нельзя дать никакими правилами. Забыто одно, что часто самые промахи противъ требованій искусства и недостатки по теоретическимъ понятіямъ объ изящномъ, усиливаютъ прелесть художественныхъ произведеній, когда они являются не отъ искаженія прекраснаго, а отъ излишества жизни тамъ, гдѣ она восторженно высказывается въ однихъ явленіяхъ, преимущественно предъ другими и какъ бы въ ущербъ этимъ послѣднимъ; гдѣ она забываетъ о другихъ непремѣнныхъ ихъ спутникахъ и какъ будто вовсе ихъ не знаетъ. Придайте плоти восторженнымъ иногда до самозабвенія сонетамъ Петрарки, вы исказите едва вообразимую чистоту порывовъ его чувства; украсьте идеальностію чувственные разсказы Бокаччіо, вы уничтожите все единство разсказа. Случается, что диссонансъ, мимоходная разладица придастъ часто много прелести музыкальному

произведенію; но не гораздо ли чаще одна рѣзкая черта, или одно явленіе души человѣческой, по видимому выходящее изъ общаго согласія со всею обстановкою прекрасной картины, проливаетъ свѣтъ на весь составъ ея и даетъ ей значеніе, недоступное безукоризненному исполненію, подчиненному всей строгости академическихъ требованій отъ искусства.

Какъ ни далеко отвлекли меня теперь почти отжившія, по крайней мѣрѣ отживающія исключительно-академическія понятія объ искусствѣ, но я долженъ остановиться на нихъ потому, что онѣ еще не совсѣмъ отжили и часто имѣютъ сильное вліяніе, какъ на художественное развитіе молодыхъ людей, такъ и на общественное понятіе объ искусствѣ.

Грѣхъ ихъ не тотъ только, что онѣ надолго оковали искусство и преградили путь свободному его ходу, но еще горшій грѣхъ тотъ, что онѣ оковали живую дѣятельность нѣсколькихъ поколѣній, оковали до того, что сбросить оковы было великимъ подвигомъ.

Къ несчастію, такъ произошло, хотя и гораздо позднѣе, не въ одной области прекраснаго: врядъ ли не на всѣхъ путяхъ жизни логика вздумала сдѣлаться не только окончательнымъ судьею, но и полною законодательницею, тогда какъ жизнь въ милліонахъ своихъ явленій часто внезапно ускользаетъ изъ-подъ ея строгихъ законовъ и требуетъ суда и разбирательства не отъ одного ума, а отъ всей полноты человѣческой природы.

Въ ходѣ искусства дѣло кончилось тѣмъ, что какъ іезуитство исказило человѣка Христіанина, такъ академіи исказили человѣка художника. Сильные таланты выбивались изъ-подъ ихъ вліянія, но большинство имъ подчинилось. Однимъ изъ доказательствъ этого служитъ малое число сколько-нибудь извѣстныхъ художниковъ въ продолженіи болѣе, чѣмъ двухъ сотъ лѣтъ, особенно сравнительно съ предшествовавшимъ временемъ, не смотря на то, что академіи, гдѣ только онѣ господствовали, по видимому все дѣлали съ своей стороны и употребляли всѣ зависѣвшія отъ нихъ средства для художественнаго развитія талантовъ.

Все, не подходящее подъ ихъ правила, было изгнано ими изъ области прекраснаго, все дорафаэлевское начали почитать или дѣтскимъ, или грубымъ и вообще недостойнымъ художественнаго изученія. Въ искусствѣ должно отдавать уваженіе одному прекрасному, а законы

прекраснаго ясно, отчетливо и всеобъемлемо переданы въ академическихъ правилахъ.

Логически, послѣдовательно и справедливо: художнику нечего почерпнуть въ тѣхъ произведеніяхъ, гдѣ всепроизводящее, пламенное, не колеблемое ни тѣнію сомнѣнія, охватившее всего человѣка вѣрованіе являлось во всей своей чистотѣ, прелести и искренности, безъ сознательныхъ правилъ объ искусствѣ, и даже, гдѣ оно часто противъ него погрѣшало. Безспорно логически; но мы увидимъ, обратясь къ избранному нами живописцу, Джованни Анжелико да Фіезоле, что въ искусствѣ такая логичность повела къ сильной ограниченности, и съ радостію будемъ привѣтствовать рядъ художниковъ, расширившихъ область прекраснаго въ живописи тѣмъ, что они въ немъ выше всего поставили жизнь и душу, и чистымъ явленіямъ ихъ дали самое почетное мѣсто, часто и большею частію на перекоръ академическимъ велѣніямъ.

Къ несчастію, повторю я, такой академизмъ вошелъ и въ другія области человѣческой дѣятельности, особенно въ область ума. Въ наукѣ, въ дѣлѣ ума, говорятъ намъ многіе въ настоящее время, существуетъ и имѣетъ законность существованія одно истинное; а истина, по ихъ словамъ, вполнѣ понята и едва только не исчерпана наукою на Западѣ Европы.

Точно также логически, послѣдовательно и правильно. Мыслителю при воззрѣніи на науку нельзя прибѣгать къ природѣ своего народа, полнаго жизни, не успѣвшаго еще оковать своихъ сужденій добытыми прежнею жизнію законами исключительно одного мышленія, нельзя даже и тогда, когда бы онъ сознавалъ, что по этому самому часто его народъ видитъ объемистѣе и многостороннѣе взглядомъ всей полноты человѣческой природы, а не одностороннимъ взглядомъ одного отвлеченнаго мышленія.

Точно, логически; только, какъ тамъ, такъ и здѣсь забыто, что прекрасное въ искусствѣ, равно какъ и истинное въ наукѣ, являются человѣку не въ безусловной, непогрѣшимой своей чистотѣ, а на той ея степени, какая въ извѣстный возрастъ его развитія, въ извѣстный историческій его періодъ доступна его пониманію и принятію. Что каждый послѣдующій періодъ тѣмъ начинаетъ свое самостоятельное историческое и общечеловѣческое существованіе, что онъ, не намѣренно, а просто по природѣ своего племени или своего народа, не удовлетворяется прошедшею жизнію. Что въ самой наукѣ,

даже въ самыхъ наукахъ, такъ называемыхъ, положительныхъ, взглядъ на науку, бывшій безспорно истиннымъ для человѣка средневѣковаго, сдѣлался нелѣпостію для новоисторическаго, хотя заслуги и труды перваго и глубоко оцѣнены послѣднимъ.

Впрочемъ я коснулся этого мимоходомъ; въ области ума, въ наукѣ, труднѣе доказать ограниченность взгляда, нежели въ искусствѣ, потому что въ ней явленія менѣе осязательны; но всякій желающій судить безпристрастно и неподчиненно страшному велѣнію академизма и профессуры, найдетъ и здѣсь ту же самую безжизненность и ту же ограниченность. Тамъ и тутъ страшное старовѣрство и отсталость отъ успѣховъ человѣчества. Одинъ изъ видимыхъ признаковъ такой отсталости, вражда къ каждой самостоятельной попыткѣ, заподозрѣніе въ намѣренномъ, а неискренномъ сознаніи убѣжденій, тогда какъ живое человѣчество радуется всякому живому движенію ума, радушно привѣтствуетъ всякое свободное явленіе жизни, даже и тамъ, гдѣ оно разбиваетъ заповѣдные его предразсудки.

Но таковъ уже неизбѣжный законъ всего живущаго: самостоятельности на всѣхъ путяхъ жизни суждено настойчиво пробиваться сквозь накопленные вѣками предразсудки и особенно сильно бороться съ упорнымъ подражаніемъ. Будемъ надѣяться, что скоро и въ области ума явится болѣе простора, а теперь посмотримъ, какъ и когда онъ явился въ области искусства.

Лѣтъ съ небольшимъ 30 тому назадъ, или около того, нѣсколько Нѣмецкихъ художниковъ прибыли въ Римъ, по обычаю художниковъ многихъ вѣковъ и странъ, изучать искусство въ его источникѣ. Во главѣ ихъ по таланту, по высотѣ понятій объ искусствѣ, но едва ли не болѣе всего по силѣ чувства, былъ *Овербекъ*, потомъ *Корнеліусъ*, *Файтъ* (или *Фейтъ*, Veit), *Стейнла*, *Шадовъ* и другіе. Почти всѣ они были протестанты, всѣ люди мыслящіе, допускавшіе вѣрованіе, какъ поэзію жизни, никакъ не болѣе. Твердое, постоянное, самостоятельное пребываніе его въ душѣ и въ жизни человѣка, особенно еще образованнаго, казалось имъ застарѣлымъ предразсудкомъ прежняго времени, прекрасною готическою развалиною средневѣковаго міра.

Величіе *вѣчнаго города*, увлекательно краснорѣчивый языкъ его развалинъ, великолѣпіе храмовъ, поэзія перво-Христіанскихъ преданій, освятившихъ почти каждый камень одного изъ первыхъ Христіанскихъ городовъ, теплота никогда неумолкаемыхъ моленій, природа, кли-

матъ, небо, все въ Римѣ соединилось во едино, все брало сторону художественнаго стремленія и душевной теплоты, и мало уживалось съ холодомъ протестантскаго ученія. Впрочемъ всего этого было бы весьма недостаточно: все это въ Римѣ существовало точно также и прежде ихъ прибытія, не одинъ десятокъ столѣтій; продолжаетъ быть тѣмъ же и послѣ, и между тѣмъ тысячи протестантовъ, даже такихъ, какъ на примѣръ Платнеръ и Бунзенъ, которые изучили, какъ говорится, всю подноготную Рима и передали ее намъ въ лучшемъ и подробнѣйшемъ его описаніи, какое только было когда либо (*Beschreibung von Stadt Rom*), или такихъ, которыхъ глубоко развитое художническое чувство открыло въ области изящнаго множество если и не новаго, то по крайней мѣрѣ давно забытаго, каковъ на примѣръ Фонъ Руморъ, котораго *Italienische Forschungen* едва ли не лучшій указатель мало извѣстныхъ до него красотъ дорафаэлевской живописи; тысячи, говорю, протестантовъ нисколько не подчиняются Римскому вліянію.

Вліяніе мѣстности было второстепеннымъ движителемъ; всего болѣе способствовало обращенію къ теплотѣ вѣрованія новоприбывшихъ въ столицу искусства общее тогдашнее движеніе въ Европѣ. Неуспѣвшая еще вполнѣ втянуться въ настоящее промышленное направленіе и погрузиться въ него въ той степени, въ какой она погрузилась въ настоящую минуту (на долго ли, это извѣстно одному Богу), Западная Европа почувствовала всю неполноту своей умной, логически устроенной жизни и всю несостоятельность одностороннихъ, или по крайней не отвѣчавшихъ всей полнотѣ человѣческой природы, своихъ выводовъ, много удовлетворявшихъ умъ, но мало дававшихъ въ отвѣтъ на вопросы и требованія другихъ сторонъ души человѣческой. Мало по малу въ западноевропейскомъ обществѣ со всѣхъ сторонъ послышался всеобщій ропотъ и вслѣдъ за нимъ сильный протестъ противъ общественнаго устройства.

Одни требовали полнаго его преобразованія, искали его различными путями и, искавши его извнѣ, безъ заботы о внутреннемъ измѣненіи человѣка, разумѣется, доходили до самыхъ ложныхъ, часто нелѣпыхъ, часто уродливыхъ построекъ новаго общественнаго порядка. Явилось множество общественныхъ (соціальныхъ) сектъ, подъ различными названіями сенъ-симонистовъ, фурьеристовъ, коммунистовъ, мютюалистовъ и проч. Надѣлалось много шуму, пролилось много крови, и ни одно изъ новыхъ ученій не выдержало самаго даже

снисходительнаго суда времени, всѣ онѣ уничтожились сами собою, по крайней мѣрѣ, какъ секты, и теперь, смотря на нихъ, какъ на явленія почти прошедшія, наблюдатель-изслѣдователь видитъ въ каждомъ изъ нихъ одно вполнѣ законно человѣческое, — это исканіе возможнаго человѣческаго счастія. Но незаконность путей и совершенная ихъ несостоятельность наложили въ глазахъ большинства печать незаконности не только на нихъ самихъ, но и на самыя ихъ стремленія.

Другіе, болѣе кроткіе, болѣе уважающіе внутреннюю жизнь человѣка, безъ которой никакая внѣшность не устроитъ его земнаго счастія, обратились къ тому времени западноевропейской жизни, когда люди въ самомъ, по видимому, суровомъ быту, при всемъ простомъ устройствѣ общественности, находили въ самихъ себѣ и во всемъ ихъ окружавшемъ множество жизненныхъ наслажденій и много довольства, именно къ средневѣковой западноевропейской исторіи. Они нашли тайну тогдашняго довольства въ глубинѣ и теплотѣ вѣрованія, къ нему прильнули всею душею и думали, что умъ, сердце и волю человѣка XIX столѣтія можно точно также заковать въ стальныя латы латинства, какъ были они закованы до XV вѣка. Въ этомъ числѣ искателей внутренняго спокойствія было много художниковъ, именно: кромѣ малоизвѣстныхъ, всѣ безъ исключенія поименованныя нами художественныя знаменитости. Въ жизни они сдѣлались самыми ревностными, одни вполнѣ искренними, другіе, какъ напримѣръ Шадовъ, добровольно принудительными католиками; въ искусствѣ приняли все отъ первоиталіанскихъ дорафаэлевскихъ живописцевъ, какъ неизмѣнный законъ живописи, подчинились во многомъ ихъ пріемамъ и многое себѣ усвоили. Въ порывѣ увлеченія, многіе изъ нихъ съ перваго шагу приняли самые недостатки за совершенство, рѣшительно отчудились отъ современныхъ понятій и требованій въ области искусства и составили особое направленіе, которое потому нельзя назвать *школою*, что въ немъ не было самостоятельной жизненной основы, слѣдовательно, ни собственнаго внутренняго содержанія, ни самостоятельной отличительности въ пріемахъ, а все было только явленіемъ временнаго увлеченія.

Общество, еще сильнѣе большинства художниковъ, встрѣтило восторженное увлеченіе въ искусствѣ насмѣшками, оскорбительными выходками, и новое направленіе назвали *пуристическимъ*, а представителей и послѣдователей его *пуристами*. Сначала это названіе

было насмѣшливымъ прозвищемъ; мало по малу восторженность пуристовъ пришла въ предѣлы спокойно вѣрующаго воззрѣнія, истинно принадлежащее прекрасному отдѣлилось отъ несовершенствъ еще не совсѣмъ развитаго искусства. Тихая, но непреклонная стойкость убѣжденія твердо выдержала нападки академическихъ притязаній и тѣмъ самымъ утвердила за собою законность своего существованія. Между тѣмъ толпа увидѣла много прекраснаго въ явленіяхъ искренне вѣрующей души, хотя онѣ и не подчинялись ея привычнымъ понятіямъ. По естественному ходу вещей сдѣланы были взаимныя уступки, и вотъ прошло не съ большимъ 20 или 30 лѣтъ, какъ, казавшееся прежде дикимъ, пуристическое направленіе, получило полное право гражданства въ области искусства и начало пользоваться глубокимъ уваженіемъ отъ истинно образованныхъ художниковъ. Есть еще и теперь застарѣвшіе въ своихъ прежнихъ понятіяхъ, но ихъ возгласы и ратоборство не находятъ болѣе живаго сочувствія; они довольствуются стариковскимъ ворчаньемъ и порицаньемъ всего живаго и дѣйствующаго.

Не говоря уже о томъ, сколько талантовъ вызвало и вызываетъ прежнее пуристическое направленіе на поприще художественной дѣятельности, оно принесло огромную услугу искусству тѣмъ, что расширило кругъ его. До него и до его послѣдователей самое имя Перуджино, учителя великаго Рафаэля, было едва только не въ числѣ архивныхъ свѣдѣній въ мірѣ живописи; благодаря имъ, мы научились находить красоты не только у него и его современниковъ, Болонца Франческо Франчіа и Венеціанца Беллини, но пошли гораздо далѣе, даже дошли до того, что открыли красоты въ строгихъ произведеніяхъ Мантеньи, часто въ сухихъ, но отчетливо вѣрныхъ природѣ работахъ Луки Синьорелли, стали плѣняться картинами Доменико Гирландаіо, смотрѣть на Масаччіо, какъ на истинно великаго дѣятеля въ живописи, умѣли открыть много достоинствъ въ самомъ Джіотто, но всего болѣе научились восхищаться едва земною чистотою произведеній Фра Беато Джованни Анжелико да Фіезоле, чистотою, какой никто не достигалъ изъ его предшественниковъ, и которая сдѣлалась недоступна никому изъ слѣдовавшихъ за нимъ самыхъ великихъ геніевъ искусства.

Святость представленія, чистота пониманія, неописуемая прелесть подробностей, спокойствіе и художественная высота исполненія, не смотря на частые и значительные недостатки, до того поражаютъ

всякаго внимательно смотрящаго на картины и фрески Фра Джованни Анжелико, что онъ не можетъ понять, какимъ образомъ такой великій художникъ могъ оставаться почти что—совершенно забытымъ, въ продолженіи слишкомъ двухъ столѣтій. Я имѣю право сказать—забытымъ, когда живописецъ-писатель, если и не сильно талантливый, во всякомъ случаѣ, стоявшій въ прошедшемъ столѣтіи на высшей степени художественнаго образованія, Рафаэль Менгсъ ни разу не упомянулъ объ немъ, ни въ своихъ *разсужденіяхъ о красотѣ и вкусѣ въ живописи*, ни въ своихъ сужденіяхъ *о трехъ великихъ живописцахъ: Рафаэлѣ, Корреджіо и Тиціанѣ, и также о древнихъ художникахъ*.

Самые недостатки Джованни Анжелико являлись или потому, что онъ не обращалъ на нихъ вниманія, писавши по требованію святой души своей и не смѣвши исправлять разъ уже написаннаго, какъ не произведенія своего воображенія, а дара молитвы, или потому, что они были прямымъ слѣдствіемъ постояннаго и неизмѣннаго его стремленія къ неземному, при которомъ не было мѣста полному вниманію къ чему-либо дольнему. Однимъ словомъ, все вмѣстѣ таково, что самый строгій судья, особено когда дѣло идетъ о приговорѣ надъ художникомъ не его направленія, самый пристрастный къ современному ему взгляду на искусство (а онъ жилъ и писалъ въ то время, когда довольно презрительно смотрѣли на все, не выдерживающее суда внѣшней красоты очертаній, и красоты вполнѣ пластической), жизнеписатель художниковъ Вазари не могъ не прибѣгать часто къ такимъ выраженіямъ: «такъ прекрасны, что нельзя и выразить» (1) или: «такъ хорошо написана, что нельзя представить себѣ, чтобы можно было видѣть что-нибудь, сдѣланное съ такимъ тщаніемъ, ни лицъ, болѣе и лучше понятыхъ, нежели эти»; (2) или: «такъ прекрасны, что кажутся истинно райскими, и кто бы къ нимъ ни приблизился, не можетъ на нихъ насмотрѣться»; (3) или наконецъ: «и я могу о себѣ сказать по всей правдѣ, что когда бы я ни смотрѣлъ на это произведеніе, всегда оно мнѣ кажется новымъ и ни-

---

(1) tanto belli, che non si può dir più. Opere di Giorgio Vasari, pittore e architetto aretino. Firenze. 1848. Томъ IV стр. 25.

(2) è tanto ben fatta, che non è possibile immaginarsi di poter veder mai cosa fatta con più diligenza, ne le più delicate o meglio intese figurine di quelli. Тамъ же стр. 28.

(3) sono tanto belle, che paiono veramente di paradiso, nè può chè vi si accosta saziarsi di vederle. Тамъ же, стр. 29.

когда не ухожу я отъ него насыщеннымъ» (1). Подобные отзывы у Вазари можно найти едва ли не на каждой страницѣ жизнеописанія фіезолійскаго монаха-живописца.

Я нарочно привелъ въ подлинникѣ сужденія художника, совершенно иного направленія; что же сказать о поклонникахъ Джованни Анжелико, который до того увлекалъ всѣхъ своихъ современниковъ, что общій голосъ ихъ, еще при жизни художника, причислилъ его къ лику блаженныхъ; вообще прозванія *angelico* и *beato*, ангельскій и блаженный, сдѣлались неразлучными съ его именемъ и въ устахъ народа, и въ лѣтописяхъ исторіи искусства.

Теперь снова имя Фра Беато Джованни Анжелико да Фіезоле внесено въ число именъ великихъ художниковъ; нѣтъ человѣка, получающаго художественное образованіе, который не зналъ бы его; изученіе его произведеній сдѣлалось непремѣнною обязанностію художника, бывающаго въ Римѣ и во Флоренціи. У насъ, если я не ошибаюсь, только двое изъ писавшихъ о живописи упоминали имя Джованни Анжелико: А. Майковъ и М. Бибиковъ; послѣдній писалъ объ немъ съ особеннымъ сочувствіемъ, потому что имѣлъ случай много изучать его во Флоренціи и въ Фіезоле. До нихъ же не только мы ничего не встрѣчали о немъ въ печати, но даже весьма рѣдко случалось слышать его имя отъ самихъ живописцевъ, много лѣтъ проведшихъ въ Италіи, которыхъ слово о живописи считалось сильнымъ авторитетомъ и надежнымъ указателемъ для всякаго молодаго художника (2).

---

(1) è io per me posso con verita affermare, che non vedo mai questa opera che non mi paia cosa nuova, ne me ne parto mai sario. Тамъ же стр. 30.

(2) При этомъ случаѣ я считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ объ одномъ изъ нашихъ художниковъ, граверѣ Ѳ. И. Іорданѣ (пріятелѣ покойнаго Гоголя), который изъ долгаго пребыванія въ Италіи, кромѣ огромнаго, превосходнаго, высоко-художественнаго труда своего—гравюры съ Преображенія Рафаэля, привезъ намъ вполнѣ современный взглядъ на искусство. Мое воспоминаніе объ немъ, сколько дань уваженія къ его художественной высотѣ, столько же вмѣстѣ и дань благодарности за то, что онъ, въ бытность свою въ Римѣ, съ полнымъ радушіемъ руководилъ, какъ меня, такъ и весьма многихъ изъ насъ Русскихъ, въ изученіи и многостороннемъ пониманіи художественныхъ произведеній. Никогда, ни любитель искусства, ни писатель, изучающій искусство наглядно, не могутъ въ той степени понимать художественную красоту произведеній изящнаго, въ какой понимаетъ ее истинный художникъ. Это происходитъ не столько отъ того, что первымъ менѣе знакомы техническія стороны того или другаго искусства, сколько отъ полноты развитія художественнаго чувства въ послѣднемъ, прямомъ слѣдствіи его преимущественно художественнаго образованія, его долгой на-

II.

О времени и особенно мѣстѣ рожденія Джованни Анжелико извѣстія были или неточны и неопредѣленны, или вовсе ошибочны. Вазари принимаетъ Фіезоле (*) его родиною и часто сбивается въ годахъ, другіе или приняли на слово неточныя его указанія мѣстъ и годовъ, или еще болѣе ввели сбивчивости; поэтому, оставя всѣхъ ихъ, я буду брать за опредѣленное то, что намъ говоритъ *Маркезе*, самый подробный и добросовѣстный изъ всѣхъ біографовъ Фіезольскаго художника, и считаю себя въ полномъ правѣ полагаться на его изслѣдыванія, еще болѣе потому, что я имѣлъ случай повѣрять его слова всѣми другими источниками.

Джованни Анжелико родился въ 1387 году, въ небольшомъ, но по тогдашнему сильно укрѣпленномъ замкѣ *Виккіо* (Vicchio), въ плодородной и обширной области Муджелло (Mugello). Въ бурныя времена среднихъ вѣковъ, когда, особенно въ Италіи, ихъ самой живой представительницѣ, каждый знаменитый домъ составлялъ какъ бы особое владѣніе и часто велъ наступательную и оборонительную войну съ сосѣдними владѣтелями и республиками, замокъ Виккіо построенъ былъ Флорентинскою республикою въ защиту отъ властолюбивыхъ графовъ Гвиди. Недалеко отъ него, въ нѣсколькихъ миляхъ, находится и *Веспиньяно*, родина перваго истинно Италіанскаго живописца *Джіотто*. Тотъ, и другой: патріархъ Италіанскихъ живописцевъ и знаменитѣйшій изъ художниковъ его школы, какъ будто бы съ самаго рожденія были обречены на служеніе искусству. Случай и удачное столкновеніе обстоятельствъ такъ мало принимали участія въ открытіи имъ пути и направленіи ихъ дѣятельности, что если и можно благодарить такія случайности, то развѣ за одно, именно за то, что ни которая изъ нихъ не совратила прирожденныхъ художниковъ съ поприща, предназначеннаго имъ съ колыбели. Перваго, то есть,

---

глядности, наконецъ, мышленія, сосредоточеннаго на одинхъ произведеніяхъ искусства и на самомъ искусствѣ. Не имѣй я постоянными руководителями въ сужденіяхъ о прекрасномъ нашего историческаго живописца Иванова, гравера Іордана, скульпторовъ— покойнаго Ставассера и Пименова, и молодаго, весьма талантливаго архитектора Иванова, многое было бы мнѣ недоступно въ области изящнаго.

(*) Отъ того собственно называетъ его Фіезольскимъ (da Fiesole), хотя теперь мы и знаемъ настоящую родину Джованни Анжелико, но уже прозваніе *da Fiesole* ему усвоено.

Джіотто отецъ западно-европейской живописи, Чимабуе, писавшій еще подъ явленіямъ Византійцевъ, нашелъ на полѣ, пасшимъ стадо, и въ его грубомъ изображеніи овцы открылъ врожденную наклонность мальчика. Вторый, нашъ Джованни Анжелико, тоже сынъ не только не знатныхъ, но и почти неизвѣстныхъ родителей, безъ особой случайности, одною силою своего таланта вознесся на степень первыхъ художниковъ въ Италіи.

Въ поэтическомъ поклоненіи великимъ талантамъ, многіе изъ ихъ соотечественниковъ хотѣли такое счастливое столкновеніе приписать самой мѣстности: небу, климату и природѣ ихъ родины. Но напрасно старались они дѣлать человѣка и талантъ его крѣпостными земли: одна земля, безъ жизненнаго содѣйствія людей, рѣдко надѣляетъ насъ и растительными произведеніями, и тѣмъ еще менѣе талантами. Направленіе жизни всего болѣе дается самою жизнію, воспитывается жизненною средою; въ ней собственно и надобно искать источника жизненной производительности. Она легко можетъ объяснить намъ, отчего именно Умбрія, преимущественно предъ другими частями Италіи, произвела и воспитала въ себѣ цѣлую школу художниковъ исключительно средневѣковаго направленія, то есть, *восторженно* мистическаго.

Расположенная въ средней Италіи, не вдалекѣ отъ главныхъ средоточій Италіанскихъ движеній, и особенно отъ верховнаго двигателя всей средневѣковой исторіи, отъ папскаго Рима, Умбрія не могла не принимать въ себя и не рѣшать въ своей жизни всѣхъ главныхъ вопросовъ того времени. Прибавимъ еще и то, что съ самаго перваго появленія средневѣковаго направленія, и особенно въ вѣка наибольшаго его развитія, она, благодаря своей мѣстности, постоянно сохраняла у себя и какъ бы скопляла въ себѣ всю полноту средневѣковыхъ преданій и вѣрованій. Съ первыхъ временъ Христіанства, больше же всего со временъ переселенія или движенія чуждыхъ Италіи племенъ, всѣ, приходившіе постоянно разорять Италію, стремились къ ея гражданскому средоточію, а потому, или только проходили Умбрію, или были близъ нея, но никто не избиралъ ея себѣ мѣстомъ жительства. Отъ того съ давнишнихъ поръ въ ней образовались тихія убѣжища уединеннаго созерцанія и пламенной молитвы. Сколько было тогда ограбленныхъ и раззоренныхъ варварами, спасавшихся отъ страшно-насильственнаго произвола власти феодаловъ; уставшихъ и измученныхъ бурною средневѣковою жизнію; искавшихъ безмолвія и внѣшняго покоя послѣ едва вообразимаго разгула того времени, нуждавшихся въ отшельни-

ческомъ покаяніи, вдали отъ военныхъ криковъ, безпрерывно оглашавшихъ тогда все дѣятельно жившее общество, и въ отдаленіи отъ страшныхъ, теперь едва понятныхъ намъ буйствъ, необузданнаго въ разгарѣ сильныхъ страстей своихъ, средневѣковаго человѣка,—гдѣ было всѣмъ имъ найти такой тихій, укромный пріютъ, какой доставляли холмы и горы Умбріи? Первоиноческія обители и пустынножительскія общины укрыли душу отъ волненій; небольшіе города, какъ орлиныя гнѣзда, расположившись по скаламъ, холмамъ и скатамъ горъ, дали убѣжище укрывавшемуся рабу и защитили его отъ необузданно прихотливой власти помѣщика феодала. И тѣмъ, и другимъ молитва и вѣра были единственными источниками утѣшенія. Преданія, вѣрованія, легенды и повѣрья вносились сюда со всѣхъ сторонъ и здѣсь оставались, потому что жизнь дѣятельная, живые успѣхи человѣчества неслись путями болѣе открытыми и не имѣли ни времени, ни потребности заглядывать въ укромныя убѣжища молитвы и покаянія, по самому своему составу мало сочувствующія всякому внѣшнему движенію.

Вотъ причина, почему настроеніе Умбрійскаго общества съ раннихъ лѣтъ было особенно молитвенно и предано вѣрованію. Этимъ же довольно удовлетворительно можно объяснить и то, что именно въ этихъ предѣлахъ жили, проповѣдывали и подвизались выше всѣхъ чтимые собственно Латинскою Церковію, установители двухъ главнѣйшихъ орденовъ западно-католическаго монашества, Св. Доминикъ и Св. Францискъ; здѣсь же, на пріютныхъ холмахъ и между трудно проходимыми горами, устроились мирныя обители ихъ многочисленныхъ послѣдователей. Однажды занесенныя сюда иноческими и отшельническими обителями, вѣрованіе и молитва въ нихъ росли и укрѣплялись: горы, лишившія эту страну удобствъ сообщенія, были какъ бы стражами и хранителями ея нравственныхъ, душевныхъ сокровищъ.

Подъ иными условіями жили другія страны Италіи, развившія въ себѣ всю полноту средневѣковаго искусства—живописи.

Римъ кипѣлъ и разгарался страстями; народъ былъ живымъ орудіемъ живой власти, исполнителемъ законныхъ и незаконныхъ распоряженій деспотическихъ властелиновъ Латинства. Этотъ Римъ былъ самопроизвольнымъ, верховнымъ распорядителемъ всей средневѣковой жизни, пока жизнь развивалась и шла впередъ путемъ Латинства. Онъ сдѣлался хитрымъ, макіавелическимъ обольстителемъ, когда ла-

тинство, исполнивъ свое историческое и слѣдовательно человѣческое назначеніе, начало тяготѣть около самаго себя и оказалось неудовлетворительнымъ, несостоятельнымъ предъ требованіями человѣческаго развитія, наконецъ часто низкимъ, неизмѣнно лукавымъ, не пренебрегающимъ никакими средствами, однимъ словомъ, Римъ сталъ іезуитомъ, когда отживши свое время, само латинство обратилось въ безжизненный трупъ и изъ прежняго руководителя по пути человѣческаго развитія, онъ сдѣлался первымъ врагомъ его и заклятымъ гонителемъ всякаго истинно человѣческаго успѣха, притѣснителемъ всякаго свободнаго человѣческаго движенія. Онъ властительствовалъ, хитрилъ, наконецъ искажалъ человѣческую природу; прямо или косвенно всѣмъ давалъ направленіе подвластной ему средневѣковой и послѣдующей за тѣмъ жизни; по тому самому ему не было ни довольно спокойствія, ни времени для того, чтобы внутри себя образовать художественную школу.

Флоренція и Миланъ съ первыхъ временъ полнаго развитія жизни среднихъ вѣковъ образовали въ себѣ зародыши протеста противъ крайностей латинства, именно противъ рѣзкаго его вмѣшательства въ жизнь общественную, оставаясь однако же постоянно въ предѣлахъ духовнаго ему повиновенія. Гибеллины и еще раньше гибеллиновъ, то поборники имперскихъ притязаній, то такія явленія, какъ Арнольдъ Бресчіанскій, были первыми проблесками общечеловѣческихъ требованій, не подчинявшихся безусловно и безсознательно латинству и не отдавшихъ ему всей своей природы. Школы Миланская и Флорентинская, особенно послѣдняя, потому что первая, какъ въ жизни, такъ и въ искусствѣ, никогда не занимала постоянно виднаго мѣста, а только являлась по временамъ, опиравшись на сильныя личности; — эти школы были истинно гибеллинческими въ искусствѣ. Въ нихъ было видно общее основаніе среднихъ вѣковъ: Латинская церковь давала имъ содержаніе, предметъ, и имѣла вліяніе на самое исполненіе картинъ; но умъ рано началъ объявлять свои требованія, и въ живописи, съ одной стороны преобладаніе сочиненія, съ другой повѣрка себя природою и раннее увлеченіе древнимъ языческимъ искусствомъ, брали верхъ надъ безусловнымъ увлеченіемъ. Преимущественно развивавши одну сторону искусства, они рано начали являть въ себѣ недостатокъ глубокаго вѣрованія, и едва только искусство развилось до того, что образовало школу, тотчасъ же теплота и восторженность чувства подчинились законамъ ума и его требо-

ваніямъ. Здѣсь сочиненіе въ картинахъ, взятое во всей обширности его значенія, взяло перевѣсъ надъ всѣми прочими сторонами изящнаго.

Венеція, съ первыхъ дней своего отдѣльнаго отъ всѣхъ существованія разъединенная съ остальною Италіею, сосредоточилась сама въ себѣ. По естественному порядку вещей она тоже носила на себѣ печать средневѣковаго времени, однако же носила ее на столько, на сколько не могла уже сбросить иго времени, никакъ не болѣе. Вмѣстѣ со всею Западною Европою она слушала папскія воззванія, но внимала или не внимала имъ, смотря по тому, были ли онѣ благопріятны, или враждебны ея развитію. Не разъ въ своей одиннадцативѣковой неизмѣнной независимости, она рѣшалась открыто отвергать притязанія властителей Латинской церкви: первая изъ Латинскихъ государствъ, правда, уже въ періодѣ новой исторіи, сочиненіями своего богослова монаха Фра Паоло Сарпи объявила свѣтскія требованія папы не имѣющими основанія въ человѣческомъ правѣ и не слишкомъ заботилась о страшныхъ его проклятіяхъ. Однимъ словомъ, вся внутренняя ея жизнь сосредоточивалась въ самой ей, только внѣшнею стороною жизни платила она дань своему времени. Все это ярко отразилось и въ знаменитой ея школѣ живописи. Съ самаго *Беллини*, даже еще прежде его, съ *Виварини*, внѣшняя сторона искусства брала верхъ надъ глубиною содержанія. Священные предметы были болѣе данью времени, нежели душею картины: у Беллини уже колоритъ взялъ превосходство надъ сочиненіемъ и выраженіемъ, и предсказывалъ то полное и исключительное его господство, которое у Тиціана, Пальмы Веккіо и вообще во всей Венеціанской школѣ живописи, дошло потомъ до послѣдняго высшаго предѣла своего развитія. Такимъ образомъ въ гражданской жизни, въ политическихъ сношеніяхъ, въ быту частномъ, въ искусствѣ и даже въ религіи, во всемъ венеціанскомъ первою и послѣднею точкою была сама прекрасная Венеція.

Неизмѣнно всегда гвельфическая Умбрія ни разу не подала голоса противъ притязаній латинства, для нея, какъ и для всѣхъ, часто притѣснительныхъ. Вѣрованіе ея было невозмутимо; въ немъ какъ бы уничтожалась собственная ея личность, оно вполнѣ удовлетворяло ея дѣйствительную жизнь въ цвѣтущее свое время и послѣ оковало ее преданіями, слившимися съ жизнію народною, точно также, какъ сильное, искреннее чувство навсегда оковываетъ человѣка, разъ нашедшаго въ

немъ всю полноту и все счастіе существованія. Холмы и горы, усѣянные монастырями и отшельническими обителями, охраняли его, какъ мы уже сказали, такъ вѣрно и бдительно, что до послѣднихъ годовъ прошедшаго, даже почти до второй четверти настоящаго столѣтія, во многихъ изъ городовъ Умбріи, въ обиходномъ быту, вездѣ проглядывали средневѣковые обычаи и привычки. Перуджіа, Фолиньо, Монтефалько, Ассизи, Читта дела Піеве, Тоди, Читта ди Кастелло, Урбино и множество другихъ, еще недавно подчинялись всей строгости средневѣковаго латинства, а нѣкоторые города, какъ на примѣръ Губбіо, до того остались недоступными движенію современности, что и до сихъ еще поръ въ нихъ можно изучать средневѣковой бытъ, какъ живой уставъ жизненнаго порядка.

Здѣсь средневѣковая жизнь нашла себѣ полное приволье и избрала этотъ уголокъ своею обителью. Здѣсь-то началась, воспиталась и дошла до высшей степени своего развитія *мистическая школа живописи*. Джіотто, преобразившись въ Масаччіо и Гирландаіо во Флоренціи, въ Джованни Беллини въ Венеціи, развился во всей силѣ и таинственности вѣрованія въ Джованни Анжелико, явившаго всю полноту своего таланта въ обителяхъ Умбріи. Нигдѣ молитва души не выразилась ни такъ восторженно, ни такъ чисто, искренно и плѣнительно, нигдѣ она не облеклась въ такіе едва земные образы, въ какихъ она явилась въ этомъ скромномъ уголкѣ Италіи, особенно въ произведеніяхъ Фра Беато Джованни да Фіезоле. Даже въ то время, когда она одна, сама по себѣ, не могла нигдѣ удовлетворить души тревожнаго человѣка, и здѣсь въ твореніяхъ Перуджино, знаменитаго учителя великаго Рафаэля, и послѣ въ менѣе талантливыхъ произведеніяхъ Рафаэлева соученика Пинтуриккіо, все еще было видно, что она оставалась почти единственнымъ источникомъ и главнымъ содержаніемъ искусства.

Что касается собственно до Виккіо, родины Джованни Анжелико, то, по политическому раздѣленію страны, этотъ замокъ находится не въ Умбріи; но этнографическіе предѣлы не имѣютъ такой опредѣленности, межи ихъ не проводятся прямыми линіями и не измѣняются завоеваніями, по этому и города Флорентинской республики, ближайшіе къ Умбріи, по жизненному направленію своихъ обитателей, были чисто умбрійскими. Это одно. Второе же и главнѣйшее то, что развитіе таланта Фра Джованни Анжелико произошло не столько на его родинѣ, сколько именно въ Умбрійскихъ обителяхъ.

Останавливаясь такъ долго на объясненіи явленія, на которое обыкновенно мало обращаетъ вниманія исторія человѣческаго развитія, и которое весьма важно въ исторіи искусствъ, именно: на образованіи каждой отдѣльной школы, какъ чисто жизненнаго произведенія той или другой исторической мѣстности, мнѣ хочется мимоходомъ коснуться того, что искусство не есть случайный додатокъ къ жизни, что существованіе отдѣльной школы его не есть прихотливое произведеніе обстоятельствъ, что по этому и появленіе истинно великаго художника точно также не случайность въ исторіи, какъ и великаго политическаго или гражданскаго дѣятеля, или замѣчательнаго двигателя въ умственной и литературной жизни народа. Лишивши художественную знаменитость такого значенія, мы отняли бы не тольк у каждаго жизнеописанія отдѣльнаго художника, но и у цѣлой исторіи искусствъ, все право на наше общечеловѣческое къ ней вниманіе и на ея изученіе.

Умбрійская школа, какъ я уже говорилъ объ этомъ въ началѣ, такъ долго обречена была на неуваженіе и даже на полное забвеніе, что не приходило и на мысль обратить вниманіе на ея непрерывность, скрывавшуюся долгое время въ работахъ мелкой живописи, въ миніатюрахъ рукописныхъ книгъ прежняго времени. Поэтому, когда вниманіе и глубокое уваженіе всѣхъ художниковъ обратилось на Фра Беато Анжелико, онъ явился большинству ихъ какъ бы чѣмъ-то отдѣльнымъ, какъ бы какимъ-то исключеніемъ изъ общаго движенія современнаго ему искусства, тогда какъ изученіе работы миніаторовъ показываетъ, что онъ есть естественное явленіе въ ходѣ Умбрійской школы живописи.

Изъ всей художественной жизни Анжелико мы знаемъ, что онъ въ свѣтѣ назывался Гвидо или Гвидолино, что у него былъ братъ (котораго Вазари называетъ старшимъ, а по изслѣдованіямъ Маркезе младшій) и что оба они въ 1407 году вступили послушниками доминиканскаго ордена въ новопостроенный доминиканскій монастырь въ Фіезоле. Гвидо принялъ имя Джованни (1), а младшій братъ его Венедикта,—Фра Бенедетто; послѣдній всю свою жизнь остался

(1) *М. Бибиковъ*, вѣроятно, по недосмотру называетъ его « *Фра Бартоломео да Фіезоле*, извѣстный болѣе подъ именемъ *Беато* (блаженный) *Анжелико*.» Москвитянинъ 1853, въ статьѣ: *Выписки изъ записной книжки туриста по Италіи.* Я говорю: вѣроятно по недосмотру, потому что Бибиковъ много изучалъ произведенія Фіезольскаго художника и къ тому же хорошо знакомъ не только съ Вазари, но и со сѣми другими писателями по исторіи искусствъ.

миніатором, весьма извѣстнымъ въ свое время. Но такъ какъ новый монастырь еще не вполнѣ былъ оконченъ и въ немъ не было мѣста для послушниковъ, поэтому оба они весь годъ искуса жили въ Кортонѣ, и въ 1408 произнесли обѣтъ и приняли монашескій санъ. Судя по тому, что пишетъ Вазари объ Анжелико, должно полагать, что, вступавши въ монашество, онъ былъ уже весьма извѣстнымъ художникомъ, по крайней мѣрѣ весьма извѣстнымъ миніаторомъ: «Онъ (Джованни Анжелико) хотя и могъ бы очень хорошо жить въ мірѣ и, кромѣ того, что имѣлъ, пріобрѣтать бы, сколько хотѣлъ тѣмъ искусствомъ, которымъ владѣлъ въ ранней юности, однакожъ, по своему желанію и для спокойствія, бывъ отъ природы разсудительнымъ и добрымъ, и еще болѣе для спасенія души, захотѣлъ быть монахомъ ордена проповѣдниковъ (dei Frati Predicatori): потому что, хотя и во всѣхъ состояніяхъ можно служить Богу, нѣкоторые не менѣе того думаютъ, что лучше можно спастися въ монастырѣ, нежели въ свѣтѣ» (1).

Оба брата сначала упражнялись въ миніатюрной живописи, бывшей тогда въ великомъ употребленіи. Во всякомъ монастырѣ были два рода *миніаторовъ*: одни миніаторы — каллиграфы занимались писаніемъ книгъ, заглавными буквами и мелкими украшеніями, другіе рисовкою фигуръ, замѣненныхъ теперь мало художественными виньетками и гравюрами, или литографіями. Послѣдніе часто писали и небольшіе образа, послѣ помѣщавшіеся по бокамъ главнаго образа, чаще же внизу подъ образомъ и имѣвшіе особое названіе *predella*. На нихъ обыкновенно изображались священно-историческія событія Святаго и вообще того, чей ликъ былъ изображенъ на самой иконѣ. Тутъ отчетливость исполненія доходила до высшей степени совершенства. Миніатюрная живопись была необходимою потребностію того времени, еще незнакомаго съ книгопечатаніемъ. Венгерскій король Матвей Корвинъ содержалъ у себя болѣе тридцати такихъ живописцевъ и между ними двухъ знаменитыхъ Флорентинцевъ: Герарда и Атаванте; монастыри тщеславились одинъ передъ другимъ искусствомъ и извѣстностію своихъ миніаторовъ. Знаменитость многихъ изъ нихъ достигла до того, что Данте, поименовывая современныхъ дѣятелей на всѣхъ путяхъ общественности, въ своей Божественной Комедіи, назвалъ и двухъ миніаторовъ (въ XI книгѣ Чистилища):

---

(1) *Vasari* въ показанномъ изданіи. стр. 25.

O, diss' iò lui, non sei tu Oderisi
L'onor d'Agobbio, e l'onor di quell arte
Ch'alluminar è chiamata in Parisi?
Frate, diss'egli più ridon le carte
Che penelleggia Franco Bolognese:
L'onor é tutto or suo, e mio in parte (1).

Маркезе, біографъ Фіезолійскаго художника, приписываетъ тогдашней миніатюрной живописи сильное значеніе и потому думаетъ, что она имѣла большое вліяніе на образованіе религіозно художественнаго его направленія. «Родившись во время политическихъ переворотовъ при вторженіи варваровъ, возросшая въ отшельнической тѣни монастырей, воспитанная чтеніемъ благочестивыхъ легендъ и монашескихъ псалмопѣній, она услаждала ихъ уединеніе, питала ихъ благочестіе и придавала драгоцѣнность рукописямъ (кодексамъ) классиковъ, которые были цѣнимы варварами единственно за блиставшее на нихъ золото и за красоту испещрявшихъ ихъ красокъ. Запечатлѣнная любовію и таинственностію созерцательной жизни, она сама удивительно украшалася библейскою и литургическою поэзіею католической церкви. Поэтому, если писавшій лѣтописи и благочестивыя преданія былъ также и миніаторомъ, онъ въ небольшихъ изображеніяхъ точно также высказывалъ всю полноту души своей, какъ и въ рѣзкихъ, но пламенныхъ выраженіяхъ лѣтописи; потомъ онъ украшалъ ихъ вѣнками изъ цвѣтовъ, такъ что слова его находили всегда отголосокъ въ прелести его кисти, которая, нельзя не сказать, была весьма часто лучшимъ исповѣдникомъ заповѣдныхъ тайнъ его сердца, нежели варварскій языкъ Славянскій, или и еще болѣе варварскій Латинскій, имъ употребляемый» (2).

(1) «О, сказалъ я ему, не ты ли Одериджи, честь Губбіо и честь того искусства, которое въ Парижѣ называется *enluminer*? Братъ, сказалъ онъ, болѣе плѣняютъ листы, разрисованные Франкомъ Болонскимъ: вся честь принадлежитъ ему, а мнѣ только отъ части».

(2) *Marchese*: Memorie dei più insigni Pittori Scultori e Architetii domenicani. Firenze. 1845. часть 1. стр. 172. Маркезе Италіанецъ; онъ знаетъ по наслышкѣ, что въ нашемъ богослуженіи употребляется языкъ Славянскій (точно также, какъ Латинскій въ западно-католическомъ), считаетъ его совершенно мертвымъ для нашего языка живаго и думаетъ, что на немъ же писаны и наши лѣтописи, какъ на Латинскомъ въ Западной Европѣ, хотя Латинскій языкъ и никогда не былъ для нея языкомъ общеупотребительнымъ. Замѣчательно въ его словахъ однакоже то, что, будучи не только ревностнымъ католикомъ, но и католическимъ монахомъ, онъ не можетъ не сказать о своемъ богослужебномъ языкѣ: «еще болѣе варварскій языкъ Латинскій».

«Миніатюра», говоритъ другой современный намъ историкъ искусства Ріо, «шла тѣмъ же путемъ усовершенствованія, какъ и другія вѣтви искусства послѣ XIV вѣка, и такъ какъ она никогда не оставляла монастырей, которые были какъ бы естественнымъ ея пріютомъ, поэтому она безъ труда сохранила всю чистоту первыхъ своихъ вдохновеній. Рядъ предметовъ, изображаемый преимущественно этими художниками мистиками, удивительно, какъ согласовался съ ихъ исключительнымъ призваніемъ: жизнь Дѣвы Маріи, главнѣйшіе праздники, торжествуемые церковію, все, чтимое народомъ, догматы доступные для изображенія, подвиги милосердія, семь таинствъ, торжественные обряды богослуженія и вообще все, что представляли легенды и богослуженіе наиболѣе поэтическаго. Въ сочиненія такого исключительнаго направленія естественность должна была и могла входить, только лишь подъ вліяніемъ религіознаго начала, и почитаніе языческаго тоже не имѣло возможности блеснуть своими украшеніями и архитектоническою роскошью. Поэтому монастырская строгость представляла препону, какъ противъ такого двойнаго вліянія, такъ и противу свѣтскихъ удовольствій вѣка, и трудъ художника, производимый въ свое время, какъ аскетическое упражненіе въ тишинѣ кельи, содѣлывался, смотря по различію дневныхъ занятій, мицутнымъ соединеніемъ съ прошедшими радостями или страданіями церкви, воспоминаніемъ мученичества или чуда, выраженіемъ вѣрованія въ какой либо особый догматъ, благочестивымъ странствованіемъ ко гробу какого либо Святаго, или на Голгоѳу, или наконецъ онъ обращался въ пламенную молитву, сопровождаемую обильнымъ ручьемъ слезъ, какъ разсказываетъ это Вазари о Беато Анжелико» (1).

Такимъ путемъ шло и въ такой школѣ развивалось художественное воспитаніе Фра Анжелико. Оно тѣмъ еще сильнѣе должно было подѣйствовать на мягкую, впечатлительную душу молодаго 20-лѣтняго художника-монаха, что общественная жизнь того времени, жизнь должностной (оффиціальной), если только можно такъ назвать ее, церкви, равно какъ и жизнь духовенства, прямою своею противоположностію съ истинно духовнымъ направленіемъ и чистотою избранниковъ, еще болѣе должна была вводить истиннаго инока во глубину души его и въ ней заставлять его искать себѣ убѣжища отъ страшныхъ треволненій свѣта, и, что всего страшнѣе для Латинянина,

---

(1) *Rio.* Della poesia christiana nelle sue forme. Venezie. 1841 стр. 167—170.

отъ необходимости признать и осудить безчинство на самомъ престолѣ наслѣдниковъ Св. Петра.

Въ то время какъ два брата художника изъ тихой области Муджелло пришли искать мира и спокойствія въ стѣнахъ монастырскихъ, самые монастыри Латинской церкви раздѣлились такъ между собою, что повсюду были только одна вражда и междоусобіе. На папскомъ престолѣ возсѣдали два властителя, одинъ Бенедиктъ XIII жилъ въ Авиньонѣ, другой новоизбранный Григорій XII въ Римѣ. Каждый называлъ себя наслѣдникомъ Св. Петра, а своего противника лжепапою, и монастырскіе отшельники вмѣсто мирныхъ моленій о благоденствіи церкви, возносили жаркія мольбы о низверженіи враговъ, объ обращеніи отступниковъ и о томъ, чтобъ очи заблудшихъ овецъ общей Христовой паствы открылись для свѣта и истины. Въ каждомъ небольшомъ тогдашнемъ государствѣ, случалось даже, въ каждой области и въ каждомъ монашескомъ орденѣ, была своя истина. Врагами и отступниками въ глазахъ каждаго были принимавшіе законность другаго папы, и такое безчиніе Латинской церкви скоро усилилось еще болѣе, когда кардиналы, прелаты и епископы, отдѣлившіеся отъ той и другой стороны, собрались въ Пизѣ и избрали третьяго папу Александра V. Бывали такія мѣстности, гдѣ на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, въ монастыряхъ и церквахъ, всякій молился о своемъ папѣ и въ тоже время произносилъ проклятіе на отступниковъ, принимавшихъ другаго. И каждый дѣйствовалъ по глубокому убѣжденію! И всѣ эти мольбы, проклятія и самая отчаянная вражда, за ними слѣдовавшая, казались дѣломъ угоднымъ Господу! Каждый считалъ свою мольбу святымъ долгомъ совѣсти!

Легко себѣ представить, каково было тогда нравственное состояніе духовенства и каковъ былъ порядокъ церковнаго и монастырскаго управленія, при такомъ безчинствѣ власти всего Латинскаго міра. Въ то время какъ «Король съ парламентомъ и Сорбоною объявляетъ антипапу (Бенедикта XIII) упорнымъ отступникомъ, еретикомъ, возмутителемъ спокойствія церкви (1), другой папа Григорій XII соглашается ѣхать на соборъ въ Савону, чтобъ тамъ рѣшить дѣло, и для чего же изъявляетъ онъ это согласіе? Лучше всего было то, что эта сулимая поѣздка въ Савону послужила этому перво-

---

(1) *Muratori*: Annali d'Italia dal principio dell'era volgare sin all'anno. 1742. Milano 1753. T. XII. стр. 461.

священнику предлогомъ и придиркою собрать десятину со всего духовенства въ Италіи, Сициліи, Далмаціи, Венгріи и другихъ странахъ. Духовные властители, обѣдненные долгими войнами, представляли невозможность уплаты, но не принимали ни ихъ жалобъ, ни представляемыхъ ими причинъ; страхъ лишиться мѣста заставлялъ каждаго вносить требуемую плату. Для этого весьма многіе продавали сосуды и украшенія церковные, какъ утверждаетъ біографъ этого папы. Теодорикъ Нимскій прибавляетъ, что Римскія церкви и монастыри принуждены были закладывать и продавать свои священныя утвари и свое монастырское имущество. Потомъ это скопленіе денегъ пошло на роскошную и размашистую жизнь папы, на разгулъ его племянниковъ и его огромнаго семейства, такъ что онъ больше издерживалъ на сахаръ, чѣмъ его предшественники на жизнь и одѣяніе» (1). Это пишетъ Муратори,—духовное лице Латинской церкви, получившій воспитаніе у іезуитовъ.

Но чѣмъ страшнѣе и безвыходнѣе были такія церковныя смуты, тѣмъ болѣе требовалось духовной высоты отъ тѣхъ, которые, не могши исправить внѣшняго безпорядка, болѣли душею и въ молитвѣ находили единственное себѣ прибѣжище. Въ мирномъ уголкѣ Умбріи, среди монаховъ доминиканскаго ордена, нашлись многіе, понявшіе необходимость преобразованія, и особенно одинъ изъ нихъ Джованни ди Доменико задумалъ полное измѣненіе монастырской жизни и исполнилъ свое намѣреніе въ новопостроенномъ имъ Фіезольскомъ монастырѣ. Къ нему-то и поступилъ молодой инокъ-художникъ и подъ его строгимъ руководствомъ получилъ свое иноческое воспитаніе. Не долго впрочемъ пришлось здѣсь оставаться Фра Джованни Анжелико: скоро общія смуты Латинской церкви внесли и сюда раздоръ и волненіе.

Городъ Фіезоле былъ въ предѣлахъ Флорентинской республики, она признавала папою Григорія XII, такъ признавали и всѣ ея монастыри. Въ 1409 году, какъ я уже сказалъ, соборъ высшаго Латинскаго духовенства, отдѣлявшагося отъ обоихъ тогдашнихъ папъ, избралъ папою Александра V. Флорентинская республика и главный представитель ордена проповѣдниковъ (Predicatori), генералъ ордена, какъ называютъ ихъ въ Латинскихъ монашескихъ орденахъ, клятвенно признали законность этого послѣдняго папы; но монахи

(1) *Muratori*. тамъ же. стр. 454.

Фіезольскаго монастыря считали беззаконнымъ дѣломъ измѣнить прежней клятвѣ и отвергнуть признаваемаго ими до того времени Григорія XII. Ни просьбы, ни угрозы, ни наконецъ самыя страданія, не заставили ихъ поступить противу крайняго ихъ убѣжденія. Вчера, говорилъ ихъ пріоръ, мы, покорные папской буллѣ, всѣхъ, не признававшихъ его, называли отступниками и еретиками, не подпадемъ же ли мы сегодня подъ наше собственное вчерашнее проклятіе, поступивъ противъ его святѣйшей воли и признавая новаго папу? Но логика плохая защитница въ гражданскихъ и еще того хуже въ церковныхъ междоусобіяхъ. Пріора взяли и заключили въ темницу во Флоренціи. Мирные иноки мирной обители возмутились справедливымъ негодованіемъ и положили скорѣе оставить монастырь и республику, нежели измѣнить совѣсти. Такъ и поступили они: ночью отправились изъ монастыря, перешли въ Папскую Область и въ Фолиньо нашли убѣжище себѣ и защиту неизмѣнности убѣжденія своей совѣсти.

Фра Беато Джованни Анжелико да Фіезоле былъ изъ тѣхъ немногихъ избранныхъ, которые, разъ вступивши на извѣстный путь дѣятельности, какъ бы назначенный имъ при самомъ ихъ рожденіи, не переступаютъ за его предѣлы во всю свою жизнь ни дѣломъ, ни мыслію, ни даже самыми мечтами. Въ разсказанномъ мною добровольномъ изгнаніи изъ отечества онъ былъ безмолвно покорнымъ исполнителемъ воли монастырскаго собора; весь его міръ былъ въ немъ самомъ, въ глубинѣ его души, жившей однимъ вѣрованіемъ; внѣшняя его дѣятельность въ искусствѣ. Самое занятіе искусствомъ было отголосокъ того же вѣрованія, тѣхъ же задушевныхъ убѣжденій, по этому самому оно не тревожилось и почти какъ бы не прерывалось переселеніями. Вездѣ келья его была его мастерскою, кисти и краски единственными пособіями при исполненіи. Для сочиненія ему не нужно было рыться въ книгахъ, ни знакомиться съ изслѣдователями древностей и исторіи. Въ памяти своей, воспитанной на чтеніи и изученіи Св. Писанія, священныхъ преданій и житія святыхъ онъ находилъ полный и неистощимый запасъ свѣдѣній. Взглядъ вѣка, требовавшій отъ художника болѣе внутренней истины, нежели правды внѣшней, уважавшій всего болѣе силу и глубину чувства и совершенно жертвовавшій ему и вѣрностію въ изображеніи одежды и неукоризненною точностію въ передачѣ околичностей и мѣстности, такой взглядъ вѣка не выводилъ благочестиваго художника изъ глубины

душевной его храмины, до того преисполненной священнаго благоговѣнія къ изображаемому имъ предмету, что оно вездѣ являлось въ его произведеніяхъ, начиная отъ ихъ сочиненія, до послѣднихъ ихъ подробностей. Не говоря уже о выраженіи лицъ, самое положеніе фигуръ, потомъ складки платья, сочиненіе мѣстности, тихій спокойный колоритъ безъ яркихъ красокъ и безъ рѣзкихъ ихъ переливовъ, освѣщеніе безъ малѣйшей эффектности, нигдѣ не производящее рѣзкихъ тѣней, однимъ словомъ, все такъ шло прямо изъ души художника, что ничто не измѣняло одному общему, надъ всемъ господствовавшему и все проникавшему, набожному чувству.

Поселившись въ Фолиньо, близь Ассизи, куда стекались тысячами поклонники Западной Европы ко гробу св. Франциска, Джованни Анжелико, молявшись и видѣвши толпы молившихся, имѣлъ всю возможность изучить внѣшній видъ всѣхъ оттѣнковъ моленія, родниться съ художественною его стороною, и такимъ образомъ молитва часто приводила его къ искусству; искусство въ свою очередь, не выходивши изъ ея обители, вводило молитву въ душу художника, всегда къ ней приготовленную. Вотъ все, что можемъ мы извлечь о пути его художественнаго развитія изъ немногихъ словъ, сказанныхъ его біографами. У одного изъ нихъ *Бальдинуччи* (1) находимъ мы предположеніе, будто бы учителемъ его въ живописи былъ *Старнина*, художникъ весьма извѣстный въ то время, когда Джованни Анжелико былъ еще юношею. Но гдѣ? Самъ Бальдинуччи основываетъ свое мнѣніе на одномъ сходствѣ пріемовъ у ученика и учителя, особенно въ фрескахъ перваго. Мнѣніе его не подтверждается никакими другими доказательствами.

Еслибы кто вздумалъ писать о Фіезольскомъ художникѣ, не входя въ оцѣнку и въ изученіе его картинъ, то нечего было бы записать изъ его всегда одинаковой жизни: утромъ онъ молился съ братіею, возвратившись въ келью, или пошедши въ церковь, которой стѣны онъ украшалъ фресками, онъ писалъ и молился; на самую живопись смотрѣлъ, какъ на путь къ принятію той же молитвы, потомъ снова молился при общемъ иноческомъ псалмопѣніи и день оканчивалъ молитвою. Вся внѣшность его жизни, все ея разнообразіе были въ молитвѣ. Мудрено ли послѣ этого, что и всѣ его произведенія есть одна живописная молитва?

---

(1) *Filippo Baldinucci*: Notizie dei professori del disegno da Cimabue in qua. Firenze, 1767. T. III. стр. 90.

Такой образъ жизни въ соединеніи съ восхваленною всѣми его біографами добротою его сердца, состраданіемъ къ бѣднымъ и, какъ говоритъ Вазари, непостижимымъ незлобіемъ, пріобрѣли ему благоговѣніе его современниковъ. Латинская церковь не совершила надъ его памятію обычнаго обряда пріобщенія къ лику святыхъ, ни даже блаженныхъ,—первой степени въ іерархіи святыхъ западнаго исповѣданія; но голосъ народа приписалъ ему титло блаженнаго скоро послѣ его смерти, современники же, еще при его жизни, называли его *ангельскимъ*—angelico, потому что не могли допустить въ человѣческой природѣ его неземнаго незлобія. Въ послѣдствіи времени преданія о художникѣ монахѣ, ни однажды въ жизни не запятнавшемъ своего иночества никакою привязанностію къ чему либо мірскому, такъ неразлучно соединили два эти прозванія съ именемъ Фра Джованни да Фіезоле, что, спустя сто лѣтъ послѣ его смерти, Вазари называетъ его уже безъ всякой оговорки Фра Беато Джованни Анжелико да Фіезоле, — явное указаніе, что подъ этимъ именемъ онъ былъ извѣстенъ всему тогдашнему многочисленному сонму художниковъ и всему обществу.

Слѣдя за произведеніями, или, точнѣе ихъ называя, за живописными моленіями великаго молитвослова-живописца, мы не можемъ опредѣлительно и вѣрно сказать, что именно написано имъ было въ Фолиньо, во время его добровольнаго изгнанія изъ Тосканы. Маркезе, глубоко изучившій пріемы Анжелико, прослѣдившій всѣ годы, мѣсяцы и даже числа въ монастырскихъ лѣтописяхъ, и сличившій всѣ сказанія, позволяетъ себѣ предположить, что онъ въ это самое время написалъ картину или икону для церкви св. Доминика въ Перуджіи, которая остается въ ней и по сіе время. Ему кажется, что въ этомъ произведеніи болѣе, нежели въ другихъ видны пріемы Джіоттовой школы, еще не успѣвшей развиться такъ, какъ она развилась въ скоромъ послѣ того времени въ работахъ Мазолино да Паникале и еще болѣе Масаччіо. Ріо, не всегда отчетливо изслѣдующій частности исторіи искусства, положительно говоритъ, будто бы Анжелико написалъ ее послѣ, возвращавшись на родину изъ Рима чрезъ Перуджію. Но сколько извѣстно, онъ, кромѣ трехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ имъ въ 1447 году въ Орвіето, ни разу не оставлялъ Рима, послѣ того какъ былъ туда призванъ властителемъ Ватикана, какъ мы увидимъ это ниже.

Эта картина, писанная на доскѣ, дошла до насъ не полною. Она

первоначально состояла изъ трехъ отдѣленiй, въ видѣ нашихъ *складней*; на каждомъ было отдѣльное изображенiе. Въ такого рода трестворчатыхъ складняхъ снизу въ верхъ тоже были три яруса: въ самомъ низу небольшiя изображенiя, большею частiю исторiя лица, изображаемаго на средней или главной доскѣ, а на верху всѣ три створки оканчивались треугольниками, въ которыхъ тоже были второстепенныя картины, какъ бы дополняющiя главную. Все обдѣлывалось богатою художественно рѣзною рамою и въ углубленiяхъ роскошной рѣзьбы, по мѣстамъ, были изображаемы или лики святыхъ, или лики чиновъ ангельскихъ. Таковы были весьма многiя иконы и особенно много такихъ по расположенiю осталось намъ отъ Джованни Анжелико.

На перуджинской иконѣ, на золотомъ полѣ, изображена Дѣва Марiя, сѣдящая на тронѣ съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ. По бокамъ Ея два ангела съ цвѣтами; Спаситель въ правой рукѣ тоже держитъ розу. У подножiя трона видны деревья въ горшкахъ, съ бѣлыми и красными розами. Деревья и цвѣты самой дѣтской работы. Этотъ предметъ, и въ этомъ самомъ сочиненiи, Анжелико повторялъ послѣ въ Кортонѣ и въ другихъ мѣстахъ. Выраженiе чистоты, небесной любви и святости Пречистой Дѣвы таково, что смотря на эту картину и прослѣдивши воспоминанiемъ все замѣчательное въ живописи, всякiй сознается, что въ этомъ отношенiи не было никого равнаго Фiезольскому живописцу до его времени и никто не превзошелъ его послѣ. Въ сочиненiи и въ обстановкѣ видна дѣтская простота пониманiя, деревья у подножiя трона, цвѣты, какъ будто воткнутые, или выросшiе изъ тростниковыхъ палочекъ, не выдержатъ самаго снисходительнаго суда искусства. Но простота и искренность такъ соотвѣтствуютъ простотѣ и дѣтской чистотѣ выраженiя всей картины, что еслибы временемъ были уничтожены эти околичности, то художнику, которому пришлось бы возобновлять (реставрировать) картину, не возможно было бы замѣнить ихъ искусно сдѣланными деревьями, или съ природы писанными цвѣтами, не измѣнивъ такимъ замѣненiемъ общей гармонiи и слѣдовательно не исказивъ художественной цѣлости всего произведенiя.

Какъ отвратительна поддѣлка подъ дѣтство чистоты и дѣтство пониманiя, такъ невыразимо высоки эти качества, когда въ нихъ вы ощущаете всю полноту искренности, свѣжести и истины чувства; нельзя ими не любоваться, при всемъ томъ, что каждый соглашается

въ ихъ промахахъ противу требованій искусства. Онѣ тѣмъ выше, что ихъ не достигнешь высокимъ художественнымъ образованіемъ; онѣ суть прямыя явленія точно также дѣтски невинно и искренно вѣрующей души. Здѣсь причина, почему вѣкъ, потерявши чистоту и простоту вѣрованія, потерялъ и внутреннюю вѣру въ возможность ихъ существованія, съ тѣмъ вмѣстѣ онъ перестал понимать ихъ явленія и глубоко уважать ихъ искренность. Отбросьте же искренность и правду у произведеній Фра Анжелико да Фіезоле, тогда многія изъ нихъ дѣйствительно потеряютъ всякое право на вниманіе потомства и только по временамъ остановятъ его на себѣ тамъ, гдѣ внутренняя художественность живописца чрезвычайно удачно подмѣтила художественную сторону внѣшней природы и передала ее во всей прелести. Это всего чаще у него встрѣчается въ изображеніи лицъ, потомъ въ складкахъ одежды и въ движеніяхъ особенно ангеловъ, гдѣ воображенію его предоставляется полный просторъ и возможность высказать все свое богатство. Здѣсь причина и того, что, когда молодое поколѣніе художниковъ, особенно воспитанныхъ въ школѣ Овербека, увлекшись духовною высотою произведеній Беато Анжелико и вышедшею изъ нея художественностію очертаній, начали подражать ему въ самыхъ подробностяхъ сочиненія, они встрѣчены были насмѣшками, и нельзя не прибавить: такая встрѣча имѣла много справедливыхъ основаній. Многіе изъ нихъ взяли одну внѣшнюю сторону чистоты и прелести искренно и пламенно вѣрующей души средневѣковаго художника и приняли эту внѣшность непремѣннымъ условіемъ въ своихъ картинахъ. Правда, что они сильно старались настроить себя такъ, чтобъ быть подобно ему пламенно вѣрующими; но что здѣсь значитъ одно стараніе, и еще того меньше стараніе по заданной мысли? — Внѣшняя простота, всѣ пріемы чистоты, невинности и неопытности дѣтства, признаки искренности души и теплоты вѣрованія, и тутъ же рядомъ явныя указанія возмужалости въ искусствѣ. Съ одной стороны слѣпая подражательность, съ другой разсудительность въ изображаемыхъ догматахъ. Все вмѣстѣ какъ-то очень не ладило между собою. Укоръ, заслуживаемый отдѣльными художниками, палъ на все направленіе.

Въ упомянутой мною перуджинской картинѣ голое тѣло Предвѣчнаго Младенца точно также, какъ и тѣло ангеловъ, не выдерживаетъ суда художниковъ. Нельзя тоже не сказать, что и складки въ одеждѣ Пресвятой Дѣвы далеко уступаютъ лучшимъ произведеніямъ

Фра Джованни Анжелико; но здѣсь можетъ быть вина не его, а времени, отъ котораго очень пострадала картина, или можетъ-быть и вина позднѣйшихъ поправокъ. Въ двухъ боковыхъ створкахъ, теперь отдѣленныхъ отъ средней картины, были четыре фигуры, по двѣ съ каждой стороны: Св. Іоанна Крестителя, Св. Великомученицы Екатерины, Св. Доминика и Св. Николая,—всѣ на одной линіи, или на одномъ планѣ, какъ это тогда встрѣчалось у всѣхъ художниковъ Джіоттовой школы. Перспектива была еще въ дѣтствѣ, съ нею знакомились наглядно, безъ опредѣленныхъ геометрическихъ правилъ, и потому, какъ расположеніе на разныхъ планахъ, такъ и твердая постановка обѣихъ ногъ, было дѣломъ крайне труднымъ. Послѣ мы увидимъ, какъ Джованни Анжелико воспользовался усовершенствованіемъ извѣстнаго по введенію въ средневѣковую живопись правилъ перспективы Паоло Уччелло. Лучше всего нижнее отдѣленіе изъ маленькихъ картинъ, на которыхъ изображены подвиги Св. Николая Чудотворца,—здѣсь миніаторъ бралъ верхъ надъ живописцемъ большихъ фигуръ. Изъ нихъ двѣ остались въ Перуджіи, другія находятся въ Ватиканской галлереѣ въ Римѣ. Я не стану описывать ихъ состава, потому что словесное описаніе картины рѣдко можетъ дать какое-либо понятіе объ ея художественномъ достоинствѣ, и я буду только тамъ прибѣгать къ такому описанію, гдѣ потребуетъ его или знаменитость картины, или еще болѣе такія отличительныя черты, которыя прямо обрисовываютъ особенности самаго художника и его школы.

Въ небольшихъ нижнихъ изображеніяхъ ясно можно видѣть, какое сильное вліяніе имѣла на Фра Джованни Анжелико школа миніатюрной живописи. Небольшія фигурки, которыя едва ли бы удостоились вниманія историческаго художника, привыкшаго къ полнотѣ и силѣ выраженія въ такихъ только размѣрахъ, которые въ состояніи были бы ихъ выказать со всѣми ихъ оттѣнками, эти фигуры исполнены инокомъ со всею любовію. Кажется, нѣтъ ничтожной, мелкой черты, которая была бы проведена кистію художника безъ того, чтобы не почувствовалась и не пережила во глубинѣ его души та сторона, или тотъ оттѣнокъ внутренней жизни, которыя высказаны этою чертою и потомъ вполнѣ досказаны тѣмъ или другимъ цвѣтомъ, тою или другою степенью оттѣненія.

Для первоначальной полноты картины надобно было бы еще прибавить верхніе треугольники. Маркезе полагаетъ, что они теперь на-

ходятся въ ризницѣ той же церкви, и именно тѣ самые, на которыхъ изображено Благовѣщеніе, одинъ изъ любимѣйшихъ предметовъ Фра Беато Анжелико.

Написалъ ли что-нибудь Анжелико для самаго городка Фолиньо, или для другихъ городовъ Умбріи? Мы этого не знаемъ точно также, какъ не знаемъ и того, долго ли продолжалось его добровольное изгнаніе изъ Тосканы. Извѣстно намъ, что послѣ четырехъ лѣтъ его пребыванія въ Фолиньо тутъ началась моровая язва, что, благодаря ей и непремѣнному ея спутнику—большой смертности, строгость монастырской жизни поослабла. Въ это же время умеръ и не признаваемый иноками Фіезольскаго монастыря Папа Александръ V, умеръ еще прежде и генералъ ихъ ордена, силою хотѣвшій заставить ихъ перемѣнить убѣжденіе. Однимъ словомъ, все устроилось такъ, что робкая совѣсть иноковъ не могла возмущаться при мысли о возвращеніи ихъ въ отечество. По Маркезе, соображая всѣ сказанія монастырскихъ лѣтописцевъ, полагаетъ, что они переселились не прямо въ Фіезоле, а сначала въ Кортону. Причина этаго была чисто юридическая придирка: мѣсто для постройки Фіезольскаго монастыря было уступлено доминиканскимъ монахамъ проповѣдническаго ордена подъ условіемъ, чтобы въ немъ жили постоянно по крайней мѣрѣ три монаха, и если по причинѣ моровой язвы, или по какому либо насильственному съ ними поступку, они будутъ принуждены оставить монастырь, то, по миновапіи причины ихъ удаленія, они обязаны въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ возвратиться обратно, иначе они теряютъ всякое право на монастырь, ими построенный. Въ самомъ условіи было полное раздолье обычнымъ адвокатскимъ спорамъ и притязаніямъ. Принимать ли религіозныя смуты и въ слѣдствіе ихъ непреклонную твердость убѣжденія за законную причину удаленія? Дѣло пошло на адвокатскія пренія, на приведеніе законовъ и примѣровъ, и между тѣмъ монахи, въ ожиданіи возстановленія своихъ правъ на монастырь, принуждены были удалиться въ Кортону.

Къ этому промежуточному времени можно отнести всѣ произведенія Фра Джованни, находящіяся теперь въ городѣ Кортонѣ. Хотя здѣсь и прежде того онъ провелъ цѣлый годъ своего послушничества, но во первыхъ только что введенная тогдашнимъ преобразователемъ Фіезольскаго монастыря строгость правилъ искуса, во вторыхъ молодость самаго художника,—все заставляетъ предполагать, что всѣ Кортонскія картины, а тѣмъ болѣе уже фрески, писаны Анже-

ликомъ въ теченіи втораго четырехлѣтняго (какъ можно догадываться по соображеніямъ) пребыванія его въ этомъ городѣ.

Впрочемъ, какъ здѣсь, такъ и вездѣ, при опредѣленіи годовъ каждой изъ картинъ Фра Анжелико, кромѣ, разумѣется, тѣхъ, о времени которыхъ имѣемъ положительныя извѣстія, никто изъ людей много изучавшихъ ихъ и имѣвшихъ случай и художественныя средства къ подобному изученію, не можетъ никогда сказать вполнѣ опредѣлительно, которая картина писана имъ прежде, которая послѣ. Едва ли можно встрѣтить кого либо другаго, кто бы имѣлъ столько данныхъ для вѣрности сужденія о картинахъ Анжелико, сколько имѣетъ ихъ отецъ Маркезе, написавшій его біографію. Какъ монахъ монастыря Св. Марка во Флоренціи, онъ живетъ въ кельяхъ, расписанныхъ рукою Анжелико; какъ художникъ, приверженецъ его школы, онъ можетъ отчетливо составить художественныя сужденія, и что же онъ самъ говоритъ о произведеніяхъ глубоко уважаемаго и сильно любимаго имъ живописца?

« Отдавая отчетъ читателямъ о твореніяхъ Фра Джованни Анжелико, которыя всѣ трудно было бы перечислить, я долженъ предупредить, что такъ какъ онъ нигдѣ не выставлялъ года, когда онѣ были исполнены, и такъ какъ у Вазари мы не находимъ точнаго порядка времени, то мы, слѣдуя принятому нами правилу, поставимъ ихъ тамъ, куда по нашему понятію ихъ ставятъ соображенія и ходъ событій. Потому что если у другихъ живописцевъ не трудно распознать отдѣльные пріемы и различные способы, ими употребляемые, такъ что можно скоро рѣшить, какія изъ картинъ ихъ были исполнены въ юности, какія въ возмужалости и наконецъ какія на склонѣ жизни, то у Анжелико совершенно на оборотъ: исключивши только нѣкоторыя вещи, оконченныя съ особымъ изученіемъ и старательностію, кажется, что вездѣ у него одинъ и тотъ же пріемъ при очертаніи, при оттѣненіи, при кладеніи красокъ, при сочиненіи и пр., такъ что никакъ нельзя различить, что было сдѣлано имъ напередъ и что послѣ.» (*)

Прослѣдивши жизнь Фра Беато Джованни Анжелико и характеръ его произведеній, дѣлается ясно, что у него не должно быть различныхъ пріемовъ, или различныхъ манеръ (maniera), какъ это находимъ мы у большей части художниковъ. Живопись была для него

(*) *Marchese*. тамъ же. ч. I стр. 175.

однимъ изъ видовъ его всегдашней молитвы; сама молитва, по простотѣ, чистотѣ, безыскуственности души его и по преобладанію сердца во всей его жизни, никогда не выходила у него изъ предѣловъ восторженнаго сердечнаго моленія, никогда не входила ни въ область догматическаго сужденія о предметахъ вѣры, ни въ стремленіе къ проповѣдыванію Евангельскихъ истинъ. Сосредоточенность его природы все устремляла на движеніе его сердца: оставя уже чистую молитву,—это лучшее его успокоеніе и самое любимое занятіе тихой, безмятежной души его, исторія ветхаго и новаго завѣта, также какъ и событія собственно Латинской церкви являлись подъ его рукою, а слѣдовательно тѣмъ еще больше во внутреннихъ обителяхъ души его, въ чисто молитвенномъ образѣ. Въ ветхозавѣтномъ мірѣ, именно въ изображеніи пророковъ и патріарховъ, онъ былъ еще сколько нибудь библейскимъ повѣствователемъ, хотя и тамъ повѣствователемъ-поклонникомъ. Впрочемъ лица ветхозавѣтной Церкви въ его картинахъ встрѣчаются только мимоходомъ, никогда онѣ не занимаютъ главнаго мѣста. Но когда мы обратимся къ изображеннымъ имъ лицамъ новозавѣтной Церкви, то сколько бы мы ни перечисляли въ памяти нашей произведеній великихъ художниковъ, въ изображеніи библейскаго величія, чистоты, святости и простоты Фра Анжелико превосходитъ все, до него бывшее и послѣ него явившееся въ мірѣ живописи. Къ этому величію лицъ присоединяется у него евангельская доброта, какъ это каждому видно въ изображеніи отца Іоанна Крестителя, когда онъ онѣмѣвшій пишетъ, какимъ именемъ наречь новорожденнаго младенца.

Такая сосредоточенность всего себя на однихъ чистыхъ движеніяхъ сердца и невозмутимость жизни въ продолженіи почти 70 лѣтъ, были причиною его неизмѣнной внутренней юности, которая отразилась на всѣхъ его произведеніяхъ.

Много способствовало, какъ художественности его пріемовъ, такъ и тѣмъ недостаткамъ, какіе мы постоянно встрѣчаемъ въ его картинахъ, его художественное воспитаніе въ школѣ миніаторовъ. Введенный въ искусство самымъ отчетливымъ родомъ живописи, онъ съ самаго перваго шага и до полнаго образованія себя, какъ миніатора, не могъ ничего считать мелочью, долженъ былъ отчетливо изучать и исполнять самыя второстепенности, и потомъ долгія миніатюрныя работы усвоили ему постоянную одинаковость въ пріемахъ. Это хорошая сторона, доставленная ему занятіями миніатора; но онѣ же

были причиною и многихъ его недостатковъ, особенно когда послѣ пришлось ему писать голое тѣло. Во первыхъ, въ миніатюрныхъ работахъ оно не могло требовать полнаго анатомическаго знанія, или по крайней мѣрѣ изученія на натурѣ, потому что при мелочи фигуръ все ограничивалось однимъ общимъ указаніемъ. Во вторыхъ, голое тѣло весьма рѣдко встрѣчалось тогда въ священныхъ изображеніяхъ, какъ бы составлявшихъ часть самаго текста книги, слѣдовательно не позволявшихъ себѣ ни сколько отступать отъ передаваемыхъ ими словъ Св. Писанія.

И такъ по всему, и по ходу развитія Фра Джованни Анжелико, и по его пріемамъ, мы одно можемъ предположить довольно достовѣрно, опредѣляя историческую постепенность его произведеній, именно то, что первыя его картины были тѣми же самыми миніатюрами. Мы видѣли уже выше, что по тогдашнему обычаю у каждой картины съ боку и особенно внизу были небольшія изображенія. Онѣ исполняемы были очень часто совершенно миніатюрно. Весьма естественно предположить, что онѣ были первымъ шагомъ при переходѣ Фра Джованни отъ миніатора къ церковному живописцу, тѣмъ болѣе, что судя по его чрезвычайной скромности и истинно иноческому смиренію, такой переходъ, вѣроятно, сдѣлался незамѣтно и ненамѣренно. Самые пріемы и средства тогдашняго церковнаго живописца были почти тѣже, какъ и миніатора: картины писались не масляными красками, а разведенными на яичномъ бѣлкѣ (a tempera, à la détrempe), клались, за исключеніемъ грунта, почти такъ же, какъ и водяныя. Правда, что высшая дѣятельность церковнаго живописца и полное поприще его было расписываніе стѣнъ,—фрески; но онѣ могли быть уже трудомъ художника, вполнѣ овладѣвшаго современными ему средствами искусства, и у Анжелико онѣ должны были быть послѣднимъ шагомъ его усовершенствованія, а никакъ не началомъ въ живописи, что болѣе или менѣе подтверждается и дошедшими до насъ извѣстіями. Естественно, я говорю, предположить, что переходъ его изъ миніатора былъ незамѣтнымъ движеніемъ его таланта и подчиненіемъ требованію братій иноковъ, видѣвшихъ въ небольшихъ картинахъ, какъ овладѣлъ онъ искусствомъ; а такое предположеніе объясняетъ намъ и то, почему Вазари умалчиваетъ объ его учителѣ въ дѣлѣ живописи, да и Бальдинуччи называетъ Старнину только по догадкамъ.

Переходя къ пребыванію Фра Анжелико въ Кортонѣ и къ его художественной здѣсь дѣятельности, укажемъ на находящуюся въ этомъ

городѣ картину, по составу своему совершенно похожую на ту, которую я описалъ выше, и которую онъ исполнилъ для Перуджинской церкви. Въ срединѣ точно такое же сочиненіе, только по бокамъ другіе Святые, именно, кромѣ Іоанна Предтечи: Св. Іоаннъ Богословъ, Св. Марія Магдалина и Св. Маркъ. Фра Анжелико много разъ повторялъ это самое сочиненіе на картинахъ и фрескахъ, иногда съ перемѣною нѣкоторыхъ лицъ, но никогда не достигалъ онъ такого совершенства, какое находимъ мы въ картинѣ, писанной имъ для церкви Св. Доминика въ Кортонѣ. Въ складкахъ одежды, кромѣ легкости, художественности, естественности и передачи всего хода и постепенности того движенія, въ слѣдствіе котораго онѣ образовались такими, а не иными, кромѣ всего этого, въ нихъ такое полное соотвѣтствіе всему составу и внутреннему содержанію картины, что, глядя на нее, точно вполнѣ понимаешь, какъ могутъ и должны подобныя второстепенности составлять непремѣнную часть картины и какъ безъ нихъ, или при другомъ ихъ сочиненіи, впечатлѣніе цѣлаго было бы или не такъ полно, или не такъ сильно. Прелесть фигуръ, нѣжность и полнота оттѣненія, красота и художественность положеній, все это безукоризненнѣе, нежели во всѣхъ прочихъ произведеніяхъ того же художника. О святости и чистотѣ я не говорю, потому что онѣ являются вездѣ, во всѣхъ произведеніяхъ Фіезольскаго художника, и трудно сказать, гдѣ ихъ болѣе. Вѣроятно, къ этой же картинѣ принадлежатъ небольшія изображенія разныхъ происшествій изъ жизни Св. Доминика.

Другая картина, писанная имъ для церкви Св. Доминика въ Кортонѣ и послѣ перешедшая въ церковь іезуитовъ, — Благовѣщеніе, предметъ весьма любимый Фіезольскимъ художникомъ. «Удерживая постоянно одни и тѣ же типы Святыхъ,» говоритъ Маркезе, «онъ весьма былъ разнообразенъ въ изображеніи Дѣвы Маріи и Ангеловъ.» Замѣчательная особенность впрочемъ не одного Фра Анжелико, а большей части художниковъ живописцевъ. Какъ будто бы въ ликѣ Богородицы они изображаютъ не дѣйствительно жившую на землѣ Мать Спасителя, а олицетвореніе или идеи, или чувства, которое должно измѣняться, смотря по высотѣ представленія той идеи, или того чувства, въ воображеніи художника.

Здѣсь, въ этой картинѣ, мы видимъ сохраненіе древняго живописнаго, особенно иконописнаго преданія: отъ устъ Архангела Гавріила идетъ надпись—*Богородице Дѣво, радуйся! Благодатная Маріе!*

и пр. (Ave Maria gratiae plena et cet.), написанная самимъ художникомъ. Такія надписи были пополненіемъ иконописнаго изображенія, и не столько онѣ пополняли выраженіе, какое желалъ придать художникъ изображаемымъ имъ лицамъ, сколько переносили вниманіе смотрящаго отъ изображенія человѣческихъ событій къ священности изображеннаго предмета. Стихъ изъ Евангелія, изъ псалма, или изъ пророковъ, невольно перенесетъ зрителя къ Св. Писанію. Не говорю уже о томъ, что онъ легко пойметъ предметъ иконы, часто весьма не легкой для живописнаго изображенія, и потому одному могущій быть не легко понятымъ; но что гораздо важнѣе, онъ на него будетъ уже смотрѣть съ благоговѣніемъ, какъ на то же Св. Писаніе, переданное въ видимыхъ образахъ. До временъ Фра Джованни Анжелико художники Джіоттовой школы часто употребляли такія надписи, но въ его время онѣ были уже почти совершенно оставлены. Велѣнія первобытной Церкви и ея преданія шагъ за шагомъ отбрасывались все болѣе и болѣе , вмѣстѣ съ тѣмъ возрастало подчиненіе искусству, и надпись казалась уже художнику оскорбленіемъ его художественнаго таланта: какъ будто бы онъ не въ силахъ всего того передать кистію, что Св. Писаніе передаетъ боговдохновенными словами избранниковъ Божіихъ? Смиренный инокъ - художникъ былъ чуждъ земной славы; для него самаго его произведенія были молитвами, такими же желалъ онъ сохранить ихъ и для другихъ. Въ его вѣрующей душѣ было столько теплоты, и въ немъ столько таланта, что онъ могъ передать всю молитвенную теплоту на картинѣ, но ему болѣе, нежели кому либо другому, было понятно, что при моленіи, а не праздномъ, даже не при художественномъ разсматриваніи, слова Св. Писанія сильнѣе всего дѣйствуютъ на душу молящагося и что, по самой силѣ привычки, у каждаго вѣрующаго съ ними одними соединяется уже молитва.

Внизу картины находится семь небольшихъ изображеній жизни Богородицы отъ рожденія до смерти; многія изъ нихъ были повторены художникомъ и теперь эти повторенія можно видѣть во Флорентинской галлереѣ *degli uffizii*. На нихъ изображены: 1) Рождество Богородицы; 2) Обрученіе Дѣвы Маріи съ Іосифомъ; 3) Посѣщеніе Елизаветы. Здѣсь замѣчательно сочиненіе: Захарія, супругъ Елизаветы, встрѣчаетъ Дѣву Марію, а на порогѣ входа стоитъ служанка. Замѣчателенъ тоже сельскій видъ , такъ нарисованный и написанный красками, что врядъ ли это не лучшій пейзажъ Анжелико,

оставшагося въ этомъ отношеніи на самой дѣтской степени искусства. 4) Поклоненіе волхвовъ, совершенно такое же, какъ и въ галлереѣ degli uffizii; 5) Введеніе во храмъ Пресвятыя Богородицы; 6) Смерть Ея и погребеніе; 7) Дѣва Марія является блаженному доминиканцу Ригинальду, и даетъ ему платье новоучрежденнаго ордена проповѣдниковъ. Вѣроятно эта послѣдняя принадлежитъ къ числу картинъ, изображающихъ жизнь Св. Доминика, и перенесена сюда во время какихъ-либо волненій, часто случавшихся въ Италіи въ средніе вѣка, когда приближавшаяся опасность заставляла выносить изъ церквей всѣ ихъ драгоцѣнности.

Кромѣ картинъ, въ Кортонѣ есть еще фрески Фра Джованни Анжелико. При входѣ въ церковь Св. Доминика, на той самой внутренней сторонѣ стѣны, гдѣ находится входная дверь, написана имъ Богородица съ Спасителемъ Младенцемъ на рукахъ, по правую ея сторону Св, Доминикъ, по лѣвую Св. мученикъ Петръ Веронскій, оба поклоняются Богочеловѣку и Пречистой Его Матери. Въ сводѣ написалъ онъ четырехъ Евангелистовъ. Послѣдніе лучше сохранены, между тѣмъ какъ первая фреска, въ теченіи слишкомъ 400 лѣтъ, много потерпѣла отъ времени , хотя все еще сохраняетъ свѣжесть колорита и мягкость кисти.

Между тѣмъ какъ Фра Джованни, не знавши смутъ, подчинявшись только распоряженіямъ настоятеля своего монастыря, трудился въ Кортонѣ, дѣло о переселеніи Доминиканцевъ въ построенную ими Фіезольскую обитель было рѣшено окончательно. Фіезольскій епископъ выговорилъ себѣ священное облаченіе во сто червонцевъ, и Доминиканцы поселились въ Фіезоле.

Здѣсь точно также, какъ и до переселенія, разсказъ о его жизни долженъ ограничиться перечнемъ его художественныхъ произведеній и ихъ оцѣнкою. Чтобы не впасть при этой послѣдней въ скучное однообразіе и почти повтореніе однѣхъ и тѣхъ же похвалъ, я вездѣ, гдѣ только найду возможность, буду приводить сужденія людей, которые пріобрѣли имя знатоковъ въ дѣлѣ живописи.

Танцини, много изучавшій произведенія Джованни Анжелико, пишетъ: «Но между поразительными и безчисленными картинами его, тѣ, которыя онъ написалъ для створчатыхъ дверей шкафа (назначеннаго для храненія церковнаго серебра въ капеллѣ Благовѣщенія, построенной по повелѣнію Петра Козьмы Медичи) и которыя теперь хранятся въ галлереѣ Флорентинской академіи искусствъ, едва ли не

болѣе всѣхъ достойны удивленія. На нихъ изображена жизнь Іисуса Христа, предметъ, постоянно обсуживаемый художникомъ и сердечно имъ чувствуемый. По этому легко повѣрить, что онъ тутъ положилъ свою душу, и еслибъ отъ этого высокаго таланта осталось намъ одно только это произведеніе, его одного было бы по моему понятію довольно, чтобъ доказать, что въ выраженіи вѣрованія онъ выше всѣхъ, что его разумъ былъ просвѣщенъ лучемъ свыше, что его изящная кисть была руководима вѣрою. Наброска одежды проста и величественна, движенія естественны, но онѣ высказываютъ полное достоинство; выраженіе головъ истинно небесное; все дѣлаетъ его живописные разсказы, вознесенные на степень идеала, выше всѣхъ похвалъ, и надобно ихъ видѣть и разсматривать, чтобъ получить объ нихъ истинное понятіе. Они, какъ всегда бываетъ это съ необыкновенно и торжественно прекраснымъ, можетъ быть при первомъ взглядѣ не произведутъ такого сильнаго впечатлѣнія, какое производятъ картины болѣе блестящаго эффекта, но къ которымъ потомъ дѣлаются равнодушными. Труды Анжелико чѣмъ болѣе изучаются, тѣмъ болѣе открываютъ они удивленному взору новыхъ таинъ и неисчислимыхъ красотъ. Впрочемъ невѣдущій и ученый, художникъ и незнакомый съ тайнами искусствъ, всѣ тотчасъ, взглянувши на картину, видятъ, что предъ ними что-то необычайное; можетъ быть они и не могли бы дать отчета, отъ чего зависитъ испытываемое ими очарованіе, но всѣ удивляются, всѣ чувствуютъ внутреннее неземное влеченіе, каждый желалъ бы, чтобъ послѣдній его взглядъ успокоился на этихъ цѣломудренныхъ изображеніяхъ Маріи, Святыхъ и распятія.»

Нѣкоторые изъ произведеній Фра Джованни, находящихся въ галлерѣ Флорентинской академіи искусствъ, награвированы Италіанскимъ граверомъ *Перфетти* и его учениками; другіе находятся въ гравюрномъ изданіи всей этой галлереи, наконецъ есть собраніе гравюръ на 35 листахъ, вырѣзанное граверомъ *Нокки* (Nocchi). Къ этому послѣднему приложено Вазаріево жизнеописаніе Джованни Анжелико съ предисловіемъ, написаннымъ тѣмъ же Танцини, котораго слова я только что привелъ здѣсь.

Для церкви Св. Доминика въ Фіезоле Анжелико написалъ три картины: одна изъ нихъ увезена въ Парижъ, другая пропала, третія остается въ церкви; она изображаетъ Дѣву Марію съ Спасителемъ, окруженную Святыми и Ангелами. Послѣ, въ 1501 году, она была подновлена извѣстнымъ живописцемъ того времени, Лоренцо ди

Креди. Вѣроятно, объ этой картинѣ говоритъ Вазари: «Онъ (Джованни Анжелико) написалъ тоже въ церкви Св. Доминика въ Фіезоле картину надъ главнымъ алтаремъ. Она можетъ-быть потому, что казалась испорченною, была поправляема другими художниками и ухудшена. Но приступокъ (нижняя часть, predella) и дарохранительница лучше сохранились. Множество фигуръ, видимыхъ тутъ въ небесной славѣ, такъ хороши, что кажутся истинно райскими; кто бы ни приближался къ нимъ, не можетъ насытить взора.» (*) Далѣе онъ продолжаетъ о Фіезольскихъ работахъ того же художника: «Въ одномъ придѣлѣ той же церкви есть картина его руки: Богородица, благовѣствуемая Ангеломъ Гавріиломъ; профиль лица такъ благочестивъ, нѣженъ и хорошо исполненъ, что кажется дѣйствительно, будто онъ не написанъ человѣкомъ, а сдѣланъ въ раю, и въ полѣ пейзажа Адамъ и Евва, бывшіе виновниками того, что Спаситель воплотился отъ Дѣвы Маріи.» Эта картина была продана въ 1611 году Герцогу Маріо Фарнезе, за 1500 червонцевъ, и замѣнена копіею, которая потомъ пропала. «Но выше всего, что сдѣлалъ Фра Джованни,» продолжаетъ Вазари, «онъ превзошелъ самаго себя въ картинѣ, которая въ той же церкви съ боку входныхъ дверей съ лѣвой руки. На ней Іисусъ Христосъ коронуетъ Богородицу посреди хора Ангеловъ и между безчисленнымъ множествомъ святыхъ мужей и женъ. Столько ихъ числомъ, такъ хорошо они сдѣланы и въ такихъ различныхъ положеніяхъ и съ разными выраженіями головъ, что чувствуется непостижимая пріятность и услажденіе смотрѣть на нихъ. Кажется, что эти блаженные духи не могутъ быть на небѣ другимъ образомъ, или, лучше сказать, если бы они имѣли тѣло, не могли бы быть инаковы, потому что всѣ находящіеся тутъ Святые и Святыя не только что живы и со взглядомъ нѣжнымъ и усладительнымъ, но весь колоритъ этого произведенія какъ будто бы сдѣланъ рукою Святаго или Ангела, какъ это и дѣйствительно есть. По этому весьма справедливо всегда былъ называемъ этотъ истинно вѣрующій монахъ Джованни Анжелико. На нижнемъ уступѣ, въ такомъ же божественномъ родѣ, исторіи Богородицы и Св. Доминика, и я могу о себѣ сказать по всей правдѣ, что когда бы я ни смотрѣлъ на это произведеніе, всегда оно мнѣ кажется новымъ и никогда не ухожу я отъ него насыщеннымъ.» Эта картина находится те-

---

(*) *Vasari* въ томъ же изданіи. стр. 28.

перь въ Парижѣ, въ Луврской галлереѣ. Она была увезена изъ Фіезоле при всеобщемъ разграбленіи Италіи Французами, сдѣланномъ по повелѣнію Императора Наполеона въ 1812 году. На нижнемъ уступѣ семь небольшихъ изображеній; въ срединѣ Богоматерь и Св. Іоаннъ Богословъ при гробѣ Спасителя; на другихъ подвиги изъ жизни Св. Доминика. Вся картина награвирована и описана Шлегелемъ въ Парижѣ въ 1816 году *in-Fol.*

Въ томъ же самомъ доминиканскомъ монастырѣ остаются и по сіе время двѣ фрески Фра Джованни; одна въ монашеской трапезной изображаетъ Спасителя на крестѣ, Св. Іоаннъ Богословъ и Дѣва Марія стоятъ по бокамъ; другая въ старой сборной комнатѣ изображаетъ Богородицу съ Младенцемъ Іисусомъ, по бокамъ Св. Доминикъ и Св. Ѳома Аквинейскій. Обѣ весьма испорчены подновленіемъ, которое въ первой изъ нихъ поручено было сдѣлать какому-то неизвѣстному въ исторіи искусствъ Флорентинскому живописцу Франческо Моріани въ 1506 году. Маркезе полагаетъ, что онъ же подновлялъ, то есть, испортилъ и вторую.

Кромѣ трудовъ, предпринимаемыхъ собственно для Фіезольскихъ церквей, въ теченіи 18 лѣтъ, (которые, по разчисленію Маркезе, Фра Беато Анжелико провелъ въ Фіезоле), онъ много писалъ по заказамъ разныхъ городовъ, монастырей и церквей приходскихъ. О множествѣ его работъ можно судить по словамъ Вазари: « Этотъ отецъ написалъ столько картинъ, находящихся въ домахъ Флорентинскихъ гражданъ, что я иногда бываю пораженъ удивленіемъ, какъ могъ такъ хорошо, хотя бы даже и во многіе годы, съ совершенствомъ исполнить одинъ человѣкъ. » (*) Удивленіе Вазари тѣмъ замѣчательнѣе, что, изучивши художническую жизнь всѣхъ до него жившихъ живописцевъ, равно какъ и своихъ современниковъ, онъ не разъ встрѣчалъ между ними примѣры изумительной дѣятельности, какъ на примѣръ, у самаго Рафаэля Санціо. Надобно впрочемъ прибавить еще и то, что у каждаго изъ нихъ были ученики, помогавшіе имъ въ работахъ второстепенныхъ и избавлявшіе своихъ учителей отъ занятій чисто вещественныхъ; тогда какъ Анжелико не зналъ ни мастерской, ни помощниковъ. Ученики его были болѣе послѣдователями его направленія, нежели прямо занимавшіеся подъ его глазами. Правда, чтобъ утверждать это положительно, мы не имѣемъ прямыхъ указа-

(*) *Vasari* въ томъ же изданіи. стр. 31.

ній ни у современныхъ монастырскихъ лѣтописцевъ, ни у Вазари, но лучшее подтвержденіе этого то, что между извѣстными и сомнительными его учениками нѣтъ ни одного Доминиканца, а посторонему, не принадлежавшему къ ихъ ордену, не было бы позволено жить въ доминиканскомъ монастырѣ, особенно при введенной тогда въ ихъ обител сильной строгости. Только объ одномъ Беноццо Гоццоли мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія, что онъ былъ его ученикомъ и вмѣстѣ съ нимъ писалъ въ Орвіето, какъ это увидимъ ниже.

Вазари перечисляетъ много картинъ Джованни Анжелико и даетъ ихъ полное описаніе. Какъ источникъ историческихъ свѣдѣній въ области искусства, онъ неоцѣнимъ для насъ въ этомъ отношеніи, но я не считаю себя въ правѣ утомлять вниманіе моихъ читателей, и потому упомяну только о двухъ, писанныхъ нашимъ художникомъ во время пребыванія его въ Фіезоле. Одна изъ нихъ обращаетъ на себя постоянно вниманіе всѣхъ путешественниковъ и вообще всѣхъ многочисленныхъ посѣтителей Флорентинской общественной галлереи degli uffizii и въ каждомъ оставляетъ глубокое впечатлѣніе. Это коронованіе Божіей Матери,—предметъ, сдѣлавшійся съ давнихъ поръ обычнымъ изображеніемъ Латинской церкви; иногда онъ составляетъ часть образа Успенія Пресвятыя Богородицы, какъ это видимъ мы въ картинѣ Рафаэля, оконченной его ученикомъ Джуліо Романо, большею же частію изображается отдѣльно. У Фра Анжелико на верху изображенъ Спаситель, коронующій Пресвятую Мать Свою, и кругомъ множество Ангеловъ, одни играютъ на разныхъ инструментахъ, другіе держатся за руки, какъ будто бы танцуютъ. Я буду имѣть случай говорить о сочиненіи этой картины въ иконописномъ ея значеніи. Въ художественномъ отношеніи она занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между произведеніями Фра Джованни Анжелико. Маркезе, подробно описывая ее, такъ оканчиваетъ: «Отдать отчетъ во впечатлѣніи, производимомъ этою картиною, я считаю невозможнымъ для самаго краснорѣчиваго слова. У сердца есть языкъ, которому не всегда отвѣчаетъ слово, и мы не можемъ никогда смотрѣть на эту картину, не чувствуя себя увлеченными небомъ.» (*)

Другое произведеніе Джованни было исполнено имъ, по заказу Флорентинскаго шерстяныхъ дѣлъ цѣха, сдѣланному въ 1433 году. Бальдинуччи передаетъ намъ самый контрактъ, который любопытенъ для

(*) *Marchese* въ своей книгѣ. ч. 1 стр. 271.

насъ, какъ обрисовка того времени и указаніе, какое довѣріе имѣли къ иноку-художнику, предоставляя назначеніе платы на его совѣсть, что въ тѣ времена, крутыя, не изобиловавшія ни деньгами, ни еще менѣе довѣріемъ, было признакомъ большаго уваженія. «Заказываютъ монаху Гвидо, называемому монахомъ Джованни, ордена Св. Доминика въ Фіезоле, расписать складни (tabernacolo, родъ шкафика) Богородицы, для вышеписаннаго цѣха, такъ, чтобы они были расписаны внутри и снаружи лучшими и самыми дорогими, какія только есть, красками, съ золотомъ и серебромъ, со всѣмъ его искусствомъ и тщаніемъ, за все и за свою работу, и писаніе, за сто девяносто золотыхъ флориновъ, или меньше того, какъ покажется ему по совѣсти, и съ тѣми фигурами, которыя находятся на рисункѣ.» (*) Теперь эти складни или шкафъ находятся тоже во Флорентинской галлереѣ *degli uffizii*. Здѣсь, какъ замѣчаетъ Маркезе, самое изображеніе кажется слабо въ освѣщеніи и въ тѣняхъ, вообще въ томъ, что зовется свѣтотѣнью (chiaroscuro). Такую слабость, несоотвѣтствующую превосходному исполненію, онъ приписываетъ тому, что у Анжелико всегда краски клались легко и прозрачно; а потому блескъ золота, положеннаго по требованію заказа въ большомъ обиліи, такъ отсвѣчиваетъ, что не доставляетъ глазу полнаго спокойствія, тѣмъ болѣе, что въ галлереѣ освѣщеніе гораздо сильнѣе, нежели въ церкви. «Это замѣчаніе придется намъ не разъ повторить,» говоритъ Маркезе, «и о другихъ его (Анжелико) картинахъ, которыя, бывъ взяты изъ неполнаго свѣта того храма, для котораго онѣ написаны, послѣ выставлены на полный свѣтъ галлереи, гдѣ глазъ, встрѣчая много предметовъ, его поражающихъ, не можетъ насладиться чистыми красотами этой молитвенной школы.» (**) Оставя уже неудобства освѣщенія, съ которыми въ галлереѣ трудно справиться, кромѣ нихъ, много мѣшаетъ полному пониманію произведеній не только Фра Анжелико, но и другихъ живописцевъ одного съ нимъ направленія (если и далеко низшихъ по достоинству), то, что въ галлереяхъ онѣ помѣщаются не въ отдѣльномъ собраніи картинъ религіознаго содержанія и религіознаго направленія, а часто распредѣляются по удобству помѣщенія, хорошо еще, если по школамъ. Отъ этого можетъ случиться и случается (въ Трибунѣ во Флоренціи), что Тиціанова Венера, прекрас-

(*) *Baldinucci* Т. III. стр. 92.
(**) *Marchese*. ч. 1 стр. 269.

ная по пластической красотѣ, а въ иныхъ изображеніяхъ и по сильно выраженному въ ней чувству весьма земной любви, поражаетъ очень непріятно, когда ее помѣстить близь священнаго изображенія Беллини, или картины Перуджино, или, что еще хуже, близь картины Фра Анжелико, въ исполненіи которой сосредоточена вся чистота и святость души художника. Естественно, что если зритель могъ сочувствовать всѣмъ имъ, а безъ сочувствія не можетъ быть полнаго пониманія красотъ художественнаго произведенія, то впечатлѣніе, произведенное одною, непремѣнно должно было вредить впечатлѣнію другой. Въ большихъ галлереяхъ, особенно въ Парижской Луврской галлереѣ, это встрѣчается на каждомъ шагу.

Въ то время какъ Джованни Анжелико украшалъ фресками свой монастырь и другія церкви въ Фіезоле, его художественная слава разнеслась по всей средней Италіи и потому весьма многіе частные люди, а также церкви и монастыри обращались къ нему съ заказами. Онъ никогда не отказывался, и обычнымъ отвѣтомъ его всякому бывало всегда, даже тогда, когда онъ былъ уже старымъ монахомъ: «Попросите только настоятеля, пусть только онъ позволитъ, я непремѣнно сдѣлаю.» (*)

Между тѣмъ во Флоренціи, благодаря щедрости Козьмы Медичи, получившаго прозваніе *великолѣпнаго, il magnifico*, строились новые храмы, украшались прежніе, и, не смотря на множество бывшихъ тамъ художественныхъ знаменитостей, работы было довольно для всѣхъ, особенно много предстояло работъ для художниковъ-монаховъ доминиканскаго ордена. Монастырь Св. Марка, существовавшій съ конца XIII вѣка и занимаемый монахами Сильвестринами, теперь былъ уступленъ доминиканцамъ, именно инокамъ Фіезолійскаго монастыря. Это было въ 1436 году, когда папа Евгеній IV, упрашиваемый Флорентинцами и особенно Козьмою Медичи, приказалъ, чтобы доминиканцы введены были въ новоуступленный имъ монастырь торжественно и великолѣпно. Приказъ папы былъ исполненъ: три епископа главныхъ городовъ Италіи сопровождали доминиканцевъ; имъ предшествовали тѣлохранители городскаго правительства. Козьма Медичи приказалъ перестроить монастырь, расширить его и устроить въ немъ библіотеку, которая была первою открытою для всѣхъ библіотекою, и въ ней главнымъ смотрителемъ за рукописями былъ тотъ

(*) *Vasari*, тамъ же. стр. 38.

самый Томазо да Сарзана, который скоро послѣ возшелъ на папскій престолъ подъ именемъ Николая V и сдѣлался особенно извѣстенъ покровительствомъ искусствамъ. Козьма Медичи съ своею обычною щедростію далъ собственно отъ себя 36,000 червонцевъ на новыя постройки, потомъ постоянно добавлялъ эту огромную, по тому времени, сумму.

Въ это возобновляемое зданіе призванъ былъ Джованни Анжелико. Могъ ли кто-нибудь тогда помыслить, что время предастъ забвенію тщеславные дары Медичи, что монастырь станетъ въ ряду всѣхъ прочихъ и что только труды смиреннаго инока-художника будутъ привлекать въ него тысячи людей изъ отдаленныхъ странъ и заставятъ, спустя нѣсколько вѣковъ, благоговѣть предъ собою художниковъ и любителей искусствъ, даже и тѣхъ изъ нихъ, которые имѣли случай видѣть всѣ чудеса живописи.

Весь монастырь Св. Марка во Флоренціи есть какъ бы одна огромная галлерея фресокъ Джованни Анжелико. Судя потому, что Вазари говоритъ только объ одной его картинѣ, написанной для главнаго алтаря, и не упоминаетъ ни о какой другой, можно полагать, что для своего монастыря онъ и не писалъ другихъ картинъ, а занимался фресками, украшающими и теперь внутреннія и внѣшнія монастырскія стѣны и кельи. Всѣхъ ихъ числомъ до 40; нѣкоторыя, какъ на примѣръ, распятіе и поклоненіе волхвовъ огромныя по величинѣ и обширнаго сочиненія, другія менѣе сложны.

Было бы трудно и вмѣстѣ съ тѣмъ утомительно для читателя, если бы я вздумалъ передавать сочиненіе хотя даже главнѣйшихъ изъ этихъ фрескъ, тѣмъ болѣе, что высшее ихъ достоинство, неподражаемое и не находимое ни у кого въ такой степени, въ какой мы находимъ его у Фра Джованни, было чистое, небесное выраженіе святой души его, и мнѣ пришлось бы или повторять одно и тоже въ различномъ видѣ, или приводить сужденія писателей, которыхъ я привелъ уже и безъ того довольно, и которые тоже невольно впадаютъ въ однообразіе, а иногда въ такой восторгъ, что читатели, незнакомые съ самыми произведеніями Анжелико (а знаютъ ихъ немногіе), могутъ принять его за напыщенный наборъ словъ. Таково, на примѣръ, описаніе картины страшнаго суда, въ книгѣ Графа Монталамбера: Du vendalisme et du catholicisme dans l'art. Зная творенія Фіезолійскаго инока-живописца, я вѣрю искренности увлеченія Монталамбера, и то только потому, что отъ описанія переношусь воображені-

емъ къ самой картинѣ; къ тому же и имя Монталамбера, какъ страстнаго католика, само собою заставляетъ ожидать отъ него сильнѣйшаго увлеченія при встрѣчѣ съ произведеніями истинно молитвеннаго художника.

Каждому искусству назначены свои предѣлы. Правда, что слово объясняетъ все, доступное всѣмъ сторонамъ человѣческой природы, но тамъ, гдѣ оно хочетъ передать какое бы то ни было художественное произведеніе другаго искусства, оно впадаетъ въ двѣ крайности: или дѣлается сухимъ описаніемъ, мало вызывающимъ сочувствія, или восходитъ до того, что, увлекшись представленіемъ самаго предмета, является въ собственномъ художественомъ творчествѣ. Здѣсь вниманіе читателя отвлекается совершенно отъ картины, или статуи, о которой шло дѣло, а все сосредоточивается на произведеніи другаго искусства,—художническомъ изображеніи предмета формами слова. Байронъ увлекаетъ насъ описаніемъ умирающаго гладіатора; прочитавъ его, быть можетъ мы съ большимъ сочуствіемъ будемъ любоваться мраморнымъ гладіаторомъ въ Капитоліи, во время же самаго чтенія предъ нами гладіоторъ Байрона, а не Капитолійскій. Самое сочувствіе наше вызывается послѣднею думою, послѣднимъ предсмертнымъ чувствомъ, несущимъ его на родину, послѣднею каплею крови умирающаго, тогда какъ мраморъ ничего этого не знаетъ и болѣе всего поражаетъ насъ изяществомъ атлетическихъ формъ, не измѣнившихъ прекрасному въ самую предсмертную минуту.

И такъ, оставя описанія, я введу моего читателя въ тогдашнее состояніе живописи и постараюсь показать, какое вліяніе имѣло на художника-инока переселеніе его во Флоренцію, тѣмъ болѣе, что это вліяніе ясно обозначилось въ его произведеніяхъ, какъ Флорентинскихъ, такъ и позднѣйшихъ.

Когда Фра Джованни прибылъ во Флоренцію (1436), собственно Италіанская живопись считала не съ большимъ 140 лѣтъ своего существованія. По опредѣленію Вазари первымъ Италіанскимъ живописцемъ былъ *Чимабуе* (1240—1300); другіе историки живописи находятъ въ лѣтописяхъ и старыхъ сказаніяхъ имена живописцевъ, еще древнѣйшихъ: такъ Делла Валле считаетъ самыми древнѣйшими Сіенцевъ; новѣйшій писатель Розини приписываетъ первенство Пизанцамъ. Рѣшеніе ихъ споровъ можетъ прибавить въ исторіи живописи нѣсколько или совсѣмъ неизвѣстныхъ, или мало извѣстныхъ намъ именъ, но для насъ несомнѣнно одно, что до временъ Чима-

бue мы находимъ въ Италіи полную Греческую иконопись, и только иногда подпись писавшаго икону показываетъ намъ, что исполнителемъ былъ Италіанецъ. Появляются легкія особенности въ исполненіи, но онѣ такъ мало замѣтны, что подмѣтить ихъ можетъ одинъ опытный глазъ, и во всѣхъ такихъ особенностяхъ проявляется стремленіе къ отдѣленію себя отъ неизмѣнной Греческой иконописи; со времени Чимабуе оно дѣлается уже яснѣе и осязательнѣе.

Греки принесли въ Италію иконопись, а не живопись; такою она оставалась у всѣхъ самыхъ первыхъ Италіанскихъ художниковъ; почти такою же была она и у самого Чимабуе. Существеннымъ отличіемъ ея отъ живописи было то, что она, безусловно покорная велѣнію Церкви, подчиняла ей не только внѣшнее выраженіе церковныхъ понятій и догматовъ, но и самое воззрѣніе на священные предметы до послѣднихъ его подробностей. Только этою безусловною покорностію и можно объяснить постоянную и всегдашнюю неизмѣнность Греческаго иконописанія, неизмѣнность не только въ сочиненіи иконъ, но и въ самомъ исполненіи. Здѣсь изчезала всякая личность иконописца, точно также, какъ изчезаетъ личность служителя алтаря, при отправленіи церковнаго богослояженія. У Чимабуе мы встрѣчаемъ уже явленіе личности художника, но она еще такъ слаба, такъ не смѣло выходитъ изъ-подъ церковной власти, что его произведенія остаются болѣе иконами, нежели картинами, до такой степени, что часто, при внимательномъ разматриваніи, не находятъ никакой разницы между имъ и его учителями Греками.

Джіотто (1276—1336) является не только съ особенностію въ исполненіи, но и съ полною личностію воззрѣнія. Онъ сохраняетъ церковныя преданія, но передаетъ ихъ, если можно такъ выразиться, не установленнымъ церковію чтеніемъ, а собственнымъ разсказомъ,— хотя въ его разсказѣ вездѣ видна близость его съ церковію, отъ чего зависитъ и постоянная вѣрность его изображеній съ церковными преданіями. Онъ расказываетъ вѣрно, внятно, вразумительно; но разсказываетъ собственными словами, а не первохристіанскимъ преданіемъ, принятымъ Церковію отъ своихъ великихъ учителей и сохраняемымъ неизмѣнно Византійскою иконописью. Онъ первый въ своихъ картинахъ явился раскащикомъ, а не чтецомъ Священнаго Писанія. Италіанцы справедливо называютъ его первымъ Италіанскимъ живописцемъ. Главное дѣло его и главная заслуга со стороны искусства—ввести личность и независимость раз-

витія туда, гдѣ было одно безусловное исполненіе церковныхъ предписаній. Въ сочиненіи картинъ онъ начинаетъ вводить явленія изъ обиходной жизни и, разумѣется, по причинѣ младенчества живописи, передаетъ ихъ недостаточно для живописца. Въ немъ видно не столько свободное развитіе художника, сколько борьба между живописцемъ и иконописцемъ, и какъ бы желаніе, впрочемъ невольное и безсознательное, никакъ не быть послѣднимъ. Какъ живописецъ, онъ бралъ за образецъ природу, между тѣмъ какъ священное содержаніе его картинъ само собою обращало его къ преданіямъ, не только самаго предмета, но и къ древнимъ его изображеніямъ, то есть, къ самому исполненію, до того неразлучно соединенному съ предметомъ иконы. Отъ этого въ положеніяхъ и постановкѣ его фигуръ видна какая-то условность, какъ будто бы онѣ писаны были не съ живыхъ людей, а съ деревянныхъ куколъ. Впрочемъ послѣднее больше происходило отъ того, что сама живопись только что имъ началась и слѣдовательно мало еще доставляла возможности въ самой себѣ найти средство для хорошаго исполненія. Джіотто первый избралъ природу своею руководительницею: мудрено ли, что изученіе и подсматриваніе природы шло чрезвычайно какъ медленно?

Послѣдователи и преемники Джіотто, въ теченіи почти ста лѣтъ, были простымъ его продолженіемъ, такъ что, смотря на ихъ произведенія и не вникая въ небольшія отличительныя подробности каждаго, можно было бы сказать о всѣхъ ихъ, что это все работа того же Джіотто, усовершенствовавшаго свою кисть долгимъ, постояннымъ упражненіемъ. Разумѣется, разъ личности данъ былъ ходъ, она являлась въ трудахъ каждаго отдѣльнаго художника. Каждый сколько нибудь разработалъ трудное дѣло сближенія съ природою; но всѣ такія частныя разработки были подчинены общему направленію, данному искусству отцемъ Италіанской живописи. Во всемъ этомъ вѣкѣ, и въ большомъ собраніи накопленныхъ имъ живописныхъ произведеній, видно тоже бореніе живописи съ иконописью. Оно-то и было причиною, что останавливался ходъ первой и искажалась чистота второй: на что ни взгляните, ни полная картина, ни образъ. Задача сбросить съ себя подчиненность была уже дана, но требовалось много таланта, чтобъ окончательно рѣшить ее. Эта безусловная подчиненность была законна въ иконописи, даже уже и потому, что сама иконопись принимала полную законность такой подчиненности; собственно по этому она оставляла иконописца совершенно независимымъ

художникомъ. Принимаясь за икону съ полнымъ сознаніемъ своей свободы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ глубокимъ убѣжденіемъ въ высотѣ и въ истинѣ предписаній церкви, онъ предварительно искалъ всего и почерпалъ все въ церковномъ велѣніи. Таже подчиненность сдѣлалась въ живописи незаконною, потому что, по своему составу и своимъ стремленіямъ, живопись просила у церкви только предметовъ для картинъ своихъ, непремѣнно настаивала на развитіе художнической личности и въ исполненіи высшимъ учителемъ и единственнымъ руководителемъ считала природу.

Еслибы въ эту эпоху живопись безъ вражды могла отдѣлиться отъ иконописи, тогда обѣ онѣ остались бы въ своихъ законныхъ предѣлахъ; но для этого надобно было, чтобы церковь, дававшая жизнь одной и совершенно руководившая другою, сама не преступала своихъ законныхъ предѣловъ. Этого не случилось въ Латинской церкви; не сдѣлалось этого и въ искусствѣ, въ ней получившемъ свое начало.

Окончательное освобожденіе живописи пришлось на долю нѣсколькихъ талантовъ, разработавшихъ различные ея отдѣлы, именно тогда, когда Фра Анжелико прибылъ во Флоренцію.

Архитекторъ *Брунелески*, (1377—1446) (1) воздвигнувшій куполъ надъ Флорентинскимъ соборомъ, первый научилъ дѣлать архитектурные рисунки съ планомъ, возвышеніемъ, разрѣзомъ и перспективою. Онъ самъ сдѣлалъ перспективный рисунокъ площади св. Іоанна; примѣръ его увлекъ многихъ, и скоро перспектива пріобрѣла себѣ страстнаго

---

(1) Какъ личная свобода и полное развитіе могутъ не только уживаться съ Подчиненіемъ себя вѣрованію, но получать полную силу, даже въ области мышленія, это превосходно развито недавно умершимъ нашимъ замѣчательнымъ мыслителемъ, *И. В. Кирѣевскимъ.* Я прошу позволенія выписать изъ него нѣсколько словъ, могущихъ мнѣ служить опорою.

«Внутреннее сознаніе, что есть въ глубинѣ души живое общее средоточіе для всѣхъ отдѣльныхъ силъ разума, сокрытое отъ обыкновеннаго состоянія духа человѣческаго, но достижимое для ищущаго и одно достойное постигать высшую истину,—такое сознаніе постоянно возвышаетъ самый образъ мышленія человѣка: смиряя его разсудочное самомнѣніе, оно не стѣсняетъ свободы естественныхъ законовъ его разума, напротивъ, укрѣпляетъ его самобытность и вмѣстѣ съ тѣмъ добровольно подчиняетъ его вѣрѣ. Тогда на всякое мышленіе, не исходящее изъ высшаго источника разумѣнія, онъ смотритъ, какъ на неполное, и потому невѣрное, знаніе, которое не можетъ служить выраженіемъ высшей истины, хотя можетъ быть полезнымъ на своемъ подчиненномъ мѣстѣ, и даже иногда быть необходимою ступенью для другаго знанія, стоящаго на ступени еще низшей».

поклонника въ живописцѣ *Паоло Уччелло* (1396—1479). Новизна дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ успѣхъ въ овладѣніи тѣмъ, что казалось *непреоборимымъ трудомъ для всей джіотовой школы,* до того увлекла этого художника, что день и ночь сидѣлъ онъ надъ перспективными рисунками, находилъ въ перспективѣ источникъ высшихъ своихъ наслажденій и достигъ до того, что она перестала быть препоною художникамъ, не только при изображеніи зданій и видовъ, но самыхъ фигуръ, особенно сокращеній ихъ и постановки на разныхъ планахъ.

Мазолино да Паникале (1403—1440) былъ ученикомъ того же самаго Старнины, котораго Бальдинуччи, а за нимъ и Ланци, въ своей исторіи Италіанской живописи, называетъ учителемъ и Фра Джованни Анжелико. Онъ работалъ долго, какъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, подъ руководствомъ Лоренцо Гиберти, сдѣлавшаго въ соборной крещальнѣ во Флоренціи бронзовыя двери, достойныя по суду Микель-Анжело Буонаротти быть вратами райскими. Ваятельныя работы навели Мазолино да Паникале на недостатки освѣщенія живописцевъ того времени, и въ этомъ отношеніи онъ оказалъ большую услугу живописи.

Но болѣе всѣхъ современниковъ двинулъ живопись *Масаччіо* (1402—1443), о которомъ Вазари пишетъ, высоко восхваливши всѣ его художественныя достоинства: «по истинѣ все написанное до него, можно назвать написаннымъ, его же все живое, истинное и естественное, при сличеніи съ тѣмъ, что было сдѣлано другими» (1). Извѣстные всѣмъ его фрески во Флорентинской церкви Madonna del Carmine были живыми наставниками Леонардо да Винчи, Буонаротти, Рафаэля, не говоря о множествѣ другихъ, о которыхъ тотъ же Вазари говоритъ: «довольно того, что, куда идутъ главы искусства, тамъ собираются и члены.» Когда Джованни Анжелико прибылъ во Флоренцію, онѣ были уже окончены, и трудно представить себѣ, чтобы художникъ съ его смиреніемъ не видалъ и слѣдовательно не изучалъ ихъ, ибо взглядъ художника есть уже изученіе, особенно художника, вполнѣ оконченнаго. Ланци, принимая въ соображеніе лѣта Джованни Анжелико, пишетъ: «говорятъ, что онъ учился въ капеллѣ Масаччіо, но, сравнивая ихъ лѣта, не легко этому повѣ-

---

(1) *Vasari*, въ томъ же изданіи ч. III. стр. 154.

рить» (1). Ученіемъ для Фра Джованни было уже одно знакомство съ произведеніями Масаччіо. Что онъ воспользовался успѣхами великаго своего современника въ живописи, это видно во всѣхъ его фрескахъ, особенно же въ одномъ изъ его Распятій и въ Поклоненіи волхвовъ. До этихъ поръ большею частію онъ ставилъ всѣ фигуры на одномъ планѣ, то есть, на одной горизонтальной линіи; постановка ихъ не всегда была твердая и особенно были видны промахи въ рисункѣ и писаніи ногъ и рукъ, почти единственныхъ (разумѣется, кромѣ лицъ), частей обнаженнаго тѣла, часто встрѣчающихся на его картинахъ. Теперь, не пожертвовавши нисколько своими высокими достоинствами, онъ воспользовался всѣми усовершенствованіями искусства и, какъ говоритъ его поклонникъ-біографъ Маркезе, часто, какъ на примѣръ при постановкѣ фигуръ въ поклоненіи волхвовъ, онъ превосходилъ самаго себя. Выраженіе неземной чистоты, глубокое чувство, особенно въ изображеніи страданій Спасителя, остались у него тѣже, что и были. И какъ могло быть иначе, когда по словомъ Вазари ,«онъ имѣлъ обычай не поправлять и не передѣлывать ничего въ своихъ картинахъ, но оставлять ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ явились съ перваго разу; онъ вѣрилъ (какъ самъ онъ говорилъ), что такова была Божія воля. Нѣкоторые говорятъ, что Фра Анжелико никогда не принимался за кисть, не совершивши сначала молитвы. Никогда не писалъ распятія, не обливши сь ручьями слезъ» (2).

Смотря на художественныя произведенія его и Масаччіо, чувствуешь, что послѣднія, при всей высотѣ ихъ, находятся на ходу къ усовершенствованію, тогда какъ въ первыхъ внутреннее ихъ достоинство превосходитъ всякое понятіе о дальнѣйшемъ совершенствѣ, и даже самое внѣшнее усовершенствованіе допустимо ими только подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ оно было принято святою душею художника и отвѣтило бы на ея требованія. Еслибы эти самыя совершенства перешли за предѣлы отвѣта на голосъ души его, онѣ были бы имъ отвергнуты. Даже можно сказать, что потому Анжелико такъ легко усвоилъ ихъ себѣ, что у всѣхъ того времени живописцевъ внѣшняя сторона искусства была только средствомъ къ выраженію глубокаго ихъ вѣрованія, и хотя не только не всѣ они, но и никто изъ нихъ не достигъ ни

---

(1) Storia pittorica dell Italia dal risorgimento delle belle arti fin presso al fine del XVIII secolo di *Luigi Lanzi*. Venezia 1837. ч. I стр. 100.
(2) *Vasari* въ томъ же изданіи Т. IV. стр. 39.

той святости въ жизни, ни той чистоты въ вѣрованіи, какъ Джованни Анжелико, однакоже всѣ были искренно вѣрующими. Вѣрою подвигалось самое искусство на пути своего развитія. Не говоря уже о Фра Анжелико, никогда не писавшемъ ничего, кромѣ картинъ церковныхъ, всѣ прочіе художники его времени тоже мало писали картинъ другаго содержанія.

Беато Джованни пробылъ во Флоренціи, по однимъ указаніямъ, около 9 лѣтъ, по другимъ около 11; послѣ, въ своемъ мѣстѣ, я буду имѣть случай говорить о такомъ разногласіи въ показаніяхъ. По положимъ, что и 11; и для такого времени около 40 фресокъ, изъ которыхъ на однихъ, какъ на примѣръ на Распятіи въ 32 фута длины, изображено болѣе 20 фигуръ во весь ростъ; или Поклоненіе волхвовъ, гдѣ, кромѣ Пресвятой Дѣвы съ Младенцемъ Спасителемъ и трехъ царей, пришедшихъ на поклоненіе, изображены многочисленные ихъ спутники съ лошадьми; — однѣ эти работы трудно было бы окончить въ такое время, между тѣмъ какъ благочестивый художникъ, кромѣ ихъ, написалъ еще нѣсколько картинъ для другихъ церквей Флорентинскихъ. Между этими послѣдними одна изъ самыхъ замѣчательныхъ—изображеніе Страшнаго суда. Здѣсь видно богатство воображенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ видны его робость и односторонность. По характеру и по душѣ самаго художника, ему легче было понять блаженное состояніе праведныхъ, нежели страшное мученіе грѣшниковъ, по этому у него рай вышелъ художественнѣе понятъ и лучше исполненъ, нежели адъ; тогда какъ у Микель Анжело, въ огромной фрескѣ Сикстинской капеллы, совершенно на оборотъ: адскія страданія изображены далеко съ большею силою. У Джованни Анжелико изображеніе дьяволовъ какъ-то такъ странно, что оно больше вызываетъ улыбку своею искренностію и, такъ сказать, ребяческимъ пониманіемъ духа тьмы, нежели поселяетъ страхъ или отвращеніе. Церковныя смуты того времени отразились здѣсь точно также, какъ гражданскія междоусобія высказались въ Божественной Комедіи Данте. Въ аду, между многими осужденными, встрѣчаемъ мы монаховъ, кардиналовъ, прелатовъ и даже папъ. Я уже говорилъ, что, когда скопилось вдругъ нѣсколько папъ, тогда всѣ, признававшіе одного изъ нихъ, считали другихъ отлученными отъ церкви, еретиками, слѣдовательно еще за живо осужденными на адскія мученія. Не странно встрѣчать такого роду осужденія у Данте, волнуемаго всею силою общественныхъ страстей того времени. Онъ не могъ не

принимать въ свою сильную и страстную душу и не развивать въ ней всего, волновавшаго его сограждан, не могъ не преслѣдовать со всею ожесточенною ненавистію всего, ими преслѣдуемаго. Не поражаетъ оно и у Микель Анжело Буонаротти, котораго строгое мышленіе было далеко отъ того, чтобы безусловно подчиняться насильственнымъ требованіямъ властителей Латинской церкви, и котораго совѣсть, въ отношеніи къ духовенству и къ Римскимъ притязаціямъ, смѣло отвергала все, не принимаемое имъ, какъ гражданиномъ разсудительной республики, не разъ вооружавшейся противъ папскаго произвола. Но когда встрѣчаемъ такое осужденіе въ тихой безмятежной душѣ святаго отшельника, невольно, вмѣстѣ съ его временемъ, возстаешь на тотъ искаженный порядокъ всей жизни, въ которомъ церковь, вышедши изъ своихъ законныхъ предѣловъ, потеряла всю первобытную чистоту свою. Исказившись въ своихъ основахъ, она наложила печать этого искаженія на самыя чистыя природы, отдавшія себя въ вѣчное и неизмѣнное ей служеніе. Весь грѣхъ падаетъ на латинство, потому что такая тихая, безмятежная и незлобивая душа, какъ душа Фра Беато Джованни Анжелико, въ самомъ осужденіи была покорною исполнительницею духовной власти Латинской церкви, давшей себѣ право снести ключи царствія небеснаго съ небесъ на землю и располагать ими по полному своему произволу.

Сочиненіе рая отличается младенческою простотою: Ангелы съ восторгомъ принимаютъ праведниковъ, обнимаютъ ихъ, цѣлуютъ и потомъ составляютъ съ ними танцы. Для насъ такое изображеніе чрезвычайно странно.

Теперь мнѣ остается прослѣдить послѣдній періодъ дѣятельности Фра Анжелико и еще нѣсколькими чертами жизни подкрѣпить сужденіе и приговоръ, произнесенный о немъ общимъ голосомъ его современниковъ и утвержденный за нимъ всѣми позднѣйшими изслѣдователями и всѣми, описывавшими ангельское его житіе.

Флорентинскія его работы окончательно упрочили за нимъ славу великаго художника; къ тому же, скоро по прибытіи его во Флоренцію, умеръ знаменитѣйшій изъ современныхъ ему живописцевъ, Масаччіо, такъ что онъ оставался безспорно высшею художественною знаменитостію своего времени. Между тѣмъ папы постоянно заботились объ украшеніи Ватиканскаго храма Св. Петра, который хотя и далеко еще не былъ тѣмъ, чѣмъ онъ теперь, но за то постоянно украшался всѣми каждаго времени художественными зна-

мепитостями. И Фра Анжелико въ свою очередь былъ вызванъ волею папы въ Римъ для украшенія первопрестольнаго храма Западнаго міра.

«По причинѣ молчанія прежнихъ писателей и разногласія новѣйшихъ, трудно было бы опредѣлить время призыва его въ Римъ. Джорджіо Вазари пишетъ, что онъ отправился туда по требованію Папы Николая V, ученый профессоръ Розини (въ своей исторіи Италіанской живописи) слѣдуетъ Вазари и опредѣляетъ 1447 годъ. Леопардо Альберти, древнѣйшій изъ всѣхъ, кажется тоже держится этого мнѣнія. Не смотря на то, нѣкоторыя причины, кажущіяся мнѣ весьма важными, заставляютъ меня думать, что это случилось въ послѣдніе годы, или по крайней мѣрѣ послѣдніе мѣсяцы жизни Евгенія IV. Первый изъ этихъ историковъ какъ будто бы забылъ, что онъ писалъ въ жизни Анжелико, послѣ того какъ разсказалъ о прибытіи живописца въ Римъ: «И такъ какъ папѣ (Николаю V) казался Фра Анжелико, какъ и дѣйствительно онъ былъ, человѣкомъ жизни святѣйшей, спокойной и скромной, а въ это время архіепископское мѣсто во Флоренціи было свободно, то онъ считалъ его способнымъ занять эту должность. Услышавши это, названный нами инокъ просилъ его святѣйшество, чтобы онъ назначилъ кого-либо иного, потому что не чувствовалъ себя способнымъ управлять другими. Но что въ его орденѣ (la sua religione) есть монахъ, любящій бѣдныхъ, искуснѣйшій въ управленіи и богобоязненный, и было бы гораздо лучше назначить того, нежели его. Папа, выслушавши его и подумавши, что все, сказанное имъ, истинно, охотно оказалъ ему милость, и такимъ образомъ сдѣлался Флорентинскимъ архіепископомъ монахъ Антонинъ изъ ордена проповѣдниковъ, человѣкъ истинно по святости и учености знаменитѣйшій и, однимъ словомъ, такой, который заслужилъ, чтобъ Адріанъ VI въ наше время причислилъ его къ лику Святыхъ».... Флорентинскій архіепископъ, которому наслѣдовалъ Св. Антонинъ умеръ въ 1445 году; тогда былъ на папскомъ престолѣ Евгеній IV.» (1)

Этимъ я могу окончить длинныя изслѣдованія Маркезе. Что касается до меня, то я передаю ихъ, какъ дань отчетливости, требуемой отъ жизнеописателя. Непріятную дань эту приношу болѣе потому, что къ намъ весьма мало доходитъ второстепенныхъ Ита-

(¹) *Marchese* ч. 1 стр. 322.

ліанскихъ сочиненій, особенно изъ области исторіи искусствъ, и что по этому художники и любители искусствъ, прочитавъ у Вазари (или въ исторіи живописи Розини) одно, и нашедши у меня другое, могли бы укорить меня въ неточности. Еще хуже, если бы за этотъ пустой промахъ они заподозрили бы меня и вѣрность всего, мною передаваемаго, какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и въ другихъ художническихъ жизнеописаніяхъ, которыя отъ времени до времени надѣюсь я помѣщать въ Русской Бесѣдѣ. Внѣ этихъ личныхъ соображеній, я совершенно соглашусь съ моими читателями въ полной безцѣльности подобныхъ изслѣдованій, особенно при жизнеописаніи Фра Джованни Анжелико. Маркезе, его подробнѣйшій біографъ, наполняетъ ими цѣлыя страницы, и что же выигрываетъ отъ этого исторія живописи? Къ чему приведетъ точное опредѣленіе года тамъ, гдѣ самая дѣятельность, по существу своему, по своему значенію и по своему общественному вліянію, нисколько не зависѣла отъ года, ибо нисколько не участвовала въ современныхъ мимолетныхъ, преходящихъ явленіяхъ?

Въ Римѣ главною его работою были фрески въ храмѣ Св. Петра. Здѣсь онъ писалъ уже не одинъ, но вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ Беноццо Гоццоли, послѣ того сдѣлавшимся весьма извѣстнымъ въ мірѣ живописи. Онъ расписалъ двѣ капеллы (то есть два придѣла): одну, гдѣ постоянно хранились дары, — она была послѣ уничтожена папою Павломъ III для того, чтобъ тутъ сдѣлать лѣстницу; другую, называемую капеллою Николая V. Теперь эта послѣдняя постоянно посѣщается художниками и любителями искусствъ, но было время, именно въ прошедшемъ столѣтіи, когда она совершенно была забыта и заброшена. Боттари, который много занимался изслѣдованіями по исторіи искусствъ, писалъ примѣчанія къ изданію Вазари и былъ однимъ изъ библіотекарей Ватиканской библіотеки, искалъ случая видѣть фрески Анжелико, какъ художественное произведеніе, мало кому извѣстное, — и что же? Онъ долженъ былъ войти въ капеллу чрезъ окно, потому что ключъ отъ нея былъ потерянъ; тогда никто въ нее не заглядывалъ.

Ріо, не разъ мною упомянаемый по случаю описанія одной картины Анжелико, находящейся теперь въ Парижѣ, пишетъ: «Единственное произведеніе выше того, о которомъ я говорю, не по красотѣ, что было бы невозможно, но по величинѣ и можетъ-быть по исторической важности, это большая Ватиканская фреска, на кото-

рой Фра Анжелико, призванный въ Римъ Евгеніемъ IV, изобразилъ въ шести отдѣленіяхъ главнѣйшія событія изъ житія Св. Лаврентія и Св. Стефана, соединивши такимъ образомъ двухъ этихъ воиновъ Христіанства въ одно поэтическое воспоминаніе, какъ соединяются они обыкновенно въ воззваніи къ нимъ вѣрующихъ, тѣмъ болѣе, что одна гробница соединяетъ прахъ ихъ въ древней базиликѣ Св. Лаврентія за стѣнами Рима.»

« Посвященіе Св. Стефана, раздача милостыни и особенно проповѣдь его—три картины, до того неподражаемыя въ своемъ родѣ, что превосходятъ все, произведенное кистію самыхъ знаменитыхъ художниковъ, и было бы трудно представить что-либо лучше расположенное, болѣе привлекательное въ отношеніи къ положеніямъ, къ движеніямъ и къ самымъ фигурамъ, какъ собраніе женщинъ, которыя слушаютъ святаго проповѣдника. Если неистовое изувѣрство убійцъ, побивающихъ Святаго каменьями, не изображено со всею желаемою силою, это должно приписать единственно прекрасной немощи ангельскаго воображенія, исключительно воспитаннаго восторгами неземной любви, которое никогда не могло освоиться съ драматическими явленіями, производимыми страстями сильными и отвратительными.»

« Наброска одежды сдѣлана благородно и изящно, и это достоинство, общее всѣмъ работамъ Фра Анжелико, здѣсь поражаетъ еще болѣе отчетливою вѣрностію одѣянія, списаннаго имъ съ того, что осталось отъ первобытной Церкви. Такой точности нѣтъ уже въ нижнихъ отдѣленіяхъ, гдѣ почти также счастливый во вдохновеніи, онъ изобразилъ такія же дѣянія Св. Лаврентія.»

« Эти изображенія такъ восхитительны, что, не смотря на близкое сосѣдство ихъ съ знаменитыми комнатами (stanze), расписанными Рафаэлемъ, онѣ не менѣе ихъ возбуждаютъ восторгъ въ истинныхъ почитателяхъ Христіанскаго искусства» (*).

Какъ странно слышать такія сужденія послѣ того, какъ, сто лѣтъ тому назадъ, никто не обращалъ вниманія на знаменитыя фрески Фра Джованни Анжелико.

Но Ріо, какъ я уже говорилъ выше, одинъ изъ сильныхъ поклонниковъ Фра Беато Джованни, его сужденія могутъ быть пристрастными; послушаемъ, что говоритъ объ этихъ же фрескахъ из-

---

(*) *Rio.* Della poesia cristiana nelle sue forme. стр 186

вѣстный всѣмъ историкъ искусствъ Ажинкуръ. Онъ вообще не весьма щедръ на похвалы, особенно онъ не могъ сильно сочувствовать иноку-художнику, потому что жилъ въ концѣ прошедшаго вѣка, весьма мало способнаго увлекаться религіознымъ направленіемъ. Но и строгій Ажинкуръ, прослѣдивши весь ходъ живописи отъ начала ея до конца XVI вѣка, не могъ иначе отзываться о Фра Анжелико, какъ съ высокою похвалою: «Искусство, съ какимъ окончены эти фрески, истинно удивительно. Ничего не можетъ быть такъ усладительно и пріятно для глаза, какъ ихъ колоритъ. Сильныхъ тѣней мало; свѣтотѣнь полна гармоніи. Изъ близи эти изображенія имѣютъ всѣ достоинства миніатюрныхъ; издали силою красокъ онѣ производятъ полное впечатлѣніе широкой и свободной кисти.

«Рисунокъ не безъ неправильности; во всякомъ случаѣ фигуры сплюснуты. Этотъ недостакъ можетъ быть слѣдствіемъ привычки, пріобрѣтенной при расписываніи книгъ, или изъ необходимости писать въ узкихъ полосахъ (фризахъ) и на поперечной доскѣ внизу картинъ, называемой predella, гдѣ былъ обычай изображать предметы въ маломъ видѣ, или исторійки.

«Скромныя положенія, взглядъ, полный вниманія, и выраженіе благочестія, какимъ воодушевлены лица картины, все имѣетъ что-то болѣе, нежели трогательное: ибо тутъ видится счастливое подражаніе природѣ.

«Въ этихъ произведеніяхъ есть еще весьма удивительная особенность, которой источникъ тоже во вниманіи, съ какимъ художникъ умѣлъ дать вѣрный отчетъ о всѣхъ обстоятельствахъ предмета; особенность эта состоитъ въ томъ, что сочиненіе, умное во всѣхъ отношеніяхъ, показываетъ всѣ обстоятельства такъ, что не оставляетъ ни въ чемъ никакого сомнѣнія.

«Съ одной стороны видно проповѣдываніе: проповѣдникъ стоитъ въ положеніи полномъ достоинства; народъ его слушаетъ съ сосредоточеннымъ вниманіемъ. Съ другой стороны мученикъ: здѣсь на оборотъ выражено звѣрство палачей и самоотверженіе жертвъ. Въ другомъ мѣстѣ совершеніе Св. Таинъ: смиреніе служащихъ, выраженное явственно ихъ положеніемъ, свидѣтельствуетъ о ихъ вѣрѣ.

«Вѣрующій художникъ безъ сомнѣнія былъ обязанъ этою полною правдою выраженія чувству собственныхъ добродѣтелей, образцамъ, ежедневно являвшимся ему въ его благочестивыхъ собратіяхъ; при-

родный же даръ его подмѣчать и оцѣнивать эти красоты приблизили его къ той школѣ, которая уже въ продолженiи цѣлаго вѣка стремилась къ совершенству, не отдаляясь никогда отъ простой истины.

«Эти различные роды достоинствъ были уже весьма замѣчательными въ произведенiяхъ, исполненныхъ монахомъ Джованни да Фiезоле еще во Флоренцiи, которыми Масаччiо, бывши моложе его 15 лѣтъ, умѣлъ воспользоваться; но они еще болѣе замѣчательны въ Римскихъ его работахъ, о которыхъ мы говоримъ и въ которыхъ, по особому стеченiю обстоятельствъ, кажется, онъ взялъ за образецъ произведенiя того же самаго Масаччiо, умершаго двѣнадцатью годами прежде его.

«Монахъ Джованни до такой степени приблизился къ этому художнику въ своихъ послѣднихъ работахъ, что, мнѣ кажется, непремѣнно должно смотрѣть на него, какъ на переходъ отъ усилiй предшествовавшаго вѣка къ новымъ успѣхамъ, какими искусство одолжено живописцу Масаччiо» (1).

Въ самыхъ выраженiяхъ историка живописи слышно полное его предпочтенiе внѣшности искусства надъ внутреннимъ его содержанiемъ—пламенною вѣрою художника; но тѣмъ еще безпристрастнѣе является похвала его, что онъ не увлеченъ сочувствiемъ къ личности художника.

Въ то время, какъ Фра Джованни расписывалъ капеллы въ Ватиканѣ, онъ заключилъ контрактъ съ Орвiетскимъ соборомъ, по которому онъ брался написать тамъ Страшный судъ, съ помощiю своего ученика Беноццо Гоццоли. Изъ контракта видно, что ему платили 200 червонцевъ золотомъ въ годъ, кромѣ издержекъ и содержанiя; помощнику его по 7 червонцевъ въ мѣсяцъ, и по 3 двумъ его молодымъ живописцамъ. Тутъ же, въ контрактѣ, его называютъ Maestro dei Maestri,—титулъ или величанiе, даваемое только извѣстнѣйшимъ худож-

---

(1) Storia dell'arte col mezzo dei monumenti dalla sua decadensa nel IV secolo fino al suo risorgimento nel XVI di S. B. *Seroux d'Agincourt* con aggiunte italiane. Milano. 1824 in. fol. T. V. стр. 218. Въ томѣ VI на CXLV листѣ изображены, въ весьма маломъ видѣ, въ однихъ очеркахъ, всѣ фрески Джованни Анжелико, находящiяся въ капеллѣ Николая V.

Я по неволѣ долженъ ссылаться на Италiанское изданiе Ажинкура, хотя первое подлинное изданiе было Французское и хотя оно далеко лучше всѣхъ другихъ. У меня подъ рукою Италiанское, потому что, долго живши и изучавши искусство въ Италiи, я легче могъ прiобрѣтать Италiанскiя книги, нежели другiя.

никамъ. Онъ началъ въ Орвіето условленную работу, но его такъ поразила смерть одного художника, упавшаго съ лѣсовъ, что онъ уѣхалъ изъ Орвіето и болѣе уже туда не возвращался. Страшный судъ былъ послѣ оконченъ другимъ весьма извѣстнымъ живописцемъ *Лукою Синьорелли.*

Въ Римѣ сильная привязанность къ нему и уваженіе папы Николая V, знаменитаго покровительствомъ искусствамъ, нисколько не могла измѣнить ни его характера, ни его отшельническаго образа жизни. По словамъ Вазари одно уже это показываетъ твердость его монашескихъ правилъ, что, «когда въ одно утро папа Николай V хотѣлъ ему дать завтракать, онъ почелъ грѣхомъ ѣсть мясо безъ позволенія настоятеля, не смотря на самую власть папы.» Тоже самое разсказываетъ Леонардо Альберти въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Внутреннее чувство долга, не допускающее никакого разрѣшенія отъ обѣта, даннаго предъ престоломъ церковнымъ, слѣдовательно какъ бы предъ лицемъ самаго Бога, взяло въ немъ верхъ надъ понятіями Латинянина, которому папа имѣетъ право разрѣшить все и даже измѣнить установленное Церковію.

Сводя теперь въ общій итогъ все, сказанное мною о художественныхъ достоинствахъ и художественномъ значеніи Фра Беато Анжелико, нельзя не согласиться съ Ажинкуромъ и не признать, что имъ заключился первый періодъ Италіанской живописи. Въ его произведеніяхъ мы видимъ всѣ достоинства его знаменитыхъ современниковъ, съ тою только разницею, что у нихъ каждое находится какъ бы на первомъ планѣ, и потому является рѣзко и выпукло, у него же все подчинено его святому религіозному чувству, является не иначе, какъ по его требованію, и на столько, на сколько требуется чистотою его вѣрованія.

Сочиненіе его не отличается глубокомысленною обдуманностію, такъ что на вопросъ,—почему эта фигура тутъ, а не тамъ, почему она въ томъ, а не въ другомъ положеніи, вѣроятно, не отвѣтилъ бы и самъ художникъ. Онъ не столько обдумывалъ подробности предмета, сколько, перенесшись въ предметъ и заживши, такъ сказать въ немъ, писалъ его не по заданному сочиненію, а прямо списывалъ съ живаго его существованія въ его художественномъ воображеніи. Такой путь сочиненія ясно можно подмѣтить въ нѣкоторыхъ фигурахъ, поражающихъ простотою, такъ сказать безыскусственностію своихъ положеній и естественностію своего участія въ предметѣ,

изображаемомъ на картинѣ. Простота монашеской жизни и неумолкаемая молитва удерживали воображеніе въ предѣлахъ самой естественной простоты отношеній; такими эти отношенія являлись и на его картинахъ. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ фигурахъ, на примѣръ Апостоловъ, что въ галлереѣ академіи искусствъ въ Флоренціи, замѣтно еще сочиненіе складокъ одежды, но и это едва ли не слѣдствіе новѣйшаго подновленія. Вообще вездѣ складки одежды ложатся подъ его кистію удивительно какъ хорошо, не потому что онѣ такими придуманы, а потому что, часто видѣвши и наблюдавши тихія и покойныя молитвенныя движенія, онъ насмотрѣлся на естественную наброску одежды, высоко же развитое въ немъ художественное чувство имѣло возможность выбрать изъ всего самыя художественныя частности.

Если встрѣчаются сельскіе виды, на примѣръ, при моленіи о чашѣ, то они крайне плохи: деревья безъ малѣйшаго ихъ изученія, въ расположеніи ихъ Фра Джованни не руководствовался ничѣмъ, а, какъ случилось, ставилъ что-то, о чемъ можно только догадаться, что это дерево. Послѣ у него перспектива являлась лучше, но деревья все таки остались тѣми же.

Колоритъ его нѣженъ, и никогда у него нѣтъ сильныхъ тѣней. Любимыя его краски: голубая (большею частію свѣтло лазоревая), бѣлая и красная. Обыкновенно онѣ въ такой тихой гармоніи, что, кажется, нѣтъ ни одного пятна, особенно обращающаго на себя глазъ зрителя.

Рисунокъ его простъ; сокращеній весьма мало, но онѣ большею частію правильны, особенно во всѣхъ его послѣднихъ произведеніяхъ; очертанія весьма тонки и слабы, нигдѣ ниодной рѣзкой черты, она нарушила бы общее спокойствіе картины.

Послѣдніе годы онъ уже не выѣзжалъ изъ Рима, до конца жизни не прерывалъ своей пламенной молитвы въ своихъ живописныхъ произведеніяхъ и тихо уснулъ сномъ праведниковъ въ 1455 году. Папа приказалъ поставить ему памятникъ въ церкви доминиканскаго монастыря Maria della Minerva; тамъ и по сіе время видно высѣченное на мраморѣ изображеніе смиреннаго инока-художника и надъ нимъ слѣдующая надпись:

Hic jacet ven. pictor
Fr. Jo. de Flor. Ord. P.
MCCCCLV.

Заключимъ его жизнеописаніе словами много разъ упоминаемаго нами Вазари, знавшаго подробности его жизни изъ самыхъ свѣжихъ о немъ разсказовъ.

«Фра Джованни былъ человѣкъ простой и самой святой въ своей жизни. Онъ убѣгалъ отъ всѣхъ дѣлъ житейскихъ и, живши чисто и свято, такъ много любилъ бѣдныхъ, какъ, я думаю, теперь душа его любитъ небо. Онъ постоянно упражнялся въ живописи и никогда не хотѣлъ писать ничего иного, кромѣ однихъ Святыхъ. Могъ быть богатъ, и не заботился объ этомъ, а еще обыкновенно говаривалъ, что истинное богатство не иное что, какъ довольство немногимъ. Онъ могъ повелѣвать многими, но не хотѣлъ, и говорилъ, что меньше труда и меньше заблужденій повиноваться другому. Отъ его воли зависѣло имѣть степени монашескія и другія, онъ не уважалъ ихъ и утверждалъ, что не искалъ иныхъ достоинствъ, какъ только стараться избѣжать ада и приблизиться къ раю. Былъ человѣколюбивѣйшимъ и воздержнымъ, и цѣломудренною жизнію отрѣшился отъ всѣхъ дрязгъ мірскихъ, имѣвши обыкновеніе часто говорить, что кто занимается этимъ искусствомъ (живописью), тому нужно спокойствіе и жизнь безъ заботъ, а кто преданъ Христу, всегда долженъ и оставаться со Христомъ. Никогда не видали его во гнѣвѣ между монахами: вещь чрезвычайная, и какъ будто даже, мнѣ кажется, невозможно этому вѣрить. Простою улыбкою онъ обыкновенно старался умиротворить друзей своихъ. Съ неимовѣрною ласкою говорилъ онъ каждому, кто просилъ его работъ, что пусть только тотъ уговоритъ настоятеля, и что потомъ онъ непремѣнно сдѣлаетъ. Однимъ словомъ, этотъ никогда не довольно восхваляемый отецъ былъ во всѣхъ поступкахъ и сужденіяхъ смиреннѣйшимъ и скромнымъ, а въ своихъ картинахъ скоръ и набоженъ, и Святые, имъ написанные, имѣютъ болѣе видъ и сходство со Святыми, нежели Святые кого-либо другаго» (1).

Съ такимъ благоговѣніемъ отзывались о художникѣ праведной жизни слѣдовавшія за нимъ поколѣнія. Теперь, когда вѣрованіе, благодаря Бога, сбрасываетъ съ себя мало по малу оковы холодности и равнодушія и не боится предстать въ мірѣ искусства въ лицѣ своего ревностнаго служителя, непростительно было бы художникамъ и любителямъ живописи не заставить себя глубоко изучить вели-

(1) *Vasari*, тамъ же, ч. IV. стр. 38.

каго живописца среднихъ вѣковъ, нашедшаго все: источникъ искусства, средства, предметъ, неизмѣнность въ силѣ таланта, все рѣшительно, въ одномъ пламенномъ и искреннемъ вѣрованіи.

III.

До сихъ поръ я разсматривалъ произведенія Джованни Анжелико чисто съ художественной стороны, и, гдѣ по ихъ сущности и внутреннему значенію долженъ былъ коснуться его пламеннаго вѣрованія, вездѣ смотрѣлъ на самое это вѣрованіе, какъ на источникъ и высшее достоинство той же его художественности. Много Русскихъ, которые, встрѣчалъ я, сильно увлекались его художественною высотою и которыхъ она доводила до благоговѣнія передъ пламенною вѣрою живописца-инока. По чувству любви къ Россіи и по искреннему желанію пересадить на ея почву все прекрасное, гдѣ бы оно ни встрѣтилось, они иногда не могутъ удержаться, чтобы, произнося восторженныя похвалы изображеніямъ Святыхъ Фіезольскаго отшельника, не прибавить: вотъ какіе образа нужно было бы имѣть въ нашихъ церквахъ. Мнѣ никогда не случалось видѣть нашихъ простолюдиновъ предъ его картинами; но М. Бибиковъ, долго жившій во Флоренціи и избравшій галлерею degli uffizii своимъ неизмѣннымъ утреннимъ мѣстопребываніемъ, говоря мимоходомъ о картинахъ Джованни Анжелико, прибавляетъ, что когда открываютъ створчатыя двери шкафа, гдѣ находится изображеніе Дѣвы Маріи съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, то многіе смотря на Нее, крестятся. А этого, я прибавлю, не можетъ никто сдѣлать ни передъ одною Мадонною позднѣйшихъ временъ, не исключая и Рафаэлевой.

Такое невольное и безсознательное признаніе единства между картинами Анжелико и нашими иконами можетъ казаться убѣдительнѣйшимъ подтвержденіемъ истины словъ людей другихъ сословій.

Что касается до меня, то ни тѣ, ни другіе нисколько не убѣдили меня; я никогда не могъ признать близости священныхъ картинъ святаго художника съ нашими иконами, то есть, не съ дѣйствительными произведеніями нашихъ иконописцевъ, а съ воображаемою художественностію нашей иконописи. Я старался дать себѣ отчетъ въ своихъ понятіяхъ, и теперь представлю причины моего разномыслія съ большинствомъ людей, видѣвшихъ и даже изучавшихъ (какъ на примѣръ г. Бибиковъ) эти картины.

Человѣка простаго, не привыкшаго къ разсматриванію художественныхъ изображеній, всего болѣе на первый разъ поражаетъ внѣшность. Золотое поле, сіяніе надъ главою, привычное для глаза каждаго Христіанина, положеніе Богородицы съ Младенцемъ на рукахъ,— все это признаки образа. Они вездѣ возбудили бы въ немъ благоговѣніе, но еще болѣе возбуждаютъ посреди картинъ, на которыхъ онъ иногда, съ какимъ-то чувствомъ совѣстливости, видитъ изображеніе всей человѣческой наготы. Надобно замѣтить—наготы, имѣющей для него одно значеніе безстыдства, потому что художественность, ее возвышающая, и то въ истинно художественныхъ произведеніяхъ (которыхъ исторія искусствъ насчитываетъ не очень много), и выносящая ее изъ области плотскаго воззрѣнія, для него не доступна. Для этого требуется нѣкоторое развитіе художественнаго чувства, пріобрѣтаемое, такъ сказать, художественнымъ упражненіемъ глаза. Въ такой средѣ, и еще болѣе потому, что онъ встрѣчаетъ въ такой средѣ всю внѣшность образа, онъ дѣйствительно принимаетъ картину Фіезольскаго живописца за образъ. По этому крестное его знаменіе не составляетъ ни малѣйшаго доказательства единства Анжеликовыхъ картинъ съ нашими образами.

Въ другіе слои общества, какъ много они ни соединены съ Церковью и сколько они ни глубоко уважаютъ и чтутъ ее, Западно-Европейскіе взгляды и безусловное поклоненіе Западному образованію, какъ единственному нашему просвѣтителю, ввели много разсудочности, не оставляющей нашихъ сужденій и на порогѣ церковномъ. Въ слѣдствіе этой-то разсудочности, до чего бы ни дошло, даже до самой любви ко храму Божію, къ его благолѣпію, ко благолѣпію и стройности служенія, мы нигдѣ не можемъ себя и своихъ понятій, въ дѣлѣ Церкви, смиренно подчинить церковнымъ уставамъ и правиламъ, письменнымъ и неписьменнымъ, а сличая все съ весьма разсудочнымъ устройствомъ Западнаго богослуженія, и Латинскаго, и Протестантскаго, все какъ-то желаемъ поправить и улучшить простоту многаго, входящаго въ составъ церковной нашей внѣшности. Нельзя не согласиться, что самое это желаніе выходитъ изъ полной любви къ Церкви, и изъ мысли, невольно приходящей на умъ каждому истинному поклоннику Западно-Европейскаго образованія: не лучше ли бы устроить въ нашей Церкви все такъ, чтобъ не осуждали ее иностранцы? Не покажется ли имъ многое внутри нашей Церкви не удовлетворяющимъ современнымъ требованіямъ образован-

пости? Боязнь, страхъ навлечь на себя судъ и осужденіе Европы такъ выросли у насъ въ послѣднее время, что мы на всѣхъ путяхъ жизни частехонько имъ однимъ руководствуемся; при сужденіи о всемъ нашемъ отечественномъ, даже не оставляемъ его, и вступая въ святилище церковнаго храма. Отъ чего же бы казалось и въ Церкви нашей не исправить и не улучшить всего такъ, чтобы самый образованный иностранецъ остался ею совершенно доволенъ? Считать мнѣнія иностранца послѣднимъ, высшимъ и окончательнымъ приговоромъ надъ всѣмъ,—это уже наша слабость. Къ тому же и требованія наши не велики. Разумѣется, мы ни за что не пожертвуемъ для воображаемыхъ или желаемыхъ нами улучшеній, основами нашей Церкви. Избави Богъ! Нѣтъ! мы, совершенно оставляя ее, по нашему понятію, неприкосновенною, только стараемся возвысить благолѣпіе внѣшности. Такъ, часто слыша торжественные церковные звуки Аллегри, Перголезе, Баха, Гайдена и даже Моцарта, подумается о нашей Церкви и скажется: для чего же бы не ввести ихъ въ наши церковные напѣвы? Или еще чаще слыша церковное пѣніе деревенскаго дьячка, невольно оскорбляющее мало привыкшее къ нему ухо, мы со всею любовію къ Церкви спрашиваемъ: не лучше ли бы замѣнить его органомъ? Но еще пѣніе неразрывно соединено съ самымъ ходомъ богослуженія. Привычка съ дѣтства соединять напѣвъ съ самыми словами пѣнія вноситъ невольное, безсознательное къ нему почитаніе. Всего же болѣе, отъ добраго, любвеобильнаго желанія улучшить нашу Церковь и поправить ея недостатки терпитъ наше иконописаніе. Какъ хотите, а имѣть въ Церкви такія иконы, какими надѣляютъ насъ наши иконописцы, извѣстные въ простонародномъ быту подъ именемъ богомазовъ,—это рѣшительно ни на что не похоже. И къ чему эти серебреные и вызолоченные оклады? Гдѣ тутъ мѣсто художнически написанному образу? Замѣнить ихъ просто Европейскими картинами священнаго содержанія нельзя, особенно для простаго народа: крестьяне глупы; Италіанская живопись (когда говорится объ образахъ, то тутъ Рубенсъ и Рембрандтъ все называется Италіанскою живописью) можетъ еще повести къ ропоту; но что, на примѣръ, лучше первоиталіанскихъ художниковъ и именно, что можетъ больше удовлетворить вѣрующее сердце, какъ не картины Фра Джованни Анжелико да Фіезоле?

Допустивши только основнымъ положеніемъ разсудочность въ дѣлѣ Церкви, вторымъ за нимъ,—всегдашнее считаніе простаго наше-

го народа, если не вполнѣ глупымъ, то неосмысленнымъ, а этимъ названіемъ мы постоянно именуемъ его, дойдетъ ли дѣло до его полнаго Христіанскаго смиренія, до его безропотнаго исполненія тяжкихъ его обязанностей; коснемся ли мы его неохоты принимать нововведенія, не вносящія съ собою никакихъ улучшеній въ его бытъ; даже и тогда, когда заговоримъ объ его тихой, горячей молитвѣ; о понятіяхъ нечего уже и упоминать: имъ давно подписанъ приговоръ образованнаго общества. Допустимъ, говорю, два эти положенія, тогда вся постройка сужденій логична и выводы правильны.

Но допустить ихъ невозможно ни одному Русскому, сколько нибудь вникающему въ основы и составъ Православной Церкви и сколько нибудь знающему народъ свой.

Церковь наша составилась со времени первобытныхъ Христіанъ, когда вся полнота ихъ жизни на ней и въ ней была сосредоточена, когда не только одно вѣрущее сердце, но мысль и дѣло Христіанина и великихъ учителей и святителей Церкви, внѣ предѣловъ ея, не находили себѣ иного выхода и иной дѣятельности. Иначе и не могло быть въ томъ мірѣ, гдѣ весь составъ общества и гражданства созданъ былъ на основахъ языческихъ и слѣдовательно всякое дѣятельное въ немъ участіе непремѣнно было возможно тоже подъ условіемъ или подчиненія себя языческимъ началамъ, или явнаго ему противуборства. Самое это противуборство сначала, во времена воюющей Церкви, представляло всю силу дѣятельности мученика, во времена же торжествующей, то есть, именно тогда, когда сама Церковь съ богослуженіемъ, таинствами и даже обрядами образовала изъ себя одно органическое цѣлое, внѣ Церкви отнялась всякая возможность дѣятельности. Христіанъ было уже много, но составъ общественный и гражданскій все оставался на прежнихъ своихъ языческихъ основахъ. Въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ, свѣтила всей высокой образованности того времени, высшіе представители сильно развитаго мышленія, руководимые самою пламенною вѣрою и самыми незыблемыми убѣжденіями, трудились надъ составомъ Церкви со всею его внѣшностію. Всякая вводимая въ нее частность подвергалась обсужденію всего Христіанскаго міра, въ лицѣ Вселенскихъ Соборовъ. Стоитъ только вникнуть въ одно это, вникнуть съ полнымъ уваженіемъ къ искренней и глубоко напряженной дѣятельности человѣческой природы, то, если бы даже кто и отвергалъ присутствіе благодати у великихъ учителей Вселенской Церкви, и тогда что дало бы

намъ право на такую самонадѣянность, что мимолетный нашъ взглядъ, мимоходное неудовлетвореніе нашихъ понятій можетъ придумать что-нибудь лучше (все я говорю только о самой Церкви), нежели какъ составили вѣками великіе Христіанскіе мыслители?

Не знаю я, согласятся ли со мною мои читатели, но и самое ихъ согласіе не избавитъ еще меня отъ множества и множества возраженій.

Развѣ Западная церковь образовалась не при тѣхъ же условіяхъ? Введеніе органа, вообще музыки, точно также, какъ замѣненіе живописью древней иконописи, нисколько не зависѣло отъ измѣненныхъ ею церковныхъ догматовъ и не имѣло съ ними *никакого видимаго* отношенія. Все это могло въ нее войти и безъ ея отдѣленія отъ Церкви Вселенской.

Устремивши все наше вниманіе на измѣненіе догмата, которое уже окончательно отдѣлило Латинскую церковь отъ Вселенской, мы забываемъ, что оно было слѣдствіемъ, а не причиною. Первымъ шагомъ отдѣленія было то, что ввелось раздвоеніе въ ту область, гдѣ ничто не созидалось иначе, какъ всею полнотою и цѣлымъ составомъ души человѣческой. Такою полнотою, въ которой умъ, сердце и воля сливались во едино и дѣйствовали всею своею напряженностію, такъ что ни одна частность не предписывалась ни одною разсудочностію, ни однимъ увлеченіемъ, и не вводилась однимъ стремленіемъ къ какой бы то ни было практической цѣли, а выходила прямо изъ всецѣльной души человѣческой.

Едва появилось раздвоеніе, тотчасъ же единство Церкви разложилось на области или участки: догматами овладѣла разсудочность и, отбросивъ вселенское единство, начала въ нихъ распоряжаться по личному усмотрѣнію; вѣрованіе изъ спокойнаго состоянія безмятежной души Христіанина вошло въ область восторженнаго увлеченія, открывшаго пути страстному фанатизму; проповѣдь, а съ нею исповѣдь, сдѣлались орудіемъ цѣлей практическихъ и достигли до того, что смиреннаго сына Церкви превратили въ воинственнаго подданнаго папскаго престола. Съ искаженіемъ основъ исказились и всѣ частности первобытной Церкви Христіанской.

Наша Вселенская Православная Церковь блюдетъ неизмѣнность вселенскихъ постановленій. Она не можетъ ничего нарушить, потому что этими постановленіями все въ ней устроено такъ цѣльно, такъ неразрывно и такъ истекающе изъ саморазвитія внутренняго ея начала,

какъ созидается каждое отдѣльное творенiе Божiе, или то, что называемъ мы *полнымъ организмомъ*. Попробуйте въ каждомъ полномъ организмѣ мысленно измѣнить, что бы то ни было, что, по мелкимъ нашимъ соображенiямъ, казалось бы, его улучшитъ, онъ весь измѣнится до послѣднихъ тончайшихъ фибровъ. Встрѣчаются неправильности, уродливости, но онѣ не свидѣтельствуютъ объ измѣненiи организма, а только указываютъ на неполноту его. Можетъ родиться ребенокъ съ однимъ легкимъ, съ тремя пальцами, съ однимъ ухомъ; но кто же приметъ его за полнаго человѣка? Такiя искаженiя суть только наказанiя за вольныя, или невольныя преступленiя противъ природы. Совершенно тоже является и въ полномъ составѣ нашей Церкви, а потому и въ ней измѣненiе частности есть нарушенiе цѣльности ея организма.

Положимъ, что и съ этимъ согласятся мои читатели, и тогда они могутъ мнѣ сдѣлать еще весьма важное возраженiе: не даю ли я слишкомъ большаго значенiя вовсе незначительной части церковнаго состава, — нашей иконописи? Тѣмъ болѣе, что нѣтъ ни соборныхъ поставленiй, ни правилъ Отцевъ Церкви, ни наконецъ письменныхъ преданiй, отчетливо требующихъ того или другаго иконописанiя. Положительныя правила и постановленiя ограничиваются только употребленiемъ и чествованiемъ святыхъ иконъ.

На это я буду отвѣчать словами самой Церкви и ея святителей.

Седьмый Вселенскiй Соборъ Никейскiй, собранный для уставленiя иконопочитанiя, въ 367 догматѣ своемъ постановляетъ: «Хранимъ не нововводно всѣ, писанiемъ или безъ писанiя, установленныя для насъ церковныя преданiя, отъ нихъ же едино есть иконнаго живописанiя изображенiе, яко повѣствованiю Евангельской проповѣди согласующее и служащее намъ ко увѣренiю истиннаго, а не воображаемаго воплощенiя Бога Слова и къ подобной пользѣ. Яже бо едино другимъ указуются, несомнѣнно едино другимъ уясняются» (1).

Св. Василiй Великiй, Архiепископъ Кесарiи Каппадокiйскiя, въ письмѣ къ Св. Амфилохiю Епископу Иконiйскому, о Св. Духѣ, пишетъ: «Изъ догматовъ и проповѣдей, соблюденныхъ въ Церкви, иныя имѣемъ въ ученiи, изложенномъ въ Писанiи, а другiя, дошедшiя до насъ отъ Апостольскаго преданiя, прiяли мы въ тайнѣ.

(1) Книга Символа вѣры. стр. 5.

Но тѣ и другія имѣютъ одинаковую силу для благочестія. И никто не оспориваетъ послѣднихъ, если хотя нѣсколько свѣдущъ онъ въ церковныхъ постановленіяхъ. Ибо если бы вздумали мы отвергать не изложенные въ Писаніи обычаи, какъ не имѣющіе большой силы, то непримѣтнымъ для себя образомъ исказили бы самое главное въ Евангеліи, лучше же сказать, обратили бы проповѣдь въ пустое имя. На примѣръ (напомяну сначала о первомъ и самомъ общемъ): кто возложившихъ упованіе на имя Господа нашего Іисуса Христа письменно научилъ знаменовать себя крестнымъ знаменіемъ? Какое писаніе научило насъ въ молитвѣ обращаться къ Востоку? Кто изъ Святыхъ оставилъ намъ на письмѣ слово призыванія при показаніи Хлѣба благодаренія и Чаши благословенія? Ибо мы не довольствуемся тѣми словами, о которыхъ упомянули Апостолы или Евангеліе, но и прежде и послѣ ихъ произносимъ другія, какъ имѣющія великую силу къ совершенію Таинства, принявъ ихъ изъ неизложеннаго въ Писаніи ученія. Благословляемъ же и воду крещенія и елей помазанія, и даже самаго крещаемаго, по какимъ изложеннымъ въ Писаніи правиламъ? Не по соблюдаемому ли въ молчаніи и таинственному преданію? Что еще? Самому помазанію елеемъ научило ли какое писанное слово? Откуда и троекратное погруженіе крещаемаго человѣка? Изъ какого писанія взято и прочее, относящееся къ крещенію—отрицатися сатаны и аггеловъ его? Не изъ этого ли не обнародованнаго и сокровеннаго ученія, которое Отцы наши соблюдали въ непытливомъ и скромномъ молчаніи, очень хорошо понимая, что достоуважаемость Таинствъ охраняется молчаніемъ» (1)?

Но что же? скажутъ мнѣ, тутъ вездѣ говорится о храненіи преданій, а, кромѣ привычки и еще кромѣ того, что народъ, по силѣ той же привычки, привязанъ къ древней иконописи, какое преданіе, хотя бы и неписьменное, установило у насъ именно ее и не позволило намъ допускать другой, или вводить въ нее измѣненія? И на это найду отвѣтъ я у святителей нашей Православной Церкви, указывающихъ мѣсто общенародной, а не личной привязанности, и общенароднымъ, а не мѣстнымъ обычаямъ.

Въ *Окружномъ посланіи Единой, Святой, Соборной и*

---

(1) Творенія, иже во святыхъ Отца нашего Василія Великаго, Архіепископа Кесаріи Каппадокійскія. Москва, 1846. Т VII. ч. III. стр. 331.

Апостольской Церкви ко всѣмъ православнымъ Христіанамъ, написанномъ Восточными Патріархами 6 Маія 1848 года, въ отвѣтъ на укоры папы Пія IX и на воззваніе его о присоединеніи Востока къ латинству, между прочимъ мы находимъ: «У насъ ни Патріархи, ни Соборы никогда не могли ввести что-либо новое, потому что хранитель благочестія у насъ есть самое тѣло Церкви, то есть, самый народъ, который всегда желаетъ сохранить вѣру свою неизмѣнною и согласною съ вѣрою отцевъ его, какъ то испытали многіе и изъ папъ и латинствующихъ патріарховъ, со времени раздѣленія нисколько не успѣвшіе въ своихъ противъ нея покушеніяхъ, между тѣмъ какъ въ Западной церкви прежніе папы по временамъ, и безъ труда, и съ насиліемъ, канонизировали въ ней (вѣрѣ) многія новизны, ради благоустроенія, какъ говорили въ защиту отцамъ нашимъ, хотя на самомъ дѣлѣ производили нестроеніе въ тѣлѣ Христовѣ» (1).

Сонмъ патріарховъ признаетъ народъ «*хранителемъ благочестія*», «*самымъ тѣломъ Церкви*»; спросите каждаго изъ западныхъ Христіанъ, они не скажутъ этого. Папа позволилъ, и все измѣняется; живописью замѣнилась иконопись и дошла до того, что еще въ концѣ XV столѣтія, по словамъ одного изъ самыхъ ревностныхъ католиковъ, «оскверненіе святыни, содѣланное монахомъ Липпи, возобновлялось ежедневно, то есть, на мѣсто Божіей Матери, Магдалины и Св. Іоанна, красовались въ напрестольномъ изображеніи портреты дѣвицъ, чаще всего черезъ чуръ извѣстныхъ, около которыхъ скоплялась шумная толпа любопытныхъ и кощунствующихъ, забывши даже уваженіе къ совершенію Святыхъ Таинъ» (2).

При такомъ воззрѣніи учителей Церкви на неписьменныя установленія и на обычай народный, мнѣ кажется, нѣтъ уже надобности болѣе доказывать, что мы не имѣемъ никакого права, не преступая противъ Церкви, измѣнять нашей иконописи и замѣнять ее просто картинами духовнаго содержанія.

Но все это еще не рѣшаетъ вопроса главнаго при обращеніи къ искусству иконописанія: въ чемъ состоитъ отличіе нашей иконописи отъ живописи? Потомъ: гдѣ намъ найти неизмѣнные образцы первой? Время истребило большую часть древнихъ нашихъ иконъ, а отъ фресокъ если что и осталось, то довольно испорчено и къ тому же оно

(1) Христіанское чтеніе, издаваемое при С. П.бургской Духовной Академіи на 1849 годъ. Часть II стр. 192 (по опечаткѣ поставлено стр. 162).

(2) *Rio*. Della poesia cristiana nelle sue forme. стр. 285.

не отвѣчаетъ на всѣ иконописныя требованія, потому что во фресказъ находимъ мы только нѣсколько изображеній отдѣльныхъ Святыхъ и потомъ еще немногихъ двунадесятыхъ праздниковъ, тогда какъ въ кругъ иконописнаго письма входятъ всѣ главнѣйшія явленія основъ нашей Церкви.

Вникая въ нашу дѣйствительную иконопись, сохранившуюся во множествѣ остатковъ древнихъ иконъ въ нашихъ храмахъ, храмахъ южныхъ нашихъ единовѣрцевъ, во фрескахъ древней Византіи, и въ тѣхъ слѣдахъ, какіе мы находимъ въ миніатюрныхъ изображеніяхъ священныхъ книгъ Латинской церкви до XII и XIII вѣковъ; разсматривая, говорю, все съ глубокимъ вниманіемъ, мы находимъ главнымъ, существеннымъ и отличительнымъ характеромъ нашей иконописи безусловную покорность Церкви, не только въ общемъ сочиненіи, но и въ его подробностяхъ, въ полномъ согласіи съ нимъ постановки фигуръ, околичностей, и наконецъ въ самомъ исполненіи. Этотъ характеръ составляетъ существенное отличіе нашей иконописи отъ живописи. Прямое его слѣдствіе есть *совершенное уничтоженіе личности пишущаго*. Только этимъ и можно объяснить, какъ при всей безчисленности иконъ, при множествѣ превосходныхъ фресокъ въ православныхъ храмахъ древней Византіи и у насъ, въ продолженіи полутора десятка столѣтій, никогда не было отдѣльныхъ *школъ* иконописи. *Пошибы* суть не что иное, какъ частные пріемы, не вносящіе никакого существеннаго различія, точно тоже, что и различные пріемы и различная степень мастерства иконописца. Онъ можетъ быть искуснымъ, или неискуснымъ, что часто отъ него не зависитъ, точно также, какъ поющій въ церкви, можетъ имѣть сильный или слабый голосъ, пріятно или непріятно дѣйствующій на ухо, но какъ въ пѣніи напѣвъ опредѣленъ церковнымъ уставомъ, такъ еще болѣе иконописаніе зависитъ отъ принятаго Церковію обычая. Какъ напѣвъ можетъ быть страшно искаженъ невѣжествомъ, такъ еще болѣе писаніе иконъ можетъ быть доведено до невообразимаго искаженія грубостію и неразумѣніемъ иконописцевъ. (*)

(*) Такое искаженіе доходило до того, что Царю Алексѣю Михайловичу была подана челобитная о томъ, дабы учредить *надзирателя* за иконописцами, потому что: «во градѣхъ и въ весѣхъ мнози человѣцы простіи небрегуще о истинномъ начертаніи святыхъ иконъ и пр.» Въ рукописяхъ Румянцевскаго музеума № 376 листъ 12. Но такое прошеніе о *надзирателѣ* было дѣломъ частнымъ, а потому не имѣло и не могло имѣть успѣха. Русскій народъ испоконъ вѣка былъ врагомъ всякому насилію въ дѣлѣ

Эта-то грубость, это-то неразумѣніе справедливо поражаютъ каждаго, любящаго Церковь и ея благолѣпіе. Бѣда одна, что, руководимые въ нашихъ сужденіяхъ о Церкви не ею самою, а тою западною образованностію, выше которой мы не знаемъ уже ничего, даже и въ дѣлѣ вѣры, мы предпочитаемъ внѣшній лоскъ внутренней правдѣ. Защищать такія искаженія значило бы защищать самое невѣжество и грубость. Но нельзя не сказать одного, что истинное образованіе всегда доставляетъ возможность легкаго выхода и тотчасъ же можетъ поставить на путь къ усовершенствованію. Самая величайшая грубость, какую мы встрѣчаемъ у насъ во многихъ изображеніяхъ Страшнаго суда, можетъ только временно оскорблять чувство художественнаго и, еще выше его, церковнаго приличія. Она, на первомъ шагу развитія, сама на себя подастъ обвиненіе; но не можетъ ввести ничего новаго, не согласнаго съ Церковію, съ ея «безъ писанія установленными преданіями,» съ ея «не обнародованнымъ и сокровеннымъ ученіемъ,» не можетъ именно потому, что въ ней самой нѣтъ никакого содержанія. На оборотъ, всякое отступленіе, обращеніе къ живописи, какъ бы оно ни казалось благовидно съ перваго шагу, сколько бы ни удовлетворяло наши, часто близорукія, требованія вкуса и приличія, во всякомъ случаѣ есть отщепленіе отъ церковныхъ обычаевъ; съ каждымъ шагомъ своего развитія оно болѣе и болѣе удаляется отъ нихъ, именно потому, что въ самомъ себѣ несетъ свою основу и содержаніе, имѣетъ свое собственное стремленіе, пожалуй, прямо и не противурѣчащія составу церковному, особенно при своемъ началѣ, но не вполнѣ съ нимъ согласныя, не безусловно ему подчиненныя. Осязательнѣе всего такое подчиненіе, а съ нимъ вмѣстѣ и полное согласіе съ церковными установленіями, видно въ образѣ Воскресенія Христова. Само празднованіе церковное, исключительно предъ всѣми другими праздниками, опредѣляется постоянно и непрестанно повторяемою церковною пѣснію: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ». Тоже самое живописно изображалось на иконѣ неизмѣнно до XIV вѣка; у насъ изображается такъ и теперь: Христосъ во славѣ, съ крестомъ (позднѣе уже съ знаменемъ) въ рукахъ, низходитъ во адъ, подъ ногами Его разрушенныя двери ада лежатъ въ видѣ креста и къ нимъ прикованный царь тьмы; Спаси-

---

совѣсти и убѣжденія: истина должна убѣждать немерцаемымъ своимъ свѣтомъ, а не Латинскими преслѣдованіями, кострами, лишеніями жизненныхъ выгодъ и надзорами.

тель протягиваетъ руку и ею выводитъ изъ ада праотцевъ, патріарховъ и вообще праведниковъ Ветхозавѣтной Церкви. Живопись измѣнила это изображеніе и иногда доходитъ до такой его сложности и до такого старанія довести природоподражаніе до послѣднихъ предѣловъ, что есть картины Воскресенія Христова, въ которыхъ, не смотря на важность предмета, невольно улыбнешься смѣшнымъ фигурамъ испуганной стражи.

При такомъ характерѣ нашего иконописанія, серебряные и золотые оклады на образахъ, *нисколько* не составляя непремѣнной его принадлежности, прямо согласуются съ его назначеніемъ. Ликъ Пресвятой Дѣвы, ликъ Спасителя, изображенія Святыхъ переносятъ молящагося къ изображенному предмету и болѣе служатъ напоминовеніемъ объ Нихъ, какъ о дѣйствительномъ, какъ объ « истинномъ, не воображаемомъ » ихъ существованіи, и только. Въ самыхъ же подробностяхъ изображенія, въ одеждѣ, ничто не обращаетъ вниманія молящагося къ земнымъ подробностямъ изображаемаго лица, которыхъ оно было не чуждо въ земной его жизни, но представленіе о которыхъ во время молитвы раздвояло бы сосредоточенность молящагося. Какой поучительный примѣръ намъ въ этомъ отношеніи представляетъ разсказъ Евангельскій: вездѣ Богочеловѣкъ изображенъ истиннымъ человѣкомъ, но нигдѣ Боговдохновенные Евангелисты не коснулись подробностей земной Его обстановки; они довольствовались немногими словами, не входивъ въ мелкія описанія, даже нигдѣ не описали ни его внѣшняго вида, ни голоса, ни одежды, такъ что, если бы не осталось снимка съ лика Спасителя на убрусѣ и современныхъ Ему описаній въ донесеніяхъ римскому правительству, изъ Евангелія мы не имѣли бы никакого понятія объ Его наружности.

Риза иконы разрываетъ, въ нашемъ воображеніи, всѣ отношенія изображаемаго лица съ землею; ничто не переноситъ насъ даже къ мысли о простомъ портретѣ, такъ что и мысль и воображеніе, какъ бы вслѣдъ за молитвою, очищенныя отъ всего земнаго, несутся въ горнія обители Того, къ Кому обращается душа съ теплымъ моленіемъ.

Одно дѣльное возраженіе слышится иногда противъ серебряныхъ и золотыхъ окладовъ,—что это мертвый капиталъ, который съ гораздо большею пользою можно было бы употребить на какое нибудь, благословляемое тою же Церковію, богоугодное дѣло. Возраженіе совершенно справедливое; оно тѣмъ еще большую цѣну имѣетъ въ ца-

шихъ глазахъ, что оно весьма древнее: одинъ изъ 12 учениковъ Христовыхъ, еще при жизни Спасителя, сказалъ, смотря на то, какъ безполезно Марія проливаетъ масло на ноги Его: не лучше ли было бы продать и раздать нищимъ? Теперь, едва ли не такіе же сострадательные къ нищей братіи болѣзнуютъ о богатствѣ окладовъ, и почему-то никакъ не приходитъ имъ на мысль такое соболѣзнованіе, когда они видятъ серебро, а часто и золото, на обѣденныхъ нашихъ столахъ.

Не одною только дѣйствительною иконописью можемъ мы подтвердить существованіе основнаго характера нашей иконописи въ полной подчиненности Церкви и въ совершенномъ изчезаніи въ ней личности художника. Онъ содержится въ смыслѣ того самаго 367 догмата Святыхъ Отцевъ седьмаго Вселенскаго Собора, который я привелъ выше: «Яко бо едино другимъ указуются, несомнѣнно едино другимъ уясняются.» То есть: Св. Писаніе указуется и уясняется живописаніемъ и на оборотъ. Внѣ предѣловъ храма церковнаго, наша Церковь не оковываетъ ни мысли, ни сужденія: пусть каждымъ указуется и уясняется Св. Писаніе по его понятію; она не преслѣдуетъ даже и тогда, когда явились бы, какъ и являются, заблужденія: она приводитъ къ истинѣ немерцаемымъ свѣтомъ самой истины. Но что же было бы, если бы въ самомъ храмѣ каждый художникъ началъ по своему указывать и уяснять Св. Писаніе? Въ живописномъ же изображеніи дѣйствуетъ не одна вѣрность разсказа (которая въ настоящей живописи является тоже по произволу художника), но врядъ ли не еще болѣе вѣрность художественнаго воззрѣнія. Прекрасна Рафаэлева Мадонна, что стоитъ во Флорентинской галереѣ degli uffizii, въ комнатѣ, называемой трибуною; чисто и свято выраженіе лица Ея; но какое отношеніе будетъ между птичкою, съ которою играетъ Младенецъ Спаситель, и душею молящагося? Она наведетъ мысль на дѣтскую невинность младенца, на многое, смотря по воображенію каждаго, положимъ, что на все чистое и невинное; но оно въ душѣ молящагося производитъ уже раздвоеніе: воображеніе идетъ своимъ путемъ, моленіе своимъ. Непостижима чистота и святость въ описанной мною картинѣ Фра Джованни Анжелико, изображающей коронованіе Божіей Матери; нельзя не восхищаться дѣтскою чистотою его воображенія въ изображеніи Ангеловъ, играющихъ на разныхъ инструментахъ; но такъ ли же будетъ чисто все это въ воображеніи молящагося и не будетъ ли оно выведено самыми этими изображеніями изъ тѣхъ

предѣловъ, въ какихъ оно постоянно оставалось у пламенно вѣрующаго художника, съ младенческою простотою мысли возносившагося въ небесныя обители? Точно также и объятія Ангеловъ съ праведниками въ раю, при изображеніи послѣдняго судилища, и особенно танецъ Ангеловъ. Будете ли вы винить воображеніе молящагося, если оно, по сходству явленій, а можетъ быть еще и влекомое неудержимо сильными сердечными воспоминаніями, зайдетъ въ области, далекія отъ моленія? Вините картину, вовлекшую слабую его природу, быть можетъ, именно въ ту самую минуту, когда она, истощивши всѣ силы на побореніе своихъ слабостей, въ молитвѣ надѣялась найти единственную помощь и сильную себѣ опору. Я все еще беру примѣры изъ высоко религіозныхъ произведеній живописи, а много ли ихъ, по опредѣленію самихъ, ревностно любящихъ церковь, католиковъ? Перуджиномъ они почти оканчиваютъ религіозную школу, въ Рафаэлѣ только по временамъ видятъ проникновеніе религіею, и то большею частію она у него въ бореніи съ искусствомъ. Къ тому же я все беру въ примѣръ самихъ геніевъ живописнаго міра; чѣмъ же бы явились эти великіе живописцы въ многочисленныхъ копіяхъ и подражаніяхъ?

Послѣ всего, что я сказалъ, мнѣ нечего уже много распространяться о томъ, могутъ ли быть картины Фра Анжелико иконами и можетъ ли прямо отъ нихъ самихъ и ихъ исполненія заимствовать что либо нашъ иконописецъ? Онѣ, при всей вообразимой личной святости и чистотѣ самаго художника, нисколько не подчиняются велѣнію Вселенской Церкви, тѣмъ болѣе, что сама Латинская церковь совершенно его отвергла. Въ нихъ болѣе, нежели въ тысячѣ другихъ, ярко и рѣзко является личность писавшаго. Она-то всего прежде и притягиваетъ къ себѣ смотрящаго на картину и своею чистотою возвышаетъ его душу до благоговѣнія. Прекрасна эта личность, нельзя не благоговѣть передъ нею, нельзя не искать душеуслаждающей съ нею бесѣды: но въ церкви всякая бесѣда нарушаетъ стройность общественнаго моленія, и потому мы съ глубокимъ уваженіемъ будемъ смотрѣть на картину Анжелико въ домѣ; смотря по предмету, исполненію и пониманію, можемъ дать ей мѣсто въ нашей церковной стѣнописи и не поставимъ въ иконостасѣ,—тутъ ей не мѣсто.

Эта же сильно развитая личность выразилась у Фра Джованни Анжелико въ одной особенности, не допускаемой нашею Церковью. Описывая картины этого инока-художника, я мимоходомъ коснулся замѣчанія,

сдѣланнаго очень удачно его бiографомъ Маркезе, и сдѣланнаго въ похвалу его: «при изображенiи Святыхъ, онъ постоянно удерживалъ одни и тѣже типы, тогда какъ въ изображенiи Дѣвы Марiи и Ангеловъ всегда былъ различенъ.» Въ священномъ гимнѣ, въ поэмѣ, или въ лирическомъ разсказѣ священнаго содержанiя, однимъ словомъ, въ картинѣ, во всѣхъ ея многообразныхъ значенiяхъ, можно дѣйствительно указать на это, какъ на высокое достоинство художника, который, чистою и свѣтлою мыслiю возносившись къ олицетворенiю чистоты и святости, являлъ себѣ этотъ образъ во множествѣ видовъ, и вездѣ чистота и святость была въ нихъ единственнымъ выраженiемъ. Но въ иконѣ неизмѣнность типовъ имѣетъ другой источникъ, далеко высшiй самаго недосязаемаго полета художническаго воображенiя.

Мы вѣримъ, по преданiямъ, что намъ остались точныя изображенiя лика Христа Спасителя въ Нерукотворенномъ образѣ, Божiей Матери въ изображенiи, сдѣланномъ Евангелистомъ Лукою. Единство типовъ, неизмѣнно оставшееся въ нашей Церкви (не смотря на частыя искаженiя нашего иконописанiя), въ продолженiи восемнадцати съ половиною вѣковъ, есть уже одно изъ сильныхъ доказательствъ достовѣрности самыхъ преданiй. Каждый согласится, что истинное изображенiе Богочеловѣка и Пресвятой Его Матери выше для Христiанина, нежели всякое самое художественное ихъ представленiе. Но если бы кто и усумнился въ преданiяхъ, другое объясненiе доводитъ до святости этихъ типовъ, которое тоже превышаетъ высоту и чистоту художественную. Эти типы мы опредѣлительно имѣемъ на иконахъ съ IV вѣка, то есть, съ тѣхъ поръ, какъ иконописанiе извѣстно уже намъ исторически. Тогда первые Христiане всѣми силами и способностями души жили въ Церкви, всѣмъ существомъ пребывали во Христѣ. Естественно допустить, особенно при тогдашнемъ развитiи искусства, что были между ними многiе и изъ художниковъ. Который нибудь изъ нихъ изобразилъ Спасителя, Божiю Матерь, Апостоловъ, или всѣхъ, или только нѣкоторыхъ (*); быть можетъ одинъ сдѣлалъ одно изображенiе, другой другое, но изобразилъ такъ, что его изображенiе совершенно согласовалось съ ликами, пред-

(*) Кромѣ типовъ лика Божiей Матери и Iисуса Христа, другихъ неизмѣнныхъ, не говоря уже о позднѣйшихъ Святыхъ, весьма немного. Если я не ошибаюсь, мы имѣемъ только такiе типы Iоанна Предтечи, вездѣ и всегда одинаково изображаемаго, Апостола Петра и молодаго Iоанна Богослова. Послѣдняго въ древнихъ нашихъ Евангелiяхъ, большею частiю, изображали старцемъ и всегда съ ученикомъ его Прохоромъ.

ставляемыми себѣ всѣми Христіанами: всѣ они безпрекословно приняли ихъ за истинныя изображенія и усвоили ихъ Вселенской Церкви. Такое общее принятіе было истинно вселенскимъ, ибо съ нимъ согласился весь міръ первенствующихъ Христіанъ. Въ этомъ последнемъ объясненіи изображеніе ихъ было бы для насъ также свято, какъ свято все, принятое всею Вселенскою Церковію.

Тѣмъ или другимъ путемъ пріобрѣла наша Церковь драгоцѣннѣйшія для нея изображенія, а нѣтъ другихъ путей, которые привели бы ко всеобщему, добровольному ихъ принятію; во всякомъ случаѣ онѣ освящены для насъ или дѣйствительною истиною изображенія (въ чемъ мы, сыны первобытной Церкви, и не сомнѣваемся), или истиною духовнаго Христіанскаго вдохновенія, истиною, дарованною благодатію. Отступить отъ нихъ значило бы промѣнять святость истинныхъ изображеній на красоту художественнаго воображенія, пріятіе вселенское на произволъ того или другаго художника.

И такъ, еще разъ повторяю, ни въ какомъ случаѣ картины Фра Анжелико не могутъ быть приняты нашими иконами.

Есть одинъ западный живописецъ, котораго только одну картину народное чувство, всегда чуткое и вѣрное, допускаетъ въ нашу иконопись, преимущественнѣе предъ другими; это Тайную Вечерю Леонардо да Винчи. Допускаетъ именно потому, что, по существенному своему характеру, она чрезвычайно близка къ нашей иконописи, хотя исполненіе возвышается надъ нею далеко болѣе, нежели исполненіе картинъ Джованни Анжелико. Въ ней художникъ до того вошелъ въ глубину изображаемаго имъ священнаго предмета, до того приблизился къ вѣрности лика Спасителя, и наконецъ до того, путемъ огромнаго изученія (онъ писалъ Тайную Вечерю 12 лѣтъ), поддерживаемаго и руководимаго вѣрою, вникнулъ въ природу Апостоловъ, что личность его совершенно изчезла: онъ сталъ безпрекословнымъ исполнителемъ предписаній самаго этого предмета. Въ картинахъ Рафаэля вы составляете себѣ понятіе о художникѣ; въ картинахъ Микель Анжело его самаго только и видите; въ картинахъ Джованни Анжелико онъ самъ заставляетъ васъ вмѣстѣ съ собою молиться своею молитвою; въ Тайной Вечерѣ Леонардо да Винчи художникъ какъ будто бы отсутствуетъ, ничто не обратитъ васъ къ нему, и послѣ, изучивъ это Великое произведеніе живописи, вы ни сколько въ немъ не знакомитесь съ произведшимъ его. Замѣчу здѣсь,

что тотъ же Леонардо да Винчи представляется вамъ, при первомъ взглядѣ на многіе простые его рисунки и другія картины: вѣрное или превратное вы составите о немъ понятіе, это дѣло другое; главное то, что составляете о немъ понятіе, а, при разсматриваніи Тайной Вечери, должны насильно заставить себя къ нему обратиться.

Обращаясь къ Фра Анжелико, я предложу еще одинъ вопросъ: если картины его такъ далеки отъ нашей иконописи, то полезно ли нашему иконописцу ихъ изученіе? Я отвѣтилъ бы: болѣе, чѣмъ полезно; мнѣ казалось бы, необходимо, но только при условіи, что онъ прежде уже составился истиннымъ иконописцемъ, проникнутъ высокостію своего долга и укрѣпленъ дѣйствительною привязанностію къ Церкви столько, что въ состояніи вступить въ боренія съ самыми сильными искушеніями. Одна художественная высота не отвлечетъ его отъ высокаго его долга: Рафаэль плѣнитъ художника-иконописца, но не выведетъ его изъ православнаго храма; молитва каждому, разъ вкусившему ея прелесть, неизмѣримо выше искусства. Но когда онъ въ самомъ искусствѣ встрѣтитъ молитву въ высоко художественномъ образѣ, только молитву, воспѣваемую не въ церкви, не церковнымъ ея напѣвомъ и не церковными ея словами, молитву уединенную, не сливающуюся съ одномолитвеннымъ голосомъ всѣхъ присутствующихъ при моленіи, а вышедшую изъ личнаго настроенія души одного,—души святой и чистой, но все, пока она въ земной своей оболочкѣ, немогущей избавиться отъ личныхъ своихъ требованій: мудрено ли, что и ученикъ-иконописецъ, увлеченный и молящимся и моленіемъ, выскажетъ, подъ его вліяніемъ, восторгъ собственной души своей? Воображеніе его перенесется въ библейскій міръ, и онъ напишетъ восторженную картину духовнаго содержанія. Что же? Прекрасно, мы съ радостію встрѣтимъ художника, съ теплотою вѣры передавшаго намъ предметъ изъ Св. Писанія.

Но если звуки молитвы уединенной покажутся ему лучше напѣва церковнаго? Если изображеніе его удалится отъ требуемаго иконописаніемъ? Восхищаясь имъ, какъ художникомъ живописцемъ, мы потеряемъ въ немъ художника иконописца, или вѣрнѣе сказалъ бы я, что со степени художника иконописца онъ низошелъ бы на степень художника живописца.

При этомъ на меня посыплются брани и укоры: неужели можно считать иконописца выше живописца? Замѣтьте, я говорю: художника-

иконописца, а не ремесленника иконописнаго цеха, хотя бы даже весьма искуснаго знатока своего дѣла.

Мнѣ могутъ сказать, что если бы явился такой художникъ иконописецъ, то вѣроятно онъ былъ бы прежде художникомъ живописцемъ и что слѣдовательно изученіе картинъ Фра Анжелико предшествовало бы его иконописнымъ работамъ. Можетъ статься; и отъ всей души я желалъ бы вѣрить такой возможности, потому что скорѣе могли бы осуществиться надежды видѣть въ иконописи высокую художественность. Но полагаю, что путь этотъ страшно труденъ. Художнику, воспитанному на стремленіи къ одному искусству, самимъ этимъ воспитаніемъ естественно возраствшему въ себѣ нисколько неукоризненное стремленіе къ полному выраженію своей личности, то есть, къ образованію школы, трудно дойти до высоко-христіанскаго смиренія предъ Церковію и ея обычаями, особенно еще, когда на пути развитія онъ встрѣтитъ Джованни Анжелико, умѣвшаго вполнѣ примирить требованія церкви (конечно Латинской) съ безграничнымъ развитіемъ личности. Правда, что условіемъ такого развитія есть полное подчиненіе себя личности папской; но это подчиненіе потому не такъ замѣтно, что оно охватываетъ всю природу художника, какъ человѣка, и окованному человѣку позволяетъ быть свободнымъ художникомъ, въ предѣлахъ его оковъ человѣческихъ. Наша Церковь оставляетъ человѣка совершенно свободнымъ, но отъ своего служителя требуетъ полнаго и вѣрнаго служенія. Она не можетъ даже разрѣшить, или измѣнить что-либо въ его служеніи; и изображеніе, отвергаемое ея преданіемъ, или общенароднымъ обычаемъ, никакъ не есть уже икона, хотя бы оно и было поставлено въ церкви. Обрядъ освященія, совершаемый надъ иконами, потомъ риза, скрывающая все, кромѣ ликовъ; наконецъ мѣсто, занимаемое въ церкви картиною, все вмѣстѣ даетъ ей право на уваженіе, но при этомъ ея художественность или забывается, уничтоженная величіемъ мѣста, или скрывается. Сама по себѣ она никѣмъ не признается за икону.

Трудно, страшно трудно художнику помириться съ самоотверженіемъ, требуемымъ отъ иконописца до того, чтобъ въ произведеніи его уничтожилась его личность и не давалось бы ей возможности высказаться въ особой школѣ. Онъ увидитъ въ этомъ уничтоженіе самой художественности, хотя весьма легко доказать ему противное. Леонардо да Винчи одною высотою священнаго предмета вознесенъ былъ до того, что перешелъ за предѣлы своей личности и со-

вершенно подчинилъ ее изображаемому событію, тогда какъ на пути представленія этого событія не было ему никакой опоры, кромѣ личной его вѣры: ибо общее вѣрованіе его Латинской церкви было до того равнодушно къ этому представленію, что допускало безразлично каждое. Не выше ли же могутъ вознести художника тѣже священные предметы, когда общее вѣрованіе всей Церкви не только ограждаетъ святость изображаемаго лица или события, но даже самую неизмѣнность его представленія, именно въ томъ, а не въ другомъ видѣ?

Трудно говорю, страшно трудно дойти до художника иконописца прямо путемъ живописи. Мнѣ кажется, гораздо легче смиренному иконописцу, воспитанному Церковію и введенному ею въ полноту ея состава, почувствовавъ степень искаженія, до какого доходитъ невѣжественное иконописное ремесло, подчинить себя на время требованіямъ искусства, изучить всю глубину его и возращенную такимъ образомъ въ себѣ художественность принести въ дань Церкви, имъ никогда не оставляемой. Этотъ путь кажется мнѣ легчайшимъ и на немъ надобно многой твердой и непреклонной привязанности къ Православной Церкви, чтобы устоять отъ искушенія прекрасной личности Фра Анжелико.

Иконописаніе и распредѣленіе границъ между имъ и живописью — предметы, намъ весьма близкіе и къ тому же пока еще мало обращающіе на себя вниманія и мало подвергаемые полному ихъ обсужденію (1), потому невольно ими завлекаешься; они-то и удалили меня отъ главнаго отвѣта, именно отъ указанія: чѣмъ полезенъ, даже необходимъ Фра Анжелико для художника-иконописца. Въ немъ художникъ осязательно пойметъ, что свѣтлость представленія, чистота и святость жизни суть непремѣнныя условія изображенія предметовъ свѣтлыхъ, чистыхъ и святыхъ. Такъ осязательно не увидитъ онъ этого ни въ одномъ изъ лучшихъ и высшихъ, по степени искусства, произведеній другихъ живописцевъ. Безъ полнаго же убѣжденія въ этой истинѣ, невозможно было бы ему возвыситься до высоты Джованни Анжелико, тогда какъ его служеніе требуетъ духовной высо-

(1) Здѣсь, говоря объ этомъ только по прикосновенію съ жизнеописаніемъ Фра Джованни Анжелико, я не имѣлъ права входить въ подробности раздѣленія и разграниченія между иконописью, церковною стѣнописью и живописью священнаго содержанія. По важности предмета и многообъемности, оно требовало бы особаго обсужденія, которое быть можетъ и удастся мнѣ передать въ Русской Бесѣдѣ.

ты еще большей. Въ жизни инока-живописца онъ найдетъ наочное подтверженіе того, что требованія отъ иконописца, высказанныя въ постановленіи Московскаго Собора со всею ясностію, отчетливостію и опредѣленностію, не суть однѣ мечты о художническомъ совершенствѣ, но что онѣ взяты изъ природы самаго искусства, изъ его призванія и изъ жизни художниковъ иконописцевъ. Въ этомъ отношеніи никто изъ западныхъ художниковъ не принесетъ нашему художнику иконописцу такой пользы, какъ Фра Беато Анжелико, и не подтвердитъ своею жизнію 123 главы Стоглавнаго Собора: «Подобаетъ быти живописцу смиренну, кротку, благоговѣйну.... наипаче же хранить чистоту душевную и тѣлесную со всякимъ опасеніемъ. Не могущимъ же тако до конца пребыти, по закону женитися и бракомъ сочетатися, и приходити ко отцемъ духовнымъ по частѣ, и во всемъ извѣщатися, и по ихъ по указанію и ученію жити въ постѣ и молитвѣ и воздержаніи со смиренномудріемъ, кромѣ всякаго зазора и безчинства, и съ превеликимъ тщаніемъ писати образъ Господа и Бога и Спасителя нашего І. Христа, Пречистыя Его Матери и Священномучениковъ, Преподобныхъ женъ и Святителей и Преподобныхъ Отцевъ.»

VI.

Извѣстія о жизни Джованни Анжелико начали собираться скоро послѣ его кончины. Глубокое уваженіе современниковъ, знаменитость его, какъ художника, въ началѣ XV столѣтія, когда Италіанскіе живописцы были еще почти единственными служителями искусства и когда ими были полны и славились большая часть Италіанскихъ городовъ, особенно городовъ Умбріи, и наконецъ благоговѣніе, съ какимъ произносили его имя монахи одного съ нимъ доминиканскаго ордена,—все вмѣстѣ наполняло изустными преданіями объ немъ, какъ тѣ города, въ которыхъ онъ жилъ и работалъ, такъ особенно монастырь Фіезольскій и монастырь Св. Марка во Флоренціи. Въ первомъ, какъ мы видѣли, онъ принялъ санъ монашескій, во второмъ провелъ лучшую часть своей художнически-отшельнической жизни. Съ каждою картиною, съ каждою фрескою соединялось преданіе о жизни святаго мужа, и доминиканцы тѣмъ болѣе дорожили такими преданіями и съ тѣмъ большимъ тщаніемъ собирали ихъ, что въ послѣднихъ годахъ того же XV вѣка, на монаховъ Флорентинскаго

монастыря Св. Марка воздвиглось страшное гоненіе, въ лицѣ знаменитаго ихъ представителя *Іеронима Савонаролы* (Fra Girolamo Savonarola). Къ тому же тогда былъ почти повсемѣстный обычай вести монастырскія лѣтописи, правда не всегда точныя, но которыя, при помощи позднѣйшихъ изслѣдованій, строгаго суда и сличенія, доставили много данныхъ для исторіи ихъ современности.

Первое письменное упоминаніе о Джованни Анжелико находимъ мы у Роберта Убальдини, лѣтописца монастыря Св. Марка, начавшаго свою лѣтопись въ 1505 году.

Вторый послѣ него Джованни де Толозини, лѣтописецъ Фіезольской обители, начавшій лѣтопись съ 1516 года, даетъ коротенькій списокъ работъ Джованни Анжелико и нѣсколько описаній, относящихся къ его личности.

Третій, извѣстный Болонскій историкъ и географъ, Леондро Альберти. Онъ издалъ въ 1517 году сочиненіе о знаменитыхъ людяхъ ордена проповѣдниковъ; тутъ-то мы находимъ многое и о Джованни Анжелико, и извѣстіе о времени его кончины.

Но все это отрывчатыя упоминанія и неполныя извѣстія о нашемъ художникѣ.

Самымъ обычнымъ, общеизвѣстнымъ и самымъ обильнымъ источникомъ жизнеописаній всѣхъ Италіанскихъ художниковъ среднихъ вѣковъ и начала новоисторическаго періода служитъ намъ *Вазари* (1).

(1) Жизнеописаній Вазари было множество изданій, въ разные года и въ разныхъ городахъ Италіи; лучшими до недавняго времени считались: Сіенское и Флорентинское 1832 года. При жизни самаго Вазари, было два изданія: первое въ 1550, второе въ 1568; послѣ онѣ выходили, то подъ названіемъ: Opere di Giorgio Vasari, pittore e architetto aretino, то подъ другимъ: Le vite dei piu eccellenti pittori, scultori e architetti. Всѣ изданія отличались одни отъ другихъ почти только примѣчаніями. Сочиненія Вазари были переведены и издаваемы на всѣхъ Европейскихъ языкахъ, потому что это самое драгоцѣнное сокровище библіотеки каждаго художника, какъ и любителя искусствъ. Нѣмецкіе и Французскіе переводы были пополняемы примѣчаніями и поправками, потому часто предпочитались подлиннымъ изданіямъ. Но въ недавнее время, именно начиная съ 1846 и по 1850 годъ, вышло новое, дешевое изданіе Италіанское во Флоренціи, которое превзошло всѣ прежнія на всѣхъ языкахъ. Оно издано цѣлымъ обществомъ; пополнено превосходными примѣчаніями и цѣлыми добавленіями къ жизнеописаніямъ, напечатанными отдѣльно при концѣ каждаго; пополнено ссылками, указаніями и перечнями картинъ, съ указаніями мѣстъ, гдѣ онѣ находятся. Мы на Русскомъ языкѣ не имѣемъ инодного перевода и этимъ лишаемъ весьма многаго нашихъ молодыхъ художниковъ. Я вездѣ ссылаюсь на послѣднее изданіе, вышедшее подъ заглавіемъ: Le vite dei piu eccellenti pittori, scultori, e architetti. di Giorgio Vasari, publicate per cura di una socita di amatori della arti belle. Firenze. Издатель Felice le Monier. T. I. и T. II. 1846. T. III и T. IV—1848 T. V—1849 T. VI.—1850 года.

У него мы находимъ описаніе жизни и произведеній Джованни Анжелико далеко полнѣе и точнѣе всѣхъ бывшихъ до того времени. Онъ собралъ столько свѣдѣній и передалъ такія извѣстія о подробностяхъ характера и быта Фіезольскаго живописца, какихъ и десятой доли не видимъ мы у его предшественниковъ. Послѣ его не прибавлено почти ничего, только сдѣланы поправки неточныхъ его указаній. Откуда онъ могъ узнать ихъ, когда о нихъ умалчивали лѣтописцы-монахи одного ордена съ художникомъ? Потомъ какимъ образомъ могъ онъ восторженно восхвалять произведенія, жизнь и святость Анжелико, когда вообще онъ не весьма щедръ на похвалы художникамъ другихъ школъ, а не той, которой онъ былъ ученикомъ, послѣдователемъ и страстнымъ поклонникомъ, именно школы Микель-Анжело Буонароттп, и когда онъ не рѣдко, по однимъ голословнымъ показаніямъ, приписываетъ имъ многіе нравственные и художественные недостатки, какъ это онъ сдѣлалъ, на примѣръ, въ жизнеописаніи Петра Перуджино? Рѣшеніе обоихъ этихъ вопросовъ заставляло многихъ предполагать, что жизнеописаніе Джованни Анжелико было сообщено художнику-писателю Вазари другимъ біографомъ, Дономъ Сильваномъ Раццп. Но сравненіе ихъ и найденное въ одномъ мѣстѣ полное несходство заставило оставить неосновательное предположеніе. Надобно прибавить еще и то, что гордый Аретинскій писатель, бывшій въ тоже время архитекторомъ и живописцемъ, какъ бы въ подражаніе своему великому учителю Микель-Анжело, никакъ не рѣшился бы издать что либо чужое подъ своимъ именемъ. Много способствовалъ сомнѣнію одинъ сильный недостатокъ его сочиненій: Вазари не имѣетъ привычки указывать на источники, откуда беретъ свои свѣдѣнія, такъ что болѣе, нежели въ 60 написанныхъ имъ жизнеописаніяхъ, вездѣ надобно ему вѣрить на слово, какъ въ послѣдствіи оказалось, при точнѣйшихъ изысканіяхъ, не всегда достойное полнаго вѣроятія. Маркезе, писатель нашего времени, объясняетъ обиліе свѣдѣній его о Джованни Анжелико тѣмъ, что все было ему разсказано «тѣмъ самымъ монахомъ Евстафіемъ, миніаторомъ и послушникомъ монастыря Св. Марка, который много доставлялъ извѣстій Вазари при первомъ изданіи его сочиненій. Онъ принялъ одежду инока доминиканскаго ордена изъ рукъ Іеронима Савонаролы, въ 1496 году, спустя всего только 40 лѣтъ послѣ смерти Анжелико, когда память объ его жизни и его трудахъ были такъ живы, что можно было узнать всѣ подробности, до того не всѣмъ извѣстныя».

Послѣ Вазари писали еще двое о Беато Анжелико: Серафино Рацци и Тимофей Боттоніо: первый все заимствовалъ у Вазари, послѣдній перевелъ на Италіанскій языкъ писанное за долго прежде его монахомъ Убальдини.

Изъ позднѣйшихъ писателей находимъ мы жизнеописаніе Анжелико у многотомнаго *Бальдинуччи* (1), обильнаго на слова, но мало сообщающаго истинно занимательныхъ извѣстій. Случается, что онъ исправляетъ ошибки Вазари, но мало прибавляетъ дѣльнаго. Вся жизнь Анжелико помѣщена у него на 13 страницахъ весьма крупной печати, и тутъ онъ успѣлъ двѣ изъ нихъ занять воспоминаніемъ о своихъ родныхъ и школьныхъ товарищахъ. Самое замѣчательное у него, чѣмъ я и воспользовался, контрактъ, заключенный Фіезольскимъ художникомъ съ Флорентинцами.

На немногихъ страницахъ, но очень отчетливо, съ пониманіемъ дѣла и съ глубокимъ сочувствіемъ къ направленію произведеній Фра Анжелико, равно какъ и къ его жизни, говоритъ о немъ Ріо, въ прекрасномъ своемъ сочиненіи о христіанской поэзіи въ ея формахъ (2). Это сочиненіе, по увлекательности изложенія, можно было бы поставить въ число весьма замѣчательныхъ въ ряду другихъ, имѣющихъ предметомъ искусство и его исторію, если бы оно не имѣло двухъ сильныхъ недостатковъ. Съ одной стороны — оно наполнено сильными предубѣжденіями противъ Византійской школы, часто доходящими до озлобленія; съ другой, увлекаясь латинствомъ, сочинитель нападаетъ на натуральную школу и никакъ не хочетъ видѣть въ ней естественнаго и неудержимаго хода живописи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и услугъ, оказанныхъ ею искусству.

Я долженъ былъ бы поименовать здѣсь ***Румора***, который въ превосходномъ своемъ сочиненіи, ***Италіанскія изысканія*** (3), передалъ

---

(1) Notizie dei professori del disegno da Cimabue in qua, per le quali si dimostra come e per chi le bell'arti di Pittura, Scultura e Architettura, lasciata la rozzezza della maniera greca e gotica, si siano in questi secoli ridotte all'antica loro perfezione. Opera di ***Filippo Baldinucci*** Fiorentino, distinta in secoli, e decennali. Firenze 1767, 8° Все это сочиненіе состоитъ изъ 21 части.

(2) Della poesia cristiana nelle sue forme di A. T. ***Rio***. Venezia. 1841. Подлинное сочиненіе издано на Французскомъ языкѣ (De la poésie chretienne dans ses formes), но я имѣю и рекомендую его другимъ въ италіанскомъ переводѣ, потому что тутъ помѣщены дѣльныя замѣчанія и поправки Румора, на котораго часто ссылается Ріо и иногда весьма неправильно его понимаетъ.

(3) Italienische Forschungen von C. F. *von* ***Rumohr***. Berlin und Stettin T. 1 и T. 2.—1827. T. 3.—1831 года.

намъ многое о Фра Анжелико и еще болѣе вообще о дорафаэлевской живописи. Это безспорно лучшее сочиненіе нашего времени по исторіи Италіанскаго искусства и замѣчательнѣйшее по взгляду своему на искусство и его теорію. Но въ отношеніи къ Фра Джованни Анжелико, всѣми существенными его выводами воспользовался Ріо, хотя взглядъ перваго спокойнѣе, изслѣдованія глубже и основательнѣе. Ріо плѣняетъ, какъ писатель, умѣвшій легко и завлекательно передать исторію Италіанской живописи; Руморъ—самъ глубокій изслѣдователь, прибавившій весьма много данныхъ къ прежнимъ свѣдѣніямъ и прояснившій взглядъ на старыя Италіанскія школы живописи.

Наконецъ самое позднѣйшее жизнеописаніе Фра Джованни Анжелико имѣемъ мы въ сочиненіи *Маркезе*, теперешняго отца Викентія, доминиканскаго монаха того самаго монастыря Св. Марка, въ которомъ долго жилъ и оставилъ много фресокъ Фіезольскій художникъ. Маркезе до вступленія въ монашество былъ художникомъ, не весьма замѣчательнымъ по таланту, но былъ воспитанникомъ школы, глубоко уважающей древнеиталіанскую, дорафаэлевскую живопись. Онъ увидѣлъ, что искусство не дается ему въ той степени, въ какой бы онъ желалъ овладѣть имъ, и оставилъ поприще художника. Судя по основательности его взглядовъ на прошедшее, можно думать, что онъ смотритъ на искусство, какъ на одно изъ явленій всей исторической жизни, и понимаетъ, что тамъ, гдѣ народъ только въ воспоминаніяхъ, а не въ живыхъ событіяхъ современности, находитъ полноту своей самостоятельности, тамъ и искусство живетъ одними воспоминаніями, не принимаетъ никакого дѣятельнаго участія въ современномъ движеніи и не въ состояніи вызвать на дѣятельность художественные таланты. Однакоже, по сильно развитому въ немъ чувству прекраснаго и по тому, что многіе годы онъ посвятилъ на изученіе искусства, онъ не могъ отъ него совершенно отказаться и, удалившись отъ свѣта, избавившись отъ всѣхъ общественныхъ и житейскихъ тревогъ, онъ отдалъ всю свою дѣятельность изслѣдованіямъ въ исторіи искусствъ. Первымъ плодомъ его добросовѣстныхъ изысканій было его сочиненіе въ двухъ частяхъ: Memorie dei piu insigni pittori, scultori e architetti domenicani con aggiunta di alcuni scritti intorno le belle arti del P. L. Vinc. *Marchese* dello stesso instituto. Firenze. 1845.

Въ жизнеописаніи Джованни, лучшаго украшенія художниковъ до-

миниканскаго ордена, Маркезе собралъ все изъ монастырскихъ архивовъ и частныхъ указаній, все сличилъ, вездѣ показалъ на источники, все подвергнулъ строгому обсужденію. Жаль, что, дорожа всѣмъ, относящимся къ его ордену, онъ иногда вдается въ страшную мелочь изслѣдованій, но не смотря на это, его жизнеописаніе Фіезольскаго художника лучшее, полнѣйшее и добросовѣстнѣйшее изъ всѣхъ. Его я и избралъ своимъ руководителемъ. Часто случалось мнѣ брать изъ него цѣлыми страницами, особенно тамъ, гдѣ я видѣлъ, что слова Маркезе незамѣнимы, какъ человѣка благоговѣющаго предъ направленіемъ Умбрійской школы, и какъ художника, глубоко изучившаго произведенія Фра Анжелико да Фіезоле. У Маркезе также я взялъ и перечень Анжеликовыхъ картинъ, который и помѣщаю вслѣдъ за симъ, добавивъ его небольшими позднѣйшими прибавленіями. Онъ замѣнитъ описанія картинъ и можетъ быть указателемъ для желающаго познакомиться съ произведеніями Джованни Анжелико.

V.

Въ Перуджіи.

Въ монастырѣ Св. Доминика: Божія Матерь на тронѣ, съ Спасителемъ на рукахъ; по сторонамъ двѣ картины: на одной Св. Іоаннъ Богословъ и Св. Великомученица Екатерина; на другой Св. Доминикъ и Св. Николай Чудотворецъ. Въ сакристіи: 12 маленькихъ картинъ, изображающихъ 12 Святыхъ. Два событія изъ житія Николая Чудотворца. Двѣ картины Благовѣщенія.

Въ Кортонѣ.

Въ церкви Св. Доминика: фреска на фасадѣ церковномъ, надъ входными дверьми. Божія Матерь съ Спасителемъ на рукахъ, по сторонамъ два Святыхъ доминиканскаго ордена. Въ сводѣ четыре Евангелиста. Въ боковой капеллѣ, подлѣ главнаго алтаря, Богородица на тронѣ, по бокамъ Ангелы и Святые.

Въ церкви Іезуитовъ: Благовѣщеніе и двѣ нижнія картины, на одной жизнь Св. Доминика, на другой житіе Богоматери.

Въ Фіезоле.

Въ церкви Св. Доминика: на хорахъ, Богородица, окруженная Ангелами и Святыми. Въ трапезѣ фреска: Распятіе, а по бокамъ Св.

Іоаннъ Богословъ и Богоматерь. Въ старой сборной фреска: Богородица съ Младенцемъ Спасителемъ на рукахъ, по бокамъ Св. Доминикъ и Св. Ѳома Аквинейскій; фигуры въ полный ростъ.

Въ церкви Св. Іеронима: Богородица и многіе Святые.

Во Флоренціи.

Въ монастырѣ Св Марка: Распятіе въ первомъ монастырскомъ строеніи. Распятіе въ сборной комнатѣ, и портреты знаменитыхъ доминиканцевъ. Фрески во всѣхъ кельяхъ, за исключеніемъ двухъ, въ верхнихъ спальняхъ, числомъ 32, и три изображенія на наружныхъ стѣнахъ. Въ кельи, называемой Джованніевой, нѣсколько Распятій.

Въ церкви S. Maria Novella: три мощехранительцы.

Въ Академіи искусствъ: Въ галереѣ большихъ картинъ: подъ N 15. Снятіе со креста. Въ галереѣ небольшихъ картинъ: подъ N 14 и N 20 двѣ картины, изображающія Альберта Великаго и Ѳому Аквинейскаго. N 30. Богородица съ Младенцемъ Спасителемъ на рукахъ. N 39. Св. Козьма, исцѣляющій больнаго. N 43. Снятіе со креста. N 44. Послѣднее судилище. N 45. Погребеніе пяти мучениковъ, именно, Козьмы, Даміана и трехъ ихъ братьевъ. N 51. Богородица съ Іисусомъ умершимъ, то, что по Италіански называется однимъ именемъ — *Pietà*, тутъ же и орудія страданія Христа. N 56. Восемь картинъ или шкафъ, внутри Благовѣщеніе и 35 событій изъ жизни Спасителя. *Въ залѣ для выставки*: Подъ N 14 и N 15. Богородица посреди Святыхъ. N 18. Богородица между двумя или нѣсколькими Святыми.

Въ галереѣ degli Uffizii: *Въ первой комнатѣ:* Богородица на тронѣ и нѣсколько Святыхъ. *Въ комнатѣ Тосканской школы*: Коронованіе Божіей Матери, и 6 картинъ небольшихъ, именно: Поклоненіе волхвовъ; два событія изъ жизни Св. Марка; Обрученіе и Успеніе Божіей Матери; и Рожденіе Іоанна Крестителя.

Въ галереѣ дворца Питти: Богородица и нѣсколько Святыхъ. *У наслѣдниковъ г. Метцгера*: пять небольшихъ картинъ, именно— двѣ створки складней: на одной, восхожденіе избранниковъ на небо; на другой, нисхожденіе осужденныхъ во адъ. Ѳома Аквинейскій, принимающій отъ Ангеловъ поясъ. Св. Петръ мученикъ. Рождество Спасителя было переписано.

Въ галереѣ Угобальди: Мученіе святыхъ Козьмы и Даміана (фигуры маленькія).

У Ахилла Сандрини: картина средней величины, на ней Богородица съ Младенцемъ Спасителемъ на рукахъ, похожа на ту, что находится на стѣнѣ въ спальнѣ монастыря Св. Марка.

Въ Римѣ.

Въ Ватиканѣ: Капелла папы Николая V, расписанная фресками; на нихъ изображены событія изъ житія святыхъ мучениковъ Стефана и Лаврентія. *Въ Ватиканской галереѣ*: Двѣ картинки съ событіями изъ жизни Николая Чудотворца.

Въ церкви S. Maria sopra Minerva: многіе полагаютъ, что тутъ находятся двѣ картины Анжелико на доскахъ, но что онѣ покрыты холстомъ, на которомъ написаны картины плохаго живописца, можетъ быть для того, чтобъ скрыть драгоцѣнность отъ хищниковъ, во время вторженія Французовъ въ Италію, при Наполеонѣ I.

Въ галереѣ Валентини: часть нижняго яруса картины, можетъ быть принадлежащаго большой картинѣ, что находится въ Фіезоле, въ церкви Св. Доминика.

Въ галереѣ Корсини: Страшный судъ.

Въ галереѣ Феша: Страшный судъ; онъ, по продажѣ галереи, перешелъ къ Луціану Бонапарте, Князю Канино.

Въ галереѣ покойнаго графа Бизенціо: Богородица съ Младенцемъ Спасителемъ, окруженнымъ Ангелами и Святыми.

Въ Орвіето.

Въ соборѣ: въ треугольникѣ стрѣльчатаго свода, надъ алтаремъ капеллы, двѣнадцать пророковъ съ надписью: Prophetarum Laudabilis numerus.

Въ Монтефалько.

Въ Францисканской церкви: есть нѣсколько картинъ, но многіе приписываютъ ихъ Беноццо Гоццоли.

Въ Парижѣ.

Въ Луврѣ: картина коронованія Божіей Матери и нижній ярусъ другой картины съ событіями изъ жизни Доминика.

Въ Туринѣ.

Въ королевской галереѣ: двѣ небольшія картины, съ двумя превосходно написанными Ангелами, куплены во Флоренціи у Метцгера.

Въ Берлинѣ.

Въ королевскомъ музеумѣ: Св. Доминикъ и Св. Францискъ обнимаются. Страшный судъ.

Въ Мюнхенѣ.

Въ Пинакотекѣ: въ кабинетѣ XX, подъ NN 600, 601, 602 и 603.; на всѣхъ разныя событія изъ жизни святыхъ мучениковъ Козьмы и Даміана; подъ N 104, небольшая картина: Іосифъ Аримаѳейскій поддерживаетъ тѣло Спасителя въ гробницѣ, а Св. Іоаннъ Богословъ и Св. Магдалина поправляютъ ему руки.

Ѳ. Чижовъ.

ПЕТРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

КИРѢЕВСКІЙ.

....Не стало Петра Васильевича Кирѣевскаго, не стало человѣка чистаго, честнаго, глубоко любящаго Россію: и такъ—это общественная утрата. Онъ не вынесъ потери брата своего, съ которымъ его связывала и братская горячая, нѣжная любовь, и сочувствіе въ убѣжденіяхъ, и высокое, благородное настроеніе ихъ душъ.

Петръ Васильевичъ скончался у себя въ деревнѣ, подъ Орломъ, 25 Октября сего года; онъ положенъ рядомъ съ братомъ его И. В. Кирѣевскимъ въ Оптиной пустынѣ (Калуж. губ. Козельск. уѣзда).

Имя П. В. Кирѣевскаго знакомо всему образованному Русскому міру. Огромное собраніе народныхъ пѣсенъ, составленное преимущественно имъ самимъ, давно извѣстно по слухамъ. Излишняя строгость и требовательность къ самому себѣ помѣшали Петру Васильевичу окончить свой трудъ изданіемъ въ свѣтъ пѣсенъ, имъ собранныхъ. Трудъ этотъ, изданный послѣ него, будетъ ему славнымъ памятникомъ.

П. В. Кирѣевскій горячо любилъ Россію, горячо любилъ древнюю Русь. Онъ зналъ, что въ ней, въ древней Руси, лежатъ тѣ коренныя начала, которыя однѣ могутъ служить залогомъ ея славы и благоденствія въ будущемъ. Онъ зналъ, что могущественное государство, котораго внѣшняя сила есть ручательство за внутренній источникъ жизни (ибо въ исторіи человѣчества мы не встрѣчаемъ прочной внѣшней силы безъ

внутренняго смысла въ тоже время), — что такое государство не могло выростп вдругъ, безъ корня. Великое значеніе древней Руси, великое и само по себѣ и въ особенности для будущей Россіи,—приковывало къ себѣ всю любовь его, весь умъ, все вниманіе, всѣ труды его. Имъ написана прекрасная статья о первоначальныхъ временахъ Россіи; она напечатана въ Москвитянинѣ 1845 года. Кромѣ того, онъ продолжалъ постоянно заниматься лѣтописями, изъ которыхъ сдѣлана имъ бездна выписокъ, и вообще древностями Россіи. Но онъ не былъ только ученымъ спеціалистомъ; къ своимъ историческимъ знаніямъ присоединялъ онъ самую обширную образованность и огромную начитанность. Любя до-Петровскую древнюю Русь, онъ не думалъ чуждаться знакомства съ Западною Европою, и конечно зналъ Западную Европу лучше и ближе многихъ ея защитниковъ. Онъ имѣлъ даже намѣреніе издавать въ переводѣ Исторію Европейскихъ Государствъ.

Его старшій братъ, Иванъ Васильевичь Кирѣевскій, всю жизнь свою посвятилъ вопросамъ философскимъ и служилъ отечеству дѣломъ самостоятельной мысли. Петръ Васильевичь Кирѣевскій былъ преимущественно привлеченъ, въ своемъ вниманіи, бытомъ, жизнію народа; по этому работалъ онъ надъ его исторіею и собиралъ его пѣсни.

Имя Петра Васильевича Кирѣевскаго повторяется и будетъ повторяться съ уваженіемъ благородными людьми всѣхъ направленій, всѣхъ сторонъ. Но съ особеннымъ чувствомъ повторяется и будетъ повторяться оно людьми того направленія, которому онъ всею душею былъ преданъ. Отстаивая древнюю Русь, какъ хранительницу нашихъ самостоятельныхъ началъ, продолжая неослабно за нее бороться на поприщѣ науки и жизни, они никогда не забудутъ одного изъ лучшихъ ея защитниковъ, одного изъ благороднѣйшихъ людей на свѣтѣ.

Русская Бесѣда.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТАТЬЯМЪ, ПОМѢЩЕННЫМЪ ВЪ РУССКОЙ БЕСѢДѢ

ЗА 1856 ГОДЪ.

ОБОЗРѢНІЕ.

СМѢСЬ.

ЖИЗНЕОПИСАНІЯ.

Считаемъ необходимымъ исправить нѣкоторыя важныя ошибки, вкравшіяся въ разныя книги Русской Бесѣды:

ВЪ КНИГѢ II.

	напечатано:	*читай:*
ВЪ НАУКАХЪ:		
на стр. 32 строч. свер. 10.	исходящее	не исходящее

ВЪ КНИГѢ III.

ВЪ ИЗЯЩ. СЛОВЕСНОСТИ:					
на стр. 37	строч.	сн.	6.	Онъ креститъ меня, что....	Онъ креститъ меня, онъ увѣряетъ меня, что....
51	—	св.	18	къ нему	къ низу
55	—	—	6	Но независимо...... женою Померанцева?	
66	—	—	10	Судя по 125 ся	Судя по ся
90	—	—	6	въ сердцѣ	въ моемъ сердцѣ
ВЪ НАУКАХЪ:					
128	—	—	10	одиннадцатое	десятое
130	—	—	7	въ лаптяхъ	и въ лаптяхъ
131	—	—	15	не вошедшее	но вошедшее
132	—	—	11	звучащая то какъ твердое *е*, то какъ отонченное *а*,	звучащаго то какъ твердое, то какъ отонченное е,
—	—	—	15	А почему	А потому
133	—	—	7	побійже	побійте
—	—	—	14	Що съ того нива;	Що съ того нива
135	—	—	17	трубятъ	трубять
ВЪ КРИТИКѢ:					
на стр. 95	—	св.	23	кратчайшую линію	кратчайшею линіею
102	—	—	14	183	181
103	—	сн.	1	17,697,011	27,697,011
106	—	св.	7	Болховѣ	Балаковѣ
109	—	—	16	замедлитъ	земедляетъ
111	—	—	1	доли	дома
—	—	сн.	10	она есть	она не есть

ВЪ СМѢСИ:

	напечатано:	*читай:*
на стр. 115 строч. сн. 5	единомышленникъ его, Дантъ издавалъ свою католическую поэму.	единомышленникъ его Христофоръ Ландино издавалъ и толковалъ католическую поэму Данта.

ВЪ КНИГѢ IV.

ВЪ СМѢСИ:

на стр. 97 строч. св. 1	законовъ.	законахъ.
111 — сн. 18	Милославскихъ	Мстиславскихъ
— — — 12	Милославскіе	Мстиславскіе

ОБЪ ИЗДАНІИ

РУССКОЙ БЕСѢДЫ

НА 1857 ГОДЪ.

Русская Бесѣда будетъ издаваться въ 1857 году. Она останется вполнѣ вѣрною началамъ, положеннымъ ей въ основаніе: на нихъ она стоитъ, ими она живетъ, ихъ она будетъ имѣть постоянно въ виду. Не ей судить о томъ, на сколько дѣло соотвѣтствовало ея надеждамъ и усиліямъ: эта оцѣнка принадлежитъ ея читателямъ. Сознавая за собою добросовѣстное стремленіе къ цѣли, указанной въ первой ея программѣ, она чувствуетъ глубоко и живо всю важность и огромность предлежащей ей задачи и постарается, по крайней мѣрѣ искренностью и трудами, доказать, что она не совсѣмъ недостойна принятой ею на себя обязанности.

За симъ мы повторимъ нашу прежнюю программу:

« Единственная почва для самобытнаго и полнаго развитія всякаго народа есть конечно его народность, т. е., та совокупность его умственныхъ, нравственныхъ и жизненныхъ силъ, которая составляетъ его нравственную личность. Какъ человѣку, безъ утраты самостоятельности, нельзя отказаться отъ своей личности, такъ и народу, безъ ущерба силы и самобытности, невозможно покинуть свою народность. Къ великому счастію нашему, народность Русская сильна и тверда. Изучать Русскую жизнь въ исторіи и народномъ быту, разработывать этотъ едва початый рудникъ и посильно содѣйствовать къ развитію Русскаго воззрѣнія на науки и искусства, къ возбужденію Русской изобрѣтательности и къ поддержанію Русскихъ нравовъ и обычаевъ — вотъ главная цѣль, которую предполо-

гаетъ себѣ « Русская Бесѣда ». Она не будетъ имѣть въ виду ни воскрешать старины, которая имѣла значеніе въ свое время, и которая нынѣ невозможна и превратилась бы въ безсмысленныя оковы для настоящаго, ни выставлять все, нынѣ существующее въ народѣ, образцемъ для слѣпаго подражанія: но она посвятитъ всѣ свои усилія на то, чтобы болѣе и болѣе убѣдить своихъ соотечественниковъ въ необходимости оживляться въ струѣ Русскаго духа, проявляемаго исторіею, великими событіями нашего времени и знаменательнымъ бытомъ нашего народа ».

« Народность Русская неразрывно соединена съ Православною Вѣрою. Вѣра — душа всей Русской жизни; она же должна опредѣлять характеръ всякой умственной дѣятельности въ нашей родинѣ ».

« Вотъ коренныя основанія мнѣній, которыя будутъ высказываться въ Русской Бесѣдѣ ».

« Считаемъ почти излишнимъ оговариваться, что, посвящая себя преимущественно служенію Русскаго начала, Журналъ нашъ не будетъ враждебнымъ къ западной цивилизаціи. Всякій просвѣщенный Русскій знаетъ, сколь много онъ ей обязанъ своимъ умственнымъ развитіемъ, и убѣжденъ, что еще весьма многому онъ долженъ у нея научиться; но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что западная цивилизація можетъ быть для Россіи полезною только по пропущеніи ея чрезъ критику Русскаго духа, основанную на коренныхъ началахъ нашей Вѣры. Заимствовать, какъ можно, болѣе у богатаго свѣдѣніями Запада, съ самобытностью усвоивать себѣ все занятое, показывать истинныя отношенія Запада къ Россіи и Россіи къ Западу и содѣйствовать къ настоящей оцѣнкѣ у насъ западной цивилизаціи — вотъ предметы, которые « Русская Бесѣда », при соприкосновеніяхъ съ Западомъ, постарается имѣть неизмѣнно въ виду ».

Мы не будемъ исчислять и поименовывать нашихъ сотрудниковъ: люди, вполнѣ согласные съ направленіемъ « Русской Бесѣды », уже обѣщали намъ свое постоянное содѣйствіе.

Сверхъ того мы надѣемся, что всякій, одобряющій цѣль и начала сего журнала, не откажетъ намъ въ своемъ сотрудничествѣ. Наша «Бесѣда» не есть замкнутый кружекъ, но всѣмъ, искренно намъ сочувствующимъ, мы говоримъ: *милости просимъ.* »

Считаемъ долгомъ изъявить искреннюю нашу признательность лицамъ, откликнувшимся на нашъ призывъ: содѣйствіе ихъ значительно облегчитъ нашъ трудъ, а ихъ сочувствіе укрѣпитъ и умножитъ наши силы.

«Русская Бесѣда» будетъ выходить трехмѣсячно: въ Мартѣ, Іюнѣ, Сентябрѣ и Декабрѣ. Она будетъ содержать въ себѣ шесть главныхъ отдѣловъ:

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ: разныя русскія произведенія въ стихахъ и прозѣ.

II. НАУКИ И ИСКУССТВА: преимущественно русскія статьи о разныхъ предметахъ наукъ и искусствъ; переводныя же статьи будутъ помѣщаться не иначе, какъ съ предисловіями или съ примѣчаніями, въ которыхъ по возможности будетъ указываться взглядъ на обсуживаемые предметы съ русской точки зрѣнія.

III. КРИТИКА замѣчательныхъ произведеній Русской словесности. Будутъ помѣщаться также разборы иностранныхъ сочиненій, имѣющихъ особенное значеніе въ общей исторіи просвѣщенія.

IV. ОБОЗРѢНІЯ историческія важныхъ современныхъ политическихъ событій, достопримѣчательныхъ явленій въ наукахъ, искусствахъ, законодательствѣ, торговой, промышленной и общественной жизни, какъ въ Россіи и Славянскихъ земляхъ, такъ и въ Западной Европѣ.

V. СМѢСЬ: статьи разнаго рода; журнальная переписка; извѣстія по части словесности, наукъ, искусствъ, промышленности, сельскаго хозяйства и пр.

VI. ЖИЗНЕОПИСАНІЯ замѣчательнѣйшихъ людей Русскихъ и иностранныхъ.

Статьи для помѣщенія въ «Русской Бесѣдѣ» могутъ быть доставляемы, какъ въ самую Редакцію, такъ и въ конторы ея

въ Москвѣ и С. Петербургѣ, откуда будутъ также возвращаться сочинителямъ тѣ изъ рукописей, которыя, по какимъ-либо причинамъ, не будутъ помѣщены въ « Русской Бесѣдѣ ».

Подписка на Русскую Бесѣду принимается въ Москвѣ :

Въ конторѣ Русской Бесѣды, при книжномъ магазинѣ Коммиссіонера Московскаго Университета Ѳедора Осиповича Свѣшникова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Университетской Типографіи, и у книгопродавцевъ: Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, у Глазунова на Кузнецкомъ мосту, Лоскутова и Салаева на Никольской.

Въ С. Петербургѣ: въ конторѣ Русской Бесѣды при книжной лавкѣ А. И. Давыдова, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Арсенала Аничкина дворца, въ домѣ Завѣтнаго, и у книгопродавцевъ : Базунова, Ратькова, Лоскутова, Смирдина, Исакова, Юнгмейстера, Крашенинникова, Свѣшникова и Глазунова.

Гг. Иногородные благоволятъ относиться для подписки *исключительно* въ Редакцію Русской Бесѣды въ Москвѣ и въ Газетную Экспедицію Московскаго Почтамта.

При соблюденіи сего условія, Редакція отвѣчаетъ за исправность доставленія книгъ Гг. подписчикамъ. Книги будутъ отсылаться имъ въ наглухо заклеенныхъ оберткахъ съ печатными надписями.

Подписка на текущій годъ продолжается въ тѣхъ же вышеозначенныхъ мѣстахъ.

Цѣна годовому изданію за 1856 годъ съ доставкою 8 руб. сер.; а на будущій 1857 годъ въ Москвѣ и С. Петербургѣ 7 р. 50 к., а для иногородныхъ и съ доставкою на домъ въ Москвѣ и С. Петербургѣ 8 р. 50 к. серебр.

Издатели Русской Бесѣды: *А. Кошелевъ.*
Т. Филипповъ.

Печатать позволяется. Москва, Декабря 20 дня 1856. г.
Ценсоръ Н. Фонъ-Крузе.

Въ Типографіи Александра Семена.

Въ слѣдующихъ книгахъ Русской Бесѣды будутъ между прочимъ помѣщены:

Черная Рада, хроника 1663 года. П. А. Кулиша.

Картины изъ Русскаго быта В. И. Даля.

Отрывки изъ Воспоминаній С. Т. Аксакова.

Исторія возмущенія Стеньки Разина, по неизданнымъ матеріаламъ, соч. А. Н. Попова.

Объ устройствѣ земледѣльческаго сословія въ Австріи. Н. Р.......на.

Статьи, доставленныя изъ Славянскихъ земель:

О Южныхъ Славянахъ, соч. Д-ра Клюна.

О Литературѣ Южныхъ Славянъ, г. Родоніевича.

О Чешской Литературѣ, соч. г. Риттерберга.

О Славянской Миѳологіи, соч. Г. Эрбена.